Невеста Дерини

Кэтрин Кёртис

Невеста Дерини

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Кэтрин Кёртис

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

KATHERINE

KURTZ

King Kelson's Bride

КЭТРИН

КУРТЦ

Невеста Дерини

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)
К93

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz
KING KELSON'S BRIDE
2000

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Перевод с английского Натальи Баулиной

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc и Permissions & Rights Ltd.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс»

Подписано в печать 16.04.02. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 10000 экз. Заказ № 859.

Куртц К.
К93 Невеста Дерини: Фантаст. роман / К. Куртц; Пер. с англ. Н. Баулиной. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 671, [1] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-014692-2

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)

© Katherine Kurtz, 2000
© Перевод. Н. Баулина, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

НЕВЕСТА ДЕРИНИ

Келдор
Толан
Меара
Истмарк
Грекота
Кэрбери
Ренгарт
Гвиннед
Торент
Графство
Кулди
Ремут
Пендорские горы
Конкардин
Монастырь
св. Илтяда
Коннант
Найфорд
Мурин
Монастырь
св. Уллана
Планнед
Финанна
Ховинк
Пустыня

Пролог

Корыстолюбивый расстроит дом свой[1]

Слушай же меня внимательно, брат мой, ибо я истинно говорю, что Келсон Гвиннедский скоро вступит в брак! Ему придется сделать это, теперь, когда он согласился на то, чтобы Лайем-Лайос вернулся в Торент. Короли подчиняются голосу долга и необходимости. А сейчас Гвиннеду необходимо, чтобы властитель его подарил своему народу наследника престола, прежде чем его соперник сделает то же самое.

Такие речи вел граф Теймураз, нынешний регент Арьенола, приходившийся младшим братом герцогу Махаэлю, сидевшему напротив него. Этот последний был одним из регентов Торента, и оба мужчины приходились родней по браку женщине, что пригласила их на эту встречу под купола Торентали, дворца торентских владык.

Принцесса Мораг Фурстана, вдовая сестра покойного короля Венцита Торентского, стояла у высокого, забранного медной решеткой окна, из которого открывался великолепный вид на зеленые поля, залитые ласковым июньским солнцем. Второй регент вместе с Махаэлем, она приходилась матерью преды-

[1] Притчи 15:27

дущему королю, нынешнему, Лайему-Лайосу, а также наследнику престола, Роналу-Рурику.

— Если тем самым ты желаешь мне сказать, что нам следует женить также Лайема-Лайоса, то я считаю, что это преждевременно, — заметила она негромко, просовывая через оконную решетку унизанные перстнями пальцы.

— Преждевременно? — спросил Теймураз. — Ему четырнадцать лет, он два месяца как вошел в возраст мужчины, и ситуация такова, что решить этот вопрос необходимо как можно скорее.

Она обернулась к нему. Солнечные лучи, проникавшие в окно, вспыхивали золотыми пятнами на складках тончайшей вуали и длинных рукавах платья, заставляя вспыхнуть огнем золотую вышивку на королевском пурпуре накидки, так что вся фигура Мораг казалась озаренной магическим сиянием ауры Дерини.

— Неужто ты полагаешь, я не думаю об этом? — воскликнула она. — Да, ему четырнадцать лет. Но мы не имеем понятия о том, каким человеком он стал за те годы, что пробыл заложником при гвиннедском дворе. Сперва необходимо решить, готов ли он стать королем, а потом говорить о наследниках.

— Суровые слова из уст той, что выносила его, — проронил Махаэль. Губы его изогнулись в слабой усмешке. — Однако, ради блага королевства, мы должны признать, что, возможно, нам и впрямь придется обойти Лайема-Лайоса и возвести на престол того, кто этого больше достоин.

Мораг бросила на него проницательный взгляд, а Теймураз, не удержавшись, хмыкнул.

— Поскольку мой брат лично занимался воспитанием юного короля, являющегося нынешним на-

следником, то полагаю, он рассчитывает еще на четыре года своего регентства, если Лайема-Лайоса сменит на престоле Ронал-Рурик. Ведь нам всем прекрасно известно, что сам Махаэль не питает никаких честолюбивых притязаний на королевский венец...

Махаэль сделал вид, будто разглядывает массивную печатку на указательном пальце левой руки. Опустив тяжелые веки, он рассеянно поглаживал большим пальцем символы, вырезанные на камне-кровавике.

— Я не желаю зла ни одному из моих племянников, — ровным тоном произнес он. — Однако если кто и имеет право владеть мощью Фурстана после них, так это только я.

— С этим утверждением никто не спорит, — резко заявила Мораг и, сделав несколько шагов, уселась между ними. — Странная то была бы мать, какая не желала бы успеха своим сыновьям. Однако, поскольку старшего я не видела уже четыре года, то в качестве регента не могу судить о том, способен ли он править королевством. Мы не знаем, насколько скверна гвиннедского двора могла затронуть его. Он обучался при герцоге Нигеле Халдейне, который всегда был ярым защитником гвиннедских интересов... каковые слишком редко совпадают с интересами Торента. И мне не нравится, что, как условие возвращения Лайема, мы должны терпеть среди нас присутствие гвиннедского «советника», пока сыну моему не исполнится восемнадцать лет.

— Нам ничего не нужно «терпеть», если положение станет невыносимым, — возразил Махаэль. — Обычных людей всегда можно обмануть, а я сомневаюсь, чтобы юный Халдейн рискнул оставить среди нас одного из своих приближенных Дерини.

— Но ты должен сознавать, что если кто-то заподозрит нечестную игру, то мы рискуем войной, — протянул Теймураз задумчиво.

— Мой дорогой брат, не будем говорить о таких неприятных вещах, — шелестящим тоном прервал его Махаэль. — Однако, даже если Халдейн оставит у нас одного из своих Дерини, несчастные случаи, увы, происходят со всеми.

— Да, и даже с принцами, — пробормотал Теймураз, не глядя на своих собеседников, ибо предыдущий король, старший из сыновей Мораг, погиб при весьма загадочных обстоятельствах, вскоре после того, как достиг совершеннолетия.

В горе и скорби многие поспешили обвинить в этом заговор Халдейнов, — хотя и без малейших доказательств, — но нельзя было отрицать, что двое из присутствующих в этой комнате получили огромные выгоды от гибели мальчика, ибо это продлило их регентство еще на четыре года. И даже то, что одним из регентов была мать мальчика, не убеждало многих в ее невиновности.

Принцесса Мораг не обратила на это замечание никакого внимания и встряхнула головой, отчего тоненько зазвенели крохотные золотые колокольчики у нее в ушах и на шее, а затем потянулась за отставленным бокалом вина. Чаша на высокой ножке была сделана из тончайшего изумрудного везаирского стекла, почти невидимого на фоне зеленой парчи, покрывавшей стол. Само вино было цвета крови.

— Теймураз, ты говоришь о том, что Халдейн намерен жениться, — промолвила она, поворачивая бокал к свету, после того как немного отпила от него. — Но что ты знаешь о том, кого он может выбрать себе в супруги?

Склонив голову, Теймураз отозвался:

— Я по-прежнему гадаю, не сумеет ли он убедить Росану выйти за него. Говорят, сейчас она с сыном вернулась в Ремут, и никто не знает, зачем.

Махаэль с небрежным жестом откинул за спину длинные волосы, заплетенные в косу, и потянулся, чтобы налить себе еще вина.

— Родители отца мальчишки живут при дворе в Ремуте, — пояснил он. — Так что тут нет никакой загадки. Более того, Росана не раз прилюдно заявляла, что никогда больше не выйдет замуж, а вы же знаете, как упрямы могут быть члены семейства ар-Ракиф. Нет, думаю, куда более вероятно, что король Гвиннеда будет подыскивать себе королеву среди дочерей Хорта Орсальского. Его мать провела там всю зиму, вы знали об этом?

Мораг в изумлении воззрилась на него, а Теймураз откинулся в кресле, заинтересованно косясь на брата.

— Почему мне никто не сказал?

— Это был неофициальный визит, — объяснил Махаэль. — Предлогом была подготовка к грядущей свадьбе одной из орсальских племянниц, которая также приходится родней королеве Джехане.

— Должно быть, ты говоришь о дочери принцессы Сиворн, — заметила Мораг, вопросительно подняв тонкие брови, и Махаэль согласно кивнул.

— Любопытно, ведь они как раз подходящего возраста, не так ли? И к тому же принадлежат к роду Халдейнов.

— Но не настолько, чтобы мы об этом тревожились, — пренебрежительно отозвался Теймураз и махнул рукой.

— А почему бы и нет? — переспросила Мораг.

Теймураз пожал плечами.

— Их отцом был герцог Ричард Халдейн, дядя покойного супруга королевы Джеханы... Это достаточно дальняя родня, чтобы не подозревать их во владении магией Халдейнов. Кроме того, старшая из девочек вскоре вступит в брак с меарцем, устроенный самим Келсоном... А про младшую ходят слухи, что она почти помолвлена с принцем Куаном Ховисским.

— Тогда выходит, что Халдейнских девчонок можно сбросить со счета, — констатировала Мораг. — Но это возвращает нас к дочерям самого Орсала. Или они слишком юные для брака?

— Только не старшая, — возразил Махаэль. — Ее зовут Рецца Элизабет.

Из его уст это имя прозвучало со столь неприкрытым вожделением, что оба собеседника удивленно обернулись к нему. Теймураз однако ничего не сказал, из почтения к старшему брату.

— Мне почему-то казалась, — заметила Мораг, — что мы говорим о супруге для Келсона.

— О, да, — согласился Махаэль. — Но король Гвиннеда не единственный, кто ищет богатую и привлекательную невесту. — Он с усмешкой пожал плечами, уловив отвращение на ее лице. — Но что же мне делать, ведь ты по-прежнему отвергаешь все предложения руки и сердца, дражайшая Мораг.

— Дражайший Махаэль, я обожаю тебя, — возразила она с ядовитой улыбкой. — Но мы бы прикончили друг друга к концу первой же недели супружества.

— О, да, но какой страстной была бы эта неделя! — он расхохотался, а она возвела очи горе. — А возможно, и нет. Но раз уж ты не желаешь уступать, то

должен признать, я немало думаю о женитьбе в последнее время. Однако, надеюсь, что брат мой с облегчением узнает, что отнюдь не на дочери Орсала я остановил свой выбор, но на его племяннице, златовласой Аракси. Этот цветок зря увянет в Ховисе, дорогой Теймураз.

— Совершенно верно, — с облегчением поддержал его брат. — Но как же быть с принцем Куаном?

— Он мальчишка, — отмахнулся Махаэль, — и не Дерини.

Мораг безрадостно усмехнулась и, покачав головой, откинула складку вуали с лица.

— У бедняжки не останется ни единого шанса... как и у мальчика. Однако у нас по-прежнему остается вопрос, что делала Джехана целую зиму при дворе Орсала. Думаете, она все-таки пыталась подыскать сыну невесту среди тамошних девиц?

Махаэль пожал плечами.

— Увы, сочувствую тебе, брат мой, но думаю, что это вполне возможно. Однако, с точки зрения торентских интересов, это был бы куда менее опасный союз, чем многие другие... Хотя если жениться на одной из хортийских наследниц, то, несомненно, первенца можно ожидать уже в течение года, если, конечно, Халдейн исполнит свой супружеский долг. Они всегда отличались плодовитостью. Его советники одобрили бы такой шаг. И к тому же им понравилось бы, что она богата и не слишком умна.

— Меня это тоже не смущает, особенно в спальне, — отозвался Теймураз и облегченно вздохнул. — О, сладостная Элизабет! Сочный, налитой персик, чья же рука сорвет тебя?.. Счастливцем будет мужчина, познавший твое девичество!..

— Да, нам и впрямь пора найти жен вам *обоим*! — пробормотала Мораг. — Либо сменить служанок в замке... Но теперь давайте вернемся к разговору, ради которого я призвала вас сюда.

Махаэль бросил строгий, но снисходительный взгляд на младшего брата, затем обернулся к принцессе.

— Несмотря на явное разочарование моего брата, я все же повторю свои слова относительно дочерей Орсала. Такой союз не принесет Гвиннеду новых земель, а если говорить еще конкретнее, то я сомневаюсь, что он изменит и те благоприятные торговые договоренности, которые у нас существуют с отцом девушек.

— Здраво подмечено, — согласилась Мораг. — Мы не должны ставить под угрозу свои южные порты.

— Нашим южным портам также пошло бы на пользу, если бы это я женился на девчонке, — обиженно возразил Теймураз. — С другой стороны, — внезапно на его красивом лице появилось задумчивое выражение, — я нашел куда лучшую причину, чтобы выдать ее за Халдейна.

— Какую именно?

— А вот что. Махаэль, ты говорил, что Джехана отправилась к орсальскому двору, дабы помочь с предсвадебной подготовкой. А подумал ли ты о том, что существует возможность устроить разом два брака Халдейнов с меарцами?

Махаэль бросил на Теймураза оценивающий взгляд и медленно кивнул, откидываясь в кресле.

— Такую возможность я не рассматривал, брат, и она действительно не слишком приятна.

— Какая еще возможность? — требовательно воскликнула Мораг.

Махаэль повернулся к невестке.

— Мы говорим о будущей женитьбе сестры Аракси Халдейн, — принцессы Ришель, но при этом не учли того, кто станет ее женихом. Его зовут Брекон Рэмси, и у него есть сестрица, как раз созревшая для брака. Возможно, теперь ты понимаешь, почему такая возможность кажется мне весьма неприятной.

— Рэмси... — Мораг застыла. — Напомни-ка мне подробности. Рэмси, кажется, породнились через брак с линией прежних правителей Меары.

— Совершенно верно, — с мрачной усмешкой подтвердил Махаэль. — Примерно лет сто назад некий Эдвард Рэмси, младший сын графа Клумского, взял в жены прекрасную Магрету, младшую дочь последнего князя Меары, который умер, не оставив потомков мужского пола. В ту пору этот брак не представлял ни для кого особой угрозы, поскольку старшая дочь вышла за короля Малкольма Халдейна... Это было сделано для того, чтобы посадить на меарский трон детей, рожденных от их брака...

Он немного помолчал и продолжил:

— Но вдовствующая княгиня Меары отказалась признать условия этого брака и начала отстаивать интересы на престол своей средней дочери, приходившейся близняшкой супруге Малкольма, после чего королям Халдейнам, включая и самого Келсона, приходилось каждый раз пытаться решить эту проблему и избавиться от самозванцев. В конце концов, все они были уничтожены, включая, — к великой скорби Келсона, — и злополучную принцессу Сидану. Даже я не мог бы вообразить, что собственный брат убьет ее прямо в день брака с Халдейном... Так что теперь из всего правящего семейства Меары остались в живых лишь потомки младшей ветви, той

самой третьей сестры, которая вышла за Рэмси. Главой их рода является теперь некий Джолион Рэмси... А пресловутый Брекон — его старший сын и наследник.

— Любопытно, — отозвалась Мораг. — Однако я никогда не слышала, чтобы Рэмси питали притязания на престол.

— Так и есть, — подтвердил Теймураз. — Именно поэтому им и удалось уцелеть. Они предпочитали не вмешиваться в династические склоки и интриги меарского двора.

— Но теперь, когда не осталось никого из старших ветвей рода, — заговорщицки продолжил Махаэль, — те, кто жаждут добиться независимости Меары, могут объединиться вокруг рода Рэмси. Их очень не радует, что Брекон, наследник Джолиона и их последняя надежда, берет в жены Ришель Халдейн, внучку Малкольма Халдейна, но если еще и Келсон женится на сестре Брекона, то это окончательно подорвет все надежды на восстановление независимости Меары.

— Понимаю, — задумчиво отозвалась Мораг, поворачивая бокал в тонких пальцах. — А есть ли там другие дети?

— Еще один брат, но, по счастью, в монастыре, — отозвался Махаэль. — Добившись стабильности в Меаре, Келсон сможет повернуться к Торенту, противодействуя любым нашим упованиям восстановить для себя наследие Фестилов. Теперь вы понимаете, что тревожит меня?

— О, да. А как зовут девчонку?

— Ноэли.

— Понятно, — промолвила Мораг. — Возможная суженая Келсона Гвиннедского. Это будет очень ум-

ный шаг, если он сделает его. Келсон достигнет того же самого, ради чего намеревался заключить брак со злосчастной Сиданой Меарской, но на сей раз брат невесты едва ли станет возражать.

* * *

— Имеется еще этот весьма неудобный второй брат, — заявила хрупкая пожилая женщина, являвшаяся одним из коадьюторов Камберианского Совета, этой тайной и влиятельной организации магов-Дерини, надзиравшей за всеми делами Дерини в Одиннадцати Королевствах. Совет заседал в своем горном убежище, в зале под огромным пурпурным куполом, и сейчас был занят обсуждением той же самой матримониальной темы, которой столько внимания уделялось в Торенте, — хотя *здесь* собрались друзья Келсона Халдейна, а не его смертельные враги.

— Он удалился в монастырь и принял церковный обет с тех пор, как мы в последний раз обсуждали этот брак, — пояснил Ларан ап-Пардис, справившись с какими-то записями. — Теперь его именуют *братом* Кристофелем, и судя по всему, это призвание он питал еще с детских лет. Говорят, он надеется со временем стать священником.

Послышался громкий вздох, и внимание всех присутствующих обратилось к епископу Денису Арилану, человеку, более всех из собравшихся достойному говорить о сане священника, ибо он первым из их расы за целых двести лет прошел рукоположение, — тогда как многие другие погибли в этих попытках. Когда политическая ситуация в Гвиннеде улучшилась, а сам он достиг сана епископа, то втайне начал посвящать в сан и других Дерини, — и даже появился уже второй епископ, поднявшийся до этих

высот без помощи Арилана, — и все же до сих пор Денис Арилан оставался единственным прелатом, заседавшим в Совете со времен самого Камбера.

— Надеюсь, мне не стоит напоминать вам, что священнический сан в прошлом отнюдь не мешал меарским притязаниям, — промолвил он. — Вспомните князя-епископа Джедаила, которого Келсон был вынужден в конце концов казнить. Кроме того, полагаю, король будет опасаться повторения истории с Сиданой. Семейство Ноэли, Брекона и Кристофеля Рэмси уж больно напоминает Сидану, Ителa и Льюэлла.

— Это верно, — согласился Ларан. — С другой стороны, Оскана Рэмси была бы очень довольна таким союзом.

Присутствующие невольно заулыбались. Сэр Сион Беннет откашлялся и пошевелился в своем кресле.

Янтарно-желтые глаза, курчавая светлая борода и рыжие волосы делали его похожим на льва. В свои сорок два года он был младшим из членов Совета, если не считать еще одного их собрата, которого они приняли в свои ряды совсем недавно, — да и то разница между ними была всего на пару месяцев. Совет заполнил последнее пустующее место в конце прошлого года, и теперь вновь заседал в числе семи человек (восьмое кресло на северной оконечности восьмиугольного стола всегда пустовало, и именовалось Троном Святого Камбера).

— Насколько я понимаю, — промолвил Сион, — эта достойная дама питает недюжинные амбиции, помимо естественного желания матери поудачнее выдать дочь замуж.

— Ох, уж эта девчонка! — воскликнула Вивьен, всплескивая руками. — Даже ребенком она была так упряма.

Темноглазая Софиана, княгиня Анделонская, улыбаясь, пояснила озадаченному Сиону:

— Ты должен простить Вивьен, — засмеялась она. — Разумеется, для нее Оскана навсегда останется девчонкой. А вообще, в свое время это был настоящий скандал. Я помню сплетни при дворе моего отца... Оскана Рэмси приходится дальней родней покойному супругу Вивьен и также принадлежит к семейству Хорта Орсальского, однако даже столь благородного происхождения было недостаточно, чтобы привлечь жениха королевских кровей, но тем не менее она положила глаз сперва на Бриона, а затем и на Нигеля Халдейна. К несчастью, оба они выбрали других невест. Она так и не простила этой обиды.

Сион кивнул. Сам он был помощником канцлера в Лланнеде, и сейчас имел немало хлопот с другой упрямой девицей: принцессой Гвенлиан, сводной сестрой короля Лланнеда, незамужней и весьма своевольной, которую в свое время также прочили в жены Келсону.

— Теперь мне многое стало понятно, — отозвался он. — Но все же ее супружество оказалось довольно удачным.

— Для *нее* — недостаточно, — сухо возразил Арилан. — Джолион Рэмси, разумеется, принадлежит к правящему семейству Меары, но он всего лишь простой рыцарь и происходит из младшей ветви семьи, владея крохотным графством в далеком захолустье.

— Тем не менее, меарцы относятся к их роду с огромным уважением, — заметил Ларан. — Но именно из-за их стремления к независимости ваш король

уже пережил одну войну и стал вдовцом, не успев по-настоящему сделаться мужем. Тем не менее, жениться на меарской проблеме может оказаться наилучшим способом решить ее. Скажите, он проявлял какой-то интерес к этой девушке?

Арилан покачал головой.

— Нет... Мы старались свести их вместе прошлым летом, пока обсуждался брачный договор между ее братом и кузиной Келсона, но пока ничего не вышло, и матушка ее была вне себя от горя.

— Ладно, двинемся дальше, — прервал их слепой Баррет де Лейни, второй коадъютор Совета. — Этот союз мы обсуждали и раньше. Ларан, кто наша следующая кандидатура?

Ларан ап-Пардис, исполнявший роль секретаря, сверился с записями на листе пергамента, лежавшим перед ним, и подчеркнул другое имя.

— Еще одна кузина Келсона, Аракси Халдейн, — объявил он.

Сион вскинул голову, сложив губы, словно хотел присвистнуть, но прежде чем он успел заговорить, Вивьен покачала седой головой.

— Я уже говорила вам раньше: слишком опасный брак, — заявила она. — Нельзя скрещивать кровь Халдейнов между собой. Невозможно предсказать, какие получатся дети.

Сион откашлялся и слегка пожал плечами, когда все обернулись к нему.

— В Лланнеде при дворе ходят сплетни, что со дня на день будет официально объявлено о помолвке принцессы Аракси и принца Куана Ховисского.

— Вот это любопытно, — заметил Баррет, когда остальные принялись перешептываться между собой. — С политической точки зрения, вполне безвредный

союз, правда, при этом все ее возможные способности будут навсегда утрачены. Едва ли дети унаследуют хоть что-то из магического потенциала старших ветвей семейства.

— Кто знает? — промолвила Вивьен. — Но довольно об этом! Что нужно Халдейнам, так это хорошее вливание крови Дерини, чтобы уравновесить их собственную магию... А деринийская кровь течет в жилах Орсалов. Выдайте за него старшую из дочерей Летальда Орсальского. Хорошие кости и зубы, крепкие дети и никаких неожиданностей!..

Софиана с улыбкой откинулась в кресле.

— А мне лично по душе идея скрестить Халдейнов между собой.

— Такое впечатление, что мы говорим о разведении лошадей, — проворчал Арилан. — Лично я буду только рад, если Келсон заинтересуется хоть какой-нибудь невестой, кроме Росаны!

— Будь осторожнее со своими желаниями... — пробормотал Ларан. — Ты знаешь, что я имею в виду... Но давайте же наконец заканчивать, мне пора возвращаться.

— Да и у нас у всех полно других дел, — поддержал его Баррет. — Ларан, сколько там еще у тебя имен в списке?

— Пять, — отозвался тот. — Но, полагаю, что мы можем вычеркнуть принцессу Джаннивер.

— Хм, да, — согласилась Вивьен. — Очень жаль, но тут уж ничего не поделаешь. Давайте вернемся к принцессе Гвенлиан.

Глава первая

Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа[1]

Также свадебным торжествам были отданы все мысли и самого Келсона Гвиннедского, когда чуть позже, тем же вечером, остановился перед дверями парадно украшенной королевской часовни Ремутского замка, — хотя свадьба, что должна была сейчас состояться в этих стенах, едва ли порадовала бы членов Камберианского совета. Юному владыке королевства сравнялся двадцать один год, и треть своей жизни он старался сопротивляться наставлениям Совета, так что сейчас его ничуть бы не удивила их неприязнь к той женщине, которую он намеревался в скором времени привести к алтарю.

Потеряв терпение, он обернулся на оруженосца, который стоял за спиной у господина, и рассеянно отбросил непокорную прядь черных волос, выбивавшуюся из косы, заплетенной на затылке и перевязанной золотой лентой. Однако он тут же пожалел об этом своем жесте, ибо золотистый блеск на левой руке привлек внимание короля к узенькому колечку, что красовалось у него на мизинце рядом с куда бо-

[1]Притчи 18:22

лее внушительным перстнем с гербом Халдейнов, — это кольцо некогда принадлежало двум его невестам, одна из которых погибла, другая же отныне и навеки оставалась вне его досягаемости. Но сейчас он не мог позволить себе думать об этом. Только не сейчас.

Выпрямившись и расправив плечи, он вдохнул поглубже, полный решимости ничем не выказать своей тревоги перед невестой, которая в этот миг появилась в дверях. Из почтения к ее рангу и своему собственному, он нарядился в парадные алые одежды Халдейнов, для этой скромной церемонии, проводившейся почти в тайне ото всех. Однако на голове его красовалась не державная корона, а лишь простенький золотой обруч, но зато пурпурная мантия была украшена символами его рода: сложным старинным узором из бегущих львов с переплетенными лапами и хвостами, окружавших вышитого золотом *льва-стража*, поднявшегося на задние лапы. И точно такой же лев украшал его тунику на груди.

Рассеянно пригладив вышивку, он вновь глубоко вздохнул. За дверями ожидали его самые верные приближенные, чьи жизни так давно и прочно были связаны с судьбой короля: его дядюшка, кузены и даже юный король-заложник, Лайем-Лайос, который за эти четыре года, что он провел при дворе, проходя пажеское обучение под наставничеством Нигеля, стал почти членом семьи.

Епископ-Дерини, Дункан Маклайн, также был среди них, хотя не ему предстояло отслужить брачную мессу, — ибо эта свадьба и без того могла вызвать достаточно кривотолков. Священником, на которого была возложена эта почетная роль, оказался

личный духовник Келсона, молодой Дерини Джон Нивард.

Также в часовне находился сын Дункана Дугал, нареченный брат Келсона и, возможно, самый близкий его друг. А совсем рядом, напротив Дугала, стояла та женщина, от одного взгляда на которую у Келсона разрывалось сердце. Женщина, что должна была стать его невестой, но поклялась, что никогда больше не выйдет замуж: Росана Нур-Халайская, пришедшая сюда сегодня, дабы стать свидетельницей брачных обетов золотоволосой девушки, которая в этот миг робко положила руку налокоть Келсона.

— Государь, — прошептала она.

Взволнованный не меньше невесты, король повернулся и улыбнулся девушке, накрывая ее ладонь своей. Ему подумалось, что никогда прежде она не была столь очаровательна.

— Смелее, — шепотом подбодрил он ее. — Такая невеста разожжет огонь гордости в сердце любого мужчины.

Она очаровательно засмущалась, и щеки ее зажглись румянцем, подобно алым цветам букета новобрачной и венку из роз, что украшал непокорную копну золотых кудрей. На ней было платье из серебристой парчи, как и подобает принцессе королевской крови.

— Сир, я не заслуживаю подобной чести, — промолвила она. — Не всякий согласился бы...

— Ни слова больше, — возразил он и покачал головой, дабы прервать ее возражения на полуслове. — В часовне все готово, и, думаю, нам пора войти. Что скажете?

Она мгновенно побледнела, но все же нашла в себе силы кивнуть, на миг закусив нижнюю губку, а

затем обернулась к женщине, что ожидала у дверей, дабы распахнуть их перед новобрачной. Герцогиня Мерауд, тетушка Келсона, которая сама наряжала невесту и привела ее к дверям часовни, теперь наклонилась ближе, чтобы ласково поцеловать ее в щеку, прежде чем открыть двери и незаметно проскользнуть внутрь, где ее уже ожидал супруг.

Когда Келсон показался в проходе вместе с принцессой Джаннивер, раздался возбужденный шепот зрителей, которые, впрочем, тут же примолкли, Однако трубный глас, как полагалось бы по дворцовому этикету, не возгласил появление невесты королевской крови. Она даже попросила Келсона не приглашать церковный хор, который воспел бы приветственную песнь, хотя Келсон и предлагал ей сделать это. Король ощущал, как дрожит рука невесты, когда отец Нивард принялся читать положенные слова молитвы. Король и Джаннивер медленно двинулись вперед по узкому проходу.

– *Adjutorium nostrum in nomine Domini.*

– *Qui fecit caelum et terram,* – послышался ответ свидетелей.

– *Domine, exaudi orationem meam.*

– *Et clamor meus ad te veniat.*

Помощь нам в имени Господнем... Что сотворил небо и землю... Господи, услышь мою молитву... И зов мой достигнет тебя...

Все то время, пока они шли к алтарю, Келсон отводил взгляд, не в первый раз сожалея о тех обстоятельствах, что заставили столь скромным образом праздновать это бракосочетание. И все же это было наилучшим выходом для Джаннивер после того несчастья, что случилось с ней четыре года назад, когда она направлялась на собственную свадьбу с королем

Лланнеда. Во время остановки в пути, она подверглась насилию со стороны ныне покойного меарского принца, и король отверг ее, а вместе с ним и собственный отец принцессы.

Никто иной как Келсон отомстил за нее и устроил так, чтобы бедняжка обрела пристанище в доме его тетушки, а чуть позже один из бывших его оруженосцев всем сердцем полюбил ласковую застенчивую Джаннивер, и именно он теперь с почтением принял ее руку из рук Келсона, глядя на невесту с обожанием и благоговением, до сих пор не веря в свое счастье. Не так часто случается, чтобы простой рыцарь стал супругом принцессы королевской крови... Келсон с улыбкой кивнул сэру Джатаму Килшейну, затем коснулся кончиками пальцев их сплетенных рук, поцеловал Джаннивер в щеку и отступил на пару шагов, чтобы занять свое место рядом с Дугалом. Отец Нивард, также улыбаясь, выступил вперед, дабы поприветствовать новобрачных, и призвал их к молитве.

— *Dominus vobiscum.*

— *Et cum spiritu tuo.*

— *Oremus.*

Лишь по окончании молитвы, когда Нивард принялся распространяться о благословении брака, Келсон осмелился поднять взор на другую женщину, что стояла у алтаря и держала букет невесты, — женщина, ради которой он с радостью пожертвовал бы почти всем, чем владел, если бы только она согласилась принести ему те же обеты, какими обменивались сейчас Джаннивер с Джатамом. Росана Нур-Халайская, принцесса древней королевской крови, Дерини — и вторая половинка его собственной души... Сейчас на ней, стоящей с потупленным взором ря-

дом с Джаннивер, было скромное серое платье ордена Служителей Святого Камбера, к которым она присоединилась после того, как дала жизнь своему первенцу. Хотя Служители и не были подлинным религиозным орденом, но отныне она всегда прятала свои роскошные иссиня-черные волосы под монашеским капюшоном или накидкой, словно намереваясь дать понять всем вокруг, что отныне считает себя не более доступной для мирских радостей, чем в тот день, когда они впервые встретились с королем... В ту пору, когда она была послушницей в аббатстве, в том самом, где остановилась Джаннивер по пути на свадьбу, которой так и не суждено было состояться.

И однако все могло случиться совсем иначе... Ее точно так же влекло к Келсону, как и короля к ней самой. Росана задумалась над прочностью своих религиозных обетов, и в конце концов решилась сложить их с себя, вознамерившись выйти замуж, убежденная, что подлинное призвание ее в том, чтобы стать королевой, — королевой Дерини.

Но когда все вокруг считали Келсона мертвым, она позволила его кузену Коналу уговорить ее стать его королевой, ради того блага, которое она могла принести Дерини. И она вышла за него, и понесла от него сына. Теперь не имело никакого значения, что их краткий брак, продлившийся меньше месяца, был основан на лжи и предательстве, которые, в конце концов, и привели Конала к гибели от рук палача. Отныне она была вольна вновь выйти замуж. Но Росана утратила веру в самое себя, и отныне считала себя недостойной стать королевой Келсона.

Отец Нивард закончил свадебную проповедь, и Келсон вновь обратил взор к новобрачным, в то

время как священник обратился к жениху, дабы тот повторил вслед за ним положенные слова клятвы.

– *Jathamus,* – вопросил он, – *vis accipere Jannivera hic praesentem in tuam legitimam uxorem juxta ritum sanctae Matris Ecclesiae?*

– *Volo,* – выдохнул Джатам едва слышно. В глазах его лучилась неземная радость.

– *Et Jannivera, vis accipere Jathamus hic praesentem in tuam legitimam maritum juxta ritum sanctae Matris Ecclesiae?*

– *Volo,* – ответила она, не сводя взора с Джатама.

Они обменялись клятвами, но Келсон едва слышал их. Несмотря даже на то, что рядом был Дугал, он никогда прежде не чувствовал себя столь одиноким, никогда прежде его так сильно не поражало сознание того непреложного факта, что если только в судьбе его не случится чего-то уж совсем невероятного, то, скорее всего, он так никогда в жизни и не испытает даже крохотную толику той радости, которая владела сейчас этой парой перед алтарем. И все же он постарался, как мог, скрыть свою скорбь. Кольца получили благословение, священник отслужил брачную мессу, а букет невесты был преподнесен в дар перед статуей Царицы Небесной в нише королевской часовни.

После чего Келсон пригласил всех присутствующих в свои покои, где был устроен свадебный пир и, как и подобает любезному хозяину, потчевал там гостей отменными яствами и изысканными сластями. Три придворных дамы, прислуживавших его тетушке, вызвались поиграть для новобрачных во время пира, и теперь их нежные голоса сопровождали аккорды лютни и дульчимера, в то время как гости наслаждались трапезой, запивая ее отменнейшим везарийским вином, специально по такому случаю

доставленным из королевских погребов. К тому времени, как прислуга убрала со стола, а пажи начали подавать небольшие пирожные, фиги в меду и прочие сласти, Келсон ощутил, что вино, наконец, слегка притупило владевшее им отчаяние.

За длинным столом он сидел как раз напротив Джатама с Джаннивер, Мерауд с Нигелем восседали по бокам счастливой пары, а Рори, Пейн Халдейн и юный Лайем расположились неподалеку от Нигеля, причем король Торента сейчас выглядел в точности как прочие халдейнские принцы, если не считать бронзового отлива в темных волосах. Не столь давно произведенный в рыцари Рори снисходительно наблюдал за тем, как мальчики угощаются вином из королевских погребов, невзирая на то, что Нигель уже несколько раз, косясь в их сторону, вопросительно поднимал седые брови.

Наконец, мальчишки расшалились настолько, что даже Келсон не удержался от строгого взгляда в их сторону, но он тут же заставил себя улыбнуться и, отставив стул, поднялся на ноги и взял свой бокал. По крайней мере, эта часть обязанностей гостеприимного хозяина доставляла ему искреннее удовольствие... Дугал сидел по левую руку от него, напротив герцогини Мерауд. Рядом с ним Дункан, а затем Росана, с другой стороны от которой пристроился отец Нивард. Никто иная, как Мерауд, уговорила Росану присутствовать на свадебном ужине, поскольку она единственная приходилась принцессе Джаннивер хоть и отдаленной, но родней, а здесь все же происходило семейное торжество.

Келсон исподтишка покосился на нее, в ожидании, пока замолкнут разговоры и все взоры устремятся на короля. Сам того не сознавая, он то и дело

крутил кольцо на мизинце, — то самое кольцо, которое она бросила в ров замка, прежде чем выйти замуж за другого, ибо считала своего нареченного мертвым, — но на следующее лето ценой усилий нескольких Дерини кольцо удалось вновь отыскать. Он знал, что Росана надолго не задержится, едва лишь ужин подойдет к концу, и сознавая всю необъятность собственной печали, прекрасно понимал, что ее скорбь в этот миг ничуть не меньше.

— Друзья мои, — провозгласил он, постаравшись забыть о своей тоске и обводя взглядом улыбающиеся лица друзей и родных. — Считаю своей приятной обязанностью предложить тост за прелестную невесту сэра Джатама, но прежде чем я сделаю это, — продолжил он, устремляя взор на новобрачных, — я должен кое-что сказать вам обоим.

Отставив в сторону кубок, он вопросительно покосился на Нигеля, и тот безмолвно кивнул в ответ.

— Миледи Джаннивер, сперва я хотел бы отметить, что отдаю вашу руку супругу, которого растил и воспитывал с большим усердием... Немалое достижение для короля, который сам едва ли на год старше своего оруженосца.

Эта забавное начало вызвало немало улыбок и смешков, а Келсон тем временем продолжал:

— Однако уверяю вас, что считаю сэра Джатама Килшейна одним из лучших украшений моего двора и достойным мужем для любой девушки, которую он выбрал бы себе в жены. Хотя, конечно, никто не мог предположить, что он изберет в супруги принцессу королевской крови... Но, разумеется, любая невеста — принцесса в свой день свадьбы.

Джаннивер покраснела. Джатам широко улыбался, а по рядам гостей прошел негромкий смех.

— Тем не менее, здесь имеется один любопытный вопрос этикета, — продолжил Келсон. — По законам предков, невеста должна принять ранг своего супруга в день свадьбы, и не имеет значения, каков ее род... А это значит, что вы, моя дорогая принцесса, отныне становитесь лишь женой простого рыцаря.

Но прежде чем Джаннивер успела бы разразиться возмущенной речью, ибо это и впрямь тревожило ее меньше всего на свете, Келсон с улыбкой вскинул руку и покачал головой.

— Да, я знаю, вы скажете, что это не имеет значения. И у меня такое впечатление, что вы двое были бы счастливы жить вместе до конца дней в скромной лачуге где-нибудь посреди леса. Однако сие было бы недостойно даже простого рыцаря и его жены. Кроме того, это потребовало бы вашего отъезда из столицы, о чем я не хочу даже думать. Мне недоставало бы полезных советов и здравомыслия Джатама, и кроме того, Ремут потерял бы одно из самых прелестных своих украшений в вашем лице, Джаннивер! Поэтому я решил исправить положение, насколько это в моих силах.

Он вновь бросил взгляд на Нигеля, который, потянувшись куда-то назад, достал скрученный лист пергамента, украшенный печатями, свисающими на длинных шнурах, и передал этот документ королю. Келсон даже не стал его разворачивать, а лишь продемонстрировал пергамент Джатаму, который, неуверенно глядя на короля, вытянул руку.

— Сейчас можешь не читать, — заявил король, в то время как Джатам в изумлении взирал на него. — Уверен, что ты и без того каждый день видишь достаточно королевских указов в моей канцелярии и

вряд ли захочешь знакомиться еще с одним в свою первую брачную ночь.

Он наградил Джаннивер любящей улыбкой, прежде чем продолжить:

— Достаточно сказать, что с согласия и искреннего одобрения герцога Кассанского, — он указал на Дугала, который, не поднимаясь со стула, отвесил поклон всем присутствующим, — с нынешнего дня я возродил древнее баронство Килшейн, что в герцогстве Кирни, и сделал тебя, Джатам, бароном Килшейнским.

Он не обратил никакого внимания на удивленный возглас, вырвавшийся из уст своего бывшего оруженосца и его невесты.

— Отныне, разумеется, тебе принадлежит также Килшейнский замок, все причитающиеся подати и доходы, ведь в конце концов, отныне ты должен содержать баронессу... Хотя я все равно надеюсь, что вы двое каждый год будете как можно больше времени проводить при дворе. Я бы с удовольствием сделал бы тебя графом, Джатам, ведь некогда, если помнишь, Килшейн был графством, хотя времена эти миновали давным-давно... Но Нигель разумно предложил, что следует сперва позволить тебе проявить себя как простому барону.

При этих словах короля все радостно засмеялись и в знак одобрения принялись хлопать ладонями по столу. Заплаканная Джаннивер крепко взяла под руку супруга, в то время как Джатам вертел в руках пергаментный свиток, словно не в силах поверить своему счастью.

— Сир, я...

— Нет, ни слова больше. Этот титул принадлежит тебе... Мой свадебный дар вам обоим. Завтра, на со-

брании двора, мы утвердим его официально. Утром или, возможно, после обеда, в зависимости от того, к какому времени вы наконец выберетесь из покоев для новобрачных, — добавил он, лукаво подмигнув. — Впрочем, не тревожьтесь ни о чем. Ваш сюзерен позаботится обо всех этих докучливых деталях.

— О да, разумеется, — подтвердил Дугал, который явно был точно так же, как и король, доволен, что ему позволили проявить душевную щедрость.

— О, сир, мы нижайше благодарим вас, — с трудом выдавил Джатам, и молодожены уселись на место, обмениваясь изумленными взглядами.

— Не за что, дорогие мои, — отозвался Келсон, чувствуя себя почти счастливым, и вновь поднял бокал. — А теперь самое время встать и выпить за здоровье невесты. — Он помолчал, ожидая, пока все поднимутся на ноги. Все, кроме Джаннивер, которая сидела, утирая рукавом уголки глаз.

— Представляю вам невесту, баронессу Килшейнскую, и пусть их жизнь с бароном будет долгой, счастливой и полной процветания. — Король поднял кубок. — За невесту!

— За невесту! — хором поддержали его все присутствующие и также высоко подняли бокалы, прежде чем осушить их до дна.

После того, как они выпили, а потом еще раз за здоровье короля, по предложению уже слегка пришедшего в себя барона Джатама, гости вновь расселись по местам и принялись лакомиться сластями и засахаренными фруктами, в то время как невеста угощала жениха медовым пирогом. Вино текло рекой, но Келсон почти сразу же поспешил удалиться в свои покои, не забыв перед этим поблагодарить музыкантов и одарить их серебром, а затем послал

пажа, чтобы попросить Росану зайти к нему, прежде чем она покинет замок. Она явилась вскорости, но ее явно немало смутило это неожиданное приглашение.

— Спасибо, что пришла, — сказал он, после того как она поприветствовала короля церемонным поклоном, а паж закрыл за собой дверь. — Я хотел сообщить тебе, прежде чем уеду в Торент, что часовня, посвященная святому Камберу, почти завершена. По-моему, Дункан обсуждал с тобой этот вопрос. Мне бы очень хотелось, чтобы на ее освящении присутствовали Служители святого Камбера.

Опустив взор, она вздохнула.

— Государь, я уже сказала вам, что буду там в этот день. Но вам не стоит устраивать наши встречи наедине, ибо это лишь причинит боль нам обоим. Я уже сказала вам, что больше никогда не выйду замуж.

— И я вынужден тебе верить, — произнес он негромко, — и, полагаю, что со временем мне придется это принять. — Он вздохнул и отвел глаза, не в силах взглянуть на ее нежное лицо, озаренное отблеском свечей. — Однако не могу обещать, что сердце мое когда-нибудь смирится с этой мыслью. Как ты можешь просить меня разорвать те узы, которыми мы были связаны с тобой?..

— Но их необходимо порвать, сир, — прошептала она. — И вы должны связать себя подобными узами с другой женщиной, ради блага вашего королевства. Ваша королева должна быть для вас на первом месте.

— Но та королева, которую я желал бы себе, всегда была верна моему королевству, даже когда полагала, что правитель его мертв, — возразил Келсон, на-

конец, заставив себя взглянуть на нее. — Неужели ты этого не понимаешь?

Она заметно побледнела, и теперь темные глаза ее казались черными провалами в белой маске, в которую превратилось ее лицо.

— Я понимаю только одно: что та женщина, которую вы желали сделать своей королевой, утратила веру в вас. Она предала вас, — потерянным голосом промолвила Росана. — Вы заслуживаете лучшего. *Гвиннед* заслуживает лучшего.

Закрыв глаза, он отвернулся и уронил голову на грудь. У него перехватило дыхание, и лишь спустя несколько томительно долгих мгновений он вновь смог заговорить.

— Нам придется согласиться на том, что по этому вопросу нам никогда не прийти к согласию. — Он заставил себя расправить плечи.

— Да, — через силу отозвалась она. — В этом мы едины.

— Благодарю, — Келсон с трудом сглотнул. — Но есть и еще кое-что... Вопрос, который бы я хотел обсудить с тобой. Может быть, хоть в этом я сумею смягчить твое сердце. Это касается твоего сына... который мог быть *нашим* сыном.

Она застыла.

— Сир, я никогда не изменю своего решения. Альбин обещан Церкви.

— Росана, он Халдейнский принц. Если таков будет его выбор, если таков будет выбор Господа, тогда да будет так... Халдейны и прежде служили Богу. Но как ты можешь делать выбор за него?!

— Этот выбор наилучший, — возразила она. — И уж куда безопаснее, чем если когда-нибудь он посмеет бросить вызов вашим собственным потомкам! И

не нужно напоминать мне, что священные обеты не дают гарантий против соблазна мирских наслаждений... Я прекрасно помню участь, что постигла князя-епископа Меары.

Келсон тоже это прекрасно помнил. Ведь именно он отдал приказ о казни Джедаила.

— Росана, — промолвил он. — Прежде чем я женюсь и дам жизнь своим наследникам, принц Альбин Халдейн по-прежнему является моим ближайшим родичем после Нигеля, чтобы ты ни делала и ни говорила по этому поводу. И никакие монастырские стены здесь ничего не изменят.

— И если у вас не будет сыновей, — выдохнула она, — я буду рада, чтобы он наследовал вам с Нигелем. Но у вас должны быть сыновья, государь! А я опасаюсь, чтобы когда-нибудь моему Альбину не вздумалось восстать против них... Против сыновей, жизнь которым даст ваша истинная королева...

С рыданиями она отвернулась, и Келсон вновь склонил голову.

Истинная королева... Именно она, Росана, была его истинной королевой. Он не смел признаться, что наблюдал за ней нынче днем из окна, выходившего в сад, где они с Джаннивер собирали цветы для букета невесты. Следом за ними весело ковылял двухлетний Альбин с плетеной корзиной для цветов. Он выглядел как самый настоящий халдейнский принц, светлокожий, с бледно-серыми глазами и непослушной копной черных как смоль волос. Всякий раз, когда взор его падал на мальчика, Келсону не составляло труда вообразить, что Альбин мог бы оказаться его сыном, а не отпрыском предателя Конала.

Однако Росана раз за разом приводила ему одни и те же доводы, и была тверда и непреклонна во

всем, что касалось ее планов по устройству собственной судьбы и участи сына. И теперь у короля появилось мучительное, болезненное ощущение, что рано или поздно ему придется с этим смириться.

— Тогда... похоже, — услышал он свой собственный голос, доносившийся словно откуда-то издалека, — что мне и впрямь пора начинать думать о том, чтобы обзавестись... истинной королевой.

Сдавленный возглас Росаны ясно показал, насколько больно ей было слышать от него эти слова.

— Я... Я рада, что вы заговорили об этом, милорд, — промолвила она тем не менее, взяв под контроль свои чувства. — Я бы солгала, сказав, что больше не питаю к вам любви, и вы знали бы об этом лучше, чем кто-либо другой. Но мы оба должны продолжать жить своей жизнью. Я сделала все необходимое, чтобы устроить свое собственное будущее и будущее Альбина. И также... осмелилась позаботиться и о вас. Если... если вы соблаговолите выслушать меня, то, по-моему... я подыскала вам подходящую королеву.

— Ты подыскала...

Потрясенный и оглушенный, он отвернулся от нее, отнюдь не отрицая тем самым ее предложения, — ибо устами Росаны говорила истинная любовь, недоступная пониманию простых смертных, — но Келсон был вынужден признать, что отныне их отношения стремительно переходили ту грань, откуда не будет возврата. Больше не было надежды на примирение, и он ничего не мог с этим поделать.

— Неужто надежды совсем не осталось? — прошептал он.

— Никакой, — сурово, без эмоций отозвалась она. — Однако должна быть надежда для Гвиннеда. А для этого у вас должны родиться сыновья. Если... Если

вы дадите ей хоть самый маленький шанс, то, полагаю, невеста, которую я вам предложу, может прийтись вам по душе.

— Я прекрасно сознаю, что мой долг — дать Гвиннеду наследников престола, — промолвил он. — Что же касается удовольствия для меня лично...

Он печально покачал головой, не в силах продолжать, и дернулся, словно от удара, когда она ласково коснулась его руки.

— О, государь, в вашем сердце так много любви, — прошептала Росана. — Кого бы вы ни взяли в жены, вы должны подарить ей хотя бы толику этого чувства... Ради самого себя и ради Гвиннеда, и ради ваших будущих сыновей, и той женщины, которая даст им жизнь. Иначе ложными будут те клятвы, что вы принесете перед алтарем Господним, а король Гвиннеда никогда не нарушает священных обетов. К тому же... — она отпустила его руку и отвернулась от Келсона, — ...та невеста, о которой я веду речь, вам уже знакома. Вы неплохо ладили, когда были детьми.

Он растерянно заморгал.

— Ты говоришь о ком-то, кого я знаю?

— Ну, разумеется. Разве я пожелала бы, чтобы вы женились на ком-то постороннем? — она исподволь покосилась на него. — Келсон, я не теряла времени даром все эти три года. После рождения Альбина я отвезла его в Нур-Халай, чтобы мои родители могли взглянуть на внука... ведь как бы ни сложилась дальше его судьба, там его законное место. Обратно же я возвращалась через остров Орсал, ибо тамошние правители приходятся дальней родней моему семейству. Именно в то лето Гвиннед впервые обсуждал с вашей двоюродной бабушкой Сиворн возможный

брак между Брекономом Рэмси и вашей кузиной Ришель.

— Если ты ведешь речь о сестре Брекона Ноэли, то я встречался с ней лишь прошлым летом, когда она прибыла в Ремут на обручение брата... Хотя мои советники наверняка одобрили бы подобный брак... точно так же, как и ее мать.

— Однако вас самого ничуть не устроило бы то давление, которое они стали бы на вас оказывать, — со слабой улыбкой возразила Росана. — К тому же вы, без сомнения, не обратили внимания на то, что леди Ноэли интересуется совсем другим принцем из рода Халдейнов, а отнюдь не вами, сир.

— Что?

— Келсон, Келсон, она должна выйти замуж за Рори, а не за вас, — воскликнула Росана. — О, конечно, они очень старались, чтобы никто не заподозрил неладного, но все же их взаимное влечение не ускользнуло от пристального взора моего дядюшки Азима, который помогал мне в поисках невесты для вас. Разумеется, и Рори, и Ноэли согласятся взять в супруги тех, кого им будет велено, ибо оба они хорошо знают, что такое долг и повиновение, как и все мы... Но только подумайте об этом!.. Брак между Рори и Ноэли еще крепче привяжет Меару к Гвиннеду, а именно этого и желает королевский Совет. Более того, отныне Халдейны навсегда смогут утвердить свое присутствие в Меаре, ибо Рори готов жить там постоянно, — в отличие от вас, государь.

— Рори и Ноэли, — озадаченно повторил Келсон. — А что... в этом есть смысл... Особенно, если ты права, и они питают друг к другу нежные чувства.

Росана устремила взгляд на свои руки, тесно переплетая пальцы, чтобы не выдать их дрожь.

— Это величайшая радость — когда державные нужды могут совпадать с искренними устремлениями двух сердец, — прошептала она.

Слова эти немедленно вернули Келсона к началу их разговора, хотя ему не слишком хотелось вновь затрагивать эту тему.

— Но ты сказала, что я уже знаком с той женщиной, которую ты прочишь мне в супруги, — через силу вымолвил он.

Однако следующий вопрос, который напрашивался сам собой, Келсон так и не нашел в себе силы задать. Заметив его колебания, Росана улыбнулась и печально покачала головой.

— О, государь, но ведь жизнь продолжается! — выдохнула она. — Скажите же мне со всей прямотой, неужто вы совсем не обратили внимания на сестру Ришель?

— Аракси? Ты говоришь о моей кузине? Но она ведь, кажется, обручена с Куаном Ховисским... — Он осекся, заметив, что Росана качает головой. — Нет? Это неправда?

— Обманный маневр, милорд. О, конечно, о свадьбе вовсю шла речь... Но только не между ними двумя. Они относятся друг к другу, словно брат и сестра.

— Но... Это ведь невозможно. При дворе ходят слухи...

— Именно. И это всего лишь слухи, как и всегда бывает в подобных случаях. На самом деле, Куан мечтает взять в жены свою кузину Гвенлиан.

— Гвенлиан? Но ведь ее брат ненавидит Куана! Он никогда этого не допустит.

— Совершенно верно, — подтвердила Росана. — Именно поэтому и понадобился небольшой обман,

в котором Аракси с удовольствием согласилась принять участие.

Совершенно ошарашенный, — ибо свою кузину он никогда не рассматривал как возможную невесту, — Келсон, тем не менее, почувствовал искреннее сострадание к Гвенлиан, чьим братом был тот самый король Колман, который в свое время был обручен с принцессой Джаннивер и так грубо отверг бедняжку. Но он лишь краем уха слушал Росану, в то время как та объясняла ему сложности бытующих в Ховисе и Лланнеде законов и уложений, согласно которым наследником Колмана, который до сих пор так и оставался неженатым, являлись его сестра Гвенлиан в Лланнеде и его кузен Куан в Ховисе, поскольку в тех краях женщины не имели права восходить на престол.

Аракси. Его кузина Аракси... Мысль об этом была столь неожиданной, что сейчас, даже напрягаясь изо всех сил, Келсон не мог вызвать в памяти ее облик, представить, как может выглядеть сейчас эта девочка, хотя, конечно же, прошлым летом он видел ее рядом с Ришель. Скорее всего, ничего особенного в ней не было, ибо, в противном случае, король наверняка обратил бы на нее внимание; и она держалась тихо и незаметно в тени старшей сестры, которой при дворе уделяли куда больше внимания.

Однако детские воспоминания вернулись с куда большей легкостью. Он помнил хохочущую веснушчатую девчушку со вздернутым носиком, вечно ободранными коленками и толстыми пшеничными косами, которая наперегонки носилась с ним, своей сестрой и Коналом по королевскому саду, и с писком и хихиканьем удирала от мальчишек, когда те решали немножко подразнить кузин.

— Сама мысль о том, чтобы Куан унаследовал Ховисский трон, приводит Колмана в ужас, — продолжала тем временем Росана. — Однако единственный способ для него помешать этому — произвести на свет сына, который тогда оттеснил бы даже Гвенлиан и унаследовал обе короны. Конечно, для этого сперва Колману надлежит жениться, а это не так-то просто, ибо ни одно приличное семейство не желает породниться с ним после того, как отвратительно он обошелся с Джаннивер.

В последних словах Росаны прозвучало нескрываемое удовлетворение, ибо, как никто другой, она старалась все эти годы защитить честь и наилучшим образом устроить судьбу несчастной принцессы... И сегодня ее усилия, наконец, увенчались успехом.

— Так что если бы он прознал об этом, Колман сделал бы все от него зависящее, чтобы помешать браку, который подарил бы Куану сразу две короны, — заключила она. — Если бы он хоть что-то заподозрил, то посадил бы Гвенлиан под замок, или еще что похуже. Именно поэтому и нужно было сделать вид, что между Куаном и Аракси что-то есть.

— Так значит, она все же не собирается за него замуж? — уточнил Келсон.

— Нет. Конечно, нет. Равно как и ни за кого другого из многих поклонников, что просили ее руки. Только подумайте, государь!.. Она из рода Халдейнов, приходится вам дальней родней. Политически, никто не смел бы возразить против такого брака. А с другой стороны, она Дерини, унаследовала эту кровь от своей матери. Вполне возможно даже, что она владеет и зачатками магии Халдейнов.

Заложив руки за пояс, Келсон принялся беспокойно расхаживать перед очагом, не смея даже взгля-

нуть на Росану. На самом деле, даже его советники не рассматривали юную кузину Аракси в качестве возможной супруги для своего короля, ибо все полагали, что она обручена с Куаном. Он и сам почти не обращал на нее внимания прошлым летом, думая лишь о том, как устроить брак ее старшей сестры. Но теперь, кажется, он начал припоминать эту рослую светловолосую привлекательную девушку, отдаленно напоминающую его двоюродную бабушку Сиворн в молодости.

— Кузина Аракси... — пробормотал он наконец, с таким чувством, словно предает Росану. — Да, полагаю... Полагаю, что она уже совсем взрослая, — неловко закончил он.

Росана с утомленным вздохом возвела очи горе.

— Мужчины так мало уделяют внимания тому, что по-настоящему важно... порой я просто отчаиваюсь! Ну, конечно, она повзрослела. Ей уже почти девятнадцать.

Келсон откашлялся, безуспешно пытаясь совместить перед своим внутренним взором светловолосую непоседу из своих детских воспоминаний и воображаемую Аракси в образе взрослой женщины с короной Гвиннеда на челе.

— Росана, я не могу этого сделать, — выдохнул он. — Согласен, твои доводы весьма убедительны, но я... Я ведь ее совсем не знаю.

— Вы знали друг друга детьми, — возразила Росана. — И вы ее знаете куда лучше, чем всех других, кого ваши советники предлагали вам за эти пять лет, и уж конечно, вы знакомы с ней лучше, чем были знакомы с Сиданой, но это не помешало вашему браку.

Келсон поежился при этом напоминании о своей

покойной невесте и вновь стиснул в пальцах кольцо, которое дарил и ей, и Росане.

— Все равно, это будет брак по расчету, — деревянным голосом произнес он. — И к тому же, с чего ты решила, что Аракси пожелает выйти за меня?

— Потому что я задала ей этот вопрос, — ответила Росана, не обращая внимания на испуганный взгляд короля. — О, не сомневайтесь, это не простая прихоть или случайный каприз, — ни мой вопрос, ни ее согласие. И все же она сказала, что ответит положительно, если только эта мысль придется вам по душе.

Он безмолвно уставился на нее, не в силах поверить, что Росана и впрямь сделала то, о чем говорила.

— Она вспоминала о вас с любовью, Келсон... По крайней мере, о том мальчике, каким вы были, — ласковым голосом промолвила Росана. — И думаю, что точно так же она полюбит Келсона-мужчину. Это далеко не самая худшая судьба для вас обоих. Она умна, начитана, привлекательна... И к тому же, она из рода Халдейнов, и в ее жилах кровь Дерини, хотя и меньше, чем у вас. И все же она обладает определенными способностями. У нее даже есть ментальные щиты. Мой дядюшка Азим в последнее время был ее наставником.

Келсон повесил голову, ощущая в горле комок.

— Похоже, ты за меня решила все мое будущее, — произнес он с горечью.

— Но это хорошее будущее, и для вас, и для Гвиннеда, — отважно возразила она.

— Да, для Гвиннеда — возможно.

— Для Гвиннеда, и для Аракси, и для вас, если только вы сами этого пожелаете, — повторила Росана.

— И для тех детей, что родятся от этого союза. Если не будет их, то у Гвиннеда не будет и будущего.

Тяжкий вздох сорвался с его уст, и Келсон закрыл глаза, чтобы не смотреть на Росану, сознавая даже в тисках печали и скорби, что именно судьбу Гвиннеда Росана ставила превыше собственного счастья, — прекрасно сознавая, что и он, будучи королем, должен сделать тот же самый выбор. Молчание длилось бесконечно, и наконец она осмелилась коснуться его рукава, и тут же попятилась, когда Келсон, словно ужаленный, вскинул голову, потрясенная горечью и тоской, что читались в его глазах.

— Прошу вас, государь... все это и так тяжело, не нужно ничего усложнять, — взмолилась она едва слышным шепотом. — Просто обещайте, что подумаете над этим предложением.

Всем сердцем он противился этой мысли, всеми фибрами души рвался возразить ей, но ледяное дыхание здравомыслия и чувства долга сковывало его волю и заставляло повиноваться Росане.

— Если... если ты этого хочешь, — мертвенным голосом произнес он чуть погодя.

— Да, хочу, — отозвалась она ласково, смаргивая слезы, и уверенно подняла голову.

— Я... мне говорили, что вы сделаете остановку на острове Орсал по дороге в Белдор, когда отправитесь туда с Лайемом Торентским, — продолжила она.

— Аракси будет там, при Орсальском дворе, помогая сестре готовиться к свадьбе. Азим сейчас тоже там, ибо он представляет моего отца на коронации в Торенте. Если вы попросите его об этом, то Азим устроит вам встречу наедине с вашей кузиной.

— Полагаешь, именно тогда я и должен предло-

жить ей руку и сердце? — спросил Келсон, отворачиваясь от Росаны.

— Момент будет подходящим, — вымолвила та, — и вам не стоит мешкать слишком долго. Советники Лайема-Лайоса поспешат женить его, как только он вернется в свою страну. Ему необходимо будет как можно скорее обзавестись наследниками, поэтому сия необходимость еще острее встанет и перед вами, государь.

— Росана, умоляю, не заставляй меня...

Но она лишь покачала головой, глухая к его мольбам.

— Ты должен жениться, мой любимый, а я не могу стать твоей, — прошептала она. — Так, по крайней мере, возьми в жены ту женщину, которую я выбрала для тебя сама. Для тебя и для Гвиннеда она станет мудрой и достойной королевой.

Глава вторая

Взгляни же на старцев и узри[1]

Гости, что присутствовали на свадебном пиршестве, сделали вид, будто не заметили ничего особенного, когда Росана с королем вновь присоединились к ним, ибо все они знали, что за сложные и запутанные отношения связывают этих двоих. Росана на вид казалась сосредоточенной и спокойной, хотя в глубине темных глаз застыла печаль. Келсон также старался держаться со всеми ровно и независимо, но оба они не скрывали своего облегчения, когда буквально через несколько минут Мерауд поднялась с места и с улыбкой кивнула Росане, дабы показать, что настало время сопроводить невесту к брачному ложу.

Женщины удалились. Через четверть часа за ними должны были последовать и мужчины, и все это время Келсон старательно разыгрывал гостеприимного хозяина, вместе с друзьями мягко подтрунивая над краснеющим от смущения женихом. Он велел принести последнюю бутыль вина, вместе со всеми выпил, когда Рори предложил традиционный тост за то, чтобы жених как следует насладился невестой.

---

[1] Мудрость Иисуса 2:10

Лишь сейчас Дугал обратил внимание, что из-за выпитого вина на какое-то краткое мгновение маска, сковавшая черты короля, словно треснула, обнажив всю глубину его страданий. Но это длилось совсем недолго, и больше никто ничего не заметил. Они поднялись с места, чтобы проводить Джатама в его покои. Мужчины взяли факелы, дабы осветить путь, и король случайно оступился по пути по лестнице.

Дугал едва успел поддержать его, и в этот миг через ментальный контакт, всегда присутствовавший между ними, он уловил отзвук столь сильных эмоций, что с трудом смог это выдержать, особенно когда связь усилилась благодаря контакту физическому, и Келсон воскликнул жалобным шепотом, так, чтобы никто больше не мог этого слышать, и слова его разбили сердце Дугала:

— Счастливчик Джатам, понимает ли он, насколько ему повезло, что он смог жениться на той, кого любит?!

Однако когда Дугал сочувственно-вопросительно взглянул на своего короля, тот лишь покачал головой, мгновенно опустил ментальные защиты, и вновь на лице его заиграла улыбка, как и полагается на свадьбе. Вместе с остальными он устремился вверх по лестнице, вслед за Джатамом. Дугал двинулся рядом без единого слова. Неожиданно Рори, а затем и Нигель начали негромко напевать традиционную свадебную песню, которую издревле пели в Транше. К ним присоединились Пейн и даже Лайем, а затем и Нивард, после чего мелодию подхватили Дункан с Дугалом. Один лишь Келсон петь не стал. К тому времени, как они оказались перед комнатой новобрачных, двери которой были украшены венками роз и лентами с особо завязанными любовными

узлами, мужчины превратили припев песни в изумительно звучное трехголосье, которое дважды повторили, прежде чем наконец замолкнуть.

Изнутри женские голоса завели песню еще более древнюю. Это был диалог между невестой и ее возлюбленным, и мужчины принялись напевать положенные ответы, отзываясь голосам Мерауд и ее придворных дам, которые чуть раньше играли и пели за ужином. Но когда двери наконец распахнулись, дабы впустить новобрачного, Росаны в комнате не оказалось. Келсон вытянул шею, чтобы заглянуть внутрь покоев, в то время как дамы вели Джатама к постели с задернутыми занавесями, но Росаны по-прежнему нигде не было видно.

Жених появился из-за ширмы в рубахе из тонкого алого шелка, и его подвели к невесте. Дункан вошел в комнату, дабы благословить чету в супружеской постели, затем вместе с дамами удалился, и уже за порогом они спели последнюю из полагающихся песен, благословляющую новобрачных. Келсон поспешил спастись бегством еще до окончания пения, и Дугал поспешил за ним, нагнав короля лишь на два лестничных пролета ниже.

— Келсон, погоди, — окликнул он негромко. — Келсон!

Король оступился, затем остановился, склонив голову, но не обернулся. Когда Дугал догнал его, лицо Келсона являло собой застывшую маску. Глаза казались пустыми, и в них не отражалось никаких чувств. Он поморщился, когда Дугал схватил его за локоть и с силой развернул к ближайшему факелу.

— Да что с тобой такое? Ты выглядишь хуже смерти! — воскликнул Дугал. — Вы что, с Росаной поругались?

Келсон закрыл глаза и покачал головой, плотно сжимая губы. Однако как Дугал ни настаивал, тот так и не опустил свои ментальные щиты ему навстречу.

— Я бы предпочел пока об этом не говорить, — промолвил он вполголоса. — Мне нужно кое-что сделать. Если хочешь, можешь пойти со мной.

— Хотел бы я посмотреть, как сумеешь меня остановить! — пробормотал Дугал, хотя и сомневался, что король слышал эти его слова, ибо он уже устремился вниз по лестнице.

Келсон шел очень быстро и не произнес больше ни слова по пути не в свои собственные покои, но еще ниже — в библиотеку, что располагалась прямо под его комнатами. Тронув засов, он покачал головой, что-то пробормотал раздраженно себе под нос, затем опустился на колени и обе ладони прижал к замку. Дугал догадывался, *что* он делает, хотя и не знал, с какой целью, так что вспышка света из-под пальцев Келсона его ничуть не удивила, равно как и то, что после этого дверь неслышно распахнулась.

— Может, проще было взять ключ? — спросил Дугал, все еще не теряя надежды развеселить короля, который, поднявшись с колен, вошел в библиотеку.

— Нет, потому что теперь ключ хранит отец Нивард, и тогда мне пришлось бы все объяснять ему.

С ладоней короля поднялся ало-золотистый огненный шар, и он направился к темнеющему неподалеку письменному столу, располагавшемуся между двумя занавешенными оконными нишами.

— Закрой, пожалуйста, дверь.

Без единого слова Дугал повиновался и задвинул засов, в то время как Келсон принялся перебирать какие-то книги, сложенные стопками на столе. Ог-

ненный шар отбрасывал смутные тени на полки с книгами, стоявшие вдоль стен, и от этого мрачного зрелища настроение Дугала стремительно ухудшилось.

— Ты, должно быть, гадаешь, зачем я привел тебя сюда? — заметил Келсон, нагнувшись, чтобы прочесть сделанную золотом надпись на тяжеленном, переплетенном в кожу фолианте. — Мне нужно выяснить кое-что из семейной истории.

— Из семейной истории?

— Хм...

В этом не было ни согласия, ни отрицания. Келсон открыл книгу и принялся просматривать содержание.

— Ты спрашивал, не поругались ли мы с Росаной, — заметил он рассеянно. — Нет, отнюдь нет. Похоже, она хочет устроить мою женитьбу. С кузиной. *Моей* кузиной. Я думаю, что мне следовало бы установить наше точное родство.

— Росана хочет устроить твою женитьбу? — потрясенный, повторил за ним Дугал.

Король резким движением захлопнул книгу и сунул ее под мышку, а затем двинулся правее.

— Келсон, ты что, серьезно?

— К несчастью, *она* была вполне серьезна.

Он произнес эти слова подчеркнуто равнодушным тоном, и тут же из темноты донеслось резкое звяканье металлических колец, на которых держались занавеси. Это Келсон отдернул их в сторону, открывая темную нишу, где, по предположениям Дугала, должна была располагаться уборная. Вот только он что-то не припоминал, чтобы в библиотеке когда-либо имелась уборная... Однако ниша оказалась совершенно обычной. Задняя стена ее была общей с со-

седней комнатой, в то время как само сливное отверстие находилось у внешней стены здания. Все казалось совершенно естественным и обычным, однако Дугал ничего не слышал о каких-либо перестройках в замке, связанных с этой комнатой.

Остолбеневший, он смотрел перед собой, гадая, как могли устроить эту нишу, не сломав при этом всю стену здания, когда внезапно заметил, что стена перед ним как-то странно мерцает, и по ней разбегаются искры, которые, впрочем, не давали никакого света, и на коих глаз никак не мог сосредоточиться.

— Да что же это такое? — прошептал он, на время отринув все мысли о Росане. — Не помню никакой уборной в этой комнате!

— А ее и не было до недавнего времени, — ровным тоном отозвался Келсон, заправляя тяжелые занавеси в специальные кольца из черного металла. И к тому же это не просто уборная, хотя большинство людей не заметят в ней ничего необычного.

— Но ведь это же и не Портал, верно? — предположил Дугал, и, заглядывая через плечо Келсона, заозирался по сторонам, а затем, протянув руку, с опаской тронул странную стену, которая, впрочем, на ощупь оказалась совершенно обычной, из грубо обтесанного камня.

— Ну, давай же, подойди ближе, я проведу тебя, — не скрывая нетерпения, окликнул Келсон. — Или ты уже раздумал идти со мной?

— Ты от меня так просто не отделаешься, — возразил Дугал шепотом, вошел в нишу вместе с королем, уже готовый перенестись куда-то с помощью Портала, хотя, как ни пытался, так и не смог его обнаружить.

Он напрягся и закрыл глаза, в то время как Келсон положил руку ему на затылок. Стена оказалась прямо у них перед носом. Он напрягся в ожидании неминуемого удара, но все же опустил защиты, ибо, судя по всему, именно этого и ждал от него король.

К его удивлению, ментальное касание Келсона оказалось очень мягким и бережным, почти безликим, хотя где-то в глубине он мог ощутить бурю, что бушевала в душе короля. Устанавливая привычную связь, Дугал ощутил какое-то напряжение, натяжение... А затем прозвучало Слово Силы, и словно огненная вспышка искрами рассыпалась у него перед глазами, — но затем все кончилось. Остался только покой вокруг, и он понемногу начал возвращаться на поверхность.

— Теперь можешь сделать шаг вперед, — донесся до него откуда-то издалека голос Келсона, и словно что-то подтолкнуло его...

Он шагнул, ощущая очень слабое сопротивление, словно наткнулся на натянутую шелковую ткань, но тут же всякое сопротивление исчезло, напоследок окатив их ледяной волной, и они проникли сквозь Вуаль.

— Вот мы и прошли, — объявил Келсон, убрал руку с затылка Дугала и отдернул другую занавеску с той стороны прохода. — Я давно уже собирался тебе это показать.

Дугал оступился на полушаге, но тут же выпрямился и открыл глаза, услышав, как Келсон щелкнул пальцами, дабы вызвать новый ало-золотой огненный шар, который тут же расцвел над открытой ладонью короля. При свете шара можно было разглядеть небольшую комнату, втрое меньше той, откуда они только что ушли. Здесь так же у стены стоял пи-

сьменный стол, имелась небольшая оконная ниша, а всю правую стену занимали полки с книгами. Теперь уже ожидая любого магического подвоха от этой комнаты, Дугал ощутил мощный и чистый поток ментальной энергии, означавший, что где-то здесь поблизости имеется перемещающий Портал.

— А, я вижу, что ты это почувствовал! — воскликнул Келсон, в то время как Дугал с опаской двинулся вперед. — Именно поэтому проход и был закрыт, и поэтому я охраняю его так тщательно. Мы с Нигелем обнаружили его прошлой зимой, пока ты был в Транше. Мы пытались расширить библиотеку. Эта комната уже много лет пустовала и была заперта, а когда мы, наконец, открыли ее, то сразу поняли, в чем дело. Портал расположен посередине, там, где квадратная плита. По всей вероятности, именно этим путем Карисса и пробралась в замок в ночь перед моей коронацией...

Присев на корточки, Дугал обеими ладонями уперся в каменную плиту, и тут же по позвоночнику прошла дрожь, когда он ощутил исходящий из Портала поток энергии. Ему понадобилось всего несколько мгновений, чтобы запечатлеть в памяти все необходимые характеристики.

— Теперь понятно, как она могла так свободно приходить и уходить, — пробормотал он, взглянув на Келсона снизу вверх. — А ведь он очень древний... И до сих пор используется, верно?

— Я тут ни при чем, — отозвался Келсон хмуро. — Но мне известно всего несколько других Порталов. Два здесь, в Ремуте, и еще один в Валорете... Да, и Портал в Дхассе у Арилана. Но ему запретили показывать мне остальные.

Он покачал головой.

— Камберианский Совет имел дерзость потребовать доступа в библиотеку, и мне пришлось уступить, по крайней мере в том, что касается этой комнаты, ибо именно здесь хранятся все книги и документы, имеющие отношение к Дерини, которые мне удалось собрать. Но взамен я попросил Арилана, чтобы он помог мне с установкой вот этой защиты, — он указал на стену с магической Вуалью, — чтобы они не могли по своему желанию отправляться бродить по всему замку.

Вид у короля при этих словах был весьма довольный.

— Единственные, кто могут пройти здесь, это члены моего семейства, либо те, кому я лично это дозволил. Это Морган, отец Ниварда, сам Арилан, а теперь еще и ты. Мне также пришло в голову, что этот Портал может пригодиться, если вдруг нам придется второпях бежать из Белдора... Конечно, в том случае, если там, на месте, мы сможем отыскать другой Портал.

Дугал кивнул и поднялся на ноги, рассеянно отряхивая ладони о штаны. Он прекрасно сознавал, какими напряженными порой становятся отношения между Келсоном и епископом-Дерини, а также между ними обоими и Камберианским Советом, хотя и по различным причинам. Впрочем, всех их объединяла одна общая тревога. Ведь неизвестно, какие опасности могли поджидать Келсона в Торенте, — а теперь этот Портал мог сыграть спасительную роль, если дела пойдут совсем скверно. Внезапно Дугал взглядом зацепился за громоздкий фолиант, который Келсон по-прежнему держал под мышкой, и лишь теперь он вспомнил, зачем они пришли сюда,

и осознал, что, по крайней мере сегодня, Торент с его опасностями меньше всего заботит короля.

— Этот брак, который предлагает Росана... Ты узнал об этом только сегодня, да? — промолвил он без околичностей, ибо не любил ходить вокруг да около. — Я бы сказал, что она выбрала не самое подходящее время, учитывая, что сегодня праздновали свадьбу Джатама и Джаннивер.

Келсон пожал плечами, подошел к оконной нише и устало опустился на ступеньку.

— Я сам предоставил ей такую возможность, ибо настаивал на том, чтобы мы встретились наедине. А с ее точки зрения, время было выбрано самое подходящее. Она была здесь, я был здесь... и к тому же у меня появится возможность встретиться с этой так называемой невестой по дороге в Торент. — Он раскрыл книгу у себя на коленях. — Итак, посмотрим, что о ней говорится в нашей книге родословных.

Дугал невольно поморщился, ибо и на него самого в последнее время все сильнее давили собственные вассалы, дабы он как можно скорее вступил в брак и начал производить на свет наследников. Но сейчас, опустившись на пол рядом с королем, он подумал о том, что его собственные переживания ничтожны по сравнению с тем, что должен чувствовать в эти мгновения Келсон, — а предложение Росаны, должно быть, и вовсе ошеломило его. Ему внезапно пришло в голову, что он даже не знает, о какой из кузин Келсона Росана могла вести речь.

— В каком-то смысле, ты знаешь, Росана права... насчет того, чтобы жениться на ком-то из нашего рода, — промолвил король. Его небрежный тон резко контрастировал с застывшим в напряжении лицом и движением руки, нервно листавшей страницы фоли-

анта. — Если уж я не могу получить ту женщину, которую желаю, то разумнее всего будет взять в супруги кого-то одной с нами крови. Она получила воспитание, достойное принцессы, поэтому прекрасно понимает, чего от нее ждут. И она из Халдейнов, значит, у нее даже могут быть способности, схожие с моими собственными. Насколько я понял, Азим занимался с ней, и они оба с Росаной вели с ней речь об этом браке, и она согласна выйти за меня...

— Келсон, ты так говоришь, как будто все уже решилось, — перебил его Дугал, когда Келсон наконец ненадолго замолк, чтобы набрать в легкие воздуха. — И к тому же, я больше всего хотел узнать, о какой именно кузине идет речь.

— Разве я тебе не сказал? Это Аракси Халдейн.

— Аракси? Ты хочешь сказать, сестра Ришель?

— Да.

— Но...

— Я знаю. Все уверены, что она собирается замуж за Куана Ховисского. Судя по всему, это не так.

Келсон перевернул новую страницу и нагнулся ближе.

— А, вот она. Маленькая кузина Аракси, вторая дочь герцога Ричарда Халдейна. Мы его звали дядюшкой Ричардом, но на самом деле он... двоюродный брат моего деда, — он напряженно кивнул. — Ну да, родство достаточно отдаленное, так что получить церковное разрешение на брак будет несложно.

Дугал подвинулся ближе, следя за пальцем Келсона, который перемещался по строчкам генеалогического древа.

— С материнской стороны тоже хорошая линия, — продолжил король в задумчивости. — Хортийская кровь. После смерти дяди Ричарда его вдова вышла

замуж за тралийского барона, но она урожденная принцесса Сиворн Хорти, и приходится сестрой нынешнему Хорту Орсальскому, так что у Аракси и по матери, и по отцу в жилах течет королевская кровь.

— Но она не Дерини? — спросил Дугал.

— Похоже, нет, Однако у Орсалов была кровь Дерини... не знаю точно, как много, ибо они никогда подобных вещей особо не выставляли напоказ. Я имею в виду, ментальную защиту и все такое прочее. Но кровь Дерини у них есть. И к тому же, нельзя сбрасывать со счета происхождение от Халдейнов.

— Да, полагаю, ты прав, — согласился Дугал, в то время как Келсон аккуратно закрывал книгу. — А какая она из себя?

Келсон вздохнул.

— Понятия не имею.

— Но... Ты ведь видел ее, когда они с семьей приезжали в Ремут на обручение Ришель?

— В ту пору у меня было другое на уме, — возразил Келсон, отложил книгу в сторону и стремительно поднялся на ноги. — Мало того, что мать жениха всеми силами пыталась навязать мне свою дочь, да к тому же составить брачный договор для Ришель с Бреконом оказалось сложнее, чем все думали.

Покачав головой, он невесело хмыкнул.

— Думаю, следует искать хотя бы некоторое утешение в том, что эти двое искренне любят друг друга... Что же касается Аракси... Скажу честно, я даже толком не помню ее лица. Пытался вызвать его в памяти уже битый час, но возникает лишь смутный образ более юной и светленькой тетушки Сиворн, а также какие-то детские воспоминания о девчонке, которая бегала повсюду за своей старшей сестрой,

большеглазой и со спутанными светлыми волосами, — они еще все время выбивались из косичек....

Этот образ вызвал слабую улыбку на губах Дугала, несмотря на то отчаяние, которое он теперь явственно ощущал в словах Келсона.

— Можешь мне поверить, — продолжил король. — У меня не было ни малейшего желания искать себе невесту. Хотя, конечно, это никому не помешало представлять мне одну за другой подходящих красоток, как всегда бывает, когда ко двору стекается множество народу по какому-то официальному поводу. А уж коли все прибыли на помолвку, то они жаждали обручить с кем-нибудь и меня самого. Впрочем, об Аракси речь тогда даже и не шла. — Он невесело засмеялся и едва не сорвался на всхлип.

— Знаешь, что мне лучше всего запомнилось из той недели? Как матушка Брекона пыталась увязать его женитьбу на Ришель с тем, чтобы я сам взял в жены Ноэли... которая, как я только что выяснил, судя по всему, питает нежные чувства к Рори. Подумать только! И он отвечает ей взаимностью.

— Рори и Ноэли? — изумленно выдохнул Дугал. — Но это же превосходно!

Келсон прекратил расхаживать по комнате и недоуменно покосился на друга.

— Да, знаю, — прошептал он наконец. — Мне следовало и самому об этом подумать. И вдвойне хорошо, если они и впрямь любят друг друга. Росана очень сильно настроена на то, чтобы эта история завершилась браком. Она...

Он все же не выдержал и всхлипнул, и тут же поспешил закрыть лицо руками, отдавшись на волю владевшего им отчаяния.

— Келсон... Мне очень жаль, — пробормотал Дугал растерянно.

Покачав головой, Келсон подошел к нему и рухнул на приступку, беспомощно съежившись.

— Дугал, что же мне делать? — выдавил он наконец, не утирая слез, струящихся по щекам. — Она не желает иметь со мной дела, она даже сама выбрала мне невесту. Я надеялся, я молился, чтобы она рано или поздно изменила свое решение, но... Боюсь, мне придется принять все, как есть. Она не передумает.

— А сегодня... — он с шумом сглотнул. — Сегодня она разыграла свою последнюю карту, именуемую Долгом. И перед этим я бессилен, что бы мне ни говорило мое сердце.

Открыв глаза, он невидящим взором уставился на огненный шар, паривший у них над головами.

— Она напомнила мне, что когда я верну юного Лайема его подданным, на него будут давить точно так же, как на меня, — чтобы он как можно скорее женился и дал жизнь наследнику. Это значит, что ради блага всего Гвиннеда я должен сделать то же самое.

— Но ты уверен, что и впрямь сумеешь? — прошептал Дугал. — Можешь ли ты жениться на Аракси, учитывая твою любовь к Росане?

Келсон опустил взгляд и уставился на кольца, что украшали его пальцы, на перстень со львиной печатью, символом Гвиннеда, с которым он был связан клятвами куда более священными, чем любые брачные обеты... и на другое колечко рядом с ним, то самое, которое он надел на палец Сидане.

— Когда-то прежде я уже решил жениться из чувства долга, и сделал это, — пробормотал он. — По крайней мере, на сей раз королева не будет мне вра-

гом. И у нее нет брата, готового убить ее за то, что она ответит мне согласием.

— Келсон, не делай этого, — выдохнул Дугал. — Не мучай себя так!

— А разве у меня есть выбор? — шепотом возразил король.

Глава третья

Нашел ли ты жену себе по сердцу?[1]

С болью в сердце и безнадежностью в душе король вернулся в свои апартаменты в сопровождении верного Дугала. К тому времени, как они допивали остатки вина, которого оказалось куда больше, чем ожидал Дугал, речи их делались все более жалостливыми и неразборчивыми, и прерывались все более длинными и мучительными паузами. Наконец Келсон позволил Дугалу отвести его в постель и тотчас погрузился в тяжелый сон без сновидений. Проснувшись от мучительной головной боли и тошноты, он обнаружил, что заснул полностью одетым, а Дугал дремлет рядом в кресле, положив ноги на край ложа. Солнце пробивалось сквозь щель в тяжелых занавесях, закрывавших двери на балкон, и в лучах плясали пылинки. Судя по всему, час был уже довольно поздний.

— Дугал, — воскликнул король, приподнимаясь на локтях и одновременно спихивая ноги приятеля с постели. Дугал пробудился рывком.

— Что?

— Просыпайся! Который час?

---

[1] Мудрость Иисуса 7:26

— Да откуда мне знать.

— Проклятье, она уже наверняка уехала! — воскликнул Келсон, скатился с кровати и едва не упал, запутавшись в покрывалах. — Может быть, я еще сумел бы ее переубедить...

Дугал поднялся со вздохом и двинулся вслед за Келсоном, чтобы помочь ему раздвинуть шторы. Он поморщился, когда яркий солнечный свет ослепил его.

— Келсон, ты ни за что бы не переубедил ее. Только сам еще больше бы запутался. Она окончательно все для себя решила, ты это знаешь, и я это знаю. А тем временем у нас остался последний день до отъезда в Торент. И тебе еще нужно провести последнее заседание Совета. И не забудь о торентских посланцах, которые прибудут после обеда...

— Может, она еще не уехала, — бормотал Келсон. — Где пажи? Иво! Даворан!

На крик короля тут же послышался топот бегущих ног, и в дверь просунулись перепуганные пажи и оруженосцы. Судя по многозначительному взгляду, который Даворан исподволь метнул на Дугала, тот накануне сам велел подольше не будить их с королем, но Келсон предпочел пока не обращать на это внимания и поманил к себе одного из пажей, присев перед ним на корточки.

— Ниал, я хочу, чтобы ты как можно быстрее сбегал на конюшню и выяснил, уехала ли уже леди Росана с сыном. Если нет, то они не должны уезжать ни в коем случае. А если уехали, я хочу знать, когда. Ты все понял?

Мальчик кивнул с серьезным видом, осознавая всю важность возложенной на него миссии, и тотчас унесся прочь. Келсон немедленно принялся стяги-

вать с себя парадное одеяние, разбрасывая вещи направо и налево, а затем велел пажам принести ему наряд для верховой езды, в то время как Даворан пытался заставить короля совершить хотя бы некоторое подобие утреннего туалета. Наскоро умывшийся и переодевшийся в чистую рубаху, Дугал исподволь наблюдал за другом, гадая, не лишился ли тот окончательно рассудка прошлой ночью.

Келсон как раз натягивал сапоги. Даворан пытался привести в порядок его шевелюру, когда Ниал, задыхаясь, вбежал в комнату, а за ним проследовал озадаченный Рори.

— Сир, леди уже нет в замке! — выпалил Ниал. — Они отбыли вчера вечером.

— Вчера вечером?

— Келсон, они уехали много часов назад, — объявил Рори, ухватив короля за руку, в то время как тот явно собирался устремиться прочь из комнаты, а затем поддержал кузена, когда тот с измученным вздохом рухнул на стул. — Келсон, да что с тобой такое?

Бросив на Рори суровый взгляд, Дугал покачал головой и торопливо выгнал пажей с оруженосцами прочь из королевских покоев. Когда они, наконец, ушли, Келсон уже успел отчасти придти в себя и теперь стоял у окна спиной к своим друзьям, невидящим взором глядя куда-то вдаль.

— И когда же точно она уехала? — спросил он.

— Скорее всего, сразу после того, как мы проводили Джатама в покои новобрачных, — пояснил Рори. — Я даже не видел ее, когда мы расходились. Может, она вообще не пошла туда. — Он помолчал. — Келсон, она опережает нас на восемь или даже десять часов. Гнаться за ней бесполезно. Что она сказала вчера?

Келсон лишь покачал головой, не глядя на Рори, — и в этот миг ему на ум пришло, что хотя слова кузена прозвучали для него как приговор, все же в его власти — сделать что-то хорошее, несмотря на владевшее им отчаяние.

— На самом деле, — промолвил он с трудом, — мы говорили и о тебе.

— Обо мне? — изумленный Рори уставился на Дугала, который лишь пожал плечами в ответ.

— О, да, — с легкой улыбкой на устах Келсон обернулся к своему кузену. — Скажи мне, как ты относишься к леди Ноэли Рэмси.

Рори застыл. На красивом лице его отразилось опаска и задумчивая мечтательность, но он уверенно встретил взгляд Келсона.

— Если ты спрашиваешь меня как король, — промолвил он осторожно, — то я прекрасно осознаю, что ее мать и советники были бы рады выдать ее за тебя. Если так случится, то она станет женой моего кузена... Моей королевой... И я буду относиться к ней, как подобает...

— Рори, я спрашиваю не как король, — перебил его Келсон с широкой улыбкой. — Я спрашиваю тебя как мужчина мужчину, и хочу, чтобы ты ответил мне точно так же. Если я заверю тебя, что не имею ни малейшего желания брать в жены Ноэли Рэмси, готов ли ты жениться на ней?

Рори вновь изумленно покосился на Дугала, который изо всех сил пытался не расплыться в улыбке, затем вновь посмотрел на Келсона.

— Ты что, серьезно? — выдохнул он.

— Конечно, серьезно, — подойдя чуть ближе, Келсон опустил руки на плечи двоюродному брату и взглянул ему прямо в глаза. — Рори, послушай меня.

Нам было бы очень выгодно, если кто-то из рода Халдейнов соединит свою судьбу с Меарой, но это не обязательно должен быть я. Я не питаю никаких особых чувств к Ноэли... Но мне сообщили, что между вами двоими что-то есть. Если я смогу этого достичь... только не напоминай мне обо всех преградах у вас на пути... готов ли ты взять ее в жены? Ответь мне от чистого сердца.

— Я... Я был бы счастлив жениться на ней! — воскликнул Рори. — Келсон, я и не мечтал даже...

— Ну, хоть кто-то должен иметь право мечтать, — промолвил король, на краткий миг лбом прижавшись ко лбу Рори, а затем крепко стиснул его в объятиях.

— Ступай теперь, — продолжил он, отпуская юношу. — Но никому ничего не говори до моего возвращения из Торента. Я не хочу, чтобы кто-то прознал о наших планах, прежде чем я успею все как следует обдумать. Нельзя, чтобы сорвался этот брак.

— Конечно, я все понимаю, — широко распахнув глаза, согласился Рори. — Я так понял, что мне даже нельзя написать Ноэли?

— Конечно, нет, если только ты не собираешься самолично решать этот вопрос с ее матерью, когда она обо всем узнает, — засмеялся Келсон. — Я так и думал, что эта мысль тебе не по душе. Не обижайся, кузен, но она надеется на то, что руки ее дочери попросит сам король, а не принц. Мне будет стоить немалых трудов убедить ее в том, что искренняя любовь искупает разницу в титулах.

Рори лишь пожал плечами в ответ.

— Да, тут я тебе не завидую. Дело будет и впрямь непростое. Но как же тяжело мне будет сохранить

тайну... Даже не знаю, как тебя благодарить! Если бы ты только знал, как много это для меня значит...

— О, могу себе представить, — отозвался Келсон, хотя все же сумел улыбнуться при этих словах. — Ну, ступай теперь, и если кто заподозрит неладное по твоему лицу, пусть они решат, что ты накануне просто выпил слишком много вина. Я-то уж точно мучаюсь похмельем... Чуть позже мы к вам присоединимся.

После того как Рори ушел, Келсон с глубоким вздохом посмотрел на Дугала. Тот не скрывал широкой радостной улыбки.

— Ты и впрямь осчастливил Рори сегодня поутру, — воскликнул он. — У тебя есть какой-то конкретный план, чтобы добиться цели?

Поморщившись, Келсон потер ноющие виски, а затем иронично усмехнулся.

— Пока нет. Но я уж точно не собираюсь жениться на Ноэли Рэмси, так что нет никаких причин, чтобы этого не сделал Рори, если уж ему так хочется.

— Так ты все же возьмешь в жены Аракси? — негромко спросил его Дугал.

Келсон уставился в пол, изо всех сил стараясь отогнать от себя эту мысль.

— Дугал, скажу тебе честно, не знаю. Я пока не готов с этим справиться. Но, возможно, я успею хоть что-то сделать для Рори, прежде чем мы отправимся в Торент. По меньшей мере, следует обо всем сообщить Нигелю. Этот брак будет еще более важен для нас, если вдруг я не вернусь из своей поездки.

— Не смей даже думать о том, что ты можешь не вернуться, — пробормотал Дугал.

— Но я обязан об этом позаботиться, ведь я же король, — возразил Келсон. — И если случится самое

худшее, то следующим королем станет Нигель. А такая возможность всегда существует, в особенности когда мы имеем дело с Торентом.

— А в этом случае, — добавил он со слабой улыбкой, поигрывая закрепленным на поясе кинжалом, — это уже станет проблемой *Нигеля*... так что пошли, отыщем его. Скорее всего, он сейчас на мессе, вместе с пажами и оруженосцами. Там мы его и перехватим. Будет удобная возможность переговорить с ним до начала королевского совета.

— Ты уверен, что время подходящее?

— Нет, но лучшего может не представиться, поскольку до отъезда осталось всего ничего. Как только прибудут гонцы из Торента, все мое внимание будет занято Лайемом.

Они незаметно проскользнули в королевскую часовню, где уже началось богослужение. Юный Пейн исполнял роль служки. Вид у него был довольно потерянный, как у человека, который толком не выспался и к тому же страдает от головной боли. И все же в кружевной рубахе и алой накидке он выглядел вполне достойно. Рядом отец Нивард, худощавый, в зеленой рясе, готовил для освящения чашу с водой и вином, которые вскорости превратятся в Святую Кровь, с помощью магии куда более могущественной, чем все волшебство Дерини.

— *Offerimus tibi, Domine, calicem salutaris*, — проговорил Нивард.

Вручаем Тебе, Господи, чашу спасения...

Перекрестившись святой водой, Келсон незаметно пристроился в угловой нише. Дугал, как всегда, был рядом с ним. В отличие от вчерашнего вечера, сегодня в крохотной часовенке было негде яблоку упасть, ибо за последнюю неделю или две в Гвиннед

стеклось множество дворян, которые обычно не проживали в столице. Некоторые из них должны были сопровождать Келсона в Торент, другие же должны были оставаться в городе до его возвращения. Прямо перед ними с Дугалом оказались келдорские рыцари, служившие Эвану, герцогу Клейборнскому.

Даже королева Джехана пару дней назад вернулась ко двору, дабы исполнять свои обязанности в регентском совете, который должен будет править Гвиннедом в отсутствие ее сына, — а также и для того, чтобы постараться повлиять на Келсона ради его скорейшей женитьбы. Келсон заметил мать на коленях у алтаря. В своем белом, почти монашеском одеянии и платке, которые стали ее постоянным нарядом со времен вдовства, она была похожа на призрак. Рядом молился ее непременный духовник, миловидный молодой священник по имени отец Амброс, и пожилая сестра Сесилия, верная спутница королевы в последние годы.

Стараясь пока не думать о матери, Келсон окинул взглядом собравшихся в поисках Нигеля и наконец заметил его, — не на своем обычном месте, но, как всегда, в окружении пажей и оруженосцев. Некоторые юноши уже были настолько рослыми, что почти скрывали дядю короля от посторонних глаз.

Перезвон колоколов вернул внимание Келсона к мессе, и он опустился на колени, в то время как отец Нивард затянул славословный гимн:

— *Sanctus, Sanctus, Sanctus, Domine Deus Sabaoth. Pleni sunt caeli et terra gloria tua...*

И все же Келсон никак не мог сосредоточиться на богослужении. Воспользовавшись знакомыми словами молитвы для концентрации сознания, он ладонями прикрыл лицо, обдумывая все аргументы в по-

льзу брака между Рори и Ноэли, а также вытекающие отсюда сложности и мелочи, которые требовалось учесть, — ибо одной любви или даже симпатии недостаточно для того, чтобы устроить судьбу принца.

По счастью, в данном конкретном случае не было нужды выбирать между чувствами и политической необходимостью. Этот брак лишь укрепит союз между крупными политическими группировками, основания для которого уже были заложены помолвкой между Бреконом и Ришель. Как справедливо подчеркнула Росана, Рори даже мог бы отправиться со своей женой в Меару...

К тому времени, как королю нужно было встать и подойти к причастию, у него в уме уже начал формироваться некий план... хотя еще пока не настолько подробный, чтобы обсуждать его с Нигелем, поскольку им сейчас явно будет не до этого. И все же по окончанию мессы он ощутил, что наконец начал вновь обретать хотя бы некоторое подобие власти над своей жизнью, несмотря на все, что говорила Росана накануне. Слегка приободрившись, он вышел наружу вместе с Дугалом, сразу же после того, как Нивард в последний раз благословил свою паству, и в коридоре принялся дожидаться дядю, который вышел из часовни вместе с остальными.

— Много ли у нас будет дел на Совете? — спросил он, догнав Нигеля. — Или только подписывать документы?

— Да, в основном, бумаги, — отозвался тот. — Если хочешь, я тебе обо всем расскажу за завтраком. Хорошая погода для прогулки по саду.

Вскоре все втроем они уже устремились в сад, прихватив с собой по кружке коричневого орехового эля и по ломтю белого хлеба, щедро намазанного

маслом и медом. Они поели на ходу, не прерывая разговора, обсуждая все дела, которые нужно будет завершить на сегодняшнем совете. Нигель был так поглощен делами и завтраком, что даже не заметил, как Дугал отстал от них на пару шагов, чтобы не подпустить к ним посторонним и дать королю с дядей возможность поговорить наедине.

— Есть еще один вопрос, о котором тебе следует подумать, пока меня не будет, — сказал Келсон, когда они остановились у фонтана, чтобы сполоснуть руки. — Я не собираюсь поднимать этот вопрос на Совете до возвращения, однако тебе хочу рассказать обо всем заранее... Особенно на тот случай, если я не вернусь назад из Торента.

Нигель стряхнул воду с рук, затем провел влажными пальцами по вискам. Подобно большинству пожилых придворных, он стриг волосы коротко, длиной до ворота.

— Надеюсь, это не какое-то дурное предчувствие? — небрежным тоном спросил он.

Келсон криво усмехнулся.

— Нет, конечно, нет. Но я говорю серьезно... И над этим стоит поразмыслить, вне зависимости от того, как у нас все пройдет в Торенте. Ты знаешь о том, что Рори питает нежные чувства к Ноэли Рэмси?

Нигель внезапно застыл, на лице его недоумение быстро сменилось изумлением, а затем и возмущением.

— Если он тронул ее хоть пальцем, то клянусь...

— Нигель, Нигель, он ее не касался, и никогда бы на это не осмелился, — заверил дядю Келсон. — Он знает, что ее хотели выдать за меня, и он точно так же чтит свой долг, как и все мы.

— Тогда, во имя Господа, кто... кто тебе сказал об этом?

— Росана вчера вечером, — пояснил Келсон, на миг отводя взор. — И я лично спросил у Рори сегодня утром. Поверь, меня это ничуть не огорчает. Девушка мне совсем не интересна.

— Вот и напрасно, — возразил Нигель. — Это очень хороший брак, с политической точки зрения.

— Но тут нет и тени сердечной склонности, если не считать склонности ее матери к моей короне, — с этими словами Келсон присел на край фонтана. — С политической точки зрения, брак между Ноэли и Рори ничем не хуже. Он еще более укрепит союз, который Халдейны заключили с Бреконом, и как совершенно верно подметила Росана, Рори мог бы даже отправиться жить в Меару, дабы там постоянно находился кто-то из Халдейнов. Будучи королем, я, разумеется, не сделал бы ничего подобного.

— Но будут... другие сложности, — напряженно проговорил Нигель, слегка поразмыслив.

Келсон глубоко вздохнул, прекрасно сознавая, что именно было причиной одной из сложностей, о которых говорил сейчас Нигель. Речь шла об Альбине Халдейне, о предательстве его отца, который приходился Нигелю старшим сыном и должен был быть его наследником.

И столь горька была боль от предательства этого сына, — чье имя отныне избегали упоминать в присутствии Нигеля, — что он признал Рори, а отнюдь не сына Конала своим новым преемником, и теперь надеялся, что тот станет со временем новым герцогом Картмурским. Так что Нигель никак не мог допустить, чтобы его наследник поселился в Меаре, на другом конце королевства.

— Да, я сознаю, что сложностей будет немало, — заметил Келсон, — и у нас еще не было времени даже все их себе вообразить, не то что найти пути решения, а завтра я должен уехать. Но в том случае, если, Боже упаси, я все же не вернусь из Торента, этот брак может оказаться вдвойне полезным для нас. К тому же, о многих проблемах, которые тревожат меарцев, мы говорили с ними на переговорах прошлым летом.

— Так что будем опираться на это, — продолжил он, поднимаясь на ноги. — Собственно, мне только что пришло на ум, что если уж и впрямь Халдейнский принц станет постоянно проживать в Меаре, то мы могли бы сделать эту провинцию вице-королевством... тем самым усмирив тамошних бунтарей. Для них это почти так же приятно, как получить полную независимость.

Они медленным шагом двинулись в парадный зал.

— О, конечно, Рори еще очень молод. Его нужно будет окружить мудрыми и опытными советниками, по крайней мере поначалу... И дать ему попривыкнуть.

Нигель, не торопясь, кивнул, ибо прекрасно сознавал, насколько разумны все замыслы Келсона. И все же, судя по всему, это не доставляло ему особого удовольствия.

— Конечно, я сделаю все, как ты пожелаешь... Но надеюсь, ты сознаешь, что выдав Ноэли Рэмси за Рори, ты сам лишаешься превосходной невесты.

— Однако так будет лучше для Гвиннеда, дядя, — поморщившись, возразил Келсон. — Ведь нам надлежит думать именно об этом, раз уж я не могу жениться на той женщине, которую люблю.

— Келсон, должен ли я говорить тебе, как я сожалею?..

— О, я знаю... И если бы здесь была твоя вина, я мог бы затаить обиду. Но твоей вины здесь нет. — С тяжелым вздохом он подал знак Дугалу, чтобы тот присоединился к ним. — Однако давай поговорим о женитьбе, когда я вернусь из Торента. И без того меня уже предупредили о том, что следует опасаться самого худшего, когда мы остановимся в Короте. Морган говорит, что Риченда всю зиму собирала портреты подходящих невест, да и Арилан, похоже, кого-то для меня присмотрел. Я очень постараюсь быть внимательным... Но только ради Гвиннеда.

Глава четвертая

Мирная жертва у меня: сегодня я совершила обеты мои[1]

В это же утро, в то самое время, когда король и его дядя присутствовали на заседании королевского совета Гвинне-да, Аларик Морган, герцог Корвинский, в полном боевом облачении скакал по дороге из Дессы в Ремут вместе с двумя посланниками из Торента. Их сопровождал большой эскорт королевских лучников Халдейнов и мавританские конники, так и не сменившие своих одеяний кочевников. Все они скакали по двое, в полном молчании, и тишину нарушало лишь звяканье упряжи и приглушенный стук копыт по немощеной дороге. Вдалеке слева виднелась серебристая лента реки, над которой под лучами солнца понемногу начал рассеиваться туман, обещая теплый, но сырой день.

Уже и сейчас, на вкус Моргана, сделалось жарковато, в особенности в ездовых доспехах и кольчуге. Ни ветерка, ни дуновения воздуха, — и Морган с раздражением отбросил прилипшую ко лбу прядь влажных волос, а затем слегка натянул поводья, чтобы его конь не толкнул гнедого жеребца Сэйра Трегерна, ехавшего впереди. Рядом с Сэйром, который коман-

[1] Притчи 7:14

довал отрядом гвардейцев, ехал державный герольд на сером боевом жеребце. В руках он, как и положено, держал походное двухвостое знамя Халдейнов, но сейчас шелковое полотнище обвисло, облепляя древко, так что вышитая золотом буква «К», символ королевского сана, была почти не видна в складках ткани.

Треугольный походный стяг мавров куда лучше походил для такого безветрия. Их знаменосец ехал прямо перед двумя подопечными Моргана. По верхнему краю знамени была закреплена жесткая проволока, так что черно-белое изображение оленя в прыжке, являвшегося символом Торента, ясно читалось на огненном фоне. Такие же ярко-рыжие перья украшали белые тюрбаны мавров, а также гривы и поводья их скакунов.

До сих пор путешествие проходило без всяких приключений. Оба посланца, разумеется, были Дерини, точно так же, как и Морган, поэтому от них следовало ожидать любых неожиданностей, и они могли бы причинить немало бед, если бы решили нарушить перемирие, которое Торент вынужден был заключить с Гвиннедом после того, как их король сделался заложником при дворе Келсона. Но несмотря на то, что до сих пор в отношениях Гвиннеда и Торента случалось всякое — от простого обмана до кровавого предательства, — Морган сомневался, чтобы сейчас эти двое предприняли что-то незаконное, покуда Лайем не вернется в свою державу.

Куда больше следовало опасаться, что какие-то враждебные действия могут быть предприняты во время коронации Лайема, и его подданные попытаются отомстить Гвиннедскому королю, который удерживал того в заложниках долгих четыре года, —

ибо Келсон должен был присутствовать на церемонии вместе со свитой, и в обряде, полном неведомых им магических символов, таилось множество опасностей, не говоря уже о том, что гвиннедцы в Торенте будут в явном меньшинстве. Увы, но до сих пор торентцы давали мало поводов для доверия.

Кроме того, и сам Лайем подвергался опасности не меньшей, чем его бывшие опекуны, если правдивы слухи относительно дядьев мальчика. Но даже если все пройдет гладко, — в чем Морган, к несчастью, до глубины души сомневался, — как минимум, следовало ожидать, что церемониальные торжества будет чудовищно длинными, утомительными и потребуют ото всех участников массы усилий.

Обернувшись через плечо, он улыбнулся своему пасынку Брендану, который сейчас служил при нем пажом. Брендан широко усмехнулся в ответ. Моргану очень не хотелось брать с собой мальчика в этот раз, хотя бы даже из-за физической нагрузки, — три поездки из конца в конец от Ремута в Дессу и обратно, и достаточно резвым ходом, — но Брендан упросил его, и Морган уступил. По крайней мере, никакая прямая опасность им вроде бы не грозит, несмотря на близость торентцев. Брендан все же был отчасти Дерини, — хотя ему сравнялось всего одиннадцать лет, но у него были отлично развитые защиты, и, благодаря наставничеству матери, он не по годам хорошо мог распознать попытки чужого ментального воздействия, если вдруг кому-то вздумается воспользоваться его юностью и доступом к высокопоставленным сановникам.

Кроме того, он мечтал отправиться с королем в Белдор, хотя до сих пор Морган не дал ему окончательного ответа. В поддержку своей просьбы Брен-

дан указал, — вполне разумно и без малейшего высокомерия, — что деринийские умения, впитанные им от матери, могут оказаться полезными в этой поездке, ибо он уже начал обучаться чарам истины, но по молодости лет и незначительности статуса мало кто из придворных был склонен обращать на него внимание и, соответственно, держаться настороже. И все же Морган был пока не готов подвергнуть мальчика таким испытаниям и возможным опасностям... И к тому же Риченда явно была бы против.

Внезапно лошадь Моргана оступилась, он выровнял ее шпорами и поводьями, вновь вернувшись мыслями к двум своим чужеземным спутникам. Торентцы прибыли в Дессу накануне вечером на юркой боевой галере под эскортом собственного корабля Моргана, «Рафалии». Со старшим из двоих Морган был давно знаком: еще в самом начале, когда Лайем только появился при гвиннедском дворе, аль-Расул ибн Тарик был назначен регентами Лайема официальным посредником между двумя королевствами, и они с Морганом относились друг к другу с изрядной долей симпатии, хотя и не без опаски. Тем не менее, размышлял Морган, автоматически повинуясь знаку, поданному Сэйром Трегерном, чтобы лошади перешли на рысь, он до сих пор почти ничего не знал об этом утонченном и загадочном Расуле, с того первого дня их знакомства, когда мавр въехал на своем скакуне прямо в парадный зал Ремутского дворца вместе с гепардом, что восседал в седле за спиной у всадника. Этот смуглокожий Дерини, изысканный в речах и всегда ускользающий, блестящий царедворец, умел угрожать, передавать волю своих хозяев, вести ни к чему не обязывающие светские беседы, одновременно почти ничего не выдавая ни о

себе самом, ни об истинных целях и замыслах своих господ.

Если не считать искренней любви к своему юному королю, то, пожалуй, единственный личный интерес, который он выдал за все четыре года, это страсть к зодчеству. На родине, в Торенте, он сам разработал планы и возвел несколько замков и укрепленных городов, поэтому остроглазый Расул всегда старался в свои приезды в Ремут изучить градостроительные чудеса столицы, — но, в подробностях распространяясь на эту излюбленную тему, он все же ухитрялся ускользать от любых прямых расспросов. Они с Морганом относились друг к другу с уважением и даже с пониманием, однако здесь не могло быть подлинного доверия, учитывая, что каждый служил своим хозяевам. Если бы того потребовали политические обстоятельства, Морган ничуть не сомневался, что Расул стал бы грозным и опасным противником.

Однако еще большую тревогу, поскольку он был для герцога Корвинского совершенным незнакомцем, вызывал бородатый молодой человек, скакавший рядом с Расулом: граф Матиас, младший брат регента Махаэля и, следовательно, дядя юного короля, — разумеется, он также являлся искусным Дерини. Если не брать в расчет самого Лайема, то лишь второй племянник и двое братьев стояли между Матиасом и троном Торента... А в семействе Фурстанов никогда не придавали особого значения узам крови и прочим нелепым предрассудкам. Хотя утверждали, что сам Матиас не питает никаких политических амбиций и уделяет все свои силы и время семье и своим виноградникам, Морган в глубине души сомневался, что подобное утверждение можно со всей

искренностью отнести хоть к кому-то из Фурстанов. Алчность и интриги были у них в крови, они впитывали это с молоком матери.

На вид, Матиас выглядел невозмутимым и уверенным в себе, вполне достойным своего титула и ранга, — однако черные волосы он заплетал в косу и сворачивал на затылке узлом, как подобает воину, и Морган не сомневался, что под верхней просторной накидкой на нем надета кольчуга... точно так же, как и у всех остальных всадников. В седле он тоже держался как истинный боец, одновременно расслабленный и напряженный, замечая все вокруг себя. У Моргана не было никаких сомнений, что аристократ Матиас, скорее всего, великолепно владеет длинной изогнутой саблей, что висела у него на левом бедре, — не хуже, чем магической силой, скрытой за непроницаемыми щитами.

Тем не менее, несмотря на то, что внешне он выглядел как и подобает облеченному властью человеку, прибывшему с важной дипломатической миссией, Матиас показался Моргану не вполне типичным представителем дома Фурстанов, — может быть, в нем чувствовалась какая-то мягкость, и к тому же, он явно был глубоко верующим человеком. Когда он только сошел на причал в Дессе, приветственно склонив голову, пока Расул представлял их друг другу, Морган заметил у него на груди блеснувшую в солнечном свете крохотную иконку Пресвятой Девы, богато отделанную серебром и эмалью. И хотя в дороге граф спрятал драгоценную реликвию под тунику, Морган не сомневался, что он носит ее не просто по привычке или повинуясь обычаям. Подобные же образки Моргану доводилось видеть у восточных патриархов, когда он был с визитом при дворе Хор-

та Орсальского. Обычно их украшали рубинами и розовыми бриллиантами, а порой и жемчугом.

Одеяние Матиаса также скорее вызывало в памяти византийскую роскошь и не слишком напоминало шелковую одежду кочевников пустыни, которую предпочитал Расул и прочие торентцы. На нем была синяя расшитая туника с широкими рукавами, отороченная бархатом, с высокими разрезами по бокам и сзади, под которой виднелась нижняя плотная туника, еще более темно-синего цвета, с высоким воротом, расшитая золотым шнуром. На голове же у него красовалась не изящная *кефия* Расула с золотыми шнурами, символизировавшими корону, и не белоснежный мавританский тюрбан, как те, что всадники надевали поверх островерхих шлемов, но высокая плосковерхая шапка из коротко стриженного меха, спереди украшенная самоцветами.

Сэйр впереди вновь подал знак, и всадники мгновенно повиновались, переводя всхрапывающих лошадей на шаг. До Ремута оставалось меньше часа пути, и они наконец выехали из леса и двинулись по высокому берегу реки. Здесь воздух сделался чуть посвежее, подул даже легкий ветерок, обещая прохладу в конце дня. Неожиданно за спиной у Моргана Матиас шепотом обменялся парой слов с Расулом, затем поменялся с ним местами, и теперь именно он, а не Расул оказался слева от Моргана. Герцог мгновенно насторожился.

— Как вижу, король Гвиннеда правит богатой и красивой страной, — без предисловий заявил Матиас, взглядом обводя реку и плодородные поля на другом берегу. — Но объясните мне, почему на этих склонах не сажают виноград?

Он указал на далекие холмы, и Морган тут же припомнил, что этот молодой человек увлекался виноделием. Сам Морган разбирался лишь в качестве вин, подававшихся к столу, ибо климат Корвина не благоприятствовал лозе, однако возможно, разговор на эту тему поможет ему добыть какие-то полезные сведения о торентском принце.

— Увы, я точно не знаю, — промолвил он. — Должно быть, климат не совсем подходящий... Или солнечный свет падает не под тем углом. Насколько я понял из слов лорда Расула, вы хорошо разбираетесь в этих вещах?

Матиас с легкой улыбкой пожал плечами и покосился на Расула, который молча кивнул.

— Аль-Расул щедр в своих похвалах, как и всегда, — отозвался Матиас. — Мои виноградники долго пребывали в запустении, и мне предстоит еще многому научиться. Я получил свои владения в наследство от покойного герцога Лионела, доводившегося мне двоюродным братом. По-моему, вам с ним однажды доводилось встречаться.

Морган слегка напрягся, ибо Матиасу было прекрасно известно, что Морган присутствовал при гибели Лионела, хотя убил его Келсон вместе с Венцитом и Брэном Корисом, отцом Брендана. Сам Морган считал, что это были убийства из необходимости, — в худшем случае их можно было назвать казнью, — однако Матиас мог совсем иначе относиться к этим вещам, особенно если знал, что именно Морган научил Келсона способам убийства с помощью магии.

— Наша встреча произошла при весьма прискорбных обстоятельствах, милорд, — осторожно вымол-

вил Морган. — Мы все служим своим государям и стараемся делать это достойно...

— Полагаю, вы правы, — согласился Матиас, — и даже в моей стране всем известно, что герцог Корвинский — человек чести.

Не дождавшись ответа от Моргана, он со вздохом уставился прямо перед собой.

— Поймите меня правильно, милорд, я едва знал Лионела, — заметил он чуть погодя. — Он был сыном первой жены моего отца, и уехал ко двору, когда я был еще младенцем. В тот день с Венцитом ему не повезло оказаться на проигравшей стороне... И я отнюдь не уверен, что Торенту пошло бы на благо, если бы в тот день победил мой король, а не ваш.

— Неожиданно слышать подобные речи от торентского принца, — заметил Морган.

Матиас пожал плечами.

— Прошлое не изменить. Что случилось, то случилось. Он был моим братом, но я не виню в происшедшем ни вас, ни даже вашего короля. Это Венцит установил правила поединка, а дальше каждый отвечал лишь сам за себя.

— Воистину так, — согласился Морган.

— Но довольно о прошлом, — бодрым тоном продолжил Матиас. — Я завел разговор об этом лишь с той целью, дабы заверить, что не питаю к вам недобрых чувств. Тот день был в руках Божьих... *инш'аллах*, как сказал бы мой достопочтимый спутник аль-Расул: все в воле Божьей. И к тому же я получил владения в Комнэне.

Со вздохом он вновь взглянул на реку.

— Как же я люблю эти края! — искренне признался он. — Там река, очень похожая на эту. Сейчас в поместье живет моя жена с сыном... Я люблю смот-

реть, как растет виноград, как зреют гроздья на лозе. — Он широко, по-мальчишески улыбнулся, бросив взгляд на Моргана. — И моя жена зреет также. Она сейчас беременна нашим вторым ребенком.

— Тогда примите мои искренние поздравления, — отозвался Морган любезно, чувствуя, что собеседник его преисполнен отцовской гордости. — Могу ли я спросить, сколько лет вашему сыну?

— Через пару месяцев будет три года.

— В самом деле? — с широкой улыбкой отозвался Морган. — А моему исполнилось три в мае.

Матиас задумчиво покосился на него.

— Тогда, возможно, в один прекрасный день они станут друзьями.

— Все возможно, — нейтрально отозвался Морган. — Надеюсь, по крайней мере, что они никогда не будут врагами.

Матиас оценивающе смерил его взглядом, затем осторожно кивнул.

— *Инш'аллах*, — пробормотал он почти про себя. — А как насчет Лайема-Лайоса? Стали они друзьями с вашим Келсоном? И станет ли он другом своему собственному народу?

— В этом вы скоро убедитесь сами, — ответил Морган, не переставая улыбаться. — Думаю, вы не будете разочарованы. Взгляните вперед. Вон там, в дымке... уже показались башни Ремута.

* * *

Под стук копыт они въехали во двор Ремутского замка, после того как пересекли весь город по главной улице.

От городских ворот в замок был немедленно послан гонец, и слуги уже выстроились наготове, чтобы

принять поводья лошадей и позаботиться о всадниках.

— Он принимает придворных в парадном зале, — поспешил сообщить Рори Моргану, торопливо спустившись по лестнице, опережая лорда Кемберли, помощника кастеляна.

Двое пажей тут же поднесли освежающие напитки вновь прибывшим, вино для Моргана, Матиаса и Сэйра и прохладную чистую воду для Расула, который не употреблял спиртного.

Морган сделал большой глоток, с удовольствием отметив, что пьет превосходное везарийское красное вино с фруктовым привкусом, бросил взгляд на Матиаса, а затем тыльной стороной ладони утер рот, готовый приветствовать Кемберли, протолкавшегося мимо Брендана и конюхов, занятых лошадьми.

— Добро пожаловать, милорды. Ваша милость, желают ли гости пройти сразу в парадный зал или хотели бы сперва освежиться в своих покоях?

— Не вижу нужды откладывать, — промолвил Расул, подозвав Рори поближе. — Матиас, позвольте вам представить старшего сына герцога Нигеля, сэра Рори Халдейна. Сэр Рори, позвольте вам представить графа Матиаса Фурстана Комнэне, одного из дядей Лайема-Лайоса.

Рори широко улыбнулся и изящно поклонился вновь прибывшим.

— Граф Матиас, это большая честь для нас. Ваш племянник был превосходным учеником... Отличным оруженосцем. Истинное украшение нашего двора. Нам будет недоставать его. Я лично буду очень по нему скучать.

— Вижу, у него появился по меньшей мере один друг среди Халдейнов, — с легкой улыбкой заметил

Матиас. — Он и сегодня выполняет обязанности оруженосца?

— О, да, милорд, король Келсон проводит посвящение в титул нового барона. Желаете ли посмотреть на церемонию? Мой младший брат вместе с вашим племянником тоже помогает королю.

В ответ на вопросительный взгляд Матиаса Морган сделал приглашающий жест к дверям парадного зала.

— Думаю, что это ненадолго, милорд. Мы можем понаблюдать сзади. Насколько я понял со слов лорда Расула, вы не настаиваете ни на каких особых церемониях для себя лично?

В густой, коротко подстриженной бороде Матиаса блеснули белые зубы, и в глазах вспыхнули веселые искорки.

— Прошу простить меня, милорд, но сомневаюсь, что вы можете даже вообразить себе, какие церемонии ожидают нас по приезде в Белдор. Нет, здесь, в Ремуте, мы бы предпочли обойтись без лишних обрядов, если не считать необходимой вежливости, каковой требует дворцовый этикет. И все же мне поручили особым образом представиться своему племяннику. Вы позволите?

— Разумеется.

Матиас ненадолго отошел, чтобы перемолвиться парой слов с маврами, ожидавшими у него за спиной, а Расул двинулся по лестнице вслед за Рори ко входу в главный зал. За ними следом прошли и Морган с Матиасом, а мавры выстроились почетным караулом, причем двое принялись отвязывать какой-то объемистый сверток с седла одной из запасных лошадей.

Парадный зал, как всегда, был полон золотистого света, проникавшего сюда из высоких окон на западной стороне, что выходили на дворцовый сад. У возвышения в дальнем конце зала собралось, должно быть, с полсотни мужчин и женщин, внимательно наблюдающих за церемонией. Там сидел Келсон рядом со своими сановниками, на черных волосах возлежала изукрашенная самоцветами корона, а на коленях покоился обнаженный меч. Герольд, развернув лист пергамента, зачитывал какой-то документ, Дункан с Дугалом стояли по бокам от него, причем первый был в пурпурной мантии епископа, а второй в полном парадном облачении и с герцогской короной на голове.

У подножия возвышения преклонил колени темноволосый Джатам Килшейн. На нем была накидка с гербом алого, черного и золотого цвета. Покосившись на Матиаса, Морган задумался, какое впечатление может произвести на торентского лорда король Гвиннеда и его подданные.

Герольд опустил пергамент, и Келсон изящным движением протянул руку к Джатаму, а затем бросил взгляд на Дугала, который спустился на одну ступеньку, чтобы принять клятву верности у нового барона. Рыжие волосы и корона Дугала вспыхнули в луче солнечного света, упавшего на них, когда Дугал принял в свои ладони сложенные руки Джатама. За спиной у него дожидались двое оруженосцев, несущие все регалии ранга. Они тоже щурились в ярком солнечном свете. Это были Пейн и Лайем, на удивление похожие, в алых одеяниях Халдейнов. Вьющиеся волосы Пейна казались иссиня-черными, в шевелюре Лайема мелькали рыжеватые отблески. Позади них стоял Нигель с державным стягом в руках, а Джан-

нивер и Мерауд наблюдали за происходящим сбоку, из оконной ниши.

— Вот ваш племянник, он держит подушечку с коронами, — прошептал Морган графу Матиасу. — Отсюда издалека их трудно различить, когда они в парадной одежде. А второй оруженосец — это Пейн Халдейн.

— А-а, Ну, а кто этот юноша в клетчатой накидке?

— Дугал, герцог Кассанский, сюзерен нового барона, — пояснил Морган. — Он также кровный брат короля.

— Понятно.

— ...стать верным вассалом твоим до смертного часа, повиноваться воле твоей, восславить баронство Килшейн, служить земле и народу... — донесся до них голос Джатама.

Церемония продолжалась. Расул что-то шепотом пояснял Матиасу, и тот повернулся, так же тихо отвечая своему спутнику. Морган не пытался подслушать их разговор, внимательным взглядом окидывая зал. Он тотчас заметил, как насторожился Келсон, когда Рори проскользнул ближе и что-то прошептал королю на ухо, и тотчас напрягся Дункан, стоявший рядом с королем, и взгляд его голубых глаз устремился на вновь прибывших.

— ...даю тебе клятву и всем людям под покровительством Кассана и нашему господину королю Келсону Гвиннедскому, чьим вассалом я являюсь, — говорил тем временем Дугал, — что буду защищать тебя от любых врагов и напастей, платить верностью за преданность и справедливостью за честь.

Лишь сейчас Морган заметил человека, которого, должно быть, искал глазами и Дункан, — высокую фигуру в черном, устремившуюся сквозь толпу к

задним дверям. Это был иеромонах Иреней, которого прошлой зимой прислали сюда из Торента, дабы обучить Лайема тонкостям этикета и подготовить во всех деталях к церемонии восшествия на престол. Арилан в особенности был недоволен его приездом, ибо иеромонах преследовал еще одну цель: наставить Лайема в ортодоксальной вере, — которая, несомненно, сильно пошатнулась после четырех лет пребывания мальчика при дворе, где соблюдали западную веру. Кроме того, постоянное присутствие при дворе столь опытного Дерини, как Иреней, несомненно, таило в себе опасность.

По счастью, отец Иреней оказался любезным, неглупым человеком, не слишком закосневшим в догматах веры и не желавшим стеснять свободу своего молодого короля. К тому же, насколько могли судить окружающие, он ни разу и ни в чем не преступил границ своих полномочий. Отец Нивард, который проводил с Иренеем немало времени, утверждал, что тот глубоко верующий и набожный человек.

Приблизившись, иеромонах приветственно кивнул Моргану. Как и всегда, на священнике была высокая плосковерхая шапка с длинной накидкой сзади. В отличие от своих западных собратьев, он носил длинные волосы и бороду. Он негромко поприветствовал Расула с Матиасом, причем последний уважительно склонился, дабы поцеловать иеромонаху руку. Все трое неслышно выскользнули наружу, вероятно, для того, чтобы подготовиться к торжественному появлению в зале. Морган проводил их взглядом, затем послал за ними Брендана, чтобы тот мог оказать необходимую помощь, но также и внимательно понаблюдал за происходящим.

Тем временем церемония введения в титул подходила к концу. Король обнял нового барона и вручил ему символы власти. Как только Джатам с супругой встали у края возвышения и зал разразился приветственными одобрительными возгласами, Морган уверенно шагнул вперед.

Келсон заметил его задолго до предупреждения Рори, и теперь выжидающе смотрел на приближающегося Моргана, перед которым с почтительным шепотом расступались придворные, ибо большинство из них хорошо знали, с каким поручением он уезжал из дворца в этот раз. Приветственно кивнув, Морган стремительно поднялся по ступеням и опустился на одно колено перед Келсоном. Дункан с Дугалом тут же встали по левую руку от короля, и оба, по безмолвному знаку Моргана, придвинулись ближе, чтобы лучше слышать его слова.

— Второй посланец с Расулом — это граф Матиас Фурстан Комэне, брат Махаэля, шепотом пояснил Морган в ответ на незаданный вопрос Келсона.

«Кроме того, — добавил он мысленно, — он приходится двоюродным братом Лионелу, тому самому, которого ты убил вместе с Венцитом и отцом Брендана. Судя по всему, он не таит на нас зла, хотя намеренно сообщил мне, что ему все известно об этой истории.»

— Они просили, чтобы не было никаких особых церемоний, — продолжил он вслух. — С политической точки зрения, полагаю, было бы неплохо, чтобы юный Лайем самолично встретил их.

Келсон понимающе кивнул. Оставалось надеяться, что Матиас не создаст им лишних проблем... Он бросил взгляд на Лайема, ожидавшего рядом с Нигелем, и поманил мальчика пальцем. Тот немедленно

подошел и опустился на одно колено рядом с Морганом, спиной ко входу в зал.

— Сир?

Келсон с легкой улыбкой придвинулся к нему ближе.

— Лайем-Лайос, король Торентский, желаете ли вы принять посланцев из вашей державы?

Он задал свой вопрос нарочито шутливым тоном, и его слышали лишь те, кто находился рядом. Лайем тут же застыл и напрягся, подавляя искушение оглянуться через плечо.

— Сир, а это обязательно? — прошептал он. — Я ведь еще несколько дней могу оставаться вашим оруженосцем!

— Но ты также и их король, — возразил Келсон негромко. — Разве ты не желаешь встретить их со всей положенной любезностью? Они прибыли издалека, дабы сопроводить тебя домой.

— Но кто они такие? — спросил Лайем.

Келсон бросил взгляд на Моргана, и тот слегка поклонился Лайему.

— Ваш старый друг Расул... увы, без своего гепарда. И граф Матиас.

— Дядюшка Матиас здесь? — изумленно выдохнул Лайем.

— О, да, мне он показался довольно любезным, — ответил Морган. — Вам известно о нем что-то такое, что нам также следовало бы знать?

— Нет, сударь, просто... Сир, я этого не ожидал, — выпалил он, вновь обращаясь к Келсону. — Здесь, при вашем дворе... Я не думал...

— Если ты предпочитаешь, чтобы я сам принял их, я так и сделаю, — промолвил Келсон. — Мы все понимаем, что тебе нужно какое-то время, чтобы

привыкнуть. Но с другой стороны, это могло бы быть не столь плохим началом...

Лайема, судя по всему, смущала подобная перспектива, и все же он кивнул, выпрямился и поднял подбородок.

— Я буду счастлив принять посланцев из Торента, — произнес он церемонно. — Отец Иреней обучил меня необходимому этикету.

— Думаю, о вопросах этикета тебе волноваться незачем, — с улыбкой ответил Келсон. — Насколько я понял, они желают, чтобы все прошло без излишних формальностей. Ну что ж, встань здесь, по правую руку от меня.

Лайем, похоже, наконец сумел собраться с мыслями. Он глубоко вздохнул, и теперь по его виду уже нельзя было определить, как сильно он нервничает. Морган также поднялся на ноги, и они оба обернулись лицом ко входу в зал.

— Пригласите сюда посланцев из Торента, — велел Келсон герольду и также встал, приняв из рук Дугала меч Халдейнов, вложенный в ножны, и устраивая его на сгибе левой руки.

Приказ был тут же передан, двойные двери в конце зала распахнулись, и по двое в них начали входить мавры в белоснежных одеждах. Но их оказалось лишь десять человек, и появление их не сопровождалось ни боем барабанов, ни ревом труб, ни какими-либо иными восточными церемониями, которые так любили иные торентские гости.

Едва лишь мавры расступились и встали по обе стороны прохода, как показался аль-Расул ибн Тарик в просторном желто-золотистом одеянии, уже так хорошо известном при дворе. По пятам за ним следовал отец Иреней и молодой человек с коротко под-

стриженной бородкой, — наверняка, тот самый граф Матиас. В руках он нес какой-то сверток, обернутый в пурпурную ткань, и поприветствовал Келсона церемонным поклоном.

Отец Иреней нагнул голову, молитвенно сложив руки на груди, Расул отвесил куда более изысканный поклон, изящным жестом прижимая смуглую руку к груди, к губам и ко лбу.

— Пусть Аллах милосердный и всемогущий дарует мир и процветание этому дому, — промолвил Расул. — Как всегда, я здесь, дабы передать Келсону Гвиннедскому приветствия и наилучшие пожелания от регентов Торента — леди Мораг Фурстаны и милорда Махаэля Фурстана Арьенольского. Кроме того, особые слова я принес моему государю и падишаху, Лайему-Лайосу, которого хочу поздравить с достижением им совершеннолетия, и чьего возвращения с нетерпением ожидают все его подданные. — Он вновь поклонился Лайему.

— С любезного позволения короля Келсона, я бы также хотел представить вам графа Матиаса Фурстана Комэне, брата лорда Махаэля, который явился сюда с дарами для своего племянника.

Келсон кивнул, и Матиас вновь поклонился, — куда ниже, чем в первый раз.

— Благодарим вас, лорд Расул. Как и всегда, мы рады приветствовать вас при нашем дворе. И вас, граф Матиас, также. Мои наилучшие пожелания вашему роду. Лайем-Лайос, вы можете принять ваших гостей и их дары.

Лайем глубоко вздохнул и сделал шаг вперед, склонив голову, тогда как Расул, Матиас и Иреней в пояс поклонились ему.

— Милорд Расул, я всегда рад видеть вас, — напряженным голосом промолвил мальчик. — И вас также, дядя Матиас. Мы уже давно не встречались...

— На то была не моя воля, — отозвался Матиас с легкой улыбкой. — Эти четыре годы мы были заняты другими делами. Но я упросил Махаэля, чтобы он позволил мне отправиться за тобой. Я по тебе скучал, Лайе.

Мало-помалу из глаз мальчика исчезло затравленное выражение, по мере того, как он слушал Матиаса, и он даже выдавил слабую улыбку на губах, заслышав свое детское имя.

— Спасибо, Матиас, — прошептал он.

— Думаю, ты был бы куда больше мне благодарен, если бы я мог избавить тебя от всей этой помпезной церемонности, что ожидает впереди. Но отец Иреней нас заверил, что ты ко всему готов. Для этого госпожа твоя матушка прислала это парадное одеяние, дабы ты мог быть одет подобающим образом при въезде в свое королевство.

С этими словами он встряхнул сверток, который держал в руках, и разложил его перед собой на ступенях. Это оказалось одеяние, очень похожее на его собственное: длинная пурпурная, отороченная мехом туника, еще богаче расшитая золотом, с застежками из огромных самоцветов.

— Я осмелился заметить, что подобный наряд едва ли подойдет оруженосцу или будет удобен для путешествия по морю, — с этими словами Матиас пожал плечами, поскольку заметил изумленно-испуганный взгляд Лайема, — но она очень настаивала. — Он за ворот передал одеяние Расулу, который перекинул его через руку. — А вот то, что прислали тебе Махаэль с Теймуразом, возможно, придется больше по

вкусу и подойдет к любому наряду. Я сам помогал им выбрать это из королевской сокровищницы в Белдоре.

Из складок ткани, в которую тот был завернут, Матиас извлек изящный обруч-корону из чистого золота, шириной в три пальца, украшенный дымчатыми рубинами, жемчугом и отшлифованными изумрудами величиной с ноготь большого пальца.

— Конечно, это еще не корона Фурстанов... пока что, — промолвил Матиас, протягивая ее Лайему в обеих руках, — но, возможно, она подойдет, до тех пор пока тебя не коронуют в базилике святого Иова.

С этими словами он одной ногой ступил на возвышение, возможно, намереваясь подойти ближе, но прежде, чем он успел дотянуться до Лайема, или тот сам вздумал бы спуститься за короной, вмешался Морган и взял обруч из рук Матиаса, мгновенно проверяя его с помощью способностей Дерини, а затем, через пару мгновений, отдал священную реликвию Келсону.

«Все чисто, — мысленно передал Морган королю. — Однако здесь скрыт тайный символизм. Лишь ты один имеешь право вручать подобную корону Лайему, поскольку он — твой вассал».

Но Келсон успел это сообразить раньше, чем Морган вмешался. Едва ли стоило винить Матиаса в том, что он пытался таким образом укрепить независимость своего повелителя. Это никоим образом не меняло его личного отношения к Келсону. Сам король, держа венец в руках, не ощущал в нем ничего более угрожающего, нежели простое христианское благословение. Впрочем, он и не ожидал никакой угрозы, ибо даже Махаэль не осмелился бы напасть на Лайема или на самого Келсона при всем гвиннед-

ском дворе, рискуя развязать тем самым настоящую войну.

Граф с улыбкой проследил взглядом за тем, как Келсон передал корону Лайему. Должно быть, он был готов ко всему происшедшему. Мальчик безрадостно улыбнулся, принимая свой венец, прошептал какие-то слова благодарности, мельком взглянул на корону, но надевать ее не стал.

— Спасибо, дядюшка. Я примерю ее в более подходящее время. Но сегодня... я по-прежнему остаюсь оруженосцем.

— Однако, сдается мне, срок твоей службы уже подошел к концу, мой господин, — резонно возразил Расул. — Ты возвращаешься к своему народу.

Лайем опустил взор со смущенным видом, и Келсон не мог не задаться вопросом, виной ли этому простая нервозность, или здесь кроется нечто большее.

— Возможно, этот разговор нам стоит продолжить наедине, — произнес он негромко, и ласково опустил руку мальчику на плечо. — Ныне время великих перемен для Лайема-Лайоса. Господа, не будете ли вы столь любезны присоединиться к нам в гостиной?..

Глава пятая

Чтобы посадить его с князьями, с князьями народа его[1]

С любезным и беззаботным видом Келсон увлек за собой Лайема к боковой двери зала, взглядом поманив следом Нигеля с Дугалом, а Пейн устремился вперед, дабы отдернуть перед королем тяжелый занавес, закрывавший проход. В глубине души Келсон надеялся, что его тревога ни на чем не основана, и мальчик просто нервничает, однако не стоило упускать из виду, что для всех для них граф Матиас по-прежнему оставался неизвестной угрозой... Как-никак, он приходился братом Махаэлю.

Уже на выходе из зала, провожаемый недоуменными перешептываниями придворных, король обернулся и увидел, что Расул передал парадное одеяние Лайема отцу Иренею, переглянулся с Матиасом, и оба они последовали за королем, но поскольку Иреней остался на месте, то Келсон попросил Дункана не уходить из зала, хотя Морган поспешил присоединиться к королю. Под конец они вошли в небольшую гостиную, что располагалась прямо за парадным залом. Там Келсон нередко проводил заседания

[1] Псалтирь 112:8

королевского совета, если обстоятельства требовали собраться в спешке.

— Господа, мы присоединимся к вам через пару минут, — сказал он Расулу с Матиасом, приглашая их войти, а сам вручил свой меч и корону Дугалу. — Аларик, вы с Дугалом пока могли бы ознакомить наших гостей с планами на вечер. Дядюшка Нигель, пожалуйста, пойдемте с нами...

Расулу с Матиасом ничего не оставалось, как повиноваться, хотя вид у них был при этом не слишком довольный, но им все же пришлось войти в гостиную вместе с Морганом и Дугалом. Как только дверь за ними закрылась, Келсон увлек Нигеля с Лайемом в небольшую нишу у лестницы и там встал со своим дядей плечом к плечу, чтобы укрыть Лайема от посторонних взоров, если бы вдруг мимо случилось пройти кому-то из слуг или стражников.

— А теперь — ты не хочешь ничего рассказать нам насчет Матиаса? — негромко промолвил Келсон. — Или что-то не так с этими дарами? В чем дело, Лайем? Я должен знать наверняка, иначе я не смогу тебя защитить.

Лайем понурил голову, нервно теребя украшенный самоцветами венец, который по-прежнему держал в руках. Он пошевелил губами, но ни единого звука не сорвалось с его уст.

— С дядей Матиасом все в порядке, сир, — наконец выдавил он и потряс головой. — Он был моим наставником в магических искусствах. Я знаю, что он никогда мне не навредит. И дело не в подарках... Просто они означают так многое...

— Да, ведь теперь тебе предстоит стать королем, — догадался Келсон. — Надеюсь, дело лишь в этом. Но ты очень хорошо подготовлен... По крайней мере,

настолько, насколько это вообще возможно. И уж конечно, куда лучше, чем я в свое время.

— Знаю.

Лайем на миг поднял глаза, и в них блеснули слезы, — сколь бы унизительным это ни было для мальчика, — он сердито смахнул их тыльной стороной ладони, а затем вновь вскинул голову. С незаметной улыбкой Нигель достал носовой платок и протянул его мальчику, ибо для всех пажей и оруженосцев он был всегда любящим и заботливым отцом и наставником.

— Лайем, ты был с нами четыре года, — произнес он негромко, и мальчик вновь зашмыгал носом. — У тебя здесь появились друзья. Это вполне естественно... Так и должно быть. Но ты же знаешь, никто не собирался оставлять тебя здесь навечно. Ты воспитывался при гвиннедском дворе лишь до своего совершеннолетия, чтобы обеспечить тебе безопасность, и обучился здесь всему, что должен знать и уметь король. Но теперь этот этап твоей жизни завершен. Тебе четырнадцать лет, и ты мужчина.

— Да, и по законам вашей земли, и нашей, как мужчина я волен сам принимать решения, — пробормотал Лайем, и в голосе его явно слышались нотки вызова. — Это значит, что я вправе сам решать, каким должно быть мое будущее. Это значит, что если пожелаю, я могу не возвращаться в Торент.

— Да, верно, — подтвердил Келсон, взглядом давая перепуганному Нигелю знак не вмешиваться. — По закону, ты достиг совершеннолетия, а это значит, что ты и впрямь можешь отказаться ехать домой, и по закону, никто не имеет права заставить тебя силой. Однако закон также гласит, что если ты не вернешься, то твой дядя Махаэль сместит тебя с престо-

ла и посадит на твое место Ронала. Твоему брату всего десять лет, Лайем. Он немногим старше, чем был ты сам, когда умер Алрой... А следующим за ним идет сам Махаэль. И если ты сойдешь с дороги, как ты думаешь, сколько он даст прожить твоему брату? А затем именно он и станет новым королем.

Давясь слезами, Лайем вновь опустил голову и зажмурился. Затем медленно вздохнул, чтобы овладеть собой, и внезапно закрыл свои мысли прочнейшим щитом. За те четыре года, что он был в Ремуте, Келсон позволил доверенным Дерини обучать мальчика, — ибо он должен быть способен защитить себя, когда вернется домой, — и король Лайем позволял Келсону читать его мысли, особенно после того, как стал постарше и научился лучше владеть своими способностями. Но сейчас никакой контакт больше не был возможен.

Однако Келсон и без того знал, что у Лайема на уме. Вскорости после смерти Алроя ходили слухи, что именно Махаэль подстроил тот несчастный случай, что стоил жизни королю Торента. Было это правдой или нет, — но Келсон знал, что Лайем всерьез опасается своего дядю, хотя доказать его вину было невозможно. И теперь, несмотря на ментальные щиты, Келсон понимал, что напоминание о судьбе братьев поможет Лайему взять себя в руки и мыслями вернет к насущным потребностям этого дня. Судя по всему, так оно и произошло.

— Махаэлю *никогда* не быть королем, — ровным тоном промолвил Лайем, и в голосе его звучала стальная решимость. Он поднял взор на Келсона.

— Да, согласен, — кивнул тот. — Но чтобы этому помешать, ты должен вернуться.

— Знаю.

Лайем так стиснул в пальцах золотую корону, что побелели костяшки.

Однако, судя по всему, бунтарская вспышка была побеждена окончательно. Издав тяжелый вздох, он вновь взглянул на свою корону, усилием воли заставил руки расслабиться и чуть приподнял ее, качая головой.

— Не хочу, — промолвил он чуть слышно. — Я никогда этого не хотел. Но она моя. И я знаю, что должен буду надеть ее и взять на себя всю ответственность и обязанности, которые с нею сопряжены, когда... когда вернусь домой. Я лишь хотел бы...

— Чего бы ты хотел? — мягко поторопил его Келсон, когда понял, что Лайем так и не решится договорить.

Мальчик с обреченным вздохом пожал плечами.

— Неважно, — пробормотал он. — У меня есть долг перед своим народом, перед семьей... Я не имею права отказываться от этого долга, или я больше не смогу быть тем, кто я есть. Тем, кем должен стать. Пусть даже виной этому преступления, происки и интриги моих родичей, из-за которых я и подошел так близко к трону Фурстанов.

Он покрутил венец в руках, расправил покосившийся зажим, державший один из изумрудов, затем невесело усмехнулся и вновь бросил взгляд на Келсона.

— Но пока... я еще не в Торенте, сир, скажите, смею ли я исполнить последний свой детский каприз, прежде чем возложить на себя всю тяжесть короны?

С легкой улыбкой Келсон также взглянул на венец в руках Лайема.

— Все зависит от каприза, — произнес он негромко. — Увы, но королю не так многое дозволено, как хочется. Что ты имеешь в виду?

— Ну... я только хотел спросить, не могли бы вы притвориться еще хоть ненадолго, что я по-прежнему простой паж в замке Халдейнов, а не король Торента?

Келсон медленно кивнул, ибо внезапно осознал, что сейчас Лайем хотел попрощаться с самим своим детством, — попрощаться с детскими друзьями и мечтаниями, с жизнью и безопасностью, которые он знал здесь на протяжении четырех лет. Он покосился на Нигеля, который сдержанно кивнул, затем вновь устремил взор на Лайема.

— Думаю, что такому капризу мы без труда согласимся потакать, — промолвил он. — Нигель, есть ли хоть какая-то необходимость ему становиться королем Торента, прежде чем мы войдем в торентские воды?

Нигель махнул рукой.

— Скорее всего, было бы разумно ему появиться со всей помпой при дворе Хорта Орсальского, поскольку именно там будет ожидать официальный эскорт из Торента. Но насколько я понимаю, сперва вы заедете в Корот, а там королю Торента делать нечего. Сказать по правде, я всегда полагал, что пажам и оруженосцам следует как можно больше бывать при чужих дворах и в столицах... А сдается мне, Лайем до сих пор никогда еще не гостил во владениях герцога Аларика, не так ли, сынок?

Лайем покачал головой, потеряв дар речи перед таким неожиданным подарком.

— Ну что ж, — продолжил Нигель с улыбкой, обнимая мальчика за плечи. — Тогда мне кажется, что

этому оруженосцу нужно дать шанс хотя бы недолго послужить при дворе герцога Корвинского. А корона, на мой взгляд, отнюдь не является частью одеяния оруженосца, — добавил он, бросив взгляд на венец в руках Лайема.

— Вы правы, сударь, — прошептал мальчик в ответ, и на губах его заиграла робкая улыбка.

— Вот и отлично. Если желаешь, я прослежу, чтобы корону упаковали с прочими державными регалиями, пока она тебе не понадобится. Что-то еще? — спросил он у Келсона.

— Кажется, нет, если только у Лайема не будет иных пожеланий, — отозвался Келсон. — Мне кажется, есть что-то еще, о чем он пока не осмелился нам рассказать.

Лайем повесил голову, но когда Нигель подбадривающе потрепал его за плечо, все же решился ответить, хотя так и не смог заставить себя поднять глаза.

— Я... я только мечтал о том, чтобы мне остаться здесь, пока я не достигну возраста посвящения в рыцари. Я знаю, что это невозможно, но... для меня была бы большая честь получить акколаду от герцога Нигеля. Без всякого неуважения к вам, сир, — торопливо добавил он, метнув взгляд на Келсона, — ...я ведь присутствовал, когда герцог Нигель посвящал в рыцари вас самого. Это воспоминание останется со мной до самого смертного часа.

— И я тоже никогда не забуду тот день, — негромко отозвался Келсон, любящим взглядом окидывая Нигеля и вспоминая тот мистический момент, когда он преклонил колена, и Нигель коснулся клинком его плеча. — К несчастью, ты прав, остаться здесь еще на четыре года ты не можешь, и ни я, ни Нигель не

вправе посвятить тебя в рыцари в четырнадцать лет. Но ты можешь вернуться в восемнадцать, и я буду счастлив лично представить тебя к этой церемонии, а для дядюшки большой честью и радостью станет дать тебе акколаду.

— Если это хоть немного успокоит Лайема касательно будущего, — с улыбкой добавил Нигель, — я готов до его отъезда провести неформальную церемонию в узком кругу, как обещание на будущее и залог того, что по достижении положенного возраста он может вернуться сюда для посвящения. Ведь он, как-никак, король, и обстоятельства сложились весьма необычные...

Лайем с восторгом и изумлением воззрился на Нигеля и сморгнул слезы, которые вновь выступили у него на глазах, а затем изумленно покачал головой.

— Неужто вы и впрямь сделаете это для меня, сударь? — прошептал он.

— Да, сделаю.

На пару мгновений мальчик отвернулся, нерешительность мешалась в душе его с радостью и благодарностью, и это чувствовалось, даже невзирая на ментальные щиты, но когда он вновь повернулся к Келсону и его дяде, он взял свои чувства под контроль, и теперь в его манере держаться ощущалась уверенность в себе, какой он был лишен еще совсем недавно. И в торжественных, церемонных словах прозвучала убежденность человека, сделавшего еще один шаг по дороге от детства к зрелости:

— Вы оказываете мне честь куда большую, чем я смел даже мечтать тем, что так верите в меня, — промолвил он. — И полагаясь на эту веру, я не желаю умалить ее, приняв тот щедрый дар, что вы мне предложили, ибо пока не заслужил его. Король в во-

просах чести ничем не должен отличаться от обычного человека... Поэтому мне не нужно иных обещаний, кроме вашего слова, герцог Нигель. Обещайте, что когда я достигну положенного возраста, и если вы сочтете меня достойным, то я смогу вернуться в Ремут, дабы принять от вас рыцарскую акколаду. Я прекрасно сознаю, что в четырнадцать лет стал мужчиной лишь в глазах закона, но не в действительности. Однако вы были столь любезны, что обращались со мной как с мужчиной и, надеюсь, как с другом. Я всегда буду ценить это, что бы ни случилось со мной, когда я вернусь в Торент.

— Не только годы делают человека мужчиной, — отозвался Нигель, взяв Лайема за руку. — Даю тебе торжественную клятву, как ты и просил, и я знаю, что мой король поддержит меня в этом, — добавил он, и Келсон положил свою ладонь на их сомкнутые руки. — Будь это в моей власти, я отправился бы с тобой в Белдор, чтобы быть рядом, когда ты воссядешь на престол... Но мое место здесь, я должен удерживать престол для *моего* короля. Однако будь уверен, что ты истинный рыцарь по духу, пусть пока и не получил акколаду. И я буду молиться за тебя, как если бы ты был моим собственным сыном.

— Аминь, — прошептал Келсон, радуясь, что эта непростая ситуация разрешилась столь приятным образом. Однако вопрос о статусе Лайема следовало обсудить и с другими заинтересованными лицами. — Я очень хотел бы, чтобы мы и дальше продолжили разговор, но предлагаю вернуться к Расулу и графу Матиасу. Не годится заставлять гостей ждать так долго.

С этими словами он обернулся на двери гостиной.

— Лайем, я так понимаю, что ты бы предпочел держать наш договор в тайне, но думаю, я знаю, как объяснить наше долгое отсутствие. Нужно ли тебе еще немного времени, чтобы прийти в себя? Оруженосец Халдейнов должен всегда выглядеть достойно и невозмутимо. Когда мы войдем внутрь, можешь продолжать прислуживать мне.

Лайем кивнул в знак согласия, в последний раз вытер глаза платком Нигеля, а затем передал его дяде короля вместе со своим венцом. Нигель с поклоном принял корону, уложил ее на сгиб руки и с улыбкой сунул платок в рукав.

За эти пару мгновений, пока все они готовились присоединиться к гостям, Келсон придумал подходящее объяснение, почему Лайем не торопится возлагать на себя символы королевского достоинства, и торопливо сообщил подробности своего замысла Нигелю посредством мысленной связи, легонько прикоснувшись к его руке по пути в гостиную. Нигель значительно развил свои способности Дерини за то время, пока действовал в качестве регента Келсона, и сохранил магический потенциал Халдейнов, даже когда вновь передал бразды правления законному правителю Гвиннеда. И сейчас, с помощью той же ментальной связи, ему не стоило никакого труда передать Келсону, что он вполне одобряет его задумку. История, придуманная королем, могла выдержать даже испытание чарами истины, если бы одному из гостей вздумалось их применить, и пощадила бы самолюбие Лайема.

— Господа, прошу простить нас за задержку, но похоже, мы все заблуждались касательно статуса Лайема-Лайоса, — без предисловий заявил Келсон, когда торентские посланцы поднялись им навстречу. —

Герцог Нигель только что сообщил мне, что этот оруженосец официально будет освобожден от своих обязанностей лишь по прибытии на остров Орсал на будущей неделе.

— Можно ли поинтересоваться, почему? — нахмурился Расул.

— Разумеется, — отозвался Нигель, как и было договорено между ними с Келсоном. — Обучая пажей и оруженосцев, я стараюсь, чтобы они исполняли как можно больше самых разнообразных обязанностей, в особенности, при дворах других владык, поскольку таким образом они получают важные уроки дипломатии. А только что я вспомнил, что прежде чем встретить официальную делегацию Торента на острове Орсал, королевский кортеж сделает остановку в Корвине, где Лайему-Лайосу бывать еще не доводилось. Мне показалось, для него это будет идеальная возможность, чтобы добавить сей полезный опыт в свою копилку, прежде чем возложить на свои плечи полное бремя королевских обязанностей. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что подобный опыт особенно полезен для будущего правителя.

Расул с Матиасом обменялись изумленными взглядами, затем последний кивнул.

— Милорд, говорю это не для того, чтобы поспорить с вами, но Лайема-Лайоса никак нельзя назвать *будущим* правителем. Он является королем вот уже пять лет. Теперь он достиг совершеннолетия и собирается вернуться к своему народу. Поэтому ему должны быть оказаны все почести, подобающие его рангу и происхождению.

— А я отвечу на это, что ему сейчас оказываются все почести, каких достоин оруженосец Халдейнов, о каковом положении мечтает немало достойнейших

юношей, невзирая на свое происхождение, — любезно отозвался Нигель. — У него еще хватит времени побыть королем, но сперва нужно получить все самые важные уроки.

Расул скрестил руки на груди, явно теряя терпение.

— Не слишком ли долго он был слугой?

— О, но оруженосец не слуга, милорд, — любезно возразил Келсон. — Он ученик... Такой же, каким был и я сам, вплоть до того дня, пока герцог Нигель не посвятил меня в рыцари. А ведь я и тогда уже был коронованным королем.

— Мы не коронуем наших королей, — заметил на это Матиас.

— Да, не в том смысле, как это делаем мы, — согласился Келсон, тщетно пытаясь придумать способ прекратить этот спор. Он покосился на Лайема, ибо ему стало ясно, что торентские посланцы заботятся лишь о рангах и почестях, а отнюдь не об искренних чувствах мальчика.

— Вместо коронации вы вручаете им меч и проводите инвеституру... Знаю. Отец Иреней посвятил меня во все подробности. Но весь смысл в том, что как только Лайем-Лайос будет официально признан королем, в какой бы форме это ни делалось в Торенте, с этого момента он останется королем навсегда. Он никогда больше не сможет быть обычным мальчиком. Поверьте, я говорю по собственному опыту. Что плохого в том, чтобы дать ему возможность побыть мальчишкой еще пару дней?

Расул с Матиасом обменялись взглядами, и Морган откашлялся, не скрывая улыбки.

— Сир, дозвольте мне сказать.

— Разумеется.

— И могу ли я попросить вас отпустить Лайема-Лайоса?

Гадая, что же задумал Морган, — а с помощью ментальных способностей он не осмеливался спросить об этом у своего друга в присутствии таких опытных Дерини, как Расул и Матиас, — Келсон с тревогой покосился на Лайема. Мальчик застыл и напрягся, но на лице его не отразилось никаких чувств, а щиты надежно скрыли все эмоции.

— Оруженосец, пожалуйста, извести лорда кастеляна, что придворные могут разойтись. Мы больше не вернемся в парадный зал, — заявил Келсон, радуясь возможности избавить Лайема от присутствия при этом споре. — После чего можешь заниматься своими обычными делами. Да, Дугал, будь так любезен, сообщи отцу Иренею и капитану торентских гвардейцев, что лорд Расул и граф Матиас скоро к ним присоединятся. Заверь их, что все идет хорошо.

Лайем поспешил удалиться, Дугал последовал за ним, хотя и без особой охоты, ибо он-то явно предпочел бы остаться и дослушать все до конца. Когда дверь за ними, наконец, закрылась, Келсон подвинул стул ближе к Матиасу, приглашая всех остальных также присесть. Ему по-прежнему было любопытно взглянуть, как намерен Морган повернуть этот разговор. У Нигеля вид был такой же озадаченный, как и у обоих гостей.

— Сир, — начал Морган, усаживаясь рядом с Расулом. — Мне не хотелось говорить об этом при Лайеме-Лайосе, ибо я не желал смутить мальчика. Однако вышло так, что мне стало кое-что известно, и я подозреваю, что у него есть по меньшей мере одна личная причина на то, чтобы желать подольше оставаться в роли оруженосца. Если бы он и впрямь желал

поскорее избавиться от этого статуса, не сомневаюсь, что герцог Нигель пошел бы ему навстречу.

Он сделал вид, будто не уверен в этом своем предположении, и Нигель поспешил кивнуть в знак согласия.

— Поймите, я говорю сейчас как отец, — продолжил Морган, — и полагаю, наши достопочтенные гости оценят это должным образом. Граф Матиас сообщил мне, что вскоре станет родителем во второй раз, а лорд Расул, кажется, является главой многочисленного семейства... хотя я и не знаю точно, сколько у него отпрысков.

Расул при этих словах Моргана устремил на него недоуменный взгляд, затем снисходительно поднял брови.

— Аллах благословил меня четырьмя сыновьями и тремя дочерями. Все они уже взрослые, — ровным тоном отозвался он. — К тому же, у меня шесть внуков. Но прошу вас, продолжайте, милорд Аларик.

— Преклоняюсь перед опытом аль-Расула в этой области, — улыбнулся Морган с легким поклоном в сторону мавра, — но вернемся к нашему оруженосцу, которому очень скоро предстоит перестать быть таковым... к вашему королю, господа. Учтите однако, что официально я ничего не должен бы знать обо всем этом. Госпожа моя супруга сообщила мне под величайшим секретом... Судя по всему, мой приемный сын Брендон, с которым вы оба знакомы, попросил дозволения устроить прощальную пирушку для Лайема-Лайоса и прочих пажей и оруженосцев, когда королевский кортеж через несколько дней достигнет Корота.

К изумлению Келсона, в словах Моргана было ничего, кроме правды, так что это во многом объяс-

няло отношение Лайема. Он и сам, помимо воли, начал улыбаться, а Морган продолжил:

— Разумеется, это все строжайшая тайна, — пояснил герцог. — Но слухи об этой пирушке уже разнеслись мальчиков, к вящему восторгу тех, кто отправляется с нами в Торент, и к великой досаде и зависти остающихся. Разумеется, почетный гость делает вид, что совершенно не осведомлен об этих планах.

— Но я по-прежнему не понимаю, при чем здесь подлинный статус нашего короля, и какое отношение все это имеет к столь незначительному событию? — без уверенности в голосе перебил его Матиас.

— Это потому что вашему сыну всего три года, — отозвался Морган, устраиваясь поудобнее в кресле. — Когда он станет постарше, для него будет иметь огромное значение, чтобы прочие мальчики принимали его как равного. Что же касается подлинного статуса Лайема-Лайоса... Конечно, наши оруженосцы достаточно хорошо воспитаны, так что Брендан вполне справится со своими обязанностями гостеприимного хозяина, однако принимать у себя короля — это ему уже не по силам... Как и всем прочим юношам. Думаю, это многое объясняет.

Расул наградил Моргана слабым подобием улыбки, и даже лицо Матиаса как будто слегка просветлело. Келсон, с помощью чар истины проверявший слова Моргана, был уверен, что остальные делают сейчас то же самое, а потому позволил себе наконец расслабиться. Объяснения Моргана проливали дополнительный свет на те признания, которые Келсон с таким трудом вытянул из Лайема, — это были обычные треволнения четырнадцатилетнего подростка. В глубине души, он, пожалуй, и сам жалел, что

никак не сможет поприсутствовать на этой пирушке.

– Неужто мы и сами когда-то были такими юными? – усмехнулся Нигель.

– Да, были, – вздохнул Морган. – И сдается мне, твой Пейн будет одним из главных заводил.

Нигель закатил глаза.

– Насколько я понимаю, эти трое сорванцов очень подружились, поскольку вместе исполняли все обязанности оруженосцев, и за это тебе некого винить, кроме себя самого.

Теперь уже улыбался и Матиас, согласно кивая головой.

– Вы очень чуткий человек, милорд герцог. Похоже, что для Лайема-Лайоса неминуемое расставание с друзьями представляет собой подлинную трагедию.

– Во всяком случае, для Брендана это именно так, – отозвался Морган. – Могу вам сказать начистоту, граф Матиас, что между моим приемным сыном и вашим королем уже сложилась дружба, подобная той, какую мы чуть ранее в разговоре с вами желали нашим младшим отпрыскам. Брендан отчаянно хотел бы поехать в Белдор, но я еще не дал окончательного согласия. Я не уверен... следует ли подвергать его возможным опасностям, каковых, увы, следует остерегаться всем тем из нас, кто искренне заботится о благополучии Лайема-Лайоса.

Этот плавный и изящный переход от светской болтовни к действительно важным вопросам, о которых никто из них не мог позволить себе забыть ни на мгновение, застал обоих торентцев врасплох. Матиас поспешно отвел глаза, а Расул откинулся на спинку стула, смуглыми пальцами чертя на столешнице какой-то сложный узор.

— Милорд Аларик, — неторопливо промолвил он наконец. — Не соблаговолите ли выразиться точнее?

— Я хотел лишь сказать, что тревожусь за безопасность вашего короля, — невозмутимо пояснил Морган, взглянув на Келсона, — и полагаю, мой король разделяет эту тревогу.

— Верно, — коротко подтвердил Келсон.

На самом деле, вопрос о безопасности Лайема-Лайоса для них и впрямь был предметом многих тревог и обсуждений, чем более близилось время его возвращения в Торент, хотя до сих пор они так и не могли решиться, стоит ли обсуждать эту проблему с кем-либо из торентцев, учитывая, что никто до сих пор не представлял себе подлинной расстановки сил.

Из двоих регентов Махаэль представлял наибольшую опасность, хотя и Мораг также оставалась загадкой. Она всегда была союзницей Махаэля, но с другой стороны, не могла не быть в курсе слухов, окружавших смерть ее первенца. Средний брат Махаэля и Матиаса, вообще, оставался темной лошадкой. В Гвиннеде его никто не знал, однако предполагалось, что он заодно с Махаэлем, — как, впрочем, и сама Мораг, особенно, если правдивы слухи, просочившиеся из-за границы, и Махаэль и впрямь желает взять ее в жены.

Да и насчет самого Матиаса было много неясностей. Однако раз уж Морган таким образом сумел повернуть разговор, теперь, если Келсон того пожелает, они могли все вместе обсудить свои опасения касательно будущности Лайема. Это могло означать лишь то, что, по оценкам Моргана, Матиас на стороне юного короля, — если, вообще, хоть о ком-то из торентцев можно было что-то сказать наверняка. Расула же, судя по всему, опасаться не стоило. Разу-

меется, для него интересы Торента всегда шли вперед интересов Гвиннеда, но это было совершенно естественно, а, заботясь о благе Торента, Расул заботился также о Лайеме-Лайосе, которому был беззаветно предан.

Матиас, похоже, также разделял эту преданность, по крайней мере, сам Лайем в этом не сомневался и был искренне привязан к своему дяде, который первым начал обучать его магическим наукам, — хотя четыре года назад, когда они виделись в последний раз, он был еще совсем мальчишкой, а за это время многое могло измениться. Келсону оставалось лишь пожалеть, что он не осмелится в присутствии торентцев использовать магию, чтобы посовещаться с Морганом, но судя по выражению лица герцога, когда они на миг встретились взглядом, следовало все же попытаться осторожно развить затронутую тему.

— Милорды, признаюсь, я не собирался поднимать этот вопрос при таких обстоятельствах, — начал Келсон, — но раз уж об этом зашла речь, будем считать, что время подходящее. Буду с вами откровенен, и можете с помощью чар истины убедиться в искренности моих слов, ибо я верю и надеюсь, что все мы желаем блага Лайему-Лайосу.

Он старался не выпускать из вида ни Расула, ни Матиаса, однако прекрасно сознавал, что именно последний является ключевой фигурой.

— Прежде всего, хочу заверить вас в том, что моей единственной целью касательно Торента и его правителя все эти четыре года было обеспечить мальчику наилучшее обучение и подготовку как будущему правителю. Я никогда не просил о том, чтобы стать его опекуном. Венцит сам навязал мне эти условия, когда мы с ним сговаривались о поединке...

Граф Матиас, сразу спешу сказать вам, что сожалею о тех обстоятельствах, при которых мне довелось встретиться с вашим братом. Не мною это было затеяно... Если желаете, мы можем продолжить наш разговор в личной беседе, однако сейчас скажу вам со всей прямотой: надеюсь, что эти отголоски далекого прошлого никак не омрачат наши нынешние взаимоотношения.

Матиас кивнул, не выказывая своих подлинных чувств, и лицо его оставалось совершенно бесстрастным.

— Что же касается самого Торента, — продолжил Келсон, — я никогда не хотел, чтобы ваша страна оставалась вассальным уделом Гвиннеда на веки вечные, и теперь, когда Лайем должен, наконец, взять бразды правления в свои руки, я тем более не питаю подобных намерений. Именно в знак того, как сильно я верю в вашего государя, я хочу, чтобы он по праву воссел на принадлежащий ему престол... Пусть даже сперва он и не обретет полной независимости, ибо для этого он еще слишком юн, но рано или поздно я хочу, чтобы он получил ее в полной мере. Именно поэтому я намерен постепенно ослаблять давление. Конечно, в этом кроется немалая опасность как для меня, так и для него. Но со временем, когда мы с моими советниками решим, что он вполне к этому готов, я освобожу его от всех обязательств перед Гвиннедом и верну Торенту его прежнюю независимость. И в достижении этих целей я рассчитываю обрести поддержку — вашу, и всех людей доброй воли в Торенте.

Все время, пока Келсон говорил, Расул не сводил с него взгляда. Матиас же, напротив, прятал глаза. Немного помолчав, Расул склонил голову.

— Скажите же мне начистоту, владыка Гвиннеда, — ибо, поскольку вы дозволили это, сейчас я использую чары истины, — давал ли я вам когда-либо повод усомниться в том, что я предан своему королю?

— Никогда, сударь, — ровным тоном отозвался Келсон. — Вы не только преданы, но и искренне к нему привязаны. Я хотел лишь внести ясность в свои собственные намерения и высказать опасения касательно его безопасности.

— А также, возможно, выяснить, что думает на этот счет мой глубокочтимый спутник, — предположил Расул, искоса взглянув на Матиаса.

— Я предложил графу Матиасу пойти на мировую, — осторожно заметил Келсон, от чьего внимания не ускользнуло то, как напрягся Матиас при этих словах. — Полагаю, это наше частное дело, но я вновь хотел бы повторить, что желаю очистить наши сердца от любых следов обид былых времен в том, что касается моей роли в гибели его брата. Однако скажу откровенно, что меня куда больше тревожат братья живые, чем тот, который ныне пребывает в царстве мертвых.

Матиас вскинул голову, и гнев мелькнул в его глазах, но он тут же пригасил эту вспышку, как и подобает опытному придворному.

— Я уже сказал герцогу Корвинскому, что почти не знал своего покойного брата, — заметил он обманчиво мягким тоном. — Однако будьте осторожны, когда говорите со мной о живых.

— Я не прошу вас выбирать между ими и мной, граф Матиас, — возразил Келсон. — Но я надеюсь, что вы всегда будете на первое место ставить благополучие Лайема-Лайоса перед честолюбивыми замыслами его подданных, включая ваших собственных

братьев. До вас не могли не дойти слухи касательно гибели короля Алроя.

— Что Махаэль был как-то в этом замешан? — переспросил Матиас куда любезнее, чем мог бы ожидать Келсон. — Припоминаю также, что были и слухи о том, что виноват во всем король Гвиннеда, который и подстроил этот несчастный случай. Но мне известна истина.

— В самом деле? — проронил Келсон, хотя в словах его не было вопроса.

Матиас не ответил, но теперь он и не отвел взгляда. Через пару мгновений Келсон намеренно перевел взор на Расула.

— Боюсь, что сейчас и впрямь оказалось не самое лучшее время для подобных бесед, — произнес он негромко. — Прошу простить меня, если оскорбил вас ненароком. Меня заботит лишь благополучие вашего государя. Я буду и впредь действовать в его интересах, дабы он без помех занял престол, принадлежащий ему по праву. Надеюсь, что в этом я могу рассчитывать на вашу поддержку.

Расул склонил голову.

— Владыка Гвиннеда — человек чести, — промолвил он. — Торент благодарит его за поддержку своего короля.

Келсон ощутил внезапный приступ усталости. Он поднялся на ноги, и прочие последовали его примеру, ибо разговор явно зашел в тупик, выбраться из которого будет непросто.

— Вы, должно быть, пожелаете освежиться прежде, чем мы отправимся ужинать, — промолвил он. — Мой дядюшка проводит вас в отведенные вам покои, а тем временем, надеюсь, вы не станете возражать, если Лайем-Лайос по-прежнему будет испол-

нять обязанности оруженосца, до тех пор пока мы не покинем пределы Корота.

Расул не стал отвечать, устремив взор на Матиаса, который, похоже, до сих пор не вполне пришел в себя после их разговора. И все же граф ответил Келсону церемонным кивком.

— Если таково его желание, мы не станем возражать.

— Благодарю.

Не дожидаясь, пока повиснет напряженное молчание, Нигель поспешил к дверям, широким жестам предлагая торентцам последовать за ним. Когда они наконец удалились, Келсон рухнул на стул и несколько мгновений тупо смотрел в пустоту, а затем поднял глаза на человека, который долгое время был одним из главных его наставников и навсегда остался близким другом.

— Я не очень хорошо справился, да? — промолвил он негромко, растирая мышцы, чтобы избавиться от ноющей боли в затылке.

С легкой улыбкой Морган зашел ему за спину, за плечи притянул короля к себе и принялся разминать затекшую шею.

— Ты справился настолько хорошо, насколько возможно, — одобрительно промолвил он. — Я не слишком хорошо понимаю, какую игру ведет Матиас, но пока он не вызывает у меня особых подозрений... А Лайем, похоже, доверяет ему. И если желаешь, можешь взглянуть на то, что было по дороге.

Келсон уже был готов к обмену мыслями, поэтому немедленно закрыл глаза и расслабился, опуская щиты. Ментальное касание друга, как всегда, было уверенным и мягким, и он быстро получил все необходимые сведения. Вместе с ними пришла и волна

подкрепляющей энергии. Он не просил об этой поддержке, но от всей души был благодарен за это Моргану, так что когда Келсон открыл глаза, у него было такое чувство, словно он пробуждается после нескольких часов освежающего сна. Он потянулся с широкой улыбкой, в то время как Морган, подвинув поближе стул, уселся прямо перед ним.

— У тебя это здорово получается, — пробормотал Келсон. — Сейчас я бы мог еще раз сразиться с Матиасом. И не побоюсь вновь столкнуться с ним за ужином. Но ты прав, он для нас по-прежнему огромная загадка, хотя в глубине души я склонен ему доверять.

— Однако он все же брат Махаэля, — предупредил Морган. — Этот факт ничто не изменит.

— Я помню. — Келсон вновь потер шею, скорее машинально, нежели ощущая реальную боль, и со вздохом откинулся на спинку стула.

— По крайней мере, мы выгадали для Лайема небольшую передышку. Это правда, насчет прощального пира, который намерен закатить Брендан?

— Конечно, правда, — улыбнулся Морган в ответ. — Перед двумя столь опытными Дерини, как Расул и Матиас, я бы не осмелился ничего придумывать, — хотя, возможно, этот замысел не столь грандиозен, как я попытался его представить. Но мальчики поработают над этим. К тому же, они и впрямь здорово подружились, и Брендан очень хочет поехать с нами в Торент.

— Ты ему позволишь? — спросил Келсон.

— Как я уже сказал Матиасу, пока не решил. Но до острова Орсал он вполне мог бы доплыть с нами. Это безопасно. А к тому времени, полагаю, мы будем лучше знать, чего ожидать в Белдоре. Арилан

вполне способен раздобыть нужную информацию, когда мы достигнем Корота, и я также полагаюсь на Риченду, у которой есть свои связи.

— Остров Орсал... — Келсон невольно поморщился.

При упоминании об этом месте, он вспомнил о тех более личных делах, что ждут его при орсальском дворе. За тревогами нынешнего дня он почти ухитрился забыть их разговор с Росаной, но теперь на память вновь пришли воспоминания давно забытых лет... и мысли об Аракси, которая сейчас жила при орсальском дворе. Келсон обещал встретиться с ней там и обдумать возможный брак между ними.

— А что тебя так тревожит насчет Орсала? — переспросил Морган.

Келсон пожал плечами и тряхнул головой, стараясь выглядеть беззаботным.

— Ничего особенного, просто на острове все будут заняты подготовкой к свадьбе моей кузины, которая должна состояться через месяц, — проронил он небрежно, и это тоже было правдой, ведь он не осмелился бы лгать Моргану в глаза. — Ришель с сестрою ведь приходятся также племянницами Орсалу, и как только я объявлюсь там, это неизбежно подхлестнет досужие разговоры на мой счет.

— Едва ли мне следует тебе напоминать, что эти разговоры ведутся не только при орсальском дворе, но и во многих других местах, — с насмешливой улыбкой отозвался Морган. — Хуже того, позволю себе напомнить, что одна из наиболее привлекательных кандидаток в твои супруги будет гостьей на свадьбе Ришель и Брекона Рэмси... Я говорю о его сестре. Многие надеются на то, что именно на сва-

дебном пиру король объявит, наконец, и о своей помолвке.

Келсон мрачно усмехнулся, поскольку хотя бы вопрос с сестрой Брекона он, кажется, разрешил ко всеобщему удовольствию.

— Да, вполне возможно, что в отношении Ноэли Рэмси и впрямь пойдет речь о помолвке, — ответил он, наслаждаясь изумленным выражением, мелькнувшим на лице Моргана. — Однако она будет помолвлена с другим Халдейном, а не со мной. Похоже, что Рори питает к ней нежные чувства, и чувства эти взаимны.

— Рори и Ноэли? — Морган выразительно поднял брови, не скрывая своего удивления, но, судя по всему, эта новость его обрадовала. — Ну и дела! Могу ли я спросить, кто тебе рассказал об этом?

— Росана, — признал Келсон. — Она вполне разумно указала на то, что, с политической точки зрения, ситуация мало чем отличается от того, как если бы это *я* женился на Ноэли... На самом деле, даже лучше, если ее мужем станет Рори, ведь он может постоянно проживать в Меаре. Я только об этом и думаю с того момента, как узнал правду. После того, как он там немного пообвыкнет, я бы мог даже сделать его вице-королем.

— Ясно, — проронил Морган. — Я согласен, это звучит вполне многообещающе, но... Ты уже говорил с Нигелем?

— Только вкратце.

— Разумеется. Не забудь, ему вряд ли придется по душе мысль о том, что его наследник будет жить от нас за тридевять земель. И что станется с Меарой, когда Нигель умрет, и Рори придется возвращаться в Картмур?

— Пока я не стал затрагивать с ним этот вопрос, — смущенно признал Келсон. — Однако чуть позже мне пришло в голову, что для Рори я мог бы восстановить один из древних меарских титулов... скажем, герцога Ратаркинского. Для вице-короля это был бы вполне достойный ранг, и меарцам это понравится, — тем более, что титул со временем перейдет сыну Рори и Ноэли.

— Теперь, по-моему, я вижу, к чему ты клонишь, — перебил его Морган. — Ты хочешь, чтобы Нигель вновь сделал Альбина своим законным наследником в Картмуре...

— А почему бы и нет? — воскликнул Келсон. — Ведь это его законное место. Он не должен страдать за то, что совершил его отец.

— Согласен... Я знаю, как ты относишься к мальчику, но не думаю, что тебе легко будет переубедить Нигеля. Конечно, ты можешь дать Альбину какой-нибудь новый титул, когда он подрастет, но лишь в том случае, если мать не запрет его в стенах Церкви, как намеревалась доселе.

— Это сражение мне еще тоже только предстоит выиграть, — прошептал Келсон. — Мы с Росаной спорили на эту тему.

— Могу себе представить. — Морган вздохнул. — Ладно, будем бороться с трудностями по мере их возникновения. Советники, конечно, будут недовольны, поскольку они хотели, чтобы именно ты женился на Ноэли, но я очень рад за Рори, особенно, если это брак по любви. Я и понятия не имел, что все так далеко зашло.

— Я тоже. Но ведь хоть кто-то из нас должен быть счастлив... — Келсон тяжко вздохнул, внезапно устав от всех этих планов. — Боже правый, в какой

ужас меня привели все эти разговоры о сыновьях. После того, как ушли Дугал с Лайемом, я остался единственным в этой комнате, у кого нет своих детей.

Морган поудобнее уселся на стуле, сочувственно глядя на короля.

— Ну, в твоей власти изменить это, когда пожелаешь, — проронил он. — Ты знаешь, я стараюсь не затрагивать этот вопрос... Тебя и без того довольно мучают все остальные... И все же пришло время тебе найти королеву.

— Знаю, — Келсон понурился. — Но та королева, что мне нужна, не хочет стать моей. Аларик, что же мне делать?

— Ничего не могу ответить, мой господин, — с искренним сожалением отозвался Морган. — Никто посторонний не в силах решить эту проблему.

Келсон хмуро кивнул, но пока он еще не был готов поделиться с Морганом тем, что предложила ему «его королева».

— Я знаю, ты прав, — промолвил он чуть слышно. — Я просто...

С усталым вздохом он поднялся на ноги и взял корону и меч Халдейнов, которые Дугал оставил на столе.

— Если я кому-то понадоблюсь, я буду в своих покоях.

— Могу ли я что-то для тебя сделать? — спросил Морган.

Келсон покачал головой.

— Увы, нет. Этот вопрос могу решить лишь я один.

Глава шестая

И почитал он мать свою как величайшее сокровище[1]

Келсон постарался поспать хоть пару часов перед новой встречей с гостями из Торента. И пусть вечерний пир официально не считался державным торжеством, он все же ожидался довольно-таки пышным и церемонным, поскольку приглашены были почти все ремутские придворные, — ведь завтра поутру король покидал столицу. Он лег и закрыл глаза, однако так и не заснул, а лишь слегка подремал, балансируя на грани забытья, терзаемый обрывками смутных видений и предчувствиями будущих несчастий, подробностей коих никак не мог уловить, хотя действующие лица были слишком хорошо ему знакомы.

Ничего удивительного, что одним из них был никто иной, как юный Лайем. Смущение мальчика перед посланцами из его собственной страны было вполне объяснимо, хотя и заставило всех пережить немало неприятных минут. Понятен был также и его страх, однако все это, а также последующий напряженный разговор с Расулом и загадочным Матиасом наводил Келсона на мысли о том, настолько ли Лай-

[1] Мудрость Иисуса 3:4

ем готов стать полновластным королем, как им всем бы того хотелось. Не стоило забывать, что по возвращении в Торент его ждали суровые испытания... Впрочем, в том, что касалось рыцарского звания, мальчик проявил редкостную зрелость.

Конечно, теоретически Лайем обладал всеми необходимыми достоинствами для короля и подготовлен к этому был куда лучше, чем сам Келсон в том же возрасте, ибо последние четыре года Лайема целенаправленно обучали именно для того, чтобы он мог занять престол; Однако и проблемы, стоящие перед Лайемом, могут оказаться куда серьезнее, чем некогда перед Келсоном. Чего стоило одна лишь церемония посвящения в королевский сан, в особенности если рассматривать ее эзотерические аспекты!.. Небольшую роль в этом магическом обряде предстояло сыграть и самому Келсону, и он был полон решимости проследить, чтобы все прошло как подобает. Отец Иреней в общих чертах описал ему, как все должно будет происходить, но основные репетиции будут ждать их лишь по прибытии в Белдор.

Сам ритуал инвеституры был чрезвычайно древним, формальным и стилизованным. Внешний символизм его относился к давно забытым мифам, выраженным в ритуальной драме и череде магических испытаний, успешное завершение которых должно позволить и завершить вступление в силу короля, который уже прошел подобный, хотя и значительно упрощенный ритуал, когда ребенком взошел на престол. Но тогда Лайем был слишком юн, чтобы пережить церемонию во всей ее полноте, поэтому его, по обычаю, лишь препоясали мечом в первый день нового года, после чего сановники, как и подобает по дворцовому этикету, выразили новому правите-

лю свое почтение и повиновение. Однако основной обряд должен был состояться лишь позднее, по достижении королем совершеннолетия.

При обычных обстоятельствах здесь нечего было опасаться подвоха. Все участники обряда должны быть прекрасно подготовлены и способны во всем поддержать своего господина. Поэтому сама церемония становилась лишь символическим испытанием, проверкой короля на прочность. В Гвиннеде подобные ритуалы были далеко не столь древними и изощренными. Они исходили совсем из иных нужд и задач. Однако Келсон прекрасно понимал, что таковые испытания, на самом деле, имели самое прямое отношение к облечению и наделению короля всей полнотой мистической власти. И хотя поток магической силы мог вызвать у испытуемого не самые приятные ощущения, оставалось крайне маловероятным, что за этим могут последовать серьезные неприятности. Сила не должна была повредить своему владыке.

Но подлинная опасность крылась в том, что в миг испытания король становился совершенно уязвимым, ибо должен был опустить все ментальные щиты, дабы позволить потоку энергии свободно проникать в себя. И если один из участников ритуала допустит ошибку, — или хуже того, воспользуется беспомощностью испытуемого в этот критический миг, — последствия и впрямь могли быть смертельными. В свете этих соображений участие в обряде Махаэля, об амбициях и интригах которого всем было хорошо известно, становилось особенно угрожающим.

Должно быть, именно поэтому Махаэль и являлся Келсону в его тревожных грезах, хотя на самом

деле Келсон никогда не встречался с ним лицом к лицу, так что он ощущал лишь чье-то смутное присутствие, видел угрожающую тень, лица которой так и не мог различить. Порой призрак казался ему подобием Матиаса, только старше годами и с более коварным и беспощадным выражением. А порой, как некая смесь Лионела, отца Лайема и подлого предателя Венцита, которых Келсон был вынужден убить. Кроме того, он ощущал и чье-то стороннее присутствие рядом с Махаэлем, — возможно, то был их третий брат, Теймураз, с которым они также никогда не встречались. И каковы бы ни были истинные планы на будущее трех братьев Фурстанов, Келсон не сомневался, что в разной степени все они являют собой опасность для Лайема.

Мать мальчика тоже тревожила Келсона в его грезах, и она не была свободна от подозрений. По крайней мере, ее он знал в лицо, ибо несколько месяцев она провела в Ремуте под домашним арестом, вскоре после того, как был взят в заложники Лайем. Хотя сейчас она являлась соправительницей вместе с Махаэлем, точно так же, как они действовали в качестве регентов при покойном Алрое, ее старшем сыне. Никто не мог сказать наверняка, насколько близки были эти двое, и сыграла ли сама Мораг какую-то роль в гибели Алроя.

Но даже если Мораг была чиста и невинна, Келсон сомневался, чтобы до нее до сих пор не дошли слухи о том, что в гибели мальчика был замешан Махаэль. И поскольку вслух она до сих пор ничего об этом не говорила, то, стало быть, прекрасно знала мрачную истину, — или слепо отказывалась взглянуть правде в глаза... Либо, наконец, молча поддерживала династические устремления своего родича, независи-

мо от того, какой ценой он достигнет цели. Впрочем, возможно, она вела какую-то совсем иную игру. Казалось невероятным, чтобы мать могла стать добровольной соучастницей в убийстве сына, но пока правда о гибели Алроя не выйдет наружу, Келсон ничего не мог с уверенностью сказать относительно принцессы Мораг Фурстаны.

А рядом с этими угрожающими образами мелькали куда более милые лица, однако они также тревожили короля, не потому что сами по себе таили какую-то опасность, однако они воплощали в себе всю его тоску и печаль, все неудовлетворенные желания и несбывшиеся мечты.

Росана с темными глазами, полными слез, отворачивалась от него... Убитая злодейской рукой Сидана захлебывалась кровью и безжизненно обвисала в его объятиях... Череда других женских лиц, темноволосых и светлых, — это были все те бесконечные невесты, которых представляли ему чуть ли не ежедневно все эти бесчисленные доброжелатели... Либо девичьи портреты, которыми можно было заполнить целую галерею, что то и дело совали ему благонамеренные царедворцы, все более настоятельно торопившие, умолявшие его выбрать хоть кого-то, жениться, произвести на свет наследника...

И в этой толпе, ускользающая и в то же время манящая, таилась светловолосая девушка с лицом едва ли более различимым, чем лицо Махаэля, хотя что-то в ее взгляде напоминало Келсону о его тетушке Сиворн.

Чуть погодя, он окончательно оставил надежду заснуть или выбросить из головы все тревоги, и принялся невидящим взором смотреть в потолок над кроватью, пытаясь заранее подготовиться к грядуще-

му пиршеству. Ни этот ужин, ни завтрашний отъезд, не внушали ему никаких добрых предчувствий и лишь добавляли тревог и сомнений. Когда паж Иво явился, наконец, дабы помочь ему одеться, Келсон чувствовал себя не более отдохнувшим, чем несколько часов назад, и отнюдь не более спокойным.

Но вечер прошел не так уж плохо. Из уважения к Торенту, он надел богато украшенное распятие, которое Расул подарил ему четыре года назад на посвящении в рыцари. То был дар от регентов Лайема, благословенный патриархом Торента. Расул сразу обратил внимание на эту деталь туалета и поспешил сообщить графу Матиасу, который с легким поклоном и улыбкой в ответ коснулся изящного образка у себя на груди.

В целом же Матиас с Расулом, сидевшие за столом по правую руку от Келсона между королем и Морганом, оказались любезными и благовоспитанными сотрапезниками, должным образом хвалили изысканные блюда, воздавали должное красоте дам и провозглашали многословные здравицы за процветание обеих держав. Кроме того, за весь вечер придворные сановники лишь дважды подводили своих дочерей или сестер к главному столу, дабы представить их королю. Так что в общем и целом Келсон мог бы сказать, что вечер удался на славу.

Даже Лайему не на что было пожаловаться, поскольку решение, принятое во время сегодняшней встречи, позволило ему еще на некоторое время сохранить относительную анонимность, дарованную ливреей оруженосца. Сперва он ощущал натянутость и смущение, прислуживая королю и двоим своим соотечественникам, однако справлялся с возложенной на него задачей очень толково и вскоре

преисполнился уверенности в себе, во всем беря пример с Брендона и Пейна, которые точно так же ухаживали за своими отцами и прочими гостями короля.

Другие пажи и оруженосцы прислуживали за остальными столами. Все до единого мальчики исполняли свои обязанности старательно, вознамерившись не ударить в грязь лицом перед гостями из Торента, дабы те по всему миру могли поведать о том, сколь изысканным им показался двор короля Келсона. Когда же у них выдавалось немного свободного времени, они собирались в отведенной им комнатке рядом с главным залом и там перешептывались и хихикали, как и полагается мальчишкам их возраста, хотя лорд Кемберли, суровым взором надзиравший за ними, в любой миг готов был пресечь баловство, если бы пажи уж слишком расшалились.

Среди гостей в этот вечер были знатные и родовитые дворяне, не столь часто являвшиеся ко двору. Их призвал в столицу герцог Нигель, дабы вместе с ним они заседали в регентском совете, который будет править Гвиннедом во время отсутствия короля. Помогать Нигелю поддерживать магическую связь с королем оставался епископ Дункан Маклайн. Келсону очень не хотелось отправляться в Торент без него, но он не решался уехать, не оставив в столице хотя бы одного опытного Дерини, хотя, разумеется, в этой поездке помощь и мудрые советы Дункана ему бы очень пригодились. Впрочем, с ним все же должны были отбыть Морган с Дугалом. А дома, при необходимости, помочь Дункану мог также молодой священник-Дерини Джон Нивард.

Что касается Нигеля, то одной из главных помощниц герцога должна была стать его супруга,

многомудрая и уравновешенная леди Мерауд, чей брат Сэйр собирался отправиться вместе с королем. Свое законное место в регентском совете заняла и королева Джехана, а вместе с ней и Томас Кардиель, архиепископ Ремутский, который сегодня также был на пиру и сидел рядом с Нигелем и архиепископом Браденом, по левую руку от Келсона.

Король даже призвал в столицу самого старшего из своих герцогов, уже практически отошедшего от дел. Эвану, герцогу Клейборнскому, седоволосому и все такому же шумному и гневливому, как и в юные годы, сейчас было уже почти шестьдесят два, но он по-прежнему оставался верховным полководцем Гвиннеда, хотя его старший сын и наследник граф Грэхем практически все остальные обязанности управления в Клейборне осуществлял за отца уже добрых десять лет и готов был в любой момент сменить его и на военном посту. В последнее время здоровье не позволяло старому герцогу слишком часто показываться в столице, но разумом он оставался по-прежнему тверд, и помощь его была для Келсона неоценима.

Учитывая, что король планировал свою поездку в Торент за год вперед, а старший внук Эвана Ангус должен был получить посвящение в рыцари на прошлый новый год, герцог двинулся в путь на юг еще прошлой осенью, перезимовал в Ремутском замке, поприсутствовал на церемонии посвящения в рыцари, а теперь готов был исполнять обязанности члена регентского совета. Тем временем Ангус и еще несколько юных рыцарей, включая Рори, старались во всем помогать герцогу Эвану и были в буквальном смысле его руками и ногами.

Внук Эвана сегодня тоже был на пиру и сидел за

королевским столом рядом с дедом, напротив Расула. В какой-то момент, расправившись с крылышком куропатки и овощной похлебкой, юный Ангус завел с любезно улыбающимся графом Матиасом вполне благочинный, пусть и несколько оживленный спор относительно достоинств Келдишских мохноногих лошадок, по сравнению со степными пони из далекого Остмарека. С обеих сторон от спорщиков Эван с Расулом внимательно следили, чтобы дискуссия не сделалась слишком уж бурной, точно так же, как и Морган с королем, причем все они время от времени снисходительно переглядывались между собой. Тем не менее, беседа осталась в рамках дворцовой вежливости, и насколько смог уловить Келсон, Ангус показал себя с наилучшей стороны, несмотря на то, что спорил с человеком на добрых десять лет его старше, и по такому вопросу, где даже лишний год или два житейского опыта играют огромное значение. Впрочем, возможно, Матиас просто проявил снисходительность.

Единственное, что нарушило мирное течение ужина, — впрочем, Келсон ожидал этого заранее, — был момент, когда во время последней перемены блюд к нему подошел духовник его матери, отец Амброс и, нагнувшись, шепотом передал ее пожелание, дабы сын ненадолго присоединился к ней в саду. Келсон обратил внимание, что хотя, по протоколу, матери следовало бы восседать за столом рядом с сыном, по левую руку от него, она выбрала место на другом конце стола, рядом с двумя архиепископами, — как можно дальше от двоих Дерини, что сидели справа от Келсона. Он не обратил внимания, когда она удалилась из зала, но очень надеялся, что все же

сумеет избежать личной встречи. Увы, все его упования оказались тщетными.

Должным образом извинившись перед Матиасом и Расулом, Келсон последовал за отцом Амбросом вниз по лестнице из зала, и вышел на галерею, что окружала сад. Сумерки еще не сменились ночной тьмой, воздух был по-летнему теплым, наполненным ароматом роз и жасмина, лилий и лаванды. Гравий похрустывал под их сапогами, когда мимо журчащего фонтана они с Амбросом углубились в сад и свернули на боковую аллею.

Матушка дожидалась его в беседке, с ней рядом сидела сестра Сесиль в черном монашеском платье. Но, впрочем, и сама королева Джехана в своем строгом белом одеянии вдовы как нельзя более походила на монахиню-послушницу, если не считать тонкого золотого обруча, надетого поверх покрывала. Джехана Бремагнийская была некогда очень красивой женщиной, но суровая религиозная дисциплина и умерщвление плоти, которому она подвергала себя последние десять лет после смерти мужа, дабы искупить свой воображаемый грех, сделали ее изможденной и хрупкой, выглядевшей куда старше своих сорока лет.

— Келсон, сын мой, — промолвила она, и неуверенная улыбка заиграла на бледных бескровных губах.

Она принялась рассеянно накручивать на тонкое запястье длинную нить коралловых четок. Сестра Сесиль присела в низком поклоне, отводя глаза, затем ускользнула прочь, и вместе с отцом Амбросом они отошли подальше, вне досягаемости голосов, но по-прежнему оставаясь на виду у королевы.

— Я не могу остаться надолго, — напряженно промолвил Келсон, — меня ждут гости.

— Я тоже ждала, — возразила она, поворачиваясь щекой для поцелуя. — Надеюсь, ты не собирался уехать завтра, так и не простившись со мной.

Со вздохом он позволил матери усадить его на скамью с ней рядом.

— Мы бы увиделись завтра после мессы, — сказал он. — Я не хотел, чтобы мы опять поссорились. Я знаю, ты не одобряешь эту поездку.

Она смущенно отвела взор и скрестила руки на груди, словно ее внезапно пробрала дрожь, хотя вечер был очень теплым. Четки на фоне белоснежного платья выглядели, как капли крови.

— Я не одобряю не саму твою поездку... хотя она будет очень опасной. Мне не нравится, что ты собираешься принять участие в этой церемонии возведения мальчика на престол. Нигель мне сообщил, что тебе там отведена какая-то роль.

— Насколько я понимаю, ты говоришь о магии? — невозмутимо переспросил он.

— Если мы станем это обсуждать, то и впрямь поссоримся, — прошептала она.

— Матушка, я тот, кто я есть... А Лайем...

— Он из рода Фурстанов. И Дерини, враг Гвинneда.

— Он четырнадцатилетний король, каким некогда был и я, и его будут окружать враги из его собственного народа. Некоторые могут даже покуситься на его жизнь. Он также — хотя сам никогда этого не желал — считается моим вассалом. Я не могу просто отойти в сторону и смотреть, как его будут убивать.

— О, да, конечно, спаси его, чтобы в один прекрасный день он вернулся и убил *тебя*!

С уст Келсона уже готов был сорваться резкий ответ, но тогда они поссорились бы еще сильнее. Этот спор между ними был слишком давний, и ни та, ни другая сторона не намеревалась идти на уступки. Так что продолжать разговор в таком тоне было совершенно бессмысленно. Глубоко вздохнув, он окинул взором темнеющий сад, покосился на священника и сестру Сесиль, которые взволнованно обернулись к королю и его матери, заслышав, что те повысили голос в споре. Оставалось лишь надеяться, что смысла разговора им все же было не уловить... Хотя, впрочем, отец Амброс, будучи исповедником королевы, все это неоднократно слышал и раньше, по крайней мере, из ее уст.

— Мы же хотели не ссориться, — успокаивающим тоном промолвил он. — Я не хочу больше возвращаться к этой теме. Скажу лишь, что и у меня, и у Лайема есть могущественные враги, которые используют все доступные им средства, чтобы уничтожить нас обоих. И хотя существует такая возможность, что рано или поздно самого Лайема мне также придется опасаться, я все же тешу себя надеждой, что за те четыре года, которые он провел при моем дворе, мы сумели хотя бы отчасти пробить брешь в стене вражды, разделявшей наши земли, и заложили какую-то основу для будущего мира. Мне ни к чему завоевания на востоке, и у Торента нет своих интересов на западе. Мы можем мирно существовать рядом друг с другом и постараться хотя бы отчасти восстановить то, что было утрачено после Реставрации.

— Но они ведь Дерини...

— И я тоже, матушка, — возразил он. — И даже если бы я не получил эту кровь в наследство от *тебя*, — хотя ты и пытаешься это отрицать, — я совершенно

уверен в том, что магия Халдейнов также имеет своим источником силу Дерини.

— Проклятая магия! — пробормотала она.

— Нет, в самой магии нет ничего демонического, — возразил он. — Она попросту существует. Вопрос лишь в том, каким образом использует человек доставшееся ему могущество. Лишь так он может заслужить себе проклятье... Или благословение. Я же намерен использовать свои способности, чтобы помочь Лайему занять престол, принадлежащий ему по праву, и научить его использовать *свои* способности во благо Торента... Точно так же, как и я старался и буду стараться впредь делать все во благо Гвиннеда.

Она отвернулась, по-прежнему не убежденная его горячими речами.

— Я и не надеялась, что сумею тебя переубедить, — промолвила она после долгого молчания. — Ты такой же упрямый, как и твой отец, а Аларик Морган поддерживал вас обоих.

— Если бы он не поддержал *меня*, — возразил Келсон, — то сегодня не было бы этого разговора, поскольку и ты, и я погибли бы в день моей коронации. Та магия, которую пробудили во мне Морган с Дунканом, помогла мне выжить и спасти тебя. И именно эта сила помогает процветанию Гвиннеда. Конечно, мы движемся медленно, но теперь, после двух столетий впервые появилась надежда на мир между нами и Торентом, и этот шанс нельзя упустить, — но только в том случае, если Лайем уцелеет. Ради такой цели человек обязан призвать на помощь все свои способности и силы.

— Мир — это истинный дар, — через силу согласилась она, склонив голову над четками. — Но бессмертие души — слишком высокая цена за него.

— А я полагаю, — возразил Келсон, — что ты не вправе судить о моей бессмертной душе.

И вновь между ними повисло молчание. Чуть погодя Джехана печально покачала головой и обвела взглядом сад.

— Я знаю, ты должен ехать, — прошептала она. — Мне ведомо, что такое долг королей, и я знаю, как высоко ты ценишь клятвы, которые даешь своим вассалам, но могу ли я... попросить об одном одолжении, раз уж ты намерен остановиться на острове Орсал?

— Какое одолжение?

— О, это не столь сложно, как белдорские церемонии, — она рассеянно улыбнулась и достала из рукава плоский пергаментный пакет с печатью, где на алом воске выделялись ее инициалы, украшенные короной.

— Я бы хотела, чтобы ты передал это послание своей тетушке Сиворн, — продолжила она. — Женские сплетни, по большей части: о платьях, драгоценностях, о цветах и обо всем прочем для свадьбы твоей кузины Ришель... но я знаю, что вопрос о свадьбах тебе не слишком по душе.

— Ну, почему же? В *этой* свадьбе я не нахожу ничего неприятного, — возразил он, своим тоном явно давая понять, что никаких иных свадеб обсуждать не намерен. И в особенности не хотелось ему обсуждать или даже думать о брачных планах сестры Ришель.

Джехана со вздохом покачала головой, притворяясь, будто читает подпись на пергаменте.

— Ты сам не знаешь, что теряешь, — произнесла она задумчиво. — Я провела там такую чудную зиму. Двор в Орсале очень приятный и веселый, там пол-

но детей. Целый выводок у самого Хорта, да еще четверо у его сестры. А скоро жена Хорта опять ожидает ребенка. Когда ты там будешь, то наверняка обратишь внимание на его старшую дочь... она теперь совсем взрослая. Ее зовут Элизабет, и она совершенно очаровательна!

— Матушка, — резко оборвал он Джехану.

— Ну, мне все же следовало попытаться, — со смущенной улыбкой отозвалась она и пожала плечами. — Я даже не говорю о том, как сильно Гвиннед нуждается в наследнике, но мне и самой хотелось бы покачать на коленях внуков. И тем не менее...

Она протянула ему письмо, чтобы не слушать больше никаких возражений.

— Нет, нет, не станем продолжать этот разговор. Я лишь хочу, чтобы ты передал письмо Сиворн, ибо очень скучаю по ней. Всю зиму мы были вместе и провели немало счастливых часов за вышиванием, вместе с остальными девушками и придворными дамами, готовя платья для приданого Ришель. Впрочем, ты увидишь всю эту красоту на свадьбе в конце лета. А поскольку на церемонии в Ремут приедет и сестра ее жениха... — с надеждой добавила она, вскинув голову.

— Матушка...

— Знаю, знаю. Хотя никак не могу понять, чем тебе так не по душе эта мысль, — продолжила она. — Союз с Ноэли Рэмси...

— Матушка!

Опустив глаза, она молча протянула ему письмо.

— Что-нибудь еще? — спросил он, стараясь, чтобы голос его прозвучал не слишком резко, и спрятал письмо на груди туники.

Она покачала головой, не глядя на сына.

— Вот только...

Словно повинуясь неожиданному порыву, она сняла с запястья четки и неуверенно протянула их ему на раскрытой ладони.

— Не мог бы ты, ради меня, взять их с собой в Торент? Может быть, мои молитвы дадут тебе хоть небольшую защиту.

Келсон протянул руку, и из ее ладони в его словно перетекла струйка крови. Среди коралловых зернышек Келсон заметил круглый золотой образок, украшенный эмалью, который напомнил ему об иконке графа Матиаса. Но когда он поднес четки к глазам, чтобы разглядеть получше, то увидел, что на образке изображен не лик Пресвятой Девы, а какой-то незнакомый святой или даже ангел, с руками, поднятыми в благословении, причем в развернутые ладони его были вделаны крохотные самоцветы, которые преломляли свет и словно сами искорками горели изнутри.

Прислушавшись, он ощутил исходившее от этих четок мерное биение и пульсацию Силы, вызывавшую в памяти звонкое журчание чистейшего, озаренного солнцем родника. Интересно, знала ли она сама, *что* дала ему сейчас, ибо это несомненно был артефакт Дерини, силу которого она еще больше увеличила своими постоянными молитвами...

— Это моя матушка подарила мне перед первым причастием, — пояснила Джехана в ответ на вопросительный взгляд сына. — В Бремагне всегда считалось, что коралл обладает способностью исцелять и дает защиту. Фигура на образке — это мой ангел-хранитель. Я бы хотела, чтобы он хранил и *тебя*, сын мой... ибо я понимаю, что не в силах заставить тебя свернуть с избранного пути.

В глазах ее блестели слезы, нижняя губа дрожала. Он взял ее руку и нежно прижался к ней губами, а затем опустился перед матерью на одно колено, сознавая, что во всем невежестве и ограниченности ею движет одна лишь любовь. Любовь и забота.

— Матушка, попытайся понять, — произнес он мягко, не отпуская ее руку. — Когда я должен был взойти на трон, ты пыталась защитить меня ценой своей жизни. Теперь то же самое я должен сделать для Лайема.

— Но почему? — прошептала она.

— Потому что я его сюзерен и защитник, и поклялся ему в этом, — отозвался Келсон. — Я высоко ценю свои обеты, и обещаю, что точно так же высоко буду ценить твой дар. — Он сжал в кулаке ее четки. — Могу ли я просить тебя дать мне матёринское благословение?

Он наконец выпустил ее руку и медленно нагнул голову, закрыл глаза и почувствовал, как она неуверенно коснулась его волос. Но это было касание не только плоти, но и любящего духа, и в эту любовь король окунулся, как в исцеляющий источник.

— Возлюбленный сын, рожденный плоть от плоти моей, — прошептала она. — Да дарует Господь тебе мудрость и рассудительность, силу и милосердие, дабы устоять перед всяким злом и узрить Свет. И пусть Господь вернет мне тебя целым и невредимым, — добавила она, — ибо я люблю тебя всем сердцем. *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti.* Аминь.

— Аминь, — повторил он, поднес четки к своим губам, а затем встретился с матерью взглядом.

Уже не скрывая слез, она стиснула его лицо руками и прижалась губами ко лбу. В ответ он обнял ее за талию и долго сжимал в объятиях, положив голо-

ву ей на колени. До этого момента он и сам не понимал, насколько, в глубине души, страшит его эта поездка в Торент, — и как много значит для него благословение матери в начале пути.

Но он не осмеливался задержаться так надолго из-за нее и из-за себя самого. Долг призывал его, как и всегда; а до утра уже оставалось совсем недалеко. Обняв ее в последний раз, он наконец отстранился от матери и поднялся на ноги, а затем, не выпуская ее руку, склонился в придворном поклоне и поцеловал, лишь легонько касаясь губами костяшек пальцев.

— Теперь я должен идти, — промолвил он. — Я постараюсь как можно чаще посылать сообщения. Надеюсь, ты не откажешься услышать их, даже если они придут не с обычным письмом.

Она тут же напряглась, вырвала руку.

— Ты имеешь в виду, их передаст Дункан Маклайн?

Она не снисходила до того, чтобы величать епископа-Дерини его титулом, полагая, что тот проклят во веки веков уже из-за своего происхождения, не говоря о том, что принял посвящение в сан, запретное для человека этой расы.

— Не совсем, — возразил Келсон. — Я знаю, что тебе не хотелось бы иметь с ним дела. И я знаю, что тебе не нравится вспоминать о существовании Порталов, — и все же они существуют. Один есть в Дхассе, несколько здесь, в Ремуте. И наверняка они имеются также в Белдоре... Хотя и не уверен, откроют ли нам к ним доступ. На худой конец, я смогу послать гонцов в Дхассу, а уж оттуда...

Она закрыла глаза, всем своим видом выражая молчаливое возмущение.

— Матушка, я никогда не кичился тем, кто я есть,

и обещаю, что не буду делать этого и впредь, ибо не желаю оскорбить тех из своих подданных, кому трудно признать, что Дерини могут быть не только воплощением зла. Однако для многих, и в первую очередь для Нигеля, будет важно вовремя получать от нас известия. Если смогу, я постараюсь обо всем извещать его, а ты можешь осведомляться у него, если не желаешь быть замешана в наши дела напрямую.

Не слушая ее возможных возражений, Келсон склонил голову в знак прощания и, развернувшись, двинулся обратно в пиршественный зал. Он задумчиво повертел в пальцах подаренные матерью четки, а затем сунул их за пазуху. Там, в зале, за столом его ждали посланцы из Торента, — но станут ли они ему друзьями или врагами, которых надлежит одолеть, покажет только время.

Глава седьмая

Чужим я стал для братьев моих и посторонним для сынов матери моей[1]

Тремя днями позже, Келсон молча стоял рядом с Морганом на палубе корабля «Рафалия», опираясь локтями о борт и наблюдая, как медленно, из тумана, обволакивающего побережье Корвина, выплывает первый из двух маяков, обозначавших вход в Коротскую бухту. Где-то далеко наверху, сидя в закрепленной на мачте корзине, один из моряков исполнял обязанности впередсмотрящего, время от времени выкрикивая какие-то команды, когда требовалось чуть-чуть сменить курс, дабы стоявший у руля штурман мог беспрепятственно ввести корабль в гавань. Ветер совсем упал, и потому паруса судна висели безжизненно, и точно так же едва трепетали на мачте королевские штандарты Гвиннеда и Торента рядом с более скромным узким стягом герцогства Корвин.

Теперь ход корабля сопровождался не хлопаньем и треском парусов, а мерным плеском весел о воду, и даже не слышно было моряцких песен, которыми гребцы любили скрашивать скуку долгого путешест-

[1] Псалтирь 68:9

вия. Издалека из тумана, стелившегося позади, едва слышно доносился шум весел второй галеры, на которой за ними следовали торентцы.

Келсон окинул взглядом второй корабль, задержав внимание на пестрой группе придворных, что толпились на носу, затем вновь перевел глаза на далекий маяк, с вершины которого поднимался багряный дым. С носа «Рафалии», там, где стояли Брендан, Пейн и Лайем, послышался восторженный мальчишеский крик, и тут же с берега донесся приветственный рев труб и бой барабанов. На берегу их уже ждали.

— Приятно слышать, — пробормотал Морган, переводя взор на палубу, где, прислонившись к бортику, стояли Дугал и Сэйр Трегерн, также наблюдавшие за входом корабля в бухту.

Келсон молча кивнул, любуясь изящными башнями и укреплениями Коротского замка, которые вырисовывались на фоне полуденного неба, вздымаясь из-за городских крыш. Король и в лучшие времена не был любителем морских путешествий, а сейчас, с того самого момента, как они вышли из Дессы, его не отпускало чувство смутной неловкости, он никак не мог заставить себя позабыть о боевом корабле Торента, следовавшем прямо за ними... По крайней мере, ветер был попутным и позволил им вдвое сократить время пути, по отношению к передвижению по суше. Только сегодня ветер стих, и им пришлось идти на веслах.

На сложенных из гранитных блоков волноломах, что охраняли вход в бухту, толпились дети, которые при виде кораблей принялись что-то кричать и размахивать руками. С равным восторгом они приветствовали как «Рафалию», так и чужеземную галеру.

Некоторые матросы с обоих кораблей принялись махать в ответ. Келсон поморщился, когда «Рафалия» проскрежетала килем по опущенной цепи, преграждавшей доступ в гавань, но затем они вновь оказались в чистой воде.

— Скоро будем на берегу, — с легкой улыбкой заметил Морган, от которого не ускользнуло кислое выражение лица короля.

— Мои чувства столь очевидны? — поинтересовался Келсон.

— Только для меня.

Они присоединились к остальным своим спутникам как раз к тому моменту, когда оба корабля подошли к причалу. Там уже выстроились встречающие, и в их числе — вооруженные стражники из личной гвардии Моргана. Чуть поодаль Келсон разглядел двух всадников в окружении солдат, которые держали в поводу лошадей, скорее всего предназначенных для вновь прибывших. Городская стража выстроилась вдоль улицы, что вела вверх по холму к замку.

Портовые рабочие подтащили ближе и перекинули трап, который матросы тут же подхватили и закрепили на борту.

В этот же самый момент оба всадника спешились, и один из них снял с седла светловолосую девочку лет пяти. Малышка тут же принялась вырываться из его объятий и, едва оказавшись на земле, стремглав метнулась к «Рафалии», пробираясь среди лошадей без малейшего страха. Ее опекун заторопился следом.

— Прошу простить меня, государь, — пробормотал Морган и с широкой улыбкой рванулся мимо Келсона, чтобы подхватить на руки дочь.

— Папа, — заверещала она. — Папа, папа!

Морган со смехом склонился над ней и стиснул малышку в объятиях. Оказавшись у отца на руках, она тут же принялась покрывать его поцелуями.

— Папа вернулся! Вернулся!

— Как, маковка, неужто ты по мне уже соскучилась? — деланно изумился он, чмокнув ее в кончик носа. — А посмотри, кто еще здесь? Ты не хочешь обнять и поцеловать своего крестного?

Извернувшись в отцовских объятиях, она заметила Келсона. Тот с улыбкой протянул к девочке руки, чувствуя себя слегка глуповато, но не испытывая от этого ни малейшего смущения. Она поспешила перебраться к Келсону на руки и вновь принялась пищать от восторга.

— Бриони, Боже правый, как ты выросла! — воскликнул Келсон, когда они расцеловались с малышкой. — До чего же я рад тебя видеть!

— Я скакала с дядей Шондри на большой лошади, — торжественно объявила Бриони, поудобнее устраиваясь у короля на руках, в то время как отец ее стремительным шагом двинулся к кораблю торентцев. — А можно, домой я поеду с тобой?

— Ну, конечно, можно.

Мимо Келсона, который по-прежнему держал на руках щебечущую девочку, прошел Лайем с остальными оруженосцами, и тут беглянку настиг, наконец, ее опекун. С видом полной беспомощности, не переставая улыбаться, он развел руками и отвесил королю виноватый поклон.

— Прошу прощения, что она так на вас напала, сир, — промолвил он. — Добро пожаловать в Корот. Хотите, я заберу ее у вас?

— Не стоит, — отозвался Келсон. — Думаю, «дяде

Шондри» не помешает немного отдохнуть от этой юной особы.

«Дядя Шондри» был ни кто иной, как Шон Симус О'Флин, граф Дерри, бывший некогда оруженосцем Моргана, а ныне ставший его доверенным лицом в Корвине, — и похоже, он был точно так же очарован прелестной дочерью герцога, как и ее отец, и сам Келсон. Пока они возвращались к лошадям, Бриони продолжала радостно болтать, описывая свою поездку из замка и как ей понравились корабли и удивительные путешественники, которые сошли с них на берег, а Келсон тем временем вспоминал тот день, когда он впервые увидел молодого графа. Помнится, он и сам был тогда совсем мальчишкой и, сидя у отца на коленях, видел, как Морган привел к королю недавно посвященного в рыцари Дерри, дабы государь стал свидетелем клятвы, данной Дерри при поступлении на службу к герцогу-Дерини.

И хотя сейчас в густых каштановых волосах, заплетенных в воинскую косу, уже начала проступать седина, Келсон не сомневался, что белый пояс у Дерри на талии был тот же самый, с которым его посвящали в рыцари больше десяти лет назад. И лишь морщинки вокруг ярко-синих глаз напоминали о тех испытаниях, что выпали на долю Дерри на службе своему сюзерену и королю, от рук человека, приходившегося родичем Матиасу и юному Лайему, для которых сейчас слуги подвели запасных лошадей.

При виде их обоих Дерри мгновенно насторожился, однако это никак не сказалось на обычной любезности его манер, и он помог гостям своего господина сесть в седло. Садясь на лошадь, Келсон задумался, как уже не раз гадал в прошлом, остались ли в памяти Дерри какие-то кошмары после всего,

что ему довелось пережить, видит ли он страшные сны... И достаточно ли у него сил, чтобы справиться с потрясением, если прежние опасения вновь вернутся в Торенте, — ибо Морган настаивал на том, чтобы взять Дерри с собой.

Однако здесь, под ярким солнцем, сияющим высоко в небе, все эти страхи казались далекими и надуманными. Усадив Бриони в седло перед собой, Келсон поехал по улице рядом с графом Матиасом, который любезно беседовал с дочерью Моргана и вел ни к чему не обязывающую светскую беседу с королем, одновременно любуясь столицей Корвина. Чуть позади Расул оживленно расспрашивал Моргана об архитектуре города, в котором ему до сих пор ни разу не доводилось бывать. Отец Иреней ехал рядом с Дугалом, а за ними следовали Сэйр с Лайемом и остальные оруженосцы-пажи, а также корвинская стража и торентцы.

Риченда, супруга Моргана, ожидала их во дворе замка, держа на руках трехлетнего Келрика. Она тепло приветствовала мужа, короля и высокородных гостей. Из них один лишь Матиас был ей незнаком, поскольку с Расулом за эти годы они несколько раз встречались при дворе в Ремуте.

Знаком с ним был и епископ Арилан, который стоял чуть дальше на лестнице вместе с епископом Коротским, Ральфом Толливером. Завидев подъезжающих гостей, они неторопливо спустились по ступеням, и Расул любезно представил всем своих двух соотечественников. Келсону показалось, что Арилан чуть заметно насторожился, но, впрочем, это было совершенно объяснимо, ведь магической силой архиепископ-Дерини был равен гостям, а стало быть, прекрасно сознавал опасность, которую те могут со-

бой представлять. Впрочем, расспросить его поподробнее у короля сейчас не было ни времени, ни возможности.

Искренне радуясь за Моргана, который тепло приветствовал все свое семейство, Келсон невольно не смог удержаться от сравнения, вспомнив собственную, такую пустую жизнь. Бриони последний раз наградила его звонким поцелуем, прежде чем спрыгнуть на землю и устремиться к отцу. Рядом юный Брендан забавлялся со своим маленьким сводным братом, что-то оживленно рассказывая Лайему и Пейну. Братья явно очень любили друг друга, и сейчас, крепко обнявшись, они последовали в сторону конюшен. Келрик, такой живой и веселый, невольно напомнил Келсону Альбина Халдейна, и он с трудом смог скрыть непрошенные слезы. По счастью, остаток дня и весь вечер детей почти не было видно, поскольку у оруженосцев и пажей дел было по горло, и все они оказались заняты, а вечером их ждал прощальный ужин в честь Лайема. Арилан также куда-то исчез, — скорее всего, вместе с Толливером они отправились к вечернему богослужению в городской собор, как сообщил кастелян Моргана королю, — а, стало быть, он пока никак не мог поговорить с архиепископом насчет их гостей из Торента. Однако Келсон все же улучил возможность прояснить для себя вопрос с Дерри.

Пока Риченда занимала Расула, Матиаса и отца Иренея светской беседой, предлагая им освежающие напитки во время прогулки по саду, а Дугал удалился, чтобы дать какие-то распоряжения оруженосцам и пажам, Келсон воспользовался этим, дабы посовещаться с Морганом и Дерри и узнать, нет ли каких-то свежих известий из Торента. По пути в биб-

лиотеку Моргана, где они намеревались взяться за работу, он с помощью ментальной связи объяснил герцогу, что у него на уме.

Пару лет назад, во время Меарских войн, когда они в открытую использовали свои способности Дерини, Келсон с Морганом сумели убедить некоторых дозорных, чтобы те передавали собранные ими сведения с помощью магии, обходясь без лишних вопросов и разговоров, чтобы таким образом избежать потери времени и возможного недопонимания. К тому же таким образом нельзя было упустить никаких важных деталей. Впрочем, и до того абсолютное доверие, которое Дерри питал к Моргану, позволяло им двоим использовать магию на очень глубоком уровне, практически недоступном обычным людям... Впрочем, вполне возможно, что именно это и сделало его таким уязвимым, когда его захватил в плен Венцит Торентский.

Один лишь Морган доподлинно знал, что довелось пережить Дерри в те дни и ночи, когда он пребывал в темнице у Венцита; а с той поры, как он вырвался из его когтей, Дерри одному лишь Моргану открывал, хотя и весьма неохотно, доступ в свое сознание. И хотя Морган лично постарался убедиться, что все установки, заложенные в разум его друга Венцитом, были уничтожены после гибели торентского монарха, Келсон в глубине души по-прежнему гадал, узнают ли они когда-нибудь в точности, как сильно все пережитое сказалось на Дерри, и какие шрамы остались в его сознании.

— Отличная работа, — поблагодарил его Келсон, когда Дерри закончил свой доклад. — Остался лишь один, последний вопрос. Я не буду ходить вокруг да

около и спрошу напрямую: ты уверен, что выдержишь это путешествие в Торент вместе с нами?

Дерри, поднявшийся с места, чтобы сложить карты, которые использовал в своем докладе, замер на месте, но тут же взял себя в руки и продолжил собирать бумаги, как ни в чем ни бывало, впрочем, не поднимая глаз на короля.

— Со мной все в порядке, — пробормотал он.

— Дерри, ты совсем не обязан ехать, если тебе это не по душе, — возразил Келсон.

— Сир, мне всегда будет не по душе все, что связано с Торентом, — ровным тоном возразил граф, засовывая свернутые карты в жесткий кожаный футляр. — Но если я позволю этому помешать мне выполнять свой долг, то получится, что Венцит все-таки победил, не так ли?

Нахмурившись, Морган поднял брови.

— Я думал, что твои кошмары давно прекратились... Много лет назад.

— Да, прекратились, — поторопился с ответом Дерри. *Слишком* поторопился, на взгляд Келсона. — Но не так давно, когда я узнал, что должен вернуться в Торент... Порой я вновь просыпаюсь в холодном поту. Должно быть, есть такие вещи, которые человек не способен забыть... Даже с помощью друзей, — добавил он, неуверенно косясь на Моргана.

— Думаю, мне стоило бы взглянуть еще раз, — предложил Морган негромко.

Дерри выразительно затряс головой, изобразив на губах слабое подобие улыбки.

— Благодарю за любезное предложение, но с меня довольно, чтобы другие люди копались в моей голове. Я этого наглотался досыта. Теперь для меня все иначе... не так, как было раньше.

— Это не предложение, это приказ, — возразил Морган, бросив взгляд на Келсона, который молча кивнул. — Более того, это просто объявление намерений.

Дерри рывком развернулся к Келсону, испуганно глядя на того в немой мольбе, с таким видом, словно он готов в любой момент сорваться с места.

— Мне очень жаль, — мягко промолвил король, — но боюсь, я вынужден настаивать... Если, конечно, ты не предпочтешь все-таки остаться дома. Мы должны знать наверняка. Я заметил твою реакцию, когда сегодня ты в первый раз увидел графа Матиаса и всех остальных...

Содрогнувшись, Дерри отвернулся от них, обхватив плечи руками, и слепо таращась куда-то вдаль.

— Я прекрасно понимаю, что он больше не может повредить мне, — прошептал Дерри. — Он мертв. И я это *знаю*. Я знаю это *вот здесь*. — Пальцем он коснулся виска. — Что то, что он сделал со мной... и что заставил меня совершить... в этом не было моей вины, и все же где-то глубоко внутри, — он прижал руку к груди, — у меня все сжимается при одной мысли о том, чтобы позволить вновь коснуться своего сознания другому человеку. Дело тут не в вас двоих, а в самом прикосновении. Я не стерпел бы этого ни от кого... — Он вновь содрогнулся и рухнул на стул.

— И на самом деле сегодня днем напугал меня отнюдь не граф Матиас. Я в тот момент вообще не знал, кто он такой. Должно быть, все дело в Лайеме. Конечно, я знаю, он еще просто мальчишка, а когда умер Венцит, он и вовсе был младенцем. Но все равно, он племянник Венцита, сын его сестры, а Венцит наложил свою печать на все, к чему прикасался...

Включая меня, — добавил он едва слышным шепотом.

— Не настолько уж велико было могущество Венцита, — пробормотал Морган.

Дерри с яростью затряс головой.

— Откуда вам это знать? Вас же там не было. Вы не можете знать, каково это было... когда он завладел моим сознанием, вывернул наизнанку самую глубинную мою суть... и заставил меня поверить, почувствовать, заставил меня предать... Это было что-то такое скользкое, грязное... Насилие, еще худшее, чем... чем самое ужасающее насилие физическое, какое вы только можете себе вообразить.

Голос его прервался в рыдании. Он закрыл лицо рукой. Морган неслышно поднялся, зашел к Дерри со спины, мягким, но уверенным движением притянул его за плечи к себе, стараясь приглушить отчаяние друга и незаметно задействуя контактные точки, с помощью которых мог погрузить его в транс. В любое другое время Келсон предложил бы помочь, но сейчас он чувствовал, как коробит Дерри даже от прикосновений Моргана, и не осмеливался помешать им, зная, что присутствие постороннего может окончательно разрушить хрупкую нить доверия между ними. Он знал, что Морган никогда не решился бы сделать ничего, чтобы повредить Дерри, — и уж конечно, он не стал бы действовать из простого любопытства, — но сейчас он почти физически ощущал, насколько тяжело дается Моргану этот контакт.

И все же через какое-то время Дерри прекратил сопротивляться, когда Келсон уже почти утратил надежду. И наступило долгое молчание. Сейчас Морган погрузился как можно глубже в воспоминания Дерри, в поисках малейших следов постороннего

вмешательства, которые мог бы оставить там Венцит. И когда король заслышал слабый вздох облегчения, с которым Морган вышел из транса, в то время как Дерри погрузился в целительный сон, он с облегчением уверился, что с их другом все в порядке и нет никаких причин для тревоги.

— Если там что-то и осталось, — пробормотал Морган, усаживаясь в кресло, — то я не способен ничего определить. Может быть, другой человек, более умелый и получивший надлежащее образование, сумел бы пойти глубже и отыскать искомое... Может быть, Арилан... Но при этом мы должны исходить из предположения, что там есть нечто чужеродное, что наши поиски не напрасны, а лично я в этом сомневаюсь. У нас нет никаких оснований подвергать Дерри такому испытанию. Его аналогия с насилием была не столь уж и надуманной. Даже мое ментальное прикосновение для него невыносимо, что же говорить о ком-то другом...

Поморщившись, Келсон покачал головой, вновь напомнив себе, насколько легко человеку, наделенному магическим даром, злоупотребить своими талантами и могуществом, которое давалось с такой легкостью, против тех, кто не в силах этому сопротивляться... И как легко оправдать эти злоупотребления, особенно во времена тяжелых испытаний. Когда Морган заговорил о физическом насилии, невольно в сознании его вспыхнули собственные воспоминания об этом, которые он получил из вторых рук через разум Росаны, — однако образы эти были гораздо более отчетливыми, чем можно себе представить: ибо она заставила его впитать в себя весь ужас и бессилие, и отвращение, пережитые Джаннивер, когда

они вместе пытались установить личность насильника, надругавшегося над принцессой.

Должно быть, ужас и отчаяние, пережитые Дерри, были гораздо страшнее, ибо насилию подверглась сама его душа, внутренняя сущность, совершенно беспомощная перед волей Венцита Торентского. Однако Морган осмелился лишь выкорчевать все заложенные врагом ментальные установки и слегка приглушить ужасающие воспоминания, но ничего сверх того. Во зло или во благо, опыт Дерри создал его таким, каким он стал сейчас. И если стереть без остатка все воспоминания о пережитом, это лишит его душу целостности, лишит всякой надежды на исцеление.

— Ну, уж я и подавно не стал бы на этом настаивать, — отозвался Келсон негромко. — И уж тем более не хотел бы привлекать к этому Арилана. К тому же Арилан, как мне показалось, и сам не слишком уверенно чувствует себя рядом с Фурстанами. Заметил выражение его лица, когда он сегодня въехал во двор замка? Даже не знаю, кто смутил его больше — Матиас или отец Иреней.

— Полагаю, нам всем не по себе при одной мысли о том, на что способны любые торентские Дерини, — промолвил Морган. — Но если ты собираешься позволить Лайему вернуться в свое королевство, — а, полагаю, именно это тебе и надлежит сделать, — тогда мы должны верить и надеяться, что его защитники уберегут мальчика и позволят ему сохранить трон. Возможно, здравый смысл и подсказывает, что в большей безопасности Лайем будет при ремутском дворе, и неплохо бы оставить его здесь еще на пару лет... Однако как он сам совершенно справедливо заметил, по законам его державы, и нашей тоже, в че-

тырнадцать лет он уже мужчина и способен единолично править своим королевством.

Келсон тяжко вздохнул.

— Да уж, *меня* в этом убеждать не нужно, — отозвался он. — Перед тобой человек, который прошел через все то же самое. И если не давать волю разыгравшемуся воображению, то признаюсь честно, что, в разумных пределах, я скорее склонен доверять тем троим торентцам, которые сейчас здесь с нами. Мне кажется, они искренне пекутся о благе мальчика.

— Не стоит все же забывать, что Матиас — брат Махаэля, — указал Морган.

— Едва ли я мог бы об этом забыть, — усмехнулся Келсон. — И, кстати, раз уж мы об этом заговорили, полагаю, нам следует присоединиться к нашему славному графу и его спутникам. А Дерри тем временем мог бы сменить Дугала и незаметно присмотреть за Бренданом и за подготовкой к пирушке оруженосцев. Но все же, что ты решил? Ты возьмешь его с собой в Белдор?

— Думаю, если бы я попросил его остаться, это бы его окончательно подкосило... несмотря на все его страхи, — промолвил Морган. — Если мы оставим его здесь, это лишь укрепит Дерри в мысли, что ему не доверяют. А у нас нет ни малейших причин для недоверия.

Келсон кивнул.

— Согласен. И если он взглянет своим страхам в лицо, возможно, это позволит ему окончательно изгнать всех демонов из своей памяти. Разбуди его, и давай не будем больше возвращаться к этой теме.

Спустя полчаса Келсон уже присутствовал на церемонной вечерней трапезе с торентскими гостями, которая проходила в зале герцогского совета, а не в

более помпезном парадном зале. Поскольку этот ужин был еще относительно неформальным перед долгой чередой государственных приемов, что ждали их по дороге и в самом Торенте, то Морган пригласил к столу своих близких друзей и домочадцев. Присутствовали также епископы Толливер и Арилан, вернувшиеся вовремя из собора. Похоже, после молитвы Арилан сумел укрепиться духом, и к нему вернулась всегдашняя самоуверенность, хотя в беседе с гостями он по-прежнему проявлял разумную осторожность. Кто-то из них, — Матиас или отец Иреней, — явно казался ему подозрительным, поскольку с третьим из этой компании, Расулом, Арилан уже несколько раз встречался за последние четыре года. Риченда, единственная присутствующая на ужине женщина, старалась сделать все, чтобы смягчить обстановку и придать ей некоторую непринужденность.

По счастью, трапеза закончилась довольно рано. Отчасти из-за того, что гости все же ощущали некоторую натянутость, но и потому, что отъезд на завтра ожидался довольно ранний. После того, как все распрощались, Расулу и Матиасу показали приготовленные для них покои в одной из башен замка, и Сэйр предложил оставить там на ночь своих стражников, чтобы проследить за гостями. Что касается отца Иренея, то он предпочел переночевать на борту торентской галеры, и был препровожден туда отрядом стражников епископа Толливера, которые затем проводили и самого епископа в его дворец.

Когда разошлись и помощники Моргана, оставив в зале лишь Арилана, короля, Дугала, Моргана и Риченду, — которая уже успела предупредить короля, что ему не удастся избежать разговора о своей женитьбе, — Келсон смог, наконец, снять корону и отки-

нулся в кресле с усталым вздохом, наблюдая за тем, как Дугал убирает остатки трапезы, сдвигая блюда к дальнему концу стола. Морган, тем временем, извлек кувшин со сладким фианским вином, разлил его в небольшие серебряные бокалы, и Дугал расставил их перед приглашенными. Риченда также сняла герцогскую корону и накидку, распустила рыжевато-золотистые волосы, с облегчением встряхнув головой, а затем с улыбкой присела на стул рядом с Келсоном.

— Ну вот, все церемонии и закончены, — промолвила она, скрутив волосы узлом и заколов их парой длинных золотых шпилек. — По крайней мере, все вели себя вполне достойно.

— Будем надеяться, что так пойдет и дальше, — отозвался Келсон, размышляя, как бы ему узнать, что на уме у Арилана. — И, возможно, это даже к лучшему, что Лайема не было с нами сегодня вечером. Любопытно, как там все прошло у Брендана?

Негромко хмыкнув, Морган сел по другую руку от короля.

— Учитывая обильность ужина, который он заказал, должно быть, сейчас они все стонут в своих постелях.

— Надеюсь, они хотя бы не перепились, — заметил Арилан, хотя, судя по выражению его лица, эта перспектива меньше всего страшила епископа.

— О, я отдал Дерри соответствующие распоряжения, — заверил его Морган. — Думаю, что все прошло гладко, и наш юный подопечный в полном порядке.

С негромким смехом Риченда тряхнула головой.

— А ведь он превратился в очень достойного юношу, не правда ли... Хотя, конечно, по-прежнему остается мальчишкой. Когда сегодня он въехал во

двор с Бренданом и Рори, я его едва узнала. Неужто он и впрямь так сильно вырос с Рождества?

— Вырос и стал сильнее, — пробормотал Арилан. — У него щиты, как у взрослого мужчины. Думаю, за это благодарить стоит того монаха... Кажется, его имя отец Иреней?

— Да, отчасти это его заслуга. — Келсон отставил бокал с вином и задумался, осторожно выбирая слова. — Похоже, наш добрый иеромонах именно таков, каким кажется: способный и благочестивый. Я почти склонен ему доверять. И... склонен доверять также Матиасу, — добавил он, выжидательно косясь на Арилана.

Епископ-Дерини откинулся на спинку кресла, однако полностью не расслабился.

— Нельзя никому доверять из Фурстанов, сир, — возразил он. — А что касается монаха... не следует забывать, что его послал к нам Махаэль...

— На самом деле, — возразил Морган, — послал его патриарх Торентский.

— По указаниям Махаэля, в этом можете не сомневаться.

— Да, по указаниям Махаэля, — согласился Келсон. — Или по крайней мере, по его рекомендации. И все же верительные грамоты исходили непосредственно от патриарха, а я сильно сомневаюсь, что он повинуется приказам Махаэля. И если только Иреней не куда более сильный и коварный маг, чем нам всем показалось, то я готов поручиться, что единственная его задача — это как следует подготовить Лайема к церемонии вступления на престол... А это весьма трудная задача, как всем вам прекрасно известно.

— О, да, я хорошо помню, насколько сложна эта церемония, — согласился Арилан. — И насколько ве-

лика вероятность того, что в ней что-нибудь пойдет наперекосяк... Особенно, если кто-то этому поможет.

— Если именно таков замысел врагов Лайема, — возразил Келсон, — то не понимаю, с какой стати Иренею принимать в этом участие. Я несколько раз наблюдал за тем, как он проводит богослужение, чтобы лучше осознать все то, чему нам надлежит стать свидетелями в Белдоре. На меня он произвел впечатление человека искренне набожного и бесхитростного. Почему вы считаете, что он блюдет свои обеты не столь свято, как вы сами?

— Я хотел лишь указать на то, что он Дерини, торентец, и ему благоволит Махаэль, — мягким тоном проронил Арилан. — Больше я ничего не хотел сказать.

— В этом никто и не сомневался, — чуть резковато отозвался Морган. — Неужто вы думаете, что мы просто позволили ему делать с мальчиком все, что заблагорассудится, как только он прибыл ко двору? Конечно же, нет. Мы оба продолжительное время общались с ним, прежде чем допустить его к Лайему. И Дункан тоже при этом присутствовал. Все мы проверяли его ответы с помощью чар истины... и не обнаружили никаких следов обмана. Кроме того, при всех его встречах с Лайемом, если не считать исповеди, всегда присутствовал кто-то из нас.

— Не сомневаюсь, вы желали меня приободрить, — отозвался Арилан язвительно. — Однако мне не следовало бы напоминать Дерини, с какой легкостью любой из нас способен использовать во зло оказанное ему доверие... И в особенности это касается священников.

Келсон не удержался от раздраженного вздоха, га-

дая, каким образом он допустил, чтобы этот спор зашел так далеко.

— Но с какой стати мы сцепились? — пробормотал он. — Денис, я не стану отрицать, что существует возможность предательства... Однако исполнения для коварного замысла требуется немалое время. А у Иренея его почти не было. Что же касается предательства открытого... Ну, полагаю, Лайем и сам обладает достаточной силой. Он крепок духом и преуспел в магических искусствах, чтобы не позволить никому злоупотребить своим доверием, в особенности священнику.

— Похоже, вы высокого мнения об этом мальчишке, — заметил Арилан. — Однако он все же племянник Венцита и Махаэля.

— И Матиаса тоже, — возразил Келсон, обороняясь. — Чуть раньше, когда я сказал, что склонен ему доверять, вы предпочли не обратить на это внимания, а вместо того завлекли нас в обсуждение... нет, я бы даже сказал в спор... по поводу отца Иренея. Однако когда Расул представил вам сегодня Матиаса, то вашей реакцией была скорее не враждебность, а удивление и... что еще?

Арилан откинулся в кресле, отвел глаза, бездумно вертя в пальцах пустой бокал.

— В его отношении могут иметься... определенные основания для доверия, — наконец произнес он негромко.

Келсон резко выпрямился, обводя остальных вопрошающим взглядом, но они в ответ взирали на него с полным недоумением.

— Что я слышу? — промолвил он негромко. — О каких еще «поводах для доверия» идет речь? Неуже-

ли он... Вы же не хотите сказать, что он... член Камберианского Совета?

Арилан с легкой улыбкой покачал головой, но так и не поднял глаза, вероятно, прекрасно осознавая, что сейчас все присутствующие готовы проверить его ответ с помощью чар истины.

— Об этом я ничего не скажу, — промолвил он.

— И все же вы с ним знакомы? — предположил Морган.

И вновь Арилан покачал головой.

— Я никогда не встречался с ним до сегодняшнего дня.

Келсон знал, что это чистая правда. Стало быть, Матиас никак не мог быть членом Совета, хотя Арилан и не ответил на этот прямой вопрос. Келсон не сомневался, что избранные члены Совета, и помимо Арилана, будут присутствовать на церемонии возведения Лайема на престол в Белдоре, по крайней мере неофициально, дабы засвидетельствовать все происходящее.

Однако Келсон не мог даже предположить, какова роль Матиаса во всем этом.

В общем, Арилан либо осторожничал, либо и впрямь пытался что-то сообщить им, не нарушая в буквальном смысле клятв, которые он приносил Камберианскому Совету. Эти обеты он явно почитал для себя святыми.

Впрочем, Келсон знал по крайней мере двух бывших членов Совета, которые обошли принесенные ими клятвы, — оба они теперь были мертвы, хотя, вероятнее всего, клятвопреступление и не было непосредственной причиной их гибели. Что же касается нынешнего Совета, он встречался лишь с тремя его членами помимо Арилана, и не мог представить се-

бе, чтобы кто-то из них стал помогать Фурстанам в их борьбе против Гвиннеда.

И все же если Матиас не является членом Совета, с какой стати Арилану так защищать его, и что же он от них скрывает?

— Я все же вынужден попросить вас прояснить свои слова, — осторожно промолвил Келсон. — Я не могу ничего приказывать, ибо явно вижу, что это имеет отношение к Совету, даже если Матиас не является его членом... И я согласен с тем, чтобы вы не говорили нам напрямую, так это или не так. Однако вы все же сочли своим долгом напомнить нам о возможном предательстве Фурстанов, одновременно подчеркнув, что имеются причины доверять именно Матиасу...

Покосившись на Моргана с Дугалом и Риченду, Арилан вновь перевел взгляд на короля.

— Ну, это слишком сильно сказано, — произнес он. — Сойдемся на том, что мне... известны некоторые... его связи с Дерини из другой влиятельной семьи. Без особого дозволения я ничего не могу вам поведать об этих связях, и они никоим образом не являются гарантией его благонадежности. Мне и в голову не приходило, что именно он прибудет сюда из Торента, и я не предполагал, что он может принимать участие в возведении Лайема на трон. Мне говорили, что он совершенно не интересуется политикой. Однако же, он явно наделен магической силой.

— Так вы полагаете, он станет поддерживать братьев, если они замыслили какое-то предательство? — спросил Дугал напрямую.

— Давайте скажем так: мне никогда прежде не приходило в голову, что младший брат Махаэля не согласится поддержать его... до тех пор, пока я не уз-

нал об этих *связях* и их возможном влиянии. Теперь мне ясно лишь то, что еще ничего не ясно. А Матиас отныне даже большая загадка, чем прежде. Несомненно, если он решит принять участие в политических интригах, то станет влиятельным игроком, однако до сих пор с его стороны не было явлено никаких особых амбиций. Ведь бывает и на самом деле так, что люди счастливы, выращивая виноград и воспитывая детей... Что он нам и пытался с таким жаром доказать за ужином.

— Я не уловил никакой фальши в его словах, — заметил Морган негромко.

— Да и я тоже, — подтвердил Арилан. — И все же я не могу не задаться вопросом, *зачем* он говорил нам об этом? Чтобы успокоить нас? Но с какой стати? Разумеется, нам следует предполагать, что он поддержит Махаэля и Теймураза во всех их замыслах, если будет в них замешан. А мы вынуждены предполагать, что он в них замешан, иначе не выступал бы как посланец своего брата в этом деле.

— Может быть, — предположила Риченда, — все его разговоры о любви к простой жизни были призваны заверить нас, что он станет на сторону Лайема против своих братьев, именно в интересах той самой простой жизни? Может быть даже это было замаскированное предложение союза с теми, кто готов поддержать восшествие Лайема на престол?

Арилан покачал головой.

— Не могу сказать наверняка. Он может быть сильным союзником или опасным врагом. На сегодняшний день я готов поверить и в то, и в другое.

— И все равно, это только к лучшему, — произнес Келсон. — Теперь у нас есть хотя бы возможность отыскать сторонников в торентском лагере.

— Одной возможности недостаточно, — возразил Морган. — Как нам выяснить наверняка? Эти ваши *связи*, о которых вы говорили, они могли бы это подтвердить или опровергнуть?

— Как только мне удастся поговорить с нужными людьми, то все возможно. Однако *пожелают* ли они что-то подтверждать или опровергать, это совсем другое дело. Однако я ничего не смогу предпринять до прибытия в Белдор... Или, возможно, на остров Орсал. — Арилан вздохнул. — Рано или поздно мне придется убедить Совет создать Портал здесь, в Короте.

— Но вы же устанавливали временный Портал в Линдрут Медоуз, — напомнил ему Келсон. — Почему бы не сделать то же самое и здесь?

— Только не сейчас, — возразил Арилан. — Придется потратить слишком много драгоценной энергии, которая пригодилась бы нам впоследствии... Ведь уже завтра мы прибудем к орсальскому двору. Там вполне возможно, что у меня будет доступ к Порталу.

— А Орсал — член Совета? — спросила его Ричента и улыбнулась с невинным лукавством, когда Арилан вскинул на нее глаза.

— Вам прекрасно известно, что я не имею права отвечать. Могу лишь пообещать, что попытаюсь получить доступ к Порталу. Но если обстоятельства этого не позволят, вопрос может подождать и до прибытия в Белдор. Каковы бы ни были тайные замыслы Матиаса, думаю, он подождет с ними до церемонии... А значит, у нас будет еще целая неделя, пока продлятся репетиции. Так или иначе, но мы успеем решить вопрос с Матиасом.

Глава восьмая

Дочери царей между почетными у тебя[1]

Поскольку час был уже довольно поздний, а предыдущий разговор насчет Матиаса оказался куда более напряженным, чем кто-либо мог предположить, Келсон надеялся, что ему удастся избежать неприятных разговоров о браке, — в особенности, памятуя о том, что ждало его на острове Орсал. К тому же он понятия не имел, известно ли Риченде что-нибудь касательно Аракси, ведь они обе в свое время были ученицами Азима, дядюшки Росаны... Тем не менее, Арилан, покончив с предыдущим вопросом, теперь явно был настроен на обсуждение матримониальных планов, если не самого Келсона, то хотя бы Лайема.

— Согласен. О ваших собственных брачных перспективах едва ли следует говорить сейчас, до возвращения из Торента, — промолвил епископ-Дерини, — но хочу заверить вас, что о возможном браке Лайема в его державе задумываются очень многие, и тем сильнее, чем ближе день его возвращения.

На миг зажмурившись, Келсон попытался собраться с мыслями для нового спора.

---

[1] Псалтирь 44:10

— Денис, ему же всего четырнадцать лет, — пробормотал он.

— Совершенно верно, — согласился Арилан. — Но подобно вам самому, он король, и должен обеспечить себе преемника. Поэтому женитьба для него станет делом первостепенной важности, как только он взойдет на престол... И сколько бы вы сами ни увиливали от принятия решения, это ничего не изменит.

— Я не увиливаю!

— Увиливаешь, — бесцветным тоном отозвался Морган. — Но не будем пока об этом. Сейчас не время. Однако Денис прав, и если не желаешь говорить о собственном браке, нужно хотя бы поговорить о перспективах твоего соперника, прежде чем он вновь окажется среди своих подданных.

Со вздохом Келсон поднял бокал и осушил его единым глотком, затем приложил прохладной гранью ко лбу, отчаянно пытаясь придумать какой-то способ увести разговор в сторону, ибо прекрасно сознавал, что одним Лайемом дело не ограничится. Пока он был не готов поведать им о предложении Росаны, и уж тем более не мог заставить себя говорить об Аракси, чью кандидатуру никто даже не обсуждал при перечислении возможных невест для короля.

— Прошу меня простить, — пробормотал он, ни на кого не глядя. — Я знаю, что рано или поздно мне *придется* говорить об этом, но не так просто смириться с тем, что я никогда не смогу жениться на той женщине, которую люблю. И все-таки было бы славно, чтобы будущая жена хотя бы пришлась мне по вкусу...

— Келсон, ты же знаешь, как мы все сочувствуем

тебе, — мягким тоном промолвила Риченда. — И ты знаешь, что я не раз пыталась уговорить Росану передумать. Много, много раз.

Склонив голову, Келсон уперся лбом в ладонь и прикрыл глаза.

— Знаю, — прошептал он, — и ценю твою помощь. Она... У нее свои доводы... И их трудно оспорить, хотя я и не согласен с тем выводом, который она делает из них.

— И все же ты должен уважать ее решение, — произнесла Риченда. — И вынужден его принять... Осознать, что у нее имеются свои причины поступать таким образом, даже если сейчас она и не в силах выразить их словами. Ты можешь чувствовать, что она предала тебя, выйдя за Конала... Или, точнее, она думает, что ты чувствуешь, будто она тебя предала... Но все это ничто перед ее собственным стыдом за предательство.

— Но она же не...

— Конечно, нет. Но ты должен признать, что ее любовь к тебе переплелась с твоей любовью к Гвиннеду, родившейся задолго до того, как Росана вошла в твою жизнь, — и Риченда указала на руку Келсона, где рядом красовались кольцо Сиданы и перстень с гербом Гвиннеда. — Именно ради Гвиннеда она позволила Коналу убедить себя выйти за него замуж, дабы воплотить в жизнь ту мечту, что разделяли вы с ней... И то, что она делает сейчас, она также делает во благо Гвиннеда. И точно так же во благо Гвиннеда *ты* должен исполнить свою мечту... Но уже с другой королевой.

Келсон стиснул губы и зажмурился, но все же кивнул в ответ на эти слова, прекрасно сознавая их правоту, хотя это признание и стоило ему душевной

боли. Помолчав несколько мгновений, он издал тяжкий вздох и поднял взор на Риченду.

— Ты права. Я это признаю, — произнес он негромко. — И я очень ценю то, что ты для меня делаешь... И все вы. — Он еще раз вздохнул, собираясь с силами. — Ну что ж, отлично, давайте сюда ваших кандидаток, и для меня, и для Лайема, но я не стану ничего обещать.

Вместо ответа, Риченда, поднявшись, взяла с каминной полки небольшой деревянный ларец, который поставила на столе перед королем. Внутри хранилось не меньше двух десятков миниатюрных портретов и набросков, которые Риченда и принялась раскладывать на столе, сопровождая перечислением имен и родословных. Келсон не смог сдержать стона, завидев их количество.

И для каждой из возможных невест существовали свои аргументы за и против. Из присутствующих обязательно находился кто-то, кому не нравилась каждая новая из предлагаемых кандидатур. Одну из них Арилан счел слишком низкого происхождения для короля Гвиннеда, вторую Дугал объявил занудой: ему как-то доводилось с ней встречаться. Морган заметил, что третья на самом деле куда старше и уродливее, чем на портрете... Хотя в политическом смысле такой союз и был бы весьма желанным. К тому же она была откровенно глупа.

— Но это означает, что и дети ее также не будут отличаться большим умом, — с кислой миной заметил Келсон. — А поскольку основная цель всей этой затеи — произвести на свет подходящих наследников, то я сомневаюсь, чтобы нам стоило всерьез рассматривать такую кандидатуру. Равно как я не пожелал бы такой жены и Лайему.

Когда на свет был явлен портрет Ноэли Рэмси, — очаровательная миниатюра на слоновой кости, изображавшая прелестную девушку с задумчивыми глазами и густыми темными волосами, — Келсон внезапно притих.

— Да? — с надеждой промолвила Риченда.

— Нет, — отозвался Келсон.

— Но вы же не хотите, чтобы Лайем женился на ней? — воскликнул Арилан. — В ее приданое входят земли Меары, нельзя же позволить Торенту закрепиться на наших западных границах!

— У меня такого и в мыслях не было, — возразил Келсон.

Бросив взгляд на Дугала в поисках поддержки, он решился раскрыть хотя бы малую толику той информации, которую получил во время их последней, столь мучительной встречи с Росаной. За последние дни у него уже начало возникать в голове некое подобие плана касательно Ноэли и Рори, и сейчас было вполне подходящее время, чтобы опробовать его на ближайших советниках.

— На самом деле, — объявил он, — для этой леди у меня есть другая подходящая пара.

Арилан поспешно обернулся к Дугалу, как видно, не совсем правильно истолковав намек короля.

— Но вы же не...

— Боже правый, конечно, нет, — поторопился с ответом Келсон, а Дугал встревоженно затряс головой. — Такая мысль мне и в голову не приходила. Нет, эта леди интересуется кем-то совсем другим.

— А, брак по любви, — догадался епископ, тогда как Риченда вопросительно подняла брови. — И кто же этот счастливый избранник?

— Мой кузен Рори.

Это имя заставило Арилана замолкнуть. Риченда задумчиво кивнула, однако по выражениям их лиц Келсон догадался, что обоим сразу стало ясно, насколько выгодным может быть подобный союз. Разумеется, Дугал с Морганом были уже в курсе его замысла.

— Рад, что не встретил возражений с вашей стороны, — промолвил он мягким голосом. — Это Росана сообщила мне о такой возможности. Похоже, когда Ноэли с семьей прошлым летом приезжали ко двору, они с Рори сильно привязались друг к другу. Разумеется, Рори благоразумно не давал девушке никаких обещаний, поскольку знал, что королевский совет видит в Ноэли возможную невесту для... Но я лично никогда не представлял ее в этом качестве. Я больше не желаю жениться на меарских наследницах.

Риченда вновь медленно кивнула с едва заметной улыбкой на устах, а Келсон задумался: неужели ей все-таки что-то известно об Аракси? Что же касается Арилана, то он не мог скрыть своего смущения.

— Любопытно было бы узнать, как отнесся к этой мысли Нигель? — спросил, наконец, епископ. — Или вы ему еще ничего не сказали?

— Сказал, — ответил Келсон. — Но все дальнейшие разговоры оставил до своего возвращения. Я попросил его поразмыслить над возможными проблемами, которые возникнут при этом союзе, и над путями их решения. Я также указал ему, что ни при каких обстоятельствах не намерен жениться на Ноэли Рэмси, вне зависимости от того, какое решение он примет. Так почему бы не осчастливить Рори?

— Очень щедрое предложение, — отозвалась Риченда. — И я вижу, насколько выгодно это будет для

Гвиннеда. В отличие от тебя, Рори мог бы постоянно проживать в Меаре и, таким образом, поддерживать там власть Халдейнов. Впоследствии же, когда и у них, и у Брекона с Ришель появятся наследники, это сделает союз Гвиннеда и Меары нерасторжимым.

— Лично мне показалось, что это будет самым удачным и мирным решением давней проблемы, — согласился Келсон, внутренне приготовившись отразить все возражения Арилана, которые, несомненно, возникнут, когда он огласит свое следующее решение. — Я... я также предложил Нигелю со временем сделать Рори вице-королем Меары. Я уже согласился сделать Брекона графом Килардeнским в тот день, когда он возьмет в жены Ришель, поэтому титул Рори должен быть более высоким... Возможно, он станет герцогом Ратаркинским.

— Но таким образом у Рори будет сразу два герцогских титула, — возразил Арилан.

— Верно, — согласился Келсон. — Но лишь в том случае, если он останется наследником Нигеля в Картмуре... А это едва ли будет правильно. — Он глубоко вздохнул. — У меня нет никаких сомнений, что по праву этот титул должен принадлежать Альбину, когда Нигеля не станет. Именно поэтому, как часть брачного соглашения, я хочу попросить Нигеля вновь сделать мальчика своим законным наследником. У Рори будет свое герцогство, поэтому его ожидания не окажутся обманутыми... И ему даже не придется дожидаться смерти отца.

— Лично мне это кажется вполне разумным, — заметил Дугал, покосившись на Моргана, но лицо Риченды явно выражало сомнение.

— Нигель никогда не согласится, — пробормотал Арилан. — А даже если он и пойдет на это, то уверен,

что мать Альбина станет возражать. Всем известно, что она предназначила сына Церкви.

— Достаточно и того, что его мать распоряжается собственной жизнью... и моей, — промолвил Келсон. — Если Альбин выберет для себя религию, как она того хочет, я приму его решение. Халдейны и прежде служили Церкви. Однако я желал бы предоставить мальчику выбор, который принадлежит ему по праву рождения.

— Келсон... — Риченда, не глядя на короля, принялась вновь перекладывать портреты на столе. — Келсон, она не поблагодарит тебя за это.

— Точно так же и я не благодарю ее за то, что она цепляется за свою глупую гордость, когда я ей не раз уже заявлял, что не виню ее за брак с Коналом, — возразил Келсон. — Точно так же, как я ей не благодарен за то, что она пытается принять решение вместо сына... который мог бы быть *нашим* с ней сыном.

— Келсон...

Он потряс головой, не в силах больше сдерживать давнюю боль и гнев.

— Не дави на меня, Риченда, ибо я способен быть таким же неуступчивым, как и она, — предупредил он. — Она должна будет согласиться дать Альбину выбор, даже если мне... придется похитить мальчика и воспитать его самому. Я не могу принудить ее выйти за меня замуж, однако сделаю все возможное, чтобы у Альбина Халдейна никто не мог отнять наследие, принадлежащее ему по праву.

— И как же ты этого добьешься? — ровным тоном поинтересовался Морган. — Как заставишь Нигеля согласиться? Конечно, способы найдутся, ты ведь король... И обладаешь силами, недоступными пониманию простых смертных. Неудивительно, что

они так страшатся нас. Ну, или в конечном счете, ты, конечно, мог бы бросить Нигеля в тюрьму, лишить его титула, чтобы передать герцогство Альбину. Тут даже Росана не смогла бы тебе помешать. И ты даже мог бы *заставить* ее выйти за тебя. Но ты этого не сделаешь.

Когда Морган начал говорить, Келсон рывком обернулся к нему, готовый перебить друга, но внезапно краска отхлынула у него от лица, и он рухнул в кресло, потрясенный, насколько и впрямь оказалось тонка эта грань... Как легко было бы переступить ее, поддаться гордыне и соблазну благих намерений...

— Но он должен... должен согласиться... — прошептал он. — Он должен сделать это для Рори, чтобы тот женился на своей возлюбленной, а не по политическому расчету. И *она* тоже должна согласиться, ради Альбина, чтобы *он* мог сделать выбор сам, куда влечет его сердце... Я хотел бы этого и для своего собственного сына. — Он помолчал и с трудом вздохнул. — Тогда как я... я должен... сделать то, что велит мне Росана, и жениться... на другой...

«Взять в жены ту, кого она выбрала для меня», — с горечью добавил он про себя.

Повисла неловкое молчание. Морган взволнованно переглянулся с Ричендой, и та сочувственно коснулась руки короля.

— Келсон... Я должна кое-что сказать тебе, — начала она неуверенно. — Возможно, это хоть немного утешит тебя. Думаю, что Росана и сама еще до конца это не осознала... Ты говорил о том, что лишь ее гордыня мешает вашему браку. Она не способна простить себя за то, что утратила веру, за то, что сочла тебя мертвым и вышла за Конала. Возможно, в

самом начале дело обстояло именно так. Но не сейчас.

— Тогда в чем же дело? — воскликнул Келсон.

— Думаю, — промолвила она, — что дело не в браке с *тобой*, но в браке *как таковом*. Он для нее неприемлем.

— Не понимаю, — прошептал Келсон, потрясенный. — К чему ты клонишь?

Риченда со вздохом обвела взглядом присутствующих, а затем опустила глаза, выводя какие-то узоры кончиком пальца на столешнице.

— Возможно, мои слова покажутся слишком суровыми, но я должна напомнить о том, кем она была, когда вы впервые встретились с ней. Она ведь дала обет монастырской послушницы. Религиозный обет. Когда любовь к тебе вошла в ее сердце, она решила отказаться от этих клятв... и имела полное право сделать это, поскольку они не были еще постоянными... И была готова стать твоей королевой — королевой-Дерини для всего Гвиннеда. Затем, когда все считали тебя мертвым, она по-прежнему готова была отдать свою жизнь этому служению: быть королевой Гвиннеда, но теперь уже рядом с Коналом, а не с тобой... поскольку для нее важнее всего была задача, которую надлежало исполнить. Однако после твоего возвращения и казни Конала, все изменилось.

— Но Гвиннеду по-прежнему нужна королева, — угрюмо возразил Келсон. — *Мне* нужна королева.

— И с этим никто не спорит, — продолжила Риченда. — Но Росана совершенно верно сказала, что в глазах большинства ее кандидатура уже не является столь безупречной, как прежде. Твоей супругой должна стать женщина, которая выше всяческих подозрений, женщина без темного прошлого. Что же ка-

сается Росаны, то она родила ребенка от предателя, казненного королевским палачом, — а об этом люди никогда не забудут, можешь мне поверить, ибо я и сама была в том же положении. И еще более тяжким это бремя делается оттого, что пресловутый ребенок, повзрослев, может представлять угрозу для того самого трона, который и ты, и она так желали защитить.

— Любой ребенок может стать угрозой трону, — с горечью возразил Келсон. — Мы не знаем, что готовит нам будущее. Что же касается людского недоверия, его можно преодолеть. Ведь *тебе* это удалось.

— Да, Альбин лишь одно из составляющих дилеммы, — промолвила Риченда. — Точно так же, как и предательство ее покойного супруга. Но это не самая важная часть. Ты прав, и то, и другое можно было бы превзойти. Но даже если мы не будем говорить об этом, то нам все равно придется вернуться к основной проблеме. Росана создана для жизни в служении.

— Нет, — выпалил Келсон. — Она создана совсем не для этого. Наша любовь — вот основная составляющая часть проблемы. Она любит меня! До сих пор любит меня! Она сама мне сказала об этом всего пару дней назад.

— Келсон, Келсон, мой дорогой... — заламывая руки, Риченда, наконец, осмелилась встретиться взглядом с королем. — Я пытаюсь подыскать слова, которые не причинят тебе боли, но это невозможно. Прошу, поверь, что эти три года дались ей так же тяжело, как и тебе самому. Да, конечно, она по-прежнему любит тебя... И некогда любовь ее была так горяча, что заставила отречься от святых обетов, данных ею Богу. Из любви к тебе и ради шанса стать

королевой Гвиннеда на благо всем нам. Когда она сочла тебя мертвым, то ради этой любви отреклась от своих клятв... и опять же ради одного только служения Гвиннеду вышла за Конала.

— Я никогда ее в этом не винил, — прошептал Келсон. — У вас были все основания считать, что я погиб. А если бы я и в самом деле умер, то, став супругой Конала, она и впрямь смогла бы претворить в жизнь те мечты, о которых мы так много говорили. Таково было бы мое самое искреннее желание.

— И если бы ты и впрямь погиб, то все именно так бы и случилось, — продолжила Риченда, — хотя одному Господу ведомо, как тяжко пришлось бы Гвиннеду, когда Конал взошел бы на престол. Но ты не умер, ты вернулся... И внезапно все изменилось.

— Так что, ты хочешь сказать, что она бы предпочла, чтобы я не возвращался? — воскликнул он с горечью.

— Конечно же, нет. И все-таки — все изменилось. Она отказалась от своего прежнего, горячего и искреннего религиозного призвания, дабы стать супругой, вдовой и матерью... всего за какой-то короткий год. А после того, как случились все эти перемены, она попыталась заглянуть себе в душу, чтобы во всем разобраться, понять, что же и почему с ней произошло. И тогда она осознала, что для нее самым важным всегда было ничто иное, как служение. Сперва просто служение Господу, затем служение Гвиннеду и расе Дерини. Хотя это последнее отныне сделалось невозможным в том виде, как она желала прежде. Ее никогда не привлекал лишь брак сам по себе, даже брак с тобой, хотя нет сомнения, что она питает к тебе самую чистую любовь... И я уверена, что сложись все по-другому, вы с ней были бы очень

счастливы вместе. Однако что произошло, того уже не изменить. Никто не может отрицать, что ей нелегко будет сделаться твоей королевой, будучи вдовой предателя и матерью возможного претендента на трон. И в то же самое время, есть другая область, где она точно так же могла послужить Гвиннеду и его королю. Теперь она может стать не просто матерью твоих наследников — ибо само уже появление на свет Альбина и без того достаточно осложнило положение вещей, — но зато она может сделаться духовной матерью наследников Гвиннеда... В особенности, наследников-Дерини.

— Нет, я все-таки не понимаю, — растерянно промолвил Келсон.

— А ты попробуй. Подумай о том, где она провела эти три года после того, как появился на свет Альбин. Она была со Служителями святого Камбера. Понимаешь ли ты до конца все значение того факта, что вы с Дугалом отыскали их селение?

Не понимая толком, к чему она клонит, Келсон лишь молча посмотрел на Риченду, не скрывая недоумения.

— Подумай же, целых два века они жили обособленно от всего Гвиннеда, люди и Дерини, бок о бок, и, возможно, теперь так перемешались, что между ними нет особой разницы. Ты видел их силу, испытали ее на себе. Лучше, чем кому-либо из присутствующих здесь, в этой комнате, тебе известно, как многому мы можем у них научиться. Удалось ли им сохранить мудрость святого Камбера? Ты знаешь об этом... Пока нам удалось уловить лишь отголоски их подлинной мощи, когда они прибыли в Ремут, чтобы восстановить там святилище... А Росана уверяет меня, что это только начало. Представьте, как мно-

гое они еще могли бы сделать, если им будет покровительствовать столь влиятельный человек, как Росана. К тому же, у нее имеются связи с теми краями, где Дерини и прежде не были под запретом, и их чтут за магические таланты. Она является принцессой королевской крови, матерью будущего священника или епископа... Или герцога королевской крови, если уж ты на этом настаиваешь. И она желает помочь им в их работе.

— Но то же самое она могла бы делать, будучи королевой, — в отчаянии воскликнул Келсон. — Видит Бог, я всей душой готов поддержать Служителей святого Камбера... Но ей ни к чему принимать постриг, чтобы помочь им достичь цели. Она могла бы быть покровительницей святилища, поддерживать этот Орден, по-прежнему будучи моей королевой и матерью наследников. Кто угодно другой мог бы возглавить Служителей святого Камбера.

Риченда печально покачала головой.

— Сир, она желает посвятить свою жизнь служению во благо всему Гвиннеду, а не только его королю. Полагаю, ты слышал о древних школах, где Дерини прежде учились и преподавали другим магические искусства и даже Целительский дар. Им не было нужды вслепую открывать собственные таланты, как то было с Алариком, Дугалом или со мной. С помощью Служителей святого Камбера Росана мечтает основать новую школу Дерини, безопасное убежище, где бы они могли обучаться своему искусству. Она единственная во всем Гвиннеде способна сделать это, и пригласить наставников из других краев. Насколько мне известно, Азим уже бывал в Сент-Кириеле, чтобы ей помочь.

— Вновь собрать воедино все утерянное знание

будет почти непосильной задачей, ибо Дерини никогда не были многочисленны, даже в Торенте и в тех краях, где наша раса никогда не подвергалась преследованиям... А влияние Дерини в Гвиннеде вообще почти ничтожно, — она невесело улыбнулась. — Во времена Междуцарствия высшее знание было доступно лишь ученым и придворным. Когда же начались гонения против Дерини, вскоре после Реставрации, все школы были уничтожены вместе с носителями знания. Рамосские уложения практически уничтожили нас как расу, стерли с лица земли великие ордена Дерини, владевшие искусством Целительства, и большая часть знания была утрачена... хотя, конечно, со временем оно может быть восстановлено. Эта задача едва ли будет выполнена за одну человеческую жизнь, — но если не начать ее сейчас, то ее вообще никогда не удастся исполнить. Именно этим и хочет заняться Росана. Но задача сия потребует от нее полной самоотдачи. В свою очередь, тебе нужна королева, которая полностью будет принадлежать тебе, твоим наследникам и Гвиннеду. Видит Бог, я не способна соединить несоединимое. Это никому не под силу.

Оглушенный, Келсон слушал Риченду, не в силах подавить подступающую тошноту и, наконец, опустил голову, скрывая лицо в ладонях. Понемногу ему удалось успокоиться, и теперь он смог осознать, насколько разумными были все доводы, что представила ему Риченда. И она, и Росана, увы, были правы. Лишь теперь он понял до конца весь смысл их последнего разговора с Росаной и то предложение, что она сделала ему. И только теперь, против воли, он смог до конца его принять... И смириться с судьбой, которую она уготовила для него. Возможно даже, в

свете откровений Риченды, в конечном итоге так будет лучше для Гвиннеда.

Стараясь, чтобы на лице его не отразилось никаких чувств, Келсон, наконец, опустил руки и обвел взглядом своих друзей, а затем, незаметно промокнув рукавом влажные от слез глаза, перевел взор на портреты невест, по-прежнему разложенные на столе.

Он по-прежнему не мог заставить себя рассказать об их разговоре с Росаной относительно кузины Аракси, но решил обрести хотя бы временное убежище в прерванном разговоре о возможных претендентках на его руку и сердце. С улыбкой взглянув на миниатюрный портрет Ноэли Рэмси, которая, к счастью, выбыла из этого состязания, он потянулся и бережным движением перевернул портрет вниз лицом.

— Ну, думаю, что по крайней мере с ней все решено, — заметил он негромко, а затем подвинул ближе к себе два наброска тушью, что лежали рядом. — Кажется, кто-то мне говорил, что это дочери Хорта Орсальского?

— Совершенно верно, — невинным тоном подтвердила Риченда, так, словно и не было их предыдущего разговора. — Старшую зовут Элизабет. Говорят, она очень хороша собой, и даже этот портрет не воздает ей должного. Впрочем, завтра увидишь сам. А рядом ее младшая сестра Марселина. Впрочем, по возрасту, полагаю, она больше подходит для Лайема, и через пару лет могла бы стать для него прекрасной женой. Они обе очень достойные девушки.

— А это кто такая? — спросил Келсон, указав на портрет миловидной брюнетки.

— Урсула, внучка одного из Ховисских князей, — пояснил Арилан. — Она богата, хорошо образована, с прекрасной родословной. Это выгодный союз.

Прислушиваясь лишь вполуха, Келсон откинулся в кресле, предоставив остальным возможность перебирать кандидаток и утешаясь в душе лишь тем, что хотя бы Рори удастся в браке обрести свое счастье. Что касается самого Келсона, то о его счастье речь больше не шла; после откровений Риченды он до сих пор пребывал в шоке. Мысль о том, чтобы навсегда позабыть Росану, до сих пор внушала ему ужас и отчаяние. Но сейчас, в то время как остальные продолжали обсуждать достоинства и недостатки потенциальных невест, включая и тех, чьи имена он прежде никогда не слышал, Келсон поймал себя на том, что невольно засматривается на портрет, отложенный вместе с портретом Ноэли Рэмси. Там была изображена его кузина Ришель, сестра невесты, которую избрала для него Росана, уже благополучно обрученная с Бреконом Рэмси и, стало быть, выбывшая из брачной гонки.

Что касается самой Аракси, то ее портрета никто никогда Келсону и не показывал, ибо вот уже несколько лет ходили слухи о ее «неминуемом» браке с Ховисским принцем. Тем не менее Келсон не мог удержаться от того, чтобы, разглядывая портрет ее сестры, попытаться представить себе саму Аракси, соединяя перед своим внутренним взором этот портрет с образом бойкой светловолосой девчушки, с которой они когда-то давным-давно играли в ремутском саду...

Глава девятая

Никто да не пренебрегает юностью твоею[1]

Утро следующего дня выдалось ясным и чистым, с попутным свежим ветром. Глядя, как исчезают в дымке башни Коротского замка у них за спиной, Келсон, стоявший на носу корабля, старался не думать о том, что ждет их всех впереди, в Торенте и, уже очень скоро, при дворе Орсала.Накануне ночью, после того как он смог, наконец, удалиться к себе, сон его был беспокойным, наполненным смутными видениями и тенями, одной из которых вполне могла быть Аракси. И сейчас, вспоминая об этом, он, поморщившись, запустил палец под ворот алой туники, которая внезапно стала казаться ему слишком тесной.

По крайней мере, Лайем, стоявший у поручней рядом с ним и Морганом, судя по всему, примирился, наконец, с ожидавшей его судьбой и со своей новой ролью. Накидку цветов Халдейнов он сменил на простое и строгое одеяние, включавшее белую рубаху и черные штаны, заправленные в сапоги. Однако на поясе по-прежнему красовался кинжал оруженосца, заткнутый за рыжий шелковый кушак.

---

[1] 1-е Тимофею 4:12

Ветер раздувал пышные рукава, и он придерживал их, опираясь о поручень рядом с Келсоном, и то и дело с прищуром озирал раскинувшуюся перед ним водную гладь. С того самого момента, как они отплыли из Корота, что-то неуловимо изменилось в нем, в его манере держать себя, в движениях и речи. В нем чувствовалась большая уверенность, и Келсон подумал, что этот последний ужин с друзьями и вправду сделался для Лайема чем-то вроде ритуала, обряда перехода из отрочества в зрелость, который помог ему окончательно оставить детство позади.

Синие воды Великого Устья постепенно сделались мутными, когда корабли достигли побережья Тралии с его базальтовыми скалами. Здесь, в устье Турии, чьи притоки охватывали Р'Касси и Форсинские княжества, лежал остров, который и был сейчас их пунктом назначения. Ветер по-прежнему держался попутный, так что морякам не пришлось садиться на весла, даже когда, миновав полосатые бело-зеленые маяки, охранявшие вход в Орсальскую бухту, они, наконец, вошли в порт.

Лайем безмолвно наблюдал за тем, как постепенно вырастает над городом огромный летний дворец Орсалов, именовавшийся Хортанти, оценивающим взором обводя крепостные стены порта и сторожевые башни, а затем вновь возвращаясь ко дворцу, являвшему собой невероятное смешение самых разнообразных и пышных стилей, с высокими арками, куполообразными крышами и потоками свежей зелени, струившимися вдоль белоснежных стен.

— В королевском дворце в Белдоре тоже есть сады на крышах, почти как здесь, — промолвил он, словно бы про себя, не обращаясь лично ни к Келсону, ни к Моргану, которые также любовались зеле-

нью, видневшейся над верхними балконами. — Однако цвет там совсем другой, молочно-голубой, чуть темнее, чем небо в ясный день. Я такого цвета в Гвиннеде не видел нигде и ни разу.

— И тебе явно этого не хватало, — с легкой улыбкой отозвался Келсон, исподволь наблюдая за Лайемом. — Несмотря на все опасности, я полагаю, что ты рад вернуться домой.

Лайем опустил голову, вмиг вновь превратившись в смущенного мальчишку.

— Но теперь все будет не так, как прежде, — пробормотал он. — Все...

— Так уж устроен мир, — спокойно возразил Морган. — Ничто не остается неизменным. Но это не так уж плохо. Став королем, ты можешь многого достичь.

— Возможно, — отозвался Лайем не слишком уверенно. — Но это случится еще не скоро. Лишь когда я обрету всю полноту власти Фурстанов.

И он погрузился в задумчивость, всем своим видом демонстрируя явное нежелание продолжать разговор на эту тему, а затем опять устремил взор вперед. Справа внимание притягивали шесть черных боевых галер, пришвартованных бок о бок, и над каждой из них трепетало ярко-рыжее знамя с белым кругом и силуэтом черного оленя, символом Торента. На палубах кораблей команда выстроилась в почетном карауле вдоль весел, также поднятых в знак приветствия, словно черные колючие лапы насекомых.

Внезапно над бухтой прокатился пронзительный трубный глас, и Лайем, тут же выпрямившись, отошел от Келсона с Морганом, и встал один на носу галеры, прикрывая глаза рукой от слепящего солнца

и не сводя взора с черных кораблей, которые явно прибыли сюда, дабы сопроводить его на родину. На одном из судов вспыхнул слепящий огонек, не оставшийся незамеченным для Келсона: это кто-то пытался разглядеть их с помощью подзорной трубы. Человек этот тут же сложил свой инструмент и, вскинув руку, подал остальным знак, как раз в тот момент, когда «Рафалия» поравнялась с черными кораблями.

Слитным движением экипажи всех шести судов преклонили колена и вскинули руки над головой ладонями наружу в приветственном салюте, подобно священникам, дарующим благословение, и глубокими ритмичными голосами возгласили:

— Фур-стан-Лай-ос! Фур-стан-Лай-ос!

Лайем, едва лишь смысл происходящего дошел до него, застыл и напрягся, силясь сдержать охватившие его эмоции. Медленным движением он поднял руку, которой прикрывал глаза от солнца, привлекая к себе внимание, а затем также развернул ладони кверху, повторяя жест моряков, и заметив это, те разразились бурей приветственных воплей и возгласов. Некоторые принялись потрясать изогнутыми кинжалами, размахивать шапками и платками в знак своего торжества.

Радостные крики продолжали доноситься до них все то время, пока «Рафалия» проплывала мимо торентских кораблей. Лайем продолжал приветствовать их, и даже перешел на корму, чтобы они могли видеть его подольше. Приветствия стихли, лишь когда «Рафалия», наконец, развернулась по ветру и опустила паруса на некотором расстоянии от причала, а на носу один из моряков бросил канат, чтобы лоцманская лодка могла ввести их в бухту.

С сияющими глазами раскрасневшийся отрок подошел к Келсону с Морганом. Он то и дело оглядывался на торентские суда и не мог сдержать радостной улыбки.

— Они меня узнали! — выдохнул он. — Они приветствовали меня как своего *падишаха*.

— О, да, — с улыбкой подтвердил Морган. — Ибо ты и есть их падишах.

— Знаю, но... До этого момента, должно быть, я не мог заставить себя в это поверить по-настоящему. Я ведь почти треть жизни провел вдали от своего королевства.

Келсон тоже улыбнулся, а затем, отвернувшись, чтобы прикинуть на глаз расстояние между кораблем и причалам, вознес небесам безмолвную молитву, чтобы Лайем и впрямь сделался подлинным владыкой своего народа и подданные приняли бы его всем сердцем.

В порту Орсала новоприбывших ожидал привычных хаос. За рядами стражи толпились празднично разодетые зеваки, надеявшиеся хоть одним глазком посмотреть на высокопоставленных гостей. Дети с деревянными флейтами наигрывали какую-то радостную мелодию.

У трапа гостей с «Рафалии» уже поджидал кастелян Орсальского замка, Вассил Димитриадес; с ним хорошо были знакомы Морган и Келсон, которым уже доводилось бывать здесь, на острове, — этот улыбчивый мужчина в сине-зеленых одеждах с золотой цепью на шее отличался поразительной худобой и едва не переламывался пополам, кланяясь гвиннедскому королю и его герцогу, а затем и Расулу с Матиасом, которые вскоре присоединились к ним. Затем Вассил указал гостям на небольшие повозки под

яркими покрывалами, похожие, скорее, на колесницы. Они были установлены на двух колесах каждая, и влачить их должны были люди в ливреях орсальского двора. Лайему никогда не доводилось видеть ничего подобного, и он с неуверенным, почти испуганным видом проследовал за Келсоном к своему средству передвижения. Капитан гвардейцев уже поджидал их, готовый по первому знаку кастеляна сопроводить высоких гостей к замку, располагавшемуся высоко на холме. Келсон без всяких колебаний забрался в свою повозку, в то время как один из носильщиков подал руку Лайему, чтобы помочь ему усесться.

— На лошадях в замок почти не ездят, — пояснил Келсон, в то время как Морган с Бренданом забирались в третью повозку. Четвертая принадлежала Расулу с Матиасом, и все остальные также заняли отведенные им места. — Если помнишь, это летняя резиденция Орсала. Этикет там вполне вольный, и почти не случается такого, чтобы возникла срочная нужда добраться в замок из порта.

— На самом деле при Орсальском дворе, как ты скоро увидишь, вообще никто никуда не торопится, — добавил он с усмешкой. — И как бы то ни было, едва ли тебе пришлось бы по душе забираться пешком на такую высоту.

Взглянув на круто убегающую вверх дорогу, Лайем был вынужден согласиться, что без помощи носильщиков и колесниц туда и впрямь никак не попадешь. Кроме того, он по достоинству оценил тот факт, что, оказавшись в одной повозке с Келсоном, имеет тем самым возможность на время снять все вопросы относительно своего статуса: является ли он отныне королем или по-прежнему королевским ору-

женосцем. Сперва он сидел очень неуверенно, вцепившись в борта повозки, но по мере того, как многоцветная процессия взбиралась все выше по узкой дороге, понемногу расслабился, с удовольствием прислушиваясь к Келсону, который с удовольствием комментировал все, что они видели вокруг, и предавался воспоминаниям о забавах Орсальского двора прошлых дней.

Чего они совершенно не ожидали, так это предательства. Нападение произошло, когда они уже почти достигли ворот замка, на предпоследнем крутом повороте дороги, с которого открывался поразительный вид вниз на скалы и на сапфировую морскую гладь. Практически без предупреждения мужчина, который тащил повозку, внезапно остановился и резко вскинул поручни, переворачивая колесницу, чтобы выбросить Лайема с Келсоном через низкий бортик, в то время как второй носильщик, шедший сзади, попытался ударить седоков длинным кинжалом.

Лайем торопливо выпутался из шелковых занавесок со стороны обрыва и спасся лишь чудом, ухватившись за край ткани, а другой рукой за каменный выступ, в то время как Келсон отчаянно пытался вырваться на свободу и избежать кинжала убийцы.

Тем временем первый носильщик продолжал разворачивать поручни в сторону обрыва, одновременно пытаясь перевернуть легкую повозку, подпирая ее плечом. Келсон, который по-прежнему не мог выпутаться из покрывал, ощутил жгучую боль в области ребер, но по крайней мере, это позволило ему установить, где находится нападавший. Отчаянно изогнувшись, он все же вырвался из плена, сумев

ухватить носильщика за запястье как раз в тот момент, когда он вновь замахнулся ножом.

Нападавший оказался гораздо тяжелее Келсона и навис над королем, пытаясь либо нанести удар кинжалом, либо столкнуть его в пропасть. В то же самое время Келсон ощущал невыносимое давление на свои щиты: чья-то враждебная ментальная сила пыталась проникнуть сквозь линию его обороны в те же самые мгновения, когда смертоносная сталь целила в сердце.

И тут во мгновение ока за спиной у убийцы возникла фигура в накидке цветов Халдейнов, — это юный Брендан Коррис набросился на него, вцепившись в плечи, обвив сильными ногами за пояс, пытаясь придушить нападавшего сзади или выдавить ему глаза. Одновременно Морган бросился на помощь Лайему и успел ухватить того за рубаху и удержать от падения, в то время как повозка, наконец, перевернулась и с треском и грохотом рухнула вниз со скалы, разбившись на камнях далеко внизу.

Каким-то чудом первый из нападавших ухитрился не упасть за ней следом, хотя и задержался на самом краю обрыва. Отчаянный взор он устремил к своему товарищу, словно моля о помощи, но, увы, ничего не дождался. Морган, как только убедился, что Лайем в безопасности, бросился на подмогу Келсону с Бренданом, которые по-прежнему сражались со вторым убийцей, а по дороге к ним уже бежали Расул с Матиасом. Глаза их метали молнии, а лица были искажены гневом и жаждой мести. У них за спиной виднелись и все остальные, опомнившиеся с некоторым запозданием.

С ужасающим криком первый из нападавших бросился вниз с обрыва, и его отчаянный вопль за-

вершился глухим ударом тела о камни. В тот же момент, резко дернувшись, так, что едва не сбросил с обрыва Брендана, второй убийца вывернул запястье и, используя силу Келсона, как и свою собственную, устремил смертоносное лезвие прямо на себя, пронзив свое горло.

Внезапно все кончилось. Нападавший рухнул со стоном, и на лице его застыло выражение странного удивления. Лишь теперь Брендан окончательно отцепился от него, высвобождаясь из складок одежды. Король с трудом сбросил с себя мертвое тело. Морган помог ему. Затем присоединились и Лайем с Бренданом. К тому моменту к ним наконец подбежали Расул с Матиасом, но Келсон, бросив в их сторону угрожающий взгляд, глубоко вздохнул и, опустившись на колени, прижал руки к вискам мертвеца, стремясь проникнуть разумом сквозь исчезающие на глазах щиты.

Он позволил Моргану присоединиться, но они обнаружили лишь остатки мощного заклятия на самоубийство и полностью стертые воспоминания, — операция, которой этот человек подвергся намеренно, дабы он не мог даже невольно предать своих хозяев, если его захватят в плен. Разумеется, о самих этих хозяевах нельзя было сказать ничего. Скорее всего, как предполагал Келсон, то же самое они обнаружили бы и у второго убийцы, если бы удалось удержать его от прыжка в пропасть.

— Лайе, ты не ранен? — воскликнул Матиас с тревогой, в то время как Келсон постепенно выходил из транса.

— Нет, я невредим, но король...

Подняв голову, Келсон встретился взглядом с перепуганными Лайемом и Дугалом. Брендан тем вре-

менем старался удержать Расула с Матиасом, чтобы они не подходили ближе. Вид у обоих торентцев был хмурым. Расул, поджав тонкие губы, взглянул вниз с обрыва. Там, на далеких скалах, среди обломков повозки лежало разбитое тело убийцы, который предпочел смерть пленению. Грудь его пронзил один из поручней повозки.

— Лорд Вассил распорядится, чтобы тело достали оттуда, — заметил Дугал, указывая вниз. — И он уже послал гонца предупредить Орсала.

Кивнув в знак согласия, Келсон глубоко вздохнул. Морган помог ему подняться на ноги, и король с благодарностью кивнул юному Брендану, со стиснутыми от боли зубами, ибо лишь теперь полученный удар напомнил о себе с новой силой. По счастью, когда он ощупал ребра, то не обнаружил крови, так что, скорее всего, он отделался лишь обычным синяком, и лезвие не вошло в плоть. Однако, несомненно, погибнуть в этой засаде должны были они оба с Лайемом.

Теперь вставал вопрос о возможном пособничестве Расула или Матиаса, хотя сейчас у обоих из них вид был в равной степени возмущенный и испуганный. Келсон искоса взглянул на них, в то время как к Дугалу протолкался, наконец, Арилан, который до сих пор стоял позади торентцев с ничего не выражающим лицом.

— Очевидно, — отчетливо проронил Келсон, — что мы никогда не узнаем, кто должен был стать основной жертвой убийцы, я или ваш король... Либо, возможно, мы оба. — Он указал на Лайема, который до сих пор не мог унять нервную дрожь и цеплялся за Брендана с Морганом. — Но надеюсь, вы оба поймете, что я обязан спросить у вас, имели ли вы отноше-

ние к этому покушению, или, возможно, что-то знали о нем заранее.

— Я дипломат, а не убийца, — ровным тоном отозвался Расул. — Но скажите мне прямо, государь, ибо жизнь ваша может зависеть от этого: смог ли убийца ранить вас до крови?

Он указал на длинный кинжал, по-прежнему торчавший из горла мертвеца. Келсон покачал головой.

— Вы думаете, там яд?

— Более чем вероятно, — отозвался Расул. — Вы позволите?

Он вновь показал на кинжал. Келсон сдержанно кивнул и отступил на шаг, в то время как Расул склонился и, упираясь ногой в грудь мертвеца, с силой вырвал лезвие. Затем мавр осторожно принюхался к металлу, повернул его к свету и уронил в пыль рядом с трупом, с презрительным жестом отряхивая ладони о штаны. Лайем с широко раскрытыми глазами взирал на него.

— Кинжал был отравлен, Расул? — спросил он, наконец.

— Нет, мой господин, слава Аллаху. Но если бы эти люди преуспели в своем замысле, вы были бы уже мертвы.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — напомнил ему Келсон. — Вы что-то знали об этом?

С легкой улыбкой Расул протянул раскрытую ладонь, приглашая Келсона коснуться его руки.

— Прочтите истину в моих словах, государь, — произнес он негромко. — Клянусь вам бородой Пророка, что я не имел к этому никакого отношения, и ни о чем не знал заранее. Более того, если бы мне стало хоть что-то известно, я никогда бы не допустил подобного.

Именно такого ответа и ожидал от него Келсон. Касаясь ладони Расула и используя чары истины на такой глубине, какую мавр никогда прежде не дозволял ему, он так и не смог уличить его во лжи. Впрочем, он этого и не ожидал, поскольку за последние годы они с торентским посланцем научились относиться друг к другу со сдержанным доверием и уважением, так что между ними зарождалось даже нечто, похожее на дружбу. Нет, все случившееся было отнюдь не в духе Расула. Однако что касается Матиаса... Келсон отнюдь не был в этом столь же уверен.

Отпустив руку мавра, Келсон перевел взгляд на дядю Лайема, косясь на того с явным сомнением.

— Теперь вы, граф Матиас... Я буду прям и спрошу вас без околичностей. Можете ли вы заверить меня, что не имели никакого отношения к этому подлому нападению?

— В таких обстоятельствах ваш вопрос вполне оправдан, — с осторожностью отозвался Матиас, хотя и не предложил Келсону убедиться в этом с помощью физического контакта, как это сделал Расул. — Даю вам слово чести, что не участвовал в этом заговоре и ничего не знал о нем. Разумеется, я не одобрил бы никаких действий, которые поставили бы под угрозу жизнь моего племянника.

Сдержанно кивнув Матиасу, Келсон подумал, что тот наверняка сознает, что все они, он сам, Морган, Дугал и Арилан, а возможно, также и Брендан, сейчас с помощью чар истины пытаются установить его правдивость. Мельком взглянув на Моргана и на остальных, король убедился, что они согласны с ним: Матиас и Расул, судя по всему, были невиновны. Однако если даже один из дядей Лайема не имел

отношения к покушению на его жизнь, Келсон не мог сбросить со счетов слухи, ходившие о старшем его брате Махаэле, ибо того уже давно обвиняли в гибели прежнего короля Торента, так что теперь, еще сильней, чем прежде, он чувствовал, что никому из Фурстанов нельзя доверять.

Взглянув вниз, Келсон обнаружил, что Дерри возглавил отряд стражников, которые взялись поднять со скал тело второго убийцы. Он подошел к кастеляну Орсала и попросил его, чтобы двое носильщиков, которые везли Моргана с Бренданом, занялись трупом, оставшимся на дороге.

— Государь! — воскликнул лорд Вассил. — Я не в силах объяснить, что здесь произошло. Я думал, что хорошо знаю этого человека, — он указал на мертвеца, которого стражники втаскивали на повозку. — А Гаэтан, тот, который бросился с обрыва, уже много лет беспорочно служил нам. Я уверен, что их обоих насильно заставили совершить это злодейство. Милорд Летальд ужаснется, когда услышит о том, сколь ужасным образом было нарушено его гостеприимство.

— Я ни в чем не виню ни вас, ни Летальда, — заверил его Келсон. — Однако если не возражаете, то думаю, что остаток пути я лучше пройду пешком.

Кастелян охотно согласился и, отправив свою повозку вперед, молча двинулся рядом с королем, возглавляя пешую процессию, к которой присоединились Морган, Лайем, Расул и Матиас. Следом за ними ехала повозка с телом убийцы, за которой шествовал молчаливый Арилан. Растревоженный Брендан уселся в следующую повозку вместе с Дугалом.

Поскольку о покушении было тут же сообщено хозяину замка, то внутри их ожидал совсем иной

прием, нежели обычно при Орсальском дворе. Едва заслышав о нападении, совершенном на его высокопоставленных гостей, Хорт Орсальский отослал внутрь все свое многочисленное семейство и теперь ожидал прибытия Келсона, Лайема и их свиты вместе с отрядом стражников, взявших на караул. Это было совсем не в стиле Орсаля, да и сам он, встревоженный и оскорбленный до глубины души, выглядел не так, как обычно, — седые волосы растрепаны, одежда в беспорядке... Он стремительно сбежал навстречу процессии по широким ступеням в сопровождении двух широкоплечих тралийских пикеносцев.

— Милорды, даже не знаю, что сказать! — воскликнул он. — Тралия приносит глубочайшие извинения Гвиннеду и Торенту! — Он поклонился Келсону с Лайемом. — Не могу объяснить, что произошло, но уверяю вас, что мы предпримем все возможное, дабы установить виновников этого подлого заговора. Прошу вас, войдите внутрь и освежитесь немного. Милорд Аларик, рад видеть вас вновь...

С этими словами Летальд провел гостей в небольшую приемную, где им тут же подали прохладный эль и освежающий шербет, а так же свежие лепешки, сыр и фрукты. Он с жадностью выслушал рассказ Келсона о нападении, а затем расспросил обо всем еще и Лайема с Морганом, которые дополнили повествование гвиннедского короля, и расспросил даже Брендана, после того, как узнал, сколь отважно юный оруженосец устремился на защиту своего господина.

Наблюдая за Летальдом, Келсон понемногу расслабился, ибо теперь у него не осталось ни малейших подозрений в том, что его старый верный союз-

ник не был замешан в происшедшем. Никогда прежде он не видел этого добродушного круглолицего человека таким взволнованным. Сейчас же он настороженно щурил свои серо-зеленые глаза и ерошил коротко подстриженные седые волосы, задавая гостям все новые вопросы, чтобы как следует уяснить себе происшедшее. В ухоженных пальцах, унизанных множеством колец, он задумчиво вертел кинжал неведомого убийцы-Дерини, и хотя под просторными сине-зелеными шелковыми одеждами скрывалось изнеженное тело, глубоко заблуждался бы тот, кто назвал бы Хорта Орсальского слабым.

Более того, он являлся весьма влиятельным владыкой, ибо правил не только островом Орсал, весьма удачно расположенном со стратегической точки зрения, но также являлся владыкой Тралии и верховным повелителем всех Форсинских пограничных княжеств, так что территории в его власти могли сравниться с Кассанским герцогством. Кроме того, он имел влияние на обширных землях, площадью превосходивших Меару и Конаит, и этого тоже нельзя было сбрасывать со счетов. Давний торговый партнер Торента, Корвина и Гвиннеда, он был главой семейства, которое многие века держало в своих руках всю торговлю на южных морях, — так что он являл собой одну из главных политических фигур на арене Одиннадцати Королевств.

— Я глубоко потрясен и огорчен, что подобное предательство могло созреть здесь, при моем дворе, — объявил им Летальд, когда выслушал, наконец, все рассказы людей, ставших свидетелями нападения, включая и Арилана, который с огорчением был вынужден признать, что не узнал ничего нового от мертвого Дерини и его сообщника.

— Прежде я не имел чести быть знакомым с графом Матиасом, — продолжил Хорт Орсальский, кивнув торентскому принцу. — Однако я всегда считал милорда Расула человеком чести, даже если не всегда и не во всем соглашался с регентами, правившими его королевством.

Лайем, молча сидевший между Келсоном и Бренданом, задумчиво теребил оборванную завязку на своей некогда белоснежной рубахе, теперь грязной и измятой. Отец Иреней, до сих пор восседавший напротив своего короля безмолвно, поджав губы, встревоженно покосился сперва на Лайема, затем на Расула с Матиасом.

— Увы, настали трудные времена, милорд Летальд, — признал он. — Многие в Торенте искренне радуются, что их падишах, наконец, вернется в родные края после столь долгого отсутствия и столь долгого регентства. И хотя все верноподданные приветствуют его возвращение, нельзя отрицать, что многое изменится после того, как он возьмет бразды правления в свои руки.

Дословно в этом утверждении не прозвучало ничего нового, и иеромонах лишь констатировал давно известные всем факты, однако учитывая его взгляд, брошенный на Матиаса, в словах Иренея читался ясный намек, что самые главные перемены ожидаются после того, как по возвращении Лайема будет, наконец, уничтожен регентский совет. Исподтишка покосившись на священника, затем на Матиаса, Келсон задумался, действительно ли он уловил в словах отца Иренея осуждение, или это лишь померещилось ему, поскольку он сам подозревал в заговоре родичей Лайема. Расул сидел с задумчивым видом. Матиас, опустив глаза, делал вид, будто пристально

разглядывает стеклянный бокал, который вертел в руках. Похоже, он предпочел сделать вид, будто не уловил скрытого смысла в словах священника. Арилан, окинув присутствующих оценивающим взором, подал голос, едва ли не с вызовом:

— Любопытное замечание, — промолвил он. — Но то, что случилось сейчас, на дороге в замок, было двойным покушением. Погибнуть мог не только ваш король, но и наш. Разумеется, обе эти смерти были выгодны тем, кто достиг процветания во время долгого регентства в Торенте. Не так ли, граф Матиас?

Матиас аккуратно отставил в сторону бокал и поднял голову, уверенно встретившись взглядом с Ариланом.

— Как совершенно справедливо заметили оба святых отца, возвращение падишаха многое изменит в стране. В большинстве своем народ будет приветствовать его от чистого сердца. Порой регентство является необходимостью, но, полагаю, это не лучшая форма правления для королевства, даже с самыми лучшими регентами. Мой племянник еще юн годами, и поначалу ему потребуется помощь и поддержка, однако полагаю, что он вполне готов взять на себя всю полноту власти... И за это, хотя бы отчасти, я должен благодарить и вас, государь, — он учтиво кивнул Келсону. — Что же касается меня, то я всегда к услугам моего государя и окажу ему всю помощь и поддержку, что в моих силах.

— Мы оценили ваши речи, граф Матиас, — любезно отозвался Морган, прежде чем смогли ответить Келсон и Арилан. — Однако, полагаю, вы поймете нашу тревогу, если вспомните, что по крайней мере один из сегодняшних убийц был Дерини, и не про-

сто Дерини, но маг, достаточно опытный и преданный своим хозяевам, который был готов на все, чтобы скрыть от нас свою подлинную сущность и имена тех, кто послал его. Боюсь, все это ясно указывает на то, что убийцы были родом из вашего королевства... Причем, возможно даже, высокородные Дерини, ибо, насколько мне известно, даже в ваших краях, подобными способностями обладает отнюдь не каждый встречный.

— Верно сказано, — ворчливо поддержал его Летальд. — И это меня очень тревожит. Как мог такой человек оказаться среди моей челяди, лорд Расул? Это серьезнейшее нарушение всех договоренностей и дипломатического протокола.

— Милорд, я никак не могу нести ответственность за случившееся, — воскликнул Расул, вскинув руки в энергичном жесте отрицания. — Однако от лица Торента я приношу вам свои глубочайшие извинения и спешу заверить, что немедленно после прибытия в Белдор постараюсь лично разобраться во всем, что случилось сегодня.

На этой примирительной ноте, хотя и с изрядной долей неловкости, разговор продолжился. Было высказано еще немало предположений касательно происшедшего, но никто не делал прямых обвинений, — поскольку под подозрением были братья Матиаса, если не он сам, — но, наконец, Морган, проявив завидную тактичность, высказался, что небольшой отдых сейчас пошел бы на пользу всем присутствующим.

— По крайней мере, я бы точно с удовольствием избавился от грязной одежды, — с улыбкой промолвил он, указывая на свою запыленную рубаху. — А если Летальд, как это у него в обычае, запланировал

на вечер одну из своих превосходных пирушек, которыми нас всегда встречают в Хортанти, то нам всем следовало бы немного подремать перед ужином. Он всегда недоволен, если гостям случается заснуть прямо за трапезой.

— Это верно, — согласился Летальд и, кивнув Лайему, поднялся на ноги. — Надеюсь, у меня будет возможность должным образом проявить гостеприимство по отношению к нашему высокочтимому юному гостю. — И он ободряюще улыбнулся мальчику.

Келсон, донельзя вымотанный, был рад подчиниться и беспрекословно последовал за Летальдом, который сам пожелал проводить их с Дугалом в отведенные королю покои. Иво и Даворан, его оруженосцы, уже находились там, вытаскивая чистую одежду из сундуков, доставленных с корабля, в то время как слуги подливали кипяток в ванну, установленную у окна, выходящего на море.

Едва лишь Летальд со слугами удалились, как Келсон тут же принялся стаскивать с себя грязную одежду.

— Интересно, Морган по-прежнему думает, что Матиас не заодно со своими братьями? — пробормотал он, выпутываясь из рубашки, в то время как Дугал, наконец, пришел ему на помощь и помог стянуть ее через голову, после чего осторожно прощупал огромный синяк, украшавший ребра Келсона, и король не смог удержаться от стона. Тунику Дугал протянул Даворану.

— Вот уж не знаю, — отозвался он. — Матиас явно не говорит всего, что знает, но, по-моему, он перепугался не меньше нашего, когда на вас с Лайемом напали. Присядь, и я посмотрю, что можно сделать с этим кровоподтеком.

Келсон не возражал, и, ощупав синяк, опустился на скамью рядом с ванной. Затем, после того, как Даворан стащил с него пыльные сапоги, Дугал опустился рядом на колени, положив одну руку поверх кровоподтека, а другой прикрыв Келсону глаза. Уставший пациент глубоко вздохнул.

— Вот и славно, — пробормотал Дугал, начиная привычный ритуал исцеления. — Расслабься, и я сделаю все, что нужно. А когда закончу, ты искупаешься и сможешь немного подремать.

Забота Дугала вскоре принесла свои благотворные плоды, а горячая ванна еще больше помогла расслабиться, развязав узлы в ноющих мышцах и смыв дорожную пыль и грязь. Когда Келсон, наконец, лег отдохнуть, наслаждаясь ощущением чистых простыней, он позволил себя убаюкать привычным звукам приглушенной болтовни оруженосцев, которые в соседней комнате теперь помогали Дугалу принять ванну и завершали приготовления к ужину.

Но уже на самой грани сна, когда Келсон был не властен больше над своими мыслями, они невольно устремились к той части вечера, подготовиться к которой он никак не мог: к его неизбежной встречей с кузиной Аракси.

Глава десятая

...как на жениха, возложил венец и, как невесту, украсил убранством[1]

По крайней мере, Келсону ничего не снилось, хотя он некоторое время все же подремал. Но первое, что он ощутил после пробуждения, когда пажи явились разбудить и подготовить его к вечернему приему, было гнетущее чувство долга, и мысль об этом не оставляла его все то время, пока его обряжали в шуршащие алые шелка традиционного цвета Халдейнов. Затем в косу ему вплели витой золотой шнур и возложили на голову тяжелый, украшенный самоцветами золотой обруч, который Келсону придется надеть также на церемонию возведения на престол Лайема, — и корона эта показалась ему столь же тяжела, как и груз у него на сердце, ибо она вновь напомнила королю о его титуле и обязательствах.

Дугал оделся куда скромнее, брошью закрепив на плече поверх черной шелковой рубахи темный тартан цветов Маклайнов. Его туника была чуть короче, чем у Келсона, и он носил ее навыпуск, поверх черных штанов, заправленных в короткие сапоги. Косу

[1] Исаия 61:10

он перевязал черной лентой, а на голове красовалась герцогская корона, удерживавшая в повиновении непокорные медно-рыжие волосы.

Ни он, ни Келсон не стали цеплять к поясу мечи, однако оба, не сговариваясь, взяли горские кинжалы-дирки, служившие одновременно украшением и опасным оружием в драке, куда более действенным в близком бою, нежели длинные мечи. В былые времена у них не было повода усомниться в своей безопасности при дворе Летальда Орсальского, но после покушения, которое им довелось пережить сегодня днем, даже сам Орсал, пожалуй, не смог бы поручиться, что все пройдет, как подобает.

Морган явился вместе с пажом, которого прислали за ними в назначенный час. На нем была шелковая туника болотно-зеленого цвета и такие же штаны, а на поясе, как и у Келсона с Дугалом, красовался кинжал. Он сопроводил их вниз, и музыка и веселый смех встретили их задолго до того, как гости достигли парадного зала. Семейство Орсала всегда славилось своей многочисленностью и любовью к бурному изъявлению чувств. В просторном зале было буквально негде яблоку упасть, здесь были бесчисленные детишки, близкие и дальние родичи, придворные и прочие гости, явившиеся поприветствовать обоих королей, встретиться со старыми друзьями и просто поучаствовать в увеселениях. Они жалели лишь о том, что королевский визит окажется столь коротким, ибо уже назавтра судам надлежало отплыть вверх по реке.

Внешне дневное происшествие никак не сказалось на манерах Летальда, хотя Келсон не сомневался, что за прошедшие несколько часов он отдал распоряжения строго усилить безопасность. В зале и

впрямь было больше стражи, чем обычно, и наверняка их гостеприимный хозяин принял и другие меры.

Вместе с двумя своими герцогами Келсон, а за ним и Лайем со своими сопровождающими, с наслаждением окунулся в беззаботную и радостную атмосферу, всегда царившую при Орсальском дворе, где даже государственный прием умудрялись превратить в веселую встречу старых друзей, тепло встречая как давних знакомых, так и новых гостей.

— Добро пожаловать в мой замок, — провозгласил Летальд, делая широкий жест, дабы обвести рукой самую ближнюю свою родню, которых насчитывалось не меньше двух десятков человек. — Добро пожаловать всем вам! Моя возлюбленная супруга Нийя просит извинить ее, что она не явилась встретить вас, ибо очень скоро ей предстоит разрешиться от бремени. *Очень* скоро, — добавил он, изображая, как велик уже живот его беременной супруги. — Впрочем, если будет на то воля Божья, чуть позднее она присоединится к нам за столом, но стоять на ногах ей слишком тяжело в последние дни.

Удивленный, слегка шокированный, Келсон все же сумел улыбнуться и кивнул, в то время как Летальд, не смущаясь, продолжал:

— А тем временем я с радостью представлю вам своих детей. Как же быстро они растут, если их как следует кормить, доложу я вам, добрые господа! Но что еще остается делать отцу? — И Летальд возвел очи горе, изображая полнейшее отчаяние, и любовно привлек к себе крепкого плечистого подростка, а вслед за ним и еще одного паренька, и целую стайку других, каждого представляя по имени, прежде всего для Лайема, который видел их впервые.

— Вот мой второй сын, Роган. Думаю, герцог Аларик хорошо его помнит... Куда лучше, чем должно быть, хотелось бы ему или самому Рогану. Но впрочем, он славный мальчуган, очень славный. Я послушал вашего совета, Аларик, и Роган с удовольствием занимается теперь с учеными наставниками, — и он любовно растрепал сыну густые вихры.

— А вот и Сирик, мой наследник, который вскоре отправится на службу при своем дяде по материнской линии, короле Р'Касси. Отличное место, скажу я вам...

При этих словах вперед выступил рослый светловолосый юноша, чуть младше Келсона, и обменялся рукопожатием сперва с ним, затем с Лайемом. Отец его тем временем, едва выпустив из объятий Рогана, привлек к себе очаровательную девушку, миловидную и с вполне зрелыми формами.

— Позвольте вам представить мою старшую дочь, Реццу Элизабет... Она очень смущается, когда ко двору прибывают достойные молодые холостяки... А вот и двойняшки: Марсель и Марселина, — продолжил он, подбородком указывая в сторону улыбающихся мальчика и девочки, одетых очень похоже. — И крошка Эйнбет, которой всего шесть лет. А еще малыш Освин, зеница отчего ока...

Представления продолжались, и всех их вовлекло в этот нескончаемый водоворот. Калейдоскопом мелькали радостные лица, отовсюду звучали шутки, блестели самоцветы и украшения. Среди прочих к Келсону подошла также и его двоюродная бабушка Сиворн, приходившаяся сестрой Летальду. Она подставила ему щеку для поцелуя, а за ней последовала стайка хохочущих девчушек, его кузин, которые принялись роиться вокруг Келсона, торопясь чмокнуть

его в щеку и в свою очередь получить поцелуй от него.

Чуть поодаль держались две старшие девушки, чьи лица, на восточный манер, были скрыты под тонкими вуалями, скрепленными серебряными коронами, как подобает принцессам. Та, что потемнее, с лукавыми глазами, была Ришель, и Келсон сразу узнал бы ее, даже не будь на девушке алого платья, ибо она так и лучилась счастьем ввиду своего близкого замужества. На ее спутницу он тщательно избегал смотреть, так что у него осталось лишь воспоминание о густых светлых волосах и изумрудно-зеленом платье, и о прикосновении мягких губ к его щеке через густую вуаль.

Но он не смел думать ни о чем больше, поскольку основным делом сейчас было представить Лайема надлежащим образом Летальду и его двору в новом статусе короля, наконец достигшего совершеннолетия, который вскорости должен взойти на престол в собственной стране. Лайем, который, судя по всему, все же примирился со своим статусом, надел корону, привезенную Матиасом из Белдора... хотя вместо пышного одеяния из пурпурного дамаска все же выбрал простую шелковую тунику с бронзовым отливом, которую преподнесли ему на прощание в дар Нигель и Мерауд. Вид у него был совершенно королевский, и Келсон внезапно поймал себя на мысли, что совсем не знает этого нового юношу, что стоял сейчас рядом с ним.

А Расул и Матиас почтительно держались поодаль в то время, как их господин обменивался любезностями с Летальдом и его семейством, и хотя сейчас на них были те же самые одежды, что и в Ремуте, Келсон внезапно поразился, что они выглядят каки-

ми-то чужими и незнакомыми, иначе даже, чем сегодня утром, ибо теперь их деринийское происхождение внезапно сделалось куда более очевидным, нежели в Ремуте. На другом конце зала отец Иреней о чем-то говорил с другим бородатым священнослужителем в длинном черном платье, и даже у него вид был отчего-то куда более зловещий, чем за те месяцы, пока он жил при дворе Келсона.

В чем же дело? Просто ли в том, что их родина теперь стала ближе, а Гвиннед, наоборот, куда дальше? Неужто две их страны и впрямь так сильно разнятся между собой? Келсон всерьез начал опасаться, что так оно и есть, и что различия станут еще более очевидными, когда они въедут на территорию Торента. Неужто и Лайем тогда сделается для него совершенным незнакомцем? До сих пор все они вели себя образцово во время путешествия, и Келсон ни в чем не мог упрекнуть спутников Лайема даже после сегодняшнего покушения. И все-таки они были торентцами и Дерини, а это сочетание нередко оказывалось слишком опасным в прошлом, даже при таком дворе, как в Орсале, где на Дерини никто не обращал особого внимания, если только представители этой расы не переходили границы дозволенного.

Однако явно таковым и был сегодняшний инцидент, — хотя, к вящему изумлению Келсона, случившееся никак не отразилось на праздничной атмосфере, царившей в этот вечер в Орсальском замке, и ему даже почти удалось на время прогнать прочь все личные заботы, что так тревожили его за последние дни: эту подтачивающую неизбежность поручения, к которому он не испытывал ни малейшей склонности.

Однако дело само напомнило о себе, и совершенно неожиданным образом, в самый разгар торжеств, когда они с Иво Хепберном, его дежурным оруженосцем, удалились из зала в поисках уборной, — Морган строго-настрого запретил королю покидать зал без сопровождающих. Они уже возвращались обратно и оказались в неожиданно пустынном коридоре, когда внезапно прямо перед ними возникла высокая, облаченная в черное фигура с закрытым тканью лицом, где из прорези намотанной *кефии* виднелась лишь пара горящих черных глаз.

Смуглая сильная рука сделала повелительный жест, и указательный палец прижался к ткани в том месте, где должны были располагаться губы. Иво застыл на месте, вцепившись в рукоять кинжала. С уст его уже готов был сорваться изумленный возглас. Келсон также инстинктивно подался назад, мгновенно поднимая свои щиты, но тут же заставил себя расслабиться. Он ведь ждал, что рано или поздно это должно случиться...

— Вам что-то нужно от меня, Келсон Гвиннедский? — промолвил негромкий голос, в то время как рука принялась разматывать складки ткани, и из-под *кефии* показалось смуглое лицо с длинным орлиным носом и коротко подстриженной бородкой.

— Принц Азим, — едва слышно поприветствовал того Келсон, склонив голову в церемонном приветствии, ибо Азим ар-Ракиф был дядей Росаны, братом ее отца и принцем королевской крови, — и к тому же являлся высокопоставленным членом таинственной пустынной секты, братства, именовавшего себя Рыцарями Наковальни, о которых Келсон почти ничего не знал, кроме этого имени. То, что Азим достоин абсолютного доверия, было очевидно: жена

Моргана обучалась у этого мага-Дерини, точно так же, как и Росана. Но на сей раз Келсону не слишком приятно было иметь дело с Азимом.

Азим устремил взор на Иво, как видно отдавая тому некий безмолвный приказ, ибо оруженосец немедленно закрыл глаза, чуть слышно вздохнул, и руки его опустились безвольно. Келсон с трудом смог подавить дрожь, когда взор черных глаз устремился на него, хотя прекрасно осознавал, что ни он, ни Иво не подвергались ни малейшей опасности.

— Я буду краток, — произнес Азим мягко и сочувствие мелькнуло в глубине его глаз. — Поверьте, я от всей души сочувствую вам, государь, но моя племянница просила передать, что постаралась позаботиться о вас и о вашем королевстве наилучшим образом. Чуть позже вечером, если таково будет ваше желание, мне было велено отвести вас в то место, где вы сможете наедине поговорить с принцессой Аракси, вашей кузиной. Вам известны пожелания моей племянницы относительно нее. Она надеется, что вы поступите так, как велит вам долг перед Гвиннедом.

С силой втянув в себя воздух, Келсон медленно выдохнул, узами долга сковывая свой язык, хотя путы эти делались для него все тяжелее с каждым ударом сердца.

— Я в вашем распоряжении, милорд, и повинуюсь воле вашей племянницы, — промолвил он негромко. — Вы придете за мной сами, или мы где-то встретимся в назначенное время?

— Я приду за вами, государь, после того, как вы покинете стол Орсала, — с поклоном прошептал Азим. — До встречи.

Келсон едва заметил, как тот ушел. Показалось, будто маг-Дерини испарился прямо в воздухе, вслед

за тем, как легонько коснулся виска Иво, стирая у того все воспоминания об этой встрече и одновременно освобождая его из-под контроля Дерини. Когда Иво негромко вздохнул, Келсон вмиг пришел в себя и лишь теперь осознал, что, видимо, и он тоже все это время находился в легком трансе... Хотя, в отличие от Иво, король мог с легкостью восстановить в памяти все происшедшее. С бешено колотящимся сердцем он последовал за Иво обратно в парадный зал, счастливый, что может раствориться там в относительной анонимности толпы... Ибо лишь там он мог попытаться забыть о своих тягостных мыслях.

Он сидел по правую руку от Летальда, между ним и его беременной супругой Нийей. Слева от Летальда восседал Лайем, а рядом с ним — старший сын Хорта Орсальского. Летальд ненадолго вышел из-за стола, чтобы обменяться какими-то шутками с Дерри и епископом Ариланом, а Сирик о чем-то негромко беседовал с Лайемом, широко улыбаясь, в то время как юный торентский король рассказывал ему, вероятно, что-то забавное. Сзади Брендан и Пейн, тоже включенные в это беззаботное товарищество, подтянули поближе стулья и присоединились к ним. Лайем уже давно снял свой венец с самоцветами, который надевал на торжественный прием, предшествовавший ужину, и теперь, похоже, веселился от души.

Прочие торентцы, как видно, также наслаждались происходящим, погрузившись в праздничную атмосферу вечера и позабыв обо всех прочих тревогах. Расул сидел по другую руку от принцессы Нийи, обсуждая с ней все те радости, которые приносит многочисленное семейство. Прочие члены королевского

эскорта восседали на других концах стола и за двумя другими столами, установленными сбоку. Там Келсон заметил Сиворн и ее мужа, барона Савила, сидевших рядом с графом Матиасом, но никто из отпрысков Сиворн не показался за ужином, и за это он был им искренне благодарен.

Чтобы не оскорбить гостеприимного хозяина и не вызвать досужих разговоров, Келсон не осмеливался уйти слишком рано, да, впрочем, у него и не было особого желания торопить то, что неминуемо должно было произойти после ужина. Однако встретившись с Дугалом взглядом, он чуть заметно кивнул тому, показывая, что ожидаемая встреча состоялась. Теперь же он просто выжидал, наблюдая за представлением, разворачивавшимся на другом конце зала, пока происходила перемена блюд, и вполуха прислушиваясь к дружески беседующим Нийе с Расулом. Затем он еще немного поболтал с Летальдом, когда тот вернулся за стол, выжидая возможности удалиться из-за стола. Его явился поприветствовать с бокалом вина лорд Ратер Корбский, пожилой кривоногий тралийский вельможа, с которым они познакомились при дворе у Моргана, но он едва прикоснулся к своему кубку, дружески беседуя с этим гостем.

Когда, наконец, спустя еще четверть часа, супруга Летальда пожелала им всем доброй ночи и ускользнула к себе, а акробаты принялись скакать и кувыркаться под музыку флейт и барабанов, Келсон воспользовался этим, дабы также попрощаться с хозяином и прочими гостями, сославшись на усталость после путешествия и препоручив Лайема заботам Летальда и торентских вельмож. Дугал должен был последовать за ним в скором времени и взять с собой

Моргана, ибо Келсон прекрасно сознавал, что не посмеет отправиться на эту встречу в одиночку, не предупредив своего верного герцога.

В сопровождении развеселившихся Иво и Даворана, которые от всей души наслаждались этой пирушкой, Келсон благополучно достиг отведенных ему покоев. Там на страже уже стояли два халдейнских копьеносца, однако сделать необходимые изменения в их памяти не составит труда, когда настанет момент выйти отсюда вместе с Азимом. Оказавшись в опочивальне, он попросил оруженосцев помочь ему переодеться из парадной одежды в короткую бархатную тунику винного цвета, единственным украшением которой была вышивка золотым шнуром по стоячему воротнику, — это одежда куда лучше подходила для того, чтобы прятаться в темных коридорах, нежели шуршащий алый халдейнский шелк, чей цвет отражал одновременно и его ранг, и тревожное состояние души на пути к неизбежному браку. Затем, дав оруженосцам дозволение приступить к сборам лишь поутру перед отъездом, он отослал их спать в соседнюю комнату, отдав ментальный приказ погрузиться в глубокий сон и забыть обо всем, что они могут услышать, после чего сам явился к ним несколько минут спустя, чтобы усилить мысленное воздействие.

Когда Келсон вернулся к себе, Дугал еще не появился. В нетерпении король взял со стола свой венец, в котором был за ужином, и принялся рассеянно вертеть его в руках. Корона была из чистого золота, богато украшенная самоцветами и довольно тяжелая. Ему претила мысль надевать ее вновь, однако он должен был дать понять Аракси, что делает ей предложение лишь как король, и слова его не идут

от сердца. Наконец, заслышав шум снаружи, он положил корону на стол, и в этот самый миг в комнату проскользнул Дугал, а вслед за ним и Морган. Вид у последнего был озадаченный, и он недоуменно покосился на короля, который жестом предложил ему присесть.

— Что-то стряслось? — спросил он торопливо, мигом заметив и то, что король переоделся, и напряженное выражение его лица.

— Смотря что ты понимаешь под словом «стряслось», — отозвался Келсон. Вздохнув, он склонил голову, рукой опираясь о каминную полку и не глядя на Моргана. — Помнишь тот разговор насчет Росаны в Короте?

— Да.

— Так вот, я не все рассказал вам о нашем последнем с ней разговоре, в ту ночь, когда мы праздновали свадьбу Джатама и Джаннивер. — Келсон поднял, наконец, глаза, но по-прежнему не смотрел на своих спутников. — Она не только не передумала насчет того, чтобы стать моей женой, но также подыскала женщину, с которой желала бы, чтобы я вступил в брак. И в скором времени я должен встретиться с ней.

Морган не удержался от изумленного возгласа, хотя и мгновенно овладел собой. Он покосился сперва на Дугала, затем уставился на короля.

— Да, придумать такое невозможно, — произнес он негромко, — так что, видимо, это правда. — Он глубоко вздохнул, а затем медленно выдохнул. — И каково же твое состояние теперь?

Келсон устало покачал головой.

— Сам не знаю, чувствую какое-то отупение. Но, должно быть, я смирился. Аларик, она представила

мне доводы, опровергнуть которые невозможно. И, самое главное, что я и впрямь не смею больше тянуть с наследником... Особенно теперь, когда Лайем возвращается в свое королевство.

— И на кого же пал ее выбор? — полюбопытствовал Морган.

Упираясь обеими руками в каминную полку, Келсон вскинул голову и тяжко вздохнул.

— На ту, против кого я никак не могу возражать... Если только не считать, что люблю другую. С точки зрения родословной и политических соображений, она подходит мне даже больше, нежели Росана.

— И кто же это? — настаивал Морган.

— Младшая дочь герцога Ричарда, моя кузина Аракси.

— Аракси? Но разве она не...

— Нет, нет, — нетерпеливо перебил Келсон. — Все так думают, но, судя по всему, это был намеренный обман, дымовая завеса, специально для Куана и его кузины, и Росана всячески поддерживала их в этом обмане. По ее словам, Аракси просто служила для них посредницей... Так что, с точки зрения закона, никаких помех не существует. Она не была ни с кем обручена. Нет также никаких политических препятствий, а наше родство достаточно отдаленное, чтобы с легкостью получить разрешение от Церкви. И она не только из рода Халдейнов, но также и Дерини по материнской линии... В общем, все, что желал бы видеть король Халдейн в своей королеве, если не считать того, что я ее не люблю.

— Но как ты думаешь, возможно, со временем, ты сумел бы ее полюбить? — спросил Морган негромко.

Келсон пожал плечами, рассеянно трогая пальцами потеки воска, что струились со свечи, горевшей на каминной полке.

— Понятия не имею. Я ведь даже ни разу не видел ее с самого детства... За все эти годы мы больше ни разу не говорили друг с другом.

— Но в те давние времена, она тебе хотя бы нравилась?

— Вроде бы да, по крайней мере я не питал к ней неприязни, но вряд ли это можно считать подходящим началом для брака.

— Конечно, нет, для большинства мужчин, — согласился Морган. — К несчастью, как мы уже признали прежде, король Гвиннеда никак не может считаться «обычным мужчиной». — Он устало вздохнул и двумя пальцами потер переносицу. — Ладно, думаю, это все равно не может быть хуже, чем с Сиданой. Ты ведь и раньше готов был жениться лишь из чувства долга.

— Но это было раньше, до того, как я узнал, что такое любовь, — пробормотал Келсон, — и если бы я так никогда и не узнал этого...

Легкий стук в дверь перебил его на полуслове, и он развернулся рывком, ощущая сильнейший испуг.

— Боже правый, — прошептал он.

Дугал метнул на него вопросительный взгляд в ожидании указаний.

— Должно быть, это Азим. Аларик, пойдем со мной на эту встречу. Вы оба, пожалуйста, пойдемте со мной... Прошу вас...

Дугал с сомнением покосился на Моргана, но тот лишь медленно кивнул в ответ и поднялся с места, в то время как юный герцог пошел открывать дверь, а король принялся нервно расправлять свою

тунику. Человек в черном одеянии, который вошел в комнату по пятам за Дугалом, был хорошо знаком Моргану, ибо у него некогда обучалась магии его жена... Теперь же, завидев Моргана с королем, он лишь поднял брови и приветственно поклонился.

— О, я вижу, здесь семейная встреча, — промолвил он. — Но я рад видеть вас здесь, мой друг, ибо у меня есть новости для его величества, которые я хотел бы сообщить прежде, чем мы выйдем отсюда, и эти новости могут показаться любопытными и вам также.

— Какие новости? — нетерпеливо воскликнул Келсон.

— Лишь смутные намеки и предупреждения, государь, — отозвался Азим, — но они могут иметь отношение к тому, что случилось с вами сегодня днем. Некто, чьего имени я, увы, не могу раскрыть, предупреждает меня, что будет совершено покушение на Лайема-Лайоса в момент его возведения на престол.

— Какое покушение и с чьей стороны?

— О, разумеется, всему виной будут Дерини, так что можно ожидать самого худшего... Но их имена я пока не могу назвать. Достаточно сказать лишь, что на вашем месте я бы не слишком доверял семейным узам.

— Махаэль, — выдохнул Морган со злостью.

Азим склонил голову.

— Все может статься. Однако пока у меня нет никаких доказательств.

— Вы бы советовали нам не ехать в Белдор? — спросил его Келсон.

— Нет, вы должны продолжить путь. Лайем достиг совершеннолетия и должен вернуться к своему народу. Большинство подданных искренне приветст-

вуют возвращение своего короля. Нам остается лишь молиться, чтобы он сумел удержать трон после того, как вы поможете ему на него взойти.

— Это лишь в том случае, если и он, и Келсон доживут до сего счастливого момента, — возразил Морган. — Но как нам предотвратить дальнейшие покушения, подобные сегодняшнему?

Азим покачал головой.

— Нет, готовится нечто куда более утонченное. Предпринять другую попытку, подобную сегодняшнему нападению, означало бы открытое предательство и объявление войны Гвиннеду, в особенности если это случится после того, как вы пересечете границу Торента, что произойдет уже завтра... Нет, я думаю, что те, кто замышлял сегодняшнее покушение, не питали особых надежд на успех. Они надеялись, что это воспримут как действия неких одиночек, и нельзя будет установить их связи с Белдором. Несомненно, злоумышленники были обречены на гибель, чем бы все дело ни закончилось. Однако если бы их ждал успех, то на церемонии в Торентали на трон возвели бы очередного несовершеннолетнего короля, и в стране наступил бы новый период регентства. Там есть люди, которым это было бы очень выгодно... Точно так же, как выгодна им была бы и ваша гибель.

— В первую очередь это относится к Махаэлю, — прошептал Морган.

— Я этого не говорил, — возразил Азим. — Однако если он и впрямь несет за это ответственность, то теперь он будет тянуть время и выжидать, пока не сможет привести в исполнение куда более хитроумный замысел. Большинство жителей Торента искренне радуются возвращению своего короля, и потому

он не захочет рисковать, открывая свое подлинное лицо. И без того ходит немало слухов относительно его вины в гибели юного Алроя.

— Но разве не будет слухов, если он что-то предпримет во время церемонии возведения Лайема на престол? — спросил Дугал. — Разве *это* не сочтут предательством или объявлением войны?

— Разумеется, — согласился Азим. — Но если тем самым Махаэль сможет захватить в свои руки всю магическую мощь Фурстанов, то кто тогда осмелится восстать против него? Он сделается королем по праву сильного, а не просто регентом.

— Боже, во что я вмешался!.. — пробормотал Келсон.

— Да, ситуация опасная, — подтвердил Азим. — Но ведь вам и прежде это было отлично известно. Тем не менее, на вас лежит долг перед вашим вассалом, Лайемом Торентским. — Он немного помолчал. — Но сегодня, полагаю, вы должны также исполнить долг перед Гвиннедом... куда более личный. Долг сердца.

То, как Азим напомнил об истинной цели своего визита, неприятно поразило Келсона, и все прежние страхи вновь вернулись к нему.

— Сердце тут ни при чем, — с трудом выдавил он. — Речь идет лишь о короне, Азим, и вам это прекрасно известно, точно так же, как и то, к чему мое сердце стремится на самом деле...

— О, да, я знаю, милорд, и от всей души сожалею, что так случилось.

Больше он не добавил ни слова, и Келсон с глубоким вздохом покосился на Моргана с Дугалом, которые бесстрастно наблюдали за королем, а затем,

решительно кивнув, взял корону с каминной полки и надел ее на голову.

— Ну что ж, тогда я исполню свой долг.

Первый, кого он увидел, была его тетушка Сиворн, ожидавшая в той комнате, куда их привел Азим. Когда они вошли, она грела руки перед очагом, ибо ночной воздух нес от моря прохладу, и плечи ее укутывала длинная теплая шаль. Вуаль была откинута, и заплетенные в косу светлые, тронутые сединой волосы в свете камина поблескивали, точно расплавленное золото. При приближении Келсона, она обернулась и молча протянула ему обе руки. Он взял их в свои и поцеловал по очереди, затем отступил на шаг, чтобы взглянуть на нее.

— Я привел с собой герцогов Корвинского и Кассанского, — сказал он, указывая на обоих своих спутников, заметив вопрошающий взгляд Сиворн. — Кроме них, я пока никому ничего не сказал.

Женщина чуть заметно улыбнулась. На таком близком расстоянии, даже при свете очага он заметил, что она выглядит куда старше, чем ему показалось сегодня днем.

— Герцога Корвинского я помню, мы встречались много лет назад, — промолвила она вполголоса. — Ричард считал его одним из самых многообещающих оруженосцев при дворе... И, судя по всему, так оно и вышло. Говорили, будто именно ему вы обязаны своей короной.

— И он не раз спасал мне жизнь, — подтвердил Келсон.

— И я также слышала много хорошего о герцоге Кассанском... И о его отце, — продолжила Сиворн. — Но скажите мне, Келсон, неужто вы думаете, что

нуждаетесь в поддержке Дерини, чтобы говорить с моей дочерью?

При этих словах она не переставала улыбаться, но Келсон невольно опустил глаза.

— Прошу простить меня, — прошептал он. — Но я так плохо помню ее. Кажется, детьми мы играли вместе... но больше ничего. А это было очень давно, и сейчас мое сердце... не совсем свободно.

— Сердца королей редко знают полную свободу, — отозвалась она, пристально вглядываясь в его лицо, — точно так же, как и сердца королев. Но Халдейны всегда исполняли свой долг.

Он молча кивнул.

— Аракси ждет вас в соседней комнате, — промолвила Сиворн негромко. — А мы с вашими спутниками останемся здесь.

Глава одиннадцатая

Ищи и взыскуй, дабы могла она открыться тебе[1]

Келсон легонько постучал в дверь, которую указала ему Сиворн, затем проскользнул внутрь. На другом конце комнаты худощавая светловолосая девушка стояла в тени оконной ниши, кутаясь в длинную шелковую шаль, поверх которой волной рассыпались золотистые волосы, доходившие ей до пояса.

При появлении Келсона она обернулась, и постепенно он смог лучше разглядеть черты ее лица, в особенности когда она двинулась ему навстречу и ее осветил огонь очага, над которым горели несколько свечей и две масляные лампы. Она присела в грациозном поклоне, прижав правую руку к груди. Когда она подняла на него взор, Келсон заметил, что глаза у нее очень светлые, светло-серые, как у него самого, и она была куда красивее, чем он смел надеяться.

— Вы... вы выросли, — произнес он неловко, толком не зная, что сказать.

— Вы тоже. — В уголках полных розовых губ мелькнула тень улыбки. — Думаю, мы оба немало изме-

---

[1] Мудрость Иисуса 6:27

нились с тех пор, как играли вместе в саду, столько лет назад.

Он заставил себя кивнуть, чувствуя неловкость, словно юный паж, только что представленный ко двору.

— Вас не было за ужином, — заметил он.

— Да, мне показалось... что это едва ли будет разумно при таких обстоятельствах. И я... полагаю, вы уже привыкли к тому, что какие-то люди пытаются убить вас.

— Человек ко всему привыкает, — согласился он с кривой усмешкой. — Если только выживет. Боюсь, это одна из отрицательных сторон жизни коронованной особы.

— Точно такая же, как и необходимость заключить надлежащий брак.

— Да, — согласился он, чуть помолчав. — А у вас... Разве у вас тогда... было не две косички вместо одной?

Она сморщила нос с деланным возмущением.

— Да, и этот гадкий Конал все время дергал меня за них, чтобы довести до слез. Ему удалось это всего однажды... Но гораздо чаще я сама награждала его тумаками. Однако Ришель приходила мне на выручку... Либо звала на помощь вас.

— А я и позабыл, — признал он, тщетно пытаясь выдавить улыбку. Однако его покоробило то, что она помянула Конала — который уже тогда был своевольным мальчишкой, — и, заметив это, Аракси тут же смущенно опустила глаза.

— Простите меня, мне не следовало об этом говорить.

Взволнованная, она указала на скамью перед очагом и тут же присела на самый краешек, не глядя,

последует ли Келсон ее примеру. Он тоже сел, но лишь чуть погодя. По-прежнему отводя от него взор, она наклонилась, чтобы подбросить в огонь пару щепок.

— Боюсь, для моей бедной матушки я была сущим наказанием, — промолвила она наконец, отряхивая пальцы об юбку, а затем вновь выпрямилась. На ней было то же самое зеленое платье, что и во время вечернего приема. — Ришель всегда была настоящей маленькой принцессой, а я всегда уже к середине дня ухитрялась перепачкать и лицо, и одежду. То я спасала какого-нибудь котенка на дереве, то гонялась за убежавшим пони или играла на конюшне со щенками дядюшки Бриона...

Келсон, почти не слушая ее, рассеянно кивнул, и наконец, из чувства долга, все же заставил себя промолвить:

— Аракси, я пришел сюда не для того, чтобы говорить о прошлом.

— Знаю, но, возможно, нам следовало бы поговорить немного о прошлом, прежде чем начать говорить о будущем... О вашем будущем и о моем. Может быть, это лишь оттягивает неизбежное, но мы ведь все-таки люди, а не просто короли и принцессы.

По этим словам он осознал внезапно, что она нервничает ничуть не меньше, чем он сам, и это заставило его задуматься над тем, что до сих пор никогда не приходило ему в голову. Неужели у Аракси тоже была какая-то тайная любовь, от которой ей пришлось отказаться в интересах этого брака?

Он рассеянно уставился в огонь, упираясь локтями в колени и задумчиво вертя на мизинце кольцо Сиданы, — как всегда, оно было рядом с большим перстнем, украшенным гербом Халдейнов. Он не

взял с собой в путешествие Кольцо Огня, являвшееся истинным символом королевского титула, ибо оставил его в Ремуте Нигелю на тот случай, если произойдет самое страшное и он не вернется из этой поездки.

— Мы оба связаны чувством долга, — промолвил он негромко. — И вам известно, что один раз я уже вступал в брак по расчету.

— О, да, ваша светловолосая принцесса... Сидана Меарская. Нам говорили, что она была юна и прекрасна, и что вы смогли даже полюбить ее.

Он опустил глаза, пытаясь не вспоминать, как Сидана лежала в его объятиях, обливаясь кровью.

— О, да, она была очень... очень красива, — прошептал он. — И отважна. Не могу сказать наверняка, любил ли я ее... Но я очень хотел *попытаться* ее полюбить. Я испытывал уважение к ней за ту смелость, которая ей понадобилась, дабы согласиться на этот брак ради того, чтобы примирить старых врагов и принести мир на наши земли. Со временем, полагаю, между нами возникло бы подлинное чувство, если и не любовь, то хотя бы привязанность, некая близость...

Он покачал головой, отгоняя воспоминания.

— Но этому не суждено было случиться. Я твердил себе в те дни, сразу после ее гибели, что любил ее... Или по крайней мере, что полюбил бы ее, если бы она осталась в живых, и использовал это как оправдание, чтобы не вступать больше в брак из одного лишь политического расчета. И когда я встретил Росану, то меньше всего собирался влюбляться в нее.

— Она такая... необычная, — прошептала Аракси, не глядя на него.

Келсон поднял голову, изучающе глядя на ее профиль, выделявшийся на фоне пламени очага, невольно сравнивая ее с темноволосой Росаной. Воистину, они были совершенно непохожи друг на друга.

— А говорила ли она с вами обо мне? — осмелился он спросить.

Аракси чуть заметно улыбнулась, не сводя взгляда с изящных рук, сложенных на коленях.

— Она говорила много добрых слов о короле Гвиннеда, о его любезном обхождении и чувстве чести, и о том, как он нуждается в королеве, которая станет править рядом с ним, — сказала она. — Однако о Келсоне-мужчине она не говорила почти ничего. Полагаю, очень трудно петь хвалу своему возлюбленному другой женщине, одновременно испытывая надежду и боль потери.

— Так она все еще любит меня? — воскликнул Келсон.

— О, да, в этом не может быть никаких сомнений, — отозвалась Аракси. — И будет любить, я думаю, до самого своего смертного часа. И познав всю глубину ее любви к вам, сперва я очень долго отказывалась уступить ее мольбам.

Длинные тонкие пальцы принялись нервно сминать складки на юбке, и усилием воли Аракси заставила себя успокоиться и медленным движением расправила ткань на коленях.

— Но она настаивала, и казалась вполне уверенной в себе... И та мудрость, которую дал мне за месяцы наших занятий милорд Азим и другие наставники, убедила меня, что подобный компромисс может оказаться в интересах Гвиннеда, учитывая нынешние непростые обстоятельства. Я могу лишь на-

деяться, что окажусь достойной занять ее место... если, конечно, таково будет ваше желание, милорд.

С этими словами она потеснее запахнула на плечах свою полосатую шаль и прикусила губу, не скрывая тревоги. Келсон на миг закрыл глаза и стиснул зубы, силясь подавить скорбь, но наконец заставил себя сглотнуть и промолвил:

— Долг короля может оказаться очень тяжек. — Он вздохнул. — И все же я не хочу, чтобы сомнения с моей стороны вы восприняли как дань каким-то вашим недостаткам. Росана приняла решение... И она действовала на благо всего королевства, а не только отдельных людей. Долг для нее превыше всего, так уж она воспитана. Но то же самое можно сказать и обо мне, и о вас. Так что воистину, путь, который она для нас наметила, может стать наилучшим для всех. — Он поднял взор на Аракси. — Однако разумеется, если слухи не лгут, и сердце ваше и впрямь отдано Куану Ховисскому, либо кому-то другому, тогда...

Ироничная улыбка заиграла на ее губах, и Аракси легонько покачала головой.

— Мое сердце не отдано никому, милорд. Что же до слухов, то не стоит придавать им значения. У нас и без того слишком невелик выбор спутников жизни. Куан — славный юноша... И если бы мой младший брат остался в живых, я бы хотела, чтобы он был на него похож.

— Так вы полагаете, он любит Гвенлиан? — спросил Келсон. — Ведь не стоит забывать, что, женившись на ней, он унаследует обе короны, если Колман умрет, не оставив потомства.

— Могу вас заверить, что этот брак будет питать искренняя любовь, а не только сознание политиче-

ской выгоды, — отозвалась Аракси с улыбкой. — Что же до Колмана, то он вполне заслужил это своим бессердечным обращением с принцессой Джаннивер. Вот уже четыре года, как никто в Одиннадцати Королевствах не желает и помыслить о том, чтобы породниться в браке с Лланнедом. Конечно, со временем все изменится, — признала она. — И найдется женщина при каком-нибудь дворе, которая решит, что ради короны стоит пожертвовать честью. Но тем временем Колман не молодеет, и наследников у него по-прежнему нет как нет, так что Куан и Гвенлиан могут позволить себе подождать.

Несмотря на всю затруднительность собственного положения, Келсон не удержался от улыбки. Сейчас ему было почти жаль Колмана.

— Я вижу, что если мы с вами поженимся, прелестная кузина, то у меня будет достойная супруга, ибо в вашем сердце горит огонь справедливости и сочувствия к несправедливо обиженным. Но по счастью, судьба Джаннивер сложилась самым благополучным образом... И я счастлив сказать, что отчасти и сам поспособствовал этому. Всего пару дней назад я выдал Джаннивер за куда более достойного человека, нежели Колман Лланнедский.

Она устремила на него взор и лишь сейчас впервые за все это время улыбнулась по-настоящему.

— Мы слышали об этом, милорд. Весть об их браке достигла нас два дня назад и вызвала немало толков среди придворных дам. Говорят также, что в честь этой свадьбы вы даровали жениху титул барона Килшейнского, хотя он и без того был достоин своей прелестной невесты.

Засмеявшись помимо воли, Келсон покачал головой и опустил глаза.

— Все и впрямь окончилось для них наилучшим образом. По-моему, они очень счастливы. Хотел бы я, чтобы... чтобы и в нашем случае все сложилось столь же удачно.

Она вновь отвернулась к огню, немного помолчала, затем негромко промолвила:

— Милорд, я буду говорить начистоту, ибо кто-то из нас должен это сделать. Признаюсь откровенно, что немало размышляла над предложением Росаны все эти месяцы. Будучи из рода Халдейнов, я всегда понимала, что политические соображения сыграют немаловажную роль в моем будущем супружестве, точно так же, как вы знали, что не сможете избежать этого для себя. И если в браке ни один из нас не познает великой страсти, чего нам бы, конечно, хотелось, то по крайней мере мы с вами схожего происхождения, и у нас одни цели. И когда я была малышкой, то признаюсь, что была без ума от моего отважного и ослепительного кузена Келсона. Возможно, мы могли бы начать с этого...

Рывком поднявшись с места, он принялся расхаживать перед очагом и долгое время молчал, пытаясь осознать все сказанное Аракси. Его смутила и одновременно до глубины души тронула ее простая и наивная вера, что вдвоем они сумеют выстроить для себя новую жизнь на осколках былых надежд и мечтаний. Наконец, он обернулся и взглянул на нее, явно смущенную его нерешительностью. И взывая к истоку своей внутренней силы, Келсон попытался собраться с мыслями, дабы, наконец, предложить ей свою руку и корону.

— Аракси, — промолвил он негромко, стараясь не отвести взгляда, когда она подняла на него глаза. — Будучи человеком чести, я должен сказать вам две ве-

щи, прежде чем попрошу о третьей. Первое — я никогда не перестану любить ее, как бы все ни сложилось в дальнейшем между мной и вами. Но вместе с тем я сразу спешу заверить вас, что никогда, ни при каких условиях не позволю этой любви встать между мною и моей королевой, которой буду служить верой и правдой.

Помолчав, он с трудом сглотнул, ожидая увидеть страх в ее глазах, но она лишь склонила голову в знак согласия, смаргивая слезы.

— Второе касается ее сына, Альбина, — ровным голосом продолжил Келсон. — Если бы все сложилось иначе, Альбин мог бы оказаться *моим* сыном... И именно поэтому он всегда будет занимать особое место в моем сердце, хотя не может быть никаких сомнений в том, что мои собственные сыновья всегда будут идти впереди по престолонаследию.

— К несчастью, как вам это, наверное, известно, Ро... его мать опасается, как бы злонамеренные люди не попытались однажды использовать его против меня, и именно поэтому надеется, что он посвятит свою жизнь Церкви. Однако я считаю, что мальчик должен иметь право сам сделать выбор, как сложится его дальнейшая жизнь. Именно поэтому я намерен сделать некоторые предложения его деду, моему дяде Нигелю, дабы мальчик был восстановлен в правах наследия. Со временем я попытаюсь убедить Нигеля, чтобы он согласился на мое предложение, и надеюсь также, что на это согласится и мать Альбина. Это... вы полагаете, это приемлемо для вас?

Она кивнула, утирая слезы.

— Вы проявляете доброту и щедрость, государь, — прошептала она. — Его мать и я, мы стали почти как сестры за эти месяцы, и я приветствую любое ваше

решение касательно ее сына. Он очаровательный ребенок.

Глубоко вздохнув, Келсон повернулся лицом к Аракси.

— Тогда осталась лишь третья и последняя вещь, и об этом я должен спросить вас, а не просто сказать, ибо таково *ее* желание... И я знаю, что она хочет этого из той же любви и чувства долга перед Гвиннедом, которые разделяем и мы с вами.

С этими словами он опустился перед ней на одно колено.

— Аракси Халдейн, я не могу обещать, что буду питать к вам ту же любовь, что питаю к Росане, но даю вам слово как король и ваш родич, и как мужчина, что всегда буду относиться к вам с честью, уважением и привязанностью. Теперь, выслушав это, окажете ли вы мне величайшую честь и согласитесь ли вы отдать мне вашу руку, дабы стать королевой Гвиннеда и матерью моих сыновей?

По ее щекам катились слезы, и все же с отважной улыбкой она вложила руку в его ладонь.

— Это большая честь для меня, сир, служить моей стране, королю и моей семье, — прошептала она. — И, возможно, со временем, если Господь будет добр к нам, то мы вновь испытаем хотя бы малую толику той беззаботной привязанности, какую питали друг к другу, когда были детьми. Надеюсь, это не покажется вам изменой по отношению к... радостям минувшего, — добавила она чуть слышно.

Вместо ответа, ибо на какой-то миг он утратил дар речи, Келсон поднял ее руку и поднес к губам. И содрогнулся всем телом, когда другой рукой она легонько коснулась его головы. Но затем с чувством глубочайшего облегчения он уткнулся лбом в ее ко-

лени, в то время как она продолжала поглаживать его по волосам. Наконец-то он сделал это...

— Мне говорили, — промолвила она негромко чуть погодя, — что в такие минуты среди Дерини принято... вступать в мысленный контакт. Мне объясняли, как это делается, и я готова попробовать, если вы пожелаете.

При этих словах он мгновенно напрягся, гадая, кто именно научил ее этому, Росана или Азим, — и в глубине души осознал, что пока не готов к подобному единению, и дело отнюдь не в готовности Аракси и не в ее желании. Однако ему менее всего хотелось бы, чтобы она восприняла его отказ как оскорбление, и потому он ласково сжал ее руки в своих и нагнулся, чтобы прижаться к ним губами.

— Дорогая кузина, у вас и впрямь сердце Халдейнов, — прошептал он. — Но, думаю, сейчас это будет не самым разумным шагом.

— Однако Росана сказала...

— Росана не может постоянно указывать нам, как поступать, — возразил он твердо и, не выпуская ее руки, присел рядом на скамью. — Поверьте, Аракси, я говорю это отнюдь не из недоверия к вам. То, чему она вас научила, служит для создания очень тесной связи, и ей это прекрасно известно. Но лично я считаю, что нам сперва следует поближе узнать друг друга как обычным людям, ведь мы столько лет были в разлуке. Все прочее лучше приберечь до брака.

Сжав губы, она несколько мгновений смотрела прямо перед собой и даже отняла у него руку, но затем уверенно распрямилась и вновь взглянула на Келсона с улыбкой на дрожащих губах.

— На самом деле, — промолвила она, — я даже чувствую облегчение, что вы так решили. В нашем

браке и без того будет довольно сложностей, так что лучше не слишком торопиться и решать все проблемы постепенно.

Он покачал головой и улыбнулся ей в ответ.

— Как я и сказал, истинное сердце Халдейнов... И к тому же мастерица недомолвок. Вы станете превосходным политиком, миледи.

— Возможно, вас еще ждет приятный сюрприз. Вы не знаете, какое образование я получила у дядюшки Летальда, — не без юмора возразила она.

— Сюрприз? Вот уж сомневаюсь. Я не слишком хорошо знаю его лично, но отец мой всегда трепетал перед Летальдом... и *его* отцом. Политика и интрига в крови у этого семейства, — со вздохом он отпустил ее руку.

— Но теперь, прежде чем расстаться, нам предстоит еще обсудить первый из политических вопросов, — продолжил он, не сводя взгляда с Аракси. — И я... мне кажется, будет разумно не объявлять публично о наших намерениях до того, как я не вернусь из Торента. Судя по всему, особенно после сегодняшнего покушения, эта поездка будет сопряжена с немалыми опасностями. Угроза, конечно, исходит не от самого Лайема, в его преданности я уверен, но не могу сказать того же самого обо всех его подданных. Как только станет известно, что мы с вами намерены пожениться, то неминуемо вы унаследуете и часть моих врагов, а я бы предпочел сейчас не добавлять себе лишних тревог. Я не могу одновременно беспокоиться и о вас, и о Лайеме.

Она кивнула, явно прекрасно отдавая себе отчет во всех этих сложностях.

— Я совершенно с вами согласна. Хотя и по иным причинам, но я также предпочла бы отложить

публичное заявление до свадьбы сестры. И дело не только в том, что она самая старшая из нас, но к тому же если в Гвиннеде узнают о грядущем браке своего короля, то это невольно лишит всей важности этот меарский союз, а он имеет для страны огромное значение. — Склонив голову, она посмотрела на Келсона. — Но есть и другой вопрос. Ходили слухи, что вы возьмете в жены сестру Брекона, чтобы таким двойным браком скрепить союз с Меарой. Однако в свете нашей нынешней договоренности этого явно не произойдет.

— И тем не менее, двойной меарский союз состоится, — возразил он с широкой улыбкой. — Просто в него вступит другой Халдейн. Как оказалось, мой скромный кузен Рори прошлым летом отдал свое сердце прелестной Ноэли Рэмси, когда она приезжала в Ремут на обручение своего брата с вашей сестрой.

— В самом деле? — радостно воскликнула Аракси.

В нескольких словах Келсон пересказал ей свои задумки относительно Меары и то предложение, которое он намерен сделать Нигелю.

— Именно это я имел в виду чуть раньше, когда сказал, что постараюсь убедить Нигеля вернуть Альбину права наследия. — Он негромко вздохнул. — Приятнее всего было для меня сообщить Рори, что я отыскал способ соединить чаяния его души с государственной необходимостью.

При этих словах она опустила голову и сжала губы, и лишь теперь Келсон сообразил, что она могла неверно истолковать его слова.

— О, Аракси, прошу простить меня, — торопливо промолвил он. — Я понимаю, это прозвучало ужасно.

— Ничего страшного, — возразила она, вскидывая подбородок. — Однако я бы все же хотела бы напомнить, что несмотря на то, что я лично ни в кого не влюблена, выйдя замуж за вас, я лишаю себя всякой надежды познать ту любовь, которую испытывали вы с Росаной. Так что для меня это ничуть не легче, чем для вас, Келсон. Просто немного по-другому.

Он огорченно кивнул, дав себе зарок никогда впредь этого не забывать.

— Мне и правда очень жаль, — пробормотал он. — Я прекрасно сознаю, что вы тоже идете на большие жертвы... И у меня нет никакого права считать, что ваша жертва хоть в чем-то уступает моей собственной.

— Может быть, нам стоит тогда обсудить сроки, хотя бы для обручения, ибо до сих пор мы говорили только о *невозможных* вещах.

Невидящим взором он уставился на свои руки и на кольца, что украшали его пальцы.

— Ну, может, назначим обручение на... Рождество?

— Через полгода, — произнесла она ровным тоном. — А когда же свадьба?

Он поднял голову. Она смотрела в огонь.

— Ну, может быть... следующей весной, на Пасху?

Она обернулась и взглянула ему прямо в глаза.

— Милорд, — голос ее звучал мягко, и все же уверенно. — Я совершенно согласна с вами, что мы должны отложить публичное заявление до свадьбы Ришель, но все же хочу вас предупредить: не стоит тешить себя ложными упованиями. *Она не передумает.* Только не теперь, когда она уже выбрала себе преемницу и убедила меня принять ее выбор... И

убедила вас согласиться. И остается по-прежнему тот факт, что Гвиннед нуждается в наследнике престола.

Эта логика была неумолима... И помимо воли, Келсон с болью в сердце был вынужден признать, что Аракси права. Он по-прежнему надеялся, что Росана изменит свое решение. Но этого не случится никогда, в особенности, если вспомнить, что поведала ему Риченда накануне. И внезапно он принял решение покончить с этим как можно скорее.

— Вы правы, — воскликнул он без тени былых колебаний. — Я сделаю публичное заявление во время свадебного пира Ришель, после того, как будет объявлено о помолвке Рори. А что, если нам пожениться в день святого Михаила? Это будет через два месяца после помолвки. Три месяца, считая с сегодняшнего дня. Сможет ли королева устроить свою свадьбу и коронацию за столь короткий срок? И как ваши родители, готовы ли они отдать замуж обеих дочерей за каких-то шесть недель?

Теперь она взирала на него в изумлении, с приоткрытым ртом, и он осознал, что, должно быть, в ее глазах выглядит сущим безумцем.

— Келсон, но нам все же не стоит *так* торопиться...

— Нет, почему же, вы правы, и глупо питать ложные надежды... И как только мы сделаем это, то сможем дальше строить свою жизнь. Объявить о нашем обручении на свадьбе Ришель будет прекрасным ходом. А тем временем я готов скрепить свою клятву прямо сегодня, перед свидетелями.

— Сегодня? — прошептала она. — Вы уверены?

Он глубоко вздохнул и заставил себя, не моргая, встретиться с нею взглядом, припомнив их разговор с Азимом.

— Аракси, в Торенте со мной может случиться все, что угодно. Я могу даже погибнуть. Ничто из того, что мы сделаем сегодня, этого не изменит. Но я хотел бы придать нашей помолвке хоть какую-то официальность перед отъездом. Мы с Росаной так и не сделали этого, и я... должно быть, буду жалеть об этом до конца своих дней.

— Но разве это что-то изменило бы? — спросила она. — Она ведь все равно считала бы вас мертвым. И все равно поступила бы так, как сочла наилучшим для Гвиннеда, и мы все равно оказались бы там же, где и сейчас, в той же самой ситуации. Так что не стоит мучиться напрасно по поводу того, что могло случиться, но не сбылось.

— Тогда прошу меня простить, — прошептал он. — Просто я испытал бы некое утешение, если бы мы перед Богом заявили, что... но если вы пока не готовы и не хотите этого, если вам еще нужно время подумать...

— Боже правый, конечно, нет, — воскликнула Аракси. — У меня было несколько месяцев, чтобы все обдумать и свыкнуться с этой мыслью. Я думала, что это вам нужно больше времени, но если вы хотите, чтобы мы сделали это сегодня...

Он медленно кивнул.

— Думаю, это будет правильно, — сказал он. — И если я и не могу обещать вам своей безраздельной любви, то, по крайней мере, обещаю дружбу и хочу скрепить эту клятву перед Богом и свидетелями, как и подобает моей будущей королеве. Не следует искать оправданий, дабы избежать того, что надлежит сделать. Так что если вам угодно...

— О, да, я желаю этого всем сердцем, — прошептала она и ласково коснулась его руки.

Глава двенадцатая

И когда муж обяжется ей, он унаследует ее; и потомки его станут владеть ею[1]

Когда Келсон вновь появился в комнате, где его дожидались Морган и Дугал вместе с Азимом и матерью Аракси, все четверо поднялись ему навстречу с обеспокоенными лицами, хотя никто не произнес ни слова. Так же молча Келсон направился прямо к Сиворн и отвесил ей церемонный поклон.

— Миледи, — произнес он негромко. — Для меня большая честь сообщить вам, что ваша дочь Аракси любезно дала согласие стать моей супругой. С вашего дозволения, я хотел бы скрепить нашу помолвку в присутствии священника, прежде чем отбуду в Торент. Могу ли я послать герцога Аларика за епископом Ариланом?

Сиворн испытующе взглянула на него, затем присела в глубоком грациозном поклоне.

— Сир, вы оказываете большую честь моей дочери и нашей семье, — промолвила она негромко. — Однако если вам будет угодно, мы могли бы отложить эту церемонию до вашего возвращения из Бел-

[1]Мудрость Иисуса 4:13

дора. Я прекрасно сознаю, насколько опасна будет ваша поездка в те края.

Келсон с трудом удержался от усмешки, ибо ему показалось поразительным, что после стольких лет, когда его торопили поскорее найти себе жену, кто-то теперь предлагает отложить помолвку.

— Благодарю вас за заботу, сударыня, но полагаю, что лучше сделать все сегодня... Может быть, в моих покоях? Долг и честь велят мне скрепить мои обещания перед Богом и свидетелями — однако часовня замка мне кажется для этого не самым подходящим местом.

— Сир, — возразил Азим, — вынужден заметить, что если в ваши покои будет приходить и уходить слишком много посторонних, это могут заметить, несмотря на все мои усилия. Могу ли я предложить вам вместо этого воспользоваться небольшой молельней, примыкающей к этим апартаментам?

— Вы совершенно правы, — согласился Келсон. — И тем не менее, я... хотел бы ненадолго вернуться к себе. — Он вздохнул, набираясь решимости. — Хорошо. Аларик, пожалуйста, попроси Арилана присоединиться к нам здесь через час. Тетушка Сиворн, сестра Аракси может также присутствовать... И если желаете, то пригласите также вашего супруга и Летальда. Однако я предпочел бы, чтобы этим мы и ограничились.

— Как вам будет угодно, сир. Мы будем ждать вашего возвращения.

И, не тратя больше лишних слов, Келсон вместе с Азимом и Дугалом вернулся в отведенные им покои. Маг-Дерини пообещал вернуться за ними через час. Как только дверь за ним закрылась, Келсон передал свою корону Дугалу и ненадолго укрылся в неболь-

шой нише молельни, скрытой в боковой стене, где, обессиленный, опустился на молитвенную скамеечку, закрыв лицо руками и пытаясь не разрыдаться в голос, когда как следует осознал то, что только что совершил... и что совершить еще лишь предстояло. Будучи королем, он знал, что сделал наилучший выбор в интересах Гвиннеда, — ибо Гвиннеду надлежит иметь достойную королеву, а интересы Келсона-короля всегда должны идти вперед интересов Келсона-человека.

Но сейчас человек скорбел по тому, что отныне стало для него запретным; скорбел, проклиная двуличие Конала и несчастливое стечение обстоятельств, которое изменило всю его жизнь, навсегда лишив его женщины, без которой он не мыслил себе дальнейшего существования. С Божьей милостью он мог лишь молиться, что найдет слабое подобие этого счастья с Аракси, но в сердце своем сознавал, что никто и никогда для него не сравнится с Росаной.

За спиной он услышал осторожное покашливание Дугала и осознал, что не может и дальше предаваться пустым сожалениям. Подняв, наконец, голову, он вытер слезы тыльной стороной ладони. При этом свет отразился в кольцах, украшавших его левую руку... Кольцо Сиданы рядом с перстнем-печаткой Халдейнов, — еще одно болезненное напоминание о долге и судьбе.

Поворачивая руку перед огоньком крохотной свечки, горевшей в молельне, он думал о том, что символизирует для него это кольцо: крохотный лев Халдейнов, вырезанный на плоской овальной золотой пластине... И размышляя об этом, он откуда-то из самых глубин сознания пришел к мысли о том,

что необходимо было сделать сейчас, прежде чем принести какие-либо обеты перед Богом.

— Дугал, — окликнул он, снимая с пальца кольцо.

Дугал тут же подошел ближе: до сих пор он стоял в безмолвном ожидании у дверей, не желая мешать скорбящему королю.

— Да, сир.

— Не обращайся сейчас ко мне так церемонно, нам не до этого, — поправил его Келсон. — Сейчас я нуждаюсь в помощи брата, а не подданного. Мне следовало уничтожить его после смерти Сиданы... И уж тем более не нужно было дарить его Росане.

Дугал покосился на кольцо, затем оценивающе взглянул на Келсона и опустился на колени рядом с королем.

— Что ты намерен сделать? — спросил он.

— Надеюсь, что удастся его расплавить.

Келсон с сомнением покосился на маленькую позолоченную дарохранительницу в форме небольшого храма, стоявшую в нише на шелковом покрывале.

Завернув уголок ткани, он увидел, что сама ниша хотя и была обита деревом, но пол у нее оказался каменным.

— А, отлично.

Он положил кольцо на каменный пол, и Дугал с удивлением воззрился на него.

— Но чем же *я* могу тебе помочь?

— Думаю, просто тем, что будешь рядом. Когда Арилан вручил мне это кольцо, он сказал, что его изготовили Дерини — а значит, расплавить его будет не так просто, как хотелось бы. Конечно, в теории, мне известно необходимое заклятие, я получил его вместе с остальным магическим наследием Халдейнов, поэ-

тому не удивляйся ничему, что можешь увидеть или услышать.

Дугал, кивнув, положил руку королю на плечо. Келсон втянул в себя воздух, с шумом выдохнул, затем перекрестился и опустил руки ладонями вниз по обе стороны от кольца, сосредотачиваясь, фокусируя свое намерение и переплетая его с тканью заклинания, слова которого повторял едва слышным шепотом.

— Боже Святый, — донеслось до Дугала, — вручаю тебе это золотое кольцо, что воплотило для меня осколки разбитых упований. Оно было рождено из огня, закалено магией, отдано и принято с надеждой. Теперь же пошли твоего могущественного архангела, святого Михаила, дабы очистить его огнем, чтобы новые чаяния ответили былым и новая надежда возгорелась из пепла прошлого. Аминь. Силах. Да будет так. *Veni, Sanctis Michael.*

С этими словами он воззвал к духу Огня, перед внутренним взором воображая образ огненного архангела, — и застыл, ощутив некое Присутствие рядом с собой, которое внезапно просто *оказалось* здесь, окутав незримыми крылами его плечи и положив огненные длани поверх его рук, хотя пламя сие не обжигало и было незримым. Он услышал испуганный возглас Дугала, однако тот по-прежнему крепко держал его за плечо.

— *Fiat*, — выдохнул Келсон, чья воля не поколебалась ни на мгновение.

Огонь, возникший между его ладоней, теперь сделался видимым и напоминал магический световой шар, но король знал, что здесь — нечто большее. Удерживая сосредоточение, он развернул сложенные лодочкой руки, чтобы сжать пламенеющий шар во-

круг кольца, сдерживая огненную мощь между ладоней и устремляя ее вниз и вглубь. Он ощутил тепло, когда кольцо внезапно задымилось, а затем вспыхнуло, — сперва ало-золотым сиянием, а затем ослепительно-белым, и нагретый воздух замерцал перед глазами.

Зажмурившись, Келсон принялся черпать мощь Халдейнов из самой глубины своей сущности, мысленно приказывая огню спалить все бренное, все недостойное, все былые привязанности, испепелить всякую боль... И, наконец, откинулся назад, сев на пятки с глубоким медленным вздохом, по мере того, как заклятье постепенно иссякало. Когда он вновь открыл глаза, кольцо превратилось в плоский золотой кругляшок, похожий на тонкую, только что отчеканенную монету, еще слегка мерцающую от собственного жара.

— Иисусе, — выдохнул Дугал, лишь теперь отпустив руку Келсона, и оба они уставились на то, что некогда было кольцом Сиданы.

— Ну что ж, похоже, мне таки удалось его расплавить, — заметил Келсон с неуверенной усмешкой. — А теперь, вероятно, стоит подобрать что-нибудь ему на замену.

Оставив на время расплавленное кольцо в покое, он попросил Дугала принести шкатулку с драгоценностями из той комнаты, где мирно почивали оруженосцы, и возжег световой шар, когда Дугал поставил ларец на стол и откинул крышку. Сверху лежало письмо, которое его матушка просила передать Сиворн, и Келсон вручил его Дугалу, прежде чем снять бархатную подушечку, обычно предохранявшую от повреждений корону, в которой он был сегодня на празднестве.

Ниже, среди немногочисленных личных драгоценностей короля, рядом со второй короной, представлявшей собой простой золотой обруч, его канцлер упаковал какие-то безделушки, предназначавшиеся для подарков, на тот случай, если бы король пожелал одарить ими кого-либо во время поездки. Именно из них он должен был выбрать что-то подходящее для Аракси: символ новых надежд, новых упований и привязанностей... однако достаточно неприметное, чтобы она могла носить его в отсутствие Келсона, и посторонние не заподозрили неладного.

Он отложил в сторону украшенное эмалью распятие, которое надевал в последний день в Ремуте; за ним последовали коралловые четки, подаренные матерью; и Келсон принялся рыться на дне ларца, где хранились драгоценности помельче. Он внимательно рассмотрел, но отверг кольца с изумрудами и рубинами, некоторое время задумчиво вертел в руках перстень с дымчатым топазом, поднес к свету другое кольцо, с прозрачным бледным сапфиром и двумя лунными камнями. Точно так же отверг и жемчужное украшение, которое больше подошло бы Росане, а не Аракси...

Затем его пальцы ухватили связку из трех узких колец, в которых вообще не было никаких самоцветов. Одно из них было из желтого, другое из белого, а третье из розоватого золота, и они были переплетены между собой. Их надлежало носить вместе, и это был подарок отца Иренея на память о том первом разе, когда Келсон присутствовал на восточном богослужении. Иреней объяснил, что эти кольца символизируют Троицу, и порой их дарят в его стране в качестве обручальных.

Келсон взвесил их в ладони, прислушиваясь к лег-

кому музыкальному звону, и ему пришло в голову, что эти три связанных между собой кольца символизируют их жизни, которые точно так же переплелись между собой, — ибо Росана всегда будет с ним, даже в этом браке, вместе с Аракси и воспоминаниями о Сидане. И этот факт невозможно изменить.

— Думаю, не стоит, — негромко заметил Дугал в ответ на невысказанные мысли короля. — Этот символ не ускользнет от чужого внимания, ибо многим известна история твоих отношений с Росаной.

Келсон склонил голову и, стиснув кольца в кулаке, приглушил их музыку.

— Я и не собирался дарить их Аракси, — промолвил он. — Ей не нужно подобное напоминание, точно так же, как и мне самому.

Со вздохом он вернул тройное кольцо в ларец для драгоценностей и вновь извлек оттуда перстень с сапфиром.

— Думаю, вот это будет лучше всего. — Он не стал говорить вслух, что дымчатые лунные камни, обрамлявшие сапфир, были того же цвета, что глаза Аракси. — Сапфир символизирует верность, а я *буду* верен ей, когда принесу брачные обеты. И я... попрошу Арилана, чтобы он сделал новое кольцо для свадьбы.

— Отличный выбор, — одобрил Дугал и, взяв перстень, надел его себе на мизинец для сохранности. — Желаешь переодеться, прежде чем мы туда вернемся?

Келсон покачал головой.

— Почему бы тебе тогда попросту не умыться, не привести себя в порядок и не двинуться в путь? Нет никакого смысла тянуть с этим дальше.

Спустя четверть часа, вновь надев золотую корону, символизирующую его ранг, Келсон неохотно

вернулся в апартаменты Сиворн вместе с Дугалом. Азим исполнил на славу то, что обещал, и по пути они не встретили ни единой живой души. Он безмолвно препроводил их в молельню, украшенную изображениями длиннолицых святых на стенах. Колеблющийся свет масляных ламп, что висели на медных цепях, отражался в золотых окладах икон, придавая этим образам подобие жизни. Над маленьким алтарным столиком с позолоченной дароносицей Царица Небесная ласково и сочувственно взирала на собравшихся, в окружении ангелов, баюкая на коленях большеглазое Дитя. В воздухе висел запах ладана.

Здесь Азим ненадолго оставил их, восхищенных красотой этого места, но вскоре вернулся, чтобы впустить Моргана с Ариланом, после чего вновь исчез. Келсон расправил плечи, завидев двоих вновь прибывших, и церемонно склонил голову в приветственном поклоне перед епископом-Дерини.

— Спасибо, что пришли, — произнес он негромко. — И прошу прощения, что вызвал вас в столь поздний час.

Арилан кивнул и протянул переплетенную Библию Дугалу, после чего снял с себя темный плащ с капюшоном. Под ним оказалась пурпурная епископская ряса с белоснежным стихарем и епитрахилью; золотое распятие епископа ярким пятном выделялось на белой ткани.

— Не могу поверить, чтобы это была какая-то внезапная прихоть, поэтому мне остается лишь гадать, почему вы не сочли нужным поведать нам обо всем вчера вечером, — промолвил он, вновь взяв Библию из рук Дугала. — Когда вы решились на это? Я одобряю ваш выбор — да и кто бы мог не одобрить его? Но если бы вы сразу сказали нам правду,

это избавило бы нас от мучительных минут притворства.

Келсон смущенно потупился, не глядя ни на Арилана, ни на Моргана, который также снял с себя неприметный темный плащ и оказался в парадном одеянии, приличествующем помолвке короля.

— Можете мне поверить, я бы предпочел, чтобы все было по-другому, — отозвался он вполголоса. — Но вчера вечером еще ничего не было решено окончательно. Росана сообщила мне после свадьбы Джатама и Джаннивер, что выбрала для меня невесту. Я долго размышлял об этом и молился... Но даже когда отправился сегодня на встречу с Аракси, то еще не был до конца уверен, что сделаю это.

— Но сейчас вы намерены принести клятву перед Богом, — возразил Арилан. — Намерены ли вы сдержать свой обет?

Келсон с трудом сглотнул и медленно опустил голову, по-прежнему не встречаясь взглядом с Ариланом.

— Я должен его сдержать. Ради Гвиннеда. Мне нужен наследник. Нельзя больше тянуть с этим... Кроме того, теперь уже ничего не изменится. Росана приняла окончательное решение и сама предложила мне выбранную ею замену. Это... разумный выбор. Никто во всем Гвиннеде не мог бы возразить против такого брака, и я... мне нравилась Аракси, когда мы были детьми. Может быть, похожее чувство возникнет между нами вновь.

— Возможно, — согласился Арилан. — Это куда больше, чем то, на что могут рассчитывать многие короли и королевы, и мне ни к чему повторять вам, насколько я сожалею, что... все так несчастливо складывалось для вас с прежними невестами.

— Знаю, — прошептал Келсон. Он внезапно поймал себя на том, что вертит в руках остатки кольца Сиданы, которые принес, чтобы вернуть Арилану. Распахнув ладонь, он протянул епископу эту монету своей скорби.

— Вот перед вами залог моей решимости и того, что я не отступлю с избранного пути, — произнес он уверенно. — Прежде это было кольцо Сиданы. — *И Росаны*, добавил он про себя. — Я подумал, что не стоит больше хранить его, поскольку сейчас я должен принести новую клятву. И мне понадобится другое кольцо для... для моей королевы.

Арилан, кивнув, взял плоский золотой кругляшок и спрятал его куда-то под стихарь.

— Мы поговорим об этом позже, — не без сочувствия промолвил он. — А пока давайте обсудим предстоящую церемонию. Она будет короткой... полагаю, на благо всем присутствующим.

Они как раз успели закончить с этим и наметили вероятную дату грядущей свадьбы, когда негромкий стук в дверь возвестил о прибытии невесты и ее семейства.

Первой вошла Сиворн, за ней барон Летальд и отчим Аракси, барон Савил. Сиворн, приблизившись, поцеловала Келсона в щеку, а Савил с Летальдом поклонились ему. Аракси и ее сестра проскользнули в молельню, держась за руки, а следом вошел Азим, неслышно затворив дверь, и так и оставался на входе во время всей церемонии.

Поприветствовав Арилана, Сиворн с мужем и братом отошли к восточной стене и застыли там, под ласковым взором Богородицы. Ришель помогла Аракси снять плащ, а Келсон со своими приближенными также заняли отведенные им места: Морган

напротив родителей Аракси, а Дугал — рядом с Келсоном как свидетель. Ришель подвела сестру к королю, затем, отступив, стала рядом с Дугалом.

На Аракси по-прежнему было ее зеленое платье, однако, как символ своего девичества, она распустила светлые волосы, и теперь они рассыпались по плечам и по спине золотистым водопадом. На голове ее красовался золотой обруч, украшенный изумрудами. Она послала Келсону робкую неуверенную улыбку, после чего обернулась к Арилану, преклонив вместе со всеми колени, когда епископ-Дерини пригласил их присоединиться к нему в молитве.

— *Adjutorium nostrum in nomine Domini.*

— *Qui fecit caelam et terram.*

— *Domine, exaudi orationem meam.*

— *Et clamor meas ad te veniat.*

Помощь нам в имени Господнем... Что сотворил небо и землю... Господи, услышь мою молитву... И зов мой достигнет тебя...

— *Dominus vobiscum.*

— *Et cum spiritu tuo.*

— *Oremus.*

Шепотом они прочитали *Gloria, Paternoster, Ave* и еще раз *Gloria*, после чего священник развернулся к присутствующим и сделал им знак подняться на ноги. Как и было намечено, благодаря молитве? все они вошли в легкий транс сосредоточения. Свет лампад бросал золотистые отблески на лицо и волосы Аракси, и Келсон поразился ее красоте, когда подал ей руку, чтобы помочь встать, но тут же отпустил ее пальцы и сосредоточенно уставился на Библию, которую Арилан прижимал к груди.

— Возлюбленные братья во Христе, — провозгласил епископ-Дерини. — Полагаю, все вы знаете, что

за обстоятельства привели нас сюда сегодня и с какой целью. Вот уже много лет я служу дому Халдейнов, сквозь множество испытаний, и — если не считать единственного прискорбного примера, — я не помню такого случая, чтобы отпрыск рода Халдейнов не проявил себя должным образом, как человек отважный, порядочный и честный.

Он передохнул, чтобы продолжить, и Келсон на миг прикрыл глаза, осознав, что Арилан говорил сейчас о Конале, — который один был виноват во всем, что случилось с ними.

— Дорога, что привела нас сюда, была для всех нелегкой, — продолжил Арилан. — И никто не может обещать, что путь впереди будет безоблачным. Любой брак представляет свои трудности, и в этом случае особенно. Однако, что бы ни уготовило будущее этим двоим Халдейнам, каких бы жертв оно от них ни потребовало, я не сомневаюсь, что благодаря доброй воле, чувству чести, долга и отваги, которыми так славен их род, они преодолеют все беды и трудности, добьются успеха, и мы все убедимся, что нынче было принято наилучшее и самое верное решение для всего Гвиннеда.

Он повернулся к Аракси.

— Сударыня, учитывая скорый брак вашей сестры и поездку короля в Торент, где его могут поджидать многие опасности, король предлагает, чтобы в своих обручальных обетах вы указали бы лишь то, что бракосочетание должно состояться до конца года. Насколько я понимаю, был предложен для этого день святого Михаила. Вы согласны?

Она молча склонила голову, и он, ласково улыбнувшись, протянул Библию, на которую она уверенным движением возложила руку.

— Аракси Леана Халдейн, перед Богом и этими свидетелями, обещаешь ли ты и даешь зарок, что вступишь в брак с Келсоном Синхилом Райсом Энтони Халдейном до конца года по обряду нашей святой матери Церкви?

Бросив взгляд на Келсона, ровным спокойным голосом она отозвалась:

— Обещаю и даю в том зарок, перед Богом и свидетелями.

Она убрала руку, и Арилан перевел взгляд на Келсона, который теперь также возложил ладонь на священную книгу. Словно откуда-то из невероятного далека до него донесся голос епископа:

— Келсон Синхил Райс Энтони Халдейн, перед Богом и свидетелями обещаешь ли ты и даешь зарок вступить в брак с Аракси Леаной Халдейн до конца этого года по обряду нашей святой матери Церкви?

Келсону показалось, что сердце в груди его сжалось в крохотный болезненный комок, однако он сумел ответить голосом столь же ровным и уверенным, как у Аракси:

— Обещаю и даю в том зарок, перед Богом и свидетелями.

— Аминь, — отозвался Арилан вполголоса и вновь прижал Библию к груди. — Есть ли у вас кольцо, дабы скрепить сей обет?

Дождавшись кивка Келсона, епископ протянул ему раскрытую Библию. Словно сторонний наблюдатель, Келсон принял из рук Дугала перстень с сапфиром и положил его на страницу, бездумно глядя, как Арилан чертит над кольцом знак креста, а затем в благословении возлагает на него ладонь.

— Господи, молим тебя благословить сие кольцо и принять его как знак верности, и пусть тот, кто

вручает его, и та, что будет его носить, всегда следуют Твоим путям с честью и в добром расположении, и пусть сие кольцо станет для них знаком поддержки, и да трудятся они и впредь во имя Твое. *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, Amen.*

Подходящее благословение, — подумал Келсон невольно, когда Арилан протянул раскрытую книгу с лежащим на ней перстнем Аракси. В нем говорится не о любви, но о верности, чести и добром расположении. Должно быть, этого считалось достаточно для короля.

Чувствуя внутри полную опустошенность, он взял Аракси за левую руку и надел кольцо на безымянный палец. Оно оказалось слишком большим для нее, и она со слабой улыбкой сжала руку в кулак, чтобы перстень не слетел, и в жесте ее и в улыбке сквозило такое безраздельное доверие... что Келсон почувствовал себя полным негодяем.

— А теперь протяните мне правую руку и преклоните колена для благословения, — произнес Арилан, передавая Дугалу Библию.

Теперь, когда первый шаг был, наконец, сделан, Келсон не чувствовал более никаких колебаний, и, приняв у епископа правую руку Аракси, опираясь на ладонь Арилана вместе с нареченной невестой, преклонил колени. За спиною Аракси кто-то негромко всхлипывал, — должно быть, то была Сиворн. Дугал и Морган, оба подняли плотные защиты и были совершенно недоступны для ментального прикосновения.

Склонив голову, Келсон выслушал положенные слова благословения, не вникая в их смысл, ибо его собственная молитва в этот миг была предназначена не Господу, но Росане: он безмолвно молил ее о про-

щении и скорбел о том, что так и не сбылось между ними.

Аминь, слетевшее с уст Арилана, рывком вернуло его в настоящее, но не до конца вызвало к реальности, ибо какой-то частью сознания он продолжал наблюдать за происходящим словно бы со стороны, извне собственного тела... Видел, как он обменивается целомудренным поцелуем с Аракси и принимает добрые пожелания всех тех, кто были свидетелями их помолвки.

Вскоре вслед за этим, сославшись на поздний час, усталость и неминуемый утренний отъезд, он любезно пожелал всем доброй ночи. Морган так и не сказал ни единого слова, собравшись уходить вместе с Ариланом, и лишь на миг коснулся руки Келсона, давая тому возможность ощутить сочувствие и сострадание, после чего они оба с епископом-Дерини удалились восвояси. Келсон позволил Азиму сопроводить их с Дугалом в отведенные королю покои и устало рухнул в кресло, едва лишь Дугал наконец запер дверь.

— Ты как, в порядке? — встревоженно спросил его Дугал.

Келсон лишь пожал плечами и снял корону.

— Нет, но спасибо, что был рядом.

Дугал склонил голову.

— Я был бы счастлив, если бы мог хоть чем-то помочь. Совсем не об этом мы когда-то мечтали, и я знаю, как тяжело это далось тебе.

— В самом деле? — отозвался Келсон шепотом, и это был скорее не вопрос, а тоскливое утверждение, которое не требовало ответа.

* * *

В это же самое время, спрятавшись глубоко в тени в дальнем крыле замка, Денис Арилан поджидал другого человека и, заслышав приближающиеся шаги, вышел на свет, как раз в тот миг, когда Азим вышел из-за поворота коридора, после того как благополучно препроводил Келсона с Дугалом в их покои.

— Нам нужно поговорить, — объявил епископ, сурово глядя на собрата-Дерини.

Азим быстрым оценивающим взглядом окинул коридор впереди и сзади, а затем кивнул.

— Ты знал, — прошептал Арилан. — Ты все подстроил. Ты солгал Совету.

Азим покачал головой и, положив руку на локоть Арилана, привлек его ближе, отвечая едва слышным шепотом.

— Я не лгал... Разве такое возможно перед вами? Я просто не сказал правду. До сегодняшнего дня не было никакой договоренности. Это была лишь задумка моей племянницы. Келсон мог и не согласиться. Однако теперь, когда он сделал это, мы можем быть уверены, что на троне Гвиннеда окажутся супруги-Дерини — ибо я по-прежнему убежден, что у Халдейнов в жилах тоже течет кровь Дерини.

Арилан глубоко вздохнул.

— Ты ходишь по грани, Азим, — пробормотал он. — Тебе прекрасно известно, что женитьба Келсона была основной заботой Совета уже многие годы... Задолго до того, как ты стал его членом.

— Но Совет, несмотря на всю свою мудрость, знает ответы не на все вопросы, — возразил Азим. — Мы были в тупике. Переубедить Росану оказалось невозможно. И в этом случае ход должен был сделать

кто-то другой. И теперь, когда она предложила ему разумный компромисс, король совершил первый шаг. Гвиннед должен идти вперед, если мы желаем поддержать равновесие в Одиннадцати Королевствах.

Арилан глубоко вздохнул, силясь взять себя в руки.

— Следует немедленно сообщить обо всем Совету.

— Совету невозможно сообщить сейчас, ибо у нас нет прямого доступа туда, — пояснил Азим. — Разумеется, где-то в замке должен быть Портал, но я пока его не обнаружил. И мне бы не хотелось спрашивать у Летальда... Если только ты не желаешь признаться ему в своей принадлежности к Совету.

— Есть и иные способы, — возразил Арилан.

— Да, но новости такого рода в данный момент лишь спровоцируют бесплодные и ненужные споры, а мы никому и ничего не сможем объяснить.

— То есть ты заранее предполагаешь, что они будут не согласны, — пробормотал Арилан.

— Подозреваю, что да... по крайней мере, некоторые из них. Именно поэтому не следует сообщать ни о чем посторонним, хотя бы до тех пор, пока Лайем-Лайос не займет свой престол. Когда перед Советом встает слишком много различных задач, он порой разбрасывается и утрачивает сосредоточенность. У нас будет время вернуться к проблемам Гвиннеда, когда мы покончим с делами в Торенте.

Арилан вновь тяжело вздохнул, вынужденный признать правоту Азима. Хотя он заседал в Совете всего несколько месяцев, адепт из южной пустыни уже успел должным образом оценить все недостатки и силу Камберианского Совета, и он был совершен-

но прав, когда утверждал, что задачи, ожидающие своего решения в Торенте, могут оказаться гораздо более важными, чем все, что случилось сегодня.

— Но, возможно, им следовало бы сообщить о покушении? — спросил он.

— Зачем? — парировал Азим. — Разве они смогут предотвратить следующее?

— Но мы должны это сделать, — заявил Арилан. — Полагаешь, это его дядья?

— Кто же еще? — пожал плечами Азим. — Однако я сомневаюсь, что это мог оказаться Матиас. Что же касается его братьев в Белдоре...

Не добавив больше ни слова, он лишь многозначительно поднял брови. Арилан с трудом подавил дрожь дурных предчувствий.

— Жаль, что ты не можешь отправиться с нами, — промолвил он.

— Я отстану всего на один день, — заверил его Азим. — А, возможно, прибуду даже скорее. Корабль из Нур-Халая ожидается послезавтра, и мне необходимо дождаться указаний от брата. Королю ничего не грозит, пока он не достигнет Белдора, а к тому времени, надеюсь, что смогу присоединиться к вам.

— Ладно, — шепотом промолвил Арилан. — Я вижу, что ты принял решение и его не изменишь. И да поможет нам Бог. Да поможет он всем нам.

Глава тринадцатая

Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою[1]

На следующее утро, пока свита короля готовилась к отплытию с острова Орсал, а сам Келсон всеми силами старался выбросить из памяти все происшедшее накануне, другие люди в Ремуте, которые пока и не подозревали о состоявшейся помолвке, также обсуждали брачные приготовления.

— Признаюсь честно, я была потрясена, когда узнала о том, что мой Рори влюблен в эту малышку Рэмси, — заметила Мерауд Джехане после мессы и завтрака, когда обе они уселись за вышивание в солнечной гостиной Мерауд. — Не могу даже себе представить, когда он успел. Меарцы были здесь всего две недели.

Джехана не сводила пристального взора с изогнутого листка, который очерчивала аккуратными плотными стежками. Нигель поведал им обо всем лишь час назад, и она до сих пор не успела охватить эту новость во всей полноте, и радость за Мерауд смешивалась в ее сердце с горечью разочарования, по-

[1] Псалтирь 17:29

скольку она надеялась, что Келсон изберет Ноэли Рэмси себе в жены.

— Насколько я поняла по словам Нигеля, Рори будет счастлив, если этот брак состоится, — заметила она. — Впрочем, никто и не мог бы противиться союзу, заключенному по любви, тем более, когда это и в интересах державы. Подобное редко случается с людьми королевской крови. Нам с тобой очень повезло.

— О, да, повезло, — Мерауд с улыбкой отложила вышивание. — Помню, как я впервые увидела Нигеля. Это было в тот самый день, когда его посвящали в рыцари, в год этого ужасного восстания в Истмарке. Вы с Брионом были тогда женаты всего год, и я приехала ко двору с моим братом Сэйром, чтобы стать придворной дамой королевы Ричелдис. Мне было всего пятнадцать, а Сэйр, моложе на три года, должен был стать оруженосцем герцога Ричарда. Он так этим гордился...

Задумчивая улыбка сделала Мерауд похожей на ту девушку, которой она была когда-то. Плавным движением она встряхнула вышивку, и острая игла повисла на шелковой нити.

— Помню, как мы выстроились в ряд с остальными новыми камеристками королевы, все такие неопытные и потрясенные, ничего похожего на то, как все у нас было дома в Рендале. А вы с Брионом показались мне словно вышедшими из легенды — и было ясно, что вы обожаете друг друга. А когда Нигель опустился перед вами на колени, чтобы принять акколаду от руки брата...

Покачав головой, она глубоко вздохнула.

— Кажется, у меня подкосились колени, когда я смотрела на него, и сердце перестало биться. Всю эту

долгую зиму и весну я молилась, чтобы он обратил на меня внимание... Как и все прочие дамы при дворе, и не только благородные дамы. И все вместе мы заливались слезами, когда они с Брионом и Ричардом, и другими юношами отправились на войну... И продолжала рыдать в подушку еще много ночей подряд, особенно когда стали приходить донесения из войска. Я была в ужасе, что он может не вернуться, — и что по-прежнему не будет меня замечать, даже если придет с войны живым и невредимым... Но, конечно, он вернулся, по-настоящему заслужив рыцарские шпоры, которые вручили ему во время акколады. И, поразительное дело, он меня наконец *заметил*. А после этого, думаю, никто из нас уже больше никогда не обращал внимания ни на кого больше.

Джехана также перестала вышивать, слушая рассказ Мерауд и вспоминая свою собственную жизнь в те времена, прежде чем запретная магия, которой пользовался Брион, воздвигла между ними непреодолимую стену. Она по-прежнему любила его — и всегда будет любить — но их отношения изменились навсегда, когда она узнала правду об истмаркском походе и о битве с Марлуком, и о том, как ее возлюбленный Брион с помощью полукровки Дерини Аларика Моргана сумел сохранить свой престол благодаря запретному колдовству. Хуже того, эти двое не пощадили и ее сына, который сейчас отправился в путь в далекую страну, где ему грозила гибель от той же самой проклятой магии, — и даже нечто худшее, чем просто гибель телесная. Ему грозило проклятье души.

Мерауд, словно уловив отголоски ее горечи, протянула руку и сочувственно погладила королеву по плечу.

— Дорогая моя Джехана, мы тоже все тревожимся за Келсона.

Пожав плечами, та отложила в сторону вышивание.

— Он сын своего отца и унаследовал его упрямство. Увы, но мне не под силу заставить его свернуть с избранного пути. Однако и если бы я оказалась на это способна, то, возможно, он не был бы таким хорошим королем. Я могу лишь молиться о том, чтобы он не переоценил свои возможности... И не недооценил своих врагов.

— Неужто ты и впрямь опасаешься, что Лайем окажется врагом ему? — воскликнула Мерауд изумленно. — Не могу в это поверить. Он славный мальчик, Джехана. Все эти четыре года он получал отличное строгое воспитание и был вдали от интриг торентского двора. Нигель говорит, что он был одним из лучших его оруженосцев.

— Но что, если мы вырастили кукушку в собственном гнезде? — возразила Джехана. — Что, если он обернется против тех, кто доверился ему, когда взойдет на престол среди своего народа? В Торенте все иначе, Мерауд. Когда я жила в Бремагне, ко двору моего отца порой приезжали посланцы из Торента. Они всегда внушали мне страх. В ту пору я даже толком не понимала, почему. Но теперь я это прекрасно знаю.

— Из-за своего колдовства? — негромко спросила Мерауд.

Джехана содрогнулась невольно и поспешно пожала плечами, но все же не сумела скрыть своего отвращения.

— Вот что я скажу тебе, — веселым тоном заявила Мерауд, втыкая иглу в вышивание и откладывая пя-

льца в сторону. — Давай-ка мы с тобой, как и подобает матушкам, которые во все суют свой нос, ненадолго отправимся в библиотеку. Как ты на это посмотришь? Раз уж мой сын вознамерился взять в жены меарскую наследницу, я бы хотела побольше узнать о ее семействе. Несомненно, Нигелю уже известны все подробности, поскольку именно он помогал составлять брачный договор между братом этой девушки и нашей малышкой Ришель. Но в ту пору я не придала этому никакого значения. Ведь это не мой ребенок вступал в брак с кем-то из Меары.

Бодро поднявшись, она заставила Джехану сложить вышивание.

— Оставь же это и пойдем со мной. Заглянем в книгу родословных, которую Нигель так грубо называет книгой племенных жеребцов. Было бы приятно удостовериться в том, что у моих будущих внуков не окажется лишнего пальца на ноге, хвоста или третьего глаза посреди лба.

— О, Мерауд!

— Ну, конечно, я знаю, что подобное нам не грозит, ведь наши семьи не так уж тесно переплетены между собой. И все-таки мне очень любопытно узнать, что же за добавление ожидается в нашем семействе. Ну прошу тебя, пойдем! — воскликнула она, протягивая руку.

Веселость Мерауд, по крайней мере, обещала отвлечь королеву от собственных тоскливых мыслей, и потому Джехана неохотно согласилась. Десять минут спустя, следуя за Мерауд по пятам, она вошла в библиотеку и закрыла за собой дверь.

— Отец Нивард! Вы здесь? — окликнула Мерауд, оглядываясь по сторонам.

Джехана робко последовала за ней. В комнате были чисто выбеленные стены и много света, падавшего из высоких окон, выходящих на запад. И здесь не было ни души. В проеме между окнами с раздвинутыми в стороны тяжелыми алыми занавесками, свисавшими на стальных кольцах, стоял большой письменный стол, заваленный раскрытыми книгами, свитками и листами пергамента. Судя по всему, здесь кто-то напряженно работал. Украшенный барельефами очаг красовался у стены слева, нарушая монотонность бесконечных книжных полок и стоек для свитков, заполнявших все свободное пространство комнаты. Сине-зеленый узор из перекрещивающихся полос украшал стену над очагом и над окнами, и зелень краски перекликалась с зеленоватым найфордским сланцем, которым были выложены оконные ниши, ступени и подоконники.

— Похоже, здесь нет ни души, — осторожно промолвила Джехана. — Боже правый, сколько лет я не была в этой комнате!

С веселой улыбкой Мерауд прошла в глубь библиотеки и, обогнув стол, с любопытством воззрилась на разложенные на нем книги и документы.

— В самом деле? А я-то думала, что это было любимое место Бриона.

— О, да, должно быть, именно поэтому я избегала сюда заходить после его смерти.

— Ну что ж, не знаю лучшего места, где можно получить все сведения о возможных невестах, — со смехом воскликнула Мерауд, усаживаясь в кресло и пристально разглядывая генеалогическое древо, разложенное поверх прочих бумаг. — Похоже, что отец Нивард занимался теми же самыми изысканиями.

Вот родословная Рэмси. Здесь все описано. Должно быть, это Нигель дал ему такое поручение.

Подойдя ближе, Джехана бросила беглый взгляд на генеалогическое древо, а затем отошла в просторную оконную нишу слева, где в первые годы брака они с Брионом частенько проводили такие счастливые часы... Они приходили сюда летом после обеда, лениво устраивались среди гор мягких подушек, читали друг другу вслух баллады и легенды, потягивая охлажденное вино, а порою даже предавались плотским утехам. Сладостные воспоминания нахлынули на нее, и душа Джеханы заныла, тоскуя по супружеским ласкам, о которых она почти успела позабыть за восемь лет своего вдовства, — но одновременно мысль о муже словно окутала ее мантией мира и покоя.

У королевы перехватило дыхание, и она взглянула вниз, на конюшенный двор, чтобы немного отвлечься, но к ее собственному изумлению, старые воспоминания больше не причиняли боли, как прежде, они лишь вызывали чувство сладкой печали. Это привело ее в недоумение, ибо прежде всегда, стоило ей лишь подумать о своей утрате, как в душе вновь поднималась привычная боль... и страх. Но теперь все это прошло. Осталась лишь нежность и любовь. С этим чувством она вышла из оконной ниши, легонько провела пальцами по корешкам томов, выставленных на полке у очага, вспоминая, как гордился ее муж этой королевской коллекцией.

Не вся библиотека была делом рук Бриона. Ее собирали множество королей и принцев Халдейнов. Король Донал, отец Бриона, обладал немалыми познаниями и слыл человеком весьма ученым, несмотря на свои многочисленные успешные военные по-

ходы, и в дальних краях приобрел множество книг и рукописей, которые считались теперь украшением королевской библиотеки; но еще даже до Донала ремутская королевская библиотека славилась тем, что в стенах ее обретается одно из лучших собраний древних текстов во всех Одиннадцати Королевствах.

Брион куда больше увлекался искусством войны и дипломатии, нежели книжной ученостью, но и он продолжал семейную традицию собирания книг и, в отличие от многих своих предшественников, находил также время читать их, — хотя и никогда не был настоящим мудрецом или философом. Мудреные науки давались ему тяжело, и Бриону недоставало терпения, каковое следует считать одним из основных качеств любого, кто посвящает себя книжным трудам. И все же, пусть и на свой манер, но Брион любил науки и внушил эту любовь к знаниям своему сыну, и проводил в библиотеке немало счастливых часов. И сейчас Джехана в задумчивости бродила мимо книжных полок у очага, касаясь пальцем то одного потрепанного тома, то другого, стряхивая пыль с пергаментного свитка и припоминая те книги, что доставляли ее мужу особенное удовольствие. Вот, к примеру, «*Carmena Sancti Bearadi*», которую любила и она сама. Ее автором был один из далеких предков Бриона.

А вот на другой полке его любимые трактаты по военному мастерству: «*Historia Mearae*», «*Liber Regalis Gwyneddis*», «*Bellum contra Torenthum*», переплетенный в кожу фолиант «*Reges Gwyneddis post Interregnum*». Когда Джехана обнаружила последний том, то невольно задалась вопросом, кто же допишет главу о самом Брионе в хроники королей, что правили Гвиннедом после Междуцарствия. Он был добрым и мудрым

правителем, несмотря на то, что чересчур увлекался запретной магией, чем подверг большой угрозе свою бессмертную душу, и она могла лишь надеяться, что историки грядущих времен будут снисходительны к нему.

С печальным вздохом Джехана отвернулась и окинула взором остальную библиотеку. Мерауд по-прежнему жадно перечитывала генеалогию правящего семейства Меары, чертя пальцем какие-то линии и заглядывая в раскрытый рядом том. Стену напротив, за спиной у Мерауд, также целиком закрывали книжные полки, а в дальнем левом углу Джехана заметила еще одну красную штору, чуть поменьше, чем на окнах, вероятно, скрывавшую за собой уборную, хотя прежде она не помнила, чтобы таковая имелась в библиотеке.

Ощущая легкое любопытство, она подошла ближе и отдернула занавес. Подобно большинству уборных, эта представляла собой небольшое помещение в форме буквы Г. Отверстие ствола шахты было проделано во внешней стене, однако каменная кладка выглядела совсем свежей, не покрытой ни краской, ни побелкой. Пожалуй, она не придала бы этому никакого значения, решив, что сие добавление было сделано Келсоном после смерти отца, — вот только, опуская штору, она заметила нечто похожее на арку в стене, соединявшей библиотеку с соседней комнатой.

Порывшись в памяти, она так и не могла припомнить, что за помещение могло оказаться там, с другой стороны, и уж точно между ними никогда не было прохода. Озадаченная, Джехана вновь отдернула штору и пригляделась поближе. И правда, в стене имелась высокая арка, но вся она была заложена

камнем. Может быть, таков был замысел архитектора, который хотел облегчить вес стены. Скорее всего, ее собирались затем побелить, но то ли забыли, то ли пока еще не успели этим заняться. Однако же, во времена Бриона ничего похожего здесь не было, в этом Джехана была уверена.

Она рассеянно потянулась, чтобы коснуться рукой камня, прежде чем вернуться к Мерауд, но пальцы ее не встретили... *ничего.*

Она с трудом удержалась от изумленного возгласа, — хотя так и не смогла бы объяснить даже самой себе, что за сила заставила ее попытаться дотронуться до стены. Она с опаской потянулась вновь, и тут же поспешила отдернуть руку, обнаружив, что кончики пальцев ее словно бы проваливаются вглубь камня, как будто перед ней был лишь невесомый дым.

Сжав руку в кулак, Джехана прижала ее к груди, словно силясь унять неистово бьющееся сердце, и с трудом заставила себя не впадать в панику. Она не знала, кто, почему и каким образом сотворил это чудо, но не сомневалась, что здесь не обошлось без магии. Однако удивительное дело, сейчас, думая об этом, она чувствовала не только страх и отвращение, как всегда, когда речь шла о колдовстве, но также и отстраненное любопытство. Она никак не могла понять, какой смысл был устраивать магическую стену в столь неподобающем месте, — в уборной, подумать только! — однако ее неожиданно приободрила та мысль, что все это, несомненно, дело рук ее сына Келсона.

На мгновение она даже решила, что все происшедшее, вообще, лишь иллюзия, вызванная переживаниями последних дней и нахлынувшими в биб-

лиотеке воспоминаниями о Брионе. Но, как ни старалась, она больше не смогла заставить себя прикоснуться к загадочной стене. И все же она была совершенно уверена, что во времена Бриона здесь никакой уборной не было. Но сама уборная была обычной и вполне реальной, никаких иллюзий... Ниша во внешней стене казалась совершенно обычной, точно так же, как и деревянное сиденье над отверстием слива. И пахло здесь в точности, как и должно пахнуть в обычной уборной.

— Мерауд! — окликнула она через плечо на удивление спокойным голосом. — Ты не могла бы подойти сюда?

Она, попятившись, вышла из ниши и откинула в сторону занавеску, приглашая Мерауд приблизиться. Та с удивлением заглянула внутрь.

— Что такое? Тебе нехорошо?

— Нет, со мной все в порядке, я просто не помнила, чтобы здесь имелась уборная. Ты не могла бы коснуться этой стены?

Мерауд недоуменно покосилась на королеву, затем протянула руку и провела пальцами по каменной кладке.

— А что такое с этой стеной? Джехана, это просто уборная. Наверное, ее соорудили зимой. Скорее всего, отец Нивард устал каждый раз спускаться по лестнице, или, может быть, так пожелал Келсон. На самом деле, если позволишь, я бы ею воспользовалась, — добавила она и с улыбкой проскользнула мимо Джеханы, а затем задернула за собою занавес. — Я тебе говорила, что, должно быть, опять беременна?

От этого заявления, сделанного столь будничным тоном, Джехана остолбенела, а Мерауд из-за шторы продолжала щебетать о младенцах и о том, что для

малышки Эйриан славно будет иметь сестру или братика, с кем играть... И она очень надеялась, что это опять будет девочка... А потом, может статься, ей все же удастся убедить Нигеля, чтобы тот позволил ей оставить при себе бывшую любовницу Конала и ее дочурку.

— Малышка все же приходится нам внучкой, — заявила Мерауд, выходя из-за занавески и расправляя юбку. — Насколько я могу судить, ее мать — очень миленькая деревенская девушка, ласковая и без всяких претензий. Ее зовут Ванисса. Если она нам подойдет, то, должно быть, я смогу подыскать ей место при дворе. Может быть, среди белошвеек...

Она взяла Джехану под локоть, увлекая ее за собой к дверям.

— Разумеется, Конал позаботился о них обеих. Его дочери никогда не придется голодать... Но мне очень бы хотелось видеть внучку здесь, при дворе, смотреть, как она растет. Ей ведь скоро будет три года... Всего на год младше Эйриан... И я уже столько пропустила из ее жизни.

Джехана что-то пробормотала насчет того, сколь очаровательны бывают маленькие девочки, стараясь не предаваться горестным воспоминаниям о собственной, столь желанной дочери, сестре Келсона, которая родилась до срока и прожила всего несколько часов, а после Розанны у нее больше уже не могло быть детей, ни сыновей, ни дочерей...

— Конечно, я понимаю, что это будет непросто, — продолжала Мерауд. — Всем известно, как Нигель относится к тому, что связано с Коналом, да и имя у малышки не самое подходящее: мать назвала ее Коналиной. Разумеется, это можно понять, но выбор все же не самый удачный, учитывая обстоятельства.

И все равно, если я сумею убедить Нигеля признать *ее*, то может быть, он смягчится и по отношению к Альбину. Он ведь так любит маленьких девочек. С Эйриан просто глаз не сводит...

Лишь когда они, наконец, ушли, и голоса их стихли в коридоре, отец Нивард вышел из комнаты, скрытой за магическим пологом, что-то наскоро отметил в бумагах, разложенных у него на столе, а затем вновь исчез.

* * *

Остаток дня Джехана провела с Мерауд, любуясь четырехлетней Эйриан, которая играла в саду с кухаркиной кошкой и котятами, в то время как ее мать и тетушка разрабатывали стратегию, призванную смягчить отношение Нигеля к его внукам. Ближе к вечеру Мерауд сообщила Джехане, что с помощью Рори отыскала, наконец, где живет бывшая возлюбленная Конала и его дочь, и теперь она планировала в ближайшие дни отправиться в те места на прогулку.

— Очень хорошо, что ребенок оказался девочкой, — заметила Мерауд, помогая Джехане сматывать в клубок шелковые нитки. — Если она получит подходящее воспитание, то даже незаконнорожденная дочь принца вполне может сделать удачную партию. Все-таки кровь есть кровь, особенно королевская. А если мы поселим ее с матерью при дворе, и Нигель привыкнет видеть малышку играющей с нашей Эйриан еще прежде, чем узнает, кто она такая, то я думаю, что со временем он смирится. Да, решено, в ближайшие же дни я отправлюсь взглянуть на них. Что ты скажешь, если я предложу отправиться тебе со мной вместе? Я совсем не привыкла ничего зате-

вать за спиной у Нигеля, и мне бы было очень приятно, если бы рядом оказалась хоть одна сочувствующая душа.

Однако Джехана пока решила не давать согласия, несмотря на то, что была искренне расположена к обоим отпрыскам Конала, ибо если малышка Коналина окажется при дворе, то со временем, несомненно, сюда вернется и Альбин, — а с ним и его крайне опасная мать, по которой до сих пор так страдал Келсон. И хотя Джехана одобряла действия Росаны во всем, что касалось ее сына, ибо опасалась, что тот, повзрослев, может представлять угрозу для гвиннедского престола, это не могло смягчить сердце королевы, ибо она всегда помнила о том, что Росана — Дерини.

Разумеется, ее религиозное призвание казалось вполне искренним, — хотя Джехана по-прежнему сомневалась, способен ли кто-либо из Дерини испытывать подлинные религиозные чувства, пусть даже отныне и светские, и церковные законы признают за ними право на священнический сан. Взять хотя бы Дениса Арилана и Дункана Маклайна... Однако среди Служителей святого Камбера Росана не была связана традиционными религиозными обетами, ибо сами Служители не являлись обычным монашеским орденом. Хуже того, Джехана подозревала, что они также являются Дерини, или, по крайней мере, запятнаны деринийской магией, ибо считали своим покровителем древнего святого Дерини, опороченного впоследствии, и чье доброе имя теперь вознамерился восстановить ее собственный сын.

Как бы то ни было, благодаря тому, что Росана была занята со Служителями святого Камбера, она оставалась вдали от Ремута. И то, что она твердо на-

мерevалась убедить сына посвятить себя Церкви, а Нигель наотрез отказывался признать мальчика, означало, что и мать, и сын, скорее всего, навсегда останутся вдали от столицы, как бы сильно Келсон ни желал обратного. Джехане было безразлично, что намерена делать Росана со своим отпрыском, но если Мерауд приведет ко двору маленькую Коналину, то следующим вполне может стать Альбин, — а значит, и мать его неизбежно станет бывать при дворе гораздо чаще. Это слишком опасно, до тех пор, пока Келсон, наконец, не возьмет в жены подобающую королеву.

Вечером Джехана скромно потрапезничала вместе с отцом Амбросом и сестрой Сесилией, как это вошло у них в привычку; но после вечерних молитв, уже готовясь отойти ко сну, она вдруг поймала себя на том, что вновь и вновь вспоминает странное приключение, которое пережила нынче утром в библиотеке. До этого момента она не позволяла себе думать об этом, отвлекаясь на праздную болтовню и повседневные заботы, но теперь, расслабившись под руками опытной служанки, которая расчесывала ей волосы, она невольно открыла дорогу воспоминаниями, — и, как ни странно, они больше не пугали ее.

— Спасибо, Софи, можешь идти, — промолвила она, когда служанка закончила расчесывать ей волосы и заплела их в не слишком тугую косу.

Девушка присела в торопливом поклоне и удалилась, а Джехана еще долгое время сидела, глядя на себя в зеркало. Через несколько месяцев ей исполнится сорок. Даже в щадящем свете свечей она выглядела на свои годы. В каштановых волосах еще почти не было седины, лишь слегка посеребрились виски, но это, пожалуй, даже красило королеву, — однако тон-

кие морщины у дымчато-зеленых глаз выдавали ее возраст и говорили о пережитых страданиях после смерти Бриона. Сейчас она уже не казалась столь исхудавшей и изможденной, как пару лет назад, так что уже не приходилось подвязывать шелковую ленту сквозь обручальное кольцо, дабы помешать ему упасть с исхудавших пальцев, но все же на костях ее по-прежнему почти не было плоти.

Она пару раз ущипнула себя за щеки, чтобы к ним прилила кровь, затем сморщила лицо в презрительной гримаске, — а ведь когда-то дома, в Бремагне ее считали настоящей красавицей... Затем, покачав головой, она отвернулась со вздохом. Чуть погодя послышался новый вздох, на сей раз более решительный, и королева, поднявшись, запахнулась в темный плащ, накинув его прямо на ночную рубашку, и надвинула поглубже капюшон, дабы скрыть слишком заметные волосы. Прежде чем выйти из комнаты, она взяла с туалетного столика горящую свечу, выглянула в коридор, дабы убедиться, что там никого нет, после чего уверенно вышла наружу, прикрывая огонек свечи рукой. Ее домашние туфли на мягкой кожаной подошве почти не издавали шума, и она неслышно устремилась к винтовой лестнице в конце коридора, по которой и спустилась на несколько пролетов.

Она и сама толком не знала, что намерена делать. Скорее всего, в этот час библиотека окажется закрыта, и менее всего ей хотелось бы будить отца Ниварда, — тем более, что она подозревала в нем Дерини. Да и если бы ей пришло на ум поднять его ото сна, она все равно не знала, где его покои. Но самое странное, что одновременно пугало и влекло ее впе-

ред, было сознание того, что, в случае необходимости, она вполне способна обойтись и без ключа.

Помышление сие вызвало у Джеханы приступ вины и страха, и она ухватилась за маленькое распятие, которое всегда носила на шее, словно для того, чтобы отогнать призраки недобрых побуждений... Но вот, наконец, она оказалась на этаже библиотеки и испуганно выглянула наружу с лестницы. Коридор, тускло освещенный факелами, оказался совершенно пустынным, ибо час был поздний, а в этом крыле замка почти не было жилых покоев.

Облегченно вздохнув, Джехана двинулась к библиотеке. Как она и ожидала, дверь оказалась закрыта и заперта, но, по крайней мере, под ней не просачивался свет. Бросив настороженный взгляд сперва в одну сторону, затем в другую, она сделала еще пару шагов, отыскивая дверь в соседнюю комнату, но обнаружила в стене лишь обводы арки: дверной проем оказался заложен кирпичом и почти незаметен в дрожащем свете свечи.

Стало быть, единственный способ туда попасть — это через библиотеку. Джехана и сама не понимала толком, зачем ей это нужно, но ей *необходимо* было взглянуть поближе на этот странный проход в уборной. Вернувшись к двери библиотеки, она виноватым взглядом окинула коридор, затем присела на корточки, поставила свечу на пол и, коснувшись ладонями замка, сделала глубокий вздох, моля Господа простить ее за то, что она собиралась сейчас сделать. Пожалуй, из всех магических способностей, что она обнаружила в себе за последние годы, эта казалась наименее пугающей, — дар передвигать небольшие предметы благодаря одной лишь силе воли, — и она сказала себе, что сегодня может воспользоваться за-

претной магией... Ибо это исключительно в благих целях.

Засов едва слышно скрежетнул, выходя из пазов, и она встала, чтобы толкнуть дверь вперед, так торопливо, что даже опрокинула свечу, и поспешила войти внутрь, прежде чем в коридоре появился бы кто-то посторонний. Увы, от падения свеча погасла, но Джехана все же подхватила ее, перед тем как укрыться в спасительной темноте библиотеки. У нее еще будет время отыскать трутницу и огниво... С бешено колотящимся сердцем она закрыла и заперла дверь, затем откинула капюшон плаща и несколько мгновений неподвижно стояла в полной темноте, прижимаясь спиной к стене и чувствуя головокружение от волнения и страха. Но сколько она ни напрягала слух, ни единого звука так и не донеслось до нее.

Нет, ничего, только стук ее сердца... Наконец, она достаточно пришла в себя, на ощупь отыскала свечу и поплотнее вставила ее в подсвечник. В комнате царила абсолютная темнота, но она достаточно хорошо помнила обстановку, и по полшажочка осторожно пересекла помещение, пока не оказалась у письменного стола, а затем, сдвинувшись чуть левее, отодвинула шторы, скрывавшие оконную нишу. В лунном свете, пробивавшемся в окно, стало ясно, что кто-то — вероятно, отец Нивард — возвращался сюда уже после того, как ушли из библиотеки они с Мерауд, ибо теперь книги на столе оказались аккуратно сложены стопкой, все пергаменты скручены, а разбросанные листы исчезли. Она испуганно покосилась в сторону уборной, но крохотное помещение было закрыто занавеской и пока не вызывало особой тревоги.

В полутьме ей никак не удавалось отыскать трутницу. Конечно, и без нее вполне можно было обойтись, хотя мысль об этом внушала Джехане отвращение, но раз уж она зашла так далеко, то едва ли робость могла заставить ее отступить. После того, как с помощью магии она сумела открыть замок, едва ли душа ее окажется проклята еще сильнее тем, что она без помощи трутницы зажжет свечу.

Заставив себя успокоиться, Джехана вновь задвинула штору, чтобы свет не был заметен снизу, со двора конюшен, затем сосредоточилась и свободной рукой провела над свечой. Огонек тут же вспыхнул и разгорелся, бойко и весело. Джехана вздохнула с облегчением, да так, что едва вновь не затушила свечу, однако тут же поспешила закрыть ее рукой, пока пламя не выровнялось, а затем перешла в угол, где таилась загадочная уборная, осторожно отдернула занавеску и уставилась на стену.

При свете свечи стена казалась совершенно обычной, выложенной грубо обработанным камнем, но когда Джехана наполовину отвернулась, дабы увидеть ее боковым зрением, то ей показалось, будто там имеется открытый арочный проход, с другой стороны также занавешенный темной тканью.

Таким образом она несколько раз то поворачивалась лицом к стене, то отворачивалась от нее, пытаясь различить как можно больше, и взору ее являлась то прочная каменная стена, когда она смотрела прямо перед собой, то затемненный проход, который можно было заметить лишь искоса, и теперь Джехана окончательно убедилась, что стена эта была иллюзорной. Она протянула руку, дабы коснуться ее, — с трудом удерживаясь от инстинктивного по-

рыва отдернуть руку, когда пальцы вновь ушли в пустоту, — и легонько поднажала.

Пальцы словно ушли в камень, но она по-прежнему ничего не чувствовала. Затем поднесла руку к глазам, пошевелила пальцами, дабы убедиться, что с ними все в порядке, установила подсвечник на краю деревянного сиденья уборной, и вновь осторожно потянулась правой рукой к стене, на сей раз поворачивая голову так, чтобы видеть происходящее боковым зрением. И теперь ее пальцы и впрямь коснулись ткани, замеченной прежде.

Она на пару мгновений закрыла глаза, ощупывая складки ткани — *настоящая, настоящая!* завопил голос в глубине ее сознания, — а затем она вновь открыла глаза и подвинула руку правее, пытаясь отыскать край занавеса, нашла его и осторожно потянула к себе, пока наконец ее рука, сжимавшая край ткани, не показалась прямо из камня. Это оказался алый бархат, точь-в-точь такой же, как тот, из которого были сшиты занавеси на окнах и перед уборной в библиотеке. Она подумала, что, возможно, там, в соседней комнате, расположены покои отца Ниварда, но это было маловероятно. Вновь воспользовавшись боковым зрением, Джехана убедилась, что в соседней комнате все стены также заставлены полками с книгами: стало быть, там находилась пристройка к библиотеке.

Она не осмелилась дать себе время на размышления о том, что собиралась сделать. Не выпуская складки ткани из правой руки, она нагнулась, чтобы в левую взять свечу, затем вздохнула поглубже и, развернувшись и пригнув голову, рывком устремилась сквозь иллюзорный проход в соседнюю комнату. По счастью, она и впрямь оказалась очень похожа на

библиотеку. Смежную с коридором стену сплошь закрывали книжные полки, а у противоположной стены стоял небольшой письменный стол.

Но если так, зачем же тратить столько сил, дабы скрыть эту комнату от чужих глаз? Книжные полки полностью закрывали то место, где прежде располагалась дверь, ведущая во внешний коридор, — стало быть, единственный проход в это помещение охранялся магией. Так что вывод можно было сделать лишь один: что бы ни хранилось здесь, это было отнюдь не для чужих глаз. А под это определение попадали лишь труды, созданные Дерини.

«Келсон, Келсон, что ты натворил?» — прошептала она про себя, наконец выпуская из рук край занавеса. Джехана подошла к полкам, что высились от нее по правую руку и, поднеся свечу ближе, провела пальцем по переплетам книг. Названия на корешках показались ей незнакомыми, но некоторые задержали взор.

«Haut Arcanum»... «Liber Ricae»... «Codex Orini»... «Annales Queroni»...

На последнем она задержала руку и вытащила увесистый том с полки, ощущая страх и одновременно жгучее любопытство.

«Никогда не следует забывать о том, — вполголоса прочитала она вслух, раскрыв книгу наугад, — что магия Целителей прежде всего должна уважать свободу воли пациентов, и это доверие является священным. Однако порой разум может оказаться поврежден столь сильно, что больной не способен дать согласие на вмешательство. Тогда Целителю следует входить в сознание пациента постепенно, преодолевая сопротивление, дабы ослабить боль и восстановить разрушенное, с осторожностью и заботой...»

Джехана была потрясена и заинтригована. Прежде ей и в голову не могло прийти, что Дерини способны проявлять столь неожиданную душевную чуткость. Ей хотелось прочитать побольше и, в поисках места, куда поставить свечу, она отступила к письменному столу... как вдруг внезапно ощутила исходящую от пола силовую вибрацию.

У Джеханы перехватило дыхание, и она отскочила назад. Тут же все прекратилось. Присев на корточки в поисках объяснений, она обнаружила каменную плиту, на вид в точности такую же, как и все прочие, — за исключением того, что она была единственная квадратной формы, — но королева мгновенно поняла, с *чем* имеет дело, и ей не нужны были никакие объяснения, хотя откуда взялось это знание, она не ведала и сама. И когда Джехана вновь сумела взять себя в руки, то больше не испытывала желания спастись бегством. По-прежнему у самых своих ног она ощущала слабое покалывание, но это больше не пугало ее и не внушало ужас. Напротив, это ощущение зачаровывало.

Перемещающий Портал... Глядя на каменную плиту, озаренную сиянием свечи, Джехана не испытывала ни малейших сомнений, — здесь действовала магия куда более мощная, чем та, которую она сама осмелилась призвать сегодня. Она не желала слушать Келсона, когда тот пытался ей объяснить, что намерен использовать подобные Порталы для сообщений из Белдора в Ремут, но теперь поняла, что наверняка он намеревался воспользоваться именно этим. А стало быть, как она и опасалась, отец Нивард, хранитель библиотеки, вероятнее всего, являлся Дерини.

И все же эта мысль больше не приводила ее в такое негодование, как прежде. Может быть, когда

слишком часто сталкиваешься со злом, оно перестает казаться таким отвратительным? Разумеется, по мнению Джеханы, магия изначально была порождением дьявола, и все же... все же...

Джехана была совершенно околдована. Портал заинтриговал ее чрезвычайно, несмотря на ее отвращение к любой магии, и она даже невольно задалась вопросом: а каково это, воспользоваться подобным средством перемещения... Хотя она тут же поспешила подавить эти раздумья в зародыше, опасаясь того, как далеко они могут ее завести. Вкус подлинного колдовства она ощутила лишь однажды, и это было ужасно. Все началось на коронации Келсона, когда ведьма Дерини по имени Карисса использовала свою ужасающую силу сперва для того, чтобы поразить саму Джехану, дабы та не смогла ничем помочь сыну, а затем напала и на самого Келсона. Радость Джеханы от победы юного короля была омрачена страхом, что победа сия могла быть куплена ценой спасения его бессмертной души, и с тех пор даже самая мысль о магии не вызывала у нее ничего, кроме отвращения.

Она поморщилась при этих воспоминаниях, ибо та магия была куда страшнее, чем скромные способности, использованные ею самой в библиотеке. И кое-что еще изменилось... Впервые за все это время Джехана осознала, что сила, пробудившаяся в ней в день коронации Келсона помимо ее воли, оказывается, могла быть использована и во благо. Впрочем, нет, сейчас это был уже не первый раз, ведь несколько лет назад, в отсутствие Келсона, магический дар помог ей предупредить Нигеля о том, что готовится покушение на его жизнь. А впоследствии порой у нее бывали мгновенные вспышки озарения, — она

знала, что Дерини именуют эту способность чарами истины, но никогда прежде она не использовала свои способности сознательно, как сегодня, чтобы прийти сюда...

А Портал под ногами все так же притягивал ее, там ощущалась огромная сила, скрытая от глаз. Она неудержимо влекла королеву, но то был не обманчивый зов искушения, которому следовало противиться любой ценой, а словно дружеское приглашение, ласковое и ободряющее, в котором не могло таиться никакого зла.

Словно в трансе, она опустилась на колени, отложила в сторону книгу и свечу и опустила ладони на квадратный камень. Вибрация превратилась в едва слышную мелодию, порождавшую в душе ощущение покоя, мира и тихой радости, схожие с теми эмоциями, что испытывала королева в часовне во время молитвы. От экстаза и восхищения ей захотелось разрыдаться, как будто после долгой разлуки она, наконец, встретилась со своим возлюбленным.

В благоговении Джехана подняла руки, разглядывая ладони в свете свечи, внезапно начиная осознавать, кто она такая — не чудовище, не дьявольское творение, но просто человек, наделенный способностями, которые она могла использовать во благо, и это зависело лишь от нее одной. Сложив руки лодочкой, она усилием воли призвала к себе магию и восхищенно вскрикнула, когда световой шар, подобно огненной бабочке, вспыхнул в ее ладонях, озаряя комнату золотистым сиянием.

— О, Иисусе! — выдохнула она, поднося светящийся шар к лицу...

И в этот самый миг внезапно заметила темный силуэт человека, сидевшего в оконной нише на дру-

гом конце комнаты. Он едва виднелся в слабом свете свечи и огненного шара.

Подавив испуганный крик, она попятилась прочь, и светящийся шар тут же угас. Едва не опрокинув свечу, королева торопливо запахнулась в плащ, одновременно виноватым жестом отряхивая ладони о юбку. Неужели он ее видел?

— Кто вы такой? — воскликнула она. — И что вы делаете здесь?

Мужчина извиняющимся жестом склонил лысую голову.

— Прошу простить меня, если я вас напугал, миледи... Или следует сказать «ваше величество»? — Его голос был мягким и успокаивающим, слегка глуховатым. — Поверьте, я всего лишь ученый, вам нет причин опасаться меня. Я работаю в библиотеке с дозволения короля.

— Короля? Но... Вам следовало заговорить со мной! — выпалила она. — Вы перепугали меня до смерти. И вы до сих пор так и не сказали, кто вы такой, и почему вы сидите здесь в столь поздний час, прячась в темноте?

— Боюсь, что я немного задремал, — отозвался тот смущенно. — Признаюсь, что Китрон порой убаюкивает меня... Хотя, пожалуй, на закате жизни это можно считать благословением. Меня зовут Баррет, и я умоляю простить меня, если я вас напугал. Осмелюсь лишь заметить, что испуг был взаимным.

— Баррет...

Это имя ничего не говорило Джехане, но если он и впрямь дремал, то может быть, он ничего не видел?

— И все равно, я не понимаю, что вы делаете здесь в столь поздний час, — продолжила королева,

взяв себя в руки. — Библиотека закрыта и заперта, и... — Она виновато покосилась на заколдованный проход. — Как вы вообще сюда попали?

Он негромко засмеялся и покачал головой, а затем принялся сворачивать свиток, лежавший у него на коленях.

— А как попали сюда вы?

— Кто, я? У меня был ключ, — солгала она. — И не смейте дерзить. Что вы там читаете?

— Китрона, как я вам уже сказал. Вам знакомы его труды? Это одна из последних находок... Куда более доступная для понимания, нежели «*Principia Magica*». Хотя я готов поставить под сомнение его домыслы по поводу происхождения гимна Целителей. И он, и Иокал считают автором Орина, на которого оказали влияние давно забытые лендорские поэты, но лично мне всегда куда ближе была гипотеза Сулиена. Разумеется, если бы у нас было больше текстов, принадлежавших перу Орина...

Она уставилась на него, остолбеневшая, не в силах поверить собственным ушам.

— Что? — выдохнула она, наконец.

— Надеюсь, что себе для чтения вы подберете что-нибудь более увлекательное, — продолжил он, словно не заметив ее ужаса и продолжая невозмутимо сворачивать свиток. — Могу ли я узнать, что читаете вы?

Она почувствовала, как щеки ее вспыхнули от смущения, и виновато покосилась на книгу, которая по-прежнему лежала на полу у ее ног.

— Я... не помню. Просто листала наугад... Я вообще не знала о том, что эта комната существует. Но... С какой стати я должна вам что-то объяснять? Я не

обязана оправдываться перед вами, и вообще, полагаю, вам лучше уйти!

— Как пожелаете, — ответил он, поднимаясь с места. — Но тогда я должен попросить вас освободить Портал.

С испуганным возгласом Джехана попятилась и вновь вскрикнула, когда внезапно спиной натолкнулась на книжные полки. Как же она сразу не догадалась, что перед ней Дерини, — здесь, во дворце, и, судя по всему, с дозволения Келсона!

— Как вы посмели явиться сюда? — прошептала она сердито. — И не смейте подходить ближе, — предупредила она, заметив, что он положил свиток на скамью и сделал шаг по направлению к ней.

— Я не желаю вам зла, — возразил он негромко. Затем, подойдя к краю оконной ниши, остановился, обеими руками взялся за стену и осторожно, пробуя ногой пол, сошел со ступеньки. При этом он так и не посмотрел вниз, и Джехана с ужасом и изумлением осознала, что человек этот ничего не видит. Он был совершенно слеп. И сейчас его пустой взор был устремлен в никуда...

— Слепец, — выпалила она.

— О, да, — согласился он. — Хотя и не так слеп, как многие другие. Я заплатил эту цену ради того, чтобы спасти жизнь детям.

— Спасти жизнь детям? — тупо повторила она. — Но кто же способен потребовать лишить человека зрения ради того, чтобы спасти детей?

— Слепцы, еще большие, чем я сам, — отозвался он мягко, сделал шаг вперед. — Но это было очень давно. То были не обычные дети, и я сам не был обычным человеком. И никакая цена не показалась мне слишком велика для спасения их жизней.

Но прежде чем он смог продолжить, прямо перед ними вспыхнул неяркий свет, и затем в Портале возник еще один старик в просторном черном одеянии ученого, с какими-то свитками под мышкой. При виде друг друга, они с Джеханой вскрикнули одновременно, однако, в отличие от королевы, Дерини был лишь удивлен, но отнюдь не испуган. Она же еще плотнее вжалась в книжные полки за спиной, мысленно прикидывая, успеет ли вовремя добежать до иллюзорной стены, дабы спастись бегством в библиотеке.

— Боже правый, *она* что здесь делает? — воскликнул новоприбывший, обращаясь к Баррету и подозрительно глядя на Джехану, словно пытаясь защитить своего друга от гнева королевы. Он попытался загородить его от ее взора. — Ты знаешь, кто она?

— Мы, в общем-то, познакомились, — любезным и успокаивающим тоном отозвался Баррет, пытаясь смягчить враждебность Ларана. — Насколько мне известно, король открыл доступ в эту комнату лишь для одной-единственной женщины, но герцогиня Риченда сейчас пребывает в своей резиденции в Короте, стало быть, эта леди — единственная женщина в мире, которая приходится нашему королю кровной родней и, значит, не нуждается в особом разрешении, дабы преодолеть иллюзорную Вуаль.

Он улыбнулся Джехане.

— Прошу простить, если ввел вас в заблуждение, сударыня, но мне и в голову не могло прийти, что вы решитесь проникнуть сюда. Я никоим образом не желал огорчить вас. Мы немедленно уйдем прочь.

— Вы — Дерини, — обвиняющим тоном прошептала она. — Вы оба Дерини. Боже правый! Как давно

все это продолжаете? Как давно вы получили невозбранный доступ в наш замок?

Баррет сделал шаг вперед, и она невольно съежилась от испуга. Но он всего лишь взял под руку вновь прибывшего, — который бросил на Джехану прощальный свирепый взгляд, — и оба исчезли, растворились в воздухе со слабой вспышкой света.

И Джехана наконец осталась одна, с огоньком свечи и наедине со своим страхом, в полной тишине, вся дрожа от пережитых волнений. Бездумным жестом она подобрала с пола лежащую книгу и поставила ее обратно на место. Она не осмелилась даже взглянуть на тот свиток, который оставил на скамье старик по имени Баррет. Когда же Джехана наконец вернулась в свои покои, то долго стояла на коленях у постели, но молитвы не шли у нее с уст. Она так и заснула, коленопреклоненная, лбом упираясь в прикроватную стойку, — и ей снился мужчина с изумрудными глазами, безмолвно тянувший к ней руки, словно глаза его могли видеть...

Глава четырнадцатая

Он не надеется спастись от тьмы; видит пред собою меч[1]

В тот же самый день, пока Джехана обследовала библиотеку вместе с Мерауд, Келсон со свитой отплыл в Торент на одном из кораблей Летальда Орсальского, который был способен подняться куда выше по реке, чем «Рафалия» Моргана, — и дойти до самого Белдора.

Почти все семейство Хорта Орсальского высыпало на пристань, дабы проводить их в путь. Там были почти все они, за исключением беременной супруги Летальда. Аракси тоже пришла в порт и стояла рядом с матерью и сестрой, и вместе с ними принялась махать платком, когда корабли подняли паруса.

Их отплытие оказалось куда более праздничным, чем ожидал Келсон, учитывая, что накануне на жизнь обоих королей было совершено покушение, но Летальд, похоже, был вполне уверен в себе и знал, что делает. Когда корабль отчалил от пристани, зеленый парус «Нийаны» поймал ветер и надулся у них над головой, и Келсон увидел, что на парусе красуется изображение белоснежного морского льва, символа Тралии. На мачте, на носу развевались парадные

[1] Иов 15:22

стяги Гвиннеда, Торента и Орсала. Пара тралийских боевых судов сопровождала их на выходе из порта, и вместе они проплыли мимо черных торентских галер, которые вновь взяли на караул, приветствуя своего повелителя. Судя по всему, Летальд готов был сделать все возможное, чтобы нападение, подобное вчерашнему, не повторилось. На сей раз по дороге из замка в порт все было проверено самым тщательным образом, а носильщики заменены в последний момент самыми надежными челядинцами.

— Думаю, что больше никто не осмелится ничего предпринять, — заявил он Келсону в то время, как «Нийана» и ее почетный эскорт, миновав маяки, устремились к северу, оставив далеко позади черные галеры. — По крайней мере, ничего не должно произойти, пока мы в плавании. Я совсем не знаю графа Матиаса, но Расул прежде казался мне человеком чести, а ведь именно он возглавляет торентцев. Я не могу возложить ответственность за вчерашнее нападение ни на него лично, ни на Торент. Если эти парни, — он указал на торентские корабли, — попытаются играть не по правилам, то они рискуют войной. Однако кто может знать, что готовят для нас в Белдоре?

Келсону оставалось лишь надеяться, что Летальд не ошибся в Расуле. Здесь, в тралийских водах, несложно было храбриться и изображать беззаботность; еще некоторое время, даже когда они поплывут вверх по реке, они по-прежнему будут двигаться вдоль берегов Тралии, где еще простираются владения Летальда, граничащие с Торентом. Однако если Летальд с Азимом ошибаются, и торентцы готовят предательское нападение, прежде чем они достигнут Белдора, то у шести черных боевых галер хватит сил,

чтобы с легкостью опрокинуть любое сопротивление. Можно уповать лишь на то, что Летальд прав, и Торент не пойдет на открытую войну с Тралией и Гвиннедом. Так что, скорее всего, они окажутся в безопасности до самого Белдора.

Вот почему, приняв все необходимые меры предосторожности, Летальд, похоже, вознамерился позабыть свои тревоги и от души наслаждался путешествием, стараясь, чтобы и гости его чувствовали себя наилучшим образом. Келсон мог лишь восхищаться его самоуверенностью, — впрочем, чего еще ожидать от людей, вынужденных на протяжении многих веков жить с торентцами бок о бок. Летальд даже позволил своему старшему сыну и наследнику, принцу Сирику, присоединиться к королевской свите, как и планировалось ранее, дабы командовать вторым тралийским кораблем... Лишнее доказательство его уверенности в том, что по пути не произойдет никаких неожиданностей.

Посоветовавшись с Морганом, Келсон попросил епископа Арилана отправиться на корабле Сирика вместе с Дерри, Бренданом и Пейном, поскольку ему хотелось как можно дольше удержать их всех от близкого общения с торентцами, — которые, если не считать Лайема, теперь почти все перешли на черные галеры. Сегодня Лайем казался куда более взволнованным, чем накануне, но Келсон полагал, что виной тому возбуждение, а отнюдь не страх.

Они поплыли на север, держась ближе к тралийскому берегу. Попутный свежий ветер направлял корабли в устье реки Белдор, и в долгих летних сумерках они бросили якорь для ночной стоянки, будучи по-прежнему в водах Тралии, хотя вдалеке уже показались купола города Фурстанана, что лежал в тумане

на дальнем торентском берегу. Расул с Матиасом перешли на борт корабля Летальда, дабы отужинать вместе с обоими королями, и в этот миг все обратили внимание, что далекий город внезапно оказался усыпан серебристыми блестками, словно шелковая вуаль.

— Фурстанан шлет свой привет с помощью зеркал, — пояснил им Расул, указывая рукой в ту сторону.

Келсон с приближенными собрались у борта корабля, чтобы полюбоваться этим зрелищем.

— Они знают, что мы везем домой Лайема-Лайоса, а когда совсем стемнеет, вы увидите поразительное зрелище.

— А это тоже часть зрелища? — спросил Келсон, указывая на множество лодок, что устремились в их сторону с факелами на носу.

— Да, и их будет становиться все больше, чем ближе мы станем подплывать к Белдору. Отчасти именно за этим и нужны боевые корабли.

В самом деле, черные галеры, развернувшись, встали вокруг трех тралийских кораблей, дабы не позволить лодкам приблизиться, так что тем поневоле пришлось развернуться и двинуться обратно, однако огоньки факелов виднелись еще очень долгое время, поскольку хотя увеличивалось расстояние между ними и кораблями, но одновременно сгущалась и тьма. Солнце садилось где-то на пустошах Корвина, оставшегося далеко позади, и Лайем безмолвно взирал на исчезающие лодчонки и на темнеющие очертания далекого берега Торента. Чуть погодя Келсон подошел ближе к мальчику, тогда как свита тактично отодвинулась в сторону.

— Ты слишком давно не был дома, — заметил он, когда Лайем повернулся к нему. — Мне очень жаль...

Лайем невесело усмехнулся и вновь взглянул на далекий берег.

— Насколько я понимаю, от тебя это не зависело, — промолвил он. — Моему дядюшке Венциту за многое придется держать ответ, когда он встретится со своим Создателем, и если бы я сам не провел эти четыре года в безопасности при гвиннедском дворе, вполне возможно, что меня бы ждал точно такой же несчастный случай, как тот, что унес жизнь моего старшего брата.

— Ты хочешь сказать, это не было случайностью? — спросил его Келсон.

— Не более, чем вчерашнее покушение, — Лайем пожал плечами. — Однако у меня нет никаких доказательств.

Содрогнувшись, Келсон также устремил взор на город на другом берегу.

— Но какие-то подозрения у тебя имеются?

— Да.

— Махаэль?

— Да, — отозвался Лайем, чуть помедлив.

— Кто-то еще?

— Возможно, мой дядя Теймураз.

— А как насчет Матиаса?

Лайем энергично затряс головой.

— Нет, Матиас меня любит. Я в этом уверен.

— Достаточно, чтобы выступить против собственных братьев? — возразил Келсон и повернулся к мальчику, который долгое время безмолвно взирал на него и наконец медленно кивнул.

— Все равно, — прошептал он чуть слышно, — Матиас меня никогда не предаст.

Внезапно со стороны тех, кто стоял чуть поодаль у борта судна, раздался слитный возглас изумления, и оба короля поспешно обернулись в ту сторону, а затем устремили взор на далекий торентский берег. Там, над куполами и крышами города внезапно возникло яркое свечение, бледное, окрашенное в радужные тона, и огромным сверкающим куполом накрыло город, подобно озаренному солнцем мыльному пузырю. Келсон тоже не удержался от восхищенного возгласа, но Лайем встретил это зрелище радостным смехом и широко улыбнулся Матиасу, который в этот момент присоединился к ним, дабы полюбоваться происходящим.

— Это они для меня, дядя Матиас? Или так происходит каждую ночь?

Матиас приветственно кивнул Келсону и встал у поручней с другой стороны от Лайема. На нем была простая темно-синяя шелковая туника, и впервые за все время Келсон видел его с непокрытой головой.

— Они делают это каждую субботу, мой господин, дабы возвестить приход Дня Господня. Но сегодня они это сделали в вашу честь — ибо вы их господин в этом бренном мире.

— Но *кто* делает это, граф Матиас? — спросил Келсон.

— Это братия монастыря святого Сазила, — отозвался Матиас. — Таков данный ими обет, возвещать Благодать Господню беспрестанными молитвами, являя зримый знак своего поклонения. Разумеется, все они Дерини, но вы, вероятно, считаете неразумным таким образом использовать свою силу...

— Отнюдь нет, — возразил Келсон, с любопытством наблюдая за Матиасом. — Я до глубины души убежден, что сей дар — от Бога, и поскольку Он —

Господь Света, то разве можно лучшим образом восхвалить Его, нежели сотворить пред ликом Его подобную красоту? — Он с огорчением пожал плечами. — Хотел бы я, чтобы и мой народ также верил в это.

Матиас позволил себе чуть заметно улыбнуться и уставился на свои переплетенные пальцы.

— Думаю, вашему народу предстоит еще многому научиться и, возможно, моему тоже — у вашего народа. Вы оказались совсем не таким, как я представлял себе, Келсон Гвиннедский, хотя Расул с самого начала пытался убедить меня в том, что вы — человек достоинства и чести.

— Лорд Расул весьма щедр, — промолвил Келсон, — но он прав, я стараюсь всегда хранить верность своим друзьям. — Он помолчал немного, прежде чем добавить. — Мне бы хотелось, чтобы Гвиннед и Торент стали друзьями, граф. Нет никаких причин нашим странам враждовать друг с другом.

— Боюсь, мои братья бы с этим не согласились, — ничего не выражающим тоном проронил Матиас.

— Да, боюсь, что так, — негромко поддержал его Келсон. — И если бы все зависело только от них, то сомневаюсь, чтобы ваш племянник смог провести эти четыре года при моем дворе. — Немного поразмыслив, он решил все же не вспоминать давешнее покушение. — Но учитывая, что выбор не принадлежал никому из нас — ни мне, ни вам, ни вашим братьям, — то думаю, что по крайней мере вы по достоинству оцените тот факт, что у Лайема-Лайоса был шанс попробовать лучше понять своих западных соседей, прежде чем взойти наконец на трон... А такой возможности больше не было ни у кого из королей Торента.

Матиас медленно кивнул и улыбнулся.

— Верно сказано, милорд. И в этом вопросе я не стану с вами спорить. И добавлю также, — хотя, возможно, братья осудили бы меня за прямоту, — что, по-моему, все эти разговоры о Фестилах, претендующих на ваш трон, давно утратили всякий смысл.

— Будем надеяться, что вся эта история закончилась с гибелью Венцита, — продолжил он, любуясь розоватыми отблесками, по-прежнему озарявшими город. — Вот уже два столетия, как Имре с Эриеллой покинули мир смертных. И еще добрых сто лет прошло после того, как погиб последний из наследников Фестилов по мужской линии во время той кровавой битве при Киллингфорде, где погибло столько славных людей из обоих наших королевств... И все это ради чего?

Лайем, притихший, слушал Матиаса, широко раскрыв глаза. Он даже слегка попятился от своего дяди и Келсона, опасливо косясь на Расула. Смуглое лицо мавра не выражало никаких чувств. Матиас продолжал смотреть на противоположный берег.

Несколько мгновений Келсон пристально взирал на всех троих, и сердце его колотилось так сильно, что кровь словно громом стучала в висках. Неужели все это самообман... Или Матиас и впрямь завуалированным образом предлагает ему союз, по крайней мере в том, что касается Лайема? Он использовал все это время чары истины, и Матиас не солгал ни единым словом, однако...

— Вы правы, ради чего погибли все эти славные люди? — повторил он, едва осмеливаясь дышать из страха разрушить очарование этого мига. — Должен сразу сказать, что мы в Гвиннеде считаем Фестилийское Междуцарствием временем чужеземного завоевания, которое прекратили сами же Дерини, кото-

рые свергли последнего из Фестилов. Разумеется, после этого в нашей истории было немало темных страниц, однако осмелюсь утверждать, что все последующие столкновения доказали, что мой народ никогда больше не склонится перед чужеземным игом. Увы, многим пришлось пострадать и невинно погибнуть ради этой цели. Но я больше не желаю губить своих подданных в давнем затянувшемся споре.

— Осмелюсь сказать, что в этом я с вами полностью согласен, — мягким тоном отозвался Матиас, не глядя на Келсона, и указал широким жестом на город, где постепенно стал гаснуть сияющий купол. — Однако я вижу, что на сегодня развлечения закончены. В таком случае нам, вероятно, пора отведать тех угощений, что приготовил для нас добрый принц Летальд. — Он положил руку племяннику на плечо. — Не угодно ли присоединиться к нам, Келсон Гвиннедский? Вы всегда будете желанным гостем за моим столом, — добавил он, проходя мимо короля, таким тихим голосом, что Келсон даже не был до конца уверен в том, что слышал.

Больше за весь вечер королю не представилось возможности переговорить с Матиасом, но позднее он обо всем рассказал Моргану и Дугалу, — уже после того, как Матиас и Расул вернулись на борт своего корабля, а приближенные Келсона стали устраиваться на ночь. Под звездным пологом, устроившись на носу судна, Келсон и двое его друзей вошли в мысленный контакт, ибо то, что король желал им поведать, не должен был подслушать никто из посторонних.

«После ужина они с Лайемом долго стояли рядом у борта, — сообщил Келсон после того, как они

обсудили все сказанное Матиасом накануне. — Буду очень удивлен, если в это время они не обменивались мыслями, как и мы сейчас. Судя по всему, Матиас искренне любит мальчика и, скорее всего, готов верой и правдой служить ему, однако готов ли он восстать против Махаэля и Теймураза — это совсем другой вопрос, и ответа на него я не знаю.»

«Как ты думаешь, следует ли сообщить об этом Арилану?» — предложил Дугал.

Морган мысленно хмыкнул.

«Зачем? Чтобы он вновь принялся жонглировать словами и окончательно нас запутал?»

«Думаю, пока не стоит, — принял половинчатое решение Келсон. — Но если Матиас и впрямь предлагает нам союз, и это сможет повлиять на ситуацию в Белдоре, то позднее мы сообщим обо всем Арилану и посоветуемся с ним. Признаюсь, что лично я опасаюсь Матиаса, потому что он приходится родней Венциту и всему этому семейству... Однако он сам указал на тщетность всех притязаний Фестилов на гвиннедский трон. Этот вопрос уже настолько набил оскомину, что едва ли хоть один разумный человек пожелает вновь поднять его.»

«Тогда, вероятно, нам следует ждать, чтобы Матиас сделал следующий шаг, — предложил Морган. — У нас есть еще несколько дней до прибытия в Белдор. Кто знает, что может случиться за это время?»

* * *

Они снялись с якоря, едва лишь поднялся свежий утренний бриз, и двинулись вверх по реке, причем каждый из тралийских кораблей сопровождали две черных галеры, а торентский флагман на полкорпуса опережал корабль Летальда. Расул, Матиас и чет-

веро торентских стражников поднялись на борт перед отплытием, причем эти последние сменялись попарно, прислуживая обоим королям.

Теперь, когда они вошли в торентские воды, оба правителя со свитой пребывали в основном на палубе под специально растянутым пурпурным пологом. Это возвышение, установленное чуть в стороне от суетящихся матросов и прислуги, стало их постоянным местом пребывания, где можно было расслабиться на мягких подушках под свежим ветерком, потягивая прохладный шербет и наслаждаясь экзотическими плодами. Ночью они спали под открытым небом, и Келсону казалось, что звезды здесь гораздо крупнее и многочисленнее, чем дома, в Гвиннеде.

Вот уже много лет ни один король Халдейн не проникал так далеко вглубь Торента. Здесь все казалось иначе, чем в Гвиннеде. Как и обещал Расул, то и дело к кораблям подплывали лодки и небольшие суденышки из окрестных деревень и поселков, однако черные галеры по-прежнему удерживали их на расстоянии от тралийских судов. Люди в лодках бросали в воду цветные ленты и гирлянды, дабы приветствовать своего короля, — точно так же, как они приветствовали Летальда, пока суда еще шли вдоль берегов Тралии, — так что королевская флотилия плыла словно по цветочному лугу.

Пейзаж на побережье менялся почти ежечасно. Золотые пляжи и скалистые утесы сменялись зелеными холмами и полями, а порой вдалеке виднелись города, окруженные крепостными стенами, и в каждом были церкви с округлыми куполами и минареты, сверкавшие, словно иглы, среди крыш и островерхих башен. К исходу второго дня они оставили позади земли Тралии, ее плодородные поля и поло-

гие холмы, и теперь углублялись в Торент, с изумлением взирая на первые пурпурные отроги Марлукских гор, показавшиеся на правом берегу.

Вся эта новизна и непривычность окружающего пейзажа немало развлекала их первые пару дней, и Лайем с удовольствием комментировал все, что видел вокруг, каждому, кто желал его слушать. Однако к концу второго дня даже он начал уставать. К третьему дню ветер на рассвете оказался слишком слабым, и команде пришлось сесть на весла, так что продвижение замедлилось, и само время словно остановило свой ход, так что к концу этого долгого дня корабли начали обмениваться пассажирами, чтобы внести хоть какое-то разнообразие в свой досуг.

К полудню третьего дня пути Келсон со скукой стоял у борта на носу корабля вместе с Дугалом и сыном Летальда, принцем Сириком, который держался спиной к реке, обратив лицо к солнцу. Несмотря на то, как небрежно Летальд представил им своего наследника в Хортанти, тралийский принц — одногодок Келсона и Дугала, оказался весьма достойным юношей, получившим отменное воспитание и образование; однако его мало интересовали открывавшиеся по сторонам виды, ибо он немало путешествовал в этих краях вместе с отцом, и даже бывал в Белдоре. Правда, на сей раз принцу впервые довелось отправиться со столь официальной дипломатической миссией, ибо ему надлежало стать одним из свидетелей восшествия Лайема на престол, — но всем скоро стало ясно, что основной интерес Сирика в этой поездке отнюдь не дипломатический, а скорее матримониальный.

— Я слышал, что в Гвиннеде редко бывает такая жара, и что погода там всегда — самая безопасная те-

ма для разговора, — заметил он в начале разговора, разворачиваясь к Келсону и щурясь от сильного солнца. — Однако мне это кажется утомительным. Но сомневаюсь, что вместо того вы согласились бы поговорить о женитьбе.

Келсон бросил на Сирика косой взгляд, не требовавший лишних слов, но тралийский принц лишь пожал плечами и широко улыбнулся.

— Знаю, я с этим давно уже всем надоел. Но должен признать, как и для вас, для меня это больная тема, хотя и совсем по иным причинам. В отличие от вас, я жажду найти себе супругу.

Дугал хмыкнул, не глядя на Келсона.

— Насколько мне известно, недостатка в принцессах в последнее время не наблюдалось.

— Да, никакого недостатка, — согласился Сирик. — Но, увы, большинство из них предпочитают жить в надежде, что завоюют сердце короля Гвиннеда, и не обращают никакого внимания на ухаживания скромного принца одного из форсинских княжеств. Сказать по правде, я был бы счастлив, если бы милорд Келсон наконец остановил свой выбор на ком-то из них, чтобы прочие несчастные смертные могли, наконец, вздохнуть спокойно.

Келсон знал Сирика с самого детства, хотя и не слишком близко, и в силу этого давнего знакомства тот мог позволить себе некоторые вольности с гвиннедским королем. После того, как они отплыли с острова Орсал, Келсон всячески старался выбросить из головы мысли об Аракси, предпочитая не распылять свое внимание, в то время как ему угрожает несомненная опасность в Торенте, — но он прекрасно понимал, что пытается сказать ему Сирик. В орсальском семействе мужчины всегда были горячими и

темпераментными, они женились рано и производили на свет многочисленное потомство. Лишь совсем недавно Келсон осознал, наконец, что его собственное сдержанное отношение к браку во многом может портить жизнь тем, кто ниже по статусу.

— А есть ли у вас уже кто-то на примете? — полюбопытствовал он с улыбкой, стараясь, чтобы вопрос его прозвучал по возможности небрежно.

Сирик деланно зевнул, прикрывая рот ленивым жестом. Затем устремил взор на мерно движущиеся весла, старательно делая вид, будто, на самом деле, ему совершенно все равно.

— Ну, что касается моих кузин из рода Халдейнов, то они уже заняты, — объявил он веселым тоном. — Ришель в конце лета отправится в Меару, а Аракси, должно быть, выйдет за Куана Ховисского; он ухаживает за ней уже много лет. Одно время я имел виды на *его* кузину, принцессу Гвенлиан, но она станет королевой Лланнеда, если ее у брата не будет наследников, а для меня это может оказаться большой проблемой. Ведь рано или поздно я стану править Тралией, и потому не смогу жить в Лланнеде вместе с ней, точно так же, как и королева Лланнеда едва ли могла бы переехать в Тралию ко мне... Сейчас я подумываю о Ноэли Рэмси — хотя, конечно, лишь в том случае, если вас, государь, она не интересует. До меня доходили слухи, что вы ждете лишь свадьбы ее брата и Ришель, после чего должна последовать помолвка.

— В самом деле, ходят такие слухи? — полюбопытствовал Келсон, в душе жалея Сирика, которому не достанется ни одна из перечисленных им принцесс.

Сирик смущенно отвел глаза.

— Должно быть, вы считаете меня глупцом, —

пробормотал он. — На самом деле, есть несколько девушек рангом пониже, которыми я мог бы увлечься... Для меня не имеет большого значения, бедна она или богата. Так как, вы не дадите мне даже намека?

— Увы, нет, — отозвался Келсон, надеясь, что слова его прозвучали достаточно решительно. — Сперва я должен убедиться, что Лайем благополучно воссядет на престол, а лишь после этого подумаю о женитьбе.

При первой же возможности он извинился и оставил обоих своих спутников, перейдя на нос корабля, где долго стоял, глядя, как стелется волна за бортом, пытаясь представить себе лицо Аракси, но вместо этого воображая лишь лик Росаны.

День тянулся бесконечно, душный и мучительный. В воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения, и судя по всему, в ближайшее время ничего не могло измениться; на веслах моряки выдерживали ровный ритм под медленный гипнотический барабанный бой, пульсирующий, точно сердце самой земли. Чуть погодя, Келсон присоединился к своей свите под огромным пологом и там, через силу, заставил себя поесть немного хлеба и оливок и выпил охлажденного фианского вина, но было слишком жарко для полноценной трапезы. На левом берегу, выгибавшемся огромным полумесяцем, насколько хватало глаз, тянулись бесконечные золотые поля пшеницы, над которыми мерцал разогретый воздух. В самое жаркое время дня Келсон вместе со свитой дремал на подушках под пурпурным пологом, в то время как слуги овевали их опахалами из перьев.

Лишь ближе к сумеркам поднялся слабый ветерок, и его оказалось довольно, чтобы слегка унять

жару и надуть паруса, но недостаточно, чтобы дать отдых гребцам. Тем не менее, сейчас флотилия поплыла гораздо быстрее, и за несколько часов, остававшихся до ночной стоянки, преодолела значительное расстояние.

Они бросили якорь на середине реки, и от города на побережье вскоре отплыла целая стайка озаренных факелами лодок, причем люди, сидевшие в них, единым слитным хором пели какую-то песню.

Хотя Келсон не понимал ни единого слова, он догадался, что слышит радостный приветственный гимн. Лайем, слегка повеселевший и оживший от вечерней прохлады, встал у борта рядом с Келсоном, жадно взирая на окружившие их лодки и время от времени приветственно вскидывая руки, когда его подданные принимались бросать в воду гирлянды цветов.

— Это песнь благословения и приветствия, — поведал он Келсону со счастливой улыбкой и помахал рукой миловидной девушке, сидевшей в одной из лодок, которая пустила по волнам венок бледно-розовых цветов. — Признаюсь честно, что помню лишь мелодию, а не слова, и на таком расстоянии не могу их различить, но... — Он закусил губу, чтобы не выдать своих чувств. — Я даже представить себе не мог, как скучаю по дому, — промолвил он тихо. — Мне остается лишь надеяться, что я стану для этих людей настоящим королем.

— И на многие лета, — отозвался Келсон негромко, цитируя принятую в Торенте формулу, которой обучил его отец Иреней. — Лайем... Ты достигнешь цели, и я помогу тебе... Поверь.

— Верю, — прошептал Лайем, опустив голову. — Надеюсь только, что веры окажется достаточно.

И оба они замолкли, наблюдая, как зажигаются факелы на крепостных стенах, так что теперь город казался увитым огненным ожерельем. Учитывая присутствие черных галер, лодки горожан не приближались и не задерживались надолго, и все же Лайем был счастлив видеть своих подданных. Они смотрели, пока не погас последний факел, и лишь затем вернулись к остальным.

Под негромкое поскрипывание снастей и плеск волн у бортов корабля пассажиры «Нийаны» принялись за вечернюю трапезу, — их последний ужин перед прибытием в Белдор, которое должно было состояться назавтра после обеда. Сегодня Расул с Матиасом не присоединились к ним, дабы позволить Лайему в последний раз побыть наедине со своими гвиннедскими друзьями. Один из моряков Летальда достал мандолину, и песни Торента, Гвиннеда и Тралии далеко разнеслись во тьме. Однако даже несмотря на освежающий ночной ветерок, Келсон плохо спал в ту ночь, и сновидения его были полны пугающих призраков, а разгулявшееся воображение подсказывало картины все новых ужасов, поджидавших их в Белдоре, ибо совсем немного им оставалось до прибытия в столицу Торента, где они окажутся целиком во власти родичей Лайема.

Наступившее утро оказалось на диво прохладным. Ветер принес облегчение и пассажирам, и гребцам, которые смогли, наконец, сложить весла. Бриз надул паруса, и все девять кораблей стремительно поплыли вверх по реке.

Незадолго до полудня трое правителей ненадолго удалились вниз, дабы там в каютах переодеться к прибытию. Келсон облачился в легкую тунику алого шелка, расшитую золотом, и, из почтения к Торенту,

повесил на грудь украшенное эмалью распятие, подаренное ему в день посвящения в рыцари. Они с Летальдом украсили свое чело коронами, тогда как на Лайеме была плосковерхая черная шапка, похожая на ту, которую обычно носил Матиас, украшенная самоцветами спереди и по бокам. В полдень на борт королевской галеры поднялись также Расул с Матиасом, а с ними почетный караул из шестерых мавров в белых одеяниях. Под пурпурным пологом выставили три походных трона, где должны были восседать Келсон, король Гвиннеда, и Лайем-Лайос, король Торента, по бокам от Летальда, князя Тралии, которому принадлежал этот корабль.

Белдор лежал в месте слияния двух крупных рек, Белдора, в чью честь и был назван город, и его меньшего притока, Арьенола. Вскоре после того, как показались первые шпили торентской столицы, они миновали Ановарские утесы по правую руку, на вершине которых собрались люди, радостными возгласами и звуками труб приветствовавшие своего короля. Расул, заметивший их, объяснил путешественникам источник странного пугающего звука, перемежавшегося с зовом труб:

— Таков приветственный обычай племен пустыни и женщин степей. — Он обратил внимание на то, как взирает Келсон на ярко разодетых женщин, чьи лица были закрыты покрывалами. — Говорят, это некая женская тайная магия.

Королевская флотилия обогнула утесы, и прямо перед ними внезапно оказалось великое множество позолоченных лодок, выстроившихся в два ряда, которые тут же слитным движением разошлись в стороны перед флотилией, приветственно вскинув весла, а затем поплыли вслед за «Нийаной», причем

ритм гребцам задавали не барабаны, а звенящие колокольчики.

Затем, по мере того, как по берегам стали возникать пригороды Белдора, к флотилии начали присоединяться лодчонки горожан, которые приветствовали своего короля пением, криками и радостным смехом, пуская на воду гирлянды, размахивая платками и зелеными ветками.

Шесть черных боевых галер выстроились, подобно наконечнику копья, расчищая пространство вдоль реки, а по обеим сторонам ее уже виднелись купола и минареты Белдора, и черно-синие крепостные укрепления, вырисовывавшиеся на фоне бледно-голубого неба, где сияло беспощадное южное солнце.

— Вот он, тот синий цвет, по которому я так скучал, — воскликнул Лайем, указывая на купол какого-то здания, увенчанный позолоченным крестом. — Крыши синие, потому что выложены глазурованной плиткой — если бы мы подплыли ближе, вы могли бы разглядеть, что на каждой из них красуется золотая шестиконечная звезда. Что же касается стен, то их красят в ярко-голубой цвет, тот же самый, что на твоей *панагии*, дядя Матиас: это цвет плаща Девы Марии, или может быть, глаз ангелов...

При этих словах Лайема Келсон вспомнил о медальоне на коралловых четках матери и о крохотных самоцветах в руках ангела... и невольно задумался, не могли ли эти четки быть сделаны здесь, в Торенте, где, похоже, земное и небесное перемешаны куда более тесно, чем у них в Гвиннеде. Оставалось лишь гадать, как могли эти четки оказаться у матери Джеханы, которая ни словом не обмолвилась дочери о ее магическом наследии...

Он окинул взором простиравшийся перед ними Белдор, невольно залюбовавшись величественными темно-синими куполами, которые теперь все чаще мелькали среди башен, шпилей и арок.

— Да, синий цвет и впрямь обращает на себя внимание, — заметил он. — Но, похоже, его чаще всего используют для куполов и зданий поблизости. Это что, церкви? Я заметил кресты над многими из них.

— Скорее следует сказать, что этот цвет используют для любых священных зданий, — пояснил Расул. — Под куполами также скрываются молитвенные залы Пророка и некоторые дворцы. Разумеется, этот цвет символизирует небеса, и его не позволяют использовать невозбранно. Чтобы достичь нужного оттенка, туда добавляют ляпис-лазурь, поэтому краска становится очень дорогостоящей. А золотые прожилки делают плитку словно светящейся изнутри. Я также слышал, что этот цвет каким-то образом соотносится с магическими способностями Дерини. Когда увидите Хагия-Иов, то поймете, что перед вами — один из лучших образчиков такой архитектуры во всем мире.

— Хагия-Иов... Это храм вне городских стен? — переспросил Келсон, припомнив, что рассказывал ему отец Иреней.

Матиас улыбнулся и одобрительно кивнул.

— Вы были внимательным учеником, милорд. Хагия-Иов находится в Торентали. Вы увидите ее через несколько дней, когда мы начнем подготовку к *киллиджалаю.*

— Буду ждать этого дня с нетерпением, — отозвался Келсон.

— Такого ли приема вы ожидали, мой господин,

— спросил Матиас широко улыбавшегося Лайема, который не сводил взгляда с лодок, сопровождавших флотилию.

— Да, почти такого, — негромко отозвался тот, устремляя взор на город.

Они замолкли, любуясь Белдором, который почти светился под лучами заходящего солнца. Расул пояснял, какие достопримечательности они видят перед собой, и именно он указал им, когда на левом берегу реки показался Старый Белдор. Позади остались высокие каменные арки огромного моста, переброшенного через реку, который соединял Старый Белдор с более современными частями города.

— Собор святого Константина, — указал Расул на здание, увенчанное несколькими ярко-синими куполами, с бледно-голубыми стенами, расположившееся прямо у воды, словно пригоршня сапфиров на ладони великана. — А за ним вы видите дворец Фурстанали, основную резиденцию падишаха, где вам и предстоит остановиться. Мы сойдем на берег на пристани Святого Вассила, прямо перед соборной площадью.

Глава пятнадцатая

Он избавит душу мою от восстающих на меня[1]

Три четыре дня, что Келсон плыл по реке к Белдору, Джехана после своей неожиданной встречи с Дерини в библиотеке провела в молитвах, созерцании и размышлениях. Однако на следующее утро после очередной бессонной ночи она вернулась, чтобы расспросить отца Ниварда о второй библиотечной зале... И о том человеке, которого она встретила там.

— Он сказал, что его зовут Баррет, — возмущенно заявила она священнику. — Учитывая, каким образом я обнаружила эту вторую комнату, разумеется, нечего и удивляться, что он оказался Дерини... Прямо здесь, во дворце! Но что касается самой комнаты и входа в нее... Когда мы были здесь с Мерауд, она ничего не заметила. Ей показалось, что там глухая каменная стена. Но вы-то знаете, в чем дело!

Когда королева показалась в дверях, Нивард поднялся из-за письменного стола и отложил перо. Он выслушал Джехану с совершенно невозмутимым видом, опустив глаза.

— Да, я знал об этом, сударыня.

Больше он не произнес ни слова. Она в ярости

---

[1] Псалтирь 54:19

уставилась на него, но затем отвела глаза в растерянности и принялась крутить обручальное кольцо на левой руке.

— Вы ведь тоже Дерини, да? — промолвила она, наконец, и это было скорее утверждением, а не вопросом.

Джехана искоса взглянула на священника, ожидая, что же он скажет.

Но он лишь едва заметно кивнул, не сводя своих зеленых глаз с ее лица. Она встретилась с ним взглядом, глубоко вздохнула, удивляясь, почему гнев так внезапно оставил ее, тогда как еще пару месяцев назад на эту новость она отреагировала бы совсем иначе... Впрочем, возможно, в глубине души она уже давно подозревала это. Но ей всегда нравился молодой священник, ненамного старше ее Келсона, и Джехана не могла в сердце своем найти силы презирать его.

— Этот... Баррет, — промолвила она, немного помолчав. — Если не считать того, что он Дерини — кто он такой, чтобы заслужить доступ в библиотеку моего сына?

— Ученый, — просто ответил Нивард.

— Ученый, — повторила она. — Но... он же слепой.

И вновь Нивард кивнул.

— Некоторые Дерини способны превзойти телесную слепоту, однако чтение требует... огромного сосредоточения и мастерства. И отнимает много сил, — он слабо улыбнулся. — Полагаю, именно поэтому он и задремал. Ведь вы именно так его и обнаружили, не правда ли.

— Да, я... И часто с ним такое случается?

— Куда чаще, чем он сам готов признать, — про-

ронил Нивард. — Однако ученые изыскания утешают его на закате жизни.

— Стало быть, вы хорошо его знаете, — заметила она.

Священник кивнул, и Джехана, с трудом сглотнув, бросила смущенный взгляд на занавеску, что закрывала доступ во вторую залу библиотеки.

— Но расскажите же мне об этом проходе! Почему Мерауд ничего не увидела, а я смогла туда пройти?

Долгое время он молча взирал на королеву, а затем пожал плечами:

— Вы действительно желаете это знать, сударыня?

— Я... да, желаю.

— Что ж, хорошо. Там установлен... магический полог, скрывающий проход. Миновать его могут лишь те люди, которые приходятся королю близкой родней, и те, кому он лично это дозволил. Как мне, например. И больше никто там пройти не может.

— А у Баррета есть дозволение?

— Нет.

Она заморгала растерянно и несколько мгновений взирала на священника в полном недоумении, но затем, наконец, осознала, что означали его слова.

— Значит, он может приходить и уходить только через... Портал, — предположила она.

Нивард кивнул, изучающе и не без сочувствия поглядывая на королеву.

— И если вам угодно, сударыня, — промолвил он негромко. — Я объясню, чего хотел достичь король, когда все это устроил. Но если вам неприятно слышать это, то, разумеется, я сделаю, как вы мне велите. Пожалуйста, поверьте, я понимаю ваши страхи и опасения, поскольку и сам многие годы жил, боясь,

что тайна моего происхождения раскроется. Уверяю, я принял священнический сан отнюдь не с легкостью, и не без долгих колебаний. Однако ваш сын, без сомнения, является одним из самых выдающихся людей своего времени. Я сказал бы это, даже если бы он не был моим королем и покровителем.

Неожиданно он замолк, продолжая внимательно наблюдать за Джеханой, и та опустилась на стул перед письменным столом отца Ниварда. Манеры молодого священника были приятными и располагающими, — и, судя по всему, он питал искреннее уважение и привязанность к Келсону.

— Вы хотите, чтобы я продолжал? — наконец, спросил он ее мягким голосом.

— Да... прошу вас, — прошептала она в ответ.

Он кивнул и также сел на стул, положив руки перед собой на столешницу.

— Прежде всего, — начал он неторопливо, — позвольте мне заверить вас, что лишь очень немногие Дерини знают о существовании Портала в соседней комнате. И все они желают добра вашему семейству. Мы полагаем, что этот Портал существовал здесь уже очень давно, но о его существовании все позабыли, и король обнаружил его совсем недавно. Совершив это открытие, король вдумчиво все взвесил... Ибо, как вы уже, должно быть, осознали, именно с помощью этого Портала, Дерини прежде могли уходить и приходить во дворец как им вздумается. Для Гвиннеда это являлось величайшей угрозой, ведь о существовании магического прохода могли узнать враги королевства и попытаться использовать его против нас.

Джехана согласно кивнула, выслушав молодого священника, однако почему-то при этих словах его

она не почувствовала страха, ибо само существование закрытого магией прохода из библиотеки доказывало, что Келсон позаботился обо всем и принял необходимые меры безопасности.

— Герцог Аларик имел все основания полагать, что этой угрозой пренебрегать не следует, — продолжил Нивард. — Насколько я понял, именно этим путем попала в замок ведьма Карисса в ночь перед коронацией государя... Портал предоставил ей такую возможность. Тем не менее, король не пожелал попросту уничтожить его, ибо для создания Портала нужны огромные усилия. А если его использовать должным образом, то он предоставляет ценную возможность для связи с другими местами, где имеются схожие Порталы, — он немного помолчал. — Ведь вам же известно о существовании иных Порталов, к которым имеет доступ ваш сын? — спросил он, наконец.

Джехана смущенно потупила взор и стиснула руки на коленях. Затем напряженно кивнула, не говоря ни слова.

Нивард покачал головой.

— Впрочем, оказалось несомненной удачей, что Портал был расположен в комнате по соседству с библиотекой. Это означало, что при желании и с должными мерами предосторожности библиотеку можно расширить и перенести во вторую комнату некие... особые труды, которые могли бы заинтересовать ученых и за пределами Гвиннеда.

— Вы говорите... об ученых-Дерини, да? — переспросила она чуть слышно. — Я никогда и не подозревала, что они... вообще существуют.

Нивард испытующе улыбнулся.

— Если бы мы больше знали о своих способно-

стях и о том, как управлять ими, сударыня, то у обычных людей было бы меньше причин опасаться таких, как мы. Но даже в годы самых страшных преследований разум Дерини всегда оставался свободен. Ученость ведет к осознанию и пониманию... И только борясь с невежеством, мы можем надеяться жить в мире с другими людьми, как это было прежде. — Он помолчал. — Ведь Церковь не всегда внушала людям, что в нашей магии коренится зло. Полагаю, вам это известно.

Она с трудом сглотнула, силясь избавиться от кома в горле, и вспомнила слова, прочитанные ею в той давешней книге о том, с каким почти священным трепетом должно подходить к использованию своих талантов, с почтением и благоговением перед свободной волей другого человека...

— Так значит, люди, такие, как Баррет, могут приходить и уходить по желанию с помощью этого... Портала? — осмелилась она спросить.

Он склонил голову в знак согласия.

— Да. Но расположение таких мест обычно держится в тайне, и мало кому о них известно. Вы... вы знаете об ограничениях в использовании Порталов, сударыня?

Широко распахнув глаза, она сделала отрицательный жест.

— А хотели бы вы узнать об этом?

Долгое время королева сидела неподвижно, но наконец чуть заметно кивнула, и священник, приподняв брови от изумления, все же продолжил:

— Для того, чтобы использовать Портал, следует знать его координаты. Это уникальная характеристика, которая отличает его от всех прочих Порталов. Лучше всего выяснить их самолично, на месте, хотя

порой опытные адепты способны показать другим Дерини место расположения Портала с помощью ментальной связи, дабы те также могли воспользоваться им. Ну, и кроме того, разумеется, вы должны знать, где находится тот Портал, куда вы направляетесь.

Склонив голову набок, он лукаво и не без вызова промолвил.

— Если угодно, я мог бы вам это продемонстрировать, хотя не думаю, что вы согласитесь. Но я знаю еще два Портала здесь, в Ремуте... Что скажете?

Джехана почувствовала, как кровь отхлынула у нее от лица, и торопливо помотала головой.

— Прошу простить меня, — торопливо воскликнул священник. — Это была непозволительная дерзость с моей стороны.

— Нет, нет... не дерзость, — пробормотала она, пятясь к двери в поисках спасения. — Но я... У меня еще очень много дел, отче. Я должна идти. Простите...

Однако едва лишь она оказалась в коридоре, торопясь поскорее оказаться в безопасности в своих апартаментах, Джехана невольно задумалась о том, каково это будет, — использовать Портал. Вспомнила о загадочном Дерини Баррете, который был слепым и все же мог читать... И обо всех таинственных магических способностях, что стояли за этими чудесами.

Она продолжала раздумывать над этим все утро, принимая ванну, пока Софи мыла ей голову. В полдень королева спустилась на прогулку в сад вместе с сестрой Сесилией и Мерауд. Монахиня присела на скамью с молитвенником, супруга герцога Нигеля принялась собирать в корзину поспевшие яблоки, тогда как сама Джехана все еще размышляла над за-

гадкой того, что отец Нивард назвал «магическим пологом».

Священник объяснил, что сквозь него могут пройти лишь близкие родичи короля, то есть те, в чьих жилах течет кровь Халдейнов. Стало быть, сквозь полог мог пройти Нигель, — но не Мерауд, которая не принадлежала к их роду. И верно, когда Джехана попросила ту дотронуться до стены в уборной, ее рука коснулась самого обычного камня. А вот Рори и Пейну проход был доступен... И, скорее всего, отпрыскам покойного Конала, Альбину и Коналине.

Это вернуло Джехану мыслями к намерениям Мерауд отыскать малышку Коналину и ее мать, — и именно поэтому она без колебаний согласилась отправиться с Мерауд на прогулку, когда та вновь затронула эту тему в их разговоре после обеда.

— Сейчас самое подходящее время, — заявила супруга Нигеля, помогая вместе со служанкой Джехане переодеться из ее привычных белых полумонашеских одеяний в обычное платье, более подходящее для верховой езды. — Нигель вместе с епископом Дунканом отправился в базилику, и думаю, что он останется на ужин у архиепископов. А Рори заявил, что хочет поехать с нами. Это они с Пейном отыскали девушку и сразу были очарованы своей маленькой племянницей. Судя по всему, эта девочка — настоящий ангелочек.

Полчаса спустя они выехали из ворот Ремута в сопровождении Рори и двух стражников. Для Джеханы оседлали смирного гнедого жеребца, и сейчас в своем скромном коричневом платье, с волосами, заплетенными в косу и спрятанными под белой накидкой, она скорее походила на служанку, рядом с Ме-

рауд в ее более торжественном темно-синем наряде. Королева и сама попросила, чтобы никто не упоминал о ее ранге в этой поездке, поскольку тут было личное семейное дело Мерауд и Нигеля, и не следовало создавать дополнительные сложности, внушая бедной деревенской девушке благоговейный трепет перед особой королевской крови.

День выдался мягким и солнечным, не слишком жарким, и, к удивлению Джеханы, хотя она уже очень давно не ездила верхом, оказалось, что она от души наслаждается поездкой, и даже попросила, чтобы они слегка ускорили шаг, когда шумные улицы Ремута наконец остались позади. Рори с удовольствием повиновался, радуясь, что видит улыбку на устах королевы, и они одолели дорогу вдвое быстрее, чем предполагали изначально, перемежая резвую рысь со спокойным шагом.

Домик, куда Рори привез свою мать и королеву, находился на краю широкого луга и казался совсем небольшим, но очень опрятным, — сложенным из грубо отесанного камня, с крышей, покрытой тростником, с небольшим сараем позади и с разбитым рядом крохотным садиком, где вовсю цвели летние цветы. За аккуратно расчерченными грядками виднелось белье, вывешенное на просушку. Когда они подъехали ближе, то стройная невысокая девушка в синем платье с передником и с платком на голове, работавшая в саду, распрямилась и, поднеся ладонь козырьком к глазам, принялась вглядываться в нежданных гостей. Затем, отряхнув руки о передник, она нагнулась и прижала к себе ребенка, вместе с которым и вышла навстречу вновь прибывшим.

— Да благословит вас Бог, сударыня, — окликнул ее Рори, подъехав ближе. — Я привез к вам гостей.

Девушка присела в поклоне с немного испуганным видом, но девочка у нее на руках восторженно засмеялась, протягивая пухлые ладошки в приветствии. Малышка казалась свеженькой и здоровой, ее блестящие волосы были чуть светлее, чем у матери, и колечками обрамляли очаровательное личико. Глаза женщины были карими, но у дочери они оказались серыми, как у ее отца, — так что не оставалось никакого сомнения, что это дитя Конала. Она также унаследовала его рот, но не иссиня-черные волосы, которые были отличительной чертой Халдейнов.

Переглянувшись с Джеханой, Мерауд натянула поводья с облегченным видом. Рори и один из стражников помогли женщинам спешиться, тогда как второй стражник отцепил от седла какой-то сверток.

— Матушка, это Ванисса, — представил Рори. — А малышку зовут Коналиной. Ванисса, это моя мать, герцогиня Мерауд, и ее спутница.

У Ваниссы округлились глаза, и она рухнула на колени, словно у нее подкосились ноги. Ребенка она тесно прижала к груди.

— Дражайшее дитя, ты не должна ничего бояться, — поспешила заявить Мерауд и, подойдя ближе, ласково приобняла девушку за плечи, помогая ей подняться. — Я пришла лишь для того, чтобы увидеть свою внучку. Какой милый ребенок! У нее отцовские глаза, верно?

Она немного помолчала, затем продолжила:

— Он когда-нибудь говорил, что у него есть маленькая сестренка? Моя дочь немного старше твоей. Сейчас у них такой милый возраст, не правда ли? Не столь давно я обнаружила, после того, как вырастила

троих сыновей, что дочери дарят нам особое наслаждение... Совсем иначе, чем мальчики.

Мерауд продолжала дружески щебетать, и Ванисса понемногу расслабилась, после чего они перешли в сад, где Рори с одним из стражников расстелили плащи на траве под яблоней, а затем удалились, чтобы подождать рядом с лошадьми. Женщины уселись вместе с Ваниссой и ее малышкой, и Мерауд принялась доставать различные лакомства из взятого с собой свертка, а также подарки: куклу и ожерелье из коралловых зернышек для Коналины, и тонкую шерстяную ткань на платье ее матери. Ванисса дотронулась до ткани с робкой благодарностью, но едва притронулась к незнакомым деликатесам, предложенным Мерауд, в то время как Коналина с удовольствием принялась угощаться сладостями и вскоре уже доверчиво устроилась у бабушки на коленях, чтобы позволить той повесить себе на шею ожерелье.

Джехана также с симпатией поглядывала на мать и дитя, вновь вспоминая свою утраченную дочь, и вскоре принялась дружески болтать с Мерауд и смущенной Ваниссой. Девушка показалась ей достаточно хорошо воспитанной, хотя, разумеется, ей не доставало придворной утонченности, но она явно отличалась ласковым и добрым нравом. Когда же они зашли в дом, чтобы отнести туда подарки и остатки еды, то, быстро осмотревшись, королева обнаружила, что Ванисса — отличная и очень аккуратная хозяйка.

— Дитя, я хотела бы кое-что тебе предложить, — заявила девушке Мерауд, стоя в дверях. Та устремила на нее перепуганный взор.

— О, сударыня, умоляю, не забирайте мою малышку! — воскликнула Ванисса, потрясенная.

— Господи помилуй, я и не собиралась, — заверила ее Мерауд. — Но я и впрямь хотела сделать тебе предложение, которое могло бы осчастливить всех нас. Мой сын позаботился о тебе, я знаю об этом. И если ты хочешь по-прежнему жить здесь, я соглашусь с твоим решением. И все же я бы хотела сделать что-нибудь еще для своей внучки. Как-никак, в ее жилах течет королевская кровь, и она могла бы получить соответствующее образование, чтобы затем удачно выйти замуж.

Слегка приободрившись, Ванисса прижала дочь к груди.

— Но вы все же хотите забрать ее у меня? — промолвила она растерянно.

— Если пожелаешь, я хотела бы забрать вас *обеих*, — невозмутимо возразила Мерауд. — Я предлагаю тебе место в моей свите.

— Что? — девушка уставилась на нее в изумлении.

— Я предлагаю тебе место, — повторила Мерауд. — Не могу сказать точно, какое именно, поскольку не знаю, на что ты способна, но я готова предоставить тебе возможность обучиться любой работе, которая тебе бы понравилась, если ты дашь слово верой и правдой служить моей семье.

Ошеломленная, Ванисса внимала словам Мерауд, но, наконец, пришла в себя достаточно, чтобы опустить малышку Коналину на пол и, вручив ей новую куклу, отослала ее играть.

— Мы будем жить при дворе? — прошептала она.

Мерауд с улыбкой склонила голову.

— Коналина приходится правнучкой королю Доналу, деду нынешнего короля. Если дать ей такую возможность, у нее будет прекрасное будущее. Она могла бы учиться вместе с моей собственной доче-

рью. — Она немного помолчала. — Если пожелаешь, ты тоже могла бы заниматься с королевскими наставниками. Ты можешь выучиться читать и писать... И, если будешь умна и старательна, то, думаю, тебя тоже ждет приятная жизнь. Ты даже могла бы поискать себе мужа.

Ванисса рухнула на табурет у очага. На лице ее смешались надежда и недоверие.

— Жить при дворе, — выдохнула она. — Выйти замуж... Сударыня, я даже не знаю, что сказать. Никогда, даже в самых дерзких своих мечтах...

— Однако прежде чем ты дашь мне ответ, я должна сказать тебе еще кое-что, — мягким тоном продолжила Мерауд. — Пойми, я не питаю к тебе вражды из-за твоей связи с моим сыном... По правде сказать, я понимаю, что у тебя почти не было выбора, ведь Конал мог быть весьма... настойчивым, когда желал чего-то добиться. Однако мой супруг, герцог Нигель, известный всем своей справедливостью и рассудительностью в делах королевства и в служении королю Келсону, порой проявляет излишнюю горячность в делах семейных. Он так и не смог смириться с тем, как его сын Конал предал все то, чему должен был хранить верность, презрел долг и честь и погиб смертью предателя.

Ванисса склонила голову, сминая в пальцах подол передника.

— Ему... отрубили голову, — прошептала она.

На мгновение Мерауд зажмурилась и содрогнулась, и Джехана приобняла ее за плечи, чтобы поддержать подругу.

— Лучше не будем говорить об этом, дитя мое, — прошептала Мерауд. — *Я* не смею. Ты не знаешь и половины того, что натворил мой сын, и он заслу-

живал смерти. Но это не было ни твоей виной, ни его детей. — Она помолчала. — Известно ли тебе, что Конал женился, и после гибели принца у супруги его родился сын, который на полгода младше твоей дочери.

Ванисса кивнула.

— Принцесса Росана... Ее сына зовут Альбин. Но я никогда и не надеялась, что Конал женится на мне. Принцы не женятся на деревенских девушках.

— Нет... так не бывает, — негромко подтвердила Мерауд. Затем, бросив печальный взгляд на Джехану, продолжила. — Но как бы там ни было, стыдясь предательства нашего сына, мой муж не желает и слышать ни о чем, имеющем отношение к Коналу, настолько, что даже обошел в правах наследования законного сына Конала. Он видел мальчика всего пару раз — и то лишь случайно, с большого расстояния — и потому мне неведомо, как он отреагирует, увидев Коналину.

Она взглянула на девочку, игравшую у очага.

— По крайней мере, внешне она не похожа на Халдейнов, тогда как маленький Альбин — просто вылитая копия отца. В глубине души я надеюсь, что к тому времени, как он обнаружит, кто она такая, мой муж уже настолько привыкнем видеть малышку играющей с нашей Эйриан, что волей-неволей полюбит и примет ее. Однако... было бы лучше, если бы ее звали как-то по-другому. У нее есть второе имя?

— Амелия, — прошептала Ванисса, подняв глаза на герцогиню. — В честь моей бабушки.

— Тогда, может быть, ты не станешь возражать, если отныне мы будем звать ее именно так? — спросила Мерауд. — Разумеется, если ты согласна рискнуть и сыграть с нами в эту маленькую игру: чтобы

вы с ней завоевали сердце моего супруга, прежде чем он узнает, кто вы такие. Нигель порой может быть упрямым глупцом, но я люблю его всей душой...

Ванисса робко улыбнулась.

— Простые люди с почтением и любовью говорят о нем, сударыня. И Джован, оруженосец, который приезжал обычно с Коналом, был предан герцогу. — Она опустила взор. — Должно быть, Джован теперь уже стал рыцарем. Он был очень добрым и любезным, обращался со мной, как с настоящей леди.

— Джован? — Мерауд нахмурила брови. — О, Боже, боюсь, что он... погиб, дитя мое.

— Погиб? — Ванисса казалась искренне огорченной, но тут же постаралась взять себя в руки и лишь потупила взор. — Могу ли я... узнать, как это произошло.

— Он утонул. Это был тот самый несчастный случай, в котором, как мы тогда думали, погибли и Келсон с Дугалом.

— Утонул... — Ванисса огорченно покачала головой, и Джехана подумала, что, судя по всему, она питала к юному оруженосцу не просто симпатию. — Мне очень жаль слышать это. Он был славным юношей.

— О, да, — Мерауд огорченно покосилась на Джехану. — Ну так что, ты поедешь с нами в Ремут? Можешь не спешить с ответом, если тебе нужно время подумать.

Но Ванисса подняла взор, приблизилась и опустилась на колени перед Мерауд, скрестив на груди дрожащие руки.

— Сударыня, вы сделали мне очень щедрое предложение, не только для моей дочери, но и для меня

самой. Я принимаю его и благодарю вас всем сердцем... И Коналина также благодарит вас.

— Пусть лучше меня благодарит *Амелия*, дитя мое, — с улыбкой отозвалась Мерауд. — Нам всем пора привыкать называть ее этим именем...

— Ну же, вставай, — добавила она, помогая Ваниссе подняться на ноги. — И лучше было бы тебя саму нам также называть по-другому, ведь Нигель знает о существовании Ваниссы. У тебя есть второе имя? Или, может быть, ты сама придумаешь его?

— При конфирмации мне дали имя Мэри, — промолвила Ванисса.

— Имя славное, — согласилась Мерауд. — Но, возможно, подойдет что-то более изысканное. Например, Мария.

Ванисса медленно кивнула.

— Думаю, мне это понравится. Да. Мария... — она улыбнулась, и теперь Джехана начала понимать, что так привлекло Конала в этой девушке. — Благодарю вас.

— Вот и славно, значит, все решено, — заметила Мерауд. — Как скоро ты будешь готова к переезду?

— Когда вам будет угодно, сударыня. У нас почти нет никаких пожитков.

— Тогда дай мне пару дней, чтобы завершить все приготовления во дворце, — Мерауд с улыбкой взглянула на Джехану. — Мы выберем подходящее время для твоего переезда, пока супруг мой будет занят другими делами. Рори поможет нам в этом маленьком заговоре, ибо, как я понимаю, он совершенно очарован своей малышкой-племянницей. Так что через день-другой я пришлю его за вами с повозкой.

Глава шестнадцатая

Потому что ноги их бегут ко злу и спешат на пролитие крови[1]

— Ну, братец, что ты можешь поведать нам о Келсоне Гвиннедском? — обратился Махаэль к Матиасу, сидевшему напротив него на совете, собравшемся после ужина в первый же вечер по их прибытии в столицу, после того как иноземные гости удалились в отведенные им покои.

Средний из братьев Фурстанов, граф Теймураз, сидел по левую руку от Матиаса, за небольшим круглым столиком между ним и Махаэлем. Справа от него сидели граф Бранинг из Состры и Ласло Чальский. По возрасту оба были ближе, скорее, к Махаэлю, и почти сравнялись с ним магической силой. Все присутствующие собирались принять участие в церемонии возведения на трон Лайема-Лайоса, что должна была состояться через неделю.

Матиас чуть заметно улыбнулся, старательно очищая тонким ножом румяное везаирское яблоко.

— Мне он показался человеком чувствительным, хорошо образованным, и прирожденным лидером. В народе его любят и почитают. И он очень привязан к Лайему-Лайосу, так же, как и Лайе к нему.

---

[1] Притчи 1:16

— А что ты скажешь о его магических способностях? — полюбопытствовал Теймураз.

— Об этом вам лучше спросить человека, который пытался убить его на острове Орсал.

— *Что?* — выпалил Махаэль. Остальные трое также казались удивленными этим известием.

— Вот это да, — деланно изумился Матиас. — Я был уверен, что, по крайней мере, один из вас в курсе этого покушения. Нападавший оказался Дерини, в помощниках у него был обычный человек, но они потерпели неудачу, и оба покончили с жизнью, чтобы не попасть в руки стражи. Удачное завершение дела, — по крайней мере для того, кто их послал, — но сама попытка была крайне глупой. Лайе также мог погибнуть, и во всем обвинили бы *нас*. Разумеется, не в открытую, но слухи гуляли бы вовсю. По счастью, аль-Расул пользуется огромным уважением во всех Одиннадцати Королевствах. Никто не рискнул бросить обвинение ему в лицо.

— Скорее всего потому, что никто не мог ничего доказать, — усмехнулся Бранинг. — Полагаю, что у исполнителей была стерта память и установлены точки контроля для совершения самоубийства.

— Скорее, чары повиновения, чем точки контроля, хотя результат оказался тот же самый, — признал Матиас. — И вы правы, воспоминания оказались стерты. Это означает, что тот, кто послал их, обладал значительной силой. Некий епископ по имени Арилан обследовал оба трупа, но не узнал ровным счетом ничего.

— Вот и славно, — объявил Бранинг. — Жаль, что я не могу похвастаться тем, что это моя работа.

— Хвастаться лучше успехами, мой дорогой Бранинг, — с хмурой усмешкой отозвался Ласло. — И на

мой взгляд, куда лучше было бы, если уж нападение провалилось, чтобы виновные смогли поведать что-то о своем нанимателе. Тогда мы узнали бы, кто наш противник. Матиас, нападение было совершено обычным оружием или там участвовала и магия?

— Не могу сказать. Не знаю.

— Стало быть, нам по-прежнему мало что известно о способностях Келсона.

— Насколько я могу судить, они весьма значительны, — отозвался Матиас.

— Однако он не стал сам считывать воспоминания мертвых, — заметил Махаэль. — Любопытно. Возможно, он не владеет этим даром.

Матиас пожал плечами и вновь обратил свой взор на алую кожуру, вьющуюся тонкой спиралью под лезвием ножа.

— Может, и так. Однако в Гвиннеде не принято в открытую демонстрировать магические способности. Чары истины применяются довольно часто, и к этому относятся спокойно. Однако за все время пребывания при дворе я больше не видел там никаких проявлений талантов Дерини, несмотря на то, что все приближенные короля, как и он сам, обладают надежными ментальными щитами. Так что, если он и применяет магию, то умело перемежает ее с обычными человеческими способностями. Он отлично разбирается в людях, несмотря на юный возраст, и понимает, что движет теми, кто его окружает. Если Лайе сумел хоть чему-то научиться за то время, пока жил в Гвиннеде, то он получил там отменные уроки по управлению королевством.

— Мне кажется, или я и впрямь улавливаю в твоих речах нотки восхищения? — полюбопытствовал Ласло, поднимая седые брови.

– Я лишь признаю факты, как они есть, – отозвался Матиас, отрезая себе тонкую дольку яблока. – Не стоит недооценивать Халдейна, Ласло Чальский. Он прислал нам короля, который вполне готов взять бразды правления в свои руки.

– Готов, на гвиннедский манер! – не без презрения возразил Теймураз. – Но для Торента этого недостаточно. Поделился ли с тобой отец Иреней своими впечатлениями о способностях нашего короля в других областях?

Матиас вновь пожал плечами.

– Он почти ничего не говорил мне, ибо его скорее заботило духовное здоровье Лайе... Но он заверил меня, что вера короля ничуть не пострадала за время, проведенное в Гвиннеде.

– Плевать я хотел на его душу, – пробормотал Махаэль. – Он что-нибудь говорил о магических способностях мальчишки?

– Ничего.

– Значит, мы пока не можем строить никаких предположений. Бранинг, как поживает матушка Лайема?

Бранинг, считавший себя неотразимым для женщин любого возраста, сально ухмыльнулся, накручивая на палец прядь длинных волос.

– Вдовствующая герцогиня Мораг польщена тем, что за ней ухаживает мужчина намного ее моложе. Она стала бы прекрасной королевой, но в нашей державе королев и без того хватает. Однако она почти не знает своего сына. Теперь младший ребенок стал ее любимчиком, и она будет верна ему , если придется выбирать между двух сыновей.

– Совершенно верно, – с ленивой усмешкой отозвался Махаэль. – Вот и отлично. Теперь, когда Ма-

тиас вернулся к нам, позвольте в подробностях ознакомить вас с моим замыслом.

* * *

В первый день своего пребывания в Белдоре Келсону предложили осмотреть достопримечательности Старого и Нового Белдора вместе с Расулом и неким графом Бранингом, которые должны были стать их провожатыми. В это же самое время Летальд планировал провести пару встреч с официальными наблюдателями из Форсина, поскольку все южные соседи Торента прекрасно сознавали, сколь шаткое положение сложилось здесь после возвращения Лайема, и пытались сделать все от них зависящее, чтобы переход власти к королю от регентского совета прошел по возможности гладко. Сам Лайем ненадолго появился перед гостями вместе с матерью, братом и дядьями, причем ясно было, что он предпочел бы отправиться с Келсоном, а не оставаться во дворце.

Постепенно делалось все жарче. Расул провел их вдоль крепостных стен старого города, мимо собора, затем по каменному мосту на большую рыночную площадь к королевскому зверинцу и наконец к Белдорскому университету. Во дворец они вернулись после обеда, чтобы освежиться в висячих садах, где собирались в это время придворные.

Здесь, высоко над городом, журчащие фонтаны услаждали взор и слух, неся с собой прохладу. Для Лайема и его брата, которые должны были встречать благородных гостей, был установлен особый открытый шатер. Там же присутствовали дядья короля, его мать и несколько дюжин торентских сановников. Большинство чужеземных посланцев уже прибыли в

Белдор и присутствовали здесь же, в саду, наслаждаясь прохладительными напитками и изысканными сладостями, разложенными на столах под лимонными деревьями.

Летальд, хорошо знакомый с большинством присутствующих, взял на себя обязанность познакомить с ними Келсона. Короля сопровождали Дугал и Морган, однако последний куда больше внимания уделял Брендану и Пейну, которые, по просьбе Лайема, остались с ним под королевским навесом. Юный правитель уже чувствовал недостаток общения с отроками своего возраста. Келсон, обративший внимание на то, как подружился Лайем с обоими мальчиками, пока они плыли из Ремута, теперь подумал, не удастся ли отдать их обоих в обучение как оруженосцев к торентскому двору, если с Лайемом все пройдет благополучно в ближайшие дни.

С большинством присутствующих гостей Келсон до сих пор не был знаком, хотя многие из них прекрасно знали, кто он такой. Ему доводилось встречаться с Бахадур-ханом, владыкой Р'Касси, о котором Летальд упоминал в Хортанти, — тот самый дядя, ко двору которого скоро должен был отправиться служить сын Летальда.

Вот и сейчас наследник Хорта Орсальского оказался рядом со своим родичем, когда тот явился поприветствовать Келсона; с ним он и должен был вернуться в Р'Касси после церемонии в соборе святого Иова. Что касается Келсона, то он лучше всего помнил Бахадура по отменным лошадям, которых тот продал в Гвиннед... Также он был знаком с Изарном Логринским, часто бывавшим при дворе в Ремуте с грузом отменного вина, которым славилось его крохотное княжество.

К удивлению Келсона, в Торент явились и его западные соседи: Грон, герцог Каламский, представлял Коннаитский совет независимых княжеств; и присутствовал даже посланник Лланнедского короля Колмана. Чуть позже он обнаружил среди собравшихся также и Азима, который держался в кругу прочих князей-кочевников. Сейчас на нем были королевские синие одежды Нур-Халая, а не его привычное черное одеяние, ибо здесь он представлял своего брата, принца Хакима. Встретившись глазами с Келсоном, Азим поднес правую руку к сердцу и слегка склонил голову, приветствуя северного короля.

Вместе с Летальдом они подошли ближе к шатру Лайема, и Келсон подозвал к себе обоих герцогов. Лайем встретил их очень сердечно, однако прочие придворные были куда менее любезны, за исключением Расула; Матиаса же нигде не было видно. Мораг немедленно удалилась, едва завидев человека, который убил ее супруга и брата. Махаэль, старший дядя Лайема, едва удостоил Келсона поклоном и парой церемонных слов приветствия, прежде чем отвернулся и принялся оживленно беседовать с каким-то торентским вельможей.

Ни малейшей сердечности не выказал к гостям и брат Лайема, — худощавый десятилетний мальчик с пронзительным взглядом черных глаз, выделявшийся среди прочих темноволосых Фурстанов неожиданно светлой шевелюрой. У него имелись собственные ментальные щиты, но также его постоянно прикрывал Теймураз, державшийся поблизости. Юный Ронал-Рурик отвесил Келсону церемонный поклон, в точности как требовалось по этикету, и поспешил удалиться вместе с дядей. Глядя им вслед, Келсон подумал, что мальчик совершенно прав в своих опасе-

ниях, — хотя спасаться бегством *вместе* с Теймуразом могло оказаться куда опаснее, чем бежать *от* него. Однако едва ли стоило ожидать, что Ронал-Рурик способен это понять.

Королевский прием принес Келсону много неожиданностей. В Торенте и впрямь было иначе, чем дома, и он то и дело поражался, как многому ему еще предстоит научиться. Один из самых запоминающихся уроков был преподнесен королю, когда он обменивался положенными любезностями с парой снисходительно поглядывающих на него вельмож, которых представил Келсону отец Иреней. Дугал по-прежнему оставался рядом, в то время как Морган отошел поговорить о чем-то с Дерри, Ариланом и Сэйром Трегернским.

Позже Келсон так и не смог понять, что заставило его отвлечься, — но внезапно он заметил, что Лайем вдвоем с Матиасом, о чем-то негромко переговариваясь, направляется к небольшому пруду, где лениво шевелились жирные карпы. Мраморный бортик пруда прекрасно подходил для того, чтобы присесть там в тени и прохладе, давая отдых гудящим ногам, чем и воспользовались многие придворные.

Поскольку он вынужден был хотя бы делать вид, что прислушивается к разговору Иренея и двоих торентцев, Келсон едва ли обратил бы внимание на короля и его дядю, — однако что-то в их манерах показалось ему странным. Лица у обоих были слишком напряженными для простой светской болтовни, хотя, казалось, что они прогуливаются без какой-то определенной цели.

Именно поэтому Келсон и продолжал следить за ними взглядом. Матиас прошел мимо пруда и присоединился к группе каких-то сановников, тогда как

Лайем, в свою очередь, никем не замеченный, двинулся в сторону темноволосой девочки лет шести, которая сидела на корточках между Бренданом и Пейном на самом краю пруда и полоскала в воде кончик черной косы. Она метнулась вперед в тот самый миг, когда Лайем подошел к ним, обеими руками забила по воде, обрызгав обоих своих поклонников, и с торжествующим воплем извлекла на воздух золотистого карпа.

Заливаясь хохотом, Брендан и Пейн мужественно попытались удержать скользкую добычу, которая извивалась и выгибалась у них в руках, и даже Лайем присоединился к ним, но все было тщетно. С громким всплеском карп вернулся в воду, окатив всех четверых потоком брызг, так что Пейн едва не свалился в пруд следом за ним.

— Очаровательный ребенок, — заметил Келсон отцу Иренею, в то время как малышка и трое ее спутников веселились от души. — Похоже, она пленила и вашего короля, и обоих моих пажей.

Иреней заметно напрягся, глядя на Келсона почти смущенно, тогда как оба придворных переглянулись со странным выражением лица.

— Это принцесса Станиша, сестра падишаха, — наконец, пояснил граф Уньяд, старший из двоих вельмож.

— Его сестра?

— Дочь герцога Лионела, родившаяся после его гибели, — ледяным тоном проронил граф Ласло. — И именно вас ей следует благодарить за то, что она никогда не знала своего отца.

Келсон почувствовал, что неудержимо краснеет. Никто никогда не говорил ему, что у Лионела после смерти родился еще один ребенок. Даже Лайем не

упоминал о сестре, — хотя, разумеется, когда он видел ее в последний раз, она была еще младенцем.

— Я этого не знал, — промолвил он негромко. — Я никогда не ставил своей целью делать детей сиротами, и молю Бога, чтобы настало время, когда ни один ребенок не потеряет отца в войне между нашими державами.

Отец Иреней прикрыл глаза и кивнул с поджатыми губами, а затем нарочито медленно перекрестился.

— Да услышит Господь ваши молитвы, сударь, — промолвил он, — и исполнит их в точности.

Келсон также осенил себя крестным знамением и прошептал «Аминь», так что обоим торентцам ничего не оставалось, кроме как запоздало последовать его примеру.

* * *

Бесконечно длинный жаркий день наконец сменился сумерками. В какой-то момент к Келсону и Моргану, которые, стоя у парапета, любовались раскинувшимся внизу городом, присоединился Лайем.

— Надеюсь, вы неплохо провели время сегодня, — промолвил он. И что-то в тоне юного короля подсказало Келсону, что вопрос этот был отнюдь не случайным.

— Да, спасибо, все было очень славно, — отозвался владыка Гвиннеда. — А как ты сам?

Лайем пожал плечами.

— Мне есть много о чем подумать, чему научиться и о чем тревожиться. Граф Берронес попросил, чтобы мы как можно скорее начали подготовку к *киллиджалаю*, так что завтра нам придется направиться в Торентали, в собор святого Иова. Он будет

распорядителем церемоний и очень серьезно относится к этой ответственности. Вероятно, он опасается, что чужеземцам нелегко будет исполнить то, что от них требуется.

— Надеюсь, что я справлюсь, Лайем, — возразил Келсон. — Я очень внимательно слушал все указания отца Иренея.

Лайем попытался улыбнуться, но это вышло у него не слишком убедительно.

— Я в этом и не сомневался, милорд. Для меня большая честь, что вы согласились принять участие в церемонии... что бы там ни говорили мои родичи.

— Признаюсь честно, они встретили нас довольно... сдержанно, — проронил Келсон. — Однако я этого ожидал. Но похоже, тебя тревожит что-то еще?

Лайем отвернулся, окидывая взглядом город.

— Все будет хорошо, — прошептал он. — Поверьте мне.

Келсон попытался разговорить мальчика, но Лайем не пошел на откровенность. Чуть позже они поужинали все вместе, и к ним присоединился Матиас, а также несколько вельмож, с которыми Келсон еще не был знаком, — Каспар Труверский и Эрдоди Яндрих, оба герцоги Торентские, а также графский сын по имени Макрори Кулман, — но у них с Лайемом больше не было возможности поговорить наедине. Старшие дядья на ужине не присутствовали, а Дугал позднее заметил Келсону, что Лайем, похоже, и сам постарался не оставаться с ними один на один.

* * *

На следующий день состоялась первая из множества репетиций *киллиджалая*. Сразу после завтрака целая флотилия небольших суденышек перевезла ко-

роля со свитой вверх по реке к Торентали, родовому гнезду Фурстанов, где находилась знаменитая Хагия-Иов, эта жемчужина среди церквей. Именно там короли Торента получали державный меч и восходили на престол. Разодетые в пурпур гребцы флагманского корабля работали веслами под звон колокольцев, задававших ритм, — веселый праздничный звук, который, однако не давал никакой возможности для разговоров.

В отличие от прочих церквей, которые Келсон видел по пути в Белдор, — а их было очень немало, — луковичные купола Хагия-Иов были крыты сусальным золотом, ослепительно сверкавшим под летним солнцем. Король со свитой высадились на причале и двинулись пешком по прямой, как стрела, мощеной Дороге Королей. Входные ворота оказались позолоченными, подобно куполам, но остальные здания были выложены синей плиткой с золотыми звездами, о которой Расул так красочно рассказывал по пути в Белдор; высокие узкие окна были также выделаны золотом. Любопытно, что сооружение это оказалось несколько меньше, чем ожидал Келсон, — впрочем, он напомнил себе, что Хагия-Иов не является собором в обычном смысле этого слова, но скорее поминальной церковью и местом проведения церемоний.

Когда с уличной жары они прошли в двойные золотые ворота здания, это было все равно что перейти в иной мир. Здесь царило безмолвие и прохлада, — блаженный переход, которым Келсон наслаждался, пока слуги избавляли их всех от уличной обуви, предлагая вместо этого фетровые шлепанцы, ибо полы и ковры внутри церкви были слишком ценными и не вынесли бы ударов каблуков. Стены и свод-

чатый потолок оказались также выложенными синей плиткой, и здесь, вблизи, Келсон сумел различить внутри этой синевы золотистые прожилки, которые и придавали плиткам такой сияющий неземной вид, словно они мерцали, озаренные неким внутренним светом.

Затем король со свитой миновал еще одни двойные двери, даже больше, чем первые, и оказался в длинном широком нефе, пересеченном посередине трансептом. Купол собора уходил, казалось, в самые небеса. Шепот множества голосов встретил их, когда они вошли в церковь, ибо там для репетиции собралось уже несколько дюжин человек, мирян и клириков. Тут же все разговоры стихли, и участники обряда растворились в дальнем конце нефа, но отзвуки их голосов еще звучали какое-то время под огромным куполом, венчавшим церковь.

Однако первым делом взор притягивал даже не сам купол, а то, что было под ним: черная надгробная плита Фурстана, ради которой и было возведено сие святилище. Место последнего упокоения легендарного основателя королевского Дома Торента, у черного саркофага которого и происходила передача власти от одного Фурстана к другому.

Келсон ощутил силу, исходящую из этого места, когда подошел ближе вместе с Лайемом и Святейшим Альфеем, седобородым патриархом Торентским, который вышел поприветствовать гостей. Келсон замер, когда они остановились, и склонился в уважительном поклоне, тогда как Альфей и Лайем согнулись чуть ли не до земли и широко перекрестились справа налево на восточный манер. В самом начале пребывания Лайема при Ремутском дворе, он объяснил Келсону, как крестятся у него на родине:

символизируя Троицу, большой палец прижимается к указательному и среднему, тогда как безымянный и мизинец остаются прижаты к ладони, означая двойственную природу Христа, одновременно Бога и Человека. Он объяснил также, что широким движением руки от лба до самого пола крестящийся словно объемлет все свое существо в жесте почтения, — и этот символизм показался Келсону привлекательным с эстетической точки зрения, хотя и глубоко чуждым с религиозной.

Форма саркофага также оказалась совершенно непривычной: верхушка его была заостренной, словно крыша длинного узкого дома. Высеченный из матового черного гранита, саркофаг был оправлен в серебро, чьи тончайшие нити напоминали хрупкую паутину, и выложен крупными ониксами. Солнечные лучи, словно копья, проникавшие сквозь узкие прорези купола, пронзали наполненный благовониями воздух и бросали отблески на серебро. Однако сила, которую ощущал Келсон в недрах этой реликвии, превосходила понимание смертных и чем-то напомнила ему то ощущение, что рождалось у него порой в молитве у алтаря или при прикосновении святого Камбера.

— Здесь покоится прах моего далекого предка, великого Фурстана, — объявил Лайем, указывая на надгробную плиту, однако тщательно избегая при этом физического контакта. — Говорят, что дух его снисходит на каждого нового короля, вступающего на престол. Я ощутил лишь слабое прикосновение, когда меня препоясали державным мечом, после гибели брата. Но через пару дней я должен ощутить его в полной мере.

Заметив легкое недоумение Келсона, Святейший Альфей расправил плечи.

— Советую вам не насмехаться над нашими обычаями, Келсон Гвиннедский, — промолвил он так тихо, что никто кроме Лайема с Келсоном, не мог слышать его слов. — Торентские традиции восходят к тем временам, когда Гвиннед был всего лишь дальней окраиной Империи... А ваши собственные Дерини слишком давно забыли истинную магию нашей расы.

Басистый голос патриарха был преисполнен уверенности и духовной мощи, — несомненно, он являлся опытным Дерини, — и Келсон уважительно поклонился, признавая это.

— Заверяю вас, Святейший, что я и не думал насмехаться, — отозвался он ровным тоном. — Я буду рад узнать побольше о ваших обычаях. Отец Иреней немало рассказывал мне об истории вашего народа, о ваших традициях и вере. Все внешние различия иллюзорны, и я пришел в этот дом Божий со всем почтением и искренней верой в сердце.

При этих словах Келсона лицо патриарха отчасти разгладилось, и он, в свою очередь, слегка поклонился чужеземному королю, в задумчивости не сводя с него глаз.

— Хорошо сказано, и надеюсь, что от сердца, — признал Альфей, и тень улыбки мелькнула в серебристой бороде. Подняв руку, он поманил ближе монаха в черной рясе, ожидавшего неподалеку. — Прошу вас, проследуйте с отцом Кароли, он отведет вас туда, где все хорошо будет видно. Уверен, что даже после наставлений отца Иренея сегодняшняя церемония покажется вам неожиданной и удивительной. Признаюсь честно, я и сам порой столбенею, когда

Берронес принимается рявкать, отдавая приказы, — добавил он, искоса поглядывая на пожилого вельможу, который с насупленным видом перебирал какие-то густо исписанные листы пергамента.

— Но отец Кароли попытается объяснить вам, что происходит, и ответит на все вопросы, которые могут у вас возникнуть, — продолжил Альфей. — Уверен, что отец Иреней объяснил вам, что ритуал, принятый в Торенте, сильно отличается от того, к какому вы привыкли. Однако, как вы верно заметили, эти внешние различия являются лишь иллюзией пред ликом истинной веры.

Поклонившись в ответ, Келсон удалился следом за неприметным отцом Кароли, который провел его на возвышение в северной части нефа, где уже находился отец Иреней, с жаром демонстрировавший какие-то архитектурные тонкости и символы Моргану, Дугалу и Арилану. По пути Келсон пытался восстановить в памяти слова и выражение лица патриарха, гадая, действительно ли в тоне Альфея прозвучала тень приязни или это ему лишь показалось.

Вскоре граф Берронес застучал посохом по полу, собирая вокруг себя вельмож и клириков. Все тут же принялись занимать отведенные им места. Хаос мгновенно упорядочился, и репетиция началась. Поскольку в Торенте во время богослужения принято стоять, и сидения предлагаются лишь старикам и калекам, Келсону со свитой также пришлось выдержать на ногах всю длинную церемонию, не имея даже возможности прислониться к стене.

По крайней мере, в огромной церкви царила прохлада. Наблюдая за тем, как Лайем уже в третий раз повторяет свой проход к чернеющей громаде саркофага Фурстана вместе с матерью, братом и Ма-

хаэлем, которых сопровождали также прочие родичи и придворные, Келсон старался как можно более внимательно осмотреть и саму церковь, в надежде уловить нечто такое, что поможет ему лучше понять эту чужую страну.

Он запрокинул голову, чтобы взглянуть наверх, туда, где высоко вздымался купол базилики святого Иова. По словам отца Иренея, внутреннее убранство восточной церкви всегда призвано отражать образ Царства Божия на земле, и полукруглый купол объемлет освященное пространство, словно в любящих объятиях. Внутренняя поверхность купола была выкрашена в небесно-голубой цвет, а на ней красовались позолоченные фрески, изображавшие четверых евангелистов по краям и Христа, в величии Своем царствующего посреди.

Обратившись к востоку, Келсон обнаружил еще кое-что, достойное внимания. Здесь были не привычные ему резные панели, хоры и высокий алтарь, как в традиционных западных церквях, а украшенная позолотой и иконами перегородка, отделявшая неф от самого святилища, находившегося за открытыми двойными дверями. В этом проходе тускло освещенном единственной лампадой, Келсон различил алтарь квадратной формы, покрытый золотым пологом, богато украшенным спереди самоцветами и вышивкой, на котором стояла золотая дароносица в форме миниатюрного дворца и массивный канделябр с семью ветвями, а рядом с дароносицей, судя по украшенному драгоценными камнями переплету, лежало Евангелие.

— Слово Божие покоится пред Агнцем Божьим, — пояснил отец Кароли, заметив направление взгляда Келсона. — Икона за большим семисвечником

над алтарем изображает Христа во Славе... А если бы вы могли взглянуть на алтарь изнутри святилища, то увидели бы над ним икону Теотокос, чреватой Христом.

— *Теотокос*? Это означает «выносившая Христа»? — отозвался Келсон, вспомнив наставления отца Иренея.

— Именно так, — с горячностью подтвердил отец Кароли и, оживившись, пустился в дальнейшие пояснения: — Иконы по обеим сторонам Царских Врат являют собой Теотокос, держащую Христа, и Христа восславленного, указывая тем самым, что все Творение заключено между двумя этими событиями: Его приходом как Спасителя, рожденного от Девы Марии — Теотокос — и его явлением как Царя и Судии в конце времен. — Он вопросительно покосился на Келсона, внезапно испугавшись, что слишком многое себе позволил. — Желаете ли вы, чтобы я описал прочие образа на иконостасе?

— Наверное, не сейчас, отче, — отозвался Келсон, покачав головой, и улыбнулся. — Полагаю, что Святейший Альфей предпочел бы, чтобы я уделил больше внимания церемонии. Но могли бы вы поведать мне, что представляют собой «Скользящие Защиты»? Сегодня я несколько раз слышал, как кто-то упоминал о них.

Немного помявшись, отец Кароли пожал плечами.

— Это сложнейший магический ритуал, который используется лишь в ходе *киллиджалая*. Но в этом нет никакого особого секрета. Для установления Скользящей Защиты требуется четыре адепта, очень опытных и крепких физически. Их именуют еще порой Столпами Царства. Они окружают падишаха,

символизируя четверых великих архангелов четырех Сторон Света, и окружают его куполом защитной энергии.

— Впрочем, это самая простая часть, — продолжил Кароли, — хотя поддержание защиты и требует больших усилий. Пожилому человеку выдержать такое невозможно. Однако чтобы превратить эту защиту в Скользящую, сам падишах должен объединить в себе энергию четырех Столпов и контролировать ее. Иные утверждают, будто в этот миг четыре святых архангела на самом деле занимают место своих земных воплощений в самый торжественный момент *киллиджалая*... Но лично я в это не верю.

— Любопытно, — пробормотал Келсон и надолго замолчал, пытаясь догадаться, что же подразумевалось под «самым торжественным моментом» *киллиджалая*, от чего именно требовалось защищать падишаха, и на самом ли деле архангелы воплощались в этот миг в смертных участниках ритуала.

Когда спустя добрых четыре часа репетиция, наконец, закончилась, Келсон ожидал, что всех участников отправят обратно в Белдор на тех же кораблях, что привезли их из столицы, но едва лишь они с Морганом и Дугалом двинулись к дверям церкви, заранее готовясь претерпеть невыносимую жару снаружи, Лайем отвел их в сторону, дабы показать великолепную мозаику, изображавшую Святую Мудрость, украшавшую северную стену собора.

Когда они, наконец, вышли наружу, Келсон с изумлением обнаружил, что двор совсем опустел, и последние придворные уже занимали места в лодках, привязанных у причала, где их ожидали прохладительные напитки. Державный корабль, на котором расположились мать Лайема и его брат, находился

уже на середине реки, а вслед за ним отплывал тот, где разместились Арилан, Сэйр, Летальд и форсинские наблюдатели. Еще на одном суденышке, отдававшем концы в этот самый момент, Келсон обнаружил Махаэля, Теймураза и прочих торентских сановников.

Теперь у причала остался лишь корабль самого Лайема со всей командой и дюжиной стражников, выстроившихся в два ряда у трапа. Их капитан, держась за рукоять изогнутой сабли, о чем-то беседовал с графом Матиасом, то и дело косясь на падишаха и его свиту.

Внезапно граф устремился прочь от пристани и вскоре, пройдя по мощеной дороге, оказался рядом с ними.

— Я велел всем прочим отправляться без нас, — пояснил Лайем, завидев Матиаса. — Но прежде чем мы вернемся, я хотел показать вам Николасеум и, возможно, могилу моего брата. — И он указал вверх, на Дорогу Королей, что шла дальше, мимо северной стены Хагия-Иов, к обширному, окруженному стенами некрополю, где хоронили королей Фурстанов.

— Там есть очень красивые могилы. Мы не задержимся надолго.

— Но это безопасно? — неуверенно переспросил Морган, глядя на быстро исчезающие вдали суда.

Теперь здесь оставался только корабль Лайема, отряд стражи — и сам Лайем со своим дядей Матиасом. Дугал также озирался по сторонам не слишком уверенно.

Матиас с едва заметной улыбкой указал на безмолвный некрополь.

— Лишь мертвые обитают здесь, герцог Аларик, но, разумеется, вы не страшитесь мертвецов.

Келсону показалось, что Морган намерен вступить в спор, однако он ощутил в манере держаться Лайема какую-то странную напряженность, словно тот ждал чего-то необычного, — и понял, что, вероятно, сейчас должно произойти нечто важное.

— Нет, разумеется, мы не боимся мертвецов, — легким тоном отозвался Келсон, не дав Моргану заговорить. — Герцог Аларик просто беспокоится о моей безопасности, точно так же, как граф Матиас заботится о тебе, Лайем. Думаю, нам не стоит задерживаться надолго, иначе те, кто призван охранять нас обоих, могут забеспокоиться. Однако прошу тебя, расскажи нам побольше об этом Николасеуме, пока мы идем туда...

Не скрывая облегчения, Лайем первым двинулся по мощеной дороге и, миновав высокую арку, крытую пурпурной черепицей, устремился к семиярусному алебастровому склепу, похожему скорее на храм, который располагался среди других, более скромных могил и огромного количества лазурных пирамид того же цвета, что и базилика святого Иова. Матиас жестом велел стражникам ожидать снаружи, и лишь двое из них последовали за ним на почтительном расстоянии. Приблизившись к одной из могил, окруженной высокими кедрами, юный торентский король с жаром принялся рассказывать своим спутникам историю отважного принца Никкола, возлюбленного младшего брата будущего короля Аркада Второго, павшего в битве при Килингфорде сто лет назад.

— Он погиб, спасая Аркаду жизнь, — пояснил Лайем, пока они поднимались по белоснежным ступеням ко входу в здание, — и после того, как Аркад сделался королем, он построил Николасеум, дабы

почтить память брата. Теперь его считают одним из чудес восточного мира.

У входа они на миг задержались, чтобы стражники могли первыми заглянуть внутрь и убедиться, что там безопасно, но тут же они скрылись из вида, по знаку Матиаса. Вместе с Морганом и Дугалом Келсон сделал несколько шагов внутрь здания и застыл, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку после яркого солнечного света.

Несмотря на то, что снаружи у этого сооружения имелось семь ярусов, внутри оно состояло из одного-единственного зала с высоким сводчатым потолком и стенами, выложенными все той же звездчатой плиткой священного синего цвета, что и в религиозных сооружениях. А в центре помещения находился помост, озаренный серебристым сиянием, где и покоился брат короля Аркада.

— Пойдемте, — негромко окликнул их Лайем.

Барельеф, изображавший покойного, на черной базальтовой плите, был чуть крупнее, чем в натуральную величину, высеченный из единого куска розоватого кароланского мрамора столь искусно, что плоть казалась полной жизни, словно принц всего лишь спал. Прожилки и рисунок камня придавали естественности складкам и текстуре савана, в который был закутан мертвец. Лицо его было красивым, почти нечеловечески прекрасным, и дышало покоем. Никколу было всего двадцать шесть лет, когда он погиб.

У подножия саркофага были высечены три боевых барабана и перекрещенные штандарты с оленем, эмблемой Торента, ярко написанным краской на алебастре. Рядом с могилой возвышалась статуя из желтоватого камня, изображавшего мужчину в плаще с низко надвинутым капюшоном, который

стоял, преклонив колена и закрыв лицо руками, а рядом на полу лежала каменная корона. С другой стороны к саркофагу был прислонен изящный меч, украшенный золотом и серебром, который был поставлен таким образом, что его украшенная самоцветами рукоять возвышалась, подобно распятию, над склоненной головой скорбящего Аркада.

— Принц Никкол умер за своего короля, — промолвил Матиас негромко и добавил чуть погодя: — Так же и я готов отдать жизнь за своего владыку.

Глава семнадцатая

Жребий твой ты будешь бросать вместе с нами[1]

Келсон воззрился на Матиаса, почему-то не ощущая тревоги. Дугал также обернулся рывком, не удержавшись от изумленного возгласа, а у Моргана был такой вид, словно он в любой миг готов броситься между королем и дядей Лайема. Он уже взялся за рукоять кинжала на поясе... Но Матиас по-прежнему стоял неподвижно, с пустыми руками, и не делал никаких угрожающих движений. Келсон вопросительно покосился на него, подавая своим спутникам знак держаться поодаль, а Лайем поспешно схватил его за руку, с трудом сдерживая волнение, хотя голос его по-прежнему не поднимался громче шепота.

— Сир, умоляю вас, выслушайте его, он принес мне весть о смертельной опасности... Об измене, что должна свершиться во время *киллиджалая*. У нас есть шанс помешать заговорщикам, но нужна ваша помощь.

От взволнованной мольбы Лайема по спине у Келсона прошел холодок, и свободной рукой он преградил путь Моргану, чтобы тот не набросился

[1] Притчи 1:14

на Матиаса, а затем устремил вопросительный взор на торентского принца.

— Я готов отдать за него жизнь, — напряженным шепотом повторил Матиас.

— Ты веришь ему? — едва слышно спросил Морган у Келсона.

— Он никогда не причинит мне зла, — заявил Лайем. — По крайней мере, выслушайте его...

Келсон не сводил взгляда с Матиаса, одновременно пытаясь использовать физический контакт с Лайемом в отчаянной попытке отыскать следы возможного предательства, однако так ничего и не обнаружил.

— Что вы хотели мне сообщить, граф Матиас? — ровным тоном вопросил он. — Вы многого требуете от нас.

— И должен потребовать еще большего, — отозвался тот. — Но прошу вас... я не смею говорить об этом здесь. Я вынужден просить вас отправиться со мной. Пусть лорд Дугал останется здесь, на случай, если стражники будут нас искать и станут задавать вопросы... Хотя даю слово, что мы не задержимся надолго.

— И куда же вы предлагаете нам отправиться? — поинтересовался Келсон.

— Здесь, рядом с головой изваяния, находится Портал, — показал Матиас. — Я не осмелюсь поведать вам о конечном пункте нашего назначения, однако вы можете запомнить местонахождение этого Портала. Возможно, он послужит для вас путем бегства, если *киллиджалай* обернется катастрофой, но хотя бы кому-то из нас удастся уцелеть.

— Вы предлагаете нам запомнить местонахождение Портала в Торенте. Однако чтобы им воспользо-

ваться, нам придется опустить перед вами свои защиты.

Матиас на мгновение закрыл глаза, а затем тяжело вздохнул, готовясь воззвать к благоразумию Келсона.

— Я прекрасно понимаю ваши опасения касательно меня, но, возможно, вы позволите, чтобы Лайе провел вас. Я понимаю, у вас нет твердой уверенности, что мы с ним не замешаны в каком-то заговоре против вас, и не готовим вам погибель... Так же, как вы не можете знать наверняка, не попытаюсь ли я напасть на Дугала в ваше отсутствие, прежде чем броситься на помощь Лайе против вас. Если вы опасаетесь именно этого, тогда я отправлюсь первым. И пусть пока вы не верите мне, но доверьтесь хотя бы своему вассалу Лайему-Лайосу, который поклялся служить вам верой и правдой перед Господом Богом. Прошу вас... *умоляю* вас!

Келсон медленно обернулся к дрожащему от волнения Лайему, который в этот миг практически опустил свои защиты, демонстрируя, что до глубины души убежден в правдивости и преданности своего дяди.

Быстро обменявшись мысленными посланиями с Морганом, Келсон убедился, что герцог-Дерини, пусть и неохотно, но готов положиться на суждения Келсона касательно Матиаса, хотя сам он ему по-прежнему не доверял. Что касается Дугала, то король не сомневался, что он в точности исполнит все, что ему будет приказано.

— *Кто-то* должен проявить доверие, если мы желаем покончить с той напастью, которая стоила жизни Никколу, — пробормотал Келсон, взирая на изваяние скорбящего Аркада и его брата.

Опустив руки, он сделал шаг по направлению к изголовью саркофага и почти тут же ощутил покалывание действующего Портала, расположенного прямо на мраморной плите, примыкавшей к гробу.

— Вы позволите? — обратился он к Матиасу, указывая на Портал и взглядом подзывая к себе Моргана и Дугала.

Матиас коротко кивнул, и Келсон вместе с обоими своими спутниками опустился на колени и положил обе ладони на мраморный пол. Морган с Дугалом в точности повторили все его движения. Когда они как следует запомнили координаты Портала, то не стали спешить подниматься на ноги, а вместо этого король, образовав со своими друзьями ментальную цепь, обратился к ним:

«Вы считаете, я безумен, что доверяю ему?»

«Как вы верно сказали, государь, кто-то должен проявить доверие», — донесся до него уверенный ответ Моргана.

«А что скажешь ты, Дугал?»

«Похоже, что мне досталась самая простая роль, — не без мысленной усмешки отозвался Дугал. — Мне нужно лишь сдерживать любопытных стражников».

«Если мы не вернемся через полчаса или что-то пойдет не так, — предупредил его Келсон, — то отправляйся немедленно в Ремут и предупреди Нигеля, что мы пали жертвой заговора, а затем возвращайся сюда и попытайся отыскать Арилана. Но я надеюсь, что ничего не случится».

Наконец, Келсон поднялся на ноги, опираясь на край саркофага Никкола, и Морган с Дугалом также встали. Лайем пристально наблюдал за ними, а Ма-

тиас стоял рядом, склонив голову, теребя одной рукой образок на груди. Дугал кивнул им обоим.

— Ну что ж, я готов встать на караул, — бодрым тоном заметил он, указывая на вход в гробницу. — Граф Матиас, вы дали какие-то особые указания своим друзьям, что ждут снаружи или они будут просто дожидаться там, пока мы не выйдем сами?

Чуть заметно вздрогнув, Матиас поднял глаза.

— Они уже имели возможность убедиться, что это место не таит для нас никакой опасности. Теперь, если какие-то тревожные звуки не привлекут их внимания, или мы не останемся здесь слишком надолго, то они не осмелятся нам помешать. Со своей стороны, мы постараемся вернуться как можно скорее, дабы не возбуждать подозрений.

— Тогда я с пользой проведу время, любуясь местом упокоения принца Никкола, — с легкой улыбкой промолвил Дугал, — и буду держаться поблизости от входа... на тот случай, если у стражников любопытство пересилит чувство приличия.

Матиас кивнул с благодарностью и, сглотнув, обошел саркофаг с другой стороны, а затем встал на плиту Портала рядом с Келсоном и Морганом.

— Лайе, я буду ждать тебя, — заявил он, бросив на Лайема напряженный взгляд... И тут же исчез во мгновение ока.

Чуть слышно вздохнув, Лайем встал на то же самое место, где только что находился Матиас и протянул вперед обе руки ладонями вверх, встретившись взором с королем.

— Не будем терять время, у нас его и так немного, — заявил он. — Честное слово, я вполне способен сделать это, — добавил он, покосившись на Моргана. — Правда, до сих пор я не пробовал переносить с со-

бой больше одного человека, но разница не столь уж велика, и я хорошо знаю конечный пункт назначения.

Без малейших колебаний, ибо теперь он окончательно принял решение, Келсон сделал шаг вперед и взял Лайема за руку. Спустя несколько мгновений за ним последовал и Морган.

— Ну, давай, — прошептал Келсон, закрывая глаза и опуская щиты... полностью открываясь перед Лайемом.

В том вечном миге, что длился от одного удара сердца до следующего, прежде чем земля покачнулась у них под ногами, он ощутил, как Морган тоже убрал защиту, затем пришло скоротечное головокружение и потеря ориентации, которые тут же миновали, стоило Келсону открыть глаза. Морган по-прежнему был рядом с ним и Лайем тоже, — но они оказались уже не в Николасеуме.

Первое, что ощутил Келсон в этом новом месте, был запах благовоний и медовый аромат восковых свечей. Они оказались в дальнем углу крошечной часовни. В дрожащем огне лампад мозаики на стенах и на высоком куполе казались почти живыми.

Светильники свисали со сводчатого потолка на длинных золотых цепях и являли собой чаши тончайшей филигранной работы, украшенные рубиновым, изумрудным и сапфировым стеклом. Длинноликие святые и позолоченные ангелы взирали с раскрашенного иконостаса. Иконы по обеим сторонам дверей, что вели в святилище, и которые отец Кароли именовал Царскими Вратами, — были полностью закрыты окладами, богато выложенными самоцветами, так что на виду оставались одни только

лица. Сами Врата оказались закрыты, но их створки были высотой всего от плеча до колена.

— Сойдите с Портала, — шепотом велел им Лайем, увлекая гвиннедцев к центру часовни. — Я не могу позволить вам узнать, где мы находимся.

Морган невольно напрягся, но именно об этом и был их уговор с самого начала. Келсон ободряющим жестом тронул друга за локоть, и вместе с Лайемом они встали посреди часовни, пытаясь отыскать впотьмах следы Матиаса. Его нигде не было видно, однако он не чувствовал здесь никакой опасности; скорее, ощущение мира, покоя и подлинной благости, хотя внешне это святилище и казалось для него совершенно чуждым. Лайем, ненадолго обернувшись к иконостасу, поклонился и перекрестился на святые образа, а затем вновь с неуверенной улыбкой взглянул на своих спутников.

— Матиас пошел обновить защиты, окружающие это место, чтобы мы были в полной безопасности. Надеюсь, вы не станете возражать?

Келсон невольно подумал, что уже слишком поздно для возражений, если Лайем и впрямь завел их в ловушку, но вместо ответа лишь согласно кивнул. Почти в тот же миг он ощутил, как встают вокруг стены защиты, плотные и умело выставленные. И потоки энергии устремились вверх вдоль стен, загибаясь и смыкаясь наверху, над головой, образуя защитную сферу, совпадавшую очертаниями с помещениями часовни.

Лайем отступил в сторону, когда какая-то тень шевельнулась в проходе у иконостаса. Вскоре оттуда появился Матиас, распахнув перед собой двойные врата, а затем тщательно закрыв их. Украшенная

эмалью иконка Девы Марии вспыхнула у него на груди, словно драгоценное украшение.

— Благодарю вас за доверие, — произнес он негромко. — Уверяю вас, что я высоко ценю это. Я постараюсь быть кратким, ибо не хочу, чтобы нас хватились. Я прекрасно понимаю, что после моего рассказа у вас может возникнуть множество вопросов и сомнений.

— И все же, что это за место? — спросил его Келсон.

— Здесь нет никакого обмана, это просто часовня, моя личная часовня. Одна из тех, где я люблю бывать.

— В Торентали? — полюбопытствовал Келсон.

— Нет, и даже не рядом с Белдором. Однако еще раз повторяю, что в этом месте против вас не умышляется никакого обмана. Но вот братья мои попытаются обмануть вас даже в самой Хагия-Иов... Они твердо намерены сделать это и хотят предать нашего короля. Я не могу этого допустить.

— Продолжайте.

Матиас склонил голову.

— Они считают, что я с ними заодно. Мы с Теймуразом, а также граф Ласло и Бранинг должны будем установить Скользящую Защиту на церемонии восшествия на престол Лайема-Лайоса. Надеюсь, отец Кароли объяснил вам, о чем идет речь... Это большая честь, и требует значительных магических способностей. Задача Скользящей Защиты — охранять будущего короля перед инаугурацией, в те моменты, когда он будет наиболее уязвим, прежде чем овладеет всей полнотой мощи Фурстанов.

Он немного помолчал, а затем продолжил:

— Но Махаэлю принадлежала часть этой силы,

пока он был регентом, и теперь он не желает расстаться с ней. Он скорее готов уничтожить Лайе, нежели лишиться хоть толики своего влияния. Что же касается Ронала-Рурика, то он либо погибнет в поднявшейся суматохе, либо с ним вскоре произойдет «несчастный случай», в точности, как с его братом Алроем-Арионом. В любом случае, королем станет Махаэль.

— Но какова же роль Мораг во всем этом? — спросил Келсон. — Участвовала ли она в заговоре против Алроя и готова ли теперь содействовать убийству своих оставшихся двух сыновей?

— Ответ — нет, на оба вопроса, — отозвался Матиас. — Хотя она и была регентом при обоих своих сыновьях, но женщина не способна владеть магией Фурстанов. Конечно, сила ее и без того велика, ведь она сестра *Венцита хо-Фурстаноса*... Однако ей не с руки тягаться с Махаэлем, когда тот получит дополнительную энергию Скользящей Защиты.

— А Ронал-Рурик?

Матиас пренебрежительно пожал плечами.

— Ему всего десять лет, и он не владеет фурстанской магией. Лайе взял на себя ее малую часть, когда был препоясан державным мечом, однако он будет вынужден расстаться с ней и полностью опустить защиты, прежде чем сможет овладеть всей полнотой своего могущества. И в этот миг он будет чрезвычайно уязвим.

Именно столь подлого замысла и ожидал Келсон от Махаэля, а в сознании Матиаса сейчас он читал самое искреннее отвращение перед подобным злодейством. Сам Лайем, слушая дядю, побледнел, как полотно, и изо всех сил стиснул зубы. Морган, судя по всему, также верил в правдивость торентца.

— И что вы предлагаете? — спросил его Келсон.

Матиас стиснул в кулаке образок, висевший у него на шее, и с растерянным видом нахмурил брови.

— Чтобы спасти своего короля, я вынужден предать братьев, — прошептал он едва слышно. — Перед Господом Богом и Богоматерью я клянусь, что никогда не желал принимать участия в интригах и борьбе за власть, которые сгубили стольких моих родичей. Герцог Аларик, я говорил правду, когда утверждал, что величайшее счастье для меня — это растить виноград и воспитывать детей. Я хочу, чтобы сын мой повзрослел у меня на глазах, хочу увидеть дитя, что растет сейчас в утробе матери. И если замысел мой постигнет неудача, я буду навсегда лишен этого счастья.

— Надеюсь, что этого не случится, — произнес Морган сквозь стиснутые зубы. — Однако если вы попытаетесь нас обмануть, то клянусь, я лично уничтожу вас, пусть даже мне придется для этого вернуться из преисподней.

— Постараюсь уберечь вас от такого возвращения, — с улыбкой возразил Матиас. — Клянусь, я не хочу обманывать никого, но братья мои предали собственную семью, погубили последнего законного короля и готовы вновь пойти на цареубийство... А я люблю Лайе так же сильно, как Аркад любил Никкола. Желаю я того или нет, но я вынужден вмешаться, иначе братья мои попытаются захватить власть, которая им не принадлежит, и помешают Лайе насладиться всем тем, что удалось изведать мне самому: познать любовь и счастье в супружеской жизни с женой и детьми, познать покой и наслаждение...

— Я хочу, чтобы он обрел все это, — продолжил граф решительным тоном. — Я наделен немалыми

способностями... куда большими, чем полагают мои братья. Однако мне не выстоять в одиночку.

— Но что тут можно предпринять? — спросил у него Келсон.

Матиас развел руками.

— О, у меня есть план, но это потребует от вас немалой отваги и готовности пойти на риск.

— Так в чем же ваш замысел?

— Я сделаю так, чтобы граф Ласло не смог принять участие в обряде... неважно, каким образом. Тогда Лайе предложит, чтобы место Ласло в Скользящей Защите заняли вы. Больше того, он категорически этого потребует.

— Вы намерены убить Ласло? — невозмутимо спросил Морган.

Матиас, поморщившись, отвел глаза.

— Я никогда никого прежде не убивал... Но он замышляет убийство короля. Смерть — достойная участь для предателя.

— А ваши братья? — промолвил Келсон.

— Я надеюсь, их будут судить, если мы преуспеем, — отозвался Матиас, опуская взор. — Но и они, как предатели, должны понести справедливую кару. Однако если ради спасения короля мне придется убить их собственной рукой — да будет так. Надеюсь, что вы поддержите меня.

— Отец Кароли сказал, что для участия в Скользящей Защите нужна большая подготовка, — заметил Келсон. — Однако я никогда прежде не принимал участия в подобном обряде и ничего не знаю о нем.

Матиас кивнул.

— Понимаю. Однако вы получите все необходимые сведения из самого надежного источника. Расход сил будет весьма значительным, но насколько

мне известно, потенциал Халдейнов почти беспределен. Думаю, вы справитесь с этой задачей.

— А что потом? — спросил его Келсон. — Будет ли моего присутствия в Защите достаточно, чтобы помешать вашим братьям напасть на Лайема?

— Сомневаюсь, — отозвался Матиас. — Но вместе мы с вами сумеем его защитить достаточно надолго, чтобы он успел принять в себя Силу... После чего мы втроем одолеем их.

— Либо, — пробормотал Морган, — вы с братьями одолеете двух мешающих вам королей, дабы со временем править всем миром... Ибо я уверен, что амбиции Махаэля не ограничиваются пределами Торента.

— Если бы я лгал вам... и Лайе, — проронил Матиас, — это могло бы быть правдой. Но я не лгу.

* * *

Вскорости они вернулись в Николасеум, чтобы никто не успел заметить их отсутствия. Дугал доложил, что все это время стражники держались совершенно спокойно, не проявляли никакой подозрительности, и посторонние также не появлялись на Дороге Королей.

Поскольку, выйдя из Николасеума, они оказались в поле зрения чужих глаз, то Морган с Келсоном не стали даже пытаться поделиться с Дугалом происшедшим, — довольно и того, что он мог убедиться, что они вернулись целыми и невредимыми. Стражники, сопровождавшие их к королевской ладье, не были Дерини, однако среди моряков Дерини, несомненно, имелись.

Лишь поздно вечером, после утомительного церемонного ужина в присутствии Махаэля, Теймураза и

предателей Ласло с Бранингом, Келсон сумел, наконец, поведать Дугалу обо всем, что рассказал им Матиас. Дугал не скрывал своих сомнений относительно этого замысла, хотя и мог понять, почему король все же на него согласился.

— Полагаю, тебе приходило на ум, что Матиас мог придумать какой-то способ обойти чары истины, — хмуро заметил он. — Но даже если он говорит правду, если он способен сделать то, что обещает, то как ты сможешь выучить все необходимое для ритуала, и достаточно быстро, чтобы принять в нем полноценное участие?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Келсон, у них здесь все по-другому. Они даже крестятся иначе, чем мы. То, что ты описываешь... Это потребует от тебя напряжения всех сил — я уж не говорю о доверии, — и вам с Матиасом придется выдержать натиск Махаэля, Теймураза и этого их дружка... как там его... Бранинга. Даже Матиас признает, что не уверен, хватит ли у вас сил совладать с ними.

— На нашей стороне будет еще Лайем, — возразил Келсон.

— Да... но лишь в том случае, если вы сумеете довести обряд до конца, иначе от него не будет никакого прока. Насколько я мог понять, в ходе ритуала он сперва полностью лишается своей силы, прежде чем вновь обрести ее во всей полноте. Но ведь и магия здесь совсем... иная. А что, если Матиас все же солгал? И это заговор с целью убить *тебя*, а не Лайема... Либо прикончить вас обоих.

— Тот же самый вопрос я задал и Матиасу, — заметил Морган. — Это вполне может оказаться двойной игрой с любой стороны.

— Может быть, — согласился Келсон. — Но я так не думаю.

— Ты, похоже, вообще ни о чем не думаешь, — хмуро отозвался Дугал. — Это очень серьезный риск, Кел... Самый серьезный, на какой тебе до сих пор доводилось идти.

— Знаю, — отозвался Келсон шепотом. — Но я не могу бросить Лайема на произвол судьбы, когда все ополчились против него. Я обещал ему защиту и покровительство, когда он принес мне вассальную клятву. Я не могу нарушить данный мной обет, иначе это будет бесчестье для меня как для мужчины и для короля. Нам остается лишь молиться, чтобы Матиас не солгал... И принять все возможные предосторожности, если он все же попытается нас обмануть.

— Не знаю, стоит ли нам посоветоваться с Арилаком, — предложил Морган, — или, может, лучше с Азимом?

— Предлагаю подождать немного. Увидим, действительно ли Матиас готов пожертвовать графом Ласло, — возразил Келсон. — Торопиться не стоит. Сперва посмотрим, как будет держаться наш загадочный граф.

— Во всем, что он поведал нам, открывается огромный простор для всяческих домыслов, — протянул Морган задумчиво. — Я все вспоминаю его утверждение, что он никогда прежде никого не убивал... это может означать лишь то, что он лично не марал руки в крови. Чары истины не отличают таких нюансов, но он вполне мог отдавать приказ об убийстве кому-то другому.

— Думаешь, так оно и было? — недоверчиво переспросил Келсон.

Морган на мгновение задумался, затем медленно покачал головой.

— На самом деле, нет. Не могу толком объяснить, почему, но в душе я убежден, что он именно тот, за кого себя выдает... То есть честный и достойный человек, который искренне ненавидит любую жестокость и все преступления прошлого. Однако он действительно идет по самой грани...

— Но что, если вы оба ошибаетесь? — воскликнул Дугал.

— Тогда мы скоро об этом узнаем. Будущее покажет, — отозвался Келсон. — Однако на основании нашего сегодняшнего разговора, думаю, мы можем предположить, что если граф Ласло и впрямь обретет безвременную кончину в ближайшие дни, то, скорее всего, это будет делом рук одного из братьев Фурстанов. И если это будет Матиас, то у нас и впрямь появится союзник. Однако в том случае, если в дело окажется замешан еще кто-то из этого семейства, то вся ситуация сделается куда более сомнительной... Ибо это будет означать, что нам так и не удалось завоевать Лайема на свою сторону, и старая вражда между Гвиннедом и Торентом готова в любой миг возобновиться с новой силой.

Глава восемнадцатая

И впали могучие мужи в бесчестье[1]

На следующий день не было намечено никаких репетиций, и потому гости Торента смогли провести утро, как им заблагорассудится. Графа Ласло нигде не было видно, но пока о нем не пришло дурных вестей. По личному приглашению Лайема, Келсон, Дугал и Морган провели некоторое время в королевской купальне, расположенной в самом сердце дворца, спасаясь там от дневной жары.

После обеда им пришлось посетить еще один державный прием для высокопоставленных гостей, которые с каждым днем прибывали на грядущий *киллиджалай*. Этот прием был дан в честь князя Центула Везаирского и кронпринца Якки по имени Ротруа, которые представляли еще два форсинских княжества. Ротруа привез с собой дочь, принцессу Екатерину, черноглазую красотку, вызвавшую живой интерес Дугала.

— Хотел бы я знать, почему никто не прислал тебе *ее* портрет, — прошептал он Келсону на ухо.

— Лучше бы ты больше думал о деле.

---

[1] Мудрость Иисуса 11:6

— А я и думаю, — возразил Дугал. — Но хоть полюбоваться-то на нее можно?

Как это уже вошло в привычку, прием, учитывая летнюю жару, состоялся под сенью висячих садов, где гости могли спокойно прогуливаться между фонтанов и прудов, наслаждаясь прохладным ветерком и пробуя лакомства из королевских кухонь, а также охлажденные вина из лучших погребов, под звуки арфы и лютни, доносившиеся из женских покоев. Келсон уже засвидетельствовал свое почтение вновь прибывшим, а также княгине Ангелонской, миловидной невозмутимой женщине, которая, кажется, приходилась дальней родней Росане, хотя он не рискнул спросить об этом ее лично. Прежде чем их познакомить, Расул сказал ему, что княгиню Софиану считают одной из самых сильных Дерини во всем Форсине, и детям своим она нашла супругов в самых влиятельных королевских домах Востока.

И в самом деле, похоже, эта женщина была на короткой ноге почти со всеми из присутствующих. Помимо ее мужа, любезного мужчины в пышном якканском одеянии, с совершенно непроницаемыми ментальными щитами, ее сопровождал также младший сын с женой, которая явно в скором времени ожидала ребенка.

— Ангелон — это процветающее княжество, — чуть позже поведал им граф Берронес, когда принес вина Келсону с Дугалом. — А Софиана отличается острым умом и политическим чутьем: достойная дочь своего отца во всех отношениях. Он был величайшим правителем. Говорят, она вышла за лорда Рейхана по любви, поскольку в ту пору он практически был бедняком. Прямым наследником является старший сын, принц Камилл, но ходят слухи, что

его брат, принц Тагер, настоящий любимчик Софианы. А дочь она выдала за кронпринца Нур-Халая... Кажется, вы знакомы с его сестрой.

Именно эту родственную связь Келсон и имел в виду. Кронпринц Нур-Халайский приходился братом Росане.

Чуть позднее, когда гости начали расходиться, не выдержав полуденной жары, Расул предложил Келсону со свитой небольшую прогулку за пределы городских стен, пообещав, что на холмах им будет прохладнее, — к тому же это была превосходная возможность спастись от удушающих требований дворцового этикета хотя бы на пару часов. Однако хотя звучало это весьма соблазнительно, Келсон сперва попробовал отказаться. Он исполнил все, что от него требовалось в этот день, но хотел дождаться интересующих его известий. Ведь оба дяди короля и граф Бранинг были готовы удалиться вместе с Лайемом, дабы попрактиковаться в установлении Скользящей Защиты, едва лишь появится граф Ласло. Но тот до сих пор так и не пришел.

Причина этого вскоре сделалась ясна, как если бы у Келсона еще могли оставаться сомнения, — ибо среди присутствующих вдруг пронесся взволнованный шепоток, всколыхнувший покой садов и зеленых лужаек. В центре всеобщего интереса оказался суровый пожилой вельможа, а также взволнованный, взмокший от пота юноша в доспехах городского стражника; за ними по пятам следовал преисполненный достоинства старец, на которого Келсону указали как на великого визиря Белдора, ответственного за безопасность в городе.

В это самое время Келсон вместе с Дугалом, Морганом и Дерри обсуждал предложенную Расу-

лом прогулку, и к их беседе присоединился отец Иреней, а также любезный, благовоспитанный юноша по имени Радуслав, приходившийся внуком графу Берронесу, однако вскорости все разговоры стихли, и присутствующие, как один человек, обернулись к Лайему и его дядьям, когда гонец в ливрее пал ниц у их ног и торопливо принялся что-то говорить.

— *Что-о?*

Вопль Махаэля разнесся по всему саду, и на лице его, вмиг раскрасневшемся, отразилось негодование и смятение. Иреней и лорд Раду немедленно устремились в том направлении и держались неподалеку от короля, покуда Махаэль с братьями и перепуганным Лайемом не исчезли во дворце вместе с визирем и гонцом. Отец Иреней двинулся за ними следом, однако юный Радуслав, запыхавшись, вернулся с новостями к Келсону.

— Тысяча извинений, что покинул вас на время, — воскликнул он, кивая Расулу. — Однако мне показалось, будет разумно узнать, что же стряслось.

— И в чем же дело? — нетерпеливо воскликнул Расул.

Радуслав закатил глаза.

— Теперь ясно, почему до сих пор не появился наш любезный граф Ласло. Всего час назад его безжизненное тело извлекли из реки, причем он был совершенно обнажен, если не считать женской вуали, замотанной у него на шее.

Расул также возвел очи горе и шумно вздохнул, не проронив больше ни слова. Келсон переглянулся со своими спутниками.

— У графа Ласло были — как бы это сказать — чрезмерные аппетиты, — пояснил Радуслав смущенно. — В это время года любовники нередко предают-

ся плотским утехам под открытым небом, в небольших уютных лодочках. Увы, боюсь, что Ласло оскорбил одного из слишком ревнивых мужей.

Судя по его тону, то, как умер Ласло, никого особенно не удивило, и многие полагали такую смерть заслуженной, однако Келсон, разумеется, про себя усомнился, действительно ли ревнивый муж мог лишить жизни незадачливого графа, — и какую роль на самом деле сыграл во всем этом Матиас.

— Герцог Махаэль, похоже, оказался весьма расстроен, — заметил он. — Они с графом Ласло были близкими друзьями?

— Дело не в этом, — пояснил Расул. — Но Ласло должен был стать четвертым в Скользящей Защите, одним из Столпов Царства. Милорду Махаэлю неприятна мысль, что теперь придется искать ему замену.

— Верно, — согласился Радуслав, — они уже принялись спорить, кто займет его место. Я не слышал, что предложил падишах, но, похоже, его дядьям это не слишком понравилось. Не хотел бы я присутствовать при их споре.

Келсон еще ненадолго задержался в саду, прислушиваясь к разговорам, но братья так и не вышли, — из дверей показался лишь Азим, который тут же отыскал Расула и что-то принялся шептать ему на ухо, после чего, явно желая отвлечь внимание гостей от разногласий в торентской правящей семье, Расул вновь предложил гостям отправиться на прогулку, — и теперь Келсон был готов принять это предложение, ибо стало ясно, что в ближайшее время он не узнает ничего нового о судьбе графа Ласло. Однако на всякий случай он оставил в замке Моргана с Летальдом и Ариланом, а с собой взял лишь Дугала и

Дерри. К его вящему изумлению, к ним присоединился также принц Азим, и когда они остановились, дабы передохнуть и напоить лошадей, утомленных долгой скачкой по зеленым холмам, адепт Дерини ловко отвел Келсона в сторону и увлек его за собой по тропинке к озерцу с небольшим водопадом. Когда лошади напились и всадники завели их в тень раскидистых сосен, Азим принялся поправлять ремень на седле и искоса бросил внимательный взгляд на Келсона.

— Вы знаете, какое предложение сделал Лайем-Лайос своим дядьям? — спросил он так тихо, что Келсон едва смог расслышать его сквозь шум падающей воды.

— Я ничего об этом не слышал, — искренне отозвался он. — Но, судя по всему, вам что-то известно.

Азим усмехнулся поверх луки седла.

— От простой опасности к смертельной угрозе, государь... Он желает, чтобы вы заняли место Ласло в Скользящей Защите.

Изображая полнейшую неосведомленность, Келсон широко раскрыл глаза.

— Кто, я?

— Похоже, вы завоевали его доверие, — нейтральным тоном пояснил Азим, не сводя с короля пристального взора. — Старшие братья решительно настроены против этого. Однако младшие члены Совета склонны во всем потакать юному падишаху.... который, судя по всему, в конечном итоге добьется своего.

Келсон лишь покачал головой с деланным недоумением.

— Вы говорите об этом очень уверенно, но откуда вам все это известно?

— У меня есть свои... источники, — с серьезным видом ответил тот. — И не играйте со мной в эти игры, Келсон Гвиннедский. Вы впустую тратите и свое, и мое время. Если уж вы готовы довериться мне в том, что касается своей будущей женитьбы, то должны поверить мне и в этом. Способны ли вы справиться с задачей, которую готов возложить на вас Лайем-Лайос?

— А что вы сами скажете об этом? — парировал Келсон. — Можете ли вы меня обучить?

Азим склонил голову.

— Могу. И, судя по всему, придется. Как мне сказали, юный Лайос может быть непреклонным, если уж что-то решит. В этом он похож на своего отца. Что же касается вас, государь, то, думаю, что вы справитесь. Вопрос лишь в том, хотите ли вы этого.

— У меня нет иного выбора, если таково желание Лайема, — отозвался Келсон, глядя чуть в сторону, туда, где на берегу озерца Дугал и Дерри поили своих лошадей... то и дело встревоженно поглядывая в его сторону. — Он принес мне вассальную клятву, но и я дал ему обет сюзерена. Я прекрасно понимаю, какие сложности вызывает его восшествие на престол. Он... даже поведал мне свои сомнения относительно намерений кое-кого из близких родичей.

Азим также повернулся к озеру и позволил себе негромко вздохнуть.

— Государь, я считаю, вы делаете очень важное дело, помогая Лайему-Лайосу, — промолвил он негромко. — Да благословит Бог вас обоих, и да сохранит вас невредимыми.

Келсон бросил взгляд на Азима и попробовал прощупать его ментальную защиту, но, разумеется, тщетно.

— Азим, уж не пытаетесь ли вы предупредить меня о какой-то опасности? — прошептал он.

— Я полагаю, что любой, кто недооценивает коварство старших братьев Фурстанов, будет настоящим глупцом, — загадочно проронил на это Азим.

— А что вы скажете о младшем брате и о самом Лайеме? — настаивал Келсон.

— Я уже сказал все, что мог, — возразил Азим. — И советую вам хорошенько поразмыслить над этим.

После чего он развернул лошадь и повел ее к берегу, где дожидались остальные, а Келсон остался на месте, гадая, что за странное предупреждение — или совет — он получил только что.

* * *

Чуть позднее, после того, как они установили защитный купол над своими покоями, чтобы помешать торентским соглядатаям подслушать их разговор, король рассказал обо всем Моргану и Дугалу, и те точно так же, как и сам Келсон, пришли в полное недоумение. Судя по словам Азима, который предупреждал, что следует опасаться лишь двух старших братьев Фурстанов, но не Матиаса, этому последнему можно было доверять. Однако окажется ли его утверждений достаточно в нынешней ситуации, которая становилась все более опасной и натянутой с каждым проходящим часом?

Морган, знакомый с Азимом куда лучше, чем Келсон, не мог объяснить, каким образом тот оказался столь тесно замешан в торентские интриги. Он лишь выразил свое согласие, что если уж Лайем и впрямь попросил Келсона заменить Ласло в Скользящей Защите, то у короля нет иного выбора, кроме как согласиться, — и точно так же ему придется при-

нять помощь Азима, который подготовит его к этому ритуалу. Келсон скверно спал этой ночью, прекрасно сознавая, что грядущий день принесет события, над которыми у него нет никакой власти, и которые, скорее всего, пока остаются за пределами его понимания.

На следующее утро он встал с головной болью. Когда после завтрака распорядитель торжеств поведал королю о планах на сегодняшний день, то он отнюдь не удивился, узнав, что его присутствия ожидают в одном из внутренних покоев дворца. С собой он взял Моргана и Дугала и обнаружил, что у дверей его уже ожидают Азим, Арилан и Летальд. Судя по выражению их лиц, они уже знали обо всем и были весьма недовольны происходящим.

В малой приемной Лайем с лицом, преисполненным решимости, восседал на троне с балдахином, — не столь пышном, как в парадном зале, однако и этого было достаточно, чтобы напомнить присутствующим о королевской власти. Больше никто не сидел, хотя это и допускалось по этикету торентского двора. Махаэль, Теймураз и Матиас стояли рядом с троном с хмурым и угрюмым видом.

С другой стороны, опираясь на пастырский посох в виде буквы *тау*, стоял патриарх Альфей в темно-пурпурной рясе, резко контрастировавшей с пышными многоцветными одеяниями придворных, и в высокой плосковерхой шапке с черным покрывалом, ниспадавшим на плечи сзади.

Грудь его украшал большой наперсный крест и две *панагии*. Келсон заметил также у Матиаса его образок Богоматери, и тот незаметным жестом тронул иконку, когда они с королем на миг встретились взглядом.

— Торентский двор приветствует Келсона Гвиннедского, нашего брата во Христе, — обратился к нему Альфей, когда Келсон со свитой вошел в зал, и двери за ними закрылись. Король Гвиннеда приветственно кивнул Лайему и патриарху, тогда как сопровождающие его отвесили более церемонный поклон. — Мне было поручено задать вам некоторые вопросы, дабы выяснить, готовы ли вы посодействовать нашему падишаху в одном весьма важном деле.

Келсон вновь кивнул Альфею, заранее зная, чего сейчас от него попросят.

— Будучи его сюзереном, я всегда рад помочь Лайему-Лайосу в исполнении его обязанностей, Святейший.

— Торент благодарит вас, — отозвался Альфей. — Возможно, вам доводилось слышать, что один из придворных сановников скончался вчера: граф Ласло Чальский. Мы скорбим о кончине этого достойного человека, ибо высоко ценили его заслуги; но, увы, его смерть принесла нам одну весьма серьезную проблему, ибо он должен был участвовать в установке Скользящей Защиты на церемонии возведения падишаха на престол, стать Столпом Царства в *килиджалае*, что считается величайшей честью, которую может оказать человеку Дом Фурстанов, но это для этого требуется немалое умение. Падишах пожелал предложить эту честь вам — дабы вы заняли место графа Ласло — но он прекрасно поймет ваш отказ, если вы сочтете, что недостаточно опытны для этого и не слишком хорошо знакомы с нашими обычаями.

В третий раз Келсон церемонно поклонился патриарху. Вероятнее всего, по указаниям Махаэля, он таким образом сформулировал свое предложение,

что у короля не осталось никакой возможности отказаться, не потеряв лицо, — а, стало быть, Махаэль желал присутствия Келсона при этом обряде. Оставалось лишь надеяться, что Лайем и Матиас не солгали ему. К тому же Келсон никак не мог отвергнуть предложение, которого Лайем добился с таким трудом.

— Я ценю вашу заботу и внимание к моим трудностям, Святейший, — промолвил он тщательно подбирая слова, ибо знал, что все присутствующие сейчас проверяют его правдивость с помощью чар истины, так что ему следовало говорить лишь то, что полностью соответствует действительности.

— Да, вчера мне сообщили о кончине графа Ласло... И я узнал также, что Лайем-Лайос просит меня о помощи и желает, чтобы я занял его место. Я взял на себя смелость спросить совета принца Азима, который лучше меня знаком с требованиями этой церемонии, и также знает мои собственные способности. — Азим поклонился, когда Келсон указал на него, прижав одну руку к груди. — Он заверил меня, что под его наставничеством я сумею обучиться всему необходимому, дабы исполнить свой долг. Кроме того, возможно, отец Иреней или отец Кароли согласятся прийти мне на помощь в подготовке к ритуалу, ибо я хотел бы исполнить свою роль в этом столь важном для Торента событии с надлежащим почтением и умением.

По залу пронесся общий вздох облегчения, — но оттого ли, что своим ответом Келсон снял неловкость, или оттого, что они ожидали его неудачи, король не мог сказать наверняка.

В этот же самый день после обеда Келсон начал свои занятия с Азимом. Он никогда прежде не рабо-

тал напрямую с этим магом-Дерини, который обучался у Рыцарей Наковальни, что являлись прямыми наследниками ордена Святого Михаила, восходившего еще к временам святого Камбера; но он знал, что Азим обучал и Риченду, и Росану (он также был и наставником Аракси, но эту мысль Келсон постарался выбросить из головы, чтобы не отвлекаться от насущных задач). По взаимному невысказанному соглашению, оба они не позволяли проникнуть на поверхность сознания никаким воспоминаниям прошлого, ибо задача их была и без того слишком трудна. Точно также они не обсуждали между собой возможный вопрос о предательстве Матиаса или Лайема.

— Вам не следует беспокоиться о том, чтобы уравновесить потоки силы, — пояснил ему Азим, пока они отдыхали от очередного сеанса визуализации, которой должен был овладеть Келсон как представитель Западной Части Света. — Лайем должен будет слить вашу энергию воедино, дабы укрепить защитную сферу. Пока он делает это, вам предстоит лишь без колебаний удерживать воображаемый образ, — но удерживать его предстоит в два этапа, продолжительностью около двух часов: сперва в пути отсюда до базилики святого Иова, а затем — во время самого *киллиджалая*. Там, возможно, это будет не столь долго, но потребует куда больших усилий. Для передышки у вас будет всего четверть часа между двумя этими этапами.

— Но хватит ли этого, чтобы прийти в себя? — спросил его Келсон.

— Должно хватить. По счастью, назначив вас на Западную Сторону, — что вполне логично, учитывая, что Гвиннед граничит с Торентом с запада, — они

также предоставили вам наименее важную из четырех позиций: ее покровителем является архангел Гавриил, вестник Богоматери.

— И это вы называете наименее важной позицией? — пробормотал Келсон, потирая виски.

Азим усмехнулся.

— О, да. Труднее всего положение на Севере: Уриил — это тот из архангелов, кого мы понимаем хуже всего, но Матиас достаточно компетентен, чтобы сыграть эту роль. Самая опасная позиция — на Юге, где Теймураз будет сдерживать Огонь — ибо архангел Михаил играет ведущую роль в *киллиджалае*.

— Но я успею обучить вас всему необходимому за оставшееся время, — продолжил Азим. — Вы способный ученик, и если будете знать, чего ожидать от Огня, то сумеете оказать достойный отпор Теймуразу, какое бы предательство тот ни готовил. На Востоке Бранинг тоже занимает угрожающее положение, если он также замешан в этом заговоре. Он будет владеть мощью Бури. — Маг покачал головой. — Все позиции имеют свои сильные стороны.

— Но ведь каждый из них должен направить свою мощь в поддержку Лайема, — заметил Келсон, собираясь с духом для очередного сеанса визуализации. — Если получится, то именно этого я и постараюсь добиться.

Поначалу ему удавалось удерживать концентрацию всего на каких-то десять минут, но уже на следующее утро он выдержал целый час... и три часа к исходу этого дня. С помощью Азима, он как следует выспался ночью и, как тот и обещал, встал отдохнувшим, с ясной головой.

Чуть позже утром Азим привел с собой отца Иренея, отца Кароли и пожилого вельможу по име-

ни Янус Сократ, чтобы они также помогли королю. Все трое были сведущи в искусстве Скользящей Защиты, хотя обычно эта роль отводилась более молодым людям, — а у седобородых мудрецов недоставало сил, чтобы выдержать столь долгую церемонию, как того требовалось от Келсона. Янус, самый опытный маг из всех них, был совершенно слеп, и глаза его скрывали молочно-белесые бельма, так что он и шагу не мог ступить без мальчика-поводыря, однако разум его был остер, как бритва, и он превосходно справился с визуализацией Уриила на Северной Стороне при репетиции обряда, сделавшись для них подлинным Столпом Силы, уравновесившим энергии Защиты. Отец Кароли встал на Юге, а отец Иреней с честью выполнил свой долг на Восточной позиции; тогда как сам Азим во время этих тренировок исполнял роль Лайема, смешивая потоки силы и воздвигая Защиту.

Во время этой работы, пока Азим переплетал и удерживал их энергию, Келсон обнаружил, что когда Защита уже воздвигнута, удерживать ее куда проще и требует меньшего напряжения, чем ему казалось вначале. Всем четверым следовало лишь не сходить со своего места, а все остальное получалось как бы само собой. После часа занятий, хотя они пока не пробовали перемещаться и покидать пределы комнаты, Келсон убедился, что достойно сможет исполнить свою роль в первой части обряда, как бы много времени это ни заняло, — по крайней мере, до того мига, когда начнется действительная передача силы.

Однако, на этом этапе ему придется владеть куда более мощной энергией, совсем иного порядка, и не только удерживать свои собственные потоки в рав-

новесии с тремя остальными, но и помогать Лайему концентрировать их на себе; а Азим сообщил, что эту часть обряда им не удастся отрепетировать, ибо она требует огромного расхода магической мощи. И, разумеется, пока их трое помощников ни удалились для отдыха, Азим с Келсоном не стали обсуждать тот вопрос, что взаимодействие энергетических потоков во многом будет зависеть от того, каким образом противники намерены совершить свое нападение в решающий момент.

Именно на этот случай, прежде чем прерваться для трапезы, Азим показал королю Гвиннеда, каким образом в критический момент можно выйти из обряда ради спасения собственной жизни, — хотя это было крайним средством, и Келсон мог применить его лишь в том случае, если утратит всякую надежду спасти Лайема и будет вынужден бросить его на произвол судьбы. Чуть позднее, прежде чем изможденный Келсон отправился спать, двое священников вернулись, дабы ознакомить его с внешней стороной церемонии возведения короля на престол. После всех этих занятий у Келсона начала кружиться голова. Поскольку на завтра ему предстояла первая тренировка совместно с братьями Фурстанами, а не с наставниками, он вновь позволил Азиму погрузить его в глубокий, несущий отдохновение сон.

Как ни удивительно, работать с Теймуразом, Бранингом и Матиасом в конечном итоге оказалось куда проще, чем Келсон опасался. Сперва все они не скрывали своей враждебности, но когда Лайем занял позицию посередине, соединяя их энергетические потоки в гармоничное единство, они вскоре добились того, что смогли перемещаться по коридорам дворца, поддерживая действенную Скользящую За-

щиту, внушая благоговение стражникам и пугая детишек, которые разбегались с пронзительным визгом.

После полуденной трапезы они подошли к следующему этапу: перенести Защиту на парадную карету, запряженную восьмеркой лошадей, такую же как та, в которой Лайем-Лайос в день *киллиджалая* отправится из дворца на пристань святого Вассила, а затем на корабль, что отвезет его вверх по реке в Торентали и базилику святого Иова. Физическая сторона дела требовала немалой практики: Бранинг усаживался на козлы рядом с возницей, Матиас с Теймуразом вставали на подножки по бокам, а Келсон должен был вскочить на запятки, все это время тщательно удерживая Защиту. Однако, когда они как следует натренировались, это стало требовать лишь минимальных усилий.

Лайем вознаградил Келсона радостной улыбкой, когда, завершив репетицию, они возвращались во дворец. Матиас держался рядом с братьями на вечернем пиршестве, которое состоялось в честь очередных прибывших на торжества чужеземных гостей; но пока Махаэль и Теймураз отвлеклись для беседы с одним из послов, их младший брат успел заговорщицки переглянуться с Келсоном, поднеся два пальца к губам, а затем коснувшись ими иконки на груди.

Келсон догадался, что Матиас хотел убедить его, что сейчас он лишь играет свою роль, притворяясь, будто заодно с братьями, но исполнит клятву, данную им в часовне в тот день, когда они посещали Николасеум.

Однако, Келсон по-прежнему не до конца был уверен в правдивости Матиаса.

Репетиции продолжились и на следующий день. Поутру они попробовали сдвинуть Скользящую Защиту, выйдя из кареты на пристань, а затем и перейдя на корабль, где смогли удерживать купол над Лайемом все то время, что судно шло вверх по реке, пробуя все составные части ритуала в различных сочетаниях.

Высадившись в Торентале, где граф Берронес хмуро наблюдал за их усилиями, они продолжили тренировку, на сей раз закрывая Скользящей Защитой белого жеребца, на котором будет восседать Лайем в день церемонии, и вместе с ним двигаясь вверх по Дороге Королей, до самой Хагия-Иов. Лошадь оказалась беспокойной, еще не привычной к седоку, и принялась вырываться из рук конюших, когда пятеро участников ритуала приблизились; но вмиг успокоилась, оказавшись под сферой Защиты, без труда позволив Лайему сесть в седло.

Лошадь и всадник словно слились воедино, и гигантский жеребец сделался абсолютно покорным, — за что Келсон был искренне благодарен, ибо ему пришлось идти прямо вслед за огромными подкованными копытами. Рядом с ними ехал граф Берронес на спокойном белом муле и, когда Лайем, наконец, спешился перед золотыми вратами церкви, объявил, что вполне доволен тем, как у них все получается. Внутри базилики для продолжения репетиции их ожидали Мораг, Ронал-Рурик и сам Махаэль, которые впервые за все время должны были присоединиться к ним.

Затем они прошли всю церемонию от начала до конца, — для большинства присутствующих это была лишь одна из множества репетиций, однако Келсону впервые довелось ее пройти, ибо до сих пор он

лишь наблюдал за обрядом со стороны, в блаженном неведении о своей будущей роли в нем. Теперь же, став частью Скользящей Защиты, он мог наблюдать за происходящим совсем с иной стороны, и гораздо внимательнее прислушивался к указаниям Берронеса, постоянно чувствуя на себе пристальный взгляд Азима, Моргана и всех остальных, пока, наконец, они не подошли к тому моменту, когда должен совершиться переход Силы.

— Эту часть мы репетировать не будем, — заявил Махаэль, давая знак, что можно сделать передышку, — ибо не стоит повторять лишь внешнюю часть ритуала, не затрагивая его внутреннюю сущность. Лайе знает, что должен делать.

— Но, может быть, вы хотя бы изобразите... — начал было Берронес.

— Этого не будет, — отрезал Теймураз, поддержав Махаэля. — Давайте сразу перейдем к коронации, выражениям почтения и большой процессии.

— Но для короля Келсона... — настаивал Берронес.

— Ему останется лишь смотреть и повторять все наши действия, — возразил Матиас, бросив резкий взгляд на Лайема, который уже готов был начать спор. — Ради нашего падишаха, не станем осквернять наследие Фурстанов.

— Ваше величество! — воззвал Берронес к своему королю.

— Поступим так, как советуют мои дядья, — неохотно согласился тот. — Мы не будем репетировать эту часть ритуала Фурстанов.

* * *

Позже вечером, когда в парадном зале дворца проходили очередные торжества, епископ Денис

Арилан явился на встречу, которую ему назначили сегодня. Когда он замешкался на развилке коридора, откуда-то из темноты ему навстречу выступил Азим, как всегда, одетый в черное.

— Пойдем со мной, — пригласил он чуть слышно. — И не говори ни слова.

Арилан безмолвно последовал за ним по винтовой лестнице, отыскивая путь почти на ощупь, поскольку здесь не было ни единого факела. Азиму, похоже, вовсе ни к чему был свет. Спустившись на один этаж, они оказались перед бронзовыми дверями, покрытыми сложным резным узором. За ними скрывалась скромная комната, освещенная единственной масляной лампой, подвешенной над небольшой нишей. Азим закрыл за ними двери, и из тени выступила женщина с непокрытой головой.

— Ни слова, — прошептала Софиана. — Пойдем. Этот Портал часто используют придворные. Нас тут никто не заметит.

В тот же самый миг Азим подтолкнул Арилана за плечи, защиты Софианы окружили всех троих, она взяла их за руки, и Арилан в ответ опустил свои щиты, ибо, приблизившись, тут же почувствовал, что под ногами у него находится Портал. Заранее зная пункт их назначения, он уступил контроль Софиане, так же как и Азим, отметив краткий головокружительный миг перехода, когда они сменили Портал. Тут же зрение вернулось к нему, и Софиана выпустила его руку. Арилан увидел, что, как он и ожидал, они находятся прямо перед залом заседаний Камберианского Совета.

Внутри их поджидали Баррет с Сионом, сидевшие за огромным столом под пурпурным куполом. Сион поднялся при виде троих вновь прибывших с

озабоченным видом, одной рукой придерживая Баррета за плечо. Софиана покосилась на пустующие кресла, а затем уселась на свое место рядом с Сионом.

— Я вижу, Ларан пока не прибыл, — заметила она.

— И сегодня не придет, — отозвался Баррет серьезным тоном. — Равно как и Вивьен... Она умирает, — продолжил он, подняв слепое заплаканное лицо. Ларан там с ней, и останется до самого конца, но он мало чем может помочь.

Арилан, заслышав эту весть, невольно оступился. На его памяти, гордая и неуступчивая Вивьен всегда была членом Совета, внося в их споры столь необходимую нотку сурового здравого смысла и делясь с остальными своей огромной магической силой. И хотя порой все они злились на ее упрямство, она являла собой некое звено в цепи, связывавшей их с традициями былых времен. Он не мог себе представить, каким станет Совет без нее, и он никогда не думал над тем, что она может быть больна; он лишь считал ее очень хрупкой.

— Что случилось? — спросил он, усаживаясь на место.

Азим занял свое кресло напротив пустующего стула Вивьен, рядом с Софианой и Сионом.

Баррет тяжело вздохнул. Внезапно он и сам стал выглядеть куда старше, чем пару мгновений назад, прежде чем поведал им о близкой смерти Вивьен.

— Она уже стара, Денис, мы все состаримся, если повезет. Пришло ее время. А вскорости наступит и мой черед.

— Но...

— Денис, — промолвила Софиана негромко. — Ей уже давно нездоровилось. Даже при нашей послед-

ней встрече она тяжело страдала, хотя и старалась этого не показать. Три дня назад с ней случился удар. Ларан все это время оставался с ней и не покинет ее, пока... — беспомощным жестом она вскинула обе руки.

— Но почему мне никто ничего не сказал? — прошептал Арилан. — Три дня!

— Ничто не должно было мешать подготовке короля к *киллиджалаю*, — невозмутимо ответствовал Азим. — Даже я сам узнал обо всем лишь час назад, ибо это могло помешать моей сосредоточенности, а я должен был обучить короля всему необходимому.

— Я уверен, что именно этого она бы от нас и хотела, — заявил Баррет, оборачивая слепое лицо к Арилану. — Настал критический момент, и мы не можем позволить скорби совлечь нас с намеченного пути. Наш брат Азим постоянно держал нас в курсе своих успехов по подготовке Келсона к участию в обряде. Он также сообщил, что ты желаешь еще кое-что довести до нашего сведения, и это имеет прямое отношение к Совету.

— Верно, — согласился Арилан, покосившись на Азима — и гадая, вправду ли тот пока еще никому не поведал о скором браке Келсона, раз уж он общался с членами Совета не только на обычных заседаниях. — Это уже не такая свежая новость, но когда мы впервые обо всем узнали, у нас не было доступа к Порталу, а Азим сказал, что о таких вещах лучше сообщать с глазу на глаз. Учитывая состояние Вивьен, он, должно быть, был прав, поскольку наши известия могли бы вызвать ее недовольство... хотя я все же надеюсь на одобрение Совета. Король, наконец, избрал свою будущую супругу, и состоялось формальное обручение.

Вид у всех, кроме Азима, был пораженный, и Арилан убедился, что тот и впрямь никому ничего не сказал.

— И кто же счастливая избранница? — вопросил Сион.

— Та, чей уход с рынка невест может затруднить твою задачу в Лланнеде, — отозвался Арилан. — Но нам следовало подумать о ней раньше. Лично я готов одобрить этот брак.

— Но кто же она? — воскликнул Баррет.

— Он хочет взять в жены свою кузину Аракси Халдейн, — отозвался Арилан, и ответом ему были изумленные возгласы присутствующих. — Это означает, что она не выйдет за принца Куана Ховисского, а сам Келсон не женится на Ноэли Рэмси.

Баррет нахмурил брови.

— Ты прав, это бы пришлось не по вкусу Вивьен... И очень не понравится меарцам.

— Король кое-что придумал, чтобы улестить Меару, — возразил Арилан. — Он желает, чтобы Ноэли вышла за его кузена Рори Халдейна... Судя по всему, эти двое питают друг к другу теплые чувства еще с прошлого лета, когда их семейства встретились в Ремуте для обсуждения первого из меарских браков. Второй союз закрепит присутствие Халдейнов в Меаре, ибо, как мне сообщили, Рори может стать будущим вице-королем. Таким образом, меарский вопрос будет решен мирным путем и больше не будет причинять нам хлопот еще долгое время.

— Да, это будет славно, — признал Сион, задумчиво взъерошив свою вьющуюся рыжеватую бородку. — Однако сам Келсон желает именно того, чего так опасалась Вивьен: брака между Халдейнами. Каков

же будет результат такого союза... если потенциал Халдейнов замкнется сам на себя?

— К тому же ты прав, дома в Лланнеде у меня возникнут дополнительные трудности, — вздохнул он. — Все вновь обратят пристальные взгляды на мою госпожу принцессу Гвенлиан и ее кузена Куана, как только выяснится, что его предполагаемая невеста выходит за другого. Боюсь, мне будет нелегко утихомирить короля Колмана, когда он обо всем узнает.

Софиана нетерпеливо поморщилась.

— Со всем уважением к тебе, Сион, замечу все же, что сейчас Совет меньше всего волнуют внутренние проблемы Лланнеда и Ховиса. — Она покосилась на Азима. — А новость и впрямь самая благоприятная, хотя над этим стоит поразмыслить как следует. Однако, пока вы все совершенно правы, и нашей первой заботой должен быть *киллиджалай* со всеми его опасностями. Так значит, Азим убежден, что Келсон способен участвовать в ритуале Скользящей Защиты и отразить возможную угрозу со стороны Махаэля?

— С моей стороны было бы глупо утверждать, что он способен отразить *любое* нападение, — отозвался Азим, склонив голову, — но я считаю, что он очень способный ученик. Остается лишь проверить на практике, насколько моя убежденность соответствует реальности. Утро станет для всех нас моментом истины, а завтра в это же самое время мы уже будем знать, есть ли смысл так тревожиться об этом браке, или это утратит всякое значение.

Глава девятнадцатая

Удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою[1]

День *килиджалая* выдался ясным, но не слишком жарким. Зной прошлых недель смягчили прохладные ветры, вызванные по такому случаю погодными магами. Келсон поднялся с первыми лучами солнца и некоторое время стоял у открытого окна, глядя, как первые длинные тени постепенно отступают перед золотой волной сияния, заливающего город. Вскоре Дугал явился сообщить ему, что ванна готова.

Вода была чуть теплой, в самый раз, чтобы слегка охладиться, но в то же время и не продрогнуть. Келсон наслаждался купанием, пока Пейн с Бренданом не явились помочь королю одеться. За ними следовал Морган, который нес на вытянутых руках богато расшитое церемониальное платье, что надлежало надеть королю, олицетворявшему один из четырех Столпов Скользящей Защиты.

— Это тебе принес отец Кароли, — заявил Морган, с усмешкой раскладывая одеяние рядом с алой шелковой рубахой, которую король должен был на-

[1]Притчи 25:5

деть под это роскошное платье. — Судя по всему, обычно *киллиджалай* проводят среди зимы.

Выбираясь из ванны, Келсон с отвращением покосился на торентский наряд.

— Да уж, те, кто это шил, явно не думали о летней жаре.

Дугал хмыкнул.

— А по-моему отец Иреней говорил, что на самом деле это платье считается очень легким. Его сшили специально для церемонии совершеннолетия Алроя. Но так никогда и не использовали, — добавил он, внезапно смутившись, когда смысл собственных слов дошел до него.

— Будем надеяться, это не дурное предзнаменование, — отозвался Келсон спокойно, вспомнив, что Алрой погиб как раз перед этой церемонией.

Не обменявшись больше с друзьями ни единым словом, он быстро обсушился и принялся натягивать облегающие черные штаны. От волнения желудок у него завязался тугим узлом, ибо нельзя забывать, что Алрой, вероятнее всего, пал от рук убийц, подосланных Махаэлем, который сегодня должен был сыграть ведущую роль в церемонии. И пока Брендан расчесывал и заплетал ему волосы в косу, король задумчиво крутил в пальцах коралловые четки, подаренные матерью, — самый подходящий символизм, сообразил он внезапно, для медитации на Запад, правящий стихией Воды. Пока Пейн обувал ему на ноги короткие сапожки, он невольно принялся рассматривать одеяние, которое готовили для восшествия на престол короля Алроя.

Наряд Столпа Запада был того же небесно-синего цвета, к которому Келсон уже успел привыкнуть и знал, что он символизирует все божественное, укра-

шая собой церковные купола и прочие святилища. Одеяние казалось жестким на ощупь от обилия шелковой вышивки, золотых лент и самоцветов. Спереди оно застегивалось на правом плече, а на груди было украшено символом, соответствующим своей Стороне Света. Там был мерцающий белый полумесяц, изображенный с помощью толстой серебряной нити и жемчуга, символизировавший Запад в Торенте и, вообще, в странах Востока, причем жемчужины ясно указывали на то, что именно Запад управляет стихией Воды.

Вышитыми ракушками были украшены манжеты широких рукавов и высокие разрезы по бокам. Волнистые линии на одеянии также символизировали воду. На спине же в полный рост был изображен архангел Гавриил, воздевший изящным жестом руки на уровень плеч в позе, именуемой *оранс*, причем крылья его были расправлены и заходили на ворот платья. Ладони ангела были украшены самоцветами, и Келсон невольно покосился на медальон, висевший на четках и, заметив вопрошающий взгляд Моргана, показал их ему.

— Мне это подарила Джехана перед отъездом, — пояснил он. — Но откуда ей было знать? Она думала, это ее ангел-хранитель, но я полагаю, что здесь изображен Гавриил.

— Святой архангел Гавриил, — согласно кивнул Морган. Келсон коснулся украшенного эмалью образка губами, а затем надел четки себе на шею. — Будем надеяться, что архангел придет тебе на помощь в твоих трудах.

— Я тоже надеюсь на это, — отозвался Келсон.

С этими словами он отвернулся к Пейну, который помог ему натянуть тонкую нижнюю рубаху,

но покачал головой, когда Брендан предложил ему надеть поверх нее алую тунику Халдейнов, лежавшую рядом с церемониальным платьем. Хотя она была из легчайшего шелка, Келсону отнюдь не хотелось надевать на себя лишнее, — и без того ему будет слишком жарко; а после завершения обряда торентское одеяние сменит тяжелая мантия Халдейнов, ибо Келсону, сыграв роль Столпа Царства, затем придется вспомнить о своих обязанностях сюзерена Лайема.

— Не желаешь ли перекусить? — предложил ему Дугал, пока Келсон заправлял рубаху в штаны.

— Пока не решил, — ответил король. — Обычно магические ритуалы лучше проводить на голодный желудок, но с другой стороны, день будет очень долгим. Аларик, что скажешь?

— Полагаю, что неплохо было бы по меньшей мере принять святое причастие, — предложил Морган. — Скоро придет Арилан, дабы отслужить для нас мессу.

— Тогда, возможно, после этого я поем еще немного хлеба и запью вином, — согласился Келсон. Чуть погодя он вздохнул: — Как же мне не хочется идти туда, друзья. Как знать, был ли Матиас честен с нами, или тут какая-то отвратительная двойная или даже тройная игра, цель которой — погубить меня. Боже! Как нам узнать правду?

Вскоре явился Арилан, а с ним Азим, Сэйр и Дерри. Отслужив мессу, епископ-Дерини и Азим остались в покоях короля, тогда как Сэйр и Дерри удалились по своим делам, захватив с собой обоих оруженосцев.

— Ну что ж, — обратился к гостям Келсон, запивая разбавленным вином ароматный темный хлеб. — Вы вдвоем остались затем, чтобы дать мне какой-то

последний совет, или Денис просто намерен вновь поведать мне о том, какую глупость я готов совершить?

Азим едва заметно улыбнулся. Арилан мгновенно ощетинился.

— На самом деле, — поспешил заметить Морган, прежде чем епископ скажет какую-то резкость, — его милость остался, дабы в последний раз дать тебе благословение, прежде чем отправиться в Торентали. Он наотрез отказывается сообщать нам все, что знает об этой истории. Я начинаю подозревать, что к происходящему приложил руку Камберианский Совет.

— Это несправедливо! — воскликнул Арилан.

— Более того, поскольку принц Азим отказался пояснить, что он имел в виду, предупреждая нас опасаться братьев Фурстанов, — и даже сказал, что *не смеет* поведать нам ничего более, — я могу предположить, что он подчиняется той же власти, которая порой ограничивает прямолинейность Арилана... Иными словами, Камберианский Совет строит свои интриги в деле торентского престолонаследия. Хотите что-то добавить, Азим?

Адепт Дерини взглянул на него с ничего не выражающим лицом.

— Продолжайте, прошу вас.

— И я продолжу. Камберианский Совет никогда не вмешивается в наши дела напрямую, — проговорил Морган. — Поэтому они обычно ограничиваются намеками и предложениями, заставляя возможных союзников становиться врагами. Вот только все мы знаем, что Лайем-Лайос является законным королем, а Келсон поклялся защищать его как своего вассала. Поэтому я не могу понять, к чему вам играть с

нами в эти игры. Конечно, у Арилана это старая привычка, — и мы знаем, что он является членом Камберианского Совета, поскольку как-то раз он брал с собой меня, Келсона и Дункана на их собрание. Азим тогда в Совет не входил... Но все меняется. Не так ли, Арилан?

Арилан был всецело поглощен изучением носков своих вышитых домашних туфель. Азим удостоил его пронизывающим взором, затем смерил оценивающим взглядом Келсона и его приближенных и вновь перевел глаза на епископа.

— Если ты не скажешь им сам, Денис, то это сделаю я, — промолвил он негромко. — Если уж его сочли достойным, чтобы предложить заседать в Совете, то он заслуживает и всей правды о том, с чем может столкнуться сейчас.

У Келсона перехватило дыхание, ибо он понял, что сейчас, наконец, может произойти прорыв, которого он так давно ждал. Морган и Дугал также напряглись, полные внимания. Арилан долгим взглядом уставился на Азима, — лицо его при этом оставалось мрачным и замкнутым, — затем обреченно вздохнул.

— Принц Азим, действительно, член Совета, — признал он. — Также присутствовать в качестве наблюдателей будут и еще некоторые из нас, ибо если Махаэль и впрямь уничтожит своего племянника, то последующие династические междоусобицы нарушат равновесие во всех странах Востока.

— Так значит, он все-таки намерен напасть на Лайема? — выдохнул Келсон.

— Так мы полагаем. Но наши источники могут ошибаться. Махаэля поддерживает граф Бранинг, очень сильный и честолюбивый Дерини, а также оба

брата... по крайней мере, сам он верит в это. Но имеются... некоторые указания на то, что Матиас скорее предан Лайему, нежели Махаэлю, и попытается защитить мальчика. Мать Лайема внешне поддерживает ровные отношения со всеми тремя братьями, но у нее есть и свои интересы; она не предъявляла никаких обвинений Махаэлю после гибели старшего сына, но слухи не могли не дойти и до нее. *Нам* представляется немыслимым, чтобы мать участвовала в заговоре против собственных детей, однако в Торенте члены рода Фурстанов всегда отличались непомерными амбициями. Бранингу поручили завязать с нею любовную интрижку, но никто не знает, как она на самом деле относится к графу.

— Вы могли бы поведать мне об этом и раньше, — резко произнес Келсон, когда Арилан закончил.

— Но подобное знание могло бы повлиять на ваши взаимоотношения с братьями Фурстанами во время подготовки к церемонии, — возразил Азим, прежде чем Арилан успел ответить. — Сегодня ваши щиты будут крепче, ибо вы знаете, что время репетиций миновало. А учитывая все то, что сообщил вам Денис, я могу подтвердить, что еще один человек, чье мнение я ценю чрезвычайно высоко, заверил меня, что Матиас вполне достоин доверия.

— И *вы* тоже могли рассказать мне *это*! — рявкнул Келсон.

— Но тогда вы могли выдать себя перед Махаэлем и его сообщниками, — возразил Азим. — Так что не надо демонстрировать *мне* ваше негодование, Келсон Гвиннедский, у вас и без того не так много союзников.

Келсон заставил себя прикусить язык и позабыть об обвинениях, уже готовых сорваться с его уст, а за-

тем глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Он узнал сейчас очень много нового, и это трудно было осознать за раз, но теперь в душе его поселилась надежда, что Матиасу и впрямь можно доверять, — Келсон чувствовал это и прежде, но было приятно, что кто-то посторонний способен подтвердить выводы его интуиции. А на Азима в этом можно было положиться.

— Прошу простить меня за резкость, — ровным тоном промолвил он. — Но у нас мало времени. Если возможно, ответьте мне еще на один вопрос. Насколько я понимаю, Лайем будет наиболее уязвим в тот момент, когда Махаэль вернет часть принадлежавшей ему силы Фурстанов, и Лайему придется опустить защиты, дабы принять в себя всю полноту их мощи. Если Махаэль воспользуется этим, чтобы напасть на Лайема, а мы с Матиасом попытаемся его защитить, то поддержит ли нас Совет?

— Но Совет никогда не действует напрямую... — начал было Арилан.

— Никто не может вмешаться в то, что происходит внутри установленной Защиты, — указал Азим, перебивая епископа. — Мы будем уповать на Господа, что Матиас и впрямь окажется верен Лайему, и у вас с ним достанет сил сохранить мальчику жизнь и помочь ему стать настоящим королем в своей державе.

* * *

Полчаса спустя, надежно скрыв все страхи и опасения за надежными ментальными щитами, Келсон поднялся на запятки огромной державной кареты, как они уже репетировали это прежде, едва не сгибаясь пополам под тяжестью церемониального одея-

ния и подставляя разгоряченное лицо прохладному ветру. Четыре пары белоснежных р'кассанских жеребцов везли Лайема-Лайоса на пристань святого Вассила, где его уже ожидал корабль, чтобы отплыть на *киллиджалай*. Стоя на подножках экипажа, Матиас и Теймураз смотрели прямо вперед, и точно как у Келсона, на спине у каждого из них красовался архангел: святой Уриил в ярко-зеленых одеждах у Матиаса и огненно-алый Михаил у Теймураза. Бранинг восседал рядом с возницей, и на его спине красовался украшенный золотом Рафаил. Серебристая сфера Скользящей Защиты не была видна под ярким солнечным светом, но Келсон ощущал отток энергии, уходившей на ее поддержание, — хотя он был не так уж и велик, когда четверо Столпов не двигались сами, как в этот момент.

Впереди экипаж поменьше, запряженный тройкой серых жеребцов, вез на пристань Махаэля, Морага и Ронала-Рурика. Их окружал отряд вооруженной стражи, вслед за которым ехали гвардейцы Келсона в традиционных цветах Халдейнов, возглавляемые Морганом и Дугалом. Прочие посланцы Гвиннеда заранее отправились в Хагия-Иов, где заняли места вместе со всеми остальными наблюдателями.

По обеим сторонам дороги Святого Константина стояли сотни ликующих подданных Лайема, которых с трудом удерживали кордоны городской стражи. Многие размахивали платками и шелковыми шарфами, а некоторые женщины охапками бросали цветы под копыта лошадей.

У пристани на площади перед собором Святого Константина небольшие суденышки должны были перевезти их всех вверх по реке. Лодка Лайема была белоснежной, и на помосте красовался пурпурный

навес с золотой бахромой, по четырем углам украшенный флагами с изображением черного оленя Фурстанов. Едва лишь державный экипаж выехал на пристань, четырнадцать пар весел вскинулись в приветствии в руках гребцов в белоснежных одеждах. Девушки в белых платьях с цветами в волосах затянули приветственное песнопение, бросая розовые лепестки и ароматные травы на тончайшие лорсорийский ковер, который слуги поспешно раскатали от самого экипажа.

Теймураз спрыгнул с правой приступки и обернулся, чтобы открыть дверь кареты. Келсон с Бранингом также сошли на землю. Чтобы не потерять необходимое построение Скользящей Защиты, Матиасу пришлось вслед за Лайемом пробраться изнутри и выйти с другой стороны.

Толпа радостно взревела, когда падишах и его Скользящая Защита двинулись по направлению к сходням, ступая по ковру, усыпанному цветами. Шедший между четырех Защитников в пышных одеяниях, юный король поражал своей внешней простотой и невинностью, ибо на нем было очень строгое белоснежное одеяние с высоким воротом, украшенное на груди изображением черного фурстанского оленя и препоясанное черным бахромчатым кушаком.

Никаких украшений и даже головного убора, — солнце бросало рыжеватые отблески на темные волосы юного короля... Лайем прошел на возвышение и сел на трон, установленный под балдахином, не глядя ни вправо, ни влево. Столпы Царства присели на табуреты по бокам от него. Суденышко бесшумно отошло от причала, и теперь тишину нарушал лишь плеск весел о воду, негромкий стук барабана, задаю-

щего ритм гребцам, и перезвон колокольчиков, служивших той же цели на лодках поменьше.

В Торентали они добрались быстро, — слишком быстро, по мнению Келсона. Там их также ожидала толпа, не столь многочисленная, но еще более шумная: все те, кому выпала честь присутствовать у стен Хагия-Иов во время *киллиджалая*. Когда юный падишах сошел на землю, окруженный Скользящей Защитой, девы в белых платьях вновь стали бросать цветы ему под ноги, и он не спеша приблизился к белому скакуну, поджидавшему короля. Двое герцогских сыновей удерживали его за золотую узду, а на голове у коня красовались пышные снежно-белые перья.

Как и в прошлый раз, жеребец мгновенно успокоился, ощутив на себе умиротворяющее воздействие Скользящей Защиты, окружавшей его седока, опустил голову и стоял недвижимо все то время, пока третий герцогский сын подсаживал короля в седло. Когда падишах подобрал золотые поводья, толпа мгновенно притихла и в едином порыве опустилась на колени. Тотчас же раздался перезвон золотых колокольцев, сопровождавший приближение восьмерых гордых вождей кочевников, которые окружили Скользящую Защиту. Каждый из них держал в руках позолоченную деревянную раму с закрепленными колокольчиками, от которых и шел перезвон, но еще больше маленьких колокольцев было нашито у них по подолу пурпурных одежд, на длинных рукавах и даже на тонких цепочках, что свисали с высоких черных шапок.

Ритмично позвякивая, они двинулись вперед, сопровождая процессию по вымощенной Дороге Королей столь странным образом, словно стремясь зву-

ком подчеркнуть мощь магического купола, окружавшего короля. Несмотря даже на то, что он сам был одним из источников этой мощи и уже переживал нечто подобное накануне во время репетиций, Келсон все равно ощутил дрожь возбуждения, следуя за жеребцом Лайема. Стражники Халдейнов двигались за ним пешими, по-прежнему с Морганом и Дугалом во главе, а впереди шествовали знаменосцы, в руках у которых были яркие флаги, символизирующие каждую из провинций Торента.

Патриарх Альфей ожидал их у входа в Хагия-Иов вместе с двенадцатью членами Святейшего Синода Торента, которые выстроились по шесть человек с каждой стороны в своих ослепительных золотых одеяниях и круглых золотых митрах. У каждого на груди красовалась панагия и распятие, а в руке был посох.

Лайем спешился, и Столпы Царства слегка расступились, чтобы скакуна могли увести, — так что Скользящая Защита получила небольшую передышку, — и Альфей подошел, дабы по традиции облобызаться с государем. Затем члены Синода склонились перед Лайемом, а великий визирь приветствовал его от имени всего народа Торента и, преклонив колена, поцеловал подол его одеяния. Поблизости находился также граф Берронес со своим жезлом, который тут же стал приглашать всех присутствующих, кроме тех, кто был непосредственно занят в церемонии, занять заранее отведенные для них места в стенах базилики. Служки тем временем торопливо переобули Лайема и его свиту, надев им на ноги мягкие фетровые шлепанцы.

Келсон пристально следил за тем, как Махаэль входит в церковь вместе с Мораг и Роналом-Рури-

ком; за ними последовали чужеземные гости и приближенные самого Келсона. Морган и Дугал, проходя мимо, искоса бросили на короля взгляд, в котором читалась дружеская поддержка и призыв к осторожности. У Арилана вид был весьма торжественный. Азим, как обычно, казался невозмутимым. Келсон помолился Богу о даровании ему силы и стойкости, тогда как Лайем вновь собрал воедино энергию своих Столпов и поднял над ними молочный купол Скользящей Защиты. По этому сигналу, граф Берронес три раза размеренно ударил в гонг своим жезлом. В ответ трижды прозвонил колокол на колокольне святого Иова, и члены Синода двумя колоннами двинулись внутрь вслед за четырьмя дьяконами, воскурявшими благовония; за ними последовали и Лайем со Скользящей Защитой. Патриарх Альфей замыкал шествие вместе с двумя дьяконами, и над всеми присутствующими внезапно разнесся его густой бас, затянувший первые слова молебна, открывавшего *киллиджалай*:

— *Doxa en hypsistos Theo, kai epi gis irini, en anthropis evdokia...* Славься Троица, излившая свет. Славься, Господь Всевышний, и да будет мир на земле и среди человеков...

Мужской хор повторил слова гимна, и Скользящая Защита двинулась внутрь церкви, вкушая богатую гармонию голосов и вдыхая клубы сладких благовоний. В церкви знаменосцы Торента, которые вошли сюда через боковую дверь, теперь преклонили знамена к ногам падишаха, и он прошел прямо по ним, словно по драгоценному ковру. Под гигантским куполом, где находилась усыпальница Фурстана, — накрытая сегодня тяжелым пурпурным пологом, — те, кто был удостоен чести присутствовать

при *киллиджалае*, выстроились рядами позади могилы.

Члены Синода также миновали усыпальницу и выстроились перед иконостасом, окружив золотой трон, установленный пред Царскими Вратами. Келсону показалось, что святые иконы взирают из-за спин священнослужителей, словно сумрачные немые свидетели того, что должно сейчас произойти, и кажутся почти живыми в подрагивающем свете золоченых лампад. Махаэль и Мораг заняли места у двух более скромных тронов, установленных по обе стороны от королевского, что символизировали их регентство, тогда как Ронал-Рурик держался у матери за спиной.

Четверо Столпов Царства медленным размеренным шагом приблизились к покрытой пурпуром усыпальнице, и Келсон еще больше замедлил шаг, чтобы Скользящая Защита могла вытянуться в длину и охватить могилу. Бранинг обошел саркофаг справа, Лайем слева, а Матиас и Теймураз отошли немного в сторону. Келсон остановился в шаге от изголовья, а Бранинг — на таком же расстоянии от изножья гроба. Альфей и двое дьяконов заняли места за спиной у Келсона за пределами Скользящей Защиты.

Лайем и трое других Столпов размашисто осенили себя крестным знамением на восточный манер и отвесили земной поклон иконостасу, тогда как Келсон поклонился и перекрестился более сдержанно, как это было ему привычно. Все остальные, выпрямившись, развернулись лицом к гробнице, и Лайем опустил Защиту, чтобы впустить внутрь Альфея, — силовой купол сжался до мерцающей серебристой линии, очерчивающей круг на полу.

Патриарх обошел Келсона слева и остановился ближе к центру саркофага, держа в руках великолепный пояс, усыпанный бриллиантами. Он поднял его и поднес ко лбу, жестом глубочайшего благоговения, в то время как хор затянул «Аллилуйя». Затем он положил его в изножье саркофага поверх пурпурного покрывала и встал рядом с Келсоном у изголовья гробницы, после чего вновь воздел руки.

— *Лайос хо-Фурстанос*, — пропел он. — Во младости твоей принял ты помазание и был препоясан мечом. Возьми же теперь сей пояс, символ твоего ранга и статуса, и будь готов вступить в права наследия, отдав долг величайшему из Фурстанов, во чье имя станешь ты править.

Из-за плеча Альфея Келсон мало что мог разглядеть из происходящего, но знал, что сейчас Лайем распростерся ниц у изножья могилы. Пока что обряд являлся большей частью символическим, повторяя ритуал, совершенный в день препоясания Лайема пять лет назад.

Пока хор запевал новый гимн, для Столпов Царства появилась возможность ненадолго расслабиться, ибо поддержание купола больше не требовало от них почти никаких усилий, и Келсон воспользовался этим, чтобы подумать о том, что ожидает его впереди. В ближайшее время никакой реальной опасности не предвиделось. Но Келсон не мог доподлинно знать, как станут развиваться события. Внутри силовой сферы, будучи частью Защиты, ментально он был слеп и глух по отношению к Моргану, Дугалу и прочим возможным союзникам. Разумеется, он мог прорвать купол при необходимости, но если он это сделает, то помешает Лайему обрести магическую силу, — а это было слишком опасно.

По крайней мере, пока Защита была опущена, у него было время как следует поразмыслить. Исподтишка он покосился на Матиаса, в надежде, что Альфей достаточно прикрывает его от чужих глаз и это пройдет незамеченным, но младший дядя Лайема стоял, опустив веки, как видно, погрузившись в медитацию, и не заметил внимания Келсона.

Песнопение завершилось. Лайем поднялся, взял усыпанный бриллиантами пояс с гробницы, поднял его, дабы поприветствовать своего предка Фурстана. Луч солнечного света, устремившийся вниз сквозь прорезь в куполе, вспыхнул в гранях драгоценных камней, превращая пояс в огненную радугу в руках Лайема. Низко склонив голову, тот застегнул его у себя на талии, после чего Альфей вновь поднял руки и провозгласил:

— Теперь внесите Меч Фурстанов, дабы его владетель мог принять свое наследие для службы своему народу!

В ответ на этот призыв, вновь зазвонил колокол церкви, и раздался перезвон колокольцев с того места, где стояли вожди кочевников, после чего огромные двери святилища распахнулись и вошли шестеро рослых гвардейцев, которые несли на длинной пурпурной подушке огромный *скимитар* длиной в пол человеческого роста. Ножны сабли были украшены бирюзой и ляпис-лазурью, а также крупными жемчужинами и более дорогими драгоценными камнями: рубинами, изумрудами и сапфирами.

Стражи вознесли свою ношу над саркофагом, обойдя его по трое с каждой стороны, и опустили саблю на покрывало рукоятью к Лайему, а противоположным концом к патриарху. Затем они ловко сняли с клинка ножны, тщательно стараясь не косну-

ться обнаженной стали, и уложили ножны у южного края гроба, после чего вышли из церкви. Вслед за этим внутрь круга Защиты вошли мать Лайема и Махаэль, за которым последовал и Ронал-Рурик. Мораг оказалась с северной стороны от сына, Махаэль — с южной, а юный принц встал прямо у него за спиной. Когда они замерли на местах, то четверо дьяконов с кадильницами подошли сзади к четверым Столпам Царства, и святейший Альфей вновь вознес руки к небесам.

— И вот начинается действо *киллиджалая*. Ныне служитель божий, Лайос хо-Фурстанос, принимает свое наследие. Воздадим же почести четверым святым архангелам, к чьей защите и покровительству мы взываем.

Лайем скрестил руки и склонил голову. То же самое сделала его мать, дядя и брат. Келсон ощутил, как юный король вбирает в себя силу четверых Столпов и начинает сплетать из них куда более мощную Защиту, чем та, что существовала до сих пор, и с готовностью отдал Лайему необходимую энергию, поднимая руки в стороны и склонив голову.

— Взываю к тебе, святейший Михаил, — затянул Альфей, и голос его донесся словно из недр великого безмолвия, созданного внутри купола Защиты. — И пусть явится он к нам в радости на этот *киллиджалай*, дабы освятить слугу своего, *Лайоса хо-Фурстаноса*.

Келсон услышал слабый возглас Теймураза, но не осмелился поднять глаза, чтобы взглянуть на него.

— Также призываю я святейшего Гавриила, дабы явился сюда со своими братьями, и к святейшему Уриилу...

Дальше слов патриарха Келсон почти не слышал, ибо позвоночника его внезапно словно коснулась ле-

дяная длань, в ушах раздались какие-то странные шепотки... а затем поток силы окружил его плотным коконом, одновременно легкий, точно перышко, но вполне отчетливый.

Осмелившись наконец поднять взор, Келсон увидел очертания огромных фигур, возвышающиеся над его собратьями по магической работе, почти-видимые отголоски присутствия покровителей Сторон Света, к которым взывал Альфей, — одновременно знакомые и такие чуждые. От восхищения он чуть слышно вскрикнул, но постарался взять себя в руки, фокусируя внимание на радужном сиянии, игравшем на куполе Защиты.

— Бессмертный Фурстанос, даруй же твоему потомку милость охватить твою славу, дабы он мог достойно нести силу твою своему народу!

И сам Альфей внезапно словно сделался выше, хотя и не в телесном смысле, — а поскольку Келсон стоял у патриарха за спиной, он не мог толком разглядеть, что происходит. Ему лишь показалось, что откуда-то издалека, из-за пределов Защитного Купола, до него донесся изумленный возглас наблюдателей.

Он знал, что должно сейчас произойти. Он чувствовал, как опустились щиты Лайема, когда мальчик обеими руками потянулся к Мечу Фурстана и к той мощи, которую он символизировал собой... Ощутил, как дрогнуло сосредоточение Лайема, когда Махаэль и Мораг положили руки ему на плечи. Для Мораг этот жест ничего не значил, ибо ей была недоступна магия Фурстана, однако Махаэль был напряжен, словно пружина, готовясь то ли отдать племяннику свою долю магии великого предка, то ли попытаться захватить ее для себя целиком.

До этого самого мига Келсон продолжал тешиться надеждой, что Махаэль в последний момент все же отступит и не решится на предательство, о котором предупреждал Матиас. Но затем внезапно Махаэль нанес удар невиданной силы, поддержанный Бранингом и Теймуразом, и их подвело лишь то, что Матиас не поддержал братьев, и потому атака оказалась недостаточно направленной.

И все равно, даже этого хватило, чтобы Мораг рухнула на колени, а юный Ронал-Рурик упал на пол без чувств. В тот же миг границы защитного купола померкли, словно звездный ночной полог был накинут на участников действа, сокрыв происходящее внутри от чужих взоров.

Первая атака едва не лишила Келсона способности к сопротивлению, даже хотя он старался подготовиться к ней; но тут же его поддержал Матиас, поспешивший взять Мораг под защиту и начавший подпитывать энергией Лайема. Альфей также направил поток силы к юному королю, укрывшись за массивной гробницей великого Фурстана.

Лайем из последних сил тянулся к рукояти меча, но никак не мог дотронуться до нее, раздираемый между необходимостью отражать предательские атаки Махаэля и держать свои собственные защиты опущенными, дабы фокусировать и направлять в себя энергию, которую пытались отнять у него нападающие. Внутри защитного купола бушевал настоящий ураган, хотя зримо и никак себя не проявлявший, а призрачные языки пламени вздымались к небесам, угрожая поглотить не только тела, но и души.

Махаэль вновь нанес удар, и источником его силы была та самая магия Фурстана, которой он пытался лишить своего юного племянника, — демониче-

ская молния, порожденная бурей, пыталась пронзить Лайема, если бы смогла отыскать хоть какую-то слабину в его обороне. Бранинг усилил атаку стихии Огня, которую воплощал в этом ритуале, а энергия Воздуха, по воле Теймураза, накатывала мощной волной, грозя смести все вокруг.

Однако Матиас стоял непоколебимо, как скала, воплощая стихию Земли, и взывал к мощи магмы, таящейся глубоко под земной корой; и сила эта подпитывалась из источника стихии Воды, которой сейчас владел Келсон, — а также магии Халдейнов, — рождая гейзероподобный выброс энергии, способный поглотить в себе любую чужеродную мощь и потушить бушующий пожар.

Бранинг уступил первым, а затем рухнул наземь с истошным воплем, лишившись всей жизненной силы. Однако Махаэль тут же занял его место на Востоке и сделался еще сильнее, как если бы именно таким и был его замысел с самого начала. Мораг, подпитываясь энергией Матиаса, понемногу начала приходить в себя и, осознав, наконец, что происходит, присоединилась к Матиасу и Келсону.

Ярость факелом вспыхнула в сердце Махаэля, — гнев на Матиаса за то, что тот отказался поддержать его; и выплеск энергии был столь силен, что затмил собой Теймураза, однако несмотря на эти вихри энергий и неуравновешенные потоки, Лайем сумел наконец сосредоточиться достаточно, чтобы схватить меч Фурстана.

Магическая сила хлынула сквозь клинок с таким необоримым напором, что тело его забилось в конвульсиях, а с губ слетел стон, в котором смешались одновременно боль и экстаз. Прижав к груди рукоять огромного *скимитара*, Лайем пытался связать и

обуздать энергию, являвшую собой его подлинное наследие.

Одно бесконечное мгновение вне времени — и все было кончено. С победным возгласом Лайем обратил лицо к небесам и вскинул меч — символ власти Фурстанов, устремляя его к вершине купола у них над головой.

В этот момент Матиасу с Келсоном удалось наконец удержать энергетический поток Теймураза, слить его силу со своей и с силой Мораг, а затем совместно направить ее против Махаэля. Их общий натиск был столь необорим, что старший из Фурстанов рухнул на колени, совершенно беспомощный, в то самое время как Лайем торжествовал победу с мечом в руке, из которого вырвался ослепительный луч пурпурного цвета, пронзивший верхушку Сферы Защиты и устремившийся затем к синему куполу церкви святого Иова, распространяя повсюду ослепительные отблески радужного света.

Теперь Защитная Сфера из иссиня-черной сделалась бледно-пурпурной, по-прежнему преграждая доступ посторонним, но открывая участников обряда взору и слуху тех, кто находился снаружи. При виде магического поединка слитный возглас изумления пронесся по огромной церкви, и гвардейцы Лайема ринулись вперед, окружив Сферу.

Медленно опустив меч Фурстана, Лайем устремил взор на Махаэля, который по-прежнему пытался сопротивляться, силясь вырваться из незримых оков, наложенных на него Матиасом и его союзниками. Вскинув руку, Лайем принял на себя управление этим силовым потоком.

Мораг стояла на коленях между Махаэлем и распростертыми телами Бранинга и своего младшего

сына. Но вот мальчик слабо застонал, и она поспешила сжать его в объятиях, а затем уставилась на старшего со страхом и благоговением, после чего неуверенно покосилась на Теймураза, переводя взор с него на Матиаса, а затем и на Келсона. Альфей медленно поднялся из-за гробницы Фурстана, где прятался все это время, но не сделал ни шагу вперед.

У Келсона подгибались колени, но он все же подошел и протянул руку Матиасу. Принц Фурстан слабо улыбнулся ему, а затем, опираясь на руку короля, также поднялся на ноги.

— Бранинг мертв? — спросил Лайем, переводя взгляд с одного на другого. Напряжение недавнего боя еще не отпустило его.

Матиас кивнул.

— Да, он мертв, мой господин.

— Хорошо.

Слегка пошатываясь, Лайем медленно подошел к распростертому на полу Махаэлю, который лежал, вытянув вперед руки, не в силах спастись бегством и более ни для кого не представляя угрозы, — глаза его пылали гневом и ненавистью. За пределами пурпурного защитного купола Келсон услышал всеобщий испуганный вздох, когда Лайем медленным уверенным движением опустил меч Фурстана так, что острие его уперлось Махаэлю прямо между глаз.

— Махаэль Термод Фурстан Арьенольский, я забираю у тебя то, что тебе не принадлежит, — промолвил Лайем и с этими словами легонько коснулся клинком лба своего дяди.

Тело Махаэля напряглось и выгнулось при этом прикосновении, рот распахнулся в безмолвном вопле, когда поток лилового огня вырвался из острия клинка и охватил его целиком, проникая в потаен-

ные глубины души и лишая рассудка. Глаза расширились и выпучились, отражая нечеловеческие муки, которые он переживал в те мгновения, когда Лайем отнимал у своего дяди не только незаконно присвоенную им магию, но и собственную жизненную силу Махаэля, одновременно уничтожая его разум.

Со слабо подергивающихся губ сорвался едва слышный животный стон, и тело медленно обмякло, а огонь вновь словно стек в клинок, не оставив после себя ни разума, ни даже живого сознания в пустых глазах, пялящихся на меч Фурстана. Падишах Лайем-Лайос хо-Фурстанос больше даже не посмотрел на поверженного врага, а, опустив огромную саблю, вернулся к Теймуразу, который, заметно побледнев, взирал на племянника, по-прежнему не поднимаясь с колен.

— Лайе, это они с Бранингом предали тебя, — прошептал Теймураз. — Ты же знаешь, как силен был Бранинг. И они использовали меня! Я только хотел исполнить свою роль при установке Защиты, хотел стать тебе опорой... Но они обманом вовлекли меня в свой заговор, я лишь с огромным трудом сумел освободиться!

— И впрямь, ты сделал это вовремя, дядюшка, — ледяным тоном отозвался Лайем, так что не было понятно, содержится ли в словах его какой-то скрытый смысл, после чего он обратил взор на мать и Матиаса. — Вы согласны с этим?

— Убей его, — бесцветным тоном отозвался Матиас. — Он предал тебя и предаст вновь, если ты оставишь ему жизнь.

— Брат, не оставляй меня, умоляю! — выдохнул Теймураз. — Ты же помнишь, как Махаэль угрожал нам, но я не верил, что он исполнит свою угрозу...

Да ты ведь и сам был там! Но он привлек на свою сторону Бранинга... А у меня нет такой силы, как у вас двоих. Он сумел на короткий срок вовлечь меня в свою игру, заставил против воли...

— Матушка, — обратился к ней Лайем, равнодушно отвернувшись от Теймураза. — Если ты потребуешь смерти Теймураза, я прикажу посадить его на кол, как и положено казнить предателей. То же самое будет совершено с Махаэлем.

Мораг стиснула зубы, и Келсон с некоторым недоумением взглянул на нее, а затем перевел взгляд на Матиаса и на юного короля. То, что Махаэля следует казнить — и чем скорее, тем лучше — было совершенно очевидно, и Келсон сам бы поступил бы точно так же в таких обстоятельствах; но вид казни, объявленный Лайемом, все же покоробил его.

Тем не менее, хотя мысль об этом показалась ему отвратительна, Келсон напомнил себе, что обычаи Торента отнюдь не должны быть такими же, как в Гвиннеде. Более того, Келсон сам был свидетелем в том же возрасте, что Лайем сейчас, как в армии Венцита перед сражением сажали на кол дезертиров, чтобы дать урок остальным солдатам.

В то время увиденное ужаснуло его, и Келсона не могла смягчить даже мысль о том, что жертвы были посажены на кол уже *после* смерти... Однако это ясно показывало, что подобная казнь широко распространена в Торенте, по крайней мере в военное время, — а ведь государственная измена является худшим деянием против собственного сюзерена. Кроме того, Келсон не имел никакого права вмешиваться во внутренние дела Торента, особенно теперь, когда государь этой державы только что доказал свое право полностью принять бразды правления в свои ру-

ки, точно так же, как в этом возрасте пришлось сделать и самому Келсону.

— Сын мой, — промолвила Мораг. — Я не спорю, что Махаэль заслужил свою участь, но я... не уверена, что Теймураз тоже предал тебя. — С застывшим лицом она обернулась к Келсону. — И мне до сих пор неясно, как ты мог взять в союзники этого... Халдейна, который убил твоего отца.

Лайем, не моргнув, выслушал это оскорбление, разумно решив на людях не вступать в спор с матерью, и снова взглянул на Теймураза. Келсон заметил, что мальчик слегка дрожит от пережитого волнения; сила великого Фурстана понемногу покидала его, и он лишь с большим трудом удерживал в руке огромный *скимитар*. На миг Келсон даже испугался, как бы Лайем не упал, однако тот все же сумел овладеть собой и ровным, бесстрастным голосом промолвил, обращаясь к дяде:

— Мы должны завершить *киллиджалай*. Считай себя под домашним арестом, пока я не решу, как поступить с тобой. Что же до остального...

Он с шумом втянул в себя воздух и медленно выдохнул; Келсон понял, что он проделывает ментальное упражнение, чтобы обрести необходимую сосредоточенность, после чего вскинул руку и исполнил некий замысловатый жест. Защитный купол растаял, словно масло, вытекающее из стакана, оставив после себя лишь поблескивающий серебристый отблеск, тень круга, там, где прежде находились границы сферы.

Гвардейцы Лайема были готовы пересечь эту линию по первому же слову своего господина и вытянулись на караул, когда король встретился взглядом с их командиром.

— Заберите предателя Махаэля к вратам, ведущим на Царское Поле, рядом с Хагия-Иов, и там казните его, насадив на кол, дабы предки его стали свидетелями этого позора.

При этих словах короля по толпе пробежал шепоток, где смешалось изумление и отвращение, однако шум тут же прекратился, когда Лайем вскинул повелительным жестом руку.

— Также рядом с ним вы насадите на кол труп предателя Бранинга. Я желаю видеть, что приказание мое было исполнено, к тому времени, когда выйду из этой церкви. — Он посмотрел на Теймураза, который заметно побледнел.

— Дядя, ты будешь сопровождать их в качестве свидетеля, дабы лично убедиться, какое воздаяние ожидает предателей — даже одной с нами крови. Я бы советовал тебе задуматься и о собственном будущем. На месте казни ты останешься до тех пор, пока я не позволю тебе удалиться... а сейчас пусть придворные лекари помогут моему брату и матери.

В полнейшем молчании, повисшем в базилике, он повернулся к гробнице Фурстана и осторожно уложил меч обратно на бархатную подушку, затем церемонно поклонился сперва Альфею, затем Келсону.

— Ваше святейшество... и ты, мой высокочтимый друг и союзник Келсон Гвиннедский... Давайте же теперь завершим *киллиджалай*!

Глава двадцатая

И сложили они оружие, дабы установить мир[1]

Без лишних слов стражники увели прочь Махаэля, который и не думал сопротивляться, а другие унесли труп Бранинга. Еще несколько человек стянули с Теймураза парадное одеяние, а затем также вывели его из церкви. Махаэль, казалось, вообще не понимал, что происходит; Теймураз же понимал все слишком хорошо. Пока лекари занимались Мораг и пришедшим в себя Роналом-Руриком, граф Берронес принялся восстанавливать порядок, пытаясь привести к завершению церемонию коронации.

Отойдя в сторону, Келсон также снял парадное облачение, и Сэйр с Дерри накинули на него тяжелую жесткую мантию из золотой парчи, которая по протоколу требовалась сюзерену Лайема. Через ворот он вытащил из-под туники четки матери с украшенным эмалью образком и повесил их себе на грудь. На голову ему Арилан возложил державную корону Гвиннеда с переплетенными листьями и крестами. От Моргана король получил вложенный в ножны Меч Халдейнов, который уложил на сгиб левой руки, точно скипетр, а правую руку протянул Лайему.

---

[1] 1-е Маккавеям 11:51

Четверо торентских герцогов помогли Лайему облачиться в длинную мантию-накидку с длинными рукавами с разрезами, которые почти достигали пола, так богато расшитую золотой нитью и самоцветами, что пурпур основной ткани почти не был виден; шестеро графских сыновей несли за ним длинный подол одеяния. Матиас должен был занять почетное место справа от Лайема, и теперь он также снял с себя то платье, в котором был во время обряда, и переоделся в придворный наряд изумрудно-зеленого дамаска, без всяких украшений, если не считать вышивки по рукавам и горловине с узором из виноградных листьев. Мораг и дрожащего Ронала-Рурика четверо герцогов отвели на почетные места по обе стороны от королевского трона.

Вновь высоко под куполом трижды прозвонил колокол, и Альфей обвел членов Синода вокруг гробницы Фурстана, дабы воздать почести новому падишаху. Отныне полностью введенный в права наследия падишах Лайем-Лайос хо-Фурстанос принял их знаки почтения, и следом за ними выступил вперед, сопровождаемый Келсоном и Матиасом. Патриарх басом затянул молитву, и хор отозвался звучным многоголосием:

— *Hagios ho Theos, Hagios Iskhuros, Hagios Athanatos, Eleison Hemas...* Боже Святый, Боже всемогущий, Боже бессмертный, смилуйся над нами...

Вслед за Альфеем и двенадцатью епископами Лайем поднялся по ступеням к иконостасу и там был препоясан уменьшенной копией меча Фурстана с ножнами, богато украшенными бриллиантами, точно так же, как и сам пояс, врученный владыке у гробницы Фурстана. Затем он был возведен на трон

Келсоном, который исполнил это по праву сюзерена.

Сам Келсон затем отошел в сторону и встал там вместе с Морганом, Дугалом, Ариланом и Азимом, после чего Альфей возложил на голову Лайема золотую диадему, украшенную рубинами, изумрудами и жемчугом, по бокам которой на тонких цепочках до самых плеч свисали украшенные самоцветами золотые пластины. После всего, что им довелось пережить только что, Келсон ничуть не удивился, когда церемония коронация прошла достаточно скромно и просто; и все же корона всегда являлась внешним символом, выделяющим короля среди простых смертных. Теперь этот символ был и у Лайема.

Теперь, во всей полноте своей славы, Лайем стал принимать выражения почтения своих подданных, начиная с брата и наследника, матери и Матиаса, за которыми последовали герцоги, графы, а затем и торентские вельможи рангом пониже.

Когда все клятвы были принесены, Лайем наконец поднялся и в сопровождении одного только Альфея и дьякона, который нес богато изукрашенное самоцветами Евангелие, встал перед Келсоном, подчеркивая свой вассальный статус.

Здесь, по обычаю Торента, он снял с себя корону и опустился перед сюзереном на оба колена и положил корону к ногам Келсона, а затем поклонился и поцеловал край его мантии, после чего, по гвиннедскому обычаю, протянул сложенные руки Келсону, встретившись с ним взглядом в тот миг, когда король Гвиннеда заключил его руки в свои ладони, а дьякон вознес над ними Библию.

— Я, Лайем-Лайос Лионел Ласло Фурстан, войдя в возраст совершеннолетия, даю слово, что готов слу-

жить тебе верой и правдой, оказывая все почести, и оставаться во власти твоей по собственному праву и воле, держа для тебя все земли Торента. Истинно признаю я в тебе своего сюзерена, и да поможет мне Бог.

После чего он склонился поцеловать Келсону руки и протянутую ему Библию, но когда он вновь поднял глаза, ожидая услышать ответную клятву, Келсон лишь чуть заметно улыбнулся, по-прежнему сжимая руки Лайема.

— Я был рад услышать от тебя эти слова, мой друг и брат, — произнес он негромко и, покосившись на Матиаса, взглядом подозвал его ближе. — Однако я намерен несколько изменить наш ритуал.

Сейчас у Лайема вид был куда более изумленный, чем даже во время атаки Махаэля, а Келсон с невозмутимым выражением лица помог ему подняться. Изумленный шепот прокатился по рядам собравшихся, и Матиас поспешил присоединиться к обоим королям. У Мораг вид был озадаченный, у собравшихся прелатов — недоумевающий.

Отпустив руки Лайема, Келсон нагнулся, дабы поднять его корону с пола и, пару мгновений полюбовавшись на нее, вновь перевел взгляд на отрока, что стоял перед ним.

— Лайем-Лайос, король Торента, — произнес он негромко, но так, что голос его эхом раскатился по просторной церкви. — С самого начала я говорил, что никогда не имел намерения сделать Торент вечным вассалом Гвиннеда. За те четыре года, что ты был с нами, мы попытались дать тебе образование и воспитание, необходимое, дабы править Торентом единолично, как подобает мудрому и благожелательному владыке, лучше знакомому с обычаями запад-

ных соседей, чем были твои предшественники, дабы отношения между нашими королевствами никогда впредь не были столь враждебными, как за последние два столетия.

Сегодня, я полагаю, ты в полной мере доказал свое право на царство, без поддержки извне, которую я никогда и не желал тебе навязывать. Если не брать во внимание несколько досадных исключений, я убедился, что ты любим своими подданными и окружен преданными людьми, готовыми служить тебе верой и правдой. В лице графа Матиаса, я полагаю, ты найдешь самого мудрого и честного советника.

При этих словах он улыбнулся Матиасу.

— Прошу простить меня, милорд, но, боюсь, я обрекаю вас на то, чтобы куда меньше впредь уделять внимания своим виноградникам. Однако в эту новую эру мира между нашими землями я надеюсь, что и вы, и ваша семья сумеете обрести счастье в Белдоре, где ваше присутствие и мудрые советы будут необходимы новому владыке Торента.

У Матиаса был такой вид, словно он едва мог поверить собственным ушам, а Лайем по-прежнему в немом изумлении взирал на Келсона. Альфей также был потрясен.

— Поэтому я возвращаю тебе твою корону, — заключил Келсон, протягивая ее Лайему с широкой улыбкой. — Пред Господом и собравшимися свидетелями я освобождаю тебя от *обязанности* служить мне и прошу лишь о том, чтобы ты, твои родичи и подданные стали нам *друзьями* — точно так же, как я буду хранить верность и дружбу тебе и твоим близким. И пусть с Божьей помощью дружба восторжествует между нами и нашими будущими наследни-

ками, так же, как и между нашими королевствами, во веки веков.

Потрясенный, Лайем взял корону, не сводя глаз с Келсона. Затем, чуть слышно всхлипнув, он по-братски обнялся с королем Гвиннеда. Изумленные зрители разразились приветственными возгласами, когда смысл происходящего, наконец, дошел до них.

Возгласы переросли в неумолчный торжествующий гул, когда Лайем, отступив на шаг, уверенно возложил корону себе на голову. А когда он обернулся к своим подданным и, взяв Келсона за запястье, также поднял руку в знак их нерушимой дружбы, то разразилась настоящая буря восторга. Возможно, не все присутствующие были до конца искренни, однако они видели, как король Гвиннеда выступил на защиту своего бывшего врага, объединившись с истинными торентцами против предателей и рискуя своей жизнью для защиты их падишаха. Это было хорошее начало.

Возгласы смолкли, лишь когда патриарх с клиром выстроились, дабы продолжить богослужение. Трон перенесли в сторону, и Лайем положил на сиденье свою корону, прежде чем встать вместе со своими близкими перед Царскими Вратами, тогда как Альфей вошел в Святая Святых, дабы начать Божественную Литургию, которую в Торенте никто не называл мессой, как в Гвиннеде:

— *Stomen kalos, stomen meta phobou, proskomen ten again Anaphoran en eirene prosphein...* — выпевал хор. — Восстанем же, восстанем в благоговении и помолимся, дабы в мире принять Святые Дары.

Келсон, который наблюдал за богослужением вместе с Ариланом, Морганом и Дугалом, не понимал почти ни слова этой пышной литургии, — и ма-

ло что видел, поскольку Царские Врата закрывали вход в святилище, — но все же заметил достаточно, чтобы уловить момент освящения Даров, что было основой христианской веры и любого богослужения как на Западе, так и на Востоке.

Пытаясь следить за ходом литургии, насколько это было возможно, он сосредоточился, дабы принять причастие хотя бы духовно, поскольку не мог получить его на самом деле, не желая оскорбить торентцев своим слишком активным участием в их церемонии. Однако полностью предаться благочестивым размышлениям ему мешала та мысль, что в этот самый момент Махаэль претерпевает самую унизительную и мучительную смерть из всех возможных, — не так далеко от этой самой церкви. Это не слишком способствовало его душевному спокойствию.

Вот почему он постарался молиться об упокоении души Махаэля, а заодно и графа Бранинга, несмотря на то, что они были предателями, — и так глубоко задумался, что слегка вздрогнул, когда внезапно Арилан тронул его за локоть.

Подняв глаза, он обнаружил перед собой Матиаса, а за ним, чуть поодаль, стоял Лайем перед иконой святого Михаила, находившейся в левой части иконостаса. Похоже, он уже принял причастие. Остальные члены королевской свиты также выстроились, дабы принять Святые Дары.

— Государь, Лайем-Лайос просил сказать вам, что если желаете, вы также можете подойти и причаститься с нами, — прошептал ему Матиас. — Святейший Альфей дал согласие и просил передать, что будет счастлив дать вам вкусить от Святых Даров. Сам я

еще не успел причаститься, и для меня будет большой честью, если мы сделаем это бок о бок.

Келсон покосился на Арилана, который согласно кивнул королю.

— Это не совсем обычно, сир, но и день сегодня был необычный. Раз уж приглашение исходит от короля и патриарха, я не вижу в этом ничего дурного.

Кивнув в ответ, Келсон снял корону и протянул ее Арилану, а затем подошел к Матиасу. Они встали позади графа Берронеса. По безмолвному жесту Матиаса, Келсон скрестил руки на груди ладонями к плечам, как полагалось по торентскому обычаю. Он пропустил Матиаса вперед, молясь в душе, что ему будет прощен этот грех соблюдения чужой веры ради того, чтобы укрепить союз с новыми союзниками. Когда Матиас отошел в сторону, Келсон, склонив голову, выслушал традиционные слова от Альфея, одновременно выкладывавшего кусочек промокшего в вине хлеба из чаши на золотую ложку с длинной ручкой.

— *To Kelsonous to anaxio Ierei, to timion kai panagion Soma kai Aima tou Kirios kai Theou kai Soteros emon Iesou Christou...*

— Слуга Божий Келсон принимает Плоть и Кровь Господа Бога и Спасителя нашего, Иисуса Христа, — перевел Матиас вполголоса. — Дабы очистился он от грехов для Жизни Вечной.

Внешне ритуал и слова могли отличаться, но Келсон не сомневался, что суть причастия осталась той же, — и привычное ощущение покоя снизошло на его душу, когда Альфей вложил ложку ему в рот. Проглотив, он возблагодарил Господа за даруемое причащение, а также за надежду на мир между их двумя королевствами. Ощущение внутреннего спо-

койствия не покинуло его и тогда, когда Матиас препроводил короля обратно на его место, где дожидался Арилан и все остальные.

Однако спокойствие вмиг покинуло их за дверями церкви. Едва лишь клир и король со свитой вышли под яркое солнце, где их встретили радостные возгласы и вопли толпы, ожидавшей на площади перед Хагия-Иов, Келсон заметил, как Лайем устремил взор направо, туда, где продолжалась Дорога Королей, переходившая в Царское Поле с его морем гробниц и усыпальниц.

Там их взорам открылось зрелище, о котором Келсон старательно избегал думать во время святого причастия. Оно было одновременно менее и куда более ужасающим, чем он ожидал. По-прежнему в пышных одеждах, которые были на них во время *киллиджалая*, Махаэль и Бранинг, казалось, стояли прямо и неподвижно за вратами некрополя, склонив головы на грудь. Длинные одеяния скрывали колья, на которые были насажены их тела. Теймураз стоял в воротах, охраняемый двумя стражниками, между обоих мертвецов, склонив голову, подобно им.

Келсон был рад, что не может различить ни одного лица.

— Приведите сюда моего дядю, — велел Лайем одному из гвардейцев, отворачиваясь от зрелища казни, и решительно устремился к ожидающему его белому жеребцу, на которого его подсадил конюший.

— А вы, — добавил он, кивнув капитану гвардейцев, восседавшему на превосходном гнедом, — одолжите вашего скакуна моему другу, королю Гвиннеда. Я желаю, чтобы он ехал одесную от меня, ибо он достоин такой чести.

Первый гвардеец немедленно поспешил исполнить приказание Лайема, а капитан торопливо спешился и подвел лошадь Келсону, чтобы тот мог сесть в седло. Но когда слуги принялись расправлять на крупе жеребца тяжелую мантию, за спиной у них послышался какой-то шум, и во вратах некрополя началось столпотворение.

— Держите его! — завопил кто-то, перекрывая встревоженные крики.

Келсон торопливо оглянулся в ту сторону и увидел мечущийся среди стражников смерч разбушевавшейся магии, яркостью затмевавший солнце. Центром его был Теймураз, который внезапно вырвался из рук своих пленителей и устремился к центру кладбища.

— Николасеум! — закричал Лайем, срывая с себя корону и швырнув ее стражнику. — Он хочет достичь Портала!

Ударив коня пятками в бока, Лайем бросился вдогонку, расталкивая челядь и придворных, одновременно пытаясь скинуть с себя тяжелое церемониальное одеяние. Келсон следовал за ним, пригнувшись к шее лошади и стараясь пристроить корону под мышкой, чтобы не повредить ее. Люди с испуганными криками разбегались перед ними, а позади в погоню уже бросились остальные всадники.

Мощеная дорога, окружавшая Хагия-Иов, вела прямо во врата Царского Поля. Подкованные сталью копыта лошадей скользили и высекали искры из булыжников, угрожая гибелью и себе, и всадникам. Но те не осмеливались замедлить ход, из опасения, что беглец сумеет ускользнуть. В воротах стражники, наконец, пришли в себя, и некоторые бросились вслед за Теймуразом; теперь уже не оставалось ника-

ких сомнений, что целью его был именно Николасеум... и свобода, если ему удастся достичь расположенного там Портала.

— Теймураз! Стой! — закричал Лайем. — Стой, будь ты проклят!

Они галопом пронеслись мимо Махаэля с Бранингом, сквозь врата Некрополя, — и лошадям стало скакать легче, когда они перешли на траву, но до Николасеума оставалось еще довольно далеко, а Теймураз уже почти достиг входа. Они во весь опор миновали бегущих стражников. Келсон хотел было попытаться остановить беглеца с помощью магии, но верхом на несущемся коне об этом нечего было даже мечтать.

Теймураз тем временем взбежал по ступеням Николасеума, перепрыгивая их по две за раз, и нырнул в тень прохода с торжествующим воплем. Когда Келсон и Лайем оказались там, спрыгнув с седла, дабы устремиться вдогонку за предателем, усыпальница уже была пуста и безмолвна, подобно могиле, каковой она, собственно и являлась.

— Проклятье и еще раз проклятье! — выдохнул Лайем, задыхаясь и, нагнувшись, уперся ладонями в колени, жадно втягивая в себя прохладный воздух.

Келсон, силясь отдышаться, стоял рядом, хмурым взором окидывая пустую залу. Обеими руками он оперся на один из барабанов, высеченных у изножия саркофага Никкола. Будущее их отношений с Торентом, доселе выглядевшее почти безоблачным, омрачилось темными обещаниями будущего предательства, — ибо он сознавал, что Теймураз не уймется, покуда не погибнет либо он сам, либо Лайем.

Резким движением Келсон рванул ворот своей непосильно тяжелой мантии и сбросил ее себе под

ноги. Затем уложил на золотую ткань корону, а сам рухнул на одну из ступенек, ведущую к саркофагу.

— Какую опасность может представлять Теймураз сам по себе? — спросил он, обеими руками проводя по взмокшему от пота лицу, а затем по волосам. — Что он способен натворить?

Лайем мрачно покачал головой.

— Не знаю. Боюсь, что довольно много. Нужно спросить Матиаса.

По-прежнему тяжело дыша, он подошел к изголовью саркофага и опустился на колени, обеими ладонями упираясь в плиту Портала. Спустя несколько мгновений, поморщившись, он вновь поднялся на ноги.

— Бесполезно. Я надеялся, что смогу уловить, куда он направился, но...

Пожав плечами, Лайем устремил задумчивый взор к куполу гробницы и принялся размышлять вслух:

— Он мог сбежать, по крайней мере, в полдюжину мест, о которых мне известно... И кто знает, сколько еще у них с Махаэлем могло быть тайных убежищ? С чего нам вообще начинать?

— Я лично начал бы с того, что разослал бы солдат проверить те места, о которых известно наверняка, — отозвался Келсон, в то время как у входа в Николасеум возникли первые из пеших преследователей, задыхавшиеся от быстрого бега. — Возможно, там его кто-то видел. По крайней мере, у нас появится хоть какая-то надежда вычислить его первый шаг.

— Согласен, — поддержал его Лайем и подозвал одного из стражников. — Нужно с чего-то начать, и будем надеяться, что он не причинит зла случайным свидетелям, которые могут его обнаружить. Капитан,

вместе с графом Матиасом вам надлежит установить все известные Порталы, куда мог перенестись предатель Теймураз.

Сам Матиас вбежал в Николасеум как раз вовремя, чтобы услышать королевский приказ, и, тяжело дыша, остановился рядом с Лайемом и Келсоном.

— Все вон! — велел он гвардейцам и, пошатываясь, опустился на ступени гробницы Никкола. — Святейший Альфей даст вам первое направление поисков. Я скоро к вам присоединюсь.

Стражники тотчас потянулись к выходу, а дядя короля встал на колени рядом с Порталом, подобно Лайему, упершись ладонями в плиту, после чего в отчаянии откинулся на пятки. Теперь тишину в зале нарушало лишь их затрудненное дыхание.

— Исчез бесследно, — объявил Матиас. — И почему я не настоял, чтобы... — Он покачал головой. — Ну, да ладно. Всегда лучше ошибиться, проявив милосердие, чем наоборот, если нет бесспорной уверенности. Отнять жизнь человека...

Он вновь тряхнул головой, и Келсон слабо, чуть иронично усмехнулся.

— Это действительно правда, что вы никогда ни у кого не отнимали жизнь?

Матиас пожал плечами и также улыбнулся в ответ.

— Бранинг считается, или это наша общая заслуга? — отозвался он. — Надеюсь, вы согласитесь, что обычно среди виноделов счет убийств не так уж и велик...

— Но если вы желаете получить прямой ответ на свой вопрос, без всяких словесных игр — то нет, я никогда не лишал жизни другого человека. — Он поморщился. — Однако, учитывая ту роль, что вы навя-

зали мне, объявив защитником и советником Лайе, я боюсь, что так долго не продлится... И это естественно, когда приходится иметь дело с предателями. Я уже начал счет своим мертвецам, приказав убить графа Ласло — хотя он также был изменником. Но есть вещи, ради которых стоит убивать... И отдать собственную жизнь, если понадобится. Хотя, будем надеяться, что до этого не дойдет.

— Аминь, — пробормотал Келсон.

Вскоре они с Лайемом покинули Николасеум и вернулись к Моргану с Дугалом и остальным торентцам, которых окружали королевские гвардейцы. Лайем расправил плечи и высоко поднял голову, возвращаясь с Царского Поля. Когда они миновали тела Махаэля и Бранинга, Лайем подозвал к себе одного из гвардейцев.

— Чуть позже я распоряжусь, как поступить с ними, — промолвил он. — Но сейчас они должны оставаться на месте казни полных три дня и три ночи, как положено по закону. Поставьте здесь стражу, дабы никто не мог помешать исполнению справедливости. Вам ясно?

Стражник по-военному поклонился королю.

— Ясно, государь.

Лайем, кивнув, вновь позволил слугам надеть на себя державную мантию, а святейший Альфей возложил ему на голову корону, после чего, положив руку на плечо королю Келсону Гвиннедскому, он повел пешую процессию сквозь ликующую толпу обратно на пристань, где флотилия небольших кораблей ожидала их, чтобы отвезти обратно во дворец, где уже все было готово для праздничного пиршества.

Глава двадцать первая

И станут праведники вкушать с тобой[1]

Вести о предательстве в Хагия-Иов, зародившемся в самом сердце королевского семейства, слегка омрачили последовавшие торжества; но еще быстрее разнеслись повсюду известия о том, как король Келсон защитил Лайема-Лайоса от убийц, после чего избавил коронованного падишаха от вассальной клятвы и вернул независимость Торенту. Эта весть поразила всех куда больше, нежели даже рассказы об измене королевских родичей и о побеге Теймураза, и о том, как Махаэль был заслуженно казнен за предательство: посажен на кол, словно обычный преступник из низов, прямо перед вратами Царского Поля, пред ликом всех своих предков.

Последняя подробность лишь слегка омрачила торжественный прием, оказанный обоим королям, когда они со свитой высадились на пристани Святого Вассила перед огромным собором Святого Константина. Матиас уже переместился туда через Портал, но смог доложить лишь о том, что первым его посланцам пока не удалось обнаружить следов Теймураза ни в одном из известных им мест.

---

[1] Мудрость Иисуса 9:16

Процессия торжественно двинулась обратно во дворец, окруженная еще большей пышностью, нежели поутру. Их приветствовала бушующая толпа, размахивавшая лентами традиционных цветов Торента, бросавшая под ноги идущим цветы и пальмовые ветви. Келсон восседал в открытом экипаже рядом с Лайемом, не как сюзерен, но как равный по рангу правитель. Матиас стоял рядом на подножке справа в знак своей безграничной верности племяннику, а Морган с Дугалом возглавляли королевский эскорт.

Они двигались так медленно из-за наплыва толпы, что процессия добралась ко въезду в Фурстанали лишь далеко за полдень, и там их встретили юные девушки в светлых платьях, которые принялись осыпать путь перед королем розовыми лепестками. Матиас ненадолго прошел в небольшую комнату рядом с Порталом, которым пользовались королевские гонцы: именно сюда должны были вернуться с новостями его подручные. Однако, вновь присоединившись к королю, он лишь чуть заметно покачал головой в знак того, что о беглеце по-прежнему не было никаких известий.

Пиршественный стол был накрыт под сенью висячих садов, где было чуть попрохладнее, чем во дворце. Над длинными, покрытыми дамаском столами, ломившихся под тяжестью золотых и серебряных блюд, был натянут дарующий тень шелковый полог. Там уже дожидались высшие державные сановники Торента, мужчины и женщины, которые сердечно приветствовали Лайема, когда он приблизился к ним, прежде чем подняться на отведенное королю возвышение. Поприветствовав своих придворных вместе с Келсоном, Лайем ненадолго удалился, дабы избавиться от тяжелых торжественных

одеяний, и чуть позже вновь вышел в сад в нарядном легком шелковом платье, куда более подходящем для пиршества, которое должно было продлиться остаток дня и весь вечер. Оба правителя заняли места за главным столом и, сняв короны, полулежа — на восточный манер — устроились на мягких ложах с подушками.

Под аккомпанемент лютни и барабанов, флейт и лиры, и нежного женского пения, доносившегося из-за длинной резной ширмы, слуги принялись вносить все новые и новые блюда, призванные разжечь аппетит благородных гостей. Рядом с Келсоном за столом оказались Дугал, Морган и Арилан; Матиас и вполне оправившийся от потрясения Ронал-Рурик сидели с другой стороны рядом с Лайемом, а другие места поочередно занимали торентские герцоги и графы и прочие придворные, сменявшиеся, дабы каждый мог ненадолго побыть рядом с королем. Принцесса Мораг восседала за отдельным столом со своими придворными дамами, многие из которых скрывали лица под покрывалами на восточный манер.

Около часа спустя, во время очередной перемены блюд, Лайем принялся принимать за столом просителей, допущенных графом Берронесом. В этом ему помогали мать, Расул и Азим. Матиас то и дело ненадолго исчезал из-за стола.

Арилан оставался неподалеку, на тот случай, как изначально и было задумано, если бы потребовался его совет, но старался говорить поменьше, сознавая, что теперь его положение при дворе Лайема сделалось более сомнительным, раз уж Келсон отказался признать торентского владыку своим вассалом и провозгласил его равным себе. В сумерках, после то-

го, как придворные маги, дабы осветить сад, запустили в воздух огненные шары, Келсон, подозвав к себе Дугала, принялся прогуливаться среди гостей. Как и следовало ожидать, большая часть разговоров касалась предательства, совершенного родичами падишаха.

— Теперь я уверен, что это и вправду они погубили Алроя-Ариона, — услышал Келсон слова одного из сановников, когда они с Дугалом проходили мимо придворных, наслаждавшихся везаирским элем. — Лично я никогда не доверял Махаэлю... А Теймураз, может быть, еще хуже, нежели...

Другие обсуждали участь, постигшую предателей. Один из таких случайно подслушанных разговоров заставил Келсона, направлявшегося в уборную, торопливо затащить Дугала под сень деревьев и притвориться, будто они с любопытством наблюдают за парой акробатов, жонглирующих огнем, тогда как на самом деле король с жадностью ловил обрывки беседы.

— Говорят, он плясал очень скверно, — шепотом сообщил первый придворный второму, невозмутимо объедая фазанью грудку. — Лично я считаю, что палач скверно исполнил свою работу.

У обоих мужчин волосы на висках были заплетены в тонкие косички, а позолоченные кожаные браслеты на запястьях выдавали вождей кочевников. Седые бороды их также были заплетены в косы, а длинные усы заправлены за уши.

— Да будет тебе, — примиряюще отозвался на это второй, жестикулируя костью. — Никто ведь не ожидал, что придется казнить кого-то во время *киллиджалая*... — Оба собеседника при этом лениво наблюдали за акробатами. Похоже, тема разговора не

лишила их ни аппетита, ни интереса к происходящему. — Не так-то просто как следует посадить на кол человека, не проткнув ему сразу жизненные органы. Тут нужна особая сноровка. Лучше всего, если жертва сама сделает это, пытаясь высвободиться.

— Точно, вот тогда они и пляшут лучше всего, — согласился первый. — А самое приятное, это смотреть за танцем трусов... Как они тянутся вверх на цыпочках, чтобы оттянуть неизбежное. Но, конечно, следует в точности вымерять высоту кола...

Келсон при этих словах почувствовал, как тошнота поднимается к горлу, и с трудом смог подавить ее. Подхватив Дугала под локоть, он поспешил удалиться на открытую террасу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

— Думаешь, эти люди знали, что мы подслушиваем? — спросил его Дугал, когда оба достаточно пришли в себя. — Ведь невозможно же, чтобы люди и впрямь делали такие ужасные вещи!

— А меня уже ничто не удивляет, — пробормотал Келсон в ответ.

Он пытался не думать о том, как мог «плясать» Махаэль. Поскольку разум его был практически уничтожен в ходе магического поединка, Келсон полагал, что, вероятно, предатель толком и не сознавал, какая судьба ждет его в руках палачей. По крайней мере, король Гвиннеда надеялся на это... И все равно, смерть Махаэля не была быстрой.

Впрочем, и в самом Гвиннеде кара за государственную измену едва ли была менее жестокой. Ему доводилось видеть, как люди задыхаются в петле... И даже обезглавливание не всегда обещало быструю гибель, если жертва вдруг дергалась в последний момент, или палач не проявлял должной сноровки.

Чтобы отделить от тела голову Конала, понадобилось три удара.

Воспоминания об *этой* казни, вперемешку с мыслями об участи Махаэля, заметно отравили Келсону настроение на весь остаток вечера, хотя он предпочел ни о чем не говорить Дугалу с Морганом, когда те заметили, что король вдруг сделался непривычно суров, — ибо воспоминание о Конале повлекли за собой мысли о Росане... И об Аракси, с которой он отныне был связан клятвой. За последние дни он старался не вспоминать о них обеих, но теперь боль и страх начали вновь проникать в душу, ослабленную усталостью и облегчением от того, что церемония коронации Лайема все же завершилась благополучно. Но помимо мыслей о женщинах, его тревожили еще и соображения о том, что может предпринять Теймураз, — ведь даже ближе к ночи они по-прежнему не получили никаких известий о том, куда подевался этот предатель.

Отсутствие известий слегка приглушило праздничное настроение вечера, и все же, когда совсем стемнело, Лайем, как и было запланировано, собрал гостей на террасе, выходящей на восток, дабы полюбоваться куполами соборов, церквей и минаретами мавританских молитвенных домов, которые, все как один, озарились радужными переливами деринийской магии, — подобно тому, что они видели над монастырем святого Сазиля, но гораздо величественнее.

Зрелище это вновь вызвало улыбку на губах у Лайема, который стоял рядом с Келсоном и Матиасом, однако в улыбке этой больше не было юношеской наивности. Многое изменилось за те две недели, что они провели в Торенте.

Торжества должны были продлиться почти всю ночь, но когда над Белдором погасли огни, Лайем, посовещавшись с Матиасом, пригласил Келсона, а также Моргана, Дугала и Арилана на импровизированный совет, устроенный Матиасом, куда должны были явиться все те, кто остался верен своему королю. Келсону показалось подозрительным то, как торопливо удалилась с пиршества Мораг, уведя с собой брата Лайема, — официальное объяснение было таково, что они слишком утомлены происшедшим в Хагия-Иов. Зато на совет явился патриарх Альфей и двое старших членов Синода, а также торентские сановники, включая Расула и нескольких герцогов. Был там также и Азим. Лайем любезно извинился перед присутствующими за то, что оторвал их от праздничного стола, пообещал чуть позднее вручить каждому достойный залог своего уважения, после чего перешел к текущим делам.

— Я ненадолго задержу вас, господа, — обратился он к дюжине человек, которых Матиас рассадил за длинным малахитовым столом в державной королевской приемной. — В свете событий нынешнего дня и в том случае, если вы сомневаетесь, готов ли я к исполнению своей новой роли, я хотел бы озадачить вас некоторыми срочными вопросами, над которыми предлагаю поразмыслить в ближайшие дни, недели и месяцы. Мне очень жаль, что меня не было с вами все эти годы, и вы не смогли узнать меня ближе; хотя сие не есть вина кого-либо из присутствующих. Однако должен вам сказать, что для меня бесценным опытом оказалось время, проведенное с таким высокочтимым наставником, как герцог Нигель Халдейн, дядя моего друга, короля Гвиннедского.

При этих словах он с благодарностью взглянул на Келсона, выказывая ему дружеское расположение перед своими сановниками.

Келсон кивнул в ответ, стараясь уловить реакцию присутствующих на слова Лайема. Пока что тот выказал себя самым достойным образом, и если бы Нигель увидел мальчика сейчас, то по праву мог сказать бы, что ученик делает честь своему наставнику.

Чуть ранее, в самом начале вечера, Лайем сменил тяжелую державную корону на простой золотой обруч; Келсон же решил обойтись даже без такого символа своего ранга, дабы продемонстрировать, что он отныне лишь гость в державе Лайема, вновь обретшей свою независимость.

— Однако, прежде чем мы начнем, у меня имеется один личный вопрос, требующий немедленного решения, — продолжил Лайем. — И вопрос этот имеет отношение к одному из тех уроков, что преподал мне король Келсон. — Он бросил взгляд на Матиаса, затем вновь обратился к людям, сидящим за столом. — Одна из самых важных вещей, которую я узнал при гвиннедском дворе — это сколь велика может быть роль дяди короля... И я отныне твердо убежден, что во всем буду полагаться на своего дядю, который должен стать одним из главных моих помощников и советников. Сегодня он доказал, что как нельзя лучше подходит для этой роли. А мой друг король Келсон заметил, что герцогский титул наиболее подходит для человека, облеченного таким доверием.

Все торентцы устремили взоры на потрясенного Матиаса.

— Поэтому я вручаю моему дяде, графу Матиасу Фурстану Комнэне титулы и земли, и все доходы от

Арьенола, — заявил Лайем, — ибо покойный владетель этой земли был запятнан предательством и не имеет прямых наследников, которых я утвердил бы в этом праве. Увы, дядя, я слышал, что виноградники там значительно уступают твоим собственным, — добавил он с чуть заметной улыбкой, — поэтому тебе придется сохранить за собой также и Комнэне.

При этих словах короля, по залу пробежал одобрительный шепоток, а Матиас покраснел от удовольствия.

— Благодарю вас, государь.

— Это я должен благодарить тебя, — отозвался Лайем, прежде чем приступить к более серьезным вопросам.

В последующие полчаса, сверяясь с повесткой дня, заранее подготовленной Матиасом, Лайем обрисовал общий план своего правления на ближайший год, и у Келсона с советниками не осталось сомнений, что Торент и впрямь отныне намерен стать Гвиннеду добрым соседом. Лайем явно многому научился при дворе Келсона, и куда больше задумывался о будущем своего королевства, чем они могли догадаться со стороны. И хотя несколько герцогов из числа самых старших по-прежнему поминали былые претензии и обиды, Лайем с Матиасом сумели развеять все подозрения, — в чем немалой подмогой им оказался также патриарх Альфей.

— Уймись, наконец, Эрдоди Яндрихский, — воззвал он в какой-то момент. — Вражда между нашими двумя королевствами никому не принесла добра за последние двести лет. Не раз держава наша лишалась лучших и достойнейших своих сынов, как в больших войнах, так и в бессмысленных приграничных стычках. Теперь Господь призывает нас навести в

своем доме порядок, и наш юный падишах всем нам показывает в этом пример.

Он поклонился Лайему.

— Увы, но на долю мою выпала печальная обязанность помогать своему предшественнику на похоронах вашего брата, государь... И я надеюсь, что мне не придется делать этого для вас. Я молюсь о том, чтобы мне уже давно упокоиться в могиле, прежде чем Господь призовет вас к себе. Но прежде я надеюсь дожить до глубокой старости и помочь вам воспитать сыновей. Я приветствую ваше восшествие на трон и мощь Фурстанов, что вы воплотили в себе. Да будет царствие ваше долгим и благополучным, полным мудрости и счастья.

Столь открытая и безоговорочная поддержка немало приободрила Келсона, ибо хотя он не сомневался, что у Лайема будет немало проблем с советниками, не все из которых сразу охотно примут новый образ мыслей в отношениях между двумя державами, но по крайней мере, мальчику не придется сражаться с собственной Церковью, как это было в Гвиннеде, когда взошел на престол сам Келсон, — ибо его собственные религиозные иерархи не могли смириться с мыслью о том, что магия Дерини, которая спасла сегодня Лайема, а в свое время и Келсона, могла иметь своим источником силу божественную, а отнюдь не дьявольскую. Дерини давно уже играли ведущую роль в торентской политике, несмотря на свою малочисленность, — и это неудивительно, учитывая, что к этой расе принадлежало все правящее семейство Торента. Но поддержки от Церкви, подобной той, что выказал сейчас святейший Альфей своему государю, Келсон дождался лишь сравнитель-

но недавно, и для Лайема это было добрым предзнаменованием.

— Благодарю вас, Святейший, — негромко промолвил торентский король, явно тронутый столь неожиданной и горячей речью в свою защиту. — Я не в силах сейчас найти слов, чтобы достойно ответить вам, поэтому, может быть, мне просто следует попросить вас о благословении, прежде чем я позволю этим славным людям вернуться к торжествам и увеселениям — ибо я обещал, что не задержу вас надолго, господа, — заключил он, поднимаясь на ноги, и советники торопливо последовали его примеру.

Получив благословение патриарха, Матиас отпустил собравшихся от имени падишаха, но Келсону и его свите дал знак остаться, о чем-то предварительно пошептавшись с Лайемом. Повинуясь жесту Азима, Дугал закрыл двери за последними из уходящих сановников, а затем все они расселись поближе к Лайему за длинным малахитовым столом.

— Дядя только что указал мне еще на один вопрос, который нам следует обдумать в свете сегодняшних событий, — заявил король Торента. — Это касается присутствия епископа Арилана при моем дворе.

— Позвольте мне пояснить, — поспешил добавить Матиас, прежде чем успели подать голос Келсон с Ариланом. — Я никоим образом не пытался дать вам понять, что присутствие епископа Гвиннеда может быть здесь нежеланным. Напротив, я хотел попросить, чтобы его государь позволил ему остаться среди нас как можно дольше, дабы стать нашему королю мудрым советчиком, как изначально и планировалось. Я не сомневаюсь, что ваша вера в Лайема-Лайоса вполне оправдана, ваше величество, —

поклонился он Келсону. — Но боюсь, что у меня самого не было столь же благоприятной возможности поближе познакомиться с гвиннедским двором.

— Или, возможно, ненадолго согласится остаться среди нас герцог Аларик? — с улыбкой повернулся он к Моргану. — А если и не задержаться насовсем, то хотя бы возвращаться время от времени. Насколько мне известно, он был одним из лучших учеников герцога Нигеля. Возможно, он сумел бы обучить бывшего винодела тонкостям придворных искусств прежде, чем покинуть его самого и его короля на волю судьбы.

Морган лишь кивнул в ответ с любезной улыбкой, припоминая их разговор по пути из Дессы в Ремут; у Арилана вид был недоумевающий, но, покосившись на Келсона, он также кивнул. Келсон широко улыбнулся: Матиас выразил свою просьбу весьма любезно.

— Я думаю, никто из нас не ожидал, что все так обернется, — промолвил, наконец, король Гвиннеда. — И многое изменилось с тех пор, как мы условились о том, что при торентском дворе останется постоянный наблюдатель с нашей стороны. Тогда мы считали Торент вассальной державой, на престол которой взошел слишком юный и неопытный самодержец. Но я думаю, события сегодняшнего дня ясно доказали, что Лайем-Лайос вполне способен управлять королевством. Вернув суверенитет Торенту, я также лишился права навязывать вам присутствие своих советников.

— Однако, — продолжил он, — если я могу оказать вам помощь, предоставив нужных людей, которые могли бы содействовать Торенту, то буду счастлив сделать это. Разумеется, у меня еще не было

времени продумать все до конца — и я должен буду посовещаться со своими советниками относительно деталей этого замысла — но я бы приветствовал установление постоянных посольств в обеих наших столицах, и раз уж мы договорились заранее о том, что в ближайшем будущем у вас останется наш епископ Арилан, то я не вижу причин менять эту договоренность. Сожалею, что не могу сейчас расстаться с герцогом Алариком, но уверен, что и он со временем будет рад вернуться в Торент.

— Возможно, — предложил Азим, — падишах мог бы ознакомить вас с каким-либо еще Порталом здесь, в Белдоре, — а король Келсон таким же образом открыл бы нам доступ в Ремут, дабы в дальнейшем облегчить обмен сообщениями и посланцами из обеих держав, ибо, я уверен, никому из вас не хотелось бы думать, что слишком большие расстояния способны со временем ослабить дружеские узы, завязавшиеся здесь в последние дни.

Арилан бросил многозначительный взгляд на Келсона, однако ему еще не было известно, что Лайем уже показал королю Портал в Николасеуме. Келсон кивнул. Пока что, в суете минувших дней, у него не было ни времени, ни возможности толком осознать всю значимость того факта, что отныне ему известен один из торентских Порталов, тем более, прямо здесь, в столице. И если установить таким образом постоянное сообщение между двумя королевствами, то, при соблюдении разумных мер предосторожности, это могло бы во многом упростить положение... и закрепить длительный мир, впервые за долгие века.

— Как я уже сказал, — промолвил Келсон. — Мне необходимо посоветоваться со своими сановниками

касательно частных вопросов, но мне тоже не хотелось бы утратить все то, чего мы достигли с таким трудом.

— Однако некоторые частные вопросы *необходимо* обсудить немедленно, невзирая на все наши будущие упования, — возразил Арилан, возможно, чуть резче, нежели намеревался.

— Совершенно верно, — любезно подтвердил Азим. — Разумеется, не стоит недооценивать все то, что совершилось сегодня, но осмелюсь напомнить, что бегство графа Теймураза остается проблемой для всех нас, ибо я уверен, что он постарается отомстить тем, кто сыграл роль в событиях, приведших к краху их с Махаэлем.

— Воистину так, милорд, — поддержал его Матиас. — Но я сомневаюсь, чтобы он осмелился в ближайшее время объявиться в Торенте ради мщения. Хотя у них с Махаэлем повсюду имелись доверенные лица, но их местные союзники будут опасаться что-либо предпринять в открытую, пока не оценят силу нового падишаха, в особенности после того, как узнают о судьбе, постигшей Махаэля.

— А за пределами Торента? — поинтересовался Морган.

Матиас кивнул.

— Осмелюсь предположить, что там у него будут не настолько связаны руки. Несомненно, у Теймураза найдутся сторонники, готовые участвовать в его интригах.

Взглянув на Матиаса, Келсон нахмурился.

— Похоже, вы ведете речь о какой-то неведомой мне опасности. Раз уж мы поклялись сегодня в вечной дружбе на словах, как и на деле, то я надеюсь,

что мы говорим не о возможных стычках на границе?

— О, нет, боюсь, что вам следует взглянуть дальше на Запад, государь, — отозвался Матиас, не скрывая смущения. — Мои братья часто говорили о том, что мечтают помешать вашему союзу с Меарой. Боюсь, что в то время для меня куда важнее было помешать им убить Лайе, нежели заботиться об охране западных границ чужеземного короля, который, к тому же, держал в заложниках *моего* владыку, и чьи подлинные планы и замыслы были мне неизвестны.

— Вы сделали правильный выбор, и нет нужды извиняться, — отозвался Келсон, перебирая в уме все тонкости ситуации в Меаре — как общеизвестные, так и те, в курсе которых был пока лишь он один. — Но... что они собирались делать в Меаре? Вы, должно быть, говорите о грядущем браке Брекона Рэмси с моей кузиной Ришель?

— Ходили также и слухи, что как только эти двое поженятся, вы объявите о помолвке с сестрой Брекона, — добавил Матиас, вопросительно поднимая брови.

— А, — протянул Келсон, покосившись на своих спутников, которые уже знали о том, что этому союзу не суждено состояться. — Действительно, я вскоре надеюсь объявить о помолвке сестры Брекона, — заявил он, к изумлению Матиаса и Лайема, — однако, не со мной, а с моим кузеном Рори, сыном и наследником герцога Нигеля.

Торентцы обменялись изумленными взглядами. У Лайема вид был очень довольный, поскольку он хорошо знал Рори и, возможно, даже был в курсе их отношений с Ноэли, завязавшихся прошлым летом. Матиас чуть заметно улыбнулся, мгновенно осознав

всю политическую значимость такого союза, поскольку в этих вопросах он разбирался куда лучше, чем племянник.

— Похоже, эта новость вас позабавила, граф Матиас, — заметил Келсон.

Матиас добродушно кивнул.

— И я преисполнился восхищения, как ловко вы отвлекли нас от вопроса о собственной женитьбе. Однако, признаю, это выгодный союз для Меары и Гвиннеда... К тому же, насколько я понимаю, это будет брак по любви. Но вы по-прежнему ничего не сказали о своих планах.

Келсон пожал плечами, осторожно выбирая слова.

— Думаю, сейчас не время и не место обсуждать эту тему, прежде чем я публично объявлю об этом своим подданным, — заявил он с полной искренностью. — Когда же это случится, то уверен, вы не увидите в моих планах никакого ущерба Торенту. Однако больше я не могу открыть вам ничего.

Лайем с лукавой улыбкой покачал головой, по-мальчишески захлопав в ладоши.

— Бесполезно, Матиас, он ничего не скажет. Я три года провел при гвиннедском дворе, и можешь мне поверить, второго такого мастера избегать этой темы не сыщешь нигде: хотя, видит Бог, домыслам в Гвиннеде предавались все, даже пажи и оруженосцы.

— Правда? — засмеялся Келсон.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел стражник в парадной форме, который, приблизившись, что-то торопливо прошептал на ухо Матиасу. В комнате повисло напряженное молчание. Дядя Лайема внимательно выслушал посланца, нахмурившись, от-

дал ему какие-то указания, затем переглянулся с племянником, когда стражник вышел из комнаты.

— Ну что ж, Теймураза наконец обнаружили, — промолвил он. — Пару часов назад он объявился в Сазиле, затребовал военный корабль с экипажем и вышел в море. В свете того, что мы говорили о его намерениях помешать союзу с Меарой, я допускаю, что он направляется на остров Орсал, возможно, с целью похитить будущую невесту. Я попросил, чтобы сюда позвали Летальда.

При этих словах Лайем поманил к себе Матиаса, и они принялись торопливо переговариваться о чем-то на отрывистом диалекте, уследить за которым гвиннедцам было не по силам. Дугал покосился на Келсона.

— А что может поделать Летальд? — прошептал он. — Мы в трех днях пути от острова, даже если ветер будет попутный.

— Там вполне может найтись Портал, — предположил Азим, вмешавшись в разговор. — Наш добродушный и ко всем расположенный Летальд, на самом деле, человек очень скрытный, который предпочитает держать в тайне свое деринийское происхождение, однако давно уже ходят слухи, что Порталы у него имеются, пусть даже пользуется он ими очень редко.

— Вы хотите сказать, что если на острове есть Порталы, то мы сможем попытаться попасть туда прежде Теймураза? — воскликнул Келсон, ибо он так же, как и Азим, сознавал и другую опасность, которая может скрываться в замыслах предателя. Ведь на Орсале находилась и еще одна невеста Халдейна.

— Вот именно, — согласился Азим. — А при необходимости оттуда их всех можно будет переместить

прямо в Ремут, куда Теймураз уж точно не дотянется... если его целью и впрямь является Орсал.

— Так это или нет, но лучше поскорее вывести из-под опасности женщин и детей, — заметил Келсон. — Однако, по правде сказать, мне не улыбается мысль о том, чтобы вот так, прямо из воздуха, объявиться в Ремуте на несколько недель раньше, чем там меня ждут. Все годы своего правления я старался не тревожить своих подданных слишком явным использованием магии.

— Полагаю, вы могли бы провести их через Портал в Дхассе, — неохотно предложил Арилан, — а остаток пути проделать верхом. В это время года такой путь окажется не слишком тяжелым. Дхасский Портал наверняка неизвестен Теймуразу... И уж тем более не думаю, чтобы кто-то в Торенте знал местонахождение Порталов в Ремуте.

С этими словами он обернулся к Матиасу, который внимательно прислушивался к их беседе. Тот покачал головой. Вид у Лайема был встревоженный. Келсон окинул присутствующих взглядом в тщетном поиске иных решений и поймал себя на той неожиданной мысли, что тревожится за Аракси, хотя и понимал, что наиболее вероятной жертвой Теймураза может стать не она, а Ришель, если уж тот всерьез вознамерится похитить кого-нибудь из Хортанти.

— Да, всем нам будет нелегко, — заметил он. — Но пока мы ждем Летальда, давайте обсудим наихудшую возможность. Если Теймураз вышел в море и направляется к острову, то скорее всего, у него не было ни одного Портала ближе, чем в Сазиле.

— Здесь есть одно уточнение, — поправил короля Морган. — Он не знал никакого Портала ближе, где мог бы получить корабль с экипажем... Впрочем,

особого значения это не имеет. Мы тоже другого Портала не знаем.

— Будем надеяться на лучшее, — возразил Азим, когда в дверях показался Летальд. Никогда прежде Келсону не доводилось видеть его таким встревоженным. — Милорд, вам уже сообщили о последних событиях?

Кивнув, Летальд направился к креслу, которое указал ему Матиас.

— Да, мне известно достаточно многое, чтобы я разделял вашу тревогу... И я заранее предчувствую, о чем вы хотите меня попросить, хотя мне ненавистна мысль о том, чтобы столь неожиданным образом выдать секреты безопасности своей державы. Мне сказали, что он отплыл из Сазиля несколько часов назад?

— Похоже на то, — подтвердил Матиас.

— Значит, ему плыть еще целый день, — промолвил Летальд. — А стало быть, какое-то время у нас есть... Если он и впрямь направляется в Хортанти.

— Но если и нет, — возразил Морган, — он все равно поплывет мимо ваших берегов — или наших. Вы видели, что случилось сегодня, сознаете, на что он способен, и факт остается фактом, мы *не знаем*, каковы его намерения.

— Да и кто, вообще, может быть в чем-то уверен с этими Фурстанами, — пробормотал Летальд. — Извините, не хотел никого обидеть, — добавил он Лайему с Матиасом.

Матиас лишь молча кивнул в ответ.

— Даже когда мы отыщем его, — продолжил Морган, — справиться с ним будет не так-то просто. После сегодняшнего это стало особенно ясно. Так что в целях безопасности, возможно, вам лучше бы было

отправить все семейство в свой зимний дворец на материке. Лично я, несомненно, на рассвете отправлю «Рафалию», чтобы они увезли мою жену и детей из Корота в Ремут.

— Да, несомненно, нам необходим Портал в Короте, — пробормотал Келсон, в упор глядя на Арилана. — Но поскольку его там нет, то мы предлагаем перенести невесту и всех ее близких в Дхассу, а оттуда отправиться в столицу обычным путем. Через ваш Портал, — добавил он Летальду.

— Я также хотел бы добавить, — проронил Матиас, прежде чем Летальд успел дать ответ, — что если мой брат и впрямь направляется в Хортанти, то опасность грозит не только родичам короля Келсона.

Летальд застыл.

— Что вы хотите этим сказать?

Матиас смущенно покосился на него.

— Я хочу сказать лишь то, что имя вашей старшей дочери часто всплывало в разговорах моих старших братьев, которые оба питали к ней определенный... интерес. Я не хотел бы повторять их речи дословно. Кроме того, насколько мне известно, прелестную Элизабет некоторые прочили в невесты гвиннедского короля... Не так ли, сир? — он обернулся к Келсону, и тот кивнул. — Конечно, она была лишь одной из многих, но, вероятно, было бы лучше, если бы ее не оказалось на острове, случись Теймуразу приплыть туда. Так мы не оставим ему ни единого шанса навредить нам.

Летальд с каменным лицом выслушал Матиаса, и в манерах его не осталось и следа былой добродушной расслабленности. Поочередно задержав взор на

каждом из присутствующих, он, наконец, повернулся к Келсону с Лайемом.

— Все складывается так, что мы вынуждены довериться друг другу в гораздо большей степени, нежели полагали вначале, — произнес он негромко. — Если я дам вам доступ к своему личному Порталу в Хортанти, то попрошу также показать мне и один из Порталов в Гвиннеде. Дхасский вполне устроит меня, епископ Арилан. Граф Матиас, а какой Портал вы предложите здесь, в Белдоре?

Матиас вопросительно воззрился на Лайема, но тот лишь покачал головой в ответ.

— Выбирай ты, дядя, — промолвил он. — Ты смыслишь в этом куда больше моего.

* * *

В это же самое время в личных покоях принцессы Мораг, матери нового короля, миловидный темноволосый молодой человек в кожаных доспехах королевской конной стражи обернулся в ожидании, пока слуга, что привел его сюда, закроет за собой дверь.

Мораг стояла у очага, одной рукой опираясь на каминную полку, а другой, унизанной кольцами, поманила юношу к себе. События этого дня никак не повлияли на давно вынашиваемый ею план, который она намеревалась немедленно претворить в жизнь.

— У меня для тебя есть одно непростое поручение, — сказала она стражнику, когда тот, приблизившись, опустился на одно колено, дабы поцеловать подол ее платья. — Сейчас я сообщу тебе все подробности, — и с этими словами положила руку ему на плечо.

Стражник тут же склонил голову и закрыл глаза, чувствуя, как пальцы Мораг обхватывают его затылок. В неподвижности он застыл на несколько ударов сердца, после чего вскинул голову и, по ее знаку, поднялся с пола.

— Не так-то просто будет отозвать в сторону лорда Дерри, не вызывая ни у кого подозрений, — пробормотал он.

— Именно поэтому я и поручила эту задачу тебе, — отозвалась Мораг. — Больше я никому не могу доверять. Он опасается нас, но он не Дерини... И его едва ли удивит приглашение от Моргана или кого-то еще из приближенных короля Келсона присоединиться к ним, ведь он знает, что сейчас они совещаются с моим сыном. Мне же требуется побыть с ним наедине лишь очень короткое время.

— Я сделаю все, как вы велели, сударыня, — поклонился молодой человек.

Она проводила его взглядом, в задумчивости вертя в пальцах железное кольцо, то самое, которое обнаружила у своего покойного брата Венцита, павшего от руки Келсона Гвиннедского, — который убил также и ее супруга. Лишь спустя много месяцев, разбирая бумаги и записи брата, она обнаружила, каково было предназначение этого кольца, — и узнала, что точно такое же носил в свое время Шон, лорд Дерри, доверенный помощник ненавистного Моргана.

У нее ушло почти три года на поиски мага, способного создать кольцу новую пару. За это время она успела также отточить до совершенства заклятие, некогда превращавшее этот простой железный ободок в столь мощное оружие. Ритуал, связавший два кольца воедино — и усиливший изначальные чары —

потребовал трех дней и трех ночей, за которые она ни на миг не сомкнула глаз и не вкушала никакой пищи. Но теперь новое кольцо лежало в кармашке ее платья, оправленное в чистое золото, дабы скрыть его подлинную природу...

Глава двадцать вторая

И потому я желаю взять ее с собой, как источник добрых советов и утешения[1]

Не прошло и часа, как Келсон со своими приближенными собрались у того самого Портала, откуда Матиас направлял поиски Теймураза. Именно этим Порталом воспользовались в свое время и Арилан с Азимом, дабы увидеться в зале Камберианского Совета с Софианой, хотя об этом и не было известно остальным. Летальд с Азимом тут же воспользовались Порталом и исчезли, а Матиас предложил присутствующим как следует запомнить координаты этого места, причем Лайем также воспользовался его приглашением. У Арилана при этом был подозрительно смущенный вид.

— Но координаты Портала в Дхассе понадобятся не только Летальду, — шепнул Келсон Арилану, наблюдавшему за тем, как Дугал с Лайемом заносят в память местоположение магической плиты.

— Понимаю, — шепотом отозвался епископ.

— Я о Лайеме с Матиасом, — пояснил Келсон.

— И это я тоже понимаю, — парировал Арилан, по-прежнему не повышая голоса. — Но в Портале установлена ловушка, которую я могу задействовать

[1]Мудрость Соломона 8:9

в любой миг... И думаю, что Летальд также предусмотрел подобные меры предосторожности, либо сделает это в скором времени.

Внезапно в Портале вновь возник Азим, и Дугал испуганно попятился, — хотя к этому времени он уже успел сделать все, что хотел. Азим окинул взглядом присутствующих, и Келсон сделал шаг вперед, привлекая его внимание.

— На острове все в порядке, надеюсь? — промолвил он.

— Пока что да. Пойдемте. Летальд уже начал готовиться к отъезду. Я могу провести вас по двое.

Вместе с Матиасом Келсон шагнул вперед. Принц Фурстан, заметив это с улыбкой пропустил Келсона вперед. Тот послушно встал справа от Азима, глядя в ту же сторону, что и адепт Дерини, тогда как Матиас остановился по левую руку от него.

— Ну, дети мои, начнем, — шепнул им Азим, так, что слов его не расслышал больше никто в этой комнате, и положил руки на затылок своим спутникам. — Приготовьтесь.

Слегка покоробленный снисходительным тоном Азима, Келсон закрыл глаза и глубоко вздохнул, чтобы сосредоточиться, полностью отдавшись на волю опытного мага, — и не испытывая ни малейшего смущения оттого, что вынужден опустить защиты и перед Матиасом.

В тот же миг он ощутил, как разум Азима уверенно охватывает его, погружая в глубокий транс. Он уступил давлению, ощутил мгновенную вспышку силы, — и слегка пошатнулся, когда пол ушел у него из-под ног, а затем возник снова.

Открыв глаза, он обнаружил, что находится в небольшой, пахнущей пылью комнате, освещенной не-

сколькими свечами у открытой двери. Дальше виднелась комната, обитая светлым дубом, в которой у длинного стола стоял Летальд, отдавая распоряжения нескольким слугам в ливреях.

Келсон сразу узнал этот зал, ибо они уже встречались здесь с Летальдом для деловых разговоров; но он и не подозревал прежде, что Портал находится поблизости.

— Обождите с Летальдом, — негромко велел им Азим, сталкивая обоих с плиты Портала.

Сам он тут же исчез, демонстрируя великолепное владение техникой перемещений. По-прежнему не вполне оправившись от магического прыжка, Келсон присел на корточки, положив ладони на каменную плиту, дабы запечатлеть в памяти характеристики этого Портала. Рядом с ним Матиас сделал в точности то же самое. Когда с этим было покончено, они поднялись на ноги и прошли в соседний зал.

— Я знаю, что сейчас очень поздно, и знаю, что она терпеть не может, когда ее будят среди ночи, — твердил тем временем Летальд Вассилу Димитриадесу. Тощий кастелян стоял перед ним в зеленом шелковом халате, босой и растрепанный, похожий на взъерошенную цаплю. — И попроси ее также привести сюда моих племянниц. Скажи, что мы ждем их всех, вместе с королем Келсоном.

Полчаса спустя Келсон оказался в уютной гостиной, где они не так давно общались с Аракси. Азим пересказывал Сиворн, ее мужу и дочерям, что произошло в Белдоре, и почему бегство Теймураза может представлять опасность для принцесс Халдейнов. Морган и Дугал также были здесь, а вскоре появились и Арилан с Лайемом и Матиасом.

— Вот почему я настоятельно советую вам отправить принцесс в безопасное место, — заключил Азим. — Ваш брат полностью поддерживает меня.

Сиворн с кислым видом покосилась на Летальда и нахмурила брови. Сейчас, когда у нее были распущены волосы, она казалась едва ли старше своих дочерей, которые встревоженно жались к отчиму в поисках защиты. Савил был полностью одет, но вид у него был не вполне проснувшийся; женщины же лишь накинули плащи поверх ночных рубах. Ришель внимала словам Азима с недовольным и возмущенным видом, однако судя по лицу Аракси, та куда лучше понимала весь смысл происходящего. Очень сомнительно, что Теймураз мог прознать об их помолвке с Келсоном, однако, несомненно, он постарается помешать свадьбе Ришель и Брекона Меарского.

— Об этом не может быть и речи! — негодующе воскликнула между тем Сиворн. — Летальд, прошу тебя, объясни Азиму, что мы не можем уехать так скоро. Моим швеям нужна еще целая неделя на подготовку... Они и без того собирались продолжить работу в пути. Невозможно устроить королевскую свадьбу с такой легкостью, это же не какой-нибудь магический фокус!

— За нарядами можно будет послать позднее, — возразил Летальд. — Опасность очень велика. Я не хочу, чтобы ты рисковала жизнью моих племянниц ради безделушек.

— А что, они не заслужили этих безделушек? — воскликнула Сиворн, топнув ногой. — Все невесты имеют право на... на «безделушки», как ты их называешь! И в особенности их заслуживают королевские

невесты. Это лишь малая плата за все то, чем *они* вынуждены пожертвовать во имя долга.

Она, разумеется, говорила не только о Ришель, но и об Аракси, хотя Матиас с Лайемом пока не знали об этом. Сиворн позволила Савилу увлечь себя в объятия вместе с Ришель, но все равно она явно была на грани истерики. Ее супруг и брат обменялись встревоженными взглядами, и в этот миг Келсон задался вопросом, сознает ли Сиворн, что опасности подвергаются обе ее дочери, а не одна лишь Ришель. Но посмеет ли он заявить об этом перед торентцами, которые пока еще ничего не знали о его тайной помолвке? И не следует ли сперва спросить у самой Аракси, прежде чем объявлять об этом вслух?

Он понятия не имел, сможет ли она уловить его ментальный зов, но все же направил в ее сторону быстрый сжатый пучок энергии, в надежде, что Аракси поймет его мысль. К его немалому удивлению и радости, ее серые глаза тут же вспыхнули, и она обернулась к королю со слабой улыбкой на губах, незаметно кивнув в знак согласия. Окрыленный, он выступил вперед и ласково положил руку на плечо Сиворн.

— Тетушка, — промолвил он негромко. — Именно памятуя об этих жертвах, я вынужден настаивать на том, чтобы вы втроем немедленно отправились с нами. Если потребуется, за «безделушками» можно и впрямь послать позднее... Или мы что-нибудь придумаем на месте. Ведь сам брак куда важнее, чем свадьба.

Обернувшись, он взял Аракси за руку и обнаружил у нее на пальце подаренное им кольцо, — за эти дни ободок успели уменьшить, так что теперь оно идеально подходило девушке, и он невольно задался

вопросом, не претерпели ли точно таким же образом изменений к лучшему и сами их отношения. Ее рука легла в его ладонь, словно они были созданы друг для друга.

— Господа, надеюсь, вы простите мою прежнюю скрытность, — продолжил он, обращаясь к Матиасу с Лайемом. — Но я и впрямь намеревался сперва сообщить обо всем своему Совету. Однако обстоятельства складываются таким образом, что вы узнаете обо всем сейчас. Мы ведем речь не об одной королевской невесте, но сразу о двух, ибо принцесса Аракси дала согласие стать моей супругой и королевой.

У Лайема рот приоткрылся от изумления, когда Келсон прижал руку Аракси к своим губам, но Матиас лишь одобрительно закивал.

— Но... когда же это случилось? — вопросил Лайем в недоумении.

— Когда мы останавливались здесь по пути в Белдор, — отозвался Келсон. Аракси взяла его под руку, и он накрыл ее ладонь своей. — Я уже говорил, насколько важен этот второй меарский брак между моим кузеном Рори и Ноэли Рэмси, — продолжил он. — Поскольку многие полагали, что я сам могу жениться на леди Ноэли, то вы понимаете, что в нормальных обстоятельствах оба этих брака должны были состояться, прежде чем я объявлю о своих собственных намерениях. Однако сейчас все складывается таким образом, что мы вынуждены ускорить заключение этих союзов.

Матиас вновь кивнул. У Лайема вид был потрясенный, а у Сиворн все более встревоженный.

— И насколько же вы собираетесь их ускорить? — воскликнула она, не скрывая негодования. — Наде-

юсь, вы не ожидаете, что я сумею справиться со всем этим за неделю?

— Ну, не за неделю, конечно, — улыбнулся Келсон. — Но не будем забывать, что меарские браки не являются державными событиями... Это просто торжества в кругу семьи, хотя они и имеют большое дипломатическое значение. Я буду рад, если удастся провести оба бракосочетания в один день, а затем и совместный пир. В конце концов, ведь семья Ноэли прибудет в Ремут ради женитьбы ее брата. Ну, а третья свадьба последует вскоре вслед за ними.

— Но насколько же вскоре? — раздраженно выдохнула Сиворн. — Келсон, речь ведь идет не просто о том, чтобы свести жениха и невесту в одно и то же время в одной комнате...

— Помню, помню... «безделушки»... — засмеялся Келсон. — Если это может вас хоть немного утешить, то могу пообещать, что моя мать и тетушка Мерауд, несомненно, окажут вам всю посильную помощь. Матушка долго ждала этого дня.

— Тогда тем более она заслуживает того, чтобы все было сделано подобающим образом, — возразила Сиворн. — И к тому же мы говорим о моей дочери!

— Мама, мы справимся, — мягким тоном возразила Аракси, взглядом указывая на Матиаса с Лайемом.

Сиворн также покосилась на них и неохотно решила прекратить спор.

— Да, полагаю, придется, — проронила она через силу. — Но неужто нам и впрямь надо уезжать так быстро?

— Боюсь, что да, — отозвался Келсон. — Мы ведь понятия не имеем, какую опасность может представлять собой Теймураз. Я бы чувствовал себя куда спо-

койней, если бы знал, что вы с семьей находитесь в безопасности в Ремуте под моей защитой. И, как уже сказал Летальд, за «безделушками» можно послать позднее. Впрочем, я надеюсь, что безделушки в изобилии найдутся и в Ремуте, — с чарующей улыбкой добавил он и подмигнул Сиворн. — Моя матушка, как-никак, королева, вы не забыли?

Это вызвало улыбку даже у Сиворн, а ее супруг радостно закивал, обнадеженный, и наконец подал голос.

— Но как нам лучше совершить это путешествие? — полюбопытствовал Савил, свободной рукой гладя жену по волосам. — Если Теймураз отплыл из Сазиля, то в наших водах он может оказаться уже к полудню... И даже быстрее, если ветер будет попутный. А раз его магическая сила настолько велика, и он пылает жаждой мести, то...

— У меня в Дхассе есть Портал, — отозвался Арилан спокойно. — А оттуда до Ремута всего пару дней езды.

— В Ремуте также имеется несколько Порталов, — перебил епископа Келсон. И в этот момент он решил, что пришло, наконец, время сделать решительный шаг. Хватит ограничивать себя в тех возможностях, что были даны ему судьбой, — и нет никакого смысла подвергать женщин всем опасностям и тяготам наземного пути из Дхассы в Ремут. — Я отправлюсь вперед с Морганом и Дугалом, чтобы все подготовить. Мы постараемся, чтобы ваше прибытие в замок вызвало как можно меньше суеты. Обычные люди мало что знают о приездах и отъездах обитателей замка, если только речь не идет о каком-то державном приеме; и хотя мои советники поначалу будут не слишком довольны, но я надеюсь, что пресеку

все их возражения, когда сообщу радостную весть о том, что наконец выбрал себе супругу.

Теперь уже заулыбались все присутствующие. Келсон взглянул на Аракси и сжал ее пальцы, а она чуть заметно улыбнулась в ответ.

— Это будет непростая задача, и я сочувствую вам, государь, — промолвила она. — Постараюсь не разочаровать их... и вас тоже.

С этими словами она также на миг пожала ему руку, а затем высвободилась и обняла мать и сестру. Светлые волосы ее, заплетенные в косу, струились по спине, подобно ртути...

— Дядя Летальд, мы сделаем все, что ты скажешь, поскольку я знаю, как ты заботишься о нашей безопасности. Матушка, вам с Ришель лучше пойти и начать собирать вещи. От служанок не будет никакого проку, если им не дать четких указаний, а я хотела бы сперва поговорить с королем, после чего также присоединюсь к вам.

Как ни удивительно, слова Аракси и ее спокойный тон мгновенно достигли цели. Комната опустела. Она робко улыбнулась Келсону, когда дверь наконец закрылась, и подвела его к скамье в оконной нише, поплотнее запахиваясь в плащ, прежде чем опуститься на мягкие подушки.

— Похоже, теперь ты вполне доверяешь Матиасу с Лайемом, — обратилась она к Келсону, который осторожно опустился на скамью напротив. — Отсюда я могу заключить, что коронация прошла успешно, если не считать предательства Махаэля и Теймураза. — Она с отвращением поморщила носик. — Сказать по правде, мне они оба всегда были не по душе. Прежде чем они сделались регентами, то часто наезжали сюда, ко двору дяди Летальда. Махаэль мне

всегда казался чересчур напыщенным и даже надменным, а Теймураз, когда не гонялся за несчастными служанками, то у меня всегда было такое впечатление, будто он раздевает меня взглядом.

Келсон тут же поспешил опустить глаза, внезапно осознав, что и его собственные мысли приняли тот же оборот, поскольку он любовался плавной линией шеи Аракси от подбородка до груди, слегка выступавшей над вырезом ночной рубашки, — ибо плащ ее слегка распахнулся у горла, когда она села, поджав под себя ноги, как делала это ребенком.

Вспоминая те давние невинные деньки, когда оба они были еще детьми, он вдруг понял, что нередко видел то, что так тревожит и волнует его сейчас, ведь они нередко вместе плескались на озере или в реке и с другими детьми ходили в королевскую купальню. Однако дети эти давно уже выросли, а некоторых даже не было в живых; и очаровательная молодая женщина, сидевшая напротив, была уже не подружкой детских игр, а его будущей супругой.

— Теймураз... да, — пробормотал он смущенно. — Матиас дал нам понять, что он весьма охоч до женского пола... Намекал даже, что он позволял себе весьма вольно отзываться о твоей кузине Элизабет... Теймураз, конечно, а не Матиас. Вот почему Летальд должен отправить семью в свой зимний дворец, пока мы не разберемся с этим делом. — Он глубоко вздохнул, вновь посмотрев на Аракси.

— И спасибо, что поддержала меня. Я понимаю, как это неудобно для всех, что приходится выезжать на неделю раньше срока... И с точки зрения твоей матери, две свадьбы вместо одной — это настоящий кошмар. Но я не стал бы просить об этом, если бы не тревожился за вашу безопасность. Мы ведь не

знаем, на что способен Теймураз, несмотря даже на то, что ему ничего не известно о нас двоих.

— Понимаю, — отозвалась она. — И именно думая о нас двоих, я и поддержала тебя. — Аракси без всякого смущения взглянула на Келсона в упор. — Я хочу быть тебе хорошей женой.

— Конечно, я должен был спросить тебя напрямую, прежде чем рассказать обо всем Матиасу с Лайемом, — торопливо перебил ее Келсон. — Я... не был уверен, что ты услышишь мой мысленный зов.

— Я и сама удивилась, — признала она. — Но, пожалуй, все к лучшему. Я прекрасно понимаю, что случившееся во время коронации Лайема изменило расстановку сил со всех сторон... И в том, что ты рассказал своим новым союзникам о нашей помолвке, я вижу знак твоего доверия к ним.

Келсон кивнул.

— Сейчас очень важно как можно быстрее решить проблему Меары. Как только вы с Ришель окажетесь в безопасности в Ремуте, я смогу больше не тревожиться об этом, поскольку сумею вас защитить... Но если Теймураз попытается иным способом разрушить наши планы относительно союза с Меарой, для нас это будет огромным шагом назад.

В ответ на эти слова, Аракси улыбнулась с неожиданным лукавством.

— Тогда, возможно, ты будешь рад узнать, что, по-моему, у нас в меарском лагере появился союзник.

— О чем ты?

— Да, и союзник этот может принести немало пользы. Ришель очень подружилась с Ноэли Рэмси, пока обсуждались условия ее брачного договора, и она полагает, что Ноэли сможет убедить родителей от-

дать ее за Рори, как только ты сам благословишь этот союз. Разумеется, мы много говорили об этом после твоего отъезда. По словам Брекона, Ноэли очень своевольная девушка и всегда добивается своего.

Келсон кивнул задумчиво.

— Это хорошо, если только своеволие она будет проявлять в *наших* интересах... И я действительно рад был слышать об этом. — Он улыбнулся смущенно. — Надеюсь, ты сознаешь, что уже начала играть роль спутницы короля?

С печальным видом она пожала плечами.

— Ведь я все же принадлежу к Халдейнам. И скажу прямо, я рада, что не нужно больше играть в эти игры и делать вид, будто между нами ничего не изменилось. Вспомни, когда я согласилась выйти за тебя, то вместе с Келсоном Халдейном приняла и весь Гвиннед, и я готова сделать все, что в моих силах, чтобы помочь и тебе, и твоему королевству. И я хочу начать немедленно, независимо от того, как много людей знает о нашей будущей женитьбе.

— И я высоко это ценю, — отозвался Келсон со вздохом. — Я поставил тебя в неловкое положение. Прости.

Не глядя на короля, она принялась расправлять складки ночной рубашки.

— Самая большая неловкость сейчас в том, что я толком ничего не знаю о событиях сегодняшнего дня... Но, разумеется, я сделаю все, как ты пожелаешь. Прости мою неопытность, если что... Однако я надеюсь, ты будешь помнить от том, что все мои способности и возможности я слагаю к твоим ногам... моего мужа, родича и будущего супруга.

Он внезапно уловил, к чему она клонит, и понял,

что Аракси вновь робко пытается склонить его к мысленному контакту, и, к немалому своему удивлению, в отличие от первого раза, осознал, что больше не испытывает при этом такого чувства, будто предает Росану. И хотя сперва он надеялся по возможности оттянуть момент этой близости, даже когда уже решил жениться на Аракси, но не сомневался, что рано или поздно момент этот наступит, и, возможно, теперь время пришло. Пора было закладывать основу, на которой в дальнейшем будут строиться их отношения, прежде чем все окончательно усложнится и запутается, когда они станут мужем и женой, ведь осложнения неизбежны у супругов, которые соединяются по воле долга, а не по зову сердца...

И все же, обернувшись, чтобы взглянуть на нее, — любуясь, как отблески пламени освещают ее высокие скулы, на которые легла тень длинных ресниц, — он поразился ее силе духа, которая заставила Аракси вручить свою судьбу в его руки, пусть не из страсти, а из чувства долга и родственной привязанности... Но, возможно, это лишь иное выражение любви. Она во многом отличалась от Росаны, однако они были очень дружны в детстве. Порой для любви достаточно и меньшего. К тому же, кто, кроме Халдейнов, мог дорожить Гвиннедом так, как сам Келсон?..

— Аракси, — окликнул он чуть слышно и легонько коснулся ее руки.

Она вздрогнула от этого прикосновения, вмиг перестав перебирать складки юбки и подняла на него глаза.

— Да?

Он ласково вложил руку в ее ладонь, лишь касаясь, но не сжимая пальцы.

— До сих пор поражаюсь, что ты готова принять меня таким, как я есть, — проронил он, не глядя на девушку.

Она улыбнулась дрожащими губами.

— Я согласилась стать твоей женой. А это и означает принимать тебя таким, как ты есть.

Он понурился, осознавая, что успел уже не раз незаслуженно обидеть ее.

— Я желаю, чтобы брак наш был чем-то большим, нежели простая условность, — промолвил он. — Хочу, чтобы мы поженились не только для того, чтобы дать жизнь наследникам престола. Но, надеюсь, ты понимаешь, что для рождения подлинных чувств нужно время.

— Конечно, понимаю.

— Да... Так вот, я скверно поступил в первый раз, отказавшись принять твое щедрое предложение войти в мысленный контакт. Хочу сказать, что прекрасно понимаю, какой отваги потребовал от тебя этот шаг, но в тот момент мне казалось... что так будет лучше для нас обоих.

— А теперь? — спросила она.

— Зависит от того, осталась ли у тебя былая отвага, — он, наконец, осмелился поднять на нее взор. — Видит Бог, теперь многое изменилось. И как моя будущая королева, ты, разумеется, вправе знать обо всем, что касается нас обоих. И как бы ни сложилось все у нас с тобой в дальнейшем, я надеюсь и молюсь, чтобы мы всегда могли полагаться друг на друга как друзья и соратники.

— Ну, разумеется, — живо отозвалась она. — Не может быть, чтобы мы не достигли хотя бы *этого*! Только дай нам время, Келсон. У нас *будет* время. — Она легонько сжала его руку. — Что же касается ме-

ня, ты должен понять, что, принадлежа к роду Халдейнов, я с детства росла с мыслью о том, что рано или поздно должна буду выйти замуж исключительно по политическим соображениям... Может, даже за какого-то старца, который годится мне в деды. Так что получить в мужья человека, который всегда был мне по душе и кем я восхищалась — это подлинное благословение... Несмотря даже на то, что в остальном твоей королеве придется очень нелегко.

Несколько мгновений он изумленно взирал на Аракси, лишь теперь по-настоящему оценив то доверие, с каким она ответила на его предложение руки и сердца.

— Ты ведь искренна со мной? Да? — переспросил он, хотя и без того не питал в этом ни малейших сомнений.

— Конечно, да.

Губы его невольно растянулись в улыбке, и он ответил на ее рукопожатие.

— Тогда, полагаю, нам следует попробовать мысленный контакт. Я мог бы *рассказать* тебе обо всем, что случилось сегодня в Торентали, но ты поймешь лучше, если я *покажу*. Будем действовать не торопясь. Не бойся.

Она взглянула на него в упор, переплетая свои пальцы с пальцами Келсона, а затем прошептала:

— Я никогда не буду тебя бояться.

• • •

А далеко отсюда, в Белдоре, Шон, лорд Дерри, испугался по-настоящему — но всего лишь на краткий миг. Молодой стражник в королевских доспехах принес ему сообщение, где говорилось, что новый падишах требует его присутствия. Однако в неболь-

шом приемном зале его ожидала мать падишаха — Мораг Торентская, чей брат в свое время с помощью магии принудил Дерри к отвратительному предательству. Он заметил ее слишком поздно: она вышла навстречу откуда-то из тени и сразу оказалась чересчур близко... И рука ее тут же метнулась к его лбу.

Разумеется, он попытался отпрянуть, спастись бегством, — но тут же угодил в объятия стражника, который рывком прижал его к своей груди, свободной рукой зажимая рот, чтобы не позволить Дерри позвать на помощь. Прикосновение Мораг враз лишило его всякой воли к сопротивлению, пробуждая леденящие душу, давно похороненные воспоминания о железном кольце, которое Венцит некогда надел ему на палец... и о ментальных установках, которые дремали в глубине его сознания, никем не замеченные, несмотря на все усилия Моргана, который пытался излечить Дерри после гибели Венцита.

Пробужденные к жизни, эти установки теперь призвали его к полной покорности, и разум Дерри раскрылся перед Мораг, готовый принять и в точности исполнить все ее приказы...

Глава двадцать третья

Да веселится отец твой и да торжествует мать твоя, родившая тебя[1]

Друзья Дерри в это время не подозревали ни о чем, ни в Белдоре, ни на острове Орсал. Келсон, вообще, позабыл о его существовании, направляясь на поиски Летальда, в то время как Аракси вернулась к себе, дабы собраться в путь.

Их мысленное общение неожиданно взволновало короля куда сильнее, чем он рассчитывал, и хотя он ограничился лишь показом событий минувшего дня и поделился с невестой своими соображениями по этому поводу, этого оказалось достаточно, чтобы убедиться, насколько хорошо Азим с Росаной подготовили Аракси для ее будущей роли... И почему-то теперь уже эта перспектива не так пугала его, как прежде.

Поскольку Аракси первой предложила ему ментальный контакт, он предполагал, что она достаточно хорошо овладела зачатками базовых знаний, свойственных Дерини... или Халдейнов, хотя сам Келсон был глубоко убежден, что их магия происходит из одного источника. Однако Аракси была наделена не

---

[1] Притчи 23:35

только этим даром, но также и свойственным всем Халдейнам тонким политическим чутьем, что не могло не порадовать Келсона.

Разумеется, он не в силах был пренебречь отличиями между Аракси и Росаной, однако неожиданно осознал, что в сравнении этом Аракси выглядит весьма достойно, а в каких-то областях даже подходит ему гораздо лучше, — у них было общее происхождение, наследие и взгляды на жизнь, которые, несомненно, могли существенно облегчить их будущее супружество не только в том, что касается официальных обязанностей, но и просто в кругу семьи. Не то чтобы Аракси обладала большими возможностями, нежели Росана, — просто ее таланты лежали несколько в иной области, и, возможно, она больше подходила для роли той королевы, в какой сейчас нуждался Гвиннед.

О плотской страсти Келсон пока не мог заставить себя даже подумать, — Росана в мыслях его ассоциировалась с ярчайшей вспышкой, тогда как Аракси — с ровным неярким пламенем, — поэтому во время мысленного контакта он тщательно и надежно отгородил эту область своего сознания. Но тем не менее нельзя отрицать, что случившееся глубоко тронуло его, и где-то в глубине души он начал отзываться на ее близость. Теперь у Келсона не было сомнений, что его будущая спутница жизни в полной мере наделена не только красотой, но и живым умом, мягким нравом и любезностью. Если бы не воспоминания о Росане...

— Арилан вернулся в Белдор с Лайемом, — негромко оповестил его Морган, который поднялся Келсону навстречу, когда тот вошел в зал Совета. На столе перед ним были разложены карты побережья,

которые герцог внимательно изучал. — Мы решили, что новому королю Торента не стоит пока надолго отлучаться из столицы, сразу после восшествия на престол, но с ним должен постоянно находиться достойный доверия советник, покуда в стране не уляжется волнение.

— А где же Матиас? — поинтересовался Келсон.

— Он сейчас с Летальдом, обсуждает оборону острова. Он пригоден к этому лучше, чем кто бы то ни было, поскольку хорошо знает своего брата. Дугал отправился с ними как представитель с нашей стороны. А я пока попросил Арилана, чтобы он помог Дерри и Сэйру организовать отъезд наших людей из Белдора. Они отчалят прямо поутру. Как все прошло с Аракси?

Келсон кивнул с довольным видом и уселся напротив Моргана.

— На удивление неплохо, — отозвался он. — Азим, должно быть, превосходный наставник. Либо, возможно, кровь Халдейнов дает куда больше, чем принято считать.

— А, может, и то, и другое разом, — согласился Морган. — Хотя тебя это вряд ли должно удивлять, учитывая твои собственные способности. Так, стало быть, вы сумели войти в ментальный контакт?

— Вот именно, — отозвался Келсон. — И ей удалось это куда лучше, чем я ожидал со слов Росаны и Азима. Отчасти это объясняется тем, что она Дерини по матери, но... Она ведь также принадлежит и к роду Халдейнов. Ты не думаешь, Аларик, что она способна овладеть нашей магией?

Морган поднял брови.

— А вот это любопытная мысль. У Халдейнов на престоле никогда не было правящей королевы, поэ-

тому я даже не задавался мыслью, способна ли женщина владеть такой силой. Кроме того, в истории никогда не было случая, чтобы Халдейны заключали брак между собой. Однако твой дед и отец Аракси были сыновьями Малкольма Халдейна... А в вопросах наследственности для природы не имеет значения, какая линия старше. Нам ведь уже доподлинно известно, что было бы ошибкой думать, будто лишь один Халдейн в своем поколении может владеть магией.

— А теоретически это означает, что и у герцога Ричарда был тот же самый потенциал, что и у твоего деда, — продолжил Морган, оживляясь. — Так что он вполне мог передать его Аракси... да и Ришель тоже. Разумеется, мы не знаем, что происходит, когда кровь одного рода смешивается с другой при рождении детей, но если брать как пример тебя самого, то мы убедимся, что магия в вашем роду ничуть не ослабла... Равно как она сохранила силу и по линии Нигеля.

Келсон был настолько захвачен этими рассуждениями и возможными следствиями из них, что его даже не покоробило, как обычно, упоминание, пусть и завуалированное, о предательстве старшего сына Нигеля. Сам он заговорил о способностях Аракси, не особо задумываясь над этим, скорее, во власти теплых чувств, что оставила в его душе мысленная связь, — ибо этот контакт породил надежду на то, что между ними возможно нечто большее, чем союз, основанный лишь на чувстве долга, — и он был совершенно не готов к столь далеко идущим выводам, которые сделал из этого Морган.

— Так ты говоришь, что, возможно, нам удастся пробудить потенциал Халдейнов у Аракси? — медлен-

но переспросил он. — Боже правый, но почему никто прежде не подумал об этом... Даже Азим с Росаной, ведь иначе бы они сказали нам об этом.

— Вероятно, да, — согласился Морган. — Если только ими не движут какие-то скрытые мотивы. — Он немного помолчал. — Любопытно, но не означает ли это, что Азим все же является членом Камберианского Совета?

Келсон невольно содрогнулся.

— Но почему Совет будет скрывать это от нас?

— Понятия не имею. Насколько я могу судить, им всегда неловко было иметь дело с теми Дерини, которые не укладывались в привычные рамки, но, на деле, о самих Дерини известно не так уж много, поэтому еще большей загадкой остаются такие способности, как у Халдейнов.

— Вот почему, — тщательно подбирая слова, осторожно продолжил Морган, — это отличная мысль, чтобы Росана занялась своей великой задачей. Конечно, организовать деринийскую школу при Служителях Святого Камбера — весьма похвальное начинание. Но я считаю, что этого мало. Довольно терпеть положение, при котором лишь отдельные личности или самоназначенные *Советы* могут пытаться возродить древние знания, собирать их и обогащать... Необходимо заниматься этим с большим размахом, устанавливать основы поведения, карать тех, кто преступает эти нормы.

— И такой орган должен располагаться в твоей столице, — добавил Аларик с жаром, постукивая пальцем по столу, — чтобы ты мог стать его покровителем. К тому же, это разрешит и проблему с Альбином, ведь он будет у тебя перед глазами, и вы с Нигелем сможете дать ему необходимое образова-

ние, что сделает его достойным членом рода Халдейнов. Ну, и разумеется, кто будет лучшим покровителем для такого замысла, чем король и королева Халдейны, которые сами владеют магией и сознают все ее опасности и возможности?

— Ты говоришь о нас с Аракси, — прошептал Келсон, сознавая, к чему ведет Морган.

Тот кивнул.

— Росана сделала правильный выбор, когда предложила тебе в жены Аракси... Хотя я готов признать, что и вы с Росаной отчасти могли исполнить тот же замысел, если бы ваша жизнь сложилась иначе. Но она не должна выходить за тебя, Келсон... И не только из-за Альбина. Она Дерини, и ей понадобится вся ее сила, чтобы собрать вокруг себя лучшие умы нашего времени и заложить основы вашего замысла, в то время как ты со своей королевой должны постараться создать в Гвиннеде такую ситуацию, при которой этот замысел мог бы процветать... И дать жизнь наследникам Халдейнов, которые, получив достойное воспитание и образование, могли бы продолжить дело вашей жизни.

Келсон глубоко вздохнул и медленно выдохнул, размышляя над тем, что услышал. Пусть и без особой охоты, но он готов был признать правоту Моргана, и уже задумывался над тем, как лучше воплотить этот прекрасный план. Отрекшись от Росаны, он навсегда оставил свою давнюю мечту... но теперь видел, что, взяв в жены Аракси Халдейн, сможет вызвать к жизни мечту еще более смелую и прекрасную.

— Мне надо как следует поразмыслить на этим, — промолвил он и обернулся к дверям, заслышав шаги в коридоре. — Мы вернемся к этому разговору в Ре-

муте. Но пока хватит и того, что придется объяснять всем в замке, откуда мы взялись так неожиданно. — Он поднялся навстречу Азиму, который вошел в комнату с кипой карт под мышкой. — Все в порядке? — спросил он.

Азим улыбнулся.

— Тот же вопрос я хотел задать и вам. Но, впрочем, да, все в порядке. Вы уже были в Ремуте?

Келсон покачал головой.

— Я только что расстался с Аракси. Мы отправляемся немедленно. — Он жестом позвал за собой Моргана. — Если вас не затруднит, то сообщите Летальду, куда мы подевались. Ведь, в конце концов, это *его* Портал.

— О, да, верно, — согласился Азим. — Маги должны соблюдать вежливость по отношению друг к другу. — Он склонил голову набок. — Вы так и не сказали мне, должен ли я тревожиться по поводу своей самой многообещающей ученице?

— Вы об Аракси? — переспросил Келсон с широкой улыбкой, в то время как Морган направился к комнату Портала. — Я думаю, что кровь Халдейнов вкупе с полученными от вас уроками — это именно то, что надо, для будущей королевы... И я благодарю вас за все. Не думаю, что здесь есть какие-то причины для тревоги.

С этими словами, не дав Азиму возможность продолжить расспросы, он прошел к Порталу. Морган уже ожидал его в полной готовности и немедленно опустил руку Келсону на плечо, как только король оказался рядом с ним.

— В какой Портал мы будем перемещаться? — спросил он. — Должно быть, в библиотеку?

Келсон кивнул.

— Веди нас.

Он закрыл глаза и опустил щиты для прикосновения разума Моргана, полностью вручая себя в руки человека, который за эти годы стал для него почти вторым отцом. Краем сознания, он ощутил, как Морган начал работать с силовыми потоками... Переход прошел очень плавно, — но ничто не подготовило Келсона к той картине, какую он обнаружил по другую сторону Портала.

Глава двадцать четвертая

И истина сделает их свободными[1]

Джехана невольно вскрикнула от испуга, когда прямо перед ней в комнате, примыкавшей к ремутской библиотеке, из воздуха возникли две фигуры в темных плащах. Она сидела всего в нескольких шагах от Портала, в оконной нише рядом с отцом Нивардом и Барретом де Лейни, и, как зачарованная, слушала разговор мужчин, молодого и пожилого, которые с жаром обсуждали какие-то тончайшие оттенки значений в переводе древнейшей поэмы... поэмы Дерини.

Подобные встречи продолжались вот уже целую неделю, почти каждую ночь. Она и сама не могла понять, каким образом Джон Нивард преуспел там, где многие другие потерпели поражение, и сумел объяснить Джехане, что признать и понять тайну собственного рождения и полученные при этом способности не только дозволено, но и похвально. Возможно, все дело было в ее интересе к Баррету: хотя, по возрасту он годился ей в отцы, но чувства, которые она к нему питала, были отнюдь не дочерними. И потому, узнав, что Баррет часто встречается с отцом Нивардом для совместных занятий, она поста-

[1] Мудрость Иисуса 11:5

ралась подыскать подходящий предлог, чтобы быть с ними.

Сама себе Джехана без устали твердила, что поступает глупо, — и даже исповедалась в своей глупости Ниварду, — который лишь ласково улыбнулся, совершенно очарованный, и заверил королеву, что искренняя симпатия не признает возрастных границ.

— Разумеется, если угодно, вы можете к нам присоединиться, — предложил он. — Мы встречаемся почти каждый вечер, и я знаю, что он будет рад новой ученице.

— Он... не занимается с вами магией? — спросила она... хотя все равно пришла бы, даже в этом случае.

— Нет, мы по большей части читаем древние тексты... И много спорим, — успокоил ее Нивард со смехом. — Поскольку мне приходится часто общаться с его величеством, то епископ Арилан сказал, что мне не следует находиться в ментальном контакте с... другими Дерини, не принадлежащими к окружению короля. Он сам занимался со мной вместе с епископом Дунканом, а в последнее время меня обучал и герцог Аларик. Но только не Баррет, разумеется, — добавил он. — Ведь, будучи королевским духовником и членом его личной свиты, я имею доступ к сведениям, которые нельзя разглашать за пределами двора. Надеюсь, вы понимаете.

Разумеется, она все прекрасно понимала. И теперь последние опасения покинули королеву, и ей больше, чем когда бы то ни было, хотелось продолжить общение с загадочным Барретом, который был слеп и зряч в то же самое время, и отдал зрение ради спасения детей. Пока что ей недоставало смелости напрямую расспросить Баррета о той истории, — а

Нивард не знал подробностей, — но эта тема по-прежнему не давала ей покоя.

Поэтому она почти каждую ночь присоединялась к Нивард с Барретом, порой засиживаясь до самого рассвета, — который летом наступал, увы, слишком рано. А пару дней назад, когда восход солнца застал их в самом разгаре спора, Нивард предложил сделать передышку и отслужил вместе с ними утреннюю мессу, прямо здесь, под лучами золотого солнца, и дал им святое причастие из маленькой дароносицы, которую захватил с собой, выложив все необходимое на накидку, которую королева постелила на алтарь, расположенный прямо у Портала. Баррет с помощью магического огня зажег единственную свечу; а вокруг Дерини Нивард вспыхнул золотистый ореол, когда он с почтением поднес им Тело Христово.

Это было так прекрасно, что Джехана невольно разрыдалась... И навсегда рассталась еще с одним из своих страхов.

Однако сейчас, когда Келсон с Морганом появились внезапно в Портале библиотеки, до рассвета было еще далеко. Нивард тотчас поднялся навстречу вновь прибывшим. Джехана поднялась медленно, одновременно испытывая страх и удивительное облегчение. То, что сын ее оказался здесь, живой и невредимый, на следующий день после коронации в Торенте, означало, что он уцелел, — но столь поспешное возвращение было знаком того, что что-то прошло неблагополучно. Кроме того, вид Моргана рядом с сыном немало смутил ее, ибо сейчас она остро осознала, насколько несправедлива была к этому человеку все прошлые годы. И король, и его верный герцог, были равно изумлены, увидев ее здесь.

— Матушка! — воскликнул Келсон, застыв при виде Баррета, сидевшего рядом с матерью и Нивардом.

Баррет также поднялся с места, прижимая к груди свиток, который переводили они с молодым священником.

— Добро пожаловать домой, сир, — любезно промолвил он. — Господь благословил меня еще одним учеником за время отсутствия вашего величества. Судя по всему, в Торентали все прошло благополучно, но я надеюсь, что ваше поспешное возвращение не означает, что возникли какие-то проблемы?

Он повел себя столь естественно, что напряжение вмиг покинуло Джехану, и, спустившись из оконной ниши, она обняла Келсона, едва не лишившись чувств от облегчения, когда щекой почувствовала свои четки у него на груди. Он не забыл!

— Проблемы были, — подтвердил Морган, пока Келсон утешал мать. — Но исход, в общем-то благоприятный.

Поверх плеча Келсона он покосился на Ниварда, который лишь с легкой улыбкой закатил глаза, явно имея в виду Джехану. Келсон, тем временем, отвел мать в сторону, утирая слезы радости с ее лица. Лишь теперь он обратил внимание, что на ней не обычное белое полумонашеское одеяние, но красивое темно-зеленое платье, а волосы заплетены в длинную косу. Она казалась помолодевшей на несколько лет, по сравнению с их последней встречей несколько дней назад. Что — или кто — вернул ей вкус к жизни, заставил отказаться от вдовьих нарядов? Конечно же, не этот юный священник, едва ли старше самого Келсона...

— Сын мой... Я так тревожилась! — прошептала она.

— И молилась, я уверен, — добавил он, коснувшись четок у себя на шее. — И несомненно, твои молитвы поддержали меня. Со мной все в порядке... и с Лайемом тоже. Он справился отлично. А граф Матиас спас нас всех. Его братья планировали предать Лайема и уничтожить его во время коронации, но Матиас сумел сделать так, что я участвовал в обряде и... в общем, это долгая история. Но Махаэль погиб. К несчастью, Теймураз сумел спастись бегством. Это единственная незадача. Теперь Лайем наш новый союзник вместе с Матиасом, и между нами и Торентом будет прочный мир.

Слушая сына, Джехана смеялась сквозь слезы, и Ниварда растроганно взирал на них. Баррет с легкой улыбкой склонил голову.

— И впрямь, вы отлично справились, государь, — произнес он негромко. — Вы принесли нам радостную весть. Могу ли я оставить вас теперь?

Келсон, крепко прижимая к себе мать, бросил взгляд на Моргана, затем на Ниварда. Судя по реакции Баррета, тот ничего не знал о вчерашних событиях, — а стало быть, не в курсе происходящего был и Камберианский Совет. Разумеется, Арилан и Азим не в счет, однако Келсон понятия не имел, каким образом члены Совета передают друг другу нужные сведения... Правда, Азим говорил, что на коронации будут и другие его собратья... Хотя Совет Камбера частенько досаждал ему, Келсон полагал, что будет лучше, если там узнают обо всем как можно скорее.

— Если вы этого желаете, то мы не станем вас задерживать, милорд, — заметил он любезно. — Прошу простить, если я нарушил ход ваших занятий. Но я понимаю, что вам не терпится поделиться с другими людьми известиями из Торента.

Баррет устремил незрячий взгляд своих изумрудных глаз на Келсона так, словно мог видеть его в этот миг.

— Благодарю вас, государь.

Кивнув Ниварду, он протянул ему свиток, затем, опираясь на руку молодого священника, спустился по ступеням и уверенно двинулся к Порталу. Морган попятился, чтобы дать ему дорогу.

— Желаю вам доброй ночи, сир, и вам, миледи, — произнес старик и встал на квадратную плиту... И тут же исчез.

К изумлению Келсона, мать его никак не отреагировала на это зрелище. И он невольно задался вопросом: не мог ли пожилой книжник быть подлинной причиной перемен, происшедших с Джеханой. По-прежнему не оправившись от потрясения, он обернулся к Ниварду.

— Отче, не могли бы вы сходить за Нигелем и тетушкой Мерауд... И приведите также Рори, — добавил он. — У меня есть новости и для них тоже.

Нивард отложил свиток на скамью и, торопливо кивнув им, немедленно удалился через магический проход. Морган, многозначительно покосившись на Келсона, двинулся вслед за священником.

— Я подожду в библиотеке, — сказал он, прежде чем исчезнуть.

Как только они остались одни, Джехана вновь стиснула Келсона в объятиях и положила голову ему на грудь, не скрывая волнения.

— Дорогой мой, я была так глупа все эти годы! Последние две недели прошли совершенно... невероятно. Я даже не знаю, с чего начать!

— Тогда подождем, когда у нас будет больше времени, — отозвался он, не веря собственным ушам. —

Уверяю тебя, я восхищен, но ты последний человек, которого я ожидал бы увидеть здесь с отцом Нивардом и Барретом. Однако у меня есть для тебя и другие новости, которые, я думаю — надеюсь — обрадуют тебя еще больше, чем ты порадовала меня. — И когда мать отстранилась, вопросительно глядя на него, пояснил: — Матушка, я наконец выбрал себе невесту.

На лице ее отразились радость и смятение.

— Ты... выбрал... Но кто же это? — выпалила она, заикаясь.

— Кузина Аракси.

Джехана растерянно заморгала.

— Но... разве она... не...

— Выходит за Куана Ховисского? — с улыбкой завершил он. — Нет, конечно, нет! Боже правый, если бы ты знала, сколько раз мне уже задавали этот вопрос. — Покачав головой, он прижал мать к себе. — Мне она очень нравится, матушка. Это Росана предложила мне взять ее в жены, перед тем, как я отправился в Торент... Она практически *приказала* мне... Но я и впрямь обнаружил, что у нас очень много общего. Мы с Аракси все обсудили, когда я был на острове по пути в Торент. И епископ Арилан засвидетельствовал нашу помолвку в присутствии ее семьи, Дугала и Моргана. Росана... похоже, она уже довольно давно начала готовить почву для этого брака. Взаимоотношения Аракси с Куаном были лишь притворством: он влюблен в свою кузину Гвенлиан.

Не сводя глаз с сына, Джехана растерянно покачала головой.

— Келсон, я даже не знаю, что сказать. Аракси славная девочка, но я... знаю, как сильно ты... любил Росану...

— И по-прежнему люблю ее, — отозвался он шепотом, склонив голову. — Однако за эти дни я много думал. Риченда была права, сказав, что Росана создана для религиозного служения... Ты же знаешь, что все эти три года она провела со Служителями Святого Камбера... Теперь она намеревается создать школу, где Дерини будут обучаться не только магическим способностям, но и тому, как пользоваться ими со всей ответственностью. Я собираюсь открыть эту школу здесь, в Ремуте, хотя она еще не знает об этом. Ведь именно невежество было основной причиной вражды между людьми и Дерини — а не сама магия. Я рад, что теперь могу поведать тебе об этом. Матушка, но что же случилось, пока меня не было? Когда я увидел тебя с отцом Нивардом и Барретом... с Дерини...

Джехана смущенно потупилась, скрывая улыбку.

— Я... боюсь, я пока не готова говорить с тобой об этом, сынок, — прошептала она.

— Я думал, ты сможешь мне *показать*, — рискнул предложить он, приподняв ее подбородок, взглянув прямо в зеленые глаза.

Джехана покраснела и ласково покачала головой, однако не опустила взор, уверенно глядя на сына.

— Пока нет. Я учусь, но еще не готова к такому шагу.

— Тогда я не стану давить на тебя, — отозвался он и вновь сжал мать в объятиях. — И, кстати, я забыл тебе сказать, что собираюсь доставить сюда поутру Аракси, Ришель, тетю Сиворн и все их семейство. Случились некоторые... осложнения из-за бегства графа Теймураза. Да, и вот еще важная вещь: если вы объединитесь с Сиворн и тетушкой Мерауд, сумеете ли вы организовать разом три свадьбы?

— *Три?* — она отстранилась, в изумлении взирая на Келсона.

— Ну да, — он с улыбкой взял ее под руку и подвел к оконной нише, где они присели на скамью, после чего вкратце рассказал матери об истории Рори и Ноэли.

— Единственная сложность — это наследование Картмура, и место Альбина во всем этом, — заключил он. — Но я надеюсь, что рано или поздно мне удастся заставить Нигеля принять мальчика.

— О, — при этих его словах Джехана улыбнулась так радостно и лукаво, как не улыбалась уже много лет. — На это я могу сказать тебе, что мы с Мерауд уже кое-что предприняли, дабы достичь этой цели.

— Неужели? — воскликнул он со смехом.

Но тут из соседней комнаты раздались голоса, и все объяснения пришлось отложить на потом, поскольку Нивард заглянул к ним и с извиняющимся видом поманил короля рукой.

— Они все здесь, сир, — промолвил он. — Вы выйдете к ним сами или мне привести их сюда?

— Мы уже идем, — отозвался Келсон, взяв Джехану за руку. — Не согласитесь ли вы остаться здесь, у Портала, на случай, если появятся гости?

Встреча с Нигелем, Мерауд и Рори оказалась радостной и бурной, а когда он мысленно дал полный отчет о последних событиях дяде и двоюродному брату, те уставились на короля с благоговейным восхищением.

— Гостей следует ждать к рассвету, — заявил Келсон вслух, ибо этот вопрос касался также Мерауд и Джеханы. Королева, пока Келсон общался с Нигелем и его сыном, о чем-то шепталась с герцогиней, раскрасневшаяся и взволнованная. — Я пока сказал им

взять с собой лишь то, что они могут унести. «Рафалия» Моргана выйдет в плавание на рассвете, и захватит большую часть их пожитков, после чего сделает остановку в Короте, дабы взять на борт семью Алариса. Потом, через три дня, в путь отправится и корабль Летальда, едва лишь вернется из Белдора... А сейчас я бы хотел, чтобы женщин разместили в их покоях, прежде чем замок начнет пробуждаться, хотя у меня хватило смелости предложить им воспользоваться нашим Порталом для путешествия... — С широкой улыбкой он оглянулся на Нигеля, который, похоже, еще не вполне оправился от потрясения. — Детали мы обсудим, когда я вернусь, — продолжил Келсон. — А сегодня, после того, как поможем дамам обустроиться на новом месте, я хочу, чтобы в полдень собрался королевский совет. Не объясняй им пока, в чем дело. Я даже не хочу, чтобы они вообще знали, что я уже в Ремуте.

Нигель кивнул.

— Тетушка Мерауд, Нигель расскажет вам все, что я поведал им с Рори. Я понимаю, случилось слишком много неожиданного для всех вас, но события сегодняшнего дня помогли мне понять, что я без всякой необходимости ограничивал свои способности все это время и совершал большую ошибку. Раз уж наши новые союзники в Торенте смогли чему-то научиться у нас, то нам следует почерпнуть все, что есть полезного у них самих. Думаю, скоро произойдут большие перемены... И в кои-то веки они будут к лучшему.

С этими словами он устремил взор на Моргана, который дожидался короля у дверей.

— Ну что же, начнем?

Глава двадцать пятая

Сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло из среды себя[1]

При помощи Азима и Летальда, в течение часа они доставили в замок Аракси и всю ее семью, провели их сквозь магический проход и разместили в тех самых апартаментах, что были заранее предназначены для гостей, чей приезд ожидался лишь через неделю. В это неурочное время на них почти никто не обратил внимания, не считая разве что пары стражников да нескольких заспанных челядинцев, которые таскали на кухню воду и разжигали очаг в большом зале. У каждой из женщин с собой было совсем немного пожитков, так что обитатели замка могли решить, что видят перед собой меарцев, прибывших на церемонию бракосочетания, которая должна была состояться всего через две недели.

Сам Келсон пока не выходил из библиотеки, потому что его появление во дворце наделало бы куда больше шума, а он этого не желал, пока не выступит перед советом. Рори он послал за Дунканом, а Дугал и Морган вернулись вместе с Летальдом на остров,

[1] Второзаконие 19:19

откуда должны были отбыть в Белдор, сообщить последние новости Лайему с Матиасом и проследить за благополучным отъездом остававшихся в Торенте гвиннедцев. Впрочем, все это не должно было им помешать к полудню успеть на совет. Когда все разошлись, в библиотеке с королем остался один лишь Азим.

— Я вернусь в Хортанти, а затем в Белдор, на случай, если там понадобится моя помощь, — заметил Азим Келсону, пристально наблюдая за королем. — Если позволите, я передам координаты этого Портала Матиасу и Лайему-Лайосу. Было бы неплохо для них иметь возможность связаться с вами напрямую.

Келсон кивнул.

— Согласен. Это будет жизненно важно в ближайшие дни и недели. Я сделаю так, чтобы рядом с Порталом постоянно кто-то дежурил. Возможно, отец Нивард не будет возражать против такой обязанности. Он мог бы даже ночевать в библиотеке все это время.

— Вполне разумно. При дворе Летальда немало Дерини, в том числе и довольно опытных магов. Так что Махаэль с Теймуразом вполне могут иметь среди них союзников. Разумеется, те непременно обратят внимание, что в замке творится неладное, даже если до сих пор они еще не в курсе всего, что случилось в Белдоре. После того, как мы с Летальдом обсудим последние вопросы, я отправлюсь в торентскую столицу, чтобы помочь Моргану и всем остальным со сборами, а также вовремя отправить домой тралийские корабли. Матиас обещал, что его погодные маги дадут им попутный ветер, чтобы поскорее добраться до Хортанти.

— Но сколько времени это займет? Я говорю о путешествии, а не о погодном заклятии...

— Возможно, дня три, если они будут плыть и днем, и ночью. А тем временем посмотрим, не объявится ли Теймураз на острове.

— А если объявится?

Азим прищурился.

— Скажем просто, что своими действиями он настроил против себя многих влиятельных особ, и непременно поплатится за это.

— Вы говорите о Совете? — спросил Келсон.

Маг молча посмотрел на него.

— Но что, если он не поплывет на остров? — продолжал настаивать Келсон.

Азим на миг отвернулся, окидывая взглядом Портал.

— Можете не сомневаться, что, куда бы он ни сунулся, он нигде не найдет пристанища, — промолвил он негромко. — Но больше прошу ни о чем меня не спрашивать.

Несмотря на то, что он полностью доверял Азиму, Келсон невольно ощутил дрожь дурных предчувствий.

— Ладно, — заметил он наконец. — И все же я задам еще один вопрос. Не хотите ли вы дать какой-то совет относительно моих ближайших действий?

— Вам предстоит составить брачный договор между Рори и дочкой Рэмси, — со слабой улыбкой отозвался Азим. — Учитывая то, что через две недели состоится не одна, а целых *две* меарских свадьбы, у вас и без того будет хлопот полон рот. Что же касается вашего собственного брака, то хотя со стороны советников возражений не будет, тем не менее придется подписывать массу документов и заниматься

прочими церемониями, необходимыми при подготовке к королевской женитьбе и коронации будущей супруги. По счастью, как вы скоро убедитесь, многие приготовления к первым торжествам пригодятся и для последующего.

Келсон невольно усмехнулся.

— Послушать вас, так меарские свадьбы станут чем-то вроде репетиции к моей собственной.

Азим с серьезным видом кивнул.

— В каком-то смысле, так оно и есть. И, кстати, должен вас поздравить: идея со вторым меарским браком была просто блестящей, если только вам удастся уговорить родителей девушки. Такого хода не предусматривал даже Камберианский Совет. Они... также не предполагали возможности союза между вами и вашей кузиной, — добавил он, пристально наблюдая за Келсоном. — Как ее наставник, который превыше всего заботится о счастье Аракси, осмелюсь ли я выразить надежду, что близкое знакомство с ней принесло вам больше радости, чем вы сами могли ожидать?

Облеченный в слова таким образом, этот вопрос дозволял ответить уклончиво, так что от Келсона не требовалось ничего другого, кроме как подтвердить, что он искренне постарается сделать свой брак удачным, как с чисто человеческой, так и с политической точки зрения, — и все же Азим заставил его признать, что в глубине души он начал испытывать теплые чувства к Аракси.

— Скажем просто, — вымолвил он наконец, — я все больше уверен в том, что она станет достойной королевой. Ну, а наши личные отношения... — Он глубоко вздохнул. — Азим, скажу вам честно: будущее покажет.

* * *

Несколько позднее, в летнем дворце Летальда Орсальского один из его обитателей, чья преданность, увы, принадлежала отнюдь не местному владыке, стоял на часах вместе с другими гвардейцами своего отряда у дверей зала заседаний совета, — и в изумлении вытянулся на караул, когда дверь открылась и на пороге появился один лишь Летальд со своим кастеляном. Успев бросить взгляд внутрь комнаты, прежде чем дверь закрылась, соглядатай увидел, что внутри не осталось больше ни души, — однако он своими глазами видел, как меньше часа назад туда вошла сестра Орсала с мужем и детьми, а также челядинцы, которые несли объемистые свертки. Несмотря на то, что ночь была душная и жаркая, все семейство леди Сиворн было в просторных теплых плащах. Слуги долго не задержались внутри; но больше наружу так никто и не вышел.

Сам по себе этот факт показался достаточно подозрительным Иддину Веске, офицеру гвардейцев, и он постарался отколоться от своих товарищей, сопровождавших Летальда обратно в его покои, ибо прекрасно понимал, что у него нет никаких шансов получить от того дополнительные сведения. Совершенно безнадежен в этом отношении был и кастелян, Вассил Димитриадес, который, распростившись с Летальдом, двинулся по коридору в другую сторону. Они оба были Дерини, в точности, как и сам Иддин. Значит, следовало пойти на хитрость. Конечно, это было рискованно, но за риск ему хорошо платили. Как только кастелян скрылся из виду, а Летальд в окружении стражников повернул за угол коридора, в этом крыле дворца вновь воцарилась тишина, и Ид-

дин незаметно подошел к стражнику, остававшемуся на часах у дверей зала Совета.

— Что-то шумно сегодня поутру, — заметил он небрежно.

— Верно, — согласился Лурик, рассеянно теребя перевязь меча. — Любопытно было бы узнать, что стряслось.

Но Иддин не собирался тратить время на праздную болтовню. Схватив стражника за запястье, он мгновенно задействовал ментальные установки, которые вложил в его сознание еще год назад, и тут же, открыв дверь свободной рукой, втолкнул покорного Лурика внутрь.

— Стой на страже, — шепотом велел ему Иддин, торопливо осматривая комнату.

И впрямь, здесь не было ни души, и судя по всему, не имелось также иного выхода из помещения. Прежде ему никогда не доводилось бывать в зале совета, — Летальд всячески избегал решать важные государственные вопросы летом, когда прибывал в Хортанти, — но Иддин верил собственным глазам... А значит, случившемуся могло быть лишь одно объяснение.

Вздохнув поглубже, чтобы сосредоточиться и войти в легкий транс, он принялся обходить комнату по ходу движения солнца, ментально прощупывая пространство в поисках потайной двери, — и вскоре обнаружил таковую под легкой деревянной панелью в левой стене комнаты.

Пробежавшись руками по резной панели, он попытался определить очертания двери и обнаружить замок, удерживавший ее закрытой. Засов поддался с легкостью, — он отыскал его, замаскированным под

завиток резьбы, — и запор не устоял перед магией Дерини.

На всякий случай проверив, нет ли на входе охранного заклятья, он легонько толкнул дверь и обнаружил за ней небольшое помещение, где пахло сыростью и свечным воском. А под ногами, стоило ему сделать еще шаг вперед, обнаружилось отчетливое покалывание переносящего Портала, — Портала, которым пользовались совсем недавно.

Наконец-то удача! Махаэль говорил ему, что где-то в Хортанти должен иметься Портал, и второе лето подряд Иддин тщетно разыскивал его. Он знал, что в роду владык Орсала были Дерини, хотя они почти не пользовались своей магической силой, если не считать заклятья истины, — и все же касательно Портала Махаэль оказался прав.

Он присел на корточки, ощупывая пол руками, дабы запечатлеть в памяти все необходимые характеристики, затем тщетно попытался понять, куда именно могли переместиться люди из этого места, после чего, наконец, поднялся на ноги и вышел из крохотной комнатки, закрыв за собой дверь и тщательно заперев замок. Лурик по-прежнему дежурил у выхода в коридор, прижавшись ухом к дверям, и Иддин бесшумно скользнул к нему. Взяв стражника за запястье, он отдал короткий приказ:

— Пойдем со мной.

Пару минут спустя, послав другого гвардейца дежурить перед залом Совета, Дерини отправился в свои покои, по дороге пытаясь решить, как ему поступить. Он не знал, куда Орсал отправил членов своей семьи, а также зачем ему это понадобилось, но сам факт, и то, каким образом это было проделано, несомненно представлял огромный интерес для его

нанимателей, — точно также, как и данные о самом Портале.

Затащив Лурика в комнату, он закрыл дверь и велел своему невольному сообщнику сесть с ним рядом на узкую койку. Продолжая держать стражника за запястье, он закрыл глаза и начал входить в транс, вовлекая следом и Лурика, чтобы иметь возможность почерпнуть у того необходимую жизненную силу.

Вскоре он почувствовал, что ушел достаточно глубоко и, напрягая сознание, послал мысленный Зов, однако хотя обычно Махаэль всегда отвечал через пару минут, порой для того, чтобы перенести контакт на более позднее время, в этот раз призыв Иддина остался без ответа. После этих бесплодных усилий, так и не связавшись с Махаэлем, Иддин решил попробовать отыскать другого брата, Теймураза. Ответ пришел не сразу, но пришел, мощный и направленный, — как будто сила Теймураза таинственным образом возросла за последнее время.

«Я не смог дотянуться до Махаэля, — передал Иддин. — У меня новости из Хортанти. Я наконец отыскал Портал, — и, похоже, Летальд воспользовался им, чтобы куда-то отправить свою сестру и все ее семейство.»

«Вот как? — отозвался Теймураз. — Ты знаешь, что случилось?»

Иддин послал вопросительный импульс.

«Ты не смог позвать Махаэля, потому что он мертв...»

«Что?»

«Он потерпел поражение во время *киллиджалая* от руки нашего дражайшего братца и короля Гвиннеда, — донеслась до стражника мысль Теймураза,

полная столь обжигающей ярости, что Иддин невольно содрогнулся. — Его казнили на колу по приказу нашего племянника-предателя, — который отныне владеет всей магией Фурстана. Я спасся лишь чудом.»

«Но... зачем Летальду...»

«Это тебе и предстоит выяснить, — пришел резкий приказ Теймураза. — Ему известны обстоятельства гибели Махаэля и моего побега из Торентали. То, что он оказался на острове вскорости после этих событий, наводит на мысль, что он догадался о моих намерениях сделать все, чтобы разрушить союз с Меарой, которого так добивается Халдейн. Я рассчитывал похитить или убить халдейнских принцесс...»

«Тогда сюда плыть бесполезно! — отозвался Иддин. — Должно быть, именно поэтому Летальд и отослал их прочь. Я не знаю, что он задумал, но настроен он был весьма решительно».

«И неудивительно, — парировал Теймураз, — ибо теперь он объединился с Лайемом-Лайосом, Матиасом и королем Гвиннеда. Постарайся узнать все, что можно... Куда они отправили женщин? Возможно, Халдейн осмелел настолько, что забрал их прямо в Ремут? Мы давно уже пытались обнаружить тамошние Порталы, но пока безрезультатно. Но сейчас я постараюсь достичь цели.»

* * *

Чуть позже утром, во всех подробностях посвятив Дункана в события последних дней, Келсон решил вместе с Нигелем и Рори обсудить их стратегию относительно Меары, ибо в полдень на заседании совета они должны были выступить единым фронтом.

— Не думаю, что они будут сильно возмущаться

по поводу того, каким образом ты вернулся в столицу, — заметил Нигель, — особенно когда узнают все новости. Однако я хотел бы напомнить, что меарцев ждут через несколько дней. Они удивятся, когда обнаружат, что Ришель с семьей уже здесь. Корабль из Тралии должен был причалить лишь через две недели... Собственно, и тебя мы ожидали лишь к этому времени.

— Погода стояла отличная, и они отправились в путь чуть раньше, — без колебаний отозвался Келсон. — Ришель спешила поскорее увидеться со своим суженым.

Дункан одобрительно кивнул.

— Вполне правдоподобно... Хотя это не объясняет *твоего* возвращения.

— Будем надеяться, что им и в голову не придется задаться этим вопросом, — промолвил Келсон. — А мы постараемся подкинуть им другие темы для обсуждения. Теперь, что касается *твоей* роли во всех этих предсвадебных интригах... — С этими словами он покосился на Рори, который слушал весь этот разговор со слегка ошарашенным видом. — После того, как я сообщу совету насчет Аракси, у нас будет прекрасная возможность заявить о *твоих* намерениях... если ты, конечно, не передумал.

— О, нет! То есть я... конечно...

— А, все-таки передумал? — засмеялся Келсон. — Рори, если ты не женишься на Ноэли, мне придется выдержать поединок с ее матерью, которая пожелает съесть меня живьем, узнав, что я беру себе в жены другую женщину.

— Я хочу на ней жениться! Просто... Я не очень уверен, пожелает ли она выйти за меня, если я попрошу. — Он принялся взволнованно крутить на па-

льце перстень с печаткой. — А что, если я неправильно расценил ее отношение ко мне? Мы никогда не осмеливались говорить об этом вслух прошлым летом... И поскольку ты меня попросил не писать ей...

Рори запнулся, и Келсон со вздохом возвел очи горе.

— Только этого нам не хватало! Ну, ладно, по крайней мере, тут я могу тебя успокоить. Конечно, это сведения лишь из вторых и третьих рук, но я слышал обо всем от Аракси... которой рассказала ее сестра, а той сказал Брекон... что *его* сестра... весьма к тебе неравнодушна... — Он широко заулыбался, когда Рори, зажмурившись, вздохнул от облегчения.

— Я также выяснил, что отец ее души не чает в своей дочери, и ни в чем не может ей отказать. Мы с самого начала предвидели, что труднее всего будет убедить мать. Она очень надеялась заполучить в зятья короля, а теперь придется смириться с *тобой*.

И он шутливо подтолкнул Рори локтем в бок. Нигель громко хмыкнул.

— Девчонка все равно сделает лучшую партию, чем ее матушка... Хотя, конечно, Джолион Рэмси неплохой парень, — заявил герцог. — Кстати, знаете ли вы двое, что она вполне могла бы оказаться матерью одного из вас? — спросил он, наслаждаясь изумленными лицами Рори и Келсона.

— О, да, да. Она постоянно бывала при дворе, когда мы с Брионом еще ходили холостяками... Дочка фаллонского барона, приходившаяся также по линии матери кузиной тогдашнему владыке Орсала, отцу Летальда. Весьма честолюбивая... и очень хорошенькая. Впрочем, она до сих пор сохранила былую красоту, и учитывая, что в жилах ее текла хортийская кровь, это делало ее вполне подходящей невестой

для короля или принца... Но Брион взял в жены Джехану, а я — Мерауд, поэтому Оскана не выбилась ни в королевы, ни в герцогини. И наконец вышла за сэра Джолиона Рэмси, праправнука Магреты Меарской, которая приходилась младшей сестрой вашей прапрабабке Розиан, супруге Малкольма Халдейна. Если бы Магрета была старшей, то именно она стала бы женой Малкольма... и многое пошло бы по-другому. Впрочем, все также было бы иначе, если бы Оскана вышла за Бриона или за меня... Но этого не случилось. Тем не менее, я уверен, что Оскана лелеяла надежду на то, что дочь ее преуспеет, исполнит материнскую мечту и станет королевой Гвиннеда.

— Ты никогда об этом не рассказывал, — заметил Келсон.

Нигель пожал плечами.

— Воспитанные люди не болтают о женщинах, которых знали в прошлом... Тем более, что после того, как мы встретились с Мерауд, меня больше никто не интересовал.

— Но раз уж сама Оскана готова была выйти за брата короля, — промолвил Келсон, — то почему бы ей не согласиться отдать дочь за королевского кузена?

Нигель усмехнулся.

— Будем надеяться, что Ноэли с отцом сумеют убедить ее в этом, — воскликнул он. — Насколько мне известно, Оскана вполне счастлива в браке с Джолионом. Если мы сумеем ее убедить, что Ноэли и Рори женятся по любви, прежде чем она обнаружит, что ты сам намерен взять в жены Аракси, я думаю, у нас все пройдет, как по маслу. Оскана Рэмси честолюбива, но она также обладает здравым смыс-

лом... Полагаю, у тебя была возможность это заметить во время наших прошлых переговоров.

— Это верно, — признал Келсон, который прекрасно помнил, как та придиралась к каким-то мелочам в брачном договоре Брекона и Ришель.

— Следует также помнить, что у Рэмси почти нет денег и земли, — продолжил Нигель. — Конечно, с женитьбой Брекона семейство разбогатеет, однако когда у Осканы будет выбор между маловероятным браком дочери с королем в далеком будущем, или вполне реальным и надежным браком с принцем, я полагаю, что она предпочтет второй вариант, дабы поскорее устроить счастливое будущее дочери, а не рисковать тем, что она кончит свои дни с каким-нибудь захудалым сельским бароном, — ведь не каждый день принцы предлагают руку и сердце дочерям простых рыцарей. Кроме того, двойная свадьба стала бы для них большим облегчением в денежном плане, ведь тогда именно мы возьмем на себя все расходы. Оскана непременно это учтет.

Келсон молча кивнул, приободренный уверенностью Нигеля в благополучном исходе переговоров с меарцами. Он хотел еще затронуть вопрос с Альбином, раз уж Нигель дал согласие на брак Рори, но решил пока не рисковать. Сперва ему предстояло справиться со своими советниками, и надеяться, что те спокойно перенесут известие о том, что король использовал магию для возвращения в замок, обрадованные вестью об успехе его миссии в Торенте и о скорой женитьбе.

* * *

Час спустя за закрытыми дверями он сообщил королевскому совету обо всех обстоятельствах вос-

шествия Лайема на престол и предупредил о возможных враждебных действиях со стороны Теймураза... После чего объявил о свое помолвке с Аракси Халдейн.

— И сразу скажу вам: нет, она никогда не собиралась замуж за принца Куана Ховисского, он намерен жениться на своей кузине Гвенлиан, так что воздержитесь, ради всего святого, от этого вопроса. Однако, это лишний раз показывает, что моя будущая королева вполне способна хранить тайну и вести политические переговоры без посторонней помощи.

Это известие вызвало немало удивления и довольных улыбок у тех, кто до сих пор ничего не знал. Нигель сидел с таким довольным видом, словно он лично приложил руку к этой помолвке. Джехана на пару мгновений зажмурилась, вознося безмолвную молитву, что все это оказалось правдой. Глядя на нее, Келсон подумал, что после смерти отца она никогда еще не выглядела так хорошо.

Морган с Дугалом, вернувшиеся из Белдора час назад, доложили, что у Лайема и Матиаса все в порядке, а теперь сидели рядом с Келсоном, молча поддерживая его, в то время как сам король пытался оценить реакцию своих доверенных сановников. К его огромному облегчению, ни герцог Эван, ни оба архиепископа, сидевшие рядом с Дугалом, не обратили особого внимания на тот факт, что он вернулся в Ремут через магический Портал.

— Отличные новости, сир, — воскликнул старый архиепископ Браден. — Весь Гвиннед будет счастлив наконец узреть вашу королеву!

Герцог Эван с деланным недоумением покачал головой и широко улыбнулся в седую бороду.

— Дочь герцога Ричарда, кто бы мог подумать? Поздравляю, сир! Клейборн желает вам счастья.

— Полагаю, государь, вы понимаете, что понадобится разрешение Церкви, — также улыбаясь, добавил архиепископ Кардиель. — Но родство ваше очень дальнее, так что с помощью пары-тройки благожелательно настроенных епископов я думаю, мы сможем это ускорить. И, насколько я понимаю, вы подождете с публичными заявлениями до свадьбы принцессы Ришель и Брекона Рэмси?

Покосившись на Рори, Келсон с трудом удержался, чтобы не засмеяться.

— На самом деле, мы надеемся, что будет не одна, а целых две свадьбы... Я должен попросить вас, чтобы то, что я сейчас вам сообщу, не вышло за пределы этой комнаты, до тех пор пока мы не завершим переговоры. Многие из вас подталкивали меня к браку с сестрой Брекона Ноэли. Разумеется, сейчас об этом не может быть и речи.

— Боже правый! — воскликнул старый Эван, поджав губы. — Вот уж расстроится ее матушка!

— По счастью — хотя Оскана пока об этом не подозревает, как не знал и я сам до отъезда в Торент, — отозвался Келсон — ее дочь уже отдала свое сердце другому, и брак между ними будет точно так же в интересах Гвиннеда, как если бы я сам взял ее в жены, но к тому же будет заключен по любви. Я очень надеюсь, что родители Ноэли согласятся отдать ее за моего кузена Рори.

Эта новость также вызвала радостное возбуждение у Эвана и обоих архиепископов.

— Однако, чтобы не обидеть семейство Рэмси, которое надеялось на более высокопоставленного жениха, — продолжил Келсон. — Я подожду с публич-

ным заявлением о своей помолвке до тех пор, пока не состоятся оба этих брака, и постараюсь убедить всех вокруг, что Ноэли и Рори действительно делают это по велению сердца. Думаю, что уместнее всего было бы сыграть двойную свадьбу... Также с финансовой точки зрения это будет выгодно меарцам, поскольку праздничное пиршество уже планируется в этот вечер для Брекона и Ришель. Именно тогда я и намерен объявить всем о своей помолвке, и надеюсь, что весь Гвиннед возрадуется этой вести.

— А радуется ли сам король? — спросил Кардиель негромко.

В комнате наступило напряженное молчание, и Келсон слегка напрягся, а затем глубоко вздохнул.

— Думаю, что да, — промолвил он, сам удивляясь тому, что искренне верит собственным словам. — Признаюсь честно, что когда впервые я встретился со своей кузиной и заговорил с ней о браке, то поступил так, лишь повинуясь воле Росаны, но теперь... — и он чуть заметно улыбнулся.

— По счастью, сейчас при дворе никто не обратит особого внимания на присутствие сестры невесты... Тем более, что все убеждены, будто она собирается замуж за принца Куана, — король усмехнулся. — Мы знали друг друга с самого детства, и оба сохранили о тех далеких временах самые счастливые воспоминания. Теперь же, надеюсь, пока всеобщее внимание будет отдано замужеству ее сестры, — а также свадьбе Рори и Ноэли, — у нас появится возможность вновь познакомиться друг с другом. Спешу заверить вас, что я вполне доволен, и у меня нет никаких сомнений, что принцесса Аракси станет достойной королевой Гвиннеда.

Глава двадцать шестая

И были они славой рода своего, и времени своего[1]

Примерно в это же самое время Камберианский Совет собрался на внеочередное заседание под куполом просторного зала, таившегося высоко в Рендальских горах. На то, чтобы собрать всех его членов, ушло больше времени, чем обычно, ибо у них было немало других дел, помимо обсуждения торентской коронации. Леди Вивьен, служившая Совету почти полвека, мирно скончалась на руках у своего старшего сына с первыми лучами рассвета, окруженная дюжиной внуков и правнуков, и в присутствии лекаря Ларана ап-Пардиса, ее близкого друга на протяжении всей жизни. Вивьен шел семьдесят шестой год...

У Ларана вид был утомленный, но одновременно он почувствовал облегчение, и сейчас перед опустевшим креслом Вивьен за большим восьмиугольным столом, рядом с белым жезлом, символом ее должности, он бережно положил единственную белоснежную розу, а затем занял свое место рядом с Барретом. Арилан и Азим, сидевшие по обе стороны от бывшего кресла Вивьен, взволнованно перегляну-

---

[1]Мудрость Иисуса 44:7

лись, после того как Ларан пересказал им обстоятельства ее кончины. По счастью, уход Вивьен был мирным, но вместе с ней уходила в прошлое целая эпоха.

— Похороны состоятся через два дня, — подвел итог Ларан. — Граф Тибал, ее старший сын, поведет скорбную процессию. Ее похоронят рядом с супругом и мертворожденной дочерью в семейном склепе в Альта Джорди. Тибал откроет свой Портал для всех тех, кто пожелает присутствовать на церемонии.

— Я буду там, — заявила Софиана. — Я уже простилась с Вивьен, но теперь хочу засвидетельствовать свое почтение ее семейству. Многие из детей и внуков Тибала проходили обучение при моем дворе.

Азим также склонил голову.

— И я приду туда от имени всех Рыцарей Наковальни. Она всегда покровительствовала нашему ордену.

— Возможно, они могли бы и лично поучаствовать в обряде, — задумчиво проронил Баррет. — Я хорошо помню похороны Мехона де Курси... Боже правый, неужто это и впрямь случилось тридцать лет назад? Конечно, на самих похоронах они не появлялись, ибо в ту пору де Курси тщательно скрывали свое деринийское происхождение, однако ночью, когда совершилось погребение в склепе, оно было именно таким, как и положено человеку, чья семья стольким пожертвовала ради своей расы. Шестеро Рыцарей Наковальни несли его гроб, и все они были в полном парадном облачении вашего ордена, Азим, причем несли они его, ни единым пальцем не касаясь самого саркофага. Он плыл над катафалком, объятый золотым огнем. Я видел это, даже несмотря на слепоту... Словно сами ангелы с пением явились

забрать Мехона в свое Царство. — Слезы блеснули в незрячих глазах старика. — Я никогда не забуду этого зрелища... Как не забуду и самого Мехона. Если бы не он...

Арилан отвернулся, невольно вспомнив, как горевал его брат, когда они узнали о гибели Мехона, — уже через неделю после похорон. Сам он был слишком юн, чтобы учиться у этого великого адепта, но Джамил Арилан хорошо был знаком с Мехоном и скорбел о нем многие недели, а потом старался никогда не понимать его имени вслух. Лишь после смерти самого Джамила его брат узнал, какие тесные узы связывали их обоих.

— Мы все в большом долгу перед Мехоном, — произнес Ларан негромко, вырывая присутствующих из плена воспоминаний. — И мь сами, и все прочие Дерини, кто был с ним знаком.

— Однако не стоит погружаться в прошлое, сейчас, когда наше внимание должно принадлежать будущему, — негромко проронил Азим. — Этого не желали бы ни Мехон, ни Вивьен. Я уже успел связаться с орденом, и мы сделаем все необходимое, чтобы воздать должные почести покойной.

— Но сейчас перед нами встают и другие проблемы, — продолжил он. — Нам следует серьезно поразмыслить над тем, кто займет место Вивьен в Совете, особенно учитывая последние события в Торенте. Но с этим можно подождать, а вот новый коадьютор необходим нам немедленно, и его следует избрать из присутствующих членов Совета. Я полагаю, что лучше всего для этой роли подходит леди Софиана... Если только она согласна.

Все немедленно повернулись к ней, и возражений не нашлось ни у кого, поскольку Софиана считалась

одной из самых сильных и опытных Дерини за всю историю Совета, — и она одна могла претендовать на пост, который прежде занимала Вивьен.

Софиана склонила голову, затем подняла взор на своих собратьев.

— Я согласна, — произнесла она негромко.

Баррет изящным жестом смахнул с глаз слезы и церемонно поклонился ей.

— Приветствую мою сестру, — промолвил он. — Мы проведем обряд введения в должность после того, как завершатся похороны в Альта Джорди, — и он обвел присутствующих взглядом незрячих изумрудных глаз.

— Теперь, когда этот вопрос решен, нам надлежит перейти к следующим, — продолжил он. — Ведь уход нашей сестры не был для нас неожиданностью, и теперь это лишь свершившийся факт... Таким же фактом можно считать, — как подтвердит Азим, — то, что король Келсон вернулся в Ремут через Портал и доставил туда своих родичей из Хортанти. Они беспокоились, что Теймураз может попытаться помешать брачным приготовлениям, которые идут сейчас в столице Гвиннеда. Этот шаг означает, что король изменил свое отношение к магии и отныне намерен использовать ее более открыто, — по крайней мере, перед своими советниками, которым уже стало известно обо всем.

Софиана покосилась на Арилана, готовая начать исполнять свои обязанности коадъютора Совета.

— И как отнесутся к этому сановники Келсона, Денис?

Арилан пожал плечами.

— Думаю, они примут это достаточно мирно, учитывая, какого успеха король добился в Торента-

ли... и его грядущую женитьбу. Его советники смирились с тем, что в свиту короля входят Дерини: Морган, Дугал, Дункан Маклейн и я. К тому же оба архиепископа поддерживают нас, согласившись с тем, чтобы два епископа-Дерини, вопреки Рамосским уложениям, заседали в королевском Совете. Так что, полагаю, об использовании магии они вообще не станут задумываться, а уделят все внимание обсуждению свадьбы короля.

— Да, он женится... На своей кузине из рода Халдейнов, — с сомнением отозвался Ларан. — Будь Вивьен уже в могиле, она перевернулась бы в ней.

— О, да, тот самый брак между Халдейнами, которого она так страшилась, — согласился Азим. — Но не будем забывать, что в венах Аракси Халдейн течет также кровь Дерини, мой друг Ларан, и учтите также, что никто из здесь присутствующих, кроме меня, не знаком с этой девушкой, — чьи достоинства, уверяю вас, неоспоримы. Один только Денис встречался с ней, да и то лишь мельком.

— Верно, — согласился Баррет. — И вспомните, что у короля тоже есть кровь Дерини. Его мать оказалась... довольно способной ученицей.

Ларан при этих словах лишь закатил глаза, ибо кое-что знал о недавнем знакомстве Баррета с Джеханой Гвиннедской, — хотя и не слишком это одобрял, — тогда как Арилан рывком обернулся к Баррету. Все остальные также с любопытством воззрились на слепца.

— Ты работаешь с королевой Джеханой? — воскликнул Арилан, обращаясь к Баррету.

— О, да... вот уже почти две недели, — отозвался тот вполголоса. — Для меня это полная неожиданность. Королева обнаружила проход, ведущий в со-

седнюю с библиотекой комнату. К своему большому изумлению, — и к моему тоже, признаюсь, — она также обнаружила, что способна пройти сквозь Вуаль, которая скрывает этот проход.

— Ну да, они ведь как-никак одной крови с королем, — заметил Сион.

— Разумеется, — кивнул Баррет. — Однако никто и представить себе не мог, что она совершит такую попытку. И, как ни удивительно, в это же самое время я работал в библиотеке, сидел тихонько у окна, так что сперва она меня не заметила... Хотя и обнаружила Портал в этой комнате, и очень им заинтересовалась. Она... хм... также проявила способность вызывать свет с помощью магии, прежде чем обнаружила там меня... к вящему своему испугу. Между нами завязалась довольно оживленная беседа, пока в Портале внезапно не возник Ларан и не перепугал ее до смерти.

Собратья Баррета слушали его рассказ с большим интересом, — за исключением Ларана, который с презрительным хмыканьем скрестил руки на груди и откинулся в кресле. Баррет, судя по всему, наслаждался произведенным эффектом.

— По счастью, у нее достало отваги вернуться в библиотеку наутро, и она принялась осторожно расспрашивать вашего отца Ниварда, — добавил он, кивнув Арилану, который был наставником молодого священника. — Несомненно, ему также принадлежит заслуга в этом неожиданном обращении на пути в Дамаск. Именно благодаря той осторожной работе, которую он с ней провел, королева за последнюю неделю почти каждый вечер возвращалась в библиотеку, чтобы побольше узнать о своем деринийском наследии... А порой мы встречались и

днем. Юный Нивард умело разжигал ее любопытство, задавая те самые вопросы, которые приходили на ум и самой королеве, но она не отваживалась высказать их вслух. Пока что мы ограничивались теоретическими вопросами, но у меня есть все основания полагать, что королева окончательно изменила свое отношение к магии.

Арилан выслушал это с совершенно потрясенным видом. Ларан, хоть и неохотно, но все же одобрительно кивнул Баррету.

Софиана чуть заметно улыбнулась, а Сион лишь недоуменно поднял брови, поскольку не был знаком с Джеханой лично, однако был о ней давно наслышан.

— Поверить не могу, — пробормотал Арилан наконец, хотя никто в зале Совета не осмелился бы произнести ни слова лжи.

С ничего не выражающим видом Баррет склонил голову.

— Сейчас мне было бы неуместно вдаваться в детали, но я надеюсь, что отныне у нас стало одним врагом меньше... И, возможно, даже появился новый союзник.

— Поверю, когда увижу своими глазами, — пробормотал Арилан, поерзав в кресле. — К несчастью, это случится нескоро, ибо мне предстоит вернуться в Белдор, дабы держать под наблюдением наших *тамошних* союзников. Корабли Летальда отчалили нынче поутру, как вам известно. В ближайшие несколько недель Лайему-Лайосу придется нелегко. Для него настанет время испытаний, ибо он должен будет укрепить свою власть и испытать в деле оставшихся советников. Мне остается лишь надеяться, что граф Матиас и впрямь так предан ему, как он утверждает.

— О, Денис, Денис, — послышался музыкальный смех Софианы. — Какие же доказательства тебе нужны, чтобы наконец поверить в искренность Матиаса? Азим, расскажи ему.

Со слабой улыбкой тот повернулся к Арилану.

— Госпожа Софиана весь последний год и даже чуть больше играла в опасную игру, — начал он. — Однако события вчерашнего дня показали, что риск того стоил. Мы обратили внимание на Матиаса вскоре после смерти короля Алроя, когда братья призвали его ко двору, дабы сделать одним из регентов при Лайеме-Лайосе, ибо они знали, что юный король доверяет своему дяде и надеялись воспользоваться этим в своих целях. Однако они забыли, что Матиас был одним из крестников Софианы и несколько лет провел при дворе ее отца.

— Это было очень удачно, поскольку они оказались одного возраста с моим вторым сыном, — с улыбкой промолвила Софиана. — Он также весьма преуспел в магических искусствах и уже в ту пору проявлял большие способности, о чем, однако, мы не стали сообщать его братьям. Если бы не безвременная кончина моего отца, слишком рано заставившая меня взойти на престол, он мог бы и дольше оставаться в Анделоне, но мои советники приняли решение сократить число воспитанников при дворе в первые годы моего правления, поэтому Матиаса отослали к Ларанту Труворскому, дабы завершить обучение.

— По счастью, добрые семена упали на хорошую почву, — продолжила Софиана. — Когда Матиас узнал, что его братья готовят измену против племянника, то явился ко мне за советом. К тому времени я уже убедилась, что Келсон не строит никаких враж-

дебных планов относительно Торента. Однако было не так легко преодолеть двухвековую историю взаимных подозрений и вражды между двумя королевствами. Разумеется, Матиас никогда не поставил бы интересы Гвиннеда вперед интересов Торента, но был готов принять — в зависимости от обстоятельств, — что сможет стать союзником короля Келсона... Что и произошло вчера, к нашей общей радости и на погибель его братьям-предателям.

Все присутствующие согласно закивали при этих словах Софианы, а она покосилась на Азима прежде, чем продолжить.

— Зато *у меня* имелись тайные планы, даже если их и не было у Келсона, — призналась она к изумлению прочих членов Совета. — И Азим согласился мне помочь. За эти годы я очень хорошо узнала Матиаса. Мальчик, в котором я провидела большие скрытые возможности, превратился в мужчину, наделенного магической силой, но также честью и достоинством, к тому же занимавшего очень важное место в торентской политике. Поэтому я рассчитываю, что со временем он станет членом нашего Совета... необязательно вместо Вивьен, хотя она уже много месяцев говорила о своей возможной отставке... но, конечно, я не ожидала, что она умрет так скоро.

— Так, значит, ты все же предлагаешь Матиаса? — не без упрека пробормотал Ларан. — А ведь тело ее еще не остыло...

— Прошу меня простить, если я немного поспешила, — согласилась Софиана. — И кроме того, хочу добавить, что моя оценка расстановки сил в Одиннадцати Королевствах изменилась в свете событий вчерашнего дня. Не в том смысле, разумеется, что я стала хуже думать о Матиасе, напротив, теперь я ува-

жаю его еще больше. Однако после смерти Махаэля и бегства Теймураза, а также всех этих новых династических браков, были заключены новые союзы, и я начала сомневаться, не стоит ли нам поискать преемника Вивьен на Западе. Подумайте, не предложить ли нам вновь это место Келсону... Или лучше подойдет кто-то другой?.. И все же я хотела поделиться с вами тем, что мне известно о Матиасе, чтобы вы могли доверять ему также, как и я.

— Это и впрямь меняет дело, — задумчиво отозвался Арилан. — Что ему известно о Камберианском совете?

— Мы никогда не говорили об этом напрямую, — пояснила Софиана, — но, подобно большинству Дерини, он знает о нашем существовании. А теперь, когда я убедила вас в том, что он достоин уважения и доверия, надеюсь, вы все постараетесь познакомиться с ним получше. Думаю, он станет сильным союзником и для нас, и для Гвиннеда.

— Я подумаю над этим, — согласился Арилан.

— Тогда предлагаю прервать наше собрание на некоторое время, — предложил Баррет, — чтобы Денис мог начать действовать. Ему не стоит надолго покидать Белдор, и в ближайшие пару дней нужно оценить ситуацию, которая там сложилась. Кроме того, при дворах различных королевств могут произойти самые разные перемены, когда станет известно о новых династических союзах... Я имею в виду Ховис и Лланнед, а не только Гвиннед и Меару, — добавил он, кивнув Сиону. — Так что лучше нам встретиться вновь после похорон Вивьен.

Сион усмехнулся в бороду.

— А я-то гадал, сознаете ли вы все, как нелегко мне придется в ближайшие дни. Слава Богу, у нас в

Лланнеде и Ховисе нет таких сложных политических интриг, как в больших королевствах, но король Колман придет в ужас, когда узнает, что все это время его сестра собиралась замуж за ховисского наследника престола, который отнюдь не намерен брать в жены Аракси Халдейн. А *с этой* иллюзией он расстанется сразу после того, как Келсон объявит о своей помолвке.

— Молитесь еще, — добавил Баррет, — чтобы известие о бракосочетании Келсона не стало причиной нового конфликта между Гвиннедом и Меарой. Говорят, что Оскана Рэмси отличается крайне скверным нравом, если ее разозлить... А она так мечтала выдать свою дочь за короля.

— Если бы ей подошел *любой* король, — с усмешкой заметил Сион, — то она могла предложить ее Колману Лланнедскому...

При этих словах все обернулись к Сиону, который пожал плечами с самым невинным видом и засмеялся.

— Боюсь, что его предложение руки и сердца отклонили все возможные принцессы после того, как он обошелся с бедняжкой Джаннивер. По счастью, я служу его сестре, а не самому Колману... Я всегда выступал за династические браки, основанные на сердечном влечении. Нет уж, пусть миледи Гвенлиан выходит за своего кузена Куана, которого любит, и Рэмси берет в мужья халдейнского принца... И пусть Келсон Гвиннедский, наконец, женится, на ком пожелает, чтобы мы все могли спать спокойно.

* * *

В Белдоре тралийские галеры Летальда Орсальского медленно двинулись вниз по реке из столицы То-

рента. Свежий ветер, вызванный погодными магами, раздувал цветные паруса, яркие флаги трепетали на мачтах. Поскольку сам Летальд через Портал вернулся на остров Орсал, где собирался держать оборону против графа Теймураза, флотилию возглавлял его сын принц Сирик, а помогал ему Сэйр Трегернский и Шон, лорд Дерри.

Торентский падишах собственнолично проводил их до причала, вместе с посланником короля Келсона, епископом-Дерини Ариланом, и со своим дядей, которого так горячо обсуждали сегодня на Камберианском Совете. Там он простился с Пейном Халдейном и Бренданом Коррисом, и оруженосцем Келсона Иво, которые были его товарищами во время обучения в Гвиннеде. Отряд халдейнских гвардейцев выстроился вдоль борта флагманского корабля Летальда, приветствуя правителя Торента, с которым Сэйр и Дерри церемонно простились от имени своего отсутствующего короля..

Из всех отплывающих один лишь Дерри интересовал темноглазую женщину с лицом, скрытым под плотной вуалью, которая наблюдала за ним с террасы дворца, возвышавшегося над городом, с бокалом темного вина в руке.

На безымянном пальце у нее красовалось железное кольцо, точь-в-точь такое же, как у Дерри, — и маскировочная позолота никак не могла уменьшить действенность этого магического артефакта. Сам Дерри был уверен, что это кольцо приобрел по случаю в Белдоре, на память о приезде в Торент. В этот самый момент Мораг, установив связь между кольцами, провела рукой над своим бокалом, и улыбнулась, глядя, как на темной поверхности вина возникают картины.

— О, да, да, — прошептала она, глядя на то, что являлось в этот миг глазам Дерри... При желании она могла даже слышать то же, что слышал и он. — Благодарю тебя, брат мой. Кто бы мог подумать, что они так и не сумеют избавиться от твоего наследия? Ты оставил мне превосходное орудие, и я обещаю тебе, что оно на славу послужит Торенту!

Глава двадцать седьмая

Тогда придите, и рассудим[1]

Келсон получил два дня передышки перед приездом меарцев. К этому времени гости с острова Орсал благополучно устроились во дворце, объяснив всем любопытствующим, что решили приехать в Ремут чуть пораньше, чем собирались изначально, и явились поздней ночью без всякой помпы.

Сам Келсон старался держаться как можно незаметнее, занимаясь необходимыми делами, но никому особо не показываясь на глаза, чтобы не вызывать ненужных слухов и домыслов. Основной его заботой в эти дни было составить вчерне необходимые документы, чтобы поддержать второй меарский брак... и бумаги для его собственного союза с Аракси. И поскольку одни лишь члены Совета в точности знали, когда именно король должен был вернуться из Торента, а также сколь опасна была эта поездка, — мало кто из посторонних обратил внимание, что король прибыл в столицу гораздо раньше, и его появление в замке никому не показалось удивительным.

Что касается беглеца Теймураза, то он так и не появился ни на острове Орсал, ни в других местах, где его также ждали, ни даже в Белдоре. Епископ Де-

[1] Исаия 1:18

нис Арилан, который отныне куда больше доверял Матиасу и его юному племяннику, являлся единственным посланцем короля Келсона в столице Торента и еженощно возвращался в Ремут, чтобы сообщить последние новости своему государю, — впрочем, по большей части он сообщал лишь о том, что никаких новостей нет. Когда это было возможно, Матиас приглашал епископа на заседания королевского совета Торента, однако обычно они с племянником были заняты сугубо внутренними делами и, в частности, изменениями в структуре управления: ведь уже добрых семь лет, со дня смерти короля Венцита, Торентом правил регентский совет.

Несмотря на все свои предрассудки и опасения, Арилан вскоре избавился от привычки подозревать в чем-то недобром всех торентцев подряд и был вынужден признать, что новые советники падишаха вызывают у него невольное уважение, — хотя он и не пытался делать вид, будто разбирается во всех хитросплетениях белдорской политики. В Торенте многое делалось иначе, чем на Западе. И хотя он теперь надеялся, что две державы смогут существовать в мире и согласии, но все же сомневался, что когда-нибудь они сумеют по-настоящему понять друг друга.

Азим тоже на время оставался при торентском дворе, оказывая всевозможное содействие Матиасу в поисках Теймураза. Арилан проводил много времени в его обществе, поскольку оба они не являлись подданными торентской короны, а, стало быть, и не могли участвовать во многих державных мероприятиях. На третий день после *киллиджалая* и на второй после смерти Вивьен они побывали на ее похоронах в Альта Джорди, однако и на Камберианском Совете, который состоялся после церемонии, не узнали

ничего нового касательно местонахождения или намерений Теймураза.

Тем временем Келсон в Ремуте, в ожидании прибытия меарцев, был в равной степени занят политическими интригами и личными делами. Но наконец утром третьего дня пришла весть, что прошлую ночь меарцы провели всего в нескольких часах пути к северу от Ремута, и должны прибыть на место уже после обеда: скромный кортеж из двух дюжин всадников, которые, судя по всему, не собирались претендовать на то, чтобы им воздавали королевские почести, чего многие опасались со стороны Джолиона Рэмси, — особенно теперь, когда союз его сына с Гвиннедом был уже делом решенным.

Навстречу меарцам король выслал Рори, лорда Савила и почетный эскорт халдейнской стражи, ибо прекрасно понимал, что если он сам решит выехать к свадебному кортежу, то многие неминуемо решат, что таким образом он проявляет интерес к сестре жениха.

Чтобы отвести возможные подозрения, Ришель и Аракси также решили сопровождать своего отчима и кузена, облачившись в яркие шелковые наряды для верховой езды и накинув на голову тонкие покрывала на восточный манер. Ришель не терпелось встретиться с женихом, и, кроме того, обе они надеялись каким-то образом посодействовать сердечным делам Рори и Ноэли.

Ближе к вечеру, когда кавалькада достигла наконец городских ворот, взволнованный король расхаживал вдоль парапета замка вместе с Дугалом. Морган в полдень отбыл вниз по реке в Дессу, вместе с юным Ангусом Мак-Эваном и оруженосцем Келсона Давораном, чтобы встретить Риченду с детьми,

которые должны были прибыть туда на борту «Рафалии». Что касается кораблей Летальда, недавно покинувших Белдор, то их к ночи ожидали на острове Орсал. Там уже ждал Дункан, чтобы вернуться домой с Дерри, Бренданом и принцем Пейном; Сэйр и остальная свита короля, включая отряд гвардейцев, должны были прибыть на тралийском корабле, куда погрузят все «безделушки», приготовленные для свадьбы.

Наконец, кавалькада показалась на дороге, что вела от реки, и Келсон, поднеся руку козырьком к глазам, пристально наблюдал за всадниками.

— Ну что ж, все выглядит не так уж скверно, — пробормотал он, заметив синие шелковые знамена, трепещущие на ветру. — Их сопровождают только обычные стражники в легких доспехах, как и приличествует свадебному кортежу... И ни на одном знамени я не вижу старого королевского герба Меары.

— Неужели ты думаешь, что Джолион мог осмелиться на такое? — воскликнул Дугал, также щурившийся против солнца.

— Нет, но с этими меарцами ни в чем нельзя быть уверенным, — отозвался король, гадая, не могут ли путники заметить его с дороги, ибо алая туника Халдейнов, должно быть, ярким пятном выделялась на фоне серых стен. — По счастью, эта ветвь семейства унаследовала здравый смысл от рода Рэмси. Те всегда старались держаться подальше от интриг меарского двора... Никаких скандальных историй и предательства за ними не замечено. Однако надежда заполучить корону порой играет с людьми странные шутки.

Дугал невольно хмыкнул при этих словах.

— Джолион Рэмси — это незначительный рыцарь

из провинции, чей сын и наследник вскорости женится на халдейнской принцессе и станет графом... а возможно, и герцогом после рождения первенца. Едва ли он рискнет поставить под угрозу такое блестящее будущее. Какие бы честолюбивые замыслы ни лелеяла его жена, сам сэр Джолион всегда трезво смотрел на вещи.

— Будем надеяться, что ты прав, — отозвался Келсон. — И что нам удастся убедить в этом леди Оскану. Он, наконец, отошел от парапета и направился к винтовой лестнице, что вела с крыши вниз. — Ладно, пора мне уже появиться. Они скоро будут здесь. Потом поужинаем вместе, хорошо? Надеюсь, что они довольно скоро удалятся в свои апартаменты... мне после этой семейной встречи понадобится передышка.

Внизу, во дворе замка, на широких ступенях, ведущих в парадный зал, Сиворн собрала все свое обширное семейство, включая четверых младших отпрысков, дабы поприветствовать жениха своей старшей дочери и его родных. Мальчики, которым исполнилось соответственно девять и шесть лет, стояли от нее по правую руку, надеясь первыми заметить гостей, поскольку оба мечтали, что со временем новый родич возьмет их к своему двору в качестве пажей или оруженосцев. Младшая дочь застенчиво пряталась за материнскую юбку; старшая стояла с букетом роз и лилий из королевского сада.

Позади Джехана ожидала новоприбывших вместе с Нигелем, Мерауд и малышкой Эйриан. Келсон незаметно проскользнул на свое место рядом с ними, радуясь, что Сиворн будет играть роль гостеприимной хозяйки как мать невесты, — и сосредоточит всеобщее внимание на себе. Джехана ободряюще улыб-

нулась сыну, заранее сочувствуя тем испытаниям, которые придется ему пережить в скором времени.

Когда кавалькада въехала, наконец, во двор замка, Келсон с удовольствием отметил, что его кузены сумели расположить основных игроков именно так, как он рассчитывал. Лорд Савил возглавлял процессию, любезно переговариваясь о чем-то с родителями жениха. За ними следовал герольд, который нес простое синее знамя Джолиона Рэмси, на котором серебряные с золотом трилистники этого рода были соединены с серебряными звездами, символом Меары. За герольдом ехала верхом улыбающаяся Ришель рядом со своим суженым.

Рори выпала приятная обязанность сопровождать сестер жениха и невесты, и вид у него при этом был очень довольный. Замыкали процессию стражники, сопровождавшие скромные пожитки меарцев, и эта часть процессии тут же свернула во двор конюшни.

Пока гости спешивались, Келсон внимательно наблюдал за ними, в особенности за Джолионом и Осканой Рэмси, — ведь именно их ему предстояло завоевать на свою сторону в ближайшие дни. Они были красивой парой, даже утомленные после долгого пути и в измятой одежде: оба высокие, темноглазые и изящные. Головной убор Джолиона украшали два орлиных пера; Оскана надела соломенную шляпу поверх простой вуали, закрывавшей ее темные волосы, — пусть даже вид при этом у нее был не слишком королевский, зато тень падала на лицо, что в такую жару было немаловажно. Впрочем, она поспешила снять шляпу, как только отряхнула пыль с юбки, и вручила ее слуге, который подошел, чтобы увести лошадь на конюшню.

Савил также спешился, и теперь давал указания конюшим. Ришель спрыгнула с седла, опираясь на руку Брекона, — изящного молодого человека среднего роста с пепельными волосами и темными смеющимися глазами. Судя по всему, разлука с нареченной невестой лишь усилила его любовь, и это читалось в каждом его движении. Сестра Брекона, не расставававшаяся с Рори и Аракси, также была темноглазой, и волосы у нее были черными, почти как у Халдейнов, — и теперь, когда Келсону больше не было нужды учитывать ее в своих матримониальных планах, он смог по достоинству оценить ее прелести. Должно быть, у них с Рори будут очаровательные дети... Он сомневался, что у этих двоих была возможность поговорить наедине, но Ноэли явно поглядывала с интересом на своего спутника.

Конюхи быстро увели первых лошадей, и Савил смог подвести родителей жениха к своей супруге, которая приветствовала их со ступеней замка. Джолиан, сняв головной убор, отвесил любезный поклон, а жена его присела в церемонном реверансе.

— Сэр Джолион, добро пожаловать в Ремут! — воскликнула Сиворн и протянула ему руку. — И вы также, леди Рэмси, — продолжила она, обнявшись с Осканой. — Вы позволите мне называть вас по имени, раз уж наши дети вступают в брак? Позвольте мне представить вам моих младшеньких, ведь вы их не видели прошлым летом. Это лорд Силни, который мечтает служить пажом или оруженосцем в Меаре. Юный Сорли... Малышка Сиони, такая застенчивая... И моя дорогая Савилла.

Мальчики почтительно поклонились новоприбывшим, а Савилла с любезной улыбкой и поклоном преподнесла Оскане свой букет.

— Поскольку погода держалась отличная, мы прибыли из Хортанти чуть раньше... Впрочем, мои дочери, должно быть, уже рассказали вам об этом, — бодрым тоном продолжила Сиворн, обнимаясь со своим будущим зятем. — Добро пожаловать, мой дорогой Брекон... Приветствую тебя, Ноэли... Мы очень рады вновь свидеться с вами.

— Увы, мой брат просил передать вам свои извинения, — продолжила она, вновь оборачиваясь к Джолиону и Оскане, — но его дражайшая Нийя скоро должна разрешиться от бремени... И, по правде сказать, он уже не мог выносить в своем доме одновременно предсвадебную суету и подготовку к рождению близнецов. — Она улыбнулась, и гости понимающе закивали в ответ.

— Но прошу вас, пойдемте... Вас хотел бы поприветствовать король и вся наша семья. Мы могли бы немного перекусить, — добавила она. — Надеюсь, путешествие не слишком вас утомило. Жара у реки летом может быть мучительной.

Предотвратив таким образом все возможные вопросы, почему невеста так рано прибыла в Ремут, Сиворн подвела Джолиона с Осканой к остальным Халдейнам, включая Келсона, который почтительно поцеловал гостье руку и обменялся сердечным рукопожатием с Джолионом, поклонился Брекону и Ноэли, а затем вместе с гостями прошел в парадный зал.

Вскоре новоприбывшие удалились в отведенные им покои. Келсон же, как и собирался, отужинал с Дугалом у себя в апартаментах, а затем они вдвоем отправились в библиотеку, в ожидании Дункана, который должен был вернуться с острова Орсал вместе с Дерри, Бренданом и Пейном.

Пейн был в полном восторге, — ведь это был его первый прямой опыт с деринийской магией, если не считать того дня, когда Лайем прибыл ко двору три года назад, и его окружили магическими защитами... да и то все было проделано, пока он спал. Что же касается Брендана, то, как и полагается Дерини, он все воспринял как само собой разумеющееся и, несмотря на то, что прежде никогда не сталкивался с переносящими Порталами, он в точности исполнил то, что велел ему отец Нивард, доверившись Дункану, который убедил его, что все пройдет превосходно.

Как и следовало ожидать, у одного лишь Дерри вид был не слишком довольный, ибо он явно предпочел бы явиться в Ремут иным путем, если бы только у него был выбор, но и он без сопротивления отдался на милость Дункана. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, когда вышел из Портала, и почувствовал большое облегчение, заметив Келсона и Дугала в библиотеке.

— С ним все в порядке, — поспешил заверить Дункан короля, прежде чем Келсон даже успел задать вопрос. — Расслабься, Дерри, ты справился отлично... правда. Теперь тебе просто нужно как следует выспаться.

И он дружески похлопал Дерри по плечу, подталкивая его к Дугалу.

— Отведи его в покои Аларика и устрой там на ночь, — велел он сыну.

Нивард уже провел Брендана и Пейна сквозь Вуаль, и теперь также намеревался отправить их в постель.

Дугал ловко перехватил ментальный контроль у отца и провел Дерри сквозь защитный покров. Когда они скрылись из виду, Дункан повернулся к коро-

лю. Вид у него был усталый; что и неудивительно, ибо он прошел через Портал с Пейном, вернулся обратно с Нивардом, чтобы затем Ниварда доставил в Ремут Брендана, в то время как сам Дункан занимался с Дерри, и именно за Дерри сейчас так волновался Келсон.

— С ним и правда все в порядке? — спросил король, жестом приглашая Дункана сесть у окна.

— Полагаю, что да. Ниварда никак не мог сам провести его через Портал, и даже меня он как будто побаивался. Я сказал, что тогда он может вернуться на корабле... Но он все же предпочел Портал. Однако в Торенте он, судя по всему, держался неплохо... И, как я уже сказал, сон пойдет ему на пользу.

* * *

Мог ли на самом деле «пойти Дерри на пользу» ночной сон, было весьма сомнительно. Очевидно одно, что когда час спустя он, наконец, задремал в покоях Моргана, его разум еще больше открылся для ментальной связи, установленной с помощью красивого золотого кольца на пальце у Дерри, и другого, железного, которое носила женщина, смотревшая сейчас в ониксовое зеркало в далеком Белдоре.

Сейчас ей были доступны лишь зрительные воспоминания того, что видел перед собой Дерри со времени их последней связи, но и этого оказалось достаточно, дабы убедиться в том, что корабли Летальда на острове Орсал встретил епископ Дункан Маклайн, который не так уж часто пользовался своими способностями Дерини; после чего Маклайн провел Дерри, юного принца Пейна и пасынка Моргана к Порталу в летнем дворце Летальда, — о котором Мораг прежде ничего не знала. Увы, он и теперь

оставался недоступен, ибо ей было известно лишь его расположение, но отнюдь не ментальные координаты, необходимые для перемещения.

Дерри наблюдал за происходящим с опаской, — ибо брат Мораг оставил в его сознании неизлечимые шрамы, затмившие способность здраво воспринимать любую магию, — Маклайн перенес Пейна через Портал, затем вновь появился вместе со священником-Дерини, которого представил юному Брендану как отца Ниварда. Именно он затем и исчез в Портале вместе с Бренданом. Маклайн, в свою очередь, занялся Дерри, — если бы в этот самый миг она находилась с ним в мысленной связи, а не просто читала воспоминания, то могла бы уловить характеристику Портала, — и они также совершили перемещение.

Впрочем, вполне возможно, что в этом случае Маклайн засек бы ее присутствие, и к тому же в пункте назначения их ждал Келсон, — который тоже мог ощутить ментальное касание Мораг. Нет уж, лучше ей держаться пока как можно незаметнее, в ожидании того момента, пока она лично не сможет увидеть эти Порталы или послать к одному из них Дерри. Однако ее очень заинтересовала эта странная Вуаль, сквозь которую герцог Дугал провел ее невольного пособника, и оставалось лишь гадать, способен ли Дерри вернуться к Порталу в одиночку.

По счастью, контроль, который юный Дугал осуществлял над сознанием Дерри, был отнюдь не столь жестким, как у его отца, — впрочем, в этом и не было особой нужды, поскольку они должны были всего лишь миновать Вуаль, однако молодой герцог, несомненно, очень удивился бы, узнав, что целительный сон, в который он погрузил Дерри, облегчил доступ к его сознанию Мораг Торентской.

Глава двадцать восьмая

Тогда я была при нем, и была радостию всякий день, веселясь пред лицем его во все время[1]

На утро Рори Халдейн явился к своему кузену королю очень рано, когда едва рассвело. В королевскую опочивальню его впустил дежуривший там в этот час оруженосец, который тут же удалился, а Келсон, проснувшись, приподнялся на постели и велел Рори поскорее выкладывать все новости. Оказалось, что тот ухитрился ночью повидаться с леди Ноэли Рэмси, и хотя встреча длилась очень недолго, но она вселила в сердце юноши надежду.

— Так она согласна? Да или нет? — воскликнул Келсон, снисходительно улыбаясь и глядя на Рори, который во всех подробностях докладывал об их беседе.

— Ну, мы поцеловались один раз, или даже два, — наконец признал тот с самодовольным видом. — Ну, или даже чуть больше. Я... хм-м... дал ей понять, что ты согласен заступиться за нас, но сказал, что не могу сделать ей предложение, пока ты не поговоришь с ее родителями, — решительно продолжил он, вспом-

[1] Притчи 8:30

нив о чувстве долга. — А ее матушка по-прежнему мечтает о короне для дочери. Келсон, что если...

— Дай мне время подумать, — отозвался Келсон, — и прояви терпение. По крайней мере, ты знаешь, что сама девушка согласна.

Рори усмехнулся, ясно давая понять, что если переговоры затянутся, то Ноэли не хватит ни терпения, ни сдержанности, настолько сильно она согласна... Но он все же постарался взять себя в руки и торопливо откланялся, покинув опочивальню короля.

Переговоры с меарцами Келсон решил начать в тот же день, — и возможность вскоре представилась. Чтобы развлечь гостей, Нигель назначил соколиную охоту после обеда, когда станет попрохладнее, — ибо Джолион был большим поклонником этого развлечения прошлым летом и сразу по приезде начал расспрашивать о птицах, с которыми охотился в тот раз.

К вящему облегчению Келсона, Оскана решила провести день с придворными дамами, чтобы посплетничать с Сиворн, Мерауд и Джеханой о последних новостях и обсудить свадьбу ее сына и Ришель. Келсон знал, что может рассчитывать на трех своих родственниц, что они посодействуют Рори и Ноэли, в особенности теперь, когда сам он был обручен с Аракси, но Оскана для всех по-прежнему оставалась большой загадкой, поэтому ситуация внушала ему заслуженные опасения.

Но поскольку в намерениях самой Ноэли теперь никто не сомневался, соколиная охота предоставила королю прекрасную возможность пообщаться с ее отцом без присутствия супруги. Ближе к концу прогулки Келсон сумел улучить момент поговорить с

Джолионом наедине, вдали от придворных или любопытной челяди.

— Мой кузен Рори попросил меня переговорить с вами по поводу вашей дочери, — заявил он меарцу, поглаживая сидевшего на руке сокола и искоса поглядывая на своего спутника. — Ни вы, ни я не имели об этом понятия, но похоже, что прошлым летом эти двое проникли друг к другу горячей любовью, пока мы были заняты обсуждением другого брака.

При этих словах Келсона Джолион мгновенно напрягся и с недоуменным видом воззрился на него.

— Сир, я... признаюсь, что я ошеломлен. Я не ожидал... что вы заговорите от имени Рори.

— Признаюсь, их взаимное влечение было для меня *такой же* неожиданностью, — признал Келсон, — но надеюсь, мы можем быть откровенны друг с другом. Я знаю, что ваша супруга надеялась выдать свою дочь за меня.

— Но, как оказалось, *они* решили иначе, — продолжил Келсон, не дожидаясь ответа Джолиона, поскольку не нуждался в опровержениях или подтверждениях с его стороны. — И должен сказать, что я готов одобрить этот брак, ведь он будет заключен по сердечному влечению, но также отвечает и политическим интересам Гвиннеда, поскольку будет иметь все те же последствия, что и союз между Ноэли и мной самим. Я верю, что вы никогда не задумывались над такой возможностью, — добавил он, поскольку Джолион до сих пор не произнес ни звука.

Меарец, похоже, на время лишился дара речи, но, насколько мог судить Келсон, вид у него был не слишком огорченный.

— Не следует забывать и о том, — продолжил Келсон, — что брак должен быть основан на взаимной

приязни. Сколько себя помню, меня всегда восхищала истинная любовь, какую питают друг к другу родители Рори, которые также женились по любви. И я надеюсь, что сам Рори в этом похож на отца, для которого очень важно было выбрать супругу себе по сердцу... И он уверен, что обрел ее в вашей Ноэли.

Джолион устремил взгляд куда-то вдаль, рассеянно поглаживая свою птицу.

— Я всегда желал счастья моей малышке, — промолвил он наконец. — Это ее мать грезит о титулах.

— Она получит и счастье, и титул, если вы позволите им с Рори пожениться, — отозвался Келсон. — Я собираюсь восстановить одно из прежних меарских герцогств специально для них, в тот самый день, когда будет заключен брак... А сделать это я вам предлагаю тогда же, когда поженятся Брекон и Ришель. Не станем уделять этому излишнего внимания, но все же учтите, что такая договоренность позволила бы вам сэкономить деньги на отдельной свадьбе для Ноэли, так что она вернулась бы в Меару с молодым мужем и титулом.

— Но ведь Нигель никогда не позволит своему наследнику отправиться в чужие края, — возразил Джолион, тактично намекая на *причину*, сделавшую Рори наследником Нигеля, которая была общеизвестна.

— Нам еще предстоит обсудить это соглашение в деталях, — признал Келсон. — Но если они пожелают, то я соглашусь отпустить его... Хотя мне и будет недоставать Рори здесь, при дворе.

Джолион медленно кивнул.

— Это весьма соблазнительная перспектива, ведь тогда я гораздо чаще смогу видеть будущих внуков,

— он неуверенно усмехнулся. — Вы предвосхитили большинство доводов, которые непременно выскажет моя дражайшая супруга. Знаете, в гневе она принимается швыряться вещами... а ни для кого не секрет, что она надеялась выдать Ноэли за *вас*.

Келсон хмыкнул.

— Не только она, но также и родичи большинства юных дам подходящего возраста во всех Одиннадцати Королевствах. Но не могу же я жениться на всех разом.

— Нет, одной было бы достаточно, — согласился Джолион, — и весь Гвиннед возрадуется в этот день. Но, несомненно, выбор для вас понемногу уменьшается. Осмелюсь ли я спросить, когда вы примете свое решение?

— Да... это случится скоро, — признал Келсон. — Хотя, надеюсь, вы поймете, что сейчас я не вправе ни о чем говорить. Однако не сомневайтесь, что, одобрив сватовство Рори, я никоим образом не желал оскорбить вашу дочь. Напротив, свое решение я принял из искреннего к ней уважения и любви к своему кузену... Мне хотелось позволить им уступить одновременно и чувству долга, и *сердечной склонности*. Для меня одновременно большой честью и радостью будет стать родичем Ноэли по браку.

— Все это я понимаю, — нетерпеливо перебил Джолион. — Но мы с вами мужчины. А вот заставить смириться с этим ее мать, пожалуй, будет потруднее.

— Не сомневаюсь, — отозвался Келсон. — Но если вы и впрямь заботитесь о счастье дочери, то найдете способ убедить ее.

— Разумеется, постараюсь. — Джолион склонил голову набок, делая вид, что всецело поглощен разгля-

дыванием охотничьей птицы. — Вы сказали, что скоро примете решение о собственной свадьбе... Могу ли я спросить, насколько скоро?

Келсон не мог удержаться от улыбки перед такой настойчивостью меарца.

— Достаточно скоро... Но я и правда не могу сказать вам ничего больше... и в любом случае, с публичным объявлением о помолвке я подожду до той поры, пока не свершатся браки обоих ваших детей.

— Чтобы пощадить чувства моей дочери?

— И ее матери также, — с натянутой улыбкой добавил Келсон. — Рори заверил меня, что ваша дочь всегда получает то, чего желает.

Джолион невольно засмеялся:

— Страсти ярко горят в ее душе... в точности как у матери. Мне всегда было трудно отказать им обеим хоть в чем-то... И если на то пошло, то малышка отличается еще большей решительностью, чем моя супруга. Надеюсь, юный Рори понимает, во что ввязался!

— По счастью, это уже не моя забота, — отозвался Келсон. — Так могу ли я считать, что вы дали свое согласие?

— Мне по-прежнему остается уговорить жену... Однако, да, я даю согласие на этот брак, — ответил Джолион. — Но могу ли я попросить вас никому ничего не говорить, пока все не решится окончательно? Я бы предпочел сделать это на свой лад.

— У меня и в мыслях не было вмешиваться.

— И не удивляйтесь, если вечером из наших покоев будут доноситься крики, вопли и звон посуды, — продолжил Джолион. — Думаю, ради общего спокойствия нам с женой будет лучше отужинать у себя; а молодежь может присоединиться к придворным

развлечениям. Я также хочу напомнить, что нам придется еще обговорить условия этого второго брака, но обещаю, что не буду выдвигать непосильных требований. Я желаю только счастья своей дочери.

Он устремил взор на другой край широкого луга, где Рори, Ноэли и Аракси во весь опор скакали за охотящимся соколом.

Неподалеку, в тени раскидистого дуба, прислонившись спиной к стволу, сидела Ришель с Брекоком, который положил ей голову на колени. Они весело смеялись, и она с руки кормила его виноградом.

— По крайней мере, *они* кажутся вполне довольными судьбой, — заметил Джолион.

— О, да, — согласился Келсон. — Я надеюсь, что оба эти брака окажутся удачными.

— Посмотрим, — промолвил Джолион, подбирая поводья. — Но помните, никому ни слова.

Чуть позже Рори присоединился к Келсону и Дугалу, которые, сами не принимая участия в охоте, наблюдали за Нигелем, Джолионом и остальными. Ноэли и Аракси присоединились к Ришель, которая по-прежнему сидела в тени дерева, и принялись радостно щебетать между собой, потягивая ледяной эль, который обожающие их пажи охладили в ручье специально для девушек.

— Ну что, ты его спросил? — выдохнул Рори с горящими глазами. — Вы вдвоем разговаривали довольно долго.

— Спросил, — признал Келсон. — Но мы договорились, что я пока никому ничего не скажу.

— Он на меня едва посмотрел, когда только что проехал мимо, — прошептал Рори. — Он что, сердится? Он считает меня выскочкой?

— Я же сказал, что не могу говорить об этом, — повторил Келсон, но все же не удержался от улыбки, а Дугал отвернулся, чтобы не засмеяться... ибо ему, разумеется, Келсон сообщил обо всем под строжайшим секретом.

Рори зажмурился и вздохнул с облегчением, сообразив, что Келсон поддразнивает его.

— Он согласился. Я понимаю, что об этом пока нельзя говорить. Боже правый, я сейчас взорвусь, если стану держать это в себе. Мне хочется рассказать всему миру!

— Но пока ты не должен говорить ни слова даже Ноэли, — невозмутимо возразил Келсон. — Мне дали понять, что нынче вечером следует ожидать криков и звона разбитой посуды, когда Джолион отправится к своей грозной супруге. Если сомневаешься, сумеешь ли вытерпеть такую сцену, то предлагаю тебе на вечер удалиться к себе, сославшись на недомогание. А ведь предстоит обсудить еще и брачный договор... — С улыбкой он, склонив голову, посмотрел на Рори. — Если желаешь, я *могу* убрать все это из твоей памяти до завтрашнего дня.

Рори широко ухмыльнулся в ответ.

— Нет, я слишком счастлив и не хочу этого лишаться. Ни за что! Вот увидишь, я буду старательно изображать полную невинность. Обещаю, что не подведу тебя, Кел.

И он понесся прочь во весь опор, делая вид, будто намерен принять участие в охоте. Дугал покосился на короля.

— Ты сделал его счастливым человеком.

— Это *Джолион* сделал его счастливым человеком, — возразил Келсон. — Я очень рад, что в кои-то веки принес кому-нибудь добрые вести.

Рори сдержал слово. До конца дня он вел себя с полной невозмутимостью, проявляя любезность и внимание ко всем членам королевской свиты, и ни единым намеком не выдав, что ему известно о договоренности между Келсоном и Джолионом, — или о том, что между ними, вообще, был какой-то разговор на эту тему.

По пути в Ремут, Джолион словно непреднамеренно оказался рядом с Рори, и на время они отстали от остальных, пустив лошадей бок о бок. Чуть погодя Рори выслал вперед пажа, чтобы попросить Нигеля присоединиться к разговору. И к тому времени, когда охотники вернулись в замок, между этими троими, похоже, воцарилось полное дружеское взаимопонимание.

Морган к этому моменту уже успел вернуться из Дессы с семьей, и теперь спустился во двор, чтобы встретить охотников вместе с Ричендой. Завидев их, Келсон устремился навстречу, расцеловал Риченду, затем наклонился поприветствовать Келрика и чмокнуть в щеку малышку Бриони, которая цепко держала за руку «дядюшку Шондри». Этот последний выглядел слегка усталым, но, похоже, вполне пришел в себя после вчерашнего.

— Все в порядке? — негромко спросил Морган, отводя короля в сторону и косясь на Нигеля, который прошел мимо вместе с Рори, никого не замечая вокруг.

— Надеюсь, что да.

Келсон окликнул своего кузена и вместе с ним и Морганом отошел в сторону, после чего осведомился у Рори, указывая на Нигеля:

— Ну, как он все это воспринял?

Рори с хмурым видом покачал головой.

— Он не против моей женитьбы, но, полагаю, уже сообразил, что теперь встанет вопрос о наследнике Картмура. Я не осмелился даже заговорить об этом.

— А что Джолион?

— На вид, вполне доволен жизнью... Но ему еще предстоит выдержать бой с Осканой. Так что дело отнюдь нельзя считать решенным. Однако, когда мы расстались, у меня было такое впечатление, что все окончится либо свадьбой, либо убийством.

— Боже правый, только бы не убийство! — воскликнул Келсон с деланным ужасом. — Меньше всего нам нужна новая война с Меарой.

Вскоре Джолион, извинившись перед присутствующими, объявил, что пойдет к себе, сославшись на усталость после охоты. Прежде чем удалиться, он заговорщицки подмигнул Рори. Вечером Келсон отужинал с Морганом, Ричендой, Дунканом и Дугалом. Когда они закончили трапезу, едва начало темнеть, но, судя по взглядам, которые Морган бросал на жену, когда думал, что больше никто его не видит, он явно не возражал бы поскорее остаться с ней наедине.

Заметив это, Келсон пожелал им обоим доброй ночи, заявив, что ему нужно перед сном еще написать пару писем. Дункан с Дугалом последовали за ним, — и собирались отправиться в апартаменты Келсона, чтобы продолжить пирушку там, — когда Даворан, один из старших оруженосцев Келсона, принес ему послание, что короля просят подойти в малую приемную рядом с парадным залом.

— Я с тобой? — спросил его Дугал, в то время как епископ Дункан отправился восвояси, простившись с королем.

Келсон уже хотел было согласиться, но оруженосец выразительно покачал головой.

— Похоже, что нет, — заметил король. — Но почему, Даворан?

— Там дама, государь, точнее даже целых две, и они сказали, чтобы я привел только вас.

Пожав плечами, Келсон двинулся к лестнице вслед за Давораном и, миновав парадный зал, прошел в малую гостиную. Там он обнаружил Аракси и Ришель, которые только что успели поболтать со своей матерью, и та в подробностях поведала им обо всем, что произошло сегодня в дамской гостиной. Торопливо обняв Келсона, Ришель выскользнула наружу, встав на страже у дверей вместе с Давораном, и оставила Келсона наедине с Аракси. Единственный факел, горевший в железной скобе на стене, почти не разгонял тьму, и в комнате царили сумерки.

— Давай отойдем подальше от входа, — заявила она, увлекая короля ближе к камину. — Мы решили, что здесь будет самое безопасное место для встречи. Матушка только что сообщила мне совершенно поразительную вещь... И теперь, кажется, я знаю, как нам убедить Оскану.

— Если так, то расскажи мне поскорее, умоляю. Джолион как раз в этот самый момент рассказывает ей о Ноэли и Рори.

— Тогда подумай вот о чем. Нельзя ли дать какой-то титул ей самой и Джолиону? Именно этого она всегда желала, но так и не получила. Келсон, она хотела быть супругой Бриона — но он женился на Джехане. Затем мечтала стать герцогиней, выйдя за Нигеля — а *он* женился на Мерауд. Именно поэтому она так отчаянно желает сделать Ноэли королевой.

— Именно так я и понял со слов Нигеля, — отозвался Келсон, хотя над возможностью присвоить титул Джолиону он до сих пор не задумывался.

— Тогда представь себе, что ты бы сделал их герцогами, — оживленно продолжила Аракси, словно на лету подхватывая мысли короля. — Может быть, дать им тот самый титул, каким ты хотел наградить Брекона после того, как у них с Ришель родился бы первенец. Брекон ведь все равно унаследует все, когда его отец отойдет в мир иной. Он очень предан сестре, и я думаю, что для него это будет не так уж важно, если у них с Ришель будет достаточный доход... Разумеется, став графом и графиней Килардeнскими, они не будут знать нужды. Тем временем Оскана получит вожделенный герцогский титул, которого не дал ей Нигель. Для нее самой это куда лучше, даже чем сделать дочь королевой.

С растущим изумлением Келсон слушал Аракси, мгновенно сообразив, что она предлагает ему совершенно безупречное решение меарской проблемы, — и гадая лишь, почему он сам не додумался до этого. В приливе восторга и благодарности он сжал ее лицо в ладонях и поцеловал... И отпрянул в еще большем изумлении, когда сообразил, *что* он только что сделал.

Но теперь никто на свете не заставил бы его убрать руки, касавшиеся нежной шелковистой кожи. С не меньшим изумлением Аракси воззрилась на него и тоже невольно потянулась к Келсону, взяв его за локти; розовые губы чуть приоткрылись, а серые глаза блеснули в свете факелов с робким призывом, но без малейшей настойчивости.

С бешено колотящимся сердцем, он склонился и вновь поцеловал ее, на сей раз более решительно и

ощущая ответную ласку, когда ладони ее, скользнув по его рукам, опустились Келсону на плечи. С наслаждением отдавшись на волю этому сладостному чувству, столь неожиданно сильному, он принялся ласкать ее светлые шелковистые волосы, чувствуя, как тают ее уста под его губами. Тела их прижались друг к другу, словно были созданы единым целым, и где-то глубоко внутри Келсон ощутил разгорающийся огонь.

Это был не тот фонтан пламенной страсти, который грозил испепелить его целиком в последний раз, когда он сжимал в своих объятиях Росану, — а скорее медленное нарастающее желание, рожденное не плотью, а где-то гораздо глубже, но которое обещало столь же несравненное наслаждение. И когда он наконец осознал это желание и дал ему волю, то, повинуясь инстинкту, нежно объял ее своими ментальными щитами, — и почувствовал, как она отвечает ему, полностью раскрываясь в единении духа.

Это длилось лишь какое-то мгновение, поскольку ни тот, ни другой не были готовы по-настоящему к мысленному контакту и оказались еще слишком неопытны в этой неизведанной области; но даже столь краткое взаимное проникновение оставило после себя желание испытать его вновь и вновь, намекая на еще неизведанные глубины, которые им обоим лишь предстояло открыть в себе и друг в друге... Пока же с них было довольно и этого, дабы породить в сердце надежду и ослабить страх. Они признали наконец, что между ними возникла связь, созданная растущим желанием и нежностью, которые со временем могут перерасти в любовь. Келсон чувствовал, как она дрожит в его объятиях, — и сам невольно поддался дрожи, — и наконец прервал поцелуй, при-

жавшись губами к ее щеке и просто удерживая Аракси в объятиях, прижимая ее к груди, словно хрупкую, драгоценную птицу.

Спустя пару мгновений, когда сердце его наконец забилось поспокойнее, он слегка отодвинулся, чтобы взглянуть на Аракси глазами, полными восхищения. Она улыбалась, а на ресницах блестели слезы, и он склонился, чтобы высушить их ласковым поцелуем.

— Следует ли мне понимать, — прерывистым шепотом спросила она, — что ты согласен дать титул Оскане?

Эти слова вызвали у Келсона приступ такого веселья, что он расхохотался и, положив руки Аракси на талию, приподнял и закружил ее вокруг себя, после чего, в последний раз поцеловав, наконец поставил на пол.

— Не только согласен, — заявил он радостно, — но теперь убежден, что вместе с тобой, дражайшая кузина, мы станем самыми счастливыми королем и королевой, какие когда-либо занимали гвиннедский престол! У нас все получится, Аракси! Теперь я это знаю. Конечно, будут еще проблемы, но мы справимся!

Глубоко вздохнув, он взял ее за руки, поднося к губам сперва одну ладонь, затем другую, ощущая ее приязнь и наслаждение как свои собственные, — и сознавая, что в этот самый момент он разрубил последние узы, связывавшие его с Росаной в несбыточных мечтах.

— Однако я должен кое о чем спросить тебя, — добавил он, взирая на нее с деланной суровостью.

Судя по ее невозмутимому виду, она не опасалась никаких откровений.

— И о чем же это?

— Почему ты продолжала это притворство с Куаном Ховисским, особенно когда Росана уже предложила тебе устроить наш брак?

— А почему бы и нет? Куан — очень славный юноша, и искренне любит свою кузину Гвенлиан, — отозвалась она, по-прежнему держа его за руку. — А поскольку в тот момент никто больше меня всерьез не интересовал, то я была рада им помочь. Ведь в конце концов, мы с тобой в последний раз виделись, когда мне было шесть лет... По счастью, оказалось, что ты жив, когда до нас дошли слухи о твоей гибели. Я рыдала, когда узнала о казни Конала, но понимала, почему ты был вынужден сделать это.

Келсон опустил взор, заново переживая ту давнюю историю.

— Не отворачивайся, — взмолилась она, стискивая его руки. — Ты ведь король, ты вынужден делать многие вещи, которые предпочел бы не делать... Хотя я думаю... что, возможно, ты хотя бы к одной из таких вещей теперь относишься по-другому. По крайней мере, со мной произошло именно так.

Он осмелился поднять взор на нее, по-прежнему не в силах поверить, что *и впрямь* его чувства отныне изменились.

— Как бы то ни было, делая вид, будто между нами с Куаном что-то есть, я тем самым избавилась от куда более неприятных поклонников, — продолжила Аракси. — А поскольку я знала, что мы с ним никогда не поженимся, то меня приводила в восторг эта игра. Знаешь — все время притворяться, играть в интриги... Мне этого будет недоставать. Куан был очень забавный. — Она печально вздохнула. — А потом появилась Росана. И ты должен понять одну вещь... У

меня не было времени объяснить это, когда мы встретились в Хортанти, и ты сделал мне предложение... Я дважды встречалась с ней в тот первый год, когда родился Альбин, — она ездила в Нурхалай, чтобы представить мальчика своим родителям. И, думаю, именно тогда у неё уже зародился план, как вынести хоть что-то благотворное из всей этой трагедии: сделать так, чтобы Дерини смогли жить вместе с людьми в мире и согласии. Она хочет создать для них школу...

— О, да, *об этом* я знаю, — перебил он. — Мне сказала Риченда... Хотя, похоже, она не знала о той роли, которую сыграла в этом ты. Я уже начал подыскивать место прямо здесь, в Ремуте. Точнее, этим занят Дункан. Я бы сказал, что это будет просто прекрасно: первая деринийская школа под королевским покровительством за целых два столетия.

— А ты — первый из *Халдейнов*, который полностью развил свой магический потенциал за эти века, — добавила она. — Если ты поддержишь начинание Росаны, то представь, сколь многого мы сможем добиться!

— Но ты ведь тоже из рода Халдейнов, — напомнил ей Келсон. — За эту неделю я много размышлял обо всем, что мне известно, и подумал, что раз уж было возможно пробудить магический потенциал Халдейнов в Нигеле — а мы знаем, что и Конал добился огромного могущества, — так почему бы не сделать этого и с другими Халдейнами? Например, с тобой.

Она задумчиво склонила голову, не соглашаясь, но с ходу и не отвергая этой мысли.

— На троне Гвиннеда никогда не было правящей королевы, поэтому ничего подобного никто до сих

пор, должно быть, не делал, — заметила она. — Однако отчасти это объясняет, почему Азиму и Росане удалось добиться со мной таких успехов. Впрочем, я ведь все-таки отчасти Дерини, — признала она. — И, возможно, общение с другими Дерини помогает развивать магические способности. Но как бы то ни было, я готова во всем последовать твоему совету и сделать, как ты считаешь нужным, чтобы помочь тебе в *твоих* делах.

— Ты станешь самой отважной королевой на свете! — прошептал он, целуя ее руку. — Мы непременно поговорим об этом чуть позже. Однако сейчас, полагаю, нам лучше расстаться, пока нас обоих не хватились, иначе пойдут слухи.

— Какие слухи? — воскликнула она с видом совершенной невинности. — Ведь всем вокруг известно, что я уже почти обручена с Куаном... А ты все же приходишься мне кузеном.

— О, милая кузина, — протянул он с улыбкой и, склонившись, вновь поцеловал ее в губы.

Она отозвалась с чуть слышным радостным вздохом, но тут же они выпустили друг друга из объятий и обернулись к дверям.

— На самом деле, ты прав насчет слухов, и к тому же мне не терпится узнать, как прошел разговор Джолиона с Осканой. — Она забавно наморщила носик, как делала это ребенком. — Пока что я не слышала ни криков, ни звона посуды...

— Я тоже, — со смехом отозвался Келсон. — И думаю, что пора передать Нигелю твое предложение насчет титулов. Все же это имеет отношение и к его собственному титулу, а также к Альбину... Это и есть одна из тех проблем, о которых я говорил чуть раньше.

Он еще раз, нагнувшись, легонько поцеловал ее в губы, а затем, улыбнувшись, в последний раз сжал руку, перед тем как отпустить насовсем.

— Я выйду первым, а ты подожди еще пару минут.

На выходе из комнаты он невольно заулыбался, — и торопливо, по-братски обнял Ришель, прежде чем устремиться в свои покои, отослав по пути Даворана, чтобы тот пригласил к нему Нигеля и Рори.

* * *

Зато Нигелю стало совсем не до улыбок, когда Келсон выложил ему свое предложение.

— Я надеюсь, ты не пытаешься шантажировать меня тем, что отменишь свадьбу Рори, если я не уступлю?

— Разумеется, нет. Но думаю, тебе пора смириться с тем, что, как бы мы ни относились к Коналу, это не имеет никакого отношения к его сыну, который также является сыном Росаны и твоим внуком.

Рори взирал на отца с побелевшими от напряжения губами.

— Умоляю тебя, не разрушай все то, что так дорого для нас, не порти нам радость, — выдохнул он. — Я никогда *не желал* получить титул, который по праву должен принадлежать Альбину. Он ничем не заслужил того, что ты отрекся от него. И мне его титул *не нужен*. Келсон щедро предложил мне другой. Я стану основателем новой ветви нашего семейства.

— Тогда я передам Картмур Пейну, — упрямо возразил Нигель. — Кроме того, Росана тоже не хочет, чтобы Альбин был моим наследником. Келсон, он ведь может представлять угрозу для тебя самого, как ты не хочешь этого понять?

— Я понимаю, что в любой момент кто-то из куда более дальних наследников может попробовать сместить меня... как это сделал Конал, — возразил Келсон. — Если король не способен принять такой вызов, то он не достоин своей короны... Но я сделаю тебе другое предложение. Ты должен вновь сделать Альбина наследником герцогства. Его мать по-прежнему намерена отдать его Церкви... И переубедить ее — это уже *моя* проблема, чтобы мальчик мог сделать собственный выбор. Но если по каким угодно причинам он все же не женится и не произведет на свет наследников, то тогда его преемником станет Пейн, а не Рори... Потому что Рори и без того уже будет герцогом. Кроме того, что бы ни случилось, когда Пейн достигнет совершеннолетия, я тоже дам ему титул. Ведь изначально ты желал именно этого, не так ли? Позаботиться обо всех своих отпрысках?

Нигель мозолистым пальцем чертил на столешнице замысловатые узоры. Не поднимая глаз на короля, он медленно отозвался:

— Когда я лежал недвижимый, сраженный заклятьем Конала, — прошептал он, — Я сознавал, что творится вокруг. Я не мог ни пошевелиться, ни подать кому-либо знак... Но я был в сознании. И я думал... Мне хотелось поверить... что на самом деле Конал совсем не хотел, чтобы все сложилось именно так. Он всегда был своевольным мальчишкой — слишком гордым, иногда высокомерным, — но он заботился о чести семьи. Я думаю, что сила, которую он использовал против меня... Он сделал это в порыве отчаяния, пытаясь исправить хоть что-то из того, что натворил, невольно послужив, как он думал, причиной твоей гибели. А если бы ты и впрямь умер, тогда он действительно, как *мой* наследник, обязан был поза-

ботиться о своих преемниках в будущем поколении... Впрочем, с этой необходимостью ты прекрасно знаком и сам, — добавил он, покосившись на Келсона, который медленно кивнул в знак согласия.

— О, да, — согласился король. — Хотя бы в этом он исполнил свой долг.

На миг потупившись, Нигель затем продолжил:

— Мой сын был честолюбив — и увы, завистлив, — отчего мы оба и пострадали. Но, может статься, изначальной причиной его падения послужила обида на то, что ему заказан доступ, — как ему казалось, — к наследию Халдейнов, которое должно было принадлежать ему по праву рождения. — Нигель вздохнул. — Если бы он знал то, что нам известно сейчас, касательно магического потенциала нашего рода, мы могли бы даровать ему хотя бы часть этого наследия, как случилось со мной... И он стал бы для тебя надежным и преданным другом.

— Поэтому нам всем не повезло, что именно в это время он встретился с Тирцелем Кларонским, — печально продолжил Нигель. — Соблазн запретной магии оказался слишком велик, а обстоятельства благоприятствовали заговорщикам. Конал смог обрести эту силу и использовал ее. Затем он невольно стал причиной гибели Тирцеля, испугался последствий и, пытаясь замести следы, стал на путь куда худшей лжи, с которого свернуть было уже невозможно... Все прочие его действия вытекали из этого стремления удержаться на плаву. Когда же ты, наконец, вернулся, то настало время расплаты. К несчастью, он уже натворил много непоправимых вещей.

— Верно, — согласился Келсон. — Однако, увидев его сына... своего внука... Можешь ли ты честно сказать, что хотел бы избавиться и *от него* тоже?

Нигель покачал головой.

— Конечно, нет. Когда я смотрю на Альбина, то вижу Конала в том же возрасте. Он так полон жизни, обладает живым умом и любопытством... Но затем я тут же вспоминаю о предательстве Конала...

— А когда *я* смотрю на него, — возразил Келсон. — То вижу также сына Росаны, который мог бы быть и *моим* сыном, и думаю, что он был плодом *ее* любви и преданности, имеющим полное право на имя и наследие Халдейнов. И это еще может случиться, Нигель. Нет, выслушай меня! — добавил он, видя, что Нигель готов его перебить.

— Я смирился с тем, что она никогда не подарит мне сыновей. Но я надеюсь и верю в то, что со временем Альбин Халдейн воплотит в жизнь часть той мечты, которую разделяли мы с Росаной, а избранная мной невеста, — которую предложила мне та же Росана, — как и мы, принадлежит к роду Халдейнов и подарит моим сыновьям еще более ценное наследие. Она уже показала мне, какой может стать королевой, ведь это именно она предложила дать титул Оскане... Что же до Росаны, то теперь я осознаю, что дар, который она несет Гвиннеду — и мне — может быть более ценен для будущих поколений, чем любые дети от ее плоти. Аракси и Риченда рассказали мне о замыслах Росаны касательно Служителей Святого Камбера, и о школе, которую она намерена создать. Возможно, для будущего нашего королевства это станет самым важным шагом.

Он немного помолчал, а затем продолжил:

— Вот почему я собираюсь предложить Росане основать эту школу здесь, в Ремуте, под прямым покровительством короны. Я уже попросил Дункана подыскать подходящее место, и поскольку прошлое

неподвластно нашей воле, то на будущее мне бы хотелось, чтобы Альбин смог обрести законное наследие во всей его полноте, и от матери, и здесь, при дворе, и стал бы мужчиной, наделенным всей ответственностью и привилегиями, которых достоин по праву рождения.

— Если же он после этого решит избрать монашескую жизнь, — Келсон развел руками, — все в воле Божьей. Однако со временем мне бы хотелось, чтобы именно Альбин как герцог Картмурский занял твое место рядом со мной, дабы помогать править Гвиннедом моим сыновьям, вместе с сыновьями Моргана и Дугала... А также с сыновьями Рори и Ришель, которые будут править в Меаре от моего имени, неся мир всему нашему королевству. Но чтобы это свершилось, мне нужно, чтобы ты восстановил Альбина в правах и признал его своим наследником.

Долгое время Нигель сидел молча и когда наконец подал голос, то так и не поднял взор на короля.

— Я дам согласие, — промолвил он негромко. — Если согласится Росана.

* * *

Капитуляция Нигеля значительно укрепила Келсона в его решимости при встрече с меарцами. Когда Джолион явился к нему поутру, дабы рассказать о том, как прошел их разговор с супругой накануне, король уже точно знал, какое предложение сделает сэру Джолиону Рэмси и его жене.

— Молчание было куда страшнее, чем если бы она принялась вопить или швырять тарелки, — заключил Джолион и рухнул на скамью в нише напротив Келсона. Поняв, что больше он ничего не скажет, Кеслон вопрошающе приподнял брови.

— Но потом она с вами заговорила?

— В общем-то, нет. Сперва побелела, потом побагровела, наконец, разразилась рыданиями и ушла в постель. Я спал в другой комнате. Утром, когда я проснулся, она сидела у окна и смотрела в сад. Не сказала мне и двух слов. Я попросил, чтобы ей наверх принесли завтрак.

— Понятно. — Немного поразмыслив, Келсон чуть нагнулся вперед. — Ну что ж, у меня есть для вас предложение, которое, возможно, придется ей по душе. Как вы посмотрите, если мы внесем небольшое изменение в брачный договор Брекона и Ришель, по которому именно *вы* получите герцогский титул, который я намеревался предложить Брекону после рождения у них первенца?

У Джолиона отвисла челюсть.

— Разумеется, после вашей смерти он все равно унаследует титул, — продолжил Келсон, забавляясь изумлением меарца. — А тем временем останется графом Килардeнским. Но зато вы с супругой до конца жизни сможете наслаждаться герцогским титулом и соответствующими доходами.

С этими словами он с удовлетворенным видом откинулся на спинку кресла.

— Что же касается вашей дочери, то я уже сказал, что намерен сделать Рори герцогом... И счастлив сообщить, что Нигель согласился на мое предложение и сделал своим прямым наследником в Картмуре принца Альбина. Разумеется, предстоит еще согласовать это с матерью мальчика, однако это уже не ваша забота.

Застывший, точно статуя, Джолион внимал Келсону, а затем изумленно покачал головой в ответ на вопросительный взгляд короля.

— Сир, вы и впрямь владеете чудотворной магией. Неужто Нигель одобрил это?

— Он согласился, что, в общем-то, одно и то же, — проронил Келсон. — А что скажете вы? Обрадуется ли ваша супруга, если они с дочерью обе станут герцогинями?

Джолион расплылся в улыбке.

— Вы куда лучше разбираетесь в женщинах, чем я думал, государь. Я согласен... Ради всех нас.

— Вот и отлично, — усмехнулся Келсон. — Мне не под силу исправить прошлое, Джолион, но, если будет на то воля Божья, я смогу построить на этом фундаменте прочное будущее. Так могу ли я сообщить нашим придворным дамам, что они могут начать подготовку к двойной свадьбе?

— Конечно, можете, — вздохнул Джолион. — И признаюсь, что лично мне подобный исход дела представляется наилучшим. Оба брака будут удачными, и я желаю счастья своим детям.

— Тогда я займусь подготовкой необходимых документов, — объявил Келсон, поднимаясь с места. — Прошу вас, передайте мое почтение герцогине, вашей супруге.

Глава двадцать девятая

Тогда я был невежда, и не разумел[1]

Разумеется, до подписания брачного договора между леди Ноэли Рэмси и принцем Рори Халдейном нельзя было прилюдно объявить об их помолвке, но в ближайшие дни их часто видели вместе в компании ее брата, кузенов короля и прочих гостей, которые со всех концов королевства прибывали, дабы стать свидетелями брачного союза между Брекономом Рэмси, меарским наследником, и принцессой из рода Халдейнов.

Мать жениха наслаждалась всеобщим вниманием, которым окружили жениха и невесту и их родню, любезно соглашаясь участвовать во всех увеселениях, которые предлагались гостям королевского двора. И хотя леди Оскану по-прежнему терзала обида, что король Гвиннеда не выбрал себе в жены Ноэли Меарскую, все же мысль о герцогской короне, которая вскоре украсит ее чело, значительно смягчала разочарование.

Несколько дней ушло на то, чтобы согласовать основные положения договора, и как-то поутру, ког-

[1] Псалтирь 72:22

да Келсон заседал с Джолионом и с советниками обеих сторон, уточняя и выверяя мельчайшие детали, — ибо грядущее возведение самого Джолиона в герцогский титул требовало изменения и в уже составленных бумагах, — герцогиня Мерауд пригласила супругу и дочь Джолиона присоединиться в ее гостиной к ним с Джеханой, Сиворн и ее дочерьми, чтобы провести время за вышиванием и дружеской болтовней. Допущенная в общество вельможных дам, Оскана пришла в неподдельный восторг, ибо именно об этом она мечтала всю жизнь, и потому с удовольствием ответила утвердительно на посыпавшиеся вопросы, — хотя до сих пор официально этого никто не подтвердил, — что второй брак между Меарой и Халдейнами состоится в тот же самый день. Большего не могла бы желать ни одна мать.

Джехана, видя, что Оскана готова окончательно уступить, почувствовала облегчение, ибо понимала, как сильно тревожит сына ситуация в Меаре. Она некоторое время посидела с остальными дамами, старательно расшивая золотой нитью ворот новой туники Келсона, но затем, извинившись, удалилась и направилась в библиотеку. Как она и ожидала, дверь оказалась заперта, поскольку отец Нивард находился сейчас с королем, исполняя роль секретаря, но молодой священник Дерини давно уже вручил королеве собственный ключ, пошутив при этом, что не желает скомпрометировать Джехану, если вдруг кто-то обнаружит ее на корточках перед дверью библиотеки, в то время как она будет пытаться открыть замок с помощью магии.

Вспомнив об этом, она не удержалась от улыбки и вошла в комнату, тщательно закрыв за собой дверь. Занавеси были задернуты, чтобы прямые сол-

нечные лучи не попадали на манускрипты, но света было вполне достаточно, чтобы она беспрепятственно добралась к проходу, который вел в соседнюю комнату. Теперь она проходила сквозь Вуаль, не задумывалась, и, в отличие от первой встречи, не испытывала больше страха перед Барретом, который, как обычно, сидел у окна с развернутым свитком на коленях. Заслышав приближение королевы, он отложил рукопись и обернулся к ней.

— Милорд Баррет, я надеялась застать вас здесь, — промолвила она и, подойдя ближе, взяла его протянутую руку. Усевшись на скамью напротив, она склонила голову и поднесла его руку к своему лбу, жестом, преисполненным почтения, как подобает ученику приветствовать учителя. — У меня есть хорошие новости. Моему племяннику Рори дозволили жениться по любви... на леди Ноэли Рэмси. Мы опасались, что мать девушки будет против этого брака, ибо она надеялась выдать свою дочь за Келсона, но, похоже, она, наконец, дала согласие. Обещание герцогской короны помогло ей примириться с этим союзом.

— Я рад за юного Рори и за эту даму, — с ласковой улыбкой отозвался Баррет. — И я рад, что *вы* довольны. — Он ласково потрепал Джехану по руке, затем слегка отодвинулся с печальным видом. — Это великое благословение — жениться по любви.

— О, да, — согласилась Джехана. Глядя на Баррета, она задумалась, а был ли он когда-нибудь женат. И если да, то был ли *его* брак основан на искренних чувствах. Сама она очень любила Бриона, особенно поначалу... Сейчас Джехана старалась не думать о том, какой ущерб нанесла их отношениям с мужем тем, что отказалась признать его право на владение

магией... Как много времени она потеряла, отрицая его истинную природу и свою собственную! Баррет заверял ее, что еще не слишком поздно изменить судьбу, научиться всему, чем она *могла* владеть, полностью освоить наследие Дерини... Но было слишком поздно, чтобы поделиться этим с Брионом.

— Я никогда не надеялась, что мне кто-то предоставит выбор, за кого идти замуж, — заметила она, немного помолчав. — Принцы, и особенно принцессы, с самого рождения узнают, что их браки должны отвечать династическим требованиям, а отнюдь не велению сердца. Я печалюсь о Келсоне, что ему довелось пережить такие горестные разочарования в юном возрасте, но надеюсь и молюсь, чтобы они с Аракси все же были счастливы вместе. В чем-то она напоминает мне ту женщину, какой я сама могла бы стать, если бы жизнь сложилась иначе.

— В самом деле? — прошептал Баррет, хотя это был скорее не вопрос, а утверждение.

— О, да, она наделена силой духа и изяществом, и, по-моему, она любит его сильнее, чем он думает. Они чудесно играли вместе, когда были детьми, и она с готовностью приняла свои деринийские способности, дабы поставить их на службу королевству. — Джехана опустила взор на свои руки. — Я прежде не могла признать, что наша сила может быть наградой. Слишком долго я считала ее проклятьем.

— Вы проделали долгий путь, Джехана, — промолвил он.

— Да, но достаточно ли далеко я уже зашла? — вопросила она со вздохом.

Он с улыбкой потянулся и вновь потрепал ее по руке, а затем откинулся назад, опираясь о стену, и закрыл глаза, наслаждаясь солнечным теплом.

— Помню дни, такие же, как этот, когда я был совсем юным, — промолвил он. — В замке моего отца были великолепные сады. Особенно часто я вспоминаю одно дерево, увитое плющом. Ребенком я любил забираться на него, когда прятался от своих наставников, или часто лежал в тени на траве в летний полдень, слушая, как жужжат вокруг шмели, и тренируясь гонять облака, пока лакомился украденным на кухне виноградом, который еще с утра прятал у ручья, чтобы он немного охладился.

— Что значит «гонять облака»? — изумленно воскликнула Джехана. — Вы умеете это?

— Умел в те дни, — Баррет пожал плечами. — Это не такая уж глупая забава, как кажется. Для погодной магии это умение весьма полезно, как и способность изменять очертания туч. Но для этого необходимо владеть зрением. Однако это было еще до той поры, когда я узнал подлинную цену магии, которую расходовал столь щедро.

— Это имеет отношение к тому, как вы утратили зрение? — осмелилась она спросить.

Он слабо улыбнулся и покачал головой.

— Конечно, я утратил его не потому, что гонял облака или занимался погодной магией. Но тогда я был юн и порывист, и должно быть, считал себя непобедимым, как это свойственно юности... Особенно, когда ты наделен необычными способностями.

— В ту первую ночь, когда мы встретились, — промолвила она негромко, — вы что-то говорили о том, как спасли детей и поплатились за это зрением...

— Может быть, расскажу в другой раз, — перебил он ее резко.

— Прошу меня простить, я не хотела показаться навязчивой...

— Не в том дело. Когда-нибудь, если вы действительно захотите это узнать, я вам все расскажу.

— Тогда...

— Вы напомнили мне еще об одной вещи, которой мне так недостает: возможности любоваться чудесами божьего творения, такими как роскошь прекрасного сада. Там, где я живу сейчас, тоже есть сад, и ароматы его порой вызывают в памяти знакомые цвета... Но это не одно и то же.

Несколько ударов сердца длилось молчание между ними, как вдруг, внезапно, потрясенная Джехана не подумала об одной возможности помочь Баррету в его утрате, которая никогда прежде не пришла бы ей на ум.

— Сады здесь, в Ремутском замке, тоже прекрасны, — промолвила она неуверенно. — Я бы могла... показать вам их в воспоминаниях. Либо, возможно, мы бы могли даже пройти туда вместе сквозь Вуаль и погулять вдвоем! — внезапно выпалила она. — О, Баррет, как вы думаете, у меня получится? Думаю, Келсон не стал бы возражать.

— Вот уж в чем я лично сомневаюсь, — возразил Баррет. — Но с другой стороны, — заметил он чуть погодя, — теоретически вполне возможно, чтобы я прошел сквозь Вуаль, держась рядом с кем-то вроде вас, для кого доступ всегда открыт. Честно говоря, мне это и в голову прежде не приходило, поскольку я уважал желание вашего сына, чтобы ни один из приходящих Дерини не мог попасть в замок за пределы этой комнаты.

— И вы никогда даже не хотели попросить об этом дозволения? — изумилась Джехана.

— Честно говоря, нет. Но я не хочу, чтобы ради меня вы нарушали волю короля.

— Вы ни о чем не просили, я предложила сама, — возразила она. — Несомненно, он питает к вам глубокое уважение, иначе не позволил бы приходить *сюда*. О, Баррет, я очень хочу попробовать! Проверить, действительно ли я способна на это! Вы так многому меня научили, давайте попытаемся. Я мечтаю хоть отчасти отплатить вам за доброту, показав свой сад.

Она вновь потянулась, чтобы взять его за руку, и ощутила, как Баррет едва заметно вздрогнул, но затем он также сжал руку Джеханы и склонил голову.

— Ну что ж, попытаемся, — отозвался он прерывистым шепотом.

— Да, пойдемте! — с этими словами она поднялась с места. — Кто знает, может быть, мы сможем просто пройти, если возьмемся за руки...

— Понятия не имею, что будет. Но в такой чудный летний день стыдно было бы не попытаться.

Без единого слова он позволил Джехане подвести его к Вуали. Она чувствовала, как заледенела и содрогнулась его рука, когда они подошли ближе, и она без труда миновала закрытый заклятием проход и попыталась потянуть Баррета за собой. Однако, едва лишь коснувшись Вуали, он тут же отпрянул со стоном.

— Не могу! — выдохнул он.

— Вам больно? — всполошилась она.

Сжав губы, он покачал головой и вслепую потянулся, прощупывая границы Вуали, а затем, поморщившись, отступил на шаг.

— Я и не думал, что это будет так просто, — пробормотал он. — Возьмите меня за руку и попытай-

тесь еще раз... Только помедленнее. Если это вообще возможно, то мне придется очень постараться.

Она сделала так, как он просил, но все оказалось тщетно. Склонив голову, Баррет принялся простирать руку, и Джехана вернулась к нему сквозь Вуаль.

— Простите меня, — прошептала она. — Я так надеялась...

— И *я* надеялся тоже, — отозвался он. — Но должен быть и другой путь.

Он запрокинул голову и поднял глаза, словно действительно мог что-то видеть, а затем вновь обернулся к королеве со слабой улыбкой на губах. В этот миг он словно сбросил с плеч груз нескольких десятков лет.

— Скажите, вы и впрямь ощущаете сегодня прилив отваги?

Она с опаской покосилась на него.

— А почему вы спрашиваете?

— Я предлагаю вам показать *мой* сад, раз уж не могу увидеть ваш. Но для этого вы должны достаточно довериться мне, чтобы я мог провести вас через Портал.

В желудке у нее что-то болезненно сжалось, и Джехана бросила испуганный взгляд на плиту Портала. До сих пор они старательно избегали этой темы, но она предчувствовала, что рано или поздно момент настанет. И все же, как ни удивительно, перспектива воспользоваться переносящим Порталом, сейчас показалась ей отнюдь не столь ужасающей, как прежде.

— Я бы очень хотела увидеть ваш сад, — отозвалась она неожиданно спокойным голосом. — Надеюсь, вы простите меня, что мне все-таки немножко страшно.

Он улыбнулся.

— Если вам страшно всего лишь немножко, то мы и впрямь проделали долгий путь.

— Полагаю, что да. — Поглубже вздохнув, Джехана расправила плечи. — Что я должна делать?

Он безошибочно прошел на плиту Портала и приглашающим жестом протянул ей руку.

— Подойдите ко мне, чтобы я мог коснуться вас.

Она повиновалась, вложив руку в его ладонь. Он развернул королеву к себе спиной и положил руки ей на плечи. Она чуть заметно вздрогнула, когда он мягким движением притянул ее к своей груди, а затем прижал пальцы правой руки к каким-то точкам на горле. Она чувствовала, как бьется под ними пульс, но закрыла глаза и постаралась расслабиться, ибо ее доверие к Баррету было безграничным.

— Превосходно, — прошептал он ей на ухо. — А теперь успокойте свое сознание и постарайтесь ни о чем не думать. Представьте белые облака, о которых я говорил раньше, как они медленно плывут по озаренному солнцем небосводу, и пусть мысли ваши плывут им вслед. Вздохните поглубже и сделайте очень медленный выдох. А теперь еще раз.

Джехана с удовольствием повиновалась.

— Хорошо. Пусть облака уносят вас... И очень скоро вы почувствуете, как мой разум касается вашего, обволакивает его так же нежно, как эти облака. Не сопротивляйтесь, расслабьтесь, и я сделаю все необходимое. Расслабьтесь...

Несмотря на таящееся в душе опасение, Джехана почувствовала, как разум ее замирает и преисполняется покоя, который еще пару недель назад она могла познать лишь во время молитвы. В этот миг она с благоговением осознала, что это было почти одно

и то же. Затем она ощутила мысленное касание Баррета, мягкое, но уверенное, которое принесло с собой еще более глубокий покой. Краткий миг перемещения энергий ускользнул от нее, и Джехана лишь слегка покачнулась, когда пол словно бы вылетел у нее из под ног.

Но *он* был здесь и поддерживал ее, обнимая руками за плечи, и она не ощутила страха. Внезапно донесшийся сладковатый аромат напомнил ей о церковных благовониях, и, открыв глаза, королева обнаружила, что оказалась в кромешной тьме, — но тут же ее рассеял магический огненный шар, созданный Барретом специально для нее, поскольку сам он совершенно не нуждался в освещении.

Вообще, как обнаружила Джехана, эта комната идеально подходила для человека, лишенного зрения. Здесь не было окон, но зато со стен, украшенных резными панелями, свисали гобелены, — все это могло доставить наслаждение не только глазу, но и рукам. На другом конце комнаты обнаружились два уютных мягких кресла перед зевом гигантского очага, а между ними, на мохнатом ковре, стоял круглый стол. На столе было сложено с полдюжины тяжелых фолиантов в кожаных переплетах, между страниц которых топорщились закладки: ясное подтверждение тому, что свои ученые изыскания Баррет не ограничивал ремутской библиотекой.

— Должно быть, обстановка вам не слишком по вкусу, — промолвил он, сознавая, что Джехана с жадностью осматривается по сторонам.

— Напротив, — возразила она. — Эта комната — точное отражение своего хозяина... — Она потянулась к гобелену, ощущая под пальцами выпуклые стежки на боку резвого скакуна, затем тронула золо-

тые доспехи всадника. — Даже если бы не могли видеть все это своим разумом, то увидели бы ваши пальцы, верно? Баррет, это так прекрасно!..

С улыбкой он взял Джехану под руку и не спеша повел к дверям.

— Так мне и говорили, — сказал он. — И для старого холостяка вполне годится. Но что касается сада, то о нем я могу судить с большей уверенностью.

Дверь перед ними распахнулась, открывая воздух на крытую колоннаду, окружавшую сад с его буйством красок и ароматов. Воздух здесь был чуть прохладнее, чем в Ремуте, и в нем ощущался солоноватый привкус. Джехана вздохнула с наслаждением, наполняя воздухом легкие.

— Мы рядом с морем, — прошептала она, полуприкрыв глаза. — Эта свежесть напоминает мне о летних днях в Бремагне. Баррет, где же мы? — спросила она, поворачиваясь к нему лицом.

Он с легкой иронией усмехнулся в ответ.

— И впрямь, недалеко от Бремагны... Но, наверное, лучше я не стану говорить, где именно.

— Так это ваш дом? — переспросила она.

— Да, насколько я могу какое-то место назвать своим домом, — отозвался он. — Родился я в Пурпурной Марке, но уже очень долгое время не бывал в тех краях.

— С тех пор, как потеряли зрение? — осмелилась она спросить.

Сжав губы, он отвернулся, чтобы скрыть свою боль, а затем двинулся по тропинке, выложенной белоснежными ракушками. Густой аромат лаванды и полыни сопровождал их всю дорогу.

— На свете нет ничего ценнее жизни детей, — заметил он негромко, после того как они прошли с

полсотни шагов в молчании, нарушаемом лишь далекими криками чаек и хрустом ракушек под ногами. — Двадцать три ребенка сгорели бы заживо, если бы я не вмешался в тот день.

Она в ужасе уставилась на него, широко раскрыв глаза.

— Неужто кто-то хотел сжечь заживо детей?!

— Несколько Дерини втайне обучали их, вопреки Рамосским уложениям. За это им грозила смерть. Тот наставник, что был с детьми в день, когда их обнаружили, поплатился жизнью. Ему перерезали горло, и он захлебнулся собственной кровью... на глазах у малышей. А затем местный владетель велел сжечь их заживо, — хотя там не было ни одного ребенка старше десяти лет.

— И вы остановили их?

Баррет уверенно остановился перед каменной скамьей и устало опустился на нее, выпустив руку Джеханы.

— Да, но это обошлось мне куда дороже, чем я мог вообразить в ту пору. Я думал, что совершаю благородное самопожертвование. Я предложил обменять мою жизнь на их жизни: опытный Дерини, обученный и опасный, против двух дюжин малышей, которые, *возможно*, выживут и придут мне на смену.

Он на пару мгновений прикрыл глаза.

— И некоторые, действительно, выжили... А я — я думал, что меня сожгут вместо этих детей. Однако они начали с того, что лишили меня зрения. А затем другой наставник этой запрещенной школы ринулся мне на выручку... И поплатился *своей* жизнью.

С чуть слышным стоном Баррет уронил голову на руки, в который раз переживая этот ужас.

— Он оказался отважнее, чем я, и использовал магию, чтобы дать мне свободу. Но лучники сразили его на бегу, и позже он скончался от ран. Его жена была при этом, и с ней случился выкидыш... То был бы их первенец. Была потеряна еще одна жизнь...

При этих словах глаза Джеханы наполнились слезами. Мысленно она вновь вернулась к тем временам, когда носила Келсона под сердцем... И вспомнила малютку дочь, которая прожила лишь несколько часов.

— Вы поступили очень отважно, — прошептала она.

— Отважно — или глупо? — возразил он. — Я был юн и слишком самоуверен. И потерял не только зрение, — утратив и способность приносить пользу другим людям, — но также заплатил жизнью другого опытного Дерини, и ребенка, который однажды мог бы продолжить дело его жизни.

— Но ведь вы спасли тех, других детей! — воскликнула Джехана. — Об этом тоже нельзя забывать.

— Возможно. Но многие из них все равно погибли чуть позже. Для них моя глупость лишь отдалила неизбежный конец... А я лишился возможности быть полезным своему народу в будущем.

При этих словах между ними повисло молчание, нарушаемое лишь пением птиц, жужжанием пчел и рокотом далекого прибоя.

— И все равно, я считаю, — наконец заметила Джехана, — что вы потратили свою жизнь с куда большей пользой, чем я. Отказываясь признать свое происхождение, я отреклась от собственного наследия, от любви, которую питал ко мне муж... И испытывала терпение своего единственного сына, сделав

его жизнь совершенно невыносимой, когда он так нуждался в моей поддержке.

— Однако в тот день, когда эта поддержка была ему действительно необходима, — на коронации, где он был так уязвим, — вы сделали все, что могли, — мягко поправил ее Баррет. — И в тот миг готовы были отдать за него свою жизнь.

— Это правда, — печально отозвалась она. — Мой миг божественного безумия, полагаю... И я не желала бы изменить ничего, ни единого биения сердца из того часа, когда поставила на кон свою жизнь ради спасения сына. Но многое другое я бы изменила, если бы то было в моей власти. Как могла я быть столь сле...

Она осеклась, осознав, что за слово едва не сорвалось у нее с языка, и кровь прихлынула к ее щекам, чего, по счастью, Баррет не мог увидеть... Но он тут же потянулся и ласково взял ее за руку.

— Госпожа моя, воистину вы очень отважны... И поверьте, куда лучше прозреть наконец, нежели по-прежнему проклинать тьму. Сам я почти смирился с собственной тьмой... И думаю, что рано или поздно вы смиритесь и с вашей. Поверьте, худшая слепота приходит не с потерей зрения телесного...

С этими словами он встал и помог ей подняться на ноги, а затем любезно взял Джехану под руку.

— Но пойдемте же, и я покажу вам свой сад. Позвольте мне увидеть его вашими глазами, а я покажу, каким он видится мне...

Глава тридцатая

Пусть строится дом на том месте, где приносятся жертвы, и пусть будут положены прочные основания для него[1]

На то, чтобы окончательно согласовать брачный договор Рори и Ноэли, ушла почти вся неделя, — при том, что Келсону приходилось заниматься также повседневными дворцовыми заботами, принимать гостей, прибывающих на свадьбу, и у него не было ни мгновения свободного времени. Впрочем, любовь между сыном Нигеля и меарской наследницей вскоре перестала быть секретом для окружающих, и потому мало кто удивился, когда на особом собрании придворных было сделано официальное заявление, что принц Рори Халдейн, первый кузен короля, возьмет в жены леди Ноэли Рэмси Меарскую ровно через неделю, в тот же день, когда брат ее женится на принцессе Ришель Халдейн.

— Полагаю, никто не сомневается, что это будет союз истинно любящих людей, которые вступают в брак не только из политических соображений, — с улыбкой заметил Келсон, после того как архиепископ Браден засвидетельствовал обмен клятвами при

[1] Ездра 6:3

обручении. — Однако, говоря о политической стороне этого союза, я решил возродить и передать своему благородному кузену древний титул и владения герцога Ратаркинского, и намерен возвести его в этот ранг в день свадьбы... После чего на будущий год намерен сделать нового герцога вице-королем Меары.

При этих словах короля восхищенный шепот пробежал по залу, в особенности среди меарцев, ибо даже Джолион не знал об этом замысле Келсона. Если Меара станет вице-королевством, то это будет почти равносильно тому, когда, в былые времена, она являлась независимым княжеством, тем более, что будущие герцоги Ратаркинские станут одновременно наследниками Халдейнов и древнего правящего меарского рода. Оскана от радости была не в силах даже вздохнуть, ведь теперь дочь ее станет не только герцогиней, но и вице-королевой... А это почти то же самое, что стать королевой Гвиннеда.

— Насколько я могу судить, Меара довольна, — мягким тоном заметил Келсон, с улыбкой окинув взглядом перешептывающихся меарцев, которые в ответ разразились приветственными возгласами. — Но я хотел бы предложить вам еще кое-что, — добавил он, когда в зале вновь воцарилось спокойствие. — В залог нашей вечной дружбы и родственного союза, и в силу того, что должен состояться также брак моей кузины Ришель с Бреконом, братом леди Ноэли, я решил несколько изменить то заявление, которое сделал в день их помолвки.

Он бросил доброжелательный взгляд на молодую пару, а затем на родителей Брекона, которые до сих пор не пришли в себя от счастья, свалившегося на их дочь.

— Я по-прежнему намерен сделать Брекона Рэмси графом Килардeнским в день его свадьбы, — продолжил король. — Однако мне пришло на ум, что сын не должен рангом превосходить отца, и потому пришло время признать перед всеми заслуги семейства Рэмси, которое всегда было искренне предано гвиннедской короне. Вот почему одновременно я намерен наградить отца Брекона герцогским титулом... который со временем перейдет графу Килардeнскому и его потомкам.

Джолион опустил глаза. Лицо его закаменело, а прочие меарцы вновь принялись взволнованно перешептываться. Оскана мертвой хваткой вцепилась мужу в плечо.

По щекам ее струились слезы: похоже, Келсону удалось растопить последний ледок недоверия между ними и окончательно добиться любви и преданности от семейства Рэмси, навеки привязав его к гвиннедскому престолу.

Довольный, что смог подарить хоть немного счастья среди холодных реалий браков, заключающихся по расчету, и династических союзов, вызванных к жизни политическими и финансовыми требованиями, Келсон, расплывшись в улыбке, продолжил:

— Вот почему накануне того дня, как они породнятся через брак своих детей с моим родом, я намерен возвести сэра Джолиона Рэмси в титул герцога Лааского — а леди Оскану сделать герцогиней Лааской. Надеюсь, что после этого мы навсегда положим конец враждебности, которая так долго отравляла отношения между нашими землями, и мир наконец восторжествует.

Меарцы так шумно радовались по поводу восстановления на своей земле прежних герцогств, что от

внимания собравшихся ускользнули мелочи, касавшиеся вопроса наследования у одного из новых вельмож. Чуть позднее, когда собравшиеся наконец разошлись, Нигель незаметно удалился, не замеченный доброжелателями, которые с поздравлениями окружили счастливую пару и родителей невесты. Один лишь Келсон знал, что, как и было условлено между ними, утром Нигель подписал документы, вновь сделавшие Альбина наследником Картмура. Впрочем, Келсон надеялся, что этот шаг ни у кого не вызовет недовольства, потому что с самого начала многие утверждали, что отречение герцога от внука было незаконным и слишком жестоким. И все же понадобится куда больше, чем клочок пергамента, чтобы мальчик получил доступ к сердцу деда.

И теперь, наконец, когда благополучно разрешился и торентский вопрос, и меарский, — и, похоже, даже вопрос с его собственным браком, — Келсон мог больше внимания уделить домашним проблемам. Для этого ему понадобилась помощь своей будущей супруги, матери и еще нескольких дам, занимавших особое место в жизни короля. И, разумеется, все они с радостью согласились посодействовать Келсону в его замыслах.

— Нигелю нелегко дался этот шаг, — заметил Морган, когда они вместе с Дугалом и королем направлялись к залу Совета, где их уже дожидался Дункан со своими предложениями о том, где лучше разместить новую школу Дерини.

— По крайней мере, он подписал бумаги по Картмуру, — отозвался Келсон, поприветствовав Дерри и отца Ниварда, которые присоединились к ним по пути. — И, к счастью, женщины в нашей семье отличаются куда большим здравомыслием, чем мужчи-

ны. Аракси и Риченда взяли на себя следующий шаг в решении этой проблемы, заручившись поддержкой моей матери и тетушки Мерауд.

— Как это? — Морган удивленно поднял брови.

— Лучше не спрашивай, — пробормотал Келсон в ответ. — А если хочешь, то можешь пойти со мной в базилику после обеда, чтобы осмотреть новую часовню. *Там* тоже дела движутся как надо.

Следующий час они провели с Дунканом, обсуждая его предложение. К вящему удивлению и радости Келсона, у того родился замысел разместить Деринийскую школу в самой базилике, которая как нельзя лучше подходила для этой цели, поскольку рядом находился бывший монастырь и еще несколько строений, в которых могли разместиться все необходимые службы.

— Часовня и без того посвящена святому Камберу, так что это дополнительный плюс, — резонно указал Дункан, указывая Келсону на составленный им приблизительный набросок. — Так что для Служителей это вполне подойдет. А самое главное, базилика расположена внутри крепостных стен, то есть в ведении короля, что очень полезно из соображений безопасности. Строения почти все отлично сохранились, и есть место для новых пристроек. Еще одно преимущество состоит в том, что там уже имеется Портал и потайные ходы, выводящие прямо к замку. Об этом я пока не стану сообщать Служителям, однако убежден, что более подходящего места нам не найти.

Келсон кивнул, окидывая взглядом изображенную Дунканом схему.

— Мне это нравится. И, кстати, теперь я вспомнил еще одну важную вещь. — С этими словами он

задумчиво покосился на Дункана, который сидел напротив короля в простой черной рясе обычного священника, и лишь епископский перстень с аметистов служил признаком его высокого сана.

— Новая школа будет нуждаться в церковном наставнике... Причем это должен быть человек, хорошо понимающий нужды подобного заведения, то есть епископ-Дерини — причем такой, который до сих пор не имеет собственной епархии, в отличие, например, от Арилана, — поспешил добавить он, предупреждая возможное возражение Дункана. — Конечно, это лишит тебя перспективы и дальше подниматься по церковной лестнице, по крайней мере на пару лет, но, возможно, это не так уж плохо. Я говорил Брадену, прежде чем одобрил твое избрание на пост помощника епископа, что не позволю им отослать тебя куда-то из Ремута. Ты мне слишком нужен здесь.

Дункан со смиренным видом улыбнулся, ибо прекрасно знал, насколько сильно привязан к нему Келсон, и как велика его роль в придворной политике. Так что перечить королю было бесполезно, даже если бы он этого захотел.

— Так что думаю попросить Кардиеля сделать тебя ректором новой школы, — продолжил король. — Это не помешает тебе по-прежнему исполнять обязанности его помощника. К тому же тогда ты мог бы жить при базилике. Мне никогда не нравилось, что твои нынешние апартаменты расположены так далеко отсюда, в архиепископском дворце при соборе. Что скажешь, Аларик, согласится ли на это Росана?

Морган кивнул, очевидно заинтригованный открывающимися при этом возможностями.

— Признаюсь, что так далеко вперед я не заглядывал, промолвил он. — Но, по-моему, мысль просто блестящая... Если, конечно, Дункан согласится взвалить на себя эти обязанности.

— Их будет не так уж много поначалу, — отозвался Дункан, оживившись. — Мы лишь постепенно начнем набирать обороты. И, кроме того, у меня будет возможность первым познакомиться со всеми будущими наставниками. Я так многому смогу научиться...

— Ну, тогда решено, — объявил Келсон с довольным видом. — Можешь больше не подыскивать никаких других мест... По крайней мере, пока мы не решим открыть вторую школу. Росана, конечно, сперва будет сопротивляться; увидит в этом еще одну интригу, чтобы заполучить Альбина ко двору, — но в остальном, я уверен, что она не сумеет усмотреть никаких недостатков в нашем замысле. Ближе к вечеру, когда отправимся взглянуть на часовню Камбера, мы осмотримся на местности... И будет отличный повод пригласить с нами Нигеля. — Он вздохнул. — Теперь остается лишь надеяться, что и следующий ход будет сделан столь же гладко... Но *это* уже в руках наших прекрасных дам.

* * *

Во второй половине дня, как и обещал, Келсон собрал вокруг себя тех, с кем намеревался отправиться на осмотр базилики, — прежде всего Дугала и Моргана; тогда как Нигель должен был присоединиться к ним чуть позже в саду, прямо перед входом в парадный зал. Дункан отправился в церковь чуть пораньше, чтобы встретить там обоих архиепископов, которые должны были явиться из собора.

Пока они шли через сад к небольшим воротам, что выходили на длинную лестницу, спускавшуюся к самой базилике, расположенной во внешнем дворе замка, Келсон вкратце повторил все свои идеи относительно новой школы. Нигель слушал с живым интересом... а тем временем они прошли из той части сада, что была доступна для всех обитателей замка, в более укромный уголок, отведенный исключительно для королевского семейства.

В этот чудный день Мерауд с Джеханой пригласили обеих невест и их матерей заняться вышиванием в саду, в окружении детей, которые радостно играли с четырехлетней принцессой Эйриан под бдительным взором вельможных дам. Рори с Бреконом забрали детей постарше и нескольких королевских пажей на реку, выкупать своих пони. С ними отправился также отец Брекона и барон Савил, чьи сыновья вскоре должны были быть отданы на воспитание в одно из новых благородных семейств Меары.

Тем временем, в саду мальчики помладше, — Келрик, сын Моргана, и Сорли, шестилетний отпрыск Сиворн, — с веселыми криками запускали игрушечные кораблики в пруду под присмотром няни, в то время как их сестры бегали наперегонки с Эйриан и Коналиной... малышкой, которую Нигель знал лишь как Амелию, если вообще помнил ее имя. Это была очаровательная трехлетняя девчушка, розовощекая и с копной каштановых кудряшек, на которую герцог нередко обращал внимание, когда приходил поиграть со своей дочерью. Однако он полагал, что это дочурка одной из придворных дам его супруги, которым было дозволено приводить своих детей в замок, дабы здесь они могли получить подобающее воспитание.

Дочь Моргана Бриони вместе с Сиони, младшей дочерью Сиворн, были заводилами в стайке малышек, беззаботно носившихся по саду. Риченда исподтишка кивнула Келсону, когда он со свитой подошел чуть ближе. Сама она со дня возвращения ко двору старалась не привлекать к себе особого внимания, опасаясь нарушить хрупкий мир, установившийся между ними с Джеханой, которая прежде всячески сторонилась герцогини-Дерини.

Тем временем Аракси вместе с «дядюшкой Шондри» подошли ближе к девочкам, которые с восторженным писком окружили старших. Те тут же приняли участие в игре и, изображая злобных хищников, принялись гоняться за крохами по садовым дорожкам, издавая ужасающий рев и рычание, и делая вид, будто вот-вот схватят их лапами с острыми когтями... к величайшему восторгу детишек.

— Папа! — взвизгнула Бриони, заметив Моргана, и стремительно метнулась к нему, едва не сбив по пути Эйриан, которая также бросилась в отцовские объятия.

Малышка Коналина упала, когда ее сшиб кто-то из девочек постарше, но Эйриан тут же остановилась, чтобы ее утешить, прежде чем крошка залилась бы слезами, и, рассмешив девочку, наконец подбежала к отцу.

— Папа, ты пришел поиграть со мной? — воскликнула Эйриан, потянувшись к Нигелю, и цепко обнимая его руками и ногами, когда он поднял ее, чтобы крепко поцеловать. — Я так по тебе соскучилась!

— Что, с самого завтрака? — изумился он, широко раскрыв глаза.

Дамы поднялись с места, завидев короля, а он с

тремя своими герцогами остановился в толпе мельтешащих, хохочущих детишек. Дамы, отложив вышивание, и дюжина их камеристок, тотчас присели в реверансах. Там же была и Ноэли, которая сидела рядом с матерью и будущей свекровью, а рядом с ней Ришель, и все они мило болтали за работой. Аракси, раскрасневшаяся после игры с детьми, остановилась и подхватила на руки Коналину, а затем вместе с ней и Дерри подошла поприветствовать Келсона.

— Доброе утро, кузен. А мы здесь гуляем с малышами и с удовольствием вышиваем наряды для второй свадьбы. Вы, похоже, собрались осмотреть новую часовню?

— Верно, — отозвался он. Разговор этот был продуман ими заранее специально для Нигеля... — Но почему же ты балуешься с этими прелестными созданиями, вместо того чтобы заниматься вышиванием? — спросил король и, наклонившись, поцеловал ручку Коналины, с поистине придворным изяществом.

— Мы сами выбрали Аракси! — гордо заявила Бриони, которую Морган по-прежнему держал на руках. — Мама сказала, что мы можем выбрать кого хотим из взрослых, чтобы она играла с нами и с дядей Шондри. Аракси веселая! Она делала вид, что стала злым львом! Амелии было страшно, но она ведь еще маленькая.

— Нет, не страшно! — выпалила Коналина, надув розовые губки.

— По-моему вид у нее не испуганный, — согласился Келсон и нагнулся, чтобы поцеловать также руку Эйриан, которая с довольным видом обнимала отца за шею. — Вообще, все эти юные леди мне кажутся очень отважными.

— Чистая правда, — согласилась Аракси. — На са-

мом деле, они были такими храбрыми, что я даже подумала, не заслужили ли они в награду сегодня небольшую особую прогулку, — и она с заговорщицким видом придвинулась ближе к мужчинам, стараясь включить в этот показной заговор и Нигеля. — Если честно, то больше всего на прогулку хотелось выбраться тем, кто постарше. Я как раз рассказывала девочкам о святом Камбере. Может, мы бы могли пойти вместе с вами взглянуть на часовню, пока матушка с придворными дамами занимаются вышиванием? Заодно они могли бы хоть на часок отдохнуть от малышей.

— Даже не знаю, — с сомнением покачал головой Нигель, на что его дочурка тут же недовольно нахмурилась. — Едва ли там подходящее место для детей, ведь в часовне идет строительство.

— Не совсем так, — бодро возразил Дугал и склонился, чтобы обнять младшую сестру Аракси, семилетнюю Сиони, которая подошла подарить ему цветок. — Насколько я слышал, все работы в здании уже завершены. Леса тоже разобрали, и сейчас там просто наводят порядок. К тому же и архиепископы будут в восторге. Кто мог бы устоять перед этими маленькими ангелами?

И он с улыбкой обнял Сиони. Дети, вообще, считали Дугала одним из своих любимцев. Тотчас Эйриан звонко чмокнула отца в щеку.

— Ну, пожалуйста, папа, возьми нас с собой, — взмолилась она. — Мы будем хорошо себя вести, обещаю! Мы будем держать кузину Аракси за руку и вести себя тихо, как мышки. Ну, пожалуйста, папа!

Морган, не выпускавший дочь из объятий, вопросительно покосился на Аракси, чья младшая сест-

ра с другой стороны дергала ее за рукав. Риценда также незаметно присоединилась к ним.

— Ну, пожалуйста, — умоляла Сиони, переводя горящий взор с сестры на Келсона. — Пожалуйста, государь, возьмите нас с собой!

— Всех четырех? — с сомнением переспросил Келсон.

Четыре головки закивали с серьезным видом, и четыре пары огромных глаз с мольбой воззрились на короля.

— Келсон, я не думаю, что... — начал было Нигель.

— Ну, почему же? Мы дадим им возможность узнать нечто очень важное, — возразил король. — Нашим детям давно пора побольше узнать о святом Камбере. Да и у нас самих там нет особых дел, кроме как просто пройтись и посмотреть по сторонам. Эйриан, ты обещаешь, что вы все будете хорошо себя вести, если мы возьмем вас с собой? Если станете баловаться, то в другой раз вас никто не отпустит.

Эйриан закивала со счастливой улыбкой.

— Ты слышишь? — спросила Аракси, легонько встряхнув Коналину. — Обещаешь, что будешь все время рядом со мной, и если тебе велят, то будешь держать других девочек за руки?

Коналина также кивнула, и Риценда с веселым смехом забрала Бриони у отца.

— Я тоже пойду с вами, Нигель, — заметила она. — Если девочки заскучают, то мы с Дерри и Аракси сможем отвести их обратно. Что может быть приятнее, чем прогулка в такой чудесный день?

Нигель возвел очи горе, чувствуя, что его обвели вокруг пальца, но пока не догадываясь, с какой целью и как сильно. С добродушной усмешкой он опустил дочь на землю, взял ее за руку и, простив-

шись с дамами, которые уже вернулись к вышиванию, устремился вперед по дорожке, к садовой калитке, и дальше, к длинной лестнице, что вела вниз к базилике.

Прежде чем выйти из сада, по примеру Сиони, остальные девочки также задержались, чтобы нарвать цветов, потому что Аракси объяснила им, что всегда, когда навещаешь дорогого друга, следует приходить к нему с подарками.

— Мы идем в гости к боженьке! — воскликнула Коналина, тряся кудряшками и глядя на Нигеля огромными серо-зелеными глазами. С сияющим видом она протянула ему пушистую розовую хризантему, сжимая стебель в пухлой ручонке. — Ему такая понравится?

— Думаю, что да, — заверил ее очарованный и совершенно обезоруженный Нигель.

Это был восхитительный летний день, не слишком жаркий, и девочки вели себя образцово, беззаботно болтая со взрослыми по пути в базилику. Их присутствие придало небольшой процессии праздничный вид, превратив ее в небольшое семейное торжество, и это зрелище вызывало улыбку у всех, кто встретился им на пути.

У входа в церковь их уже ожидал Дункан с обоими архиепископами и отцом Нивардом. Дети все без исключения обожали священника, и сейчас, едва завидев его, с цветами в руках устремились навстречу, обгоняя короля.

— О, что я вижу! — воскликнул он, присев на корточки и обнимая Бриони. — Спасибо! Похоже, к нам важные гости, не считая его величества.

— Мы принесли цветы для боженьки! — объявила

Бриони, протягивая слегка растрепанный букет маргариток.

— О, да! — восхитился Дункан. — Это была чудесная мысль. Я вижу, вы все пришли с цветами. Хотите преподнести их Богоматери, или, может быть, кто-то из вас хочет первой подарить букет святому Камберу?

— Я, я хочу! — воскликнула Эйриан и потянула отца за руку.

Остальные малышки также присоединились к ней.

— Давай, мы с Аракси займемся этим, пока вы осматриваете часовню, — предложила Риченда Келсону со смехом, в то время как Аракси пыталась утихомирить разошедшихся девчушек, строго грозя им пальцем.

— Сперва мы пойдем к Богоматери и подарим цветы ей, а затем совершим подношение и святой Хилари, это ведь ее церковь, вы знаете об этом?

Похоже, ей удалось наконец угомонить юных подопечных, и вскоре Риченда с Аракси удалились в гомоне счастливых детских голосов; Дерри отправился вместе с ними, оставив у входа в церковь Келсона и троих герцогов вместе с Дунканом, архиепископами и Нивардом.

— Они так просили взять их с собой, — с улыбкой пожал плечами Келсон. — Никогда нельзя отказывать детям, если они просятся в церковь. Надеюсь, они не станут нам слишком мешать.

Кардиель улыбнулся в ответ.

— Дети всегда желанные гости в Доме Божьем, государь. Как иначе они смогут узнать о Нем? Но пойдемте же, думаю, вам понравится то, что мы сделали.

В базилике царила восхитительная прохлада и полутьма, вдвойне желанная после ослепительного летнего солнца. Их шаги эхом отдавались на мраморном полу, когда они двинулись в северный придел под суровыми, но благосклонными взглядами святых, взиравших из каменных ниш и с витражей. Чуть не доходя до трансепта, одна из ниш оказалась открытой, переходя в сводчатый проход, временно отделенный от базилики свисающим полотнищем, чтобы не впустить внутрь пыль и шум строительства. Когда они подошли ближе, отец Нивард отдернул ткань.

Крохотная часовня оказалась сверкающим цветком простоты: стены ее были выложены светло-серым мрамором, а сводчатый потолок с нервюрами уходил ввысь, переходя в парящий купол. На белоснежном полу светло-серой плиткой был выложен рисунок лабиринта, который вел прямо к центру часовни, где крохотные золотые плитки изображали печать Святого Камбера, как в городском соборе, — ту самую, которая помогла Келсону открыть в себе магию Халдейнов в день коронации, почти семь лет назад. И хотя размерами эта часовня не превышала все остальные пристройки к базилике, но почему-то казалась куда более просторной, заполненной светом, что струился с обеих сторон из высоких окон, с витражами из светло-янтарного стекла. Келсон подумал, что сюда могут вместиться два или даже три десятка человек, если только потеснятся, — и один-единственный священник у небольшого алтаря близ восточной стены.

Келсон прошел на середину часовни, в восторге оглядываясь по сторонам, и остальные молча последовали за ним. Рабочие, которые полировали пол,

поспешили удалиться через боковую дверь, радуясь возможности передохнуть от своих трудов.

Часовня не была украшена никакими изваяниями. Зодчие также не стали повторять образы святого Камбера, которые были привычны в его эпоху; никакого упоминания о магии Камбера, но лишь о том, чего он достиг.

Единственным украшением часовни была мозаика на алтарной стене, изображавшая коронацию короля Синхила Халдейна Камбером Кулдским в день реставрации Халдейнов.

На голове у святого красовалась графская диадема, на нем была кольчуга и яркий, синий с красным плащ, меч на перевязи и корона Гвиннеда в протянутых руках, — ибо Камбер и впрямь короновал Синхила Халдейна, покончив тем самым с Междуцарствием Фестилов.

Коленопреклоненный король был в полных боевых доспехах и алом плаще Халдейнов, и стоял, скрестив на груди руки, вознося благодарность то ли Господу Богу, то ли человеку, который помог ему отвоевать эту корону.

И хотя все они, и король, и святой, и сама корона были окружены золотистым сиянием, слегка мерцавшим в лучах солнечного света, пробивавшихся через западное окно, изображение было сделано столь искусно, что оставалось неясным, является ли этот ореол метафорой или буквальной истиной, так что зрители могли делать собственные выводы, добился ли Камбер успеха благодаря магии Дерини, своему чутью царедворца, или действительно по воле Божьей.

А над мозаикой, повторяя рисунок свода, золотыми буквами была сделана надпись: *Sanctus Camberus,*

Salvator Domus Haldani, Defensor Hominum, Ora Pro Nobis. Святой Камбер, спаситель рода Халдейнов, защитник человечества, молись за нас...

— По-моему, получилось неплохо, — заметил Дункан, когда Келсон, наконец, вдосталь налюбовавшись, обернулся к нему с одобряющим видом. — Очень изящно... чтобы никого не напугать. А понимающие люди смогут догадаться сами. — Он огляделся по сторонам. — Рабочие уже заканчивают с полом. Понадобится только последняя уборка, чтобы вымести пыль, и все такое. Так что мы закончим в срок. Надеюсь, ты доволен?

— Доволен? Да я в восторге! — воскликнул Келсон, оглянувшись на Моргана с Нигелем, а затем взглянув на архиепископов в поисках поддержки. Все они закивали с улыбками. — Именно так я себе и представлял. На это и надеялся. Но скажите, не было ли никакой досужей болтовни? Многим ли известно, что мы здесь затеяли?

Архиепископ Браден развел руками.

— Я рад, что вам понравилось, государь. Что же касается людей, то мы постарались подготовить их за время вашего отсутствия... И ваш успех в Торенте немало помог делу. А то, что первая часовня открылась именно здесь, а не в кафедральном соборе, было совершенно разумно, поскольку таким образом люди смогут понемногу привыкать к новому положению вещей... И надеюсь, встретят его без обид и враждебности. Разумеется, какие-то слухи в городе ходят, не без этого, однако в открытую возражать никто не пытался. Разумеется, мы освятим ее в частном порядке. Похоже, Дункан подготовил что-то необычное.

Келсон с широкой улыбкой воззрился на Дунка-

на, который с невинным видом возвел голубые глаза к небесам, а затем пожал плечами.

— Ну, все будет чуть иначе, чем обычно, — наконец, признался он. — Леди Росана объяснила мне, какой Служители хотели бы видеть эту церемонию.

— Вот это любопытно, — промолвил Келсон. — И, надеюсь, что они и впредь не оставят нас своими советами... Потому что именно здесь я намереваюсь основать первую деринийскую школу за два столетия, — добавил он, с удовольствием заметив, что обоих архиепископов эта новость лишь приятно удивила, не вызвав отторжения. — Так что сегодня мы пришли сюда еще и ради этого. Я подумал, что смогу осмотреться на месте. Дункан пока посвятит вас во все детали. А часовня великолепна. Я очень, очень доволен.

Еще пару минут они посвятили внимательному осмотру часовни, после чего Дункан предложил им вернуться в базилику. Оба архиепископа последовали за ним, в то время как Риченда с Аракси привели в часовню девочек, которые успели нарвать свежих цветов в монастырском саду. Келсон чуть задержался, а с ним и Морган с Дугалом, так что у Нигеля не осталось иного выхода, как последовать их примеру.

— Мы немного прошлись по саду, — пояснила Риченда, со смехом глядя на четырех девчушек, которые с цветами направились к алтарю. Сиони что-то с жаром объясняла им, показывая на мозаику, изображавшую святого Камбера и короля Синхила... — Нам стоило большого труда не дать им оборвать все цветы на клумбах местного садовника. После того, как они одарили Богоматерь, святую Хилари и еще нескольких святых, у них почти ничего не осталось

для Камбера... И я подумала, что нам стоит чуть задержаться и дать вам больше времени.

— Папа, я не могу дотянуться! — воскликнула Эйриан, пытаясь положить свои цветы на алтарь рядом с букетом Сиони.

Нигель тут же поспешил на помощь дочери, а Морган и Аракси взяли на руки Бриони и Коналину.

— Кто мне скажет, что тут изображено? — обратилась Аракси к детям, поднимая Коналину повыше, чтобы показать ей мозаику.

— Святой Камбер! — отозвались они хором.

— И король Синхил! — зазвенел голосок Эйриан. — Пра-пра-прадедушка моего папы! Его короновал Святой Камбер. Видите? Дядя Келсон, это твоя корона?

— Все может быть, — отозвался тот, подходя ближе. — И, разумеется, если бы святой Камбер не помог моему пра-пра-прадедушке, то сегодня у меня вообще не было бы никакой короны.

В этот момент малышка Коналина развернулась у Аракси на руках и протянула Нигелю цветок.

— Дашь этот цветок святому Камберу? — спросила она.

— Ну, конечно, — отозвался Нигель с любезной улыбкой. — Буду весьма польщен. Благодарю тебя, Алелия.

И когда он положил цветок на алтарь, то она принялась вырываться из объятий Аракси, чтобы та опустила ее рядом с Эйриан. Та с громким возгласом: «Еще цветов!» устремилась к двери, ведущей в сад.

— Святому Камберу уже хватит! — воскликнула Риченда им вслед, и Дерри тут же устремился за де-

вочками. — Но почему бы вам не нарвать цветов для ваших мамочек? Они были бы очень рады...

С этими словами они с Дугалом также вышли из часовни, чтобы проследить за детьми, а внутри остались лишь Аракси, Келсон, Нигель и Морган. Все четверо не спеша двинулись к выходу. На губах у Нигеля по-прежнему играла смущенная улыбка. Аракси покосилась на Келсона, затем тронула Нигеля за руку.

— А ведь это ваша внучка, вы знаете? — промолвила она негромко.

Растерянно заморгав, Нигель в изумлении обернулся к ней.

— Что?

— Это ваша внучка, — повторила Аракси, в упор глядя на него серыми глазами, не с вызовом, но просто утверждая этот факт. — И, думаю, что теперь уже ясно: эта малышка — необходимая часть вашей жизни. Она обожает вас, Нигель. Пожалуйста, не надо из-за ошибки Конала лишаться в жизни такой радости.

Нигель безмолвно воззрился на нее, с трудом сглотнул, затем с обвиняющим видом обернулся к Келсону.

— Это ты меня подставил! — объявил он с упреком.

Келсон лишь покачал головой с улыбкой.

— Неправда... Хотя и сожалею, что это был не я.

— Но как...

— Об этом тебе придется спросить мою мать и свою супругу... а также сына, — пояснил Келсон. — Пока я был в отъезде, они отыскали мать малышки и привезли их обеих в замок. Эйриан было очень одиноко, ведь братья намного старше нее, поэтому

тетушка Мерауд решила, что будет неплохо, если они с вашей внучкой станут играть вместе.

— Ее мать очень милая, Нигель, — продолжила Аракси. — Больше никто при дворе не знает, кто она такая... Если не считать, конечно, Рори. Она обучается вышиванию, и Мерауд к ней очень привязалась... Впрочем, как и все, кто с ней знаком. Амелия — второе имя Коналины. Если так вам будет легче принять ее, то мы все готовы пойти на эту уступку. — Она немного помолчала. — Но разве сможете вы жить дальше, зная, что навсегда лишились общества этой очаровательной малышки? Не достаточно ли всем нам страдать за ошибки Конала? Вы можете покончить с этим, вам следует сказать лишь слово.

Нигель молча отвернулся от них и склонил голову. Келсон едва осмеливался вздохнуть, и Морган с Аракси также притихли. Чуть погодя, Нигель дрожащей рукой взял с алтаря цветок, который дала ему Коналина, и когда он поднес его к лицу, чтобы вдохнуть аромат, на глазах у него выступили слезы.

— Боже правый, что же мне делать? — прошептал он. — Где-то в глубине души я сержусь, что вы обманом заставили меня полюбить ее... Но в то же время я радуюсь, что она не просто милый ребенок, а моя собственная внучка!

Келсон по-прежнему не решался заговорить, даже когда Нигель обернулся к нему и встретился с королем взором. Но герцог словно и не видел никого вокруг себя. Вновь положив цветок на алтарь, словно в трансе, он двинулся к выходу из часовни.

Стоя в дверях, они могли видеть Риченду, Дугала и Дерри, которые шли мимо цветочных клумб вместе с Коналиной и девочками, следя за тем, чтобы малышки не оборвали все цветы в саду. Нигель сделал

несколько шагов вперед, остановился, а потом медленно, но уверенно направился к своей внучке, и Морган бросил на Келсона радостный взгляд, а затем оставил его наедине с Аракси, которая с довольным видом взяла короля под руку.

— Ты добилась своего, — шепнул Келсон, глядя на нее с восхищением. — А если он примет Коналину, то примет и Альбина. Это лишь вопрос времени.

С довольной улыбкой она на мгновение коснулась щекой его плеча.

— На самом деле, это все тетушка Мерауд и твоя мать, — промолвила она. — Но признаюсь честно, что помогать им в этом заговоре было ужасно забавно... Даже лучше, чем притворяться невестой Куана. Должна признать, что ты собрал великолепную армию из женщин, готовых помогать тебе за кулисами. Похоже, мне очень понравится быть твоей королевой...

— В самом деле? — со смехом отозвался Келсон. Но ее слова доставили ему куда больше удовольствия, чем он смел бы мечтать. — Думаю, мне тоже это будет в радость.

А чуть поодаль в саду Нигель присел на корточки, о чем-то беседуя с Коналиной, которая вновь протянула ему цветок. На лице у Нигеля застыло выражение совершеннейшего блаженства.

* * *

К тому времени, как король со свитой обошли все пристройки к базилике, и они с Аракси вместе с Морганом и Дугалом вернулись в замок, Нигеля нигде не было видно. Он проводил Риченду и Дерри, которые отвели назад детей, держа за одну руку Эйриан, а за другую Коналину, но теперь дворцо-

вый сад пустовал. Дамы разошлись по своим покоям, дети отправились спать, а Мерауд также куда-то исчезла, — хотя Джехана тут же явилась на зов сына, когда он послал за ней.

— У Нигеля был необычайно счастливый вид, когда они вернулись, — сообщила мать Келсону с улыбкой, когда он осведомился, куда исчезли его тетушка и дядя. — Он отвел Мерауд в сторонку, что-то начал ей говорить, она засмеялась и крепко обняла его, а затем они вдвоем скрылись в ее покоях. Вид у них при этом был словно у новобрачных. Так что я догадалась, что внучка пришлась ему по душе.

— Да он был просто очарован! — радостно воскликнула Аракси. — И все благодаря вам с тетушкой Мерауд. Спасибо, тетя Джехана!

Королева с улыбкой склонила голову.

— И спасибо *тебе*. — Она взглянула на Келсона. — Теперь будет проще решить вопрос с Альбином?

— Надеюсь, что да, — отозвался он. — Однако, даже если Нигель согласится, нам еще нужно переубедить Росану. Она приедет через пару дней.

— Тогда нам лучше подготовиться заранее. Это будет Коналина или Амелия?

Келсон покачал головой.

— Не знаю, пусть он сам решает. Когда происходит чудо, о подробностях не спрашивают. Мне все равно, как он станет называть малышку, лишь бы он принял ее... И Альбина.

— Думаю, он примет их обоих, — заверила Келсона Аракси. — И, по-моему, я уже придумала, как нам убедить Росану. — Взяв Келсона за руку, она улыбнулась. — Так что доверьтесь мне. Все будет в порядке.

Глава тридцать первая

Делают засаду для их крови и подстерегают их души[1]

О некоторых событиях этого дня смогла узнать и наблюдавшая за происходящим из далекого Торентали заклятая ненавистница Гвиннеда принцесса Мораг Фурстана. Мать нового владыки Торента с глубоким вздохом разорвала ментальную связь, которую устанавливала через железное кольцо на левой руке, и отвернулась от ониксового зеркала, где отражались далекие образы.

Она поймала себя на том, что испытывает симпатию к злосчастному Шону, лорду Дерри, который носил точно такое же кольцо. Более того, наблюдая его глазами за гвиннедским двором, она понемногу стала убеждаться, что во многом относилась предвзято к западным соседям Торента. И в частности, заблуждалась относительно Халдейнов.

Келсон Гвиннедский, несмотря на молодость, оказался умеренным и справедливым монархом, наделенным живым умом и чувствительностью; его уважали и любили все вокруг... По крайней мере, все те, с кем был знаком Дерри. Герцог Нигель Халдейн, дядя короля, которому пел хвалу сын Мораг, и

[1] Притчи 1:18

впрямь оказался благородным и любезным рыцарем.

Юный Дугал Маклайн, близкий друг и постоянный спутник короля, возможно, не отличался изысканными манерами торентских придворных, но зато был честен и предан своему другу, и, похоже, не страдал от чрезмерного честолюбия. Даже ненавистный Морган, которого Мораг винила в гибели своего мужа и брата, теперь представал ее взору как человек вполне достойный.

Имелось также и весьма любопытная фигура Аракси Халдейн, племянницы Хорта Орсальского и кузины Келсона, которая проводила с королем все больше времени.

Дерри был твердо убежден, — хотя никто еще не сделал публичного заявления, — что именно на ней Келсон намерен жениться.

Тем временем сестра Аракси выходила замуж за наследника меарского престола, — если бы у Меары по-прежнему был престол, — а сестра жениха оказалась помолвлена с сыном герцога Нигеля, Рори. Дерри был свидетелем помолвки сегодня утром и принимал участие в организации свадебных торжеств.

— Свадьбы, свадьбы и, возможно, — еще свадьбы, если, конечно, верны все эти домыслы насчет Келсона... — Мораг предвидела любопытнейшее развитие событий, гадая, как лучше повернуть эту информацию против Гвиннеда... Гадая стоит ли, вообще, продолжать эту войну и делать *что-либо* во вред Гвиннеду... когда внезапно у нее за спиной вспыхнула энергия в ее личном Портале.

Она тут же вскочила, ибо прямо перед ней оказался Теймураз, с независимым видом поглядывавший на Мораг.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела она, проклиная все на свете за то, что не догадалась закрыть Портал для посторонних. Но ей и в голову не могло прийти, что он осмелится вернуться в Торентали.

Теймураз склонил голову.

— Я пришел оправдаться. Я не мог пойти ни к Лайе, ни к Матиасу. Лайе слишком хорошо охраняют, а Матиас не согласился бы выслушать меня.

— А с какой стати ему тебя слушать после того, что случилось на *киллиджалае*? И почему должна тебя слушать *я*? Ты помогал Махаэлю, который пытался убить моего сына!

— О, дорогая, дорогая супруга моего брата! Поверь, я не думал, что он обернется против Лайе. Мы хотели убить Келсона Гвиннедского... По крайней мере, меня убедили именно в этом. И Матиаса тоже. С этой целью мы и заманили Келсона в купол Скользящей Защиты... Но затем Махаэль с Бранингом напали на Лайе, — и на вас с Роналом-Руриком, — я увидел их предательство и поспешил объединиться с вами против них.

Это была надуманная ложь, имевшая лишь слабое касательство к истине, — и она точно знала, что это ложь, — но ей было любопытно, как далеко он сможет зайти.

— Если это правда, брат моего мужа — что ты верен моему сыну, — то почему же ты сбежал?

Теймураз, хмыкнув, вышел из Портала и, взяв со стола бокал, с любопытством посмотрел на ониксовое зеркало, что стояло на другом конце стола, а затем наполнил бокал из кувшина зеленого стекла.

— К тому времени мне стало ясно, что Матиас заключил союз с Келсоном Гвиннедским. Я боялся, что они убедят Лайе, будто я предал его.

— Неужто ты так сомневаешься в своем падишахе? — возразила она. — Никакие лжесвидетельства не могут оспорить слово честного человека.

— Наш возлюбленный падишах, твой сын, был осквернен пребыванием на Западе, — ледяным тоном отрезал Теймураз и, даже не пригубив, опустил на стол бокал. — Теперь он слишком испорчен, чтобы стать истинным Фурстаном. Уж лучше попытаться снизить потери, обойти Лайема-Лайоса и возвести на трон Ронала-Рурика.

— Или тебя самого? — возразила Мораг. — После смерти Махаэля ты стал наследником престола, следующим после Ронала-Рурика, если у него не будет наследников. Махаэль убил моего старшего сына... И теперь я подозреваю, что ты тоже был в этом замешан. Теперь ты предлагаешь, чтобы я одобрила и второе убийство. Но что помешает тебе уничтожить и третьего сына?

— Тогда возьми корону сама, — прошептал Теймураз, ладонями опираясь о стол и придвигаясь ближе к Мораг. — И дай жизнь другим сыновьям. Ты будешь восхитительной королевой... Императрицей, если пожелаешь. Ни одна женщина не может править Торентом, однако, по династическому закону Фестилов, женщина *может* править Гвиннедом... А потом она покорит и Торент. Даже сейчас ты можешь объявить себя номинальной королевой Гвиннеда, если такова будет твоя воля. Возьми же то, что принадлежит тебе по праву! Мы с тобой могли бы править империей, объединившей все Одиннадцать Королевств!

— Ты обезумел, — сухо констатировала она. — Почему я, вообще, слушаю этот бред? Неужто ты и впрямь веришь, что я способна повредить своим сы-

новьям или позволить тебе сделать это? И ради чего? Чтобы править бок о бок с тобой? — Она горделиво выпрямилась. — Торентом правит мой сын, Теймураз, и за ним придут его сыновья, а если с ним что-то случится, то у меня останется младший сын — и родятся сыновья у *него*!

— А тем временем, — обманчиво ласковым тоном возразил Теймураз, — Халдейн и мой младший братец-предатель одолеют их обоих, свяжут добрыми словами и чуждыми мыслями, и предательскими полуправдами, и Торент изменится навсегда, и уже не будет таким, как прежде. Неужто ты не понимаешь, что этому нужно положить конец?

— Ты и впрямь безумен, — выдохнула она, впервые ощутив страх, ибо лишь сейчас осознала, что роковым образом недооценила Теймураза и, скорее всего, у нее не останется времени ударить его своей магией, прежде чем он нанесет смертельный выпад.

И все равно она метнулась прочь, так, что зазвенели крохотные золотые колокольчики на шее и в ушах, — к двери, к Порталу, — куда угодно, лишь бы подальше от его ядовитого присутствия. Но он двинулся вслед за ней. Перевернув стол, успел схватить Мораг за запястье и рывком дернул ее к себе, как возница щелкает бичом. А затем, стиснув ее голову руками, сделал резкий поворот...

Последнее, что слышала Мораг, это хруст своей ломающейся шеи, но последнее, что она ощутила, это беспощадный напор его разума, ворвавшегося в сознание женщины, разрывающего на части... Ослепительная вспышка, болью пронзившая ее до самых глубин существа, лишая рассудка и ввергая в бесконечную агонию, которая длилась... и длилась... и длилась...

Он наслаждался своим торжеством. Голова Мораг бессильно болталась, словно у сломанной куклы. Свет и жизнь стремительно уходили из раскрытых глаз...

Он нежно прижал ее обмякшее тело к себе, как человек стискивает в объятиях возлюбленную, — одной рукой поддерживая за спину, другую запустив в волосы, — и сосредоточившись, продолжил разрывать в клочья ее угасающее сознание. Ему было горестно, что она заставила его сотворить такое... Ибо Мораг была красивой и сильной женщиной.

Но сила была столь сладостна, а новое знание влекло неудержимо, — он и мечтать не мог, что она владеет такими тайнами, а теперь они станут ключом к его успеху...

— Ты должна была стать на мою сторону, жена брата, — прошептал он, когда все было кончено, и опустил ее на пол, рядом с лужицей вина, растекшегося по бесценному бутарскому ковру. — Но, боюсь, теперь ты уже не сможешь пожалеть об этом решении.

Присев на корточки рядом с безжизненным телом, он развернул ее голову так, что казалось, будто она просто спит, и прикрыл лицо пурпурной королевской вуалью. Лишь тогда он снял с ее пальца тяжелое железное кольцо, — кольцо Венцита, которое он так хорошо помнил. Теймураз давно гадал, что же сталось с ним.

Он сжал кольцо в кулаке, затем с улыбкой поднялся и подошел к потайному шкафчику, скрытому за роскошным везаирским гобеленом, давя осколки стекла под сапогами. Замок и магическая защита уступили перед напором, и Теймураз негромко при-

свистнул от изумления, проводя рукой по фолиантам в кожаных переплетах.

— Так значит вот, жена брата, что стало с заметками Венцита... И все эти годы ты таилась от меня!

Он вытащил книги из потайного хранилища и жестом собственника прижал их к груди, а затем двинулся к Порталу, бросив прощальный взгляд на распростертое тело рядом с перевернутым столом.

— Передай привет моим братьям в преисподней, дражайшая Мораг, — произнес он вслух. — И скажи им, что очень скоро я постараюсь прислать им еще одного...

* * *

Тело обнаружили лишь поутру, когда слуги Мораг явились, дабы приготовить ванну и легкий завтрак своей госпоже. Их вопли привлекли стражников, которые тут же опечатали комнату. Четверть часа спустя там появился Матиас, которого спешно вызвали из Белдора; а вскоре на зов дяди поспешил и Лайем-Лайос в сопровождении телохранителей.

— Но кто же мог сотворить такое? — прошептал Лайем, заглядывая в апартаменты матери.

Там находился визирь и двое старших офицеров, которые сидели на корточках рядом с телом матери, в то время как четвертый человек в белоснежном одеянии, прижав пальцы к вискам Мораг, пытался прочитать ее предсмертные воспоминания. На другом конце комнаты Матиас, изучавший Портал, ненадолго отвлекся и вышел навстречу Лайему, велев стражникам оставаться снаружи, а затем закрыл дверь.

— Вне всякого сомнения, это был Теймураз, государь, — промолвил он негромко. — Я сделал все не-

обходимое, чтобы он не мог вернуться тем же путем, однако теперь мы точно знаем, что у него есть доступ к какому-то неизвестному нам Порталу. Я уже послал Януса Сократа и Амори Макрори, чтобы они установили ловушки на других Порталах в Белдоре, начиная с того, что расположен в королевских апартаментах.

— Я встретил их по пути сюда, — кивнул Лайем через силу. Скорбь накрыла его своим серым покрывалом... Он обернулся взглянуть на мать. — Она очень страдала?

— Физически, нет, — отозвался Матиас. — Ей сломали шею. Смерть наступила мгновенно.

— Но он уничтожил ее разум, — возразил Лайем сквозь стиснутые зубы.

— Боюсь, что да, — подтвердил Матиас. — Я не в силах лгать тебе.

— Я бы и не желал лжи, даже во спасение... — Лайем вздохнул. — Ты должен сообщить о случившемся епископу Арилану и лорду Азиму... Пусть они известят короля Келсона. Если уж Теймураз стал убивать собственных родичей, одному Богу известно, на что он еще способен. Теперь я не сомневаюсь, что он причастен к смерти моего брата. Я и раньше подозревал это, но не верил, что он на такое способен... Хотя это было еще до предательства Махаэля.

Он окинул взглядом комнату, пытаясь вообразить, как бы поступил на его месте Келсон — или герцог Нигель, — стараясь *не думать* о той, чье тело лежало здесь, посреди осколков разбитого стекла.

— Что-нибудь пропало отсюда? Мы можем определить?

— Среди женских безделушек... кто может сказать наверняка, — пожал плечами Матиас. — Это ведь бы-

ли ее личные покои. В стене — открытый потайной шкафчик, вон там, за гобеленом, но мы не знаем, что в нем хранилось. Надо будет расспросить слуг. Я пытался по следам в Портале определить, куда мог направиться Теймураз, но безуспешно. Увы, но боюсь, что больше мы ничего сделать не сможем.

Бездумно кивнув, Лайем отошел к окну, забранному решеткой, и принялся смотреть на переплетения медных пластин, лбом и ладонями упираясь в деревянный каркас, удерживающий стекло на месте. Немного погодя, покосившись на мага в белом одеянии, который по-прежнему трудился над телом Мораг, Матиас неслышно подошел к племяннику и молча обнял его за плечи.

— Скажи, дядя, — шепотом обратился к нему юный король. — Заслуживает ли страна спасения, если она порождает таких людей, как убийца моей матери... И прямо в нашем семействе! Возможно, я слишком долго прожил в Гвиннеде, но теперь торентцы представляются мне народом убийц. Страницы нашей истории изобилуют цареубийствами, и братоубийствами, и отцеубийствами, и прочими примерами, когда родичи убивают друг друга. Как могу я править такими людьми, когда не в силах навести порядок даже в собственном доме!

Он с трудом подавил рыдания, закрывая в ладонях лицо, и плечи содрогнулись от невыносимой скорби, — в один миг из всемогущего владыки древнего королевства он превратился в четырнадцатилетнего подростка, скорбящего по покойной матери. Матиас не нашелся, что ответить на это и, сдерживая собственную печаль, попытался дать племяннику то утешение, на которое был способен, опустив свои ментальные защиты и даруя Лайему исцеляющее

прикосновение собственного разума. Затем, когда тот немного пришел в себя, Матиас, укрывая мальчика от взглядов людей визиря, отвел его в соседнюю комнату, где тот мог скорбеть в одиночестве.

Глава тридцать вторая

Но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый[1]

Келсон узнал об убийстве Мораг ближе к полудню, когда собирался ехать в собор вместе с Дугалом, Морганом и Дерри. Этот последний был особенно рад состоять в королевской свите и еще больше доволен тем, что остается в Ремуте. Ему не доставила никакого удовольствия поездка в Торент, — и особенно способ, каким они оттуда вернулись! — ибо там ему пришлось лицом к лицу столкнуться со старыми страхами, оставшимися после пыток в плену торентского короля.

Но, по счастью, ничего тревожного там не произошло. И, главное, в этом путешествии он выполнял обязанности оруженосца Моргана, что всегда было для него огромной радостью, ведь именно с этого он начинал свою службу у Моргана, познакомившись с ним в тот самый день, когда отец Келсона произвел Аларика в рыцари, — но с тех пор многое изменилось, и он редко мог послужить своему господину в прежнем качестве. Однако в Белдоре, а те-

[1] Притчи 5:4

перь и в Ремуте, Дерри вновь с удовольствием вернулся к своим былым обязанностям.

Помогая конюху придержать лошадь Моргана, чтобы тот мог сесть в седло, Дерри подумал невольно, что предпочел бы вести более насыщенную событиями жизнь, нежели та сельская идиллия, в которой он пребывал последние годы. Его обязанности в Короте были куда более ответственными, — но и более скучными. Ведь там он всего лишь занимался управлением герцогством во время частых и продолжительных отлучек своего господина. В первые месяцы после женитьбы Моргана на леди Риченде, Дерри и еще несколько доверенных лиц из свиты Моргана всячески поддерживали новую герцогиню, которая, будучи Дерини и вдовой предателя, а также матерью герцогского пасынка, который мог бы впоследствии претендовать на не принадлежащее ему наследство, оказалась в очень непростом положении и чувствовала себя чрезвычайно одинокой. Очень скоро Риченда стала воспринимать Дерри как младшего брата, и он стал «дядюшкой Шондри» для ее сына, а потом и для детей Моргана. Ни словом, ни действием ни сам Морган, ни близкие ему люди не винили Дерри в том, что он сотворил по принуждению Венцита Торентского семь лет назад, и никто из окружающих даже не подозревал, что ментальные установки, оставшиеся в его сознании, были возрождены, а затем вновь утратили силу со смертью Мораг Торентской...

Дерри также вскочил в седло и подъехал к королю и обоим герцогам, готовясь выехать из замка, когда к ним по ступеням стремглав бросился отец Нивард.

— В Торентали убийство! — воскликнул он, хватая Келсона за стремя.

— Неужели...

— Нет, не Лайем и не Матиас, — поспешил заверить Нивард, в то время как спутники короля подъехали ближе, чтобы услышать новости. — Мораг!

— Мораг?! — повторил ошеломленный Келсон.

— Подробностей не знаю, — прерывающимся голосом пояснил Нивард. — Слава Богу, я успел вас застать. Епископ Арилан с принцем Азимом ожидают в библиотеке.

Все они тут же спешились, оставили лошадей конюхам и вернулись в замок, а Келсон послал Дерри за Нигелем. В комнате рядом с библиотекой, у Портала, через который они явились сюда с Ариланом, Азим сухо изложил все, что было ему известно. Он едва начал рассказ, когда появился Нигель, в то время как Дерри с отцом Нивардом остался дожидаться в библиотеке, не желая вновь подвергать себя такому испытанию и проходить через магическую Вуаль.

— Нет никакого сомнения, что убийство совершил Теймураз, — но мотивы его неясны, — заключил, наконец, Азим. — Возможно, это месть, либо внезапное решение. Там повсюду остались следы борьбы. Должно быть, он тряс ее, как собака пойманную крысу, ибо шея у нее переломилась, точно тростинка. Однако такая смерть — это лучший способ, чтобы облегчить поглощение чужих воспоминаний.

Келсон заставил себя несколько раз медленно вздохнуть, чтобы не думать о последних мгновениях жизни Мораг. Уничтожение чужого разума путем поглощения памяти было одним из самых ужасающих деяний, которому не имелось оправданий. По-

рой это происходило случайно, когда человек вступал в контакт с другим, применяя слишком большую силу и не имея над ней достаточного контроля. Порой это делали по необходимости, как Лайем, когда старался отнять принадлежащую ему магию у Махаэля. Однако намеренное уничтожение разума считалось преступлением среди Дерини.

— А с практической точки зрения? — спросил у Азима Келсон, бросив взгляд на своих спутников. — Какие могут быть последствия, если Теймураз теперь владеет всем, что было известно Мораг? Я знаю, что даже помимо воли у любого человека можно извлечь информацию, если точно знать, что ищешь. Насколько я знаю, Венцит сам обучал сестру... И хотя известно, что женщин-Дерини обучают тому же, что и мужчин, по собственному опыту я могу сказать вам, что она была очень, очень сильна. Означает ли это, что теперь Теймураз имеет доступ ко всему, что дал ей Венцит?

— Не могу ответить точно, — промолвил Азим. — Теоретически, имея твердое намерение и соответствующую подготовку, возможно поглотить чужую память и знания, по мере того, как они поступают из сознания субъекта. В очень малом масштабе это может быть осуществлено без ущерба для отдающего и для того, кто воспринимает информацию; мы делаем это всякий раз, когда вступаем в мысленный контакт. Я даже слышал, что древние обладали способностью и умением воспринимать всю память и знания умирающего мага, дабы передать это наследие будущим поколениям.

Все они, как зачарованные, слушали принца.

— Но когда воспоминания отнимают, уничтожая сознание таким образом, будь то намеренно или слу-

чайно, то у того, кто совершает это, нет ни времени, ни возможности для плавного перехода, — продолжил Азим. — По природе своей, это акт чрезвычайной жестокости. Поэтому большая часть того, что получил Теймураз, будет для него совершенно бесполезна. Повседневные мысли и бытовые воспоминания любого человека ни для кого больше не представляют интереса, даже если таким человеком была Мораг. Вот почему теперь он должен будет потратить немало времени, чтобы просеять и отделить шелуху, прежде чем сможет использовать украденные знания. Если же он этого не сделает, или хоть немного помедлит, это неминуемо приведет к безумию. Я не думаю, что он действует наобум, без всякого плана. Слишком уж он далеко зашел, и слишком многим рискнул. Теперь он может позволить себе подождать.

— Ты хочешь сказать, что у нас тоже есть время для передышки? — спросил Арилан.

Азим кивнул.

— Думаю, да, если нам повезет... Хотя, конечно, до конца я не уверен. Многое будет зависеть от того, какие силы его поддержат. Матиас знает некоторых из возможных союзников Теймураза, — и на политической арене, и в области магии, — однако трудно утверждать что-то с уверенностью. Нам точно известно лишь одно: он имеет доступ к какому-то Порталу. Мой орден уже начал поиски во всех известных нам местах, — некоторые из них, вероятно, знакомы и Теймуразу. Прошла уже неделя, как он отплыл из Сазиля, — так что причалить к берегу он мог где угодно, однако в Гвиннеде и дальше на Востоке очень немного Порталов, и он едва ли знает их местонахождение. Стало быть, вероятно, он двинулся на

юго-запад, возможно, вдоль берега Бремагны, направляясь в какую-нибудь дружескую гавань, откуда рассчитывал добраться до Портала.

Келсон пал духом, вообразив себе бесконечные мили побережья, протянувшиеся к югу от моря. Отыскать Теймураза теперь представлялось ему куда более сложной задачей, чем поначалу.

— И что же теперь? — спросил он. — Велик ли риск для Лайема? И как он держится, ведь он только что потерял мать?

— Он Фурстан, и в детстве ему многое довелось пережить, — сочувственно отозвался Азим. — Но Матиас не покидает его, а также многие другие верные сторонники. И я тоже буду рядом. Не тревожьтесь о нем, ведь вы уже не его сюзерен.

— Но я всегда останусь его *другом*, Азим, — возразил Келсон. — Поэтому я не могу не тревожиться о нем, и о Матиасе, и об их народе.

Азим красноречивым восточным жестом склонил голову в знак согласия.

— Я никогда не сомневался в этом, государь, но вы должны позволить ему стоять без поддержки или пасть самому, на своей собственной земле... Ибо она и есть то, ради чего подлинный король, если понадобится, должен отдать жизнь. Если он не способен сделать это, то Торент никогда не станет его настоящим владением.

Келсон отвел глаза, сознавая правоту Азима.

— Тогда, пожалуйста, передайте ему мои соболезнования по поводу смерти матери, — церемонно произнес он. — И скажите, что если я могу оказать хоть какую-то помощь, ему стоит лишь попросить.

— Думаю, он это знает это, сир. — сказал Азим.

* * *

После того, как Азим с Ариланом исчезли в Портале, Келсон и его спутники также покинули комнату рядом с библиотекой через проход, закрытый магической Вуалью. Коротко пересказав Дерри и отцу Ниварду их разговор с Азимом и поделившись своей тревогой за Лайема, и за то, как повлияют все эти события на Торент, Келсон попросил Ниварда отслужить молебен за упокой души Мораг в течение трех ближайших дней.

Щадя чувства Дерри, который болезненно относился ко всему исходящему от Дерини, он не стал вдаваться в подробности смерти Мораг, которые, несомненно, были бы любопытны для Ниварда, но он попросил Дугала чуть позже сообщить священнику обо всем, — а также известить своего отца, поскольку Дункана также необходимо было ввести в курс дела.

Из-за этих неожиданных известий, а также из-за прибытия в Дессу тралийского корабля, Келсону пришлось изменить свои первоначальные планы и отказаться от поездки в собор. Добрых полдня он провел со своими советниками, а затем был вынужден вечером играть роль гостеприимного хозяина, ибо день двух свадеб стремительно приближался, и с каждым днем прибывали все новые и новые гости.

Не смог он выбраться из замка и на следующий день, поскольку с утра был вынужден присутствовать на заупокойной мессе по Мораг, а затем заниматься рутинными обязанностями по подготовке грядущих торжеств. Сэйр Трегернский тем временем доставил из Дессы груз, прибывший с тралийским кораблем, — как и было договорено, там находилось все, что нужно для свадьбы. С этим же судном вернулись в Ремут гвардейцы, сопровождавшие короля в То-

рент, а также Иво Хепберн, второй из оруженосцев Келсона. Поэтому вместо себя король отослал к архиепископу Брадену Моргана с Ричендой и Аракси, дабы они передали пожелание короля разместить Служителей святого Камбера не в епископском дворце рядом с собором, а в пристройке к базилике; после чего Моргану надлежало отдать все необходимые распоряжения в самой базилике и вернуться в замок.

Еще прошло не так много времени, чтобы он мог помочь Лайему с Матиасом чем-то конкретным, однако известие о жестоком убийстве Мораг лишь подчеркивало необходимость установления деринийской школы под покровительством Короны. События последнего месяца ясно показали, что деринийская магия способна подпитывать честолюбие безжалостных людей, и лишь знание и ответственное обучение использованию магии, — особенно в благих целях, — могли противостоять хаосу, воцарившемуся ныне в Торенте.

Глава тридцать третья

Пойте Господу, святые Его, славьте память святыни Его[1]

Служители святого Камбера, числом дюжина и еще один человек, въехали в крепостные ворота Ремута вечером, накануне освящения новой часовни. С ними прибыла и Росана с сыном, — впрочем, еще нескольких Служителей сопровождали дети. Эту ночь Росана с Альбином провели в покоях, отведенных им при базилике, хотя обычно она останавливалась в замке, не желая лишать Мерауд удовольствия увидеться с внуком, несмотря на то, что отношения Росаны и Нигеля по-прежнему омрачало чувство вины, которое оба они испытывали из-за деяний отца мальчика.

Келсон был рад узнать об их приезде, но не стал пытаться сразу увидеться с Росаной, поскольку уже продумал совсем иную, неожиданную для нее стратегию, — по крайней мере в том, что касалось ее сына. Она будет рада услышать, что он и впрямь намерен жениться на Аракси; но ее намерения по отношению к Альбину оставались последним камнем преткновения между ними. И вместо того, чтобы спорить с Росаной наедине, Келсон решил сделать свое

[1] Псалтирь 29:5

предложение частью куда более обширного плана, который будет изложен самим Служителям перед церемонией освящения часовни, назначенной на полдень. И он выскажет все таким образом, что Служители святого Камбера не смогут отказать королю.

Вот почему всех своих добровольных помощников и союзников Келсон отправил поутру в базилику, пожелав, чтобы на встрече присутствовали Морган, Дугал, Аракси и Риченда. Мерауд с Джеханой также присоединились к ним, а в последний момент и Ришель, которая обещала присмотреть за Альбином в монастырском саду, пока его мать будет занята делами ордена. Епископ Дункан Маклайн, ныне провост капитула базилики, — и будущий ректор деринийской школы, хотя об этом еще не знал никто кроме приближенных короля, — лично вышел поприветствовать Служителей святого Камбера, когда они за час до церемонии собрались на мощеном монастырском дворе, и пригласил их дождаться назначенного времени в прохладном зале собраний капитула, примыкавшем к южному трансепту. Гости любезно приняли приглашение и двинулись в зал, даже не подозревая о том, кем был Дункан на самом деле, — хотя, разумеется, по перстню, нагрудному распятию и пурпурной рясе они опознали в нем епископа.

А Дункан тем временем, украдкой взглянув в восточный проход галереи, выводившей прямо в неф, подал знак рукой.

Тут же из-за колонн выступили Келсон и четверо его приближенных, — двое герцогов, герцогиня и принцесса королевской крови. На всех них были богатые, но не слишком пышные одеяния, поскольку событие предстояло весьма торжественное, а также

короны как символ их титула. Келсон пропустил свою свиту вперед, прежде чем и сам вошел в зал капитула.

Служители невозмутимо прохаживались по помещению, о чем-то негромко переговариваясь, и сперва не заметили вновь прибывших, а Келсон тем временем невозмутимо прошел вместе со своими приближенными к апсидной нише, расширявшей восточную сторону небольшого зала, где был установлен простой каменный трон, на котором обычно восседал аббат. Дункан незаметно закрыл входную дверь. Четверо спутников заняли первые места на каменной лавке у северной стены, а сам Келсон занял место аббата. Тринадцать пар глаз с подозрением уставились на него, включая и Росану, осознав наконец это бесцеремонное вторжение.

Келсон позволил молчанию продлиться еще несколько ударов сердца, затем демонстративно сделал видимыми свои магические защиты, и они ореолом вспыхнули у него вокруг головы; четверо его спутников проделали то же самое, таким образом утверждая, кем они являются на самом деле. По рядам Служителей пробежал шепоток, хотя никто из них не выказал страха, и несколько человек также продемонстрировали свои щиты, поскольку в ордене имелись и Дерини, хотя, в основном, он состоял из обычных людей. Теперь уже они признали и Келсона, и Дугала, с которыми познакомились довольно давно, когда эти двое случайно отыскали их поселение, затерянное в далеких Каркашельских горах.

Но вот когда Дункан внезапно оставил свой пост у дверей и подошел к королю с точно таким же дерининским ореолом, и невозмутимо уселся по левую руку от него, Служители взволнованно затихли, и все

как один безмолвно расселись на каменных скамьях с южной и западной стороны небольшой залы капитула. Возможно, на них не произвел особого впечатления вид короля, которого им довелось повидать обнаженным во время ритуала, который они именовали *круайдх дьюхаинн*, или же *periculum*, смертельное испытание, в ходе коего проверялась истинность видения святого Камбера, — и испытание это Келсон Гвиннедский прошел успешно; однако, несомненное присутствие епископа-Дерини рядом с королем поразило их до глубины души. Росана, сидя среди служителей у южной стены, взирала на происходящее с озадаченным и слегка недоверчивым видом.

— Приветствую вас, — промолвил Келсон. Дункан пригасил сияние своих защит и встал рядом с королем. — Прошу простить меня, что появился перед вами столь неожиданным и вызывающим образом, но скоро я объясню вам причину этого. Полагаю, что у вас у всех уже была возможность осмотреться в новой часовне, посвященной вашему святому покровителю. Надеюсь, она понравилась вам так же, как и мне, ибо она воплощает в себе краеугольный камень наших усилий последних лет.

Полное молчание было ответом королю, — не враждебное, но явно настороженное.

— Мои советники Дерини во многом помогали в создании этой часовни, которую мы должны будем освятить сегодня, — продолжил Келсон, бросив взгляд на тех четверых, что сидели справа от него. — Я очень надеюсь, что это священное место поможет возрождению культа вашего святого покровителя в Гвиннеде. Более того, две дамы, которых вы видите здесь, намерены покровительствовать тем трудам, которым ваш орден посвятил себя на протяжении про-

шлых столетий: моя кузина, принцесса Аракси Халдейн и леди Риченда Морган, супруга моего верного друга и советника, герцога Корвинского.

Затем он указал на Моргана и Дугала, которые сидели рядом с женщинами.

— Многие из вас помнят Макардри из Транши, с которым мы недолго гостили у вас пару лет назад. Ныне он герцог Кассанский и граф Кирнийский, а не только граф Траншийский. С епископом Маклайном вы уже знакомы, — он кивнул в сторону Дункана. — Теперь уже для всех очевидно, что мы все Дерини, или принадлежим к роду Халдейнов... что, возможно, одно и то же. Вероятно, с вашей помощью мы узнаем об этом чуть больше.

Служители святого Камбера, восседавшие у противоположной стены и слева от короля, оценивающим взором окинули тех, кого представил им Келсон. Все они, мужчины и женщины, для грядущей церемонии облачились в простые серые одеяния, препоясанные красно-синим вервием с узлами на концах. Кое-кто из мужчин носил короткую стрижку, а у некоторых даже имелась тонзура, но большинство заплетали волосы в *i'дулу*, подобную косе, какую носили Келсон с Дугалом. Кроме того, у нескольких мужчин на перевязи висели мечи в ножнах.

Женщины больше напоминали монахинь. Хотя Служители были светским орденом, женщины постарше скрывали волосы под платками и накидками, такими же, как у сестер-послушниц. Молодые, включая Росану, предпочитали вуали из тонкого белого полотна, а волосы завязывали узлом на затылке и скрепляли переплетенной красно-синей лентой. Келсон узнал несколько знакомых лиц, включая, кажет-

ся, юную девушку по имени Ридиан, которая говорила от имени Квориала, правящего органа Служителей, состоявшего из восьми человек, которые все были Дерини. При первой встрече эта девочка-женщина показалась Келсону преисполненной пугающей мудрости и слишком прямолинейной для своего возраста.

Келсон ожидал, что первой заговорит именно она, если не сама Росана; но вместо этого с места медленно поднялась пожилая женщина, которую Келсон также узнал. Это была *бан-аба* Джилиан, которая приветствовала короля церемонным кивком.

— Мы благодарим друзей короля за их покровительство, государь, — промолвила она негромко, — и также благодарим ваше величество. Знайте же, что мы признательны за все ваши труды во имя нашего покровителя, святого Камбера. Если будет на то воля Божья, часовня сия станет первой из множества святилищ, посвященных ему, где люди нашей расы смогут прикоснуться к своему наследию, во благо всего нашего народа.

— Таково и мое горячее желание, *бан-аба*, — подтвердил Келсон, называя ее тем титулом, что был принят среди Служителей и соответствовал аббатиссе. — И в поддержку этого устремления, я хотел бы сделать Служителям святого Камбера одно предложение, как новое свидетельство моего одобрения ваших трудов. И прошу вас, не тревожьтесь, — добавил он, жестом приглашая ее садиться... и намеренно избегая взглядом Росану. — Вы не обязаны давать мне ответ до окончания церемонии освящения часовни, ибо я хотел, чтобы вы имели возможность как следует поразмыслить над моим предложением, пока мы совместно возносим молитвы.

Бан-аба покосилась на Росану с вопросительным видом, но та лишь пожала плечами, ибо ничего не знала о замыслах короля.

— Я не стану играть словами, — продолжил Келсон невозмутимо. — За те семь лет, как я взошел на престол, я пытался исправить ошибки прошлого, — в особенности, касательно Дерини, — и теперь для меня стало очевидно, что лишь знание может уничтожить все предрассудки, порожденные двумя веками ненависти и преследований. Изменить закон — это хорошее начало... И я уже начал заниматься этим, что доказывает присутствие нескольких священников-Дерини в моем окружении, включая епископа Маклайна, — он указал на Дункана. — Но только если мы сможем дать надлежащее образование всему нашему народу и помочь им полностью освоиться со своим наследием, они сумеют занять свое законное место в этом королевстве.

Он немного помолчал.

— Именно поэтому я и хочу сделать вам предложение. Я готов при некоторых условиях подарить земли и значительные доходы здесь, в Ремуте, для основания и поддержки королевской школы или коллегии под прямым покровительством Короны, чьей целью будет дать надлежащее образование всем Дерини. Насколько мне известно, подобные коллегии существовали и прежде, и там Дерини обучались ответственно овладевать своими способностями. Я намерен воссоздать их вновь.

— Вы говорили о каких-то условиях, — перебил короля плечистый мужчина, сидевший рядом с Джилиан. Это был брат Майкл, суровый представитель Квориала, и также Дерини.

Келсон коротко кивнул.

— Условий не так много, брат Майкл... На самом деле их всего три. Они не подлежат обсуждению, но, полагаю, вы найдете их вполне приемлемыми для себя. Прежде всего, я хочу, чтобы первая королевская коллегия располагалась здесь, в стенах Ремутского замка, на территории аббатства, примыкающего к этой самой базилике... Вы уже имели возможность осмотреться, и наверняка скоро обнаружите, что места тут вполне достаточно, и есть возможность для множества пристроек. И если школа будет существовать именно здесь, это позволит Короне оказывать вам непосредственную защиту на тот случай, если ваша работа будет встречена народом враждебно, — пока они не поймут, что им нечего опасаться со стороны Дерини. И, разумеется, я полагаю, что немалое число Служителей святого Камбера переедут в Ремут, дабы помочь нам в этом предприятии.

— Это приемлемое условие, — ровным тоном отозвалась Джилиан, прежде чем успел вмешаться кто-то еще, хотя Росана выглядела откровенно удивленной. — Что еще?

— Новой коллегии потребуется ректор, который будет членом Церкви, несмотря даже на то, что вы являетесь светским орденом, ибо школа будет привязана к базилике... где, по королевскому указу, по-прежнему будут служиться мессы. В прошлом это могло бы вызвать у людей тревогу, поскольку Церковь и Дерини враждовали друг с другом, но теперь ситуация изменилась, и старые законы были отменены. Вот почему я предложил этот пост прелату из числа Дерини, и надеюсь, что вы примете его кандидатуру. Присутствующий здесь епископ Маклайн является помощником ремутского архиепископа, а также отвечает за эту базилику и готов возглавить но-

вую коллегию, а также разработать с архиепископами и епископским синодом план, каким образом обучать клириков-Дерини в стенах коллегии. С помощью герцогини Риченды, принцессы Аракси и вашей леди Росаны, у которых есть связи на Востоке, он сможет подобрать подходящих наставников и преподавателей, чтобы обучение могло начаться незамедлительно.

Судя по всему, Росану это предложение застало совершенно врасплох, но мысль о подобной коллегии необычайно увлекла ее, — ибо это было логичным продолжением той мечты, которую они с Келсоном разделяли во имя будущего всего Гвиннеда, — но она прекрасно осознавала, что участие в этом предприятии заставит ее гораздо чаще, чем прежде, общаться с Келсоном и его придворными... И она по-прежнему не знала, чем вызвано присутствие Аракси в этом зале, и каковы их с Келсоном дальнейшие планы.

— Это щедрое предложение, сир, которое будет иметь далеко идущие последствия, — начала она, — и, разумеется, я готова всячески содействовать вашему замыслу. Но я бы предпочла остаться за...

— Для успеха нашего плана, — перебил ее Келсон, — твое присутствие понадобится нам здесь, Росана. Это мое третье и последнее условие. — Он встретился с ней взглядом, пытаясь воззвать к остаткам тех чувств, которые они некогда разделяли. — Я хочу, чтобы ты... я прошу тебя как Дерини... ради всей этой страны, для которой ты уже сделала так много, принять пост помощника ректора, дабы служить посредником между орденом святого Камбера и королевским советом, — а для этого ты должна оставаться здесь, в Ремуте.

— Государь...

— Возможно, будет лучше отложить этот разговор до завершения обряда, — твердо промолвил Келсон, окидывая взглядом собравшихся. — Я хочу попросить, чтобы во время освящения часовни вашего святого покровителя вы все поразмыслили над моим предложением. Я лично несомненно сделаю это, после чего поговорю наедине с леди Росаной, — добавил он. — Ибо, я полагаю, что многое будет зависеть от ее решения. А пока я благодарю вас за то, что уделили мне время, и попрошу меня извинить, ибо мне пора пойти и подготовиться к той церемонии, ради которой мы все явились сюда.

С этими словами он поднялся и, поманив за собой Дугала и Моргана, решительным шагом вышел из зала капитула, а Дункан последовал за ними, в надежде, что столь резкое и несвойственное Келсону окончание разговора привлекло внимание Росаны. Служители принялись возбужденно перешептываться между собой, как только король оставил их, — все, кроме Росаны, которая с ошеломленным видом подошла к Риченде и Аракси.

— И о чем он только думает! — воскликнула она, растерянно глядя на подруг. — Конечно, предложение насчет школы очень щедрое, но я не могу...

Риченда отошла, чтобы закрыть двери зала, после того как, понимающе переглянувшись между собой, все двенадцать Служителей святого Камбера также вышли из этого помещения, — и так и осталась стоять там, прислонившись спиной к стене, тогда как Аракси жестом пригласила Росану сесть рядом с ней.

— За последнее время произошло очень многое, и новости в основном хорошие, — промолвила она, ласково тронув Росану за плечо.

— Так значит... он все же попросил тебя выйти за него замуж?

— Да, конечно, хотя мы еще не объявили об этом. Сперва должны пожениться Рори и Ноэли, в точности, как ты надеялась... И из-за этого кое-что изменилось, о чем ты, наверное, пока не догадываешься.

Она вкратце рассказала Росане о новых титулах меарцев и об уступке Нигеля касательно наследования Картмура, о том, что он восстановил в правах Альбина, и наконец принял малышку Коналину.

— Хотя девочку лучше называть Амелией, это ее второе имя, — завершила рассказ Аракси. — Это предложила Мерауд. Мать малышки никогда не назвала бы ребенка в честь отца, если бы осмелилась мечтать, что ту официально признают дочерью Конала. Но думаю, что в таком напоминании о *нем* никто из нас не нуждается.

— Аракси, нехорошо с твоей стороны было так обвести беднягу Нигеля вокруг пальца, — пробормотала Росана. — А Мерауд с Джеханой...

— Я тоже принимала в этом участие, — заметила Риченда, покинув свой пост у дверей и присаживаясь по другую руку от Росаны. — И, кстати, даже Оскана Рэмси...

— Никто не в силах изменить прошлое, — промолвила Аракси. — Но нужно дать возможность детям Конала узнать своих дедушку с бабушкой... А Мерауд и Нигель имеют право видеть своих внуков. Малышка Амелия такая славная... И Эйриан уже обожает ее.

Росана сморгнула слезы.

— Альбину нечего делать при дворе, Аракси, —

прошептала она. — Он может представлять собой опасность для ваших будущих сыновей.

— Сказать по правде, я думаю, что он может представлять для них куда большую опасность, если не останется при дворе, — напрямую возразила Аракси. — Ты так много говоришь о должном воспитании Дерини... Но как насчет должного воспитания мужчины? Альбин принадлежит к роду Халдейнов, он принц Гвиннеда. Его дедушка — самый великолепный рыцарь во всем западном мире, дядя — гвиннедский король, которого заслуженно уважают во всех Одиннадцати Королевствах как благородного и достойного владыку. А его мать — Дерини, которая создает первую деринийскую школу на нашей земле за добрых два столетия. Это самые лучшие примеры, какие только может видеть перед собой мальчик.

— Но я... обещала его Церкви...

— Обещание, данное, когда у тебя не было лучшего выбора, ни для него, ни для Гвиннеда, — возразила Аракси. — Скольких епископов надо привести, чтобы избавить тебя от этого обета? Я скажу об этом Келсону, и он доставит тебе хоть весь Синод! Росана, несправедливо заставлять Альбина страдать за то, что натворил его отец... И эти страдания никому не нужны, если только ты сама не будешь настаивать на этом.

— Но почему же жизнь в лоне Церкви — это обязательно страдание? — спросила Росана.

— Только в том случае, если он *сам* захочет этого, — отозвалась Аракси. — Если ты примешь предложение Келсона, у тебя и у него, и у Альбина, и у всех нас появится выбор. Ты будешь здесь, рядом, и сможешь оказывать Келсону помощь и давать советы... и мне тоже! А Альбин сможет овладеть своим дери-

нийским наследием во всей полноте, но также и наследием Халдейнов. А затем уже решит, какую жизнь *он* хочет для себя. Возможно, он станет, по праву рождения, герцогом Картмурским... Или передаст этот титул Пейну и *его* сыновьям, если решит, что все же создан для религиозного призвания. Но нет ничего более печального, чем... чем насильственно заставлять человека принять постриг, которого он не желает... Или когда человеку, напротив, отказывают в этом, а он желает для себя именно такой жизни.

Росана, изумленная этим последним замечанием, воззрилась на Аракси.

— Ведь для тебя брак, даже с Келсоном, был бы всего лишь компромиссом, не так ли? — промолвила Аракси чуть погодя.

— Жизнь полна компромиссов...

— Совершенно верно, — согласилась Аракси. — Но порой, если нам посчастливится, то судьба дает второй шанс, чтобы подобрать себе компромиссы получше. Ты уже пошла на это, когда оказалось, что Келсон жив, — возможно, потому что по-прежнему искала свое великое предназначение в жизни. Не думаю, однако, что ты создана быть монахиней... Или женой... Или даже королевой... Но я уверена, что ты прирожденная мать, в куда более широком смысле слова, чем женщина, которая просто вынашивает детей в своем лоне... Хотя, Альбин, разумеется, это подлинное сокровище, которое искупает во многом ту печаль, которая ждала тебя на жизненном пути... Мне кажется, именно это и предложил тебе сейчас человек, чьей супругой ты некогда собиралась стать. Он предложил тебе выбор, где почти не будет компромиссов: стать матерью возрожденной мудрости Дерини... прямо здесь, в этой школе, которую вы со

Служителями святого Камбера можете основать в этой базилике. Я думаю, что именно *это* — твое подлинное призвание, Росана, это труд твоей жизни... Для тебя и для Келсона, и для Господа Бога.

Когда Аракси завершила свою пламенную речь, Росана уже улыбалась, и все ее сопротивление растаяло, как лед под лучами солнца.

— Милая, страстная, отважная Аракси, — ласково промолвила она. — Ты знаешь меня лучше, чем я знаю себя сама. Какой прекрасной помощницей ты станешь Келсону! И ведь ты уже полюбила его, не так ли? Я надеялась, что это произойдет.

Аракси робко улыбнулась в ответ.

— Он был моим любимым спутником детских игр, мы оба помним о той привязанности, которую питали друг к другу в ту пору... Да, думаю, что я люблю его... Люблю с каждым днем все сильнее.

Она подняла глаза и в упор взглянула на Росану.

— Но я не ревную к той любви, которую вы с ним питали друг к другу. Глупо было бы горевать о прошлом, изменить которое невозможно. Мы трое — он и ты, и я — понимаем зов долга, который дан нам с рождения; мы не можем презреть этот долг и остаться с самими собой, ни перед собой, ни перед Богом и людьми... То чудо, которое сейчас происходит, — во многом благодаря твоей душевной щедрости, — это то, что мы трое по-прежнему можем воплотить все то, о чем мечтали вы с ним. Просто теперь работа распределится чуть по-другому... И, возможно, то, что надлежит нам совершить для всей расы Дерини, было бы непосильной ношей всего для двух человек.

Росана взирала на Аракси, как зачарованная, на

кончиках ресниц трепетали слезы. Она медленно покачала головой.

— Ты обладаешь куда большей мудростью, чем я смела надеяться, и душа твоя прекрасна. В то время, как я страшилась, что навсегда утратила все, чем владела, я вдруг вижу, что мне дан шанс разделить с вами свою давнюю мечту. Теперь я стала счастливейшей из женщин.

И она поднялась, горделиво вскинув голову, словно королева, которой едва не стала на самом деле, и Аракси с Ричендой тоже поднялись с места.

— Со всей любовью я желаю тебе счастья с Келсоном, моим дорогим другом. Я сделала прекрасный выбор. Будь его мудрой и любящей королевой и подари ему множество сыновей и дочерей, которые станут плодом вашей любви... — Подняв руку, она ласково погладила Аракси по щеке. — Я молюсь о том, чтобы со временем стать для вас сестрой, и чтобы вы позволили мне сделаться малой частью вашей жизни с Келсоном, узнать его детей и стать другом вам обоим и всем им, ибо я полюбила эту землю и ее короля, и хотела бы служить им и их королеве так же, как и всей расе Дерини.

Расправив плечи, она смахнула последние слезинки с глаз.

— Я приму назначение, которое предложил мне король, и мы обоснуем эту коллегию вместе, и будем обучать там всех сыновей и дочерей нашей расы, дабы они приняли свое наследие. И тот же выбор я позволю сделать своему сыну. Ты скажешь ему об этом за меня?

— Конечно.

— Благодарю тебя. А теперь прошу меня извинить, пришел час восславить святого Камбера, наше-

го покровителя, но сперва я хочу убедиться, что мой сын не слишком утомил свою бабушку.

* * *

Зал капитула примыкал к оконечности южного трансепта базилики и выходил на мощеный двор там, где трансепт образовывал угол с длинным нефом. Там, под сводчатой колоннадой, что шла вдоль этой стороны нефа, собрались Служители святого Камбера перед дверями в юго-западном углу двора, готовясь войти в базилику, миновать длинный неф, а затем вступить в новую часовню через внутренний проход перед северным трансептом. Женщины держали в руках букеты цветов, а детишки гордо прижимали к груди нераспустившиеся бутоны.

Мужчина, возглавлявший процессию, опирался на древко стяга с разделенным пополам сине-красным полем, на котором красовалось изображение святого в серебристом платье, который на вытянутых руках держал золотую корону. В конце процессии Мерауд и Джехана с видимым интересом о чем-то разговаривали с одной из Служительниц, а маленький Альбин прятался за их юбками. На мальчике было такое же серое одеяние, как и на взрослых, а черные волосы перевязаны в тугую косу. Запрокинув голову, он с любопытством прислушивался к разговору старших. Несколько приглашенных на церемонию также собрались во дворе монастыря, а затем направились внутрь, чтобы заранее занять места в часовне. Келсон наблюдал за этой суетой, стоя в тени прохода, выходившего на южный трансепт. С ним стоял также Морган, двое детей герцога и Дерри, который должен был присматривать за малышами, пока родители заняты в зале капитула, —

откуда Риченда до сих пор еще не вышла. Морган присел на корточки рядом с сыном, который показывал «дядюшке Шондри» какие-то камешки, которые подобрал по пути с посыпанной гравием дорожки. Морган придерживал дочь за плечо, поигрывая ее кудряшками, а сам то и дело косился на зал капитула в ожидании супруги. Келсон смотрел в ту же сторону с еще большим нетерпением.

После того, как король с герцогами и епископом вышли во двор, Служители святого Камбера также последовали за ними и рассыпались по двору, взволнованно перешептываясь между собой, но ни Росана, ни Аракси, ни Риченда так и не показались. Двор постепенно опустел, если не считать Служителей, готовившихся к процессии. Дугал удалился вместе с Дунканом, чтобы помочь ему с облачением, и собирался прислуживать отцу во время мессы, — служка-Дерини при священнике-Дерини...

Со вздохом Келсон прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди.

— Как ты думаешь, что там внутри происходит? — пробормотал он.

— Думаю, что против моей жены и твоей будущей супруги у Росаны не останется никаких шансов.

— Тогда почему они так долго?

— Понятия не имею, но женская магия порой куда тоньше нашей, и занимает больше времени. Вот увидишь, просто подожди еще немного.

— Как будто у меня есть выбор, — пробурчал Келсон.

Но именно в этот миг двери зала капитула распахнулись, и в них показалась Росана. Келсон замер, медленно опустил руки и выпрямился, но она решительным шагом направилась через двор к Служите-

лям, не глядя ни вправо, ни влево, коротко поприветствовала Мерауд с Джеханой и забрала с собой Альбина. Затем они прошли мимо выстроившихся в шеренгу Служителей; Росана с сыном заняли свое место, а две вельможные дамы прошли внутрь базилики.

— Так что же случилось? — выдохнул Келсон.

— Скоро узнаем... Возможно, лишь после церемонии, — отозвался Морган, по-прежнему перебирая волосы дочери. — Пора и нам зайти внутрь.

Не обращая на этот призыв никакого внимания, Келсон вывернул шею, чтобы получше рассмотреть Росану с Альбином среди Служителей, но их заслоняли другие люди в серых одеяниях. Высоко над головой, в западной колокольне базилики, колокола начали вызванивать *Angelus*, которым всегда приветствовали Царицу Небесную по утрам, в полдень и вечером... Три набора по три удара, а следом восемь торжественных ударов подряд.

Angelus Domini nuntiavit Mariae... Ангел Господень явился Марии... И зачала она от Духа Святого...

— Ну? где же они? — прошептал Келсон, готовый уже сам броситься за Аракси и Ричендой.

Склонив голову, он попытался молиться, дабы отыскать успокоение в преисполненных величия словах молебна; он думал о том, что? в каком-то смысле? как ангел-посланник принес благую весть Марии, что мир может обрести спасение, если она согласится дать Воплощение Христу, точно так же и его собственные посланцы добивались согласия от Росаны, — не спасать целый мир, но лишь попытаться помочь тем, кто пытается улучшить его малую часть здесь, на земле Гвиннеда. И то, как она настоятельно

желала, напротив, удалиться от мира, он принять никак не мог.

Колокол на башне ненадолго замолк, а затем вновь принялся звонить в размеренном, но более быстром темпе, созывая верующих на богослужение, которое вот-вот должно было начаться. За спиной Келсон услышал негромкий шорох, — это шествовал Дункан в белой рясе, а также Дугал в церковном облачении и двое архиепископов вместе с Денисом Ариланом, шагавшим за ними вслед, хотя этот последний предпочел обойтись без парадного облачения и остался в обычной черной рясе священника.

Мгновенно насторожившись, ибо Арилан мог появиться здесь лишь через Портал, расположенный в базилике, — Келсон вышел навстречу епископам, которые, поприветствовав короля, присоединились к Служителям святого Камбера. Келсон отвел епископа-Дерини в тень к одному из боковых алтарей южного трансепта, чтобы успеть поговорить с ним. Он мог лишь надеяться, что в торентской столице не случилось никакого нового кризиса. Дерри тем временем завел детей Моргана внутрь и направился к часовне, а сам Аларик пока дожидался снаружи.

— Надеюсь, вы здесь не потому, что возникли новые осложнения в Белдоре? — рассеянно промолвил Келсон, одним глазом продолжая наблюдать за открытым проходом, что вел в монастырский двор. — Как там Лайем?

— Ничего, справляется, — отозвался Арилан. — Когда похороны матери будут позади, он понемногу придет в себя. Как вы знаете, в Торенте это происходит иначе, чем у нас. Даже если бы обстоятельства ее смерти были не столь ужасны, все равно не обошлось бы простой заупокойной мессой.

Темные силуэты промелькнули в этот миг в открытых дверях: сперва Аракси, которая немедленно направилась в часовню, — прочь от Келсона... затем Морган прошел, обнимая жену за талию и что-то шепча ей на ухо, но у короля уже не было времени о чем-то расспрашивать их троих. Они быстро прошли мимо по трансепту и свернули в широкий неф.

— Полагаю, что Теймураза так и не отыскали? — рассеянно спросил Келсон.

— Нет, Матиас продолжает поиски, Азим и его орден оказывают всю возможную помощь, но по-прежнему безрезультатно. Должно быть, Азим прав, и он на время затаился... Но я явился не поэтому. Сегодня очень важный день для всех Дерини, и я хотел быть свидетелем этого. По счастью, никто из присутствующих не должен обратить особого внимания на мое появление, — нам ни к чему слишком уж выставлять свою магию напоказ. А теперь пойдемте лучше внутрь. Без вас они, конечно, не начнут, но не стоит заставлять их ждать.

По-прежнему ощущая в душе напряжение, Келсон прошел с Арианом по нефу ко входу в заполненную народом часовню святого Камбера. Арка, открывавшая проход, была украшена пышной гирляндой цветов, сладковато-лимонный аромат которых смешивался с запахом ладана. В самой часовне с трудом разместились Служители святого Камбера и дюжина или около того родичей короля и его приближенных, — всего больше двух десятков человек.

Сама часовня также была убрана цветами, обрамлявшими высокие окна и двери, ведущие в сад. В полдень лучи не проходили в окна под таким углом, чтобы осветить саму часовню, но солнечный свет из дверей заливал золотистым сиянием тех, кто стоял

поблизости. Рядом с алтарем установили два канделябра, свет которых оживлял золотистую мозаику на стене, так что корона в руках святого Камбера вспыхивала огнем, равно как и ореол, окружавший их с королем Синхилом.

Келсон остался стоять в проходе, ведущем в часовню с нефа рядом с Морганом и его сыном. Неподалеку стояла также Риченда с Бриони, Джехана и отец Нивард. Дальше располагались Служители и их дети — а также Росана и Альбин. Остальные присутствующие в маленькой часовне почти все приходились королю родней: Нигель с семейством, Сиворн и ее близкие, а также Рэмси Меарские, которые также вскоре должны были породниться с Келсоном. Их младший сын, брат Кристофель, прибыл накануне, дабы поприсутствовать на свадьбах брата и сестры. Арилан неприметно пристроился сзади, стараясь держаться поближе к выходу, ибо собирался ускользнуть незамеченным, когда обряд будет подходить к концу, дабы благополучно вернуться в Белдор.

Дункан и архиепископы вошли внутрь без особой помпы, а за ними Дугал внес большое распятие. Малыш Келрик, завидев их, ухватил короля за руку, и теперь, довольный, стоял между Келсоном и своим отцом. Тронутый до глубины души этим невинным знаком доверия и привязанности, Келсон постарался сосредоточиться на молитве.

Обряд освящения был чрезвычайно прост, — и очень трогателен. Прочитав молитву в ознаменование своих намерений, ответы к которой давали Служители святого Камбера, Дункан окропил святой водой, а затем окурил из кадильницы всю часовню по периметру, проходя по направлению движения солнца, с востока через арку, ведущую на неф, затем ми-

мо Служителей и обратно к северной стене, устанавливая, — хотя никто не говорил об этом вслух, — защитный купол особой природы: не для того, чтобы преградить кому-либо доступ и выход из часовни, но для того, чтобы сдержать и усилить энергию молитв, которые будут возноситься в этом месте. Защитные установки останутся тут навсегда и будут поддерживаться молитвами всех Дерини, совершающих поклонение в часовне.

Затем вместе с Браденом и Кардиелем, Дункан очистил девственный алтарь с помощью святой воды и ладана, и миропомазал его елеем, начертав распятие по углам и в центре. Епископы затем встали по обе стороны от алтаря, а сам Дункан возложил ладони на мраморную плиту и позволил потоку серебристого огня омыть его поверхность. Затем он склонился, чтобы с почтением облобызать алтарь, и оба архиепископа последовали его примеру, а затем все втроем они отступили, дабы Дугал подготовил все для евхаристии.

Последующая месса ничем не отличалась от тех, которые служились на бесчисленных алтарях по всему христианскому миру. Однако, текст изречения был выбран в одном из ранних отчетов о жизни святого Камбера, «*Acta Sancti Camberi*», и прочла его с религиозным рвением *бан-аба* Джилиан, а текст, который отец Джон Нивард зачитал, стоя среди Служителей, был выбран из десятой главы Евангелия от Иоанна и обрел новое значение для всех свидетелей этого исторического события.

— Я есмь пастырь добрый, и знаю Моих, и Мои знают Меня: как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца, и жизнь Мою полагаю за овец. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит

Мне привесть: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь...

Дабы полнее отразить новые возможности, которые открывались в этот день с открытием часовни, посвященной деринийскому святому, во время службы был оглашен также начальный стих *Adsum Domine*, который прежде считался гимном Целителей Дерини, — тех, кто посвящал свой драгоценный дар во благо всех людей. Дункан произнес эти слова не на латыни, а на общедоступном языке, чтобы любой из присутствующих мог проникнуться мыслью, что мечтой всех Дерини должно стать использование своего дара лишь в благородном служении.

Узри меня, Господи:
По милости Твоей
исцеляю я плоть человеков.
Узри меня, Господи:
С благословения Твоего
прозреваю я души.
Узри меня, Господи:
Силою Твоею властен я над сердцами.
Не оставь, Господи, меня,
ниспошли силу и мудрость
Лишь по зову Твоему
служить Тебе дарами Твоими...

Затем Дункан зажег церковную свечу чистого белого воска, которую установил на посыпанной песком железной жаровне на высоких ножках, прямо у дверей, что вели в монастырский сад. Этот свет стал символом маяка, что будет привлекать в святилище всех молящихся.

Продолжая богослужение, Дункан воздел к небесам сперва гостию, а затем и потир, и позволил на миг своей деринийской ауре вспыхнуть ярким светом, окружив Святые Дары, как видимое подтверж-

дение небесного благословения этому деянию, — физическое воплощение Слова, что стало Плотью, которое Дерини наконец смогли отпраздновать торжественно, не приглушая своей радости, испытываемой при богослужении, которая выражалась в потоках ослепительного света.

Даже среди присутствующих Дерини немногие прежде были свидетелями подобной магии. И Дерини, и обычные люди теперь склонились пред явленным им чудом, с новой силой осознавая, каким образом устремляется человек к Божественному, и как он может получить ответ на свой зов. Многие были тронуты до слез, и с влажными глазами вышли вперед, чтобы получить причастие. Дети были пока слишком малы для этого, однако с радостью приняли пастырское благословение.

Когда Дункан касался головы одного из этих детей, — то была маленькая внучка Нигеля, которую за руку подвела к священнику принцесса Эйриан, Келсон подумал невольно, что священник-Дерини точно так же был отцом этим девочкам, как он приходился отцом Дугалу, который в этот момент как раз подносил Нигелю дискос, для того чтобы тот получил причастие. Герцог придерживал обеих малышек за плечи, и полированное золото дискоса отбрасывало отблески на его преисполненное благоговения лицо. Вероятно, изначально это все и должно было происходить именно так... чтобы люди вместе с Дерини объединялись перед Богом с общими намерениями. Две расы, живущие между собой в полной гармонии, точно так же, как они вместе принимали Святые Дары.

Чуть позднее Дункан объявил об окончании мессы, и все принялись расходиться, зажигая свечи у

дверей, ведущих в сад. Келсон задержался в дальнем углу часовни и, прикрыв лицо рукой, вознес последнюю молитву за успех того, что они начали сегодня. Он настолько отвлекся мыслями от происходящего вокруг, что невольно вздрогнул, когда кто-то вдруг тронул его за плечо.

Это оказалась Риченда. С легкой улыбкой она взяла короля под руку и указала на дверь, ведущую в монастырский сад. Теперь там множество тонких, медового цвета свечей горели рядом с белоснежной, которую Дункан установил посреди жаровни, и как раз в этот самый момент Росана приподняла Альбина, чтобы он также мог зажечь свою свечку, и с улыбкой помогла ему воткнуть ее в песок.

Ласково потрепав довольного сынишку по голове, она опустила его на пол, затем взяла новую свечу из корзины, установленной под жаровней, и, нагнувшись, что-то прошептала сыну на ухо. Он с серьезным видом кивнул, внимательно выслушав мать, которая вручила свечку ему, затем кивнул, и, когда она подтолкнула его в спину, устремился в сад; Росана медленно последовала за ним.

Келсон вопросительно покосился на Риченду, но она лишь покачала головой и также повлекла его к дверям, куда как раз подошла Аракси.

— Ничего не говори и не выходи наружу, — прошептала та, поднося палец к губам. — Посмотрим лучше отсюда.

Вместе с ней и Ричендой Келсон встал в нескольких шагах от двери, чуть сбоку, чтобы иметь возможность незамеченным выглядывать наружу. Они наблюдали за Альбином, который бежал по дорожке вдоль цветочных клумб, сжимая в кулачке свечу, и направлялся прямо к стоявшим неподалеку вельмо-

жам. Среди них был и Нигель, стоявший спиной к часовне, и он с изумлением воззрился на малыша, который, подергав его за полу длинного одеяния, безмолвно протянул ему свечу.

На мгновение Нигель застыл, переводя взгляд с запрокинутого кверху личика Альбина на мать мальчика, которая медленно приближалась, заложив руки за спину. Затем он опустился на корточки рядом с маленьким просителем, с радостной улыбкой принял у мальчика свечу и начал о чем-то с ним говорить. Спутники его поспешно отступили, когда Росана подошла ближе, и она тоже обменялась с Нигелем какими-то словами.

Когда герцог выпрямился, оба они улыбались, и, держа внука за руку, Нигель медленно направился обратно в часовню, не сводя счастливого взора с мальчика, который радостно о чем-то щебетал. Росана, которая шла следом, заметила короля и двух его спутниц, которые наблюдали за ними в дверях, и медленно кивнула Келсону.

— Так она согласна? — спросил он у Аракси, когда они с Ричендой увели его в базилику, чтобы дать возможность матери, сыну и деду побыть наедине.

— Да, согласилась на все, — радостно отозвалась Аракси. — Она согласна основать деринийскую школу здесь и занять пост при ней, и жить здесь, и помогать нам в нашей работе... И все остальное, как видишь.

У жаровни с горящими свечами Нигель приподнял Альбина, и вместе они зажгли ту свечку, что преподнес ему мальчик. Росана присоединилась к ним, и все втроем они воткнули свечу в песок среди множества прочих.

Глава тридцать четвертая

Когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним[1]

Остаток дня прошел для Келсона наилучшим образом. Он вновь встретился со Служителями святого Камбера, а чуть позже — с Росаной и Аракси. Все вместе они принялись строить планы на будущее. Поутру состоятся свадебные торжества, — а вечером, во время пиршества, Келсон готов был с радостным сердцем объявить о собственной помолвке. Однако в эту ночь, вскоре после того, как он удалился в свои покои, вполне довольный исходом дня, разбудить его пришел оруженосец Даворан, который передал, что лорд Дерри хотел бы срочно поговорить с ним по поручению отца Ниварда.

— Простите, что разбудил вас, государь, — заявил Дерри. — Но меня прислали сказать, что вас желает увидеть герцог Матиас.

— Матиас? Здесь?

— Он передал, чтобы вы особо не тревожились, государь. Герцог явился один, и утверждает, что все в порядке, но ему нужно поговорить с вами.

Натянув просторное домашнее платье, Келсон за-

---

[1]Притчи 16:7

вязал кушак на поясе и сунул ноги в фетровые шлепанцы. В былые времена, если бы торентский вельможа вот так послал за ним посреди ночи, это не преминуло бы насторожить короля. Однако теперь опасения вызывали лишь вести, которые мог принести Матиас, а отнюдь не он сам. Жестом велев Дерри пройти вперед, он пошел следом за ним, а Даворан двинулся по пятам за Келсоном.

Нивард и впрямь ожидал в библиотеке и первым прошел сквозь Вуаль. Дерри и Даворан остался ждать снаружи. В потайной комнате их ожидал Матиас, одетый весь в чернот. Небольшой огненный шар бросал на его лицо серебристые отсветы, давая Матиасу возможность читать в полутьме. При виде Келсона он отложил книгу и поднялся на ноги. Единственным украшением Матиаса был образок на шее, который сверкал в отблесках магического шара подобно самоцвету.

— Спасибо, что пришли, государь.

— Прошу вас, называйте меня по имени, — отозвался король и предложил им присесть у окна. — С Лайемом все в порядке?

— Да... Келсон, — отозвался Матиас, поклонившись в знак благодарности за оказанную ему честь. — Он скорбит по матери и страшится за наши жизни, и с ужасом думает о церемонии похорон, которую ему придется провести через несколько дней. Собственно, именно поэтому я и явился сегодня.

— Он хочет, чтобы я был там? — спросил Келсон. — Если это принесет ему утешение, то я появлюсь. Но я бы не хотел помешать. Азим справедливо напомнил мне, что я должен позволить ему самому стать на ноги, дабы сделаться настоящим королем.

Однако, как его друг, я хотел бы всемерно помочь Лайему.

Матиас кивнул.

— Азим рассказал мне о вашем разговоре. Однако мой племянник хотел попросить совсем не об этом, и просьба его не нанесет ущерба ни вашей, ни его короне. Ему сейчас очень тяжело, и время течет мучительно в ожидании похорон матери на Царском Поле. Все друзья его детства сейчас здесь, в Ремуте. Больше всего он скучает по Брендану и Пейну, однако он очень привязался и к принцу Рори, который завтра вступает в брак. Поэтому мне пришло на ум, что он мог бы обрадоваться возможности хоть на пару часов вырваться из Торента, чтобы поприсутствовать на свадьбе Рори. Я бы держал его под своей защитой, так что вам не нужно принимать особых мер безопасности. Мы бы появились переодетыми и держались поодаль ото всех, там, где вы нам укажете... исполнили бы любые иные ваши требования. Для Лайема это было бы... очень важно.

Келсон медленно кивнул, ибо не чувствовал никакого подвоха в словах Матиаса, а любезность требовала уступить этой просьбе, хотя, чтобы исполнить ее, Келсону пришлось бы показать Матиасу местонахождение кафедрального Портала, поскольку не существовало никакого иного способа двоим торентцам попасть на бракосочетание, пусть даже переодетыми.

— Обождите здесь, — попросил он, поднимаясь с места. — Я хочу попросить Моргана присоединиться к нам. В соборе имеется Портал, но если я отправлюсь туда с вами без сопровождения, Морган убьет меня, когда узнает... даже если вы не сделаете это прежде него.

Эти слова, как и ожидалось, вызвали улыбку на губах Матиаса. Четверть часа спустя Морган, пригнувшись, прошел через Вуаль, чтобы присоединиться к ним. В ожидании герцога, Матиас пересказал Келсону все, что они предпринимали для поисков Теймураза.

— Галеру, подходящую под описание той, которую он похитил в Сазиле, заметили у побережья Бремагны четыре дня спустя, и направлялась она к югу, — поведал Матиас. — Больше сведений о ней не было, однако Азим направил поиски в южные земли... Герцог Аларик! — поприветствовал он, поднимаясь при появлении Моргана.

— Матиас! — Морган покосился на Келсона, который также поднялся с места и выступил ему навстречу, жестом остановив торентского вельможу.

— Погодите немного, Матиас, пока я сообщу Аларику о наших намерениях.

Взяв Моргана за запястье, король мысленно передал ему все, что было сказано ему дядей короля Торента, и почувствовал облегчение, когда Морган в ответ лишь кивнул с улыбкой.

— Прошу вас присоединиться к нам, милорд, — предложил он Матиасу, направляясь к плите Портала. — Келсон, разумеется, слегка преувеличил, но я и впрямь разозлился бы на него, если бы он направился с вами в собор без сопровождения. Я пойду первым, дабы убедиться, что дорога свободна, — заявил он королю. — А ты лучше предупреди Ниварда и Дерри, чтобы они нас еще некоторое время не ждали обратно.

Келсон прошел сквозь Вуаль, дабы сообщить обо всем Ниварду, а Морган тем временем встал на плите Портала и, склонив голову, принялся вводить себя

в легкий транс, после чего мгновенно исчез. Когда на счет десять он так и не появился обратно, Келсон встал на ту же плиту вместе с Матиасом, взял его за запястье и окружил их обоих своими щитами, в то время как торентский маг немедленно опустил свои защиты и уступил полный контроль Келсону. Одно мгновение ушло на то, чтобы уточнить их положение, — потянуться к пункту назначения, — и вот уже Келсон принялся изгибать силовые потоки. Спустя два удара сердца они оказались в ризнице ремутского собора. У дверей, что вели к нефу, стоял Морган, выглядывая в щелку, сквозь которую был виден большой кафедральный алтарь.

— Все уже готово для завтрашнего дня, — заявил он. — И вокруг ни души, так что можете не торопиться.

Келсон отошел от Матиаса, чтобы тот мог, опустившись на колени, запомнить координаты Портала. Торентский принц ненадолго склонил голову, опустив руки на мозаичный пол с едва заметно обрисованным квадратом.

Келсон молча наблюдал за ним. Спустя пару секунд Матиас поднялся.

— Готово, — объявил он. — В какое время нам следует прибыть завтра? Полагаю, что в ризнице будет полно народу.

— Процессия должна прибыть сюда в полдень, — пояснил Келсон. — Так что к этому времени все клирики выйдут наружу. Морган появится здесь, дабы встретить вас и проводить в то место, откуда можно наблюдать за церемонией. Я расскажу Рори, что вы с Лайемом будете здесь.

Матиас кивнул.

— Благодарю вас. Для него это очень важно.

Он подошел к решетке на дверях ризницы, стараясь сориентироваться в церкви заранее, после чего вернулся к Порталу.

— Не буду больше вас задерживать, — промолвил он. — Я вернусь прямо в Торентали. И еще раз спасибо.

Когда он исчез, Келсон обернулся к Моргану.

— Считаешь, я сделал глупость? — спросил он негромко.

— Вы имеете в виду, доверяю ли я ему, государь?

— Видимо, именно это я и хотел спросить.

— Тогда вынужден ответить, что да, доверяю, — отозвался Морган. — Я считаю, что он порядочный и сострадательный человек, и Лайему повезло, что у него такой дядя. А нам повезло, что он наш друг. Но сейчас, думаю, нам пора возвращаться восвояси. Пойдемте, я проведу вас обратно. Завтра будет очень длинный день... А в моей постели дожидается ласковая и любящая жена.

Засмеявшись, Келсон встал на Портал и позволил Моргану перенести их обоих в библиотеку, где уже дожидались Дерри с Давораном, дабы сопроводить короля и герцога в их опочивальни.

* * *

Все перемещения Дерри в этот вечер не остались незамеченными, — и отнюдь не обитателями ремутского замка.

В небольшой комнате на вершине башни, расположенной в предгорьях далекого Алвера у бремагнийской границы, Теймураз прервал ментальный контакт, который позволял ему видеть все происходящее глазами Шона, лорда Дерри, и отодвинул чашу, наполненную чернилами, в которой он наблю-

дал зрительные образы, после чего откинулся в кресле, задумчиво вертя на пальце железное кольцо.

Лишь пару дней назад он до конца разобрался в воспоминаниях, силой вырванных у умирающей Мораг, и воссоздал ту-связь, через двойные кольца, которая позволяла ему наблюдать за жизнью гвиннедского двора глазами Дерри, помощника могущественного герцога Аларика Моргана, — который был Дерини, но недостаточно хорошо обученным, чтобы заметить кукушонка в своем гнезде. Теймураз еще не до конца освоился с этими кольцами, однако результаты были весьма многообещающими.

Разумеется, ему приходилось догадываться о происходящем через посредство Дерри; Теймураз пока не сумел продвинуться дальше простых наблюдений, однако если как следует сосредоточиться, он постепенно мог воздействовать на движения Дерри и даже на его волю. За последние дни Теймураз был в контакте с ним почти все время, когда Дерри бодрствовал, а порой даже и во сне, постоянно расширяя область контроля.

И сегодня совершенно неожиданным образом его старания были вознаграждены. Теймураз не до конца разобрался в том, что творилось в ремутском замке вечером, накануне большого свадебного торжества, однако Дерри явно пошел предупредить своего короля, что этот негодяй и изменник Матиас, двуличный братец Теймураза, зачем-то явился в замок, — судя по всему, в библиотеку, — куда Дерри и препроводил короля. Хотя когда они пришли туда, там не было никого, кроме священника Дерини Нивард, но затем король со священником словно бы прошли прямо сквозь стену, и Нивард тут же вер-

нулся, ничуть не взволнованный этим обстоятельством.

Из их негромкого разговора с Дерри, Теймураз смог догадаться, что за этой стеной расположена другая комната, а проход между ними охраняется неким заклятьем, — но как он ни старался, он так и не смог заставить Дерри подойти ближе. Этот проход внушал Дерри страх, поскольку он боялся любой магии, хотя так было далеко не всегда, — впрочем, ничего удивительного, что он так опасался колдовства, учитывая все, что ему довелось пережить от рук Венцита, — однако его преданность герцогу Дерини Аларику Моргану была столь велика, что в большинстве случаев он заставлял себя преодолеть этот страх. Собрав кусочки головоломки из того, что он видел глазами Дерри и из его воспоминаний, Теймураз заключил, что по другую сторону магической стены находится Портал, доступ к которому король Гвиннеда открыл Матиасу.

Он утвердился в этом мнении, когда через какое-то время из прохода появился король и велел Дерри привести Моргана, а затем вернулся обратно сквозь стену. Еще чуть погодя Келсон вновь возник в библиотеке, лишь для того, чтобы сообщить Ниварду, что их не будет какое-то время, — а стало быть, все втроем они намеревались перенестись к какому-то другому Порталу. В глазах Теймураза это было худшим предательством со стороны Матиаса, — вступить в сговор с Келсоном Гвиннедским, и тем более, разделить с ним магию.

Однако самое главное случилось по возвращении Моргана, когда Дерри провожал его обратно в свои покои. Именно тогда Морган и сообщил помощнику, что Матиас и Лайем собираются завтра появить-

ся в ремутском соборе через Портал, чтобы поприсутствовать на свадьбе меарской наследницы с принцем Рори Халдейном, с которым был так дружен Лайе. Он даже сообщил Дерри приблизительное место расположения Портала... Теймураз знал, что мог бы наблюдать за свадьбой глазами Дерри, однако эти новые сведения предоставили ему куда более привлекательную возможность.

С улыбкой он погладил железное кольцо на пальце, а затем улегся на ложе с шелковыми покрывалами и сосредоточился для колдовства, столь же темного, как и то, которое погубило Мораг.

Глава тридцать пятая

Мы слышали о тебе, и о могуществе твоем, и приняли тебя другом своим[1]

Наутро Келсона разбудила начавшаяся суета в замке, ибо настал наконец день, которого ждали так долго. Слуги загодя принялись собирать все необходимое для вечернего пиршества, в то время как гости уже начинали наряжаться для процессии, которой вскоре предстояло двинуться к собору, а невесты и женихи довершали последние взволнованные приготовления.

Сам Келсон сегодня считался лишь обычным гостем на свадьбе и не должен был следовать в праздничной кавалькаде, а потому ему было дозволено подремать подольше и держаться вдали от свадебной суеты. Неторопливо приняв ванну, он поел немного сыра, хлеба и фруктов, пока Иво расчесывал и заплетал ему волосы в косу, после чего Даворан помог королю облачиться в длинную малиновую тунику и закрепил на талии пояс из серебристых бляшек, на котором висел длинный приграничный *дирк* с рукоятью, украшенной рубином. Сегодня был неподходящий день для мечей.

---

[1] 1-е Маккавеям 10:19

Когда оба оруженосца наконец удовлетворились своей работой и объявили, что король готов к выходу, он повесил корону на сгиб руки, доел сочную грушу и спустился в поисках Моргана, Дерри и Дугала, которые вместе с ним должны были отправиться в собор. В зале официальная процессия уже завершала приготовления к выходу. Король подошел к ним ненадолго, дабы шепотом сообщить Рори о том, что присутствовать на свадьбе будут также Лайе с Матиасом, и Рори пришел в восторг от этой вести. На лестнице Келсон мельком заметил Аракси, которая несла букет свежих цветов, которые надлежало вплести в волосы невестам, но она исчезла прежде, чем он успел подойти к ней.

Утро выдалось ясное, хотя и не столь жаркое, как накануне, и Келсон с удовольствием сел в седло, неторопливо направляясь вместе со своими спутниками по длинной петляющей дороге, что вела к собору, дабы узреть эту кульминацию долгих месяцев планирования, переговоров и семейных интриг. На коротком торжественном собрании придворных, накануне вечером, король утвердил Джолиона Рэмси в титуле герцога Лаасского, дабы сегодня на празднествах Оскана могла уже присутствовать в герцогской короне. Он был рад предоставить ей возможность сполна насладиться этим днем, когда вступали в брак ее дети.

Весело переговариваясь, они выехали из ворот замка, где на них никто не обратил особенного внимания. Келсон по-прежнему держал корону на сгибе локтя, что немало забавляло Дугала, однако перед соборной площадью Морган заставил его надеть венец на голову. Толпа, собравшаяся на улице, дабы поглазеть на процессию, приветствовала всех всадников,

едущих из замка, и порой даже разражалась громкими торжествующими криками, однако большую часть внимания, они, разумеется, уделяли невестам. Келсон вспомнил невольно тот день, когда он в последний раз сам участвовал в подобной процессии на пути к своему обреченному браку с Сиданой Меарской, и порадовался, что нынче не его праздник, и у него появилась возможность упокоить призраки мучительного прошлого, перед тем как пройти по этой же самой дороге с Аракси.

В соборе все было давно готово. По рядам гостей пробежал шепоток, когда епископ Дункан проводил Келсона вместе со свитой на его место на хорах. Как-никак он был их королем... После ухода Дункана, вчетвером с Дугалом, Морганом и Дерри, они принялись наблюдать за появлением прочих гостей, — тут были меарские родичи Рэмси, гвиннедские придворные и наконец матери невест и женихов: халдейнская принцесса, и — теперь уже — две герцогини.

Келсон приветственно кивнул Оскане, когда она заняла место на хорах напротив него, среди меарских вельмож и своих близких, и с удовлетворением заметил, что она довольно улыбнулась в ответ. Мать короля стояла в нескольких шагах от него, в парадном одеянии и короне, неподалеку от Мерауд и Сиворн. Рядом он разглядел также Аракси и Росану, — и Азима, который уселся между ними.

Судя по реву толпы, донесшемуся снаружи, наконец показалась свадебная процессия. Колокола собора принялись отзванивать полуденный *Angelus*, и в этот самый момент Морган незаметно ускользнул с хоров и вскоре вернулся вместе с двумя «незнакомцами», одетыми в черное, с низко надвинутыми ка-

пюшонами, которые тихонько уселись в тени за загородкой, неподалеку от Келсона. Вскоре церковный хор с дальнего конца нефа затянул приветственный гимн, — выбор был сделан из Песен Соломона, — и процессия вступила в храм.

Сперва бок о бок шествовали два жениха: Рори в темно-синем облачении принца королевской крови, с темными волосами, заплетенными в аккуратную косу; и Брекон в голубых одеждах рода Рэмси, с вышитым на груди гербом своего семейства. Его песочные волосы были просто перевязаны сзади в хвост золотой лентой. У обоих были белые пояса и золотые рыцарские шпоры, ибо они пока еще были простыми рыцарями, несмотря даже на то, что Рори принадлежал к королевскому семейству. Позади выступали их родичи: дядя Рори Сэйр Трегернский и младший брат Брекона Кристофель, стройный миловидный юноша в монашеском облачении, который едва-едва успел на эту свадьбу. Келсон мельком успел познакомиться с ним накануне.

Затем следовала процессия клириков: распятия и факелы, кадильщики и хор; два архиепископа в снежно-белых одеяниях, в митрах и епитрахилях; а за ними стайка девочек — не меньше дюжины, — которых возглавляли младшие сестры Ришель. У каждой из них в руках была перевязанная лентами корзиночка, откуда они разбрасывали под ноги невестам лепестки цветов.

Первой шла Ноэли, опираясь на руку Джолиона Рэмси, чью светловолосую голову со вчерашнего дня украшал герцогский обруч; затем Ришель вместе с отчимом. У обеих девушек волосы были распущены, и в них вплетены розы. Каждая выходила замуж за человека, которого любила всем сердцем.

Келсон ненадолго опустил взор, в то время как обе пары преклонили колена перед архиепископом и обменялись клятвами, вспоминая, как он сам произносил те же самые слова перед тем же самым алтарем, — неужто это и впрямь было больше четырех лет назад?

— Скрепляя брак обетом перед Богом, в надежде, что из союза этого родится долгий и крепкий мир...

Но краткий брак принес одну лишь кровь: кровь Сиданы, хлеставшую по священным ступеням алтаря, унося с собой частичку его души. Он никогда не узнает, как бы все сложилось у них, если бы Сидана осталась в живых; точно так же, как он никогда не узнает, как бы все сложилось, если бы Росана вышла за него, а не за Конала... но он знал, что никогда не забудет Сидану Меарскую, свою шелковую принцессу. Внезапно он пожелал, чтобы их свадьба с Аракси состоялась не здесь, на месте гибели Сиданы... хотя не было никакого иного места, подходящего для коронации королевы, чего так долго ожидал весь его народ. И хотя Сиданы давно уже нет среди живых, и останки ее покоятся в крипте под собором, ее кровь навсегда будет означать величайшую жертву, принесенную во имя мира.

Он склонил голову, дабы шепотом прочесть молитву о Сидане, но когда затем он поднял взор на ее дальнюю меарскую родню — на Брекона Рэмси с его Ришель, и на Ноэли Рэмси с Рори, — Келсону невольно подумалось, что, возможно, *эти* меарцы создадут тот самый мир, о котором он так мечтал, не проливая крови, но скрепив его брачными узами.

Наконец, к тому времени, когда обеты были произнесены, пары обменялись кольцами и получили благословение епископа, король почувствовал, как на

душу его нисходит покой, и он смог с радостным сердцем прислушаться к мессе, которая последовала за этим обрядом, и получить причастие как воплощенный символ своей решимости довести до конца начатое им дело. Теперь Келсон был готов с уверенностью смотреть в будущее.

Когда наконец завершилось богослужение, оба жениха подошли представить своих невест королю, сперва Рори, а затем Брекон, после чего процессия вновь начала собираться в соборе, дабы вернуться в замок и приступить к пиршеству. Покинули церковь также родители новобрачных, а за ними и все гости. На колокольне собора начался торжественный перезвон, и вскоре святилище почти опустело.

Келсон задержался там вместе с Дугалом и Морганом, и подозвал к себе Лайема и Матиаса. Дерри они отослали в ризницу, чтобы тот предупредил их, когда клирики наконец закончат переодеваться и освободят дорогу. Лайем выглядел усталым — и как будто бы стал старше, — но все же с улыбкой поприветствовал Келсона, откинув с головы капюшон.

— Соболезную твоей потере, — сказал ему Келсон. — И мне жаль, что я ничем не в силах помочь.

— То, что нам позволили прийти сюда сегодня, уже большое счастье, — отозвался Лайем вежливо. — Я был рад поприсутствовать на свадьбе Рори. Желаю ему счастья.

— Может быть, хочешь сказать ему это лично? — спросил Келсон. — Я придумал, как это сделать незаметно.

Он покосился на Матиаса.

— Не обещаю, что смогу вывести вас из той комнаты с Порталом, где вы уже побывали, но зато мы можем переместиться в другой Портал, находящий-

ся в базилике, в стенах замка. Все равно, вскоре местоположение этого Портала станет общеизвестным, поскольку в монастыре святой Хилари откроется первая деринийская школа в Гвиннеде.

— В самом деле? — воскликнул Матиас. — Вот отличные новости. Лайе, ты хотел бы поговорить с Рори до возвращения?

Лайем широко улыбнулся в ответ. В сопровождении Моргана и Дугала Келсон не спеша повел своих торентских гостей к ризнице, сделав по пути небольшой крюк, чтобы показать Матиасу и Лайему большую печать святого Камбера на перекрестье трансепта. Когда Келсон вкратце объяснял, каким образом эта печать сыграла свою роль во время его коронации, уподобив это обряду, через который прошел Лайем в Торентали, он заметил какое-то движение на хорах, расположенных над главным алтарем: там Росана что-то объясняла Аракси и Азиму, указывая на своды храма. Лишь теперь он вспомнил, что в суете прошлых недель так и не сообщил Матиасу и Лайему, что сегодня на праздничном пиру сделает публичное заявление о том, что очень скоро состоится его собственная женитьба, о которой он так много размышлял во время нынешней церемонии бракосочетания.

Келсон послал Дугала за Аракси, и отвел обоих торентцев чуть в сторону, подальше от любопытных глаз последних гостей, толпившихся у дверей собора.

— Я думал, ты уже ушла, — сказал он Аракси, когда Дугал привел ее. Вид у девушки был совершенно невинный, но он прекрасно знал, что она заметила его спутников и поняла, что происходит. — Лайем-Лайос, король Торентский, и герцог Матиас Фурстан Арьенольский... Разумеется, вы помните мою

прелестную кузину, принцессу Аракси Халдейн. — Он взял ее за руку и оглянулся с демонстративно испуганным видом, словно желая убедиться, что никто не может их подслушать, а затем заговорщицки понизил голос: — Для меня большая честь официально представить вам мою будущую королеву... О чем вскорости узнает и весь Гвиннед, не позднее как нынче вечером.

Лайем просиял, услышав эти слова, а Матиас удовлетворенно кивнул, не скрывая улыбки.

— Мои поздравления, государь, — промолвил он. — И поздравления также вам, принцесса. Пусть брак ваш будет столь же сладостным, как и мой собственный.

Со словами благодарности она подала ему руку для поцелуя. Лайем в восхищении потряс головой, затем покосился на Келсона.

-- Так это правда! — выпалил он. — Когда ты сказал нам на острове, то потом случилось столько всего, что я решил, будто мне это приснилось. И ведь никто даже не догадывался... *Никто*! Все оруженосцы ошибались. Принцесса, вы же собирались замуж за Куана Ховисского!

— Нет, думаю, что я всегда собиралась замуж за Келсона Гвиннедского, — со счастливым видом возразила она и, взяв Келсона под руку, послала ему счастливую улыбку.

Они еще немного поболтали о планах на вечер, после чего в проходе появился Дерри, делая знак, что путь в ризницу свободен.

— Я, пожалуй, вернусь с Азимом и Росаной, — заметила Аракси. — Поскольку хоть кто-то из нас должен вернуться в замок обычным путем... Хотя едва

ли посторонние что-то заметят во всей этой суете. Видел бы ты, сколько лошадей толпится снаружи!

Келсон согласно кивнул и жестом подозвал Дерри:

— Я пошлю Дерри с вами, — заявил король. — Он не слишком любит Порталы. А пока мы с Морганом и Дугалом возьмем Лайема и Матиаса с собой в базилику. Оттуда есть подземный ход, который со временем я покажу тебе. Он дает доступ в самые разные части замка. Дерри, пожалуйста, ступай с Аракси. Мы скоро присоединимся к вам.

С этими словами он вручил Дерри руку Аракси и, повернувшись, двинулся вслед за остальными к ризнице. Морган уже шел туда по проходу вместе с Дугалом. Никто из них не заметил, как внезапная судорога прошла по лицу Дерри. Он на мгновение застыл, а затем с остекленевшим взором начал разворачиваться, поднося руку к кинжалу на поясе.

Но краем глаза Келсон заметил, как вспыхнула сталь ножа, взметнувшаяся вверх, — и в тот же самый миг Дерри отшвырнул от себя Аракси и схватил за руку Матиаса, развернул его рывком к себе и нанес удар прямо под ребра... На торентце не было ни доспехов, ни даже кольчуги, ведь они с Лайемом пришли сюда на торжество...

Никто иной как Аракси помешала ножу войти в плоть по самую рукоятку, ибо поспешила, восстановив равновесие, броситься Дерри под ноги, с такой силой, что вынудила его выпустить оружие. В тот же самый миг Келсон с Дугалом накинулись на него и прижали к земле. Он отбивался точно безумный, — да и был безумен в этот миг... а Морган уже устремился к Теймуразу, который показался внезапно из-за колонны, поигрывая железным кольцом и оки-

дывая собравшихся торжествующе-злобным взглядом.

— Так отправляйся же в преисподнюю, брат! — завопил он, а затем метнулся в ризницу, чтобы спастись бегством, ибо разъяренный Лайем уже вскинул руку, собирая мощь Фурстана для ответного удара.

Матиас рухнул на колени, цепляясь за бок, а Аракси едва успела подхватить его, чтобы не позволить упасть на торчащий из раны кинжал. Сзади по узкой лесенке с хоров стремительно сбежал Азим, а за ним и Росана, привлеченные воплем Теймураза и шумом внизу.

Когда Теймураз скрылся из виду, Дерри тут же прекратил сопротивляться и обмяк под тяжестью Келсона и Дугала, которые прижимали его к полу. К тому времени, как Морган добежал в ризницу, Теймураз уже исчез. Азим последовал за Аларикам, вмиг оценил ситуацию и резко оттолкнул его в сторону, велев немедленно отправляться к остальным, пока он постарается обезопасить Портал, чтобы Теймураз никогда больше не смог сюда вернуться.

Задыхаясь от волнения, Морган вернулся в собор. Там Дугал уже бросился на помощь раненому Матиасу, который корчился со стоном на полу, подтянув колени к груди. Хотя крови Морган не видел, но Матиас прижимал руку к левому боку, где торчала рукоять кинжала Дерри, черная на фоне черных шелковых одежд.

Матиас застонал еще громче, когда Дугал силой отвел его руку от раны, чтобы взглянуть на нее. Аракси удерживала торентца за запястье, Лайем подобрался ближе и положил голову дяди себе на колени, тут же погрузив его в легкий транс, чтобы убрать боль, и негромко нашептывая какие-то слова... Ря-

дом с ними Келсон сидел у Дерри на груди и, похоже, хотя бы *здесь* контролировал ситуацию.

С ужасом в сердце, — ибо *он* чувствовал себя ответственным за предательство Дерри, — Морган торопливо опустился на колени рядом с Дугалом. Он видел, что кинжал Дерри не пронзил одежду, а вошел в рану вместе с тонкой тканью, словно в ножнах, — и это можно было считать большой удачей, поскольку шелковая материя предотвратила кровоизлияние, которое, несомненно, унесло бы жизнь Матиаса.

Дугал торопливо принялся обрезать ткань по краям, чтобы открыть доступ к ране, а Матиас, почувствовав присутствие Моргана, обернулся к нему.

— Я слышал, — прошептал он, закашлявшись, и по подбородку его потекла струйка крови, — что вы владеете даром исцеления. Теперь будет самое подходящее время доказать нам это.

— Лежите спокойно, — негромко велел ему Морган, бросив тревожный взгляд на Дугала, чей взор уже слегка остекленел, ибо он успел войти в транс, а ловкие пальцы прижимали и ощупывали плоть вокруг раны.

— Глубоко, — пробормотал Дугал, — но лезвие скользнуло вдоль ребра, и потому не попало в сердце... Хотя промахнулось всего на волосок. Однако пробито легкое... И будет куда хуже, после того как мы извлечем кинжал... Но оставить его в ране никак нельзя.

Эти ужасные слова Келсон услышал, по-прежнему удерживая Дерри и связывая его запястья вуалью Аракси, — это было единственное, что попалось ему сейчас под руку. Дерри уже начал шевелиться, но взор его голубых глаз оставался совершенно пустым.

Росана присоединилась к ним и легонько положила руки на лоб Дерри, а затем нахмурилась. Аракси вручила руку Матиаса Лайему и присоединилась к Азиму, который также двинулся по направлению к Дерри. Резким движением переместив ладонь с плеча Дерри к запястью, Азим зашипел, словно от боли, обнаружив золотое кольцо у Дерри на пальце.

— Вот оно что! — воскликнул он, срывая кольцо и с яростью отбрасывая его прочь. Оно с глухим стуком покатилось по мраморным плитам и осталось лежать в нескольких шагах в стороне. — Нет, не трогайте! — велел он Келсону и Моргану, который уже готов был броситься на помощь. — Займитесь лучше Матиасом, там вы нужнее, а здесь я справлюсь и сам.

И словно все вокруг вмиг прекратило для него существовать. Азим, сконцентрировавшись, одну руку возложил Дерри на лоб, другую — на связанные запястья, властным взглядом вовлекая в ментальную связь сперва Росану, а затем и Аракси. Обе женщины возложили свои ладони поверх рук Азима, а Келсон, отодвинувшись, чтобы не мешать им, встал рядом на коленях, не забывая при этом поглядывать и в сторону Матиаса. Он уважал обоих этих людей, каждого по-своему; а теперь им грозила смертельная опасность.

Морган, как и велел ему Азим, все свое внимание теперь уделял Матиасу, внимательно наблюдая за действиями Дугала. Обрывок черной ткани, словно уродливый цветок, торчал в том месте, где в плоть раненого уходил смертоносный кинжал, — это Дугал обрезал одежду Матиаса, чтобы добраться до раны. Торентец поморщился, когда Дугал начал прощупывать плоть вокруг и постарался подавить кашель; ды-

хание его оставалось затрудненным, глаза были закрыты. У Лайема был такой вид, словно у него заживо вырывали сердце из груди. Одной рукой он держал дядю за запястье, другую положил ему на лоб.

— Лезвие узкое, — говорил тем временем Дерри, — поэтому выходное отверстие будет небольшим. Однако, вполне достаточно, чтобы лишить его жизни, если мы не будем действовать очень стремительно, как только вынем нож. Я даже не уверен, что смогу просунуть туда мизинец... А рана куда глубже. Но мне необходим телесный контакт для исцеления такого рода.

— Тогда придется расширить рану, как только вытащим кинжал, — пробормотал Морган. — Сперва потяни за ткань, иначе потом не будет захвата. Дело, конечно, опасное, но, по крайней мере, Дерри всегда хорошо точит свое оружие.

Это невозмутимое обсуждение подробностей предстоящей операции одновременно зачаровывало Келсона и вызывало у него тошноту. Он заставил себя сидеть смирно, разрываясь между желанием помочь Матиасу, — в чем, однако, был бессилен, — и стремлением поучаствовать в не менее опасной битве, которая разворачивалась у него за спиной во имя спасения души Дерри... Ибо он знал, что Азим пытается выкорчевать остатки той магии, которую Венцит Торентский использовал против Дерри много лет назад.

— У тебя опыта больше, — сказал Дугал Моргану. — Лучше начни ты.

— Нет, у тебя пальцы тоньше. Я буду направлять энергию, и давай, наконец, начнем. Матиас, друг мой, — окликнул Морган, положив ладонь на лоб ра-

неного и взглядом показывая Лайему, чтобы тот убрал руку. — Время сделать это, или погибнуть, и я говорю буквально. — На губах его мелькнула улыбка, когда Матиас открыл глаза. — Я надеялся, что мне не придется испытывать нашу дружбу таким образом, но сейчас мне нужно ваше полное и безусловное доверие. Дугал для работы использует очень много энергии. Я отдам ему все, что смогу... Но, возможно, нам придется воспользоваться и вашей жизненной силой. Не могу заранее сказать, как глубоко мне придется зайти... И, вообще, сумеем ли мы сделать это.

Матиас вновь подавил приступ кашля, отвернулся, чтобы сплюнуть кровь. Лайем с побледневшим лицом вытер окровавленные губы дяди своим рукавом.

— Только скажите мне, что я должен делать, друг мой, — с трудом выдохнул Матиас, устремляя взор темных глаз на Моргана. — Я с готовностью предаю себя в ваши руки.

— Закройте глаза, — шепотом велел Морган, большим пальцем и мизинцем касаясь век раненого. Тот повиновался, и Аларик также зажмурился на пару мгновений. Затем он стиснул запястье Матиаса и, обернувшись к Дугалу, кивком велел ему начинать.

Келсон подумал, что он не выдержит этого зрелища, когда Дугал, склонившись, начал действовать, — у Лайема вид был такой, как будто он вот-вот лишится чувств, — однако все произошло очень быстро, и считанные секунды решали, будет ли жизнь Матиаса спасена, или он расстанется с ней навеки.

Вот Дугал коснулся рукояти кинжала Дерри, другую руку поднеся ближе, чтобы тут же начать действовать, как только кинжал покинет рану; спустя все-

го лишь одно мгновение нож уже был снаружи, а Дугал засунул указательный палец как можно глубже в рану, сжимая ее края другой рукой. Они с Морганом склонились над телом, погрузившись в целительский транс.

Келсон знал, что здесь, совсем рядом идет битва не на жизнь, а на смерть, в буквальном смысле слова, но Матиас ни разу не шевельнулся под руками Дугала... лишь прерывисто дышал в том же ритме, что и оба Целителя. Но вот, наконец, Дугал медленно извлек окровавленный палец из закрывающейся раны... от которой спустя еще пару секунд остался лишь розоватый шрам, окруженный потеками крови.

Глубоко вздохнув, Дугал положил раскрытую ладонь на то место, где была рана, и ободряюще кивнул Лайему. Морган также со вздохом отодвинулся назад, а Матиас в изумлении открыл глаза, торопливо поднося руку к раненому боку.

— Еще какое-то время может поболеть, — объяснил ему Дугал. — И еще день или два вы будете кашлять кровью. Однако больших трудностей не ожидается...

За спиной у них Азим развязывал Дерри запястья.

Тот лежал бледный и неподвижный, с закрытыми глазами. Азим одобряюще взглянул на Матиаса, который по-прежнему лежал, положив голову на колени Лайему.

— Вот *это*, — заявил Азим с улыбкой, — именно то, чему моя племянница должна будет учить в своей школе. А *этого*, — добавил он, заканчивая развязывать руки Дерри, — нельзя допускать ни при каких обстоятельствах.

Келсон в изумлении воззрился на него, и Морган также повернулся к Азиму, когда тот вдруг зацокал языком с загадочным видом.

— Ужасающая история, — заявил он Келсону, возвращая Аракси ее вуаль с извиняющимся видом, ибо теперь эта тряпка уже была ни для чего не пригодна. — Трое могущественных и умелых магов из рода Фурстанов копались в его сознании за эти семь лет. Аларик постарался сделать все, что в его силах, после первого вмешательства, и почти преуспел, особенно если учесть пробелы в его образовании, но не довел дело до конца. Однако теперь положение куда более сложное, ибо последнее вмешательство сильно повредило его разум.

Морган посерел лицом и подвинулся ближе, в то время как Азим с невозмутимым видом уселся на пятках и сложил изящные руки на коленях.

— Я могу решить эту проблему прямо сейчас, если угодно. Это не такая уж сложная задача, хотя и весьма утомительная.

— Но... когда же это случилось? — воскликнул Келсон.

— В Белдоре, пока все мы были заняты на *киллиджалае*. О, да, Мораг действовала очень умело.

— Мы ничего не знали, — ошеломленно отозвался Келсон.

— Ну, разумеется, нет. Да и откуда вы могли знать, ведь вы же не так хорошо обучены, чтобы заметить признаки столь скрытного вмешательства. Это имеет отношение к самой темной магии, которая, разумеется, не входит в область познаний Халдейнов.

Он бросил мрачный взгляд на неподвижно лежащего Дерри, затем вновь поднял глаза на Келсона.

— Однако Халдейн, возможно, способен помочь в решении проблемы... И таким образом обучиться тому, как обезопасить себя в будущем. Я уже сказал, что работа эта утомительная, но не слишком сложная, и требует лишь больших запасов жизненной силы; мне придется потратить на это всю ночь, если никто не поможет. Но я бы предпочел поскорее вернуться к поискам самого Теймураза, ибо это кольцо, — если только он не додумается его выбросить, в чем я сомневаюсь, зная его гордыню, — поможет нам установить местонахождение убийцы. Пожалуйста, дай мне его, Росана... Только возьми его через ткань, я не хочу, чтобы ты касалась его напрямую.

Та безмолвно повиновалась, а Азим, вопросительно склонив голову, воззрился на Келсона.

— Я хотел бы попросить о том же самом, что и Аларик Матиаса: о безусловном доверии, — ибо мне понадобится воспользоваться вашей жизненной силой, если я растрачу все свои запасы и у меня ничего не останется для Теймураза. Согласны ли вы?

— *Я* согласен! — воскликнул Морган, прежде чем Келсон успел подать голос. — Дерри — это моя ответственность, *мой* вассал и мой друг.

— Но вы уже отдали много сил для спасения Матиаса, — возразил Азим. — Пусть лучше сейчас мне поможет кто-то другой.

Без единого слова Келсон подвинулся ближе к адепту Дерини, оказавшись рядом с несчастным Дерри. Не прийти на помощь было немыслимо, памятуя обо всем, что Дерри довелось испытать за эти годы, после того что с ним сотворил Венцит... А он всегда оставался верен Моргану и своему королю.

К вящему удивлению Келсона, Азим повернулся затем к Аракси, которую, похоже, ничуть не удиви-

ло, насколько уверенно тот распоряжается всеми ими... Или, возможно, как бывшая его ученица, она давно привыкла к резким манерам своего наставника.

— А ты, дитя, не желаешь ли простереть свои крылья над нами? — вопросил он. — То, что я попрошу, вполне тебе по силам. Можешь считать это обрядом перехода из неофитов в ряды адептов магии... Ибо ты и должна стать таковой, дабы занять законное место рядом с нашим другом, королем Гвиннеда.

С этими словами он улыбнулся и протянул руку, и со смеющимся взором она вложила свою ладонь в его, с легкостью входя в транс и склонив голову с видом величайшего доверия ученика к наставнику. Келсон и сам был готов последовать их примеру, ощущая возникший ментальный контакт как ноту сладчайшей гармонии где-то едва за пределами слышимости. Спустя мгновение вторую руку Азим протянул Келсону.

— А теперь ты, юный Халдейн.

Глубоко вздохнув, Келсон вложил ладонь в руку мастера и медленно выдохнул, закрывая глаза и одновременно опуская защиты, и полностью отказываясь от всякого контроля. Разум Азима повлек его вглубь, в успокаивающий транс, прочь от всех физических ощущений, и он спокойно погрузился в волны пустоты в ожидании...

Азим ненадолго отступил. Келсон ждал, смутно осознавая, как где-то глубоко внутри пробуждается мощная энергия. Когда же Азим вернулся, то вовлек его в гармоничный союз с разумом Аракси, — и прикосновение ее было подобно музыке, звенящей под лунным светом... ее энергетический поток был пока

еще чуть слабее, чем у Келсона, но крепкий, словно шелк, что связывал запястья Дерри.

Очень осторожно Азим принялся выбирать из их потоков те нити, которые понадобятся ему для работы.

Келсон ощущал, будто что-то тянет его вперед, из глубин, существования которых он даже не подозревал, и он с готовностью и радостью поддался этому напору, ибо Азим сплетал свои нити в тончайшую сверкающую сеть, с помощью которой он быстро выловил последние остатки воздействия Венцита на разум Дерри, одновременно исцеляя его разум, — хотя эта магия была совсем иной, нежели та, что исцелила Матиаса.

Когда Азим наконец прекратил черпать у него энергию, он позволил Келсону задержаться в успокаивающем трансе. Тот ощутил, как контакт понемногу разрывается и приготовился к выходу на поверхность; но, как ни странно, что-то помешало ему.

«Задержись ненадолго, — донеслась до него мысль Азима, невесомая как паутинка. — Кто-то один должен остаться. Я не причиню вреда.»

Келсон ощутил новое мягкое ментальное прикосновение, иное, чем прежде, а затем головокружительной спиралью устремился вверх, на поверхность сознания, — и в считанные мгновения пришел в себя, полностью обретя магические защиты и контроль над своим разумом.

Он открыл глаза, и первоначальное головокружение тут же оставило его. Во время магической работы Азим положил их руки Дерри на грудь, и стиснул ладонь Келсона в дружеском пожатии, прежде чем отпустить его, а затем, нагнувшись, поцеловал руку Аракси, после чего отпустил их обоих. Дерри теперь,

казалось, просто мирно спал, и даже лицо его слегка порозовело. Похоже, с ним все было в порядке.

— Отличная работа, дети мои. Благодарю вас, но теперь, полагаю, пора нам возвращаться к своим делам. Росана, прошу тебя, дай мне это кольцо.

— Но... Что же на самом деле случилось? — спросил его Морган, подходя ближе к Азиму.

Матиас уже смог сесть на полу и понемногу приходил в себя. Похоже, на память об этом приключении у него останется только порванная одежда... Дугал, скрестив ноги, сидел рядом с ним и Лайемом, и вид у него при этом был весьма самодовольный.

— А вот это я теперь могу объяснить с большой уверенностью, после того как обнаружил, что было проделано с сознанием вашего друга, — отозвался Азим. — Проводите меня до Портала, все вы, ибо мне пора уже в путь. Росана, а тебе лучше пока остаться с Дерри.

Все остальные поднялись на ноги и двинулись вслед за Азимом к ризнице.

— Случилось то, что вам так и не удалось до конца выкорчевать из разума юного Дерри те магические установки, которые вложил туда Венцит... Это не ваша вина, милорд Аларик. Вы просто ничего не знали. Келсон чуть позже покажет вам, как это следовало сделать. Однако у Дерри после этой истории оставались лишь неприятные тревожные воспоминания, и этим дело могло бы и ограничиться... Вот только второе такое же кольцо... — он продемонстрировал кольцо, которое взял у Дерри, — осталось во владениях Венцита, хотя все считали, что оно погибло вместе с ним.

— Дальше я могу лишь предполагать, как развивались события, — продолжил он, вертя кольцо в паль-

цах. — Мораг, сестра Венцита, обнаружила это кольцо после его смерти. Вероятно, она также сумела выяснить, что это такое и на что оно способно. Сказал ли ей об этом сам Венцит, я не знаю, но она узнала обо всем, и велела изготовить такое же кольцо, связав его с кольцом брата, замкнув их оба на себя и продумав заранее план, когда настанет день, чтобы воспользоваться им... Скорее всего, против вас обоих, — он кивнул в сторону Моргана с Келсоном. — Ибо именно вы стали причиной смерти ее брата и мужа. Мораг узнала, каким образом Венцит воздействовал на Дерри, — продолжил рассказ Азим. — Она велела привести его к себе, пока он был в Белдоре, наложила на него свои чары, и восстановила в сознании заложенные Венцитом ментальные установки, дабы вновь привести его к подчинению. Она же вручила Дерри это кольцо, заранее оправив его в золото и внушила бедняге уверенность в том, что он приобрел эту безделушку случайно, на память о Торенте. — Азим вновь продемонстрировал кольцо, держа его между большим и указательным пальцем. — Через эту связь она могла видеть все то, что видел он, и слышать то же, что и Дерри, пока связь оставалась открытой.

— Так значит, Теймураз забрал его, когда убил мою мать? — спросил Лайем.

— Похоже на то, и сумел усилить эту связь, подчинив Дерри своей воле... В точности, как это сделал Венцит, когда впервые захватил его в плен. Возможно, со временем Мораг сделала бы то же самое, но Теймураз опередил ее, и мы никогда не узнаем в точности. Я порылся в воспоминаниях Дерри о том, что он делал с тех пор, как получил кольцо в Белдоре. Вмешательство в его волю началось лишь пару

дней назад, так что следует предположить, что Мораг ограничивалась лишь наблюдением... Но, разумеется, Теймуразу было этого мало... Хотя он больше никогда не сможет воспользоваться этой возможностью.

Азим стиснул кольцо в кулаке, и во взоре его появилась мрачная решимость, но затем лицо вновь обрело привычное благожелательное выражение. Они уже подошли к ризнице, и маг ненадолго задержался в дверях.

— Можете отныне быть уверены, что Дерри навсегда свободен от воли Венцита и его близких. Возможно, он пожалеет, что пропустил свадебные торжества, но я погрузил его в сон, который продлится еще целую ночь и день. Проследи за этим, — велел он Дугалу, который поспешно кивнул в ответ. — Он ничего не вспомнит о происшедшем, когда проснется, и ни один из вас никогда не расскажет ему. — Азим окинул присутствующих повелительным взором. — Он никогда не узнает о том, что сотворил не по своей воле, и его никогда больше не будут терзать призраки прошлого.

Морган покосился назад, туда, где на полу нефа мирно спал Дерри под присмотром Росаны, от всей души сожалея, что их невежество доставило верному Дерри столько страданий.

— Благодарю вас, мастер Азим, — произнес он негромко. — Нам всем многому еще следует у вас научиться.

— Мы должны все учиться друг у друга, — возразил Азим, указывая на Матиаса, чистая плоть которого не сохранила ни следа ужасающей раны. — И школа, которую откроет в Ремуте моя племянница, станет лишь началом. Но сейчас, Келсон Гвиннедский, — продолжил он, засовывая кольцо за пазуху,

— я должен отнести эту вещь моим собратьям, ибо думаю, что она приведет нас к Теймуразу. Лайем, советую вам с Матиасом немедленно вернуться в Белдор, как бы сильно вам ни хотелось побывать на свадебных торжествах здесь, в Ремуте. Я буду сообщать вам все новости касательно Теймураза.

— А пока, государь, — продолжил он, вновь оборачиваясь к Келсону, — думаю, вам следует вернуться к гостям, что ждут вас в замке... По-моему, — добавил он, лукаво покосившись на Аракси, вам надлежит сообщить им нечто важное касательно этой юной женщины, чьи истинные достоинства лишь сейчас начинают проявляться во всей красе. Берите же ее в жены поскорей и будьте счастливы!

Глава тридцать шестая

Зайди, будем упиваться нежностями до утра, насладимся любовию[1]

Последовав мудрому совету Азима, Келсон именно так и поступил. Они с Аракси поженились неделю спустя, к вящему ликованию всего Гвиннеда. Он бы сделал это и гораздо раньше, но даже короли и королевы Дерини неспособны творить подобную магию.

Вопреки всем обычаям, он ехал верхом вместе со свадебной процессией лишь до соборной площади, а там спешился, передал державную корону Гвиннеда своему дяде, герцогу Картмурскому, а сам дождался невесту, которую внесли на паланкине под золотым пологом вместе с сестрой, которая вышла замуж неделей раньше.

Лорд Савил, их отчим, шел рядом с невестой по усыпанной цветами дороге от самого замка, с гордым видом ведя под уздцы лошадь невесты, и, подойдя к королю на площади, с дружеской улыбкой протянул поводья ему. Взглянув на невесту, Келсон осознал, что навсегда может похоронить печальные воспоминания о другой девушке, с которой прежде

---

[1]Притчи 7:18

входил в этот собор, ибо, несомненно, прошлое теперь не должно было повториться.

Под радостные возгласы толпы, король помог невесте спуститься на землю из паланкина и вместе с ней пересек площадь, окруженный стайкой ярко одетых ребятишек, среди которых были и отпрыски злосчастного Конала, которые усыпали цветами дорогу королевской чете. На нем было длинное золотое одеяние, расшитое крохотными пурпурными львами Халдейнов; невеста же, восседавшая теперь на гнедом жеребце, красовалась в золотых шелках и несла на голове гирлянду из золотых роз, еще влажных от утренней росы. И жених, и невеста в ярком солнечном свете казались словно окруженными золотистым ореолом... Или то было сияние их магии, безмолвное свидетельство любви, что родилась в их сердцах...

Здесь, перед огромными дверями собора, преклонив колени на молитвенной скамеечке, утопавшей в цветах, они принесли свои обеты перед Дунканом Маклайном, подобно тому, как это делали множество других новобрачных в этом королевстве, на глазах у людей, столпившихся на площади.

«Я, Келсон, беру тебя, Аракси, в законные жены...»

Когда он надел ей на палец кольцо и они наконец поцеловались, толпа взорвалась восторженными криками, а колокола принялись отзванивать *Angelus*, и продолжали звонить, когда он ввел ее в собор для коронации в сопровождении членов обоих семейств, которые толпились на ступенях, дабы засвидетельствовать обмен клятвами. Лайем Торентский и Матиас также были там, вместе с Азимом... и с Барретом де Лейни, которого держала под руку мать Келсона, с чувством, куда более глубоким, чем обычная привя-

занность, возникающая между наставником и учеником.

Росана также была здесь, рядом с Азимом, и держала на руках сына в парадной синей одежде, подобающей по рангу члену королевского дома, и присутствие ее больше не было для Келсона мучительным напоминанием о несбывшихся мечтах, но радостным обещанием новых путей, что открывались перед ними, — ибо сейчас королю нужна была лишь уверенная любовная поддержка той женщины, что шла рядом с ним: его королевы, его супруги, его второй половины...

Как и полагалось по обычаю, сперва Келсон с новобрачной подошли к боковой часовне Богоматери, дабы возложить к алтарю розы, украшавшие прежде волосы невесты, в то время как члены семьи и вельможи занимали места, дабы стать свидетелями коронации королевы. Но и здесь тоже Келсон отчасти нарушил обычай.

Когда затих перезвон колоколов, он подвел Аракси к скромной молитвенной скамеечке, установленной там, где на полу была печать святого Камбера, прежде чем подойти с ней к архиепископам, ожидавшим у алтаря. Затем он отступил туда, где сидели его родичи и друзья, взяв у Нигеля свою корону, в тот самый миг, когда Аракси преклонила колена, дабы получить миропомазание от архиепископа Брадена, который затем накинул ей на плечи королевскую золотую мантию, украшенную изображениями халдейнских львов, а архиепископ Кардиель вынес сверкающую, украшенную жемчугом корону, полагавшуюся королеве Гвиннеда.

Разумеется, Кардиель не был Дерини, но когда он поднял корону над ее головой со священными сло-

вами молитвы, Келсону показалась, что чья-то светлая тень возникла рядом с архиепископом и положила свои руки на его ладони, совместно возлагая венец на голову Аракси. Сияние, вспыхнувшее вокруг нее в этот миг, было невидимым для человеческих глаз, но даже Кардиель ощутил его.

Морган, стоявший по правую руку от Келсона, увидел этот свет, как увидели его Дугал и Дункан, стоявшие с другой стороны. Келсону подумалось, что зрелище это могло быть лишь иллюзией, ибо множество Дерини сейчас взирали на королеву, и кто знает, что за силу они могли призвать?

Как бы то ни было, никто из обычных людей не заметил ничего особенного, но все они вознесли свои голоса в радостном пении, когда Келсон подошел, чтобы помочь королеве подняться, и колокола вновь начали торжественный перезвон. У Гвиннеда наконец появилась королева... Их поцелуй был сладким, как мед, и Келсон даже не мог толком вспомнить позднее, как они вместе вышли из собора на солнечный свет, чтобы принять приветствие толпы.

Их свадебный пир был великолепен, не омраченный никакими жесткими требованиями дворцового этикета, которые в прошлом так часто отравляли жизнь Келсону. Не оставалось никаких сомнений, что все жители Гвиннеда безраздельно подарили свою любовь златовласой королеве. В ожидании ночи он с радостью принимал поздравления, участвовал в увеселениях и на пиру пробовал понемногу от всех восхитительных блюд, что подносили ему восторженные пажи и оруженосцы... И большую часть лакомств он вкушал из рук Аракси, соприкасаясь с ней мыслями всякий раз, когда встречались их взоры.

Когда же на город опустились летние сумерки, и придворные дамы с пением увели невесту в опочивальню, он поднялся вместе с мужчинами, дабы выпить последний бокал за ее здоровье, и на Келсона посыпались цветистые поздравления и пожелания самых близких друзей, прежде чем он смог наконец ускользнуть из парадного зала.

Песня, с которой его вели к невесте, была той же самой, что и на свадьбе Джатама с принцессой Джаннивер... казалось, это было целую жизнь назад! Но теперь древний траншайский гимн говорил ему о любви и радости, а не о потерях и печали. В приемной королевских покоев, где теперь воцарилась Аракси, Морган с Дугалом помогли ему раздеться и облачили в легкое платье алого шелка, под нежное женское пение, доносившееся из-за дверей, на которое мужчины отзывались бодрыми, звонкими голосами, среди которых выделялся густой тенор Рори.

Когда песня наконец стихла, дамы вышли из-за дверей, а Келсон вошел к невесте. Дункан уже благословил супружеское ложе и, учитывая, сколько других благословений уже прозвучало в этот день, все прочее казалось ненужным, хотя женщины все же спели положенный куплет последней песни перед уходом, и голоса их медленно затихли за дверями, которые Келсон неслышно затворил у себя за спиной.

Аракси восседала среди подушек огромного ложа, задрапированного воздушными шелками и освещенного золотистым магическим шаром, висевшим у нее над головой. В этом свете она казалась озаренной янтарным сиянием. Светлые волосы рассыпались по подушкам и по плечам, укрытым покрывалом тончайшего шелка. Во взоре ее серых глаз,

устремленных на Келсона, читалась любовь и доверие, и она протянула к нему руку.

С улыбкой он подошел ближе и взял ее ладонь, поднялся на ступеньку к огромному ложу и присел рядом, в шуршании алого шелка.

— Тебе, разумеется, известно, — заметила она, когда он склонился поцеловать ее пальцы, — что все надеются на то, что в эту ночь будет зачат наш первенец.

И она ласково улыбнулась, встретив его удивленный взгляд; но затем он ответил на ее улыбку и, развернув ее руку ладонью к себе, легонько тронул языком запястье.

Задрожав от радостного предвкушения, она засмеялась с восторгом, — отголосок их давнего детского счастья, — и, потянувшись другой рукой, обняла Келсона за шею, вовлекая его в объятия.

— Да, именно этого от нас и ждут, — хриплым голосом подтвердил он, чувствуя, как нарастает в душе чудесная радость, и кончиками пальцев ласково проводя по ее щеке. — Гвиннед надеется...

— ...что каждый из нас исполнит свой долг! — закончила она за него со смехом, и все другие слова стали не нужны, когда уста их соприкоснулись в опьянении нарастающей страсти, — и Келсон Гвиннедский наконец обрел истинное счастье со своей единственной королевой.

Список персонажей романа «Невеста Дерини»

Азим, принц — младший брат эмира Нур-Халайского, дядя принцессы *Росаны*, выдающийся маг и член *Камберианского Совета*.

Аларик — см. *Морган*.

Алрой, король — последний король *Торента*, старший сын герцога *Дионела Арьенольского* и принцессы *Моран*, сестры *Венцита*; погиб в итоге падения с лошади на охоте летом 1123 г. вскоре после того, как ему исполнилось четырнадцать лет; ему наследовал младший брат *Лайем*, девятилетний. Многие в Торенте полагали, что «несчастный случай» подстроен *Келсоном*, дабы устранить соперника, достигшего совершеннолетия.

Альбин Халдейн, принц — сын и наследник покойного принца *Конала* и принцессы *Росаны*.

Альфей, архиепископ — патриарх *Торента*, глава Торентской Церкви.

Амброс, отец — духовник королевы *Джеханы*.

Амори Макрори, лорд — сын и наследник *Рори Макрори*, графа Кулнанского в *Торенте*, *Дерини*.

Ангус Мак-Эван, сэр — сын и наследник герцога *Эвана Клейборнского*.

Аракси Леана Халдейн, принцесса — младшая дочь покойного принца *Ричарда* и принцессы *Сиворн*, сестра *Ришель*, племянница *Хорта Орсальского*.

Арилан, Денис, епископ — бывший помощник епископа *Ремута*, ныне епископ *Дхассы*; тайно — *Дерини* и член Камберианского Совета.

Аркад Второй, король — правитель *Торента* (1025-1080), прадед короля *Венцита* и принцессы *Моран*, брат принца *Никкола*.

Баррет де Лейни — старый *Дерини*. Слепой сопредседатель Камберианского Совета.

Бахадур-хан — правитель *Р'Касси*.

Берронес, граф — торентский придворный, распорядитель церемоний, *Дерини*.

Браден, епископ — бывший епископ *Грекоты*, ныне архиепископ *Валорета* и примас *Гвинеда*.

Бранинг, граф — *Дерини*, владетель графства Костра в *Торенте*.

Брендан, Корис – граф *Марли*, сын *Брэна* и *Риченды*.

Брион, Донал Синхил Уриен Халдейн, король – покойный отец *Келсона*, убит в *Кэндор Реа* волшебством *Кариссы* в 1120 г.

Бриони, Бронвин де Морган – маленькая дочь *Моргана* и *Риченды*, род. в январе 1123 г.

Брэн, Корис, граф *Марли* – государственный изменник, бывший муж *Риченды*, убит *Келсоном*.

Ванисса – бывшая любовница принца *Конала*, мать его дочери *Коналины-Амелии*.

Вассил Димитриадес – кастелян *Летальда Орсальского*.

Венцит Торентский – *Дерини*, король-чародей *Торента*, унаследовал Фестиллийские притязания на престол *Гвинneда*; убит *Келсоном* при *Лиандрит Медоуз* в 1121 г.

Вивьен – *Дерини*, пожилая сопредседательница Камберианского Совета.

Гаэтан – слуга в *Хортанти*.

Гвенлиан, принцесса – сводная сестра короля *Колмана*, наследница Лланнедского престола.

Грон, герцог – владыка *Коннаита*.

Даворан – паж короля *Келсона*.

Дерри, Шон – молодой рыцарь на службе у *Моргана*, член Королевского Совета.

Джаннивер, принцесса – коннаитская принцесса, бывшая невеста короля *Колмана*.

Джатам, сэр – бывший оруженосец *Келсона*, влюблен в принцессу *Джаннивер*.

Джехана – королева, *Дерини*, мать *Келсона*, вдова короля *Бриона*, 39 лет.

Джилиан, мать – глава Служителей святого *Камбера*.

Джолион – последний суверенный правитель *Меары*, отец дочерей-близнецов, *Ройзиан* и *Анналинды*, и еще одной, младшей дочери.

Джон Нивард, отец – священник-*Дерини*, исповедник короля *Келсона*.

Донал, Блейн Халдейн – король, дед *Келсона*, умер в 1095 г.

Дугал Макардри – побратим *Келсона*, герцог *Кассанский*, сын *Дункана Маклайна*.

Дункан Говард Маклайн – священник-*Дерини*, кузен *Моргана*, отец *Дугала*.

Екатерина, принцесса – дочь князя Якского, 17 лет.

Иво Хэпберн – паж короля *Келсона*.

Иддин Веска — стражник при дворе *Хорта Орсальского.*

Иреней, отец — торентский священник, уховник короля *Лайема.*

Ител — принц, старший сын и наследник *Меарской* Самозванки, казнен королем *Келсоном.*

Камбер — Святой из *Кулди* — *Дерини*-святой, объявленный вне закона, жил два века назад; покровитель магии.

Камил, принц — старший сын и наследник *Софианы* Анделонской.

Кардиель, Томас, епископ — прежний епископ *Дхасский*, ныне архиепископ *Ремутский*, 44 года.

Карисса — *Дерини*, последняя, кто воспользовался Фестиллийскими притязаниями на престол *Гвиннеда*; убита Келсоном в день его коронации на чародейском поединке.

Кароли, отец — торентский священник.

Каспар, герцог — торентский Дерини.

Келрик Алайн Морган — младший сын *Моргана* и *Риченды.*

Келсон Синхил Райс Энтони Халдейн, король — правитель *Гвиннеда*, сюзерен *Торента*, сын короля *Бриона* и королевы *Джеханы*, *Дерини*, 21 год.

Китрон — древний поэт Дерини.

Колман, король — правитель *Лланнеда* и *Ховиса*, бывший жених принцессы *Джаннивер.*

Конал Халдейн, принц — старший сын принца *Нигеля*, предатель, казнен по приказу Келсона.

(Коналина) Амелия — незаконорожденная дочь принца *Конала.*

Кристофель, брат — младший сын сэра *Джолиона Рэмси* Меарского и леди *Осканы.*

Куан, принц — кузен короля *Колмана*, его наследник в *Ховисе.*

Лайем-Лайос II Лионел Ласло Фурстан Арьенольский, король — средний сын герцога *Лионела* и принцессы *Мораг*, 14 лет, король *Торента* по смерти старшего брата, с лета 1123, *Дерини.*

Ларан ап Пардис — врач-*Дерини*, барон Пардис; член Камберианского Совета.

Ласло, граф — торентский *Дерини.*

Летальд, Хорт Орсальский, Князь Тралийский — владыка *Орала* и *Тралии*, муж принцессы *Нийи*, брат *Сиворн*, дядя *Аракси* и *Ришель.*

Лионел, герцог — герцог *Арьенольский*, *Дерини*, отец племянников и наследников *Венцита*; убит *Келсоном* при *Ллиндрут Медоуз*, в 1121 г.

Лльюэл, принц — младший сын меарской Самозванки, казнен по приказу *Келсона* за убийство своей сестры, принцессы *Сиданы.*

Лурик — стражник при Орсальском дворе.

Малкольм Халдейн, король — прадед *Келсона*, женился на *Ройзиан*, старшей дочери последнего властителя Меары, намереваясь через этот союз навечно и мирно присоединить *Меару* к *Гвиннеду*; ум. 1074.

Матиас Фурстан Комнэнс, принц — брат графа *Махаэля* и графа *Теймураза*, дядя *Лайема*, *Деринн*.

Махаэль Фурстан Арьенольский, герцог — *Деринн*, брат убитого *Лайонела*; регент, вместе с принцессой *Мораг* при юном короле *Лайеме-Лайосе*.

Мерауд, герцогиня — жена *Нигеля*, мать *Конала*, *Рори*, *Пейна*, *Эйриан*.

Мехон де Курси, лорд — покойный член Камберианского Совета.

Мораг, принцесса — *Деринн*, сестра *Венцита Торентского* и вдова *Лайонела*; мать нынешнего короля *Лайема* и принца *Ронала-Рурика*.

Морган, Аларик Энтони — *Деринн*, герцог *Корвин*, Защитник Короля, кузен *Дункана Маклайна*, муж *Риченды*.

Нийя, принцесса — супруга *Летальда Орсальского*.

Нигель Клуим Гвидион Райс Халдейн — герцог *Картмур*, младший брат *Бриона*; дядя и пока что — наследник *Келсона*.

Никкол, принц — брат короля *Аркада*, отдавший за него жизнь.

Ноэли, принцесса — дочь *Джолиона* и *Осканы Рэмси*.

Оскана, леди — супруга сэра *Джолиона Рэмси*, мать *Брекона*, *Ноэли* и *Кристофеля*.

Пейн, принц — младший сын *Нигеля*, паж короля Келсона.

Радуслав, лорд — торентский придворный, внук графа *Берронеса*, Деринн.

Ральф Толливер, епископ — епископ Коротский, в герцогстве *Корвин*.

Расул ибн-Тарик, лорд — мавр, торентский посланец в *Гвиннеде*.

Рецца Элизабет, леди — старшая дочь *Летальда Орсальского*.

Риченда, герцогиня — вдова *Брэна Кориса*, графа *Марли*, мыть нынешнего графа, их сына *Брендана*; ныне жена *Моргана* и мать его дочери *Бриони*; *Деринн*.

Ришель Халдейн, принцесса — старшая дочь принца Ричарда, невеста *Брекона Рэмси*, сестра *Аракси*.

Роган, принц — второй сын *Летальда Орсальского*.

Ронал-Рурик, принц — *Деринн*, младший брат нынешнего короля *Торента*, наследник престола.

Рори, принц — средний сын *Нигеля* и *Мерауд*, брат *Пейна* и *Эйриан*.

Росана, принцесса — вдова *Конала Халдейна*, мать принца *Альбина*, племянница принца *Азима*, *Деринн*.

Савил, барон — супруг принцессы *Сиворн*, отчим *Ришель* и *Аракси*.

Сесиль, сестра – монахиня, наперсница королевы *Джеханы*.

Сиворн, принцесса – сестра *Леталъда Орсальского*, супруга барона *Савила*, мать *Ришель* и *Аракси*.

Сидана, принцесса – дочь *Кэйтрин* и *Сикарда*, первая жена короля *Келсона*, убита собственным братом в день венчания.,.

Сирик Хорти, принц – старший сын и наследник *Леталъда Орсальского*.

Софи – горничная королевы Джеханы.

Софиана – княгиня Анделонская, члена Камберианского Совета, *Дерини*.

Сэйр Трегернский, лорд – граф Рэндальский, брат герцогини *Мерауд*.

Станиша, принцесса – младшая сестра *Лайема-Лайоса*, короля *Торента*.

Теймураз, граф – брат герцога *Махаэля* и графа *Матиаса*, дядя *Лайема-Лайоса*, короля *Торента*, *Дерини*.

Тирцель Кларонский – *Дерини*, бывший член Камберианского Совета, обучавший магии принца *Конала*.

Уньяд, граф – торентский вельможа.

Урсула, леди – ховисская принцесса.

Центул, принц – сын герцога Везаирского.

Эван Макэван, герцог – герцог Клейборнский, полководец *Гвиннеда*, отец *Грэхема*.

Эйнбет – дочь *Леталъда Орсальского*, 6 лет.

Эйриан Элспет Сидана Халдейн, принцесса – младшая дочь *Нигеля* и *Мерауд*.

Эрдоди, герцог – торентский *Дерини*.

Географический указатель в романе «Невеста Дерини»

Альта Джорда — поместье леди *Вивьен.*

Анделон — одно из *Форсинских* княжеств, где правит княгиня *Софиана.*

Арьенол — герцогство к востоку от *Торента*; после смерти *Лионела* досталось его брату *Махаэлю.*

Белдор — столица Торента.

Бремагна — королевство на побережье Южного моря, к юго-востоку от *Гвиннеда.*

Валорет — столица *Гвиннеда* в период Междуцарствия, местопребывание епископа *Валоретского* (и Примаса Всего Гвиннеда) *Брадена.*

Везаир — герцогство в *Форсинне.*

Гвиннед — центральное и крупнейшее из *Одиннадцати Королевств,* управляемое *Халдейнами Гвиннедскими* с 645 г.

Георгия св. Собор — местопребывание архиепископа *Ремутского,* ныне — *Томаса Кардиеля.*

Грекота — Университетский город, бывшее местопребывание Варнаритской школы; престол епископа *Вольфрама де Бланета.*

Данок — *Гвиннедское* графство.

Десса — главный порт *Гвиннеда* на реке Эйриан.

Дженас — *Гвиннедское* графство.

Джайлса св. Аббатство — монастырь в озерном краю *Шаннис Меир* близ границы *Истмарка,* куда удалилась *Джехана* до рождения *Келсона,* а затем — после его коронации.

Дхасса — вольный священный город, местопребывание епископа *Дхасского,* ныне — *Дениса Арилана*; известна резьбой по дереву и местами почитания своих покровителей-святых, Торина и Этельбурги, которые охраняют подступы к городу с севера и с юга.

Истмарк — бывшее графство *Яна Хоувелла*; по его смерти перешло к короне, впоследствии передано *Бурхарду де Вариану* в награду за его верную службу во время *Торентской* войны.

Картмур — герцогство *Нигеля,* граничащее с *Корвином* и с Королевскими владениями *Халдейна.*

Кассан – герцогство *Дункана Маклайна* по смерти его отца, включающее и графство *Кирни*, и граничащее с *Меарским* Протекторатом.

Келдиш Райдинг – северо-восточная часть древнего королевства *Келдор*, управляется непосредственно королями *Гвиннеда*.

Келдор – местность на севере *Гвиннеда*.

Кешиен – вновь сотворенный епископат на *Гвиннедско-Коннаитской* границе, местопребывание епископа *Белдена из Эрне*.

Киларден – графство в *Меаре*.

Киллингфорд – место, где произошла кровавая битва между гвиннедскими и торентскими войсками в 1025 году.

Килшейн – баронство в *Кирни*.

Кирни – графство и второе владение герцогов *Кассанских*, ныне его держит *Дункан Маклайн*.

Клейборн – герцогство в *Гвиннеде*.

Комнэне – графство в *Арьеноле*.

Коннаит – объединение суверенных княжеств к западу от *Гвиннеда*.

Корот – столица герцогства *Корвин*.

Корвин – герцогство *Аларика Моргана*.

Кандор Реа – поле около *Ремута*, где погиб король *Брион*. Там также находится священный источник.

Лаас – древняя столица независимой *Меары*, то и дело становящаяся очагом восстания.

Лендорские горы – хребет, разделяющий *Корвин* и Земли королей *Халдейнов*, здесь находится *Дхасса*, Св. Торин, Св. Неот и Гунурский перевал.

Ллиндрут Медоуз – пастбища у подножия Кардосского ущелья, место решающей схватки между *Келсоном* и *Венцитом Торентским*.

Марли – прежде графство *Брэна Кориса*, ныне перешло к его сыну *Брендану* при регентстве *Риченды* и *Моргана*.

Меара – в прошлом суверенное государство, теперь – часть владений *Гвиннедской* короны к западу от Гвиннеда.

Найфорд – порт на юге *Гвиннеда*.

Николасеум – семиярусная усыпальница в *Торенте*, воздвигнутая королем *Аркадом* своему брату *Никколу*.

Нур-Халай – одно из форсинских княжеств, граничит с *Р'Касси*.

Одиннадцать королевств – древнее название всей этой области мира, *Гвиннед* и сопредельные страны.

Орсал и Тралия – государство к востоку от *Корвина*, где правит *Хорт Орсальский*.

Пурпурная Марка — Равнинные земли к северу от *Ремута*; одно из владений короны *Гвиннеда*.

Рамос — место бесславного Собора 917 г., строжайше запретившего Дерини принимать священство, держать должности, владеть собственностью и т. д.

Ратаркин — новая столица *Меары* после объединения Меары и *Гвиннеда* в 1025 г., местопребывание епископа меарского.

Рельянский хребет — горная цепь, отделяющая *Истмарк* от *Торента*; там находится город-крепость *Кардоса*.

Ремут — столица *Гвиннеда*, называемая Прекрасный Ремут.

Рендал — графство в южной части бывшего *Келдора*, славится своими озерами; во владении *Сэйра Трегернского*, брата герцогини *Мерауд*.

Р'Касси — пустынное королевство к югу и востоку от Хорта Орсальского, славится породистыми конями.

Состра — графство в *Торенте*.

Торент — крупное королевство к востоку от *Гвиннеда*, ныне управляется регентами от имени *Лайема-Лайоса*, племянника покойного короля *Венцита*.

Торентали — дворец королей *Фурстанов* в *Торенте*.

Транша — владение Макардри, графа *Транширского*, в пограничных землях между *Кирни* и *Пурпурной Маркой*.

Фаллон — одно из *Форсинских* княжеств.

Фианна — винодельческая страна за южным морем.

Форсинские княжества — несколько независимых государств к югу от *Торента*.

Фурстанали — дворец семейства *Фурстанов* в *Белдоре*, славится своими висячими садами.

Хагия-Иов — базилика в *Белдоре*, где похоронен первый из рода *Фурстанов*.

Халдейн — верховное герцогство, охватывающее центральную область *Гвиннеда*, по обычаю, управляется непосредственно королем.

Хилари св. Базилика — древняя базилика внутри стен *Ремутского* замка, настоятелем которой является *Дункан*.

Хортанти — летний дворец *Хорта Орсальского*.

Ховис и Лланнед — юго-западные королевства, где правит король *Колман*.

Шаннис Меир — озерный край, где находится *Аббатство Св. Джайлса*, куда до рождения и после коронации *Келсона* удалялась *Джахана*.

Яка — небольшое государство на юге, в пустыне.

Яндрих — герцогство в *Торенте*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Невеста Дерини (*перевод Натальи Баулиной*) 7
Комментарии 664

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – «Книги по почте»**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Куртц Кэтрин
Невеста Дерини

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения не читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-014692-2